

Бакалавриат

История стран Европы и Америки в Новое время (1815-1914 гг.)

УЧЕБНИК

ИСТОРИЯ СТРАН ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ В НОВОЕ ВРЕМЯ 1815–1914

УЧЕБНИК

*Допущено Учебно-методическим советом
по классическому университетскому образованию
в качестве учебника для студентов
высших учебных заведений, обучающихся
по направлению подготовки 460301 «История»
(уровень бакалавриат)*

Москва
АРГАМАК-МЕДИА
2016

УДК 930.85(075.4)
ББК 63.3(0)5
И90

Главные редакторы:

В.С. Бондарчук, И.В. Григорьева

Редакционная коллегия:

Н.В. Кирсанова, А.С. Медяков (зам. гл. ред.), О.И. Посконина, Е.И. Федосова, И.Ю. Хрулева (зам. гл. ред.)

Рецензенты:

Г.Ф. Матвеев, д-р ист. наук, проф., заведующий кафедрой истории южных и западных славян исторического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова;

Е.О. Обичкина, д-р ист. наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО (У) МИД РФ;

З.С. Ненашева, канд. ист. наук, доцент кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова

И90 **История стран Европы и Америки в Новое время 1815–1914:** учебник / под ред. В.С. Бондарчука, И.В. Григорьевой. — М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2016. — 496 с.

ISBN 978-5-00024-055-7

В учебнике историческое развитие стран Западной Европы и Америки в XIX в. представлено как результат сложного взаимодействия многих факторов: демографии, экономики, социальных и государственно-политических процессов, индивидуального и массового сознания, общественной мысли, религии, науки и культуры.

Для студентов учреждений высшего профессионального образования изучающих всеобщую историю. Может быть полезен преподавателям, аспирантам, а также всем, кто интересуется вопросами истории.

УДК 930.85(075.4)
ББК 63.3(0)5

ISBN 978-5-00024-055-7

© АРГАМАК-МЕДИА, 2015, оформление

История стран Европы и Америки в Новое время 1815–1914

Подписано в печать 18.04.2016. Формат 60×90/16. Бумага офсетная
Гарнитура *Newton*. Усл. печ. л. 29,8. Уч.-изд. 31
Тираж 500 экз. Заказ № 1511

ООО «АРГАМАК-МЕДИА»
105043, г. Москва, Измайловский бульвар, д. 14/36, корпус 1
Тел./факс: (499) 163 27 18. E-mail: postroit@yandex.ru

Официальным дистрибьютором
Издательства «АРГАМАК-МЕДИА» является
ООО «Научно-издательский центр ИНФРА-М»
127282, Москва, Полярная ул., д. 31В, стр.1

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499)270-73-59

ВВЕДЕНИЕ

Настоящий учебник продолжает курс истории Нового времени и освещает ее следующий период, хронологически почти полностью совпадающий с XIX веком. Однако историческая хронология отличается от обычной, и в зависимости от выбранных критериев историки говорят, например, о XIX веке как о «долгом» (1789–1918) или «коротком» (1815–1898), либо смещают столетие на полтора десятка лет вперед (1815–1914).

Неизменным остается признание XIX в. как совершенно особого периода в истории человечества. Многие историки считают, что на это время приходятся ключевые процессы так называемой модернизации — перехода от традиционного аграрного общества к современной промышленной цивилизации. Речь идет о всеобъемлющей трансформации, затронувшей самые разные сферы жизни общества — экономику, социальные отношения, политику, культуру, быт, сами мироощущения людей.

Модернизация изменила темпы мирового исторического развития, придав им доселе небывалый динамизм. Благодаря успехам промышленной революции изменились скорость и качество экономического роста. Изменилась сама основа экономики, так как в этой роли сельское хозяйство всё более сменяется промышленностью. Пришло в движение общество, быстро теряя свой веками устоявшийся облик и побуждая отдельного человека к мобильности, отказу от привычных локальных и социальных связей, подчиняя его превращениям рынка труда. Происходил гигантский рост численности населения, оно выплёскивалось за привычные пределы обитания, устремлялось в города, другие страны и регионы, отправлялось за океан. Теряли вес одни группы населения — дворянство, крестьянство, ремесленники — и возникали другие, в первую очередь, промышленная буржуазия и наемные рабочие. К середине XIX в. в Англии и к началу XX в. в Германии и США городское население превзошло сельское. Духовная жизнь была отмечена сосуществованием и ускорившейся сменой различных идей и художественных концепций, а также возросшими темпами межкультурного взаимодействия. С иной скоростью стали преодолевать пространства. К началу XX в. закончилась эпоха пешеходов: даже не для дальних расстояний человек обычно пользовался доступным общественным транспортом.

Вместе с тем скорость, глубина и характер перемен в рамках второго периода Новой истории не оставались неизменными, довольно четко разграничиваясь на два этапа, рубеж между которыми приходится на 70-е — начало 80-х гг.

Первый этап начинает свой отсчет с Венского конгресса 1815 г., завершившего эпоху Французской революции и Наполеона как своеобразного переходного периода от Раннего нового времени к XIX в. и на ближайшие десятилетия определившего политическое лицо Европы. Важнейшим процессом в экономике стало распространение промышленной революции вне Англии — в ведущих странах континентальной Европы, а также в США. Политическую жизнь длительное время определяло противостояние поставленных на повестку дня Французской революцией 1789 г. демократических и конституционных идей с консервативно-монархическими устремлениями традиционных общественных и политических сил. В некоторых странах, прежде всего, в Англии, конфликтный потенциал этого противостояния удалось разрядить своевременными реформами в рамках существующей системы; в тех же государствах, где сопро-

тивление перемен приняло крайние формы так называемой Реставрации, он нашел выход в целой череде революций, потрясавших континентальную Европу вплоть до середины века. Однако после окончания революций 1848–1849 гг. начался четвертьвековой период устойчивого поступательного развития, в основе которого лежали становившиеся все более заметными успехи промышленной революции, благоприятная экономическая конъюнктура, постепенные реформы в политической сфере, выдающиеся достижения в образовании, науке и культуре. Все это укрепляло общественные настроения оптимизма и веры в прогресс, в целом характерные для большей части XIX в.

Важнейшей чертой следующего этапа второго периода Нового времени стало завершение промышленного переворота в ведущих странах Запада, что повлекло за собой существенные экономические и социальные последствия и в целом значительное ускорение процессов модернизации. Доминантой экономического развития становится не создание базы машинного производства, а его дальнейшее развитие, в рамках которого происходит так называемая «вторая промышленная революция». В связи с процессами концентрации и монополизации начинаются серьезные изменения в организации производства; принципы «свободной торговли» пересматриваются в пользу протекционизма. Ускорилось формирование социальных групп индустриального общества. Новой точкой отсчета в политике стали появление крупных национальных государств — Германии (1871) и Италии (1861/1870), возникновение Третьей республики во Франции (1870), дуалистическое преобразование монархии Габсбургов (1867), значительный прогресс в демократизации политической системы Великобритании (1867, 1884), окончание цикла буржуазных революций в Испании, завершение периода Гражданской войны (1861–1865) и Реконструкции (1877) в США. В международной политике эти годы характеризуются переходом к блоковой системе, а также резким ускорением темпов колониальных захватов и обострением соперничества ведущих колониальных держав мира. Модернизм открыл новый этап в развитии художественной культуры. Наконец, в общественном сознании оптимизм и вера в прогресс сочетаются с противоречивым комплексом настроений «fin de siècle» — «конца века» с его пессимизмом и призывом к переоценке традиционных ценностей.

Отличительной чертой всего XIX в. была значительно возросшая неравномерность развития как в глобальном, так и в региональном масштабе. В мировой перспективе вступление на путь модернизации стран Европы и США создало небывало глубокий разрыв между ними и традиционными обществами остальных регионов Земли, ставший основанием для отношений неравенства и эксплуатации. Неравномерность развития внутри самих стран Европы и Америки достигла своего пика к середине века, что выразилось в безусловном лидерстве Великобритании с ее промышленной мощью и самой современной социальной структурой. По мере осуществления промышленного переворота в других государствах их отставание от Англии стало сглаживаться, и к концу века определилась тройка экономически лидирующих стран в составе постепенно терявшей былые позиции Англии и стремительно набравших мощь США и Германии. Однако их лидерство не шло ни в какое сравнение с той пропастью, которая отделяла Англию от остального мира в первой половине века, и по ряду экономических показателей оказывалось вполне сравнимым с достижениями других промышленно развитых европейских стран — Франции, Нидерландов, Бельгии, Дании, Швеции и Швейцарии. С существенным отставанием по пути модернизации двигались Австро-Венгрия, Италия и Россия; еще большим было отставание Испании и Португалии, балканских стран, а также государств Латинской Америки.

Несмотря на подобные диспропорции, в целом к началу XX в. страны Европы и Америки переживали один из самых значительных подъемов в своей истории, так называемую «прекрасную эпоху». Рост экономики приводил к постепенному повышению уровня жизни населения, эффективные реформы и успехи демократизации обеспечили внутреннюю политическую стабильность, были достигнуты высочайшие культурные вершины. Крушение этого мира стало не следствием каких бы то ни было внутренних противоречий и деформаций развития, а результатом глобального международного конфликта, возникновение которого также не носило фатального характера. Катастрофа Первой мировой войны положила конец не только второму периоду, но и всей эпохе Нового времени, одновременно став точкой отсчета для следующих эпох.

Авторский коллектив:

М.П. Айзенштат (гл. 3, 16, 25);

Л.В. Байбакова (гл. 31);

В.С. Бондарчук (гл. 7, 15, 20)

И.В. Григорьева (гл. 29, 34);

Г.Н. Канинская (гл. 26);

Н.В. Кирсанова (гл. 8, 9, 21, 30);

А.С. Медяков (Введение, гл. 1, 5, 6, 13, 14, 18, 19, 24, 27, 28, 33, 35);

О.И. Посконина (гл. 10, 23, 32);

Е.И. Федосова (гл. 2, 4, 12, 17);

И.Ю. Хрулева (гл. 11, 22, Хронологическая таблица, библиография).

ЧАСТЬ I (1815 — НАЧ. 1870-х гг.)

Глава 1 ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В 1815–1914 гг.

Экономическое развитие до последней четверти XIX в. Важнейшими изменениями в развитии экономики являлись качественные сдвиги в ее структуре и темпах роста. В основе этих изменений лежала промышленная революция. Если в конце XVIII в. она представляла собой, в первую очередь, радикальный технический переворот с пока еще относительно скромным воздействием на экономику в целом и к тому же ограничивалась лишь Англией, то в XIX в. индустриализация охватила практически все страны Западного мира, постепенно превращая промышленность в ведущую отрасль экономики и тем самым еще больше укрепляя их позиции как лидеров мирового исторического развития.

Главным двигателем изменений в экономике стало развитие промышленного капитализма — экономической системы, основанной на использовании наемного труда, рыночных отношениях и свободе предпринимательства. Капиталистические отношения имели давнюю предысторию. Однако лишь промышленная революция дала капитализму ту техническую базу, на которой он смог раскрыть весь свой потенциал и показать невиданные в истории темпы экономического роста.

Речь идет и о новом качестве экономического роста. При Старом порядке такой рост был по преимуществу экстенсивным: валовые показатели росли вместе с численностью населения, в то время как подушное производство увеличивалось крайне медленно. Новый вариант роста являлся интенсивным, что выражалось в увеличении ВВП на душу населения. Ярче всего эту новую динамику показывает экономика Англии как первой страны промышленной революции: ВВП на душу населения, составлявший там в 1700 г. 1130 современных долларов США, к 1760 г. возрос лишь до 1365, но с началом промышленной революции стал расти заметно быстрее и к 1820 г. достиг уже 1707 долларов. Однако решающий скачок пришелся не на начальную стадию промышленной революции, а на следующие 50 лет — к 1870 г. ВВП на душу населения составлял уже 3191 доллар; к 1913 г. он достиг 4900 долларов.

Наряду с ускорением темпов и изменением качества экономического роста происходила трансформация самой экономической структуры: сельское хозяйство, так называемый «первичный» сектор, все более сдавало свои позиции «вторичному» — промышленному. Подобные изменения первой претерпела опять-таки экономика Англии — уже к 1851 г. доля занятых в сельском хозяйстве сократилась до 23%, в то время как число работников промышленного сектора возросло до 51%.

Вслед за Англией сходные процессы сдвигов между секторами и изменения динамики и качества экономического роста испытали другие страны, затронутые промышленной революцией. В Европе уже в 20-е гг. первыми за Англией

последовали Бельгия и Швейцария, в 30-е гг. Франция, затем германские государства. В США промышленная революция началась в 10-х гг. XIX в.

Промышленное развитие было неравномерным, причем сразу в трех отношениях. В международной перспективе выделялось безоговорочное лидерство Англии, «мастерской мира», которая даже в 1870 г. производила около трети мировой промышленной продукции. Страны Южной и Восточной Европы существенно отставали по промышленному развитию от государств западной и центральной частей континента. США от прочих стран Нового света и вообще отделяла пропасть.

Неравномерность промышленного развития, кроме того, носила региональный характер. В каждой стране сначала возникали своеобразные плацдармы промышленной революции, с которых она постепенно распространялась на другие регионы. Подобными регионами в Англии были, например, Ланкашир, Йоркшир и Мидланд, во Франции — север и восток страны, в германских государствах — долина Рейна и Саксония, в США — старые восточные штаты.

Неравномерным являлось и отраслевое развитие, поскольку технологические новшества первоначально затрагивали лишь немногие отрасли. Таким отраслям в ходе промышленной революции принадлежала весьма существенная роль. Подобно тому, как исходившие от регионов-лидеров своеобразные волны промышленной революции способствовали ее пространственному распространению, так лидирующие в промышленном развитии отрасли вели за собой все остальные. Этот процесс усилился со второй четверти XIX в. в связи с изменением в группе лидирующих отраслей. Если на начальной стадии в качестве ведущей отрасли выступала текстильная промышленность, то теперь на первые роли выходили угольная и металлургическая.

Главной причиной тому было начало железнодорожной эпохи. Вслед за Англией (1825) первые железнодорожные ветки строятся в США (1830), во Франции (1832), в Бельгии и германских государствах (1835). Железная дорога стала подлинным катализатором процесса индустриализации, поскольку смогла вовлечь в него гораздо больше отраслей, чем текстильная промышленность. Исходившие от нее импульсы явились мощнейшим толчком развития машиностроения, металлургии, горнодобывающей промышленности, строительной техники. Новые технические потребности стимулировали научную и инженерную мысль, породив очередную волну открытий и изобретений. Так, изобретение бессемеровского (1856) и мартеновского (1864) способов многократно упростили и удешевили производство стали.

Железные дороги не только решающим образом стимулировали промышленность, но и стали важнейшей составной частью «транспортной революции» — беспрецедентного ускорения и роста эффективности транспортных перевозок, что не замедлило сказаться на внутренней и международной торговле. Благодаря быстрому развитию паровозного и пароходного транспорта качественно возрос объем перевозок, усилилась специализация отдельных регионов, ускорилось складывание национальных и мирового рынков. Стремительное развитие с конца 30-х гг. электрического телеграфа ускорило обмен информацией, в том числе коммерческой, в глобальном масштабе. В начале 60-х гг. подводные кабели связали Европу с Новым светом, а к 1871 г. — с Индией, Китаем и Японией. Росту торговли способствовали также различные мероприятия правительства по унификации процессов обмена, ликвидации внутренних пошлин и сборов, международной кооперации. Все большее распространение получала идея свободной торговли — фритреда, подразумевавшая снижение или даже полную отмену таможенных пошлин. Вехами на пути к свободной торговле яв-

лялись создание германского Таможенного союза (1834) и отмена «хлебных законов» в Великобритании (1846), а его вершиной — англо-французский договор Кобдена — Шевалье 1860 г., к которому впоследствии присоединились и другие европейские государства.

Новые темпы и качество экономического роста не означали его непрерывности. Как и прежде, развитие экономики сталкивалось с задержками и кризисами, однако в течение XIX в. они полностью поменяли свое качество и масштаб. Прежде преобладали кризисы так называемого «старого типа», которые исходили из аграрного сектора и чаще всего порождались неблагоприятными природными условиями. Последний такой кризис пришелся на середину века. Новые кризисы рождала финансово-промышленная сфера, и они были связаны не с внешними обстоятельствами, а с внутренней логикой развития промышленного капитализма. Одной из наиболее бросающихся в глаза новых черт экономического развития стал его циклический характер, для объяснения которого уже современники искали самые разные причины, вплоть до периодического появления солнечных пятен. Конъюнктурные циклы разной продолжительности (циклы Жюгляра 3–4 г., циклы Китчина 7–11 л., «длинные волны» Кондратьева 40–60 л.), как правило, содержали в себе фазы оживления, подъема, кризиса и депрессии. Таким образом, в отличие от спонтанных кризисов «старого типа» кризисы промышленной эпохи характеризовались регулярным циклическим характером.

Став первой страной промышленной революции, Англия первой же столкнулась и с ее оборотной стороной — кризис 1825 г. может считаться точкой отсчета конъюнктурных экономических циклов XIX в. По мере успехов промышленного развития с подобными потрясениями начали сталкиваться и другие страны, например, США в 1837 г. Постепенное становление мирового капиталистического рынка вскоре добавило к новому качеству кризиса еще и иной его масштаб. Начавшись с банковского краха в США, кризис 1857 г. стал первым, приобретшим мировые масштабы.

Развитие сельского хозяйства обуславливалось сочетанием воздействия природно-климатических факторов, совершенствования сельскохозяйственной техники и изменений в организации труда.

На первую половину XIX в. пришелся завершающий этап «малого ледникового периода», эпохи длительного похолодания в Северном полушарии. Помимо долгосрочных климатических изменений на аграрный сектор воздействовали также и различные природные явления. Самым крупным из них стало извержение индонезийского вулкана Тамбора в 1815 г., вызвавшее изменения климата в глобальном масштабе. Резкое похолодание в 1816–1819 гг. и особенно катастрофический «год без лета», когда в июле–августе 1816 г. на значительных территориях США и Европы отмечались минусовые температуры и выпадал снег, породили чудовищный неурожай и массовый голод, самый значительный в XIX в. Неурожай и голод сравнимого масштаба имели место также в 1845–1847 гг., послужив важной причиной европейской революции 1848–1849 гг. Однако фактически с этого же времени начался период долгосрочного потепления климата, что благоприятствовало развитию сельского хозяйства.

Важнейшим изменением стало практически полное исчезновение в сельском хозяйстве подневольного труда. Отмена рабства в ходе Гражданской войны в США и ликвидация последних феодальных пережитков в деревне после революций 1848–1849 гг. привели к тому, что практически повсеместно, за исключением отдельных стран Латинской Америки, на земле работали свободные люди. Это открывало более широкие возможности развитию капиталистических отношений в деревне, однако в действительности аграрные структуры в странах

Европы и Америки отличались огромным многообразием самых разных вариантов. Наиболее широкие перспективы аграрный капитализм имел в США с их колоссальным фондом свободных земель, традициями фермерского хозяйства и демократичным решением земельной проблемы гомстед-актом 1862 г. Однако даже в США имели место значительные региональные различия, и фермерские хозяйства Севера сосуществовали с мелкими арендаторами на Юге. Еще более пестрым был аграрный мир Европы. Во Франции в целом преобладали мелкие крестьянские хозяйства, однако в северных частях страны развивались крупные аграрные предприятия на капиталистической основе. Значительными были также различия между аграрными структурами запада и востока Германии, севера и юга Италии.

Сельскохозяйственная техника совершенствовалась благодаря продолжавшейся «аграрной революции», в частности, распространению многопольного севооборота, с одной стороны, и воздействию промышленной революции — с другой. Свообразным символом начинавшейся механизации сельского хозяйства стала жатка на конной тяге американца С. Маккормика (1834), значительно упростившая уборку урожая на больших площадях. Однако вплоть до последних десятилетий XIX в. влияние промышленной революции на сельское хозяйство проявлялось не столько в появлении машин, сколько в улучшившемся благодаря фабричному производству качестве традиционных орудий труда.

Развитие экономики с 70-х гг. XIX в. по 1914 г. Определенным рубежом в экономическом развитии стал мировой кризис 1873 г. 5 млрд золотых франков, полученных Германией в качестве контрибуции от Франции после франко-германской войны 1870–1871 гг., дополнительно стимулировали немецкую экономику, и без того находившуюся в стадии высокой конъюнктуры. В Германии и Австрии началась эпоха «грюндерства» — массового создания новых акционерных обществ и банков, лихорадочной инвестиционной активности и спекуляций, конец которой положила «черная пятница» — крах Венской биржи 9 мая 1873 г. Начавшись в Центральной Европе, кризис распространился по всем развитым промышленным странам и привел к «великой», или «долгой» депрессии, периоду замедленного экономического роста, продлившемуся до середины 90-х гг.

В ряду последствий кризиса особенно выделялись три. Во-первых, он положил конец эпохе экономического либерализма. Стремясь защитить национальные экономики, США и крупные государства Западной Европы, за исключением Англии, переходят к политике протекционизма. Во-вторых, с рубежа 70–80-х гг. стремление к защитным рынкам в колониях приводит к резкому усилению колониальной активности. В-третьих, кризис и «великая депрессия» заставили предпринимателей искать дополнительной защиты своих позиций на рынке путем создания разного рода объединений — картелей, синдикатов и трестов. Общим во всех трех вариантах ответа экономики промышленной эпохи на ее самое сильное на тот момент потрясение стало ограничение свободы конкуренции: протекционизм и колонии ограничивали ее на внешнем рынке, а картели, тресты и синдикаты — на внутреннем.

Появлению крупных объединений, часто стремившихся к диктату цен и монопольному положению на рынке, способствовали также правовые новшества и особенно прогресс самого промышленного производства. К 70-м гг. были сняты многие ограничения с деятельности банков и акционерных обществ (в 1856 г. — в Англии, в 1867 г. — во Франции, в 1870 г. — в Пруссии), что открыло гораздо больший простор концентрации капиталов. Главное же заключалось в том, что к 80-м гг. в наиболее развитых странах заканчивается промышленный переворот и происходят изменения как в ведущих отраслях промышленности, так и в

самой организации производства, которые часто называют «второй промышленной революцией».

В качестве основной движущей силы промышленного развития текстиль, железо и отчасти пар уступают место химии, стали и электричеству. Широкое внедрение бессемеровского и мартеновского способов открыло эпоху массового производства дешевой стали, которая вытесняла железо из традиционных отраслей его использования (например, производство рельсов, кораблестроение), давая новые импульсы всей экономике и утверждая новые стандарты качества и долговечности. Например, в США производство стали с 1870 по 1900 г. выросло в 150 раз. Использование стали повлекло за собой внедрение новых металлорежущих станков, что обеспечивало иное качество точности, востребованное в самых разных отраслях, от электромеханических приборов до товаров массового долгосрочного потребления — велосипедов, фотоаппаратов, швейных и печатных машинок. Новое качество точности также способствовало стандартизации и тем самым началу эпохи массового поточного производства, вершиной и воплощением которой стал конвейер, введенный на заводах Г. Форда в Детройте в начале XX в.

Сталь превратилась в главный материал «второй промышленной революции», однако не менее важным ее достижением стало появление материалов и веществ, не существовавших в природе и созданных новой отраслью — химической промышленностью. Сфера применения ее достижений была чрезвычайно велика — удобрения для сельского хозяйства, искусственные ткани (вискоза) и красители для текстильной отрасли, пластмасса (целлулоид) для игрушек и фотопленки; в качестве новой отрасли о себе заявила фармацевтическая промышленность. Во многих случаях, как, например, в промышленном производстве алюминия, достижения химии соединялись с другим революционным новшеством — электричеством.

Несмотря на долгую предысторию, лишь с 80-х гг. XIX в. ряд удачных изобретений в области электротехники (электромоторы, генераторы, трансформаторы, высоковольтные провода) открыли эпоху электричества как нового источника энергии, находившего все больше применения на производстве, в транспорте, в быту. Подобной же новизной отличался и еще один источник энергии — нефть, коммерческая добыча которой началась с 1859 г. и которая, в свою очередь, вызвала к жизни новые типы двигателей — двигатель внутреннего сгорания (различные варианты с 60-х гг.) и дизель (1893). Таким образом, с технологической точки зрения «вторая промышленная революция» основывалась на новых материалах, новых источниках энергии, новых типах двигателя. С другой стороны, до Первой мировой потенциал этих новшеств не был востребован в полной мере, и, в частности, главным источником энергии оставался пар.

Одним из важных организационных новшеств стал изменившийся характер инноваций. Если прежде изобретения и технические усовершенствования часто носили случайный характер, то теперь они являлись результатом систематических исследований, к которым вела производственная необходимость. Наряду с университетами такими исследованиями занимались лаборатории, специально созданные крупными предприятиями. Одновременно возросла эффективность управления предприятиями благодаря «управленческой революции» — делению прав собственности на какое-либо предприятие и управление им. Особенно в современных отраслях промышленности, где руководство производством требовало специальных знаний, управление переходит в руки подготовленных специалистов.

Главные новшества — концентрация производства, появление крупных корпораций, тенденция к монополизации — также в первую очередь были связа-

ны с современными промышленными отраслями, поскольку, возникая часто буквально «на пустом месте», они не сталкивались с конкуренцией, и к тому же сам характер производства в них подразумевал наличие крупных предприятий. Поэтому наибольшее распространение такие корпорации получили в Германии и США, являвшихся лидерами в развитии новых отраслей промышленности. Так, в США в 90-е гг. «Стальной трест» Э. Карнеги контролировал свыше 60% выплавки стали, а «Стандарт Ойл» Дж. Рокфеллера — более 90% добычи нефти; в Германии ведущие позиции в электротехнической промышленности занимали «АЭГ» и «Сименс», в химической — «БАСФ», «АГФА» и «Байер». Наряду с подобными гигантами, часто приобретающими мультинациональный характер и осуществлявшими товарную экспансию в мировом масштабе, создавалось множество объединений национального и регионального масштаба, интегрированных горизонтально (однотипные предприятия в отрасли) либо вертикально (все звенья от сырья до сбыта). Так, если в 1875 г. в Германии было только 4 картеля, то в 1890 г. — 106, а в 1905 г. — 385.

Вместе с тем очевидная тенденция к монополизации и ограничению действия классических рыночных механизмов не была всеобщей, имея ограничения по странам, по отраслям и по времени: в гораздо меньшей степени, чем США и Германию, она затронула Францию, Англию и другие европейские государства; продолжали существовать не монополизированные отрасли промышленности; даже в отраслях с высокой степенью концентрации капитала сохранялись независимые предприятия, а корпорации конкурировали друг с другом; значительная часть картелей, особенно в Германии, являлась временными соглашениями; все более последовательно осуществлялась антимонопольная деятельность правительств, в результате которой в США, например, доля «Стандарт Ойл» к 1914 г. упала с 90 до 60% рынка нефти.

В сфере финансового обращения концентрации банковского капитала шла быстрее, а тенденция к монополизации была отчетливее. Например, в Англии на рубеже веков главенствующее положение занимали всего 5 банков, в Германии — 4, во Франции — 3. Новой чертой стала также взаимная интеграция промышленного и банковского капиталов, достигавшаяся за счет покупки акций и участия в правлениях промышленных корпораций и банков. Так, например, один только «Дойче банк» в 1913 г. был представлен в правлениях 186 компаний. Другим последствием концентрации банковского капитала являлось увеличение возможностей его вывоза за границу в форме либо займов, что особенно широко практиковала Франция, либо инвестиций в производство — здесь первенство сохраняла за собой Англия, на долю которой к 1914 г. приходилось около половины всех зарубежных инвестиций в мире.

В сельском хозяйстве влияние промышленной революции к концу века стало более ощутимым, хотя его проявления были не однозначными. С одной стороны, применение искусственных удобрений, парового плуга, первых тракторов и комбайнов увеличивали эффективность сельского хозяйства, а успехи «транспортной революции» вели к снижению транспортных расходов при доставке его продукции потребителям. С другой стороны, то же снижение транспортных расходов обезоружило европейских крестьян перед конкуренцией сначала дешевого заокеанского зерна, а с появлением промышленных холодильников — еще и мяса. Например, в 90-е гг. американское мясо во французском порте Гавр стоило в 2 раза дешевле, чем мясо, поставлявшееся окрестными крестьянами. Все это привело к тому, что с 70-х гг. европейское сельское хозяйство вступило в полосу затяжного кризиса.

Вместе с тем в целом наблюдалось неуклонное возрастание товарности сельского хозяйства в связи с беспрецедентным ростом спроса на его продукцию.

В свою очередь, рост спроса был связан с огромными переменами в демографической и социальной структурах западного общества.

Демографическое и социальное развитие. Основополагающим фактором жизни западных обществ в XIX в. являлся гигантский рост населения. В 1800 г. население Европы составляло 188 млн человек, в 1850 г. — уже 266 млн, к 1900 г. оно достигло численности в 401 млн, а к 1914 г. — 468 млн человек. Никогда прежде население Европы не росло такими темпами, не достигало подобных величин и настолько не сокращало своего отставания по сравнению с всегда более населенной Азией. В 1800 г. население Европы (без России) и Азии составляло, соответственно, 15,1 и 66,2% населения Земли, в 1900 г. — 18 и 55,3%. Постепенный рост населения, отмечавшийся в отдельных странах еще с середины XVIII в., в XIX в. превратился в демографическую революцию.

Ее причины были связаны не с биологическим воспроизводством, а с воздействием на общество процессов модернизации. Промышленная революция увеличила имевшиеся у общества материальные ресурсы и жизненные шансы людей, социальные сдвиги разрушили сословные и правовые препятствия браку, изменения в сознании заставили иначе относиться к детям. Имели значение и политические перемены, в том числе новшества на международной арене, сделавшие XIX в. самым мирным столетием: в пропорциональном исчислении его войны потребовали в 7 раз меньше жертв, чем войны предыдущего века. Особую роль сыграла медицина — и с точки зрения ее успехов, и с точки зрения ее большей доступности, — а также распространение знаний о личной гигиене и внедрение новых санитарных норм, толчком к которым послужили периодические эпидемии холеры — главного инфекционного бедствия XIX в. Открытие передачи холерной инфекции через воду, а также «великое зловоение» 1858 г., ставшее следствием неконтролируемого сброса в Темзу сточных вод, послужили толчком к строительству масштабной системы канализации и водоснабжения в Лондоне, которая послужила образцом и для других городов и стран. В целом к концу XIX в. типичной становится смерть не от острых инфекционных болезней, как прежде, а от длительных системных заболеваний; особенное значение имело резкое падение детской смертности. Наконец, увеличению численности населения способствовало и значительное улучшение ситуации с питанием, что было следствием не только постепенного роста доходов населения, но и «транспортной революции» и складывания мирового аграрного рынка. Благодаря возможности быстрых поставок продовольствия из других регионов отныне неурожай не означал катастрофы; ушел в прошлое массовый голод, уменьшилось постоянное недоедание, белковое голодание.

Непосредственно в основе резкого увеличения численности населения лежал так называемый «демографический переход», т.е. переход от старой демографической модели, характеризующейся высокой рождаемостью и высокой смертностью, к современной, для которой типична низкая рождаемость и смертность. Однако поведенческие нормы не сразу отреагировали на эти изменения: увеличение материальных возможностей вело не к повышению жизненного стандарта семьи, как в наши дни, а, как и прежде, к умножению потомства.

Социальные последствия демографической революции были чрезвычайно велики. Огромный рост населения уже сам по себе взрывал прежние социальные и производственные рамки и в невиданных масштабах увеличил как социальную, так и пространственную мобильность людей. Усилению разного рода миграций способствовали также «транспортная революция» и процессы демократизации, давшие людям свободу решений.

В первые десятилетия XIX в. все эти изменения носили чрезвычайно болезненный характер. Главной социальной проблемой этого времени являлся па-

уперизм — массовая катастрофическая бедность. «Лишние люди» из деревень устремлялись в города, экономика и инфраструктура которых не были готовы к подобному наплыву. Однако вскоре все эти «людские излишки» оказались востребованными на заводах и фабриках, и таким образом демографическая революция стала важным условием революции промышленной.

Двумя взаимосвязанными процессами были массовый отток населения из деревни и урбанизация, т.е. рост городов и городского населения. В связи с возрастанием эффективности сельского хозяйства оно уже не нуждалось в прежнем количестве рабочих рук, в то время как промышленная революция предлагала новые жизненные шансы в городе. Стремительно росли уже существующие города, зримым свидетельством чему стало повсеместное срытие крепостных стен. Если в 1800 г. в Европе было лишь 22 города с численностью свыше 100 тыс. человек, то к 1848 г. — 47, а к 1913 г. — 184. Появлялись и быстро росли новые города, особенно в США. Так, Чикаго, насчитывавший при своем основании в 1833 г. лишь несколько сотен поселенцев, к 1850 г. достиг цифры в 30 тыс., а в 1890 г. — 1 млн 100 тыс. жителей. Вместе с тем различия по странам были весьма велики: если к 1910 г. городское население в Англии достигло 75%, то в Португалии — лишь 16%.

В поисках новых жизненных шансов люди уходили не только в города, но и устремлялись за океан: ежегодная иммиграция в США выросла от 14 тыс. в 1820-е до 260 тыс. в 1850-е гг. не в последнюю очередь за счет успехов «транспортной революции». В целом происходила своеобразная «европеизация» мира. Между 1815 и 1914 гг. Европу покинуло около 82 млн человек, распространяя, а часто и навязывая свои ценности и культуру жителям различных регионов Земли. Миграции внутри Европы были гораздо менее масштабны и чаще всего выражались в переселениях из экономически неразвитых окраин юга и востока, например, поляков в район Рура, итальянцев в южную Францию.

Под воздействием промышленной революции и политических перемен менялась социальная структура западных обществ. Существенно возросла социальная дифференциация из-за растущего разделения труда и все более дробной специализации. В соответствии со снижением значения сельского хозяйства как сектора экономики происходило сокращение удельного веса и социальной значимости ведущих сил традиционного общества — дворянства и крестьянства. В Европе после революций 1848 г. дворянство все меньше задает тон в политике и диктует социальные нормы; за исключением южных и восточных окраин практически исчезают крестьянские движения как некогда преобладавшая форма социального протеста. Новым лидером общественного развития становится буржуазия — чрезвычайно многоликое социальное явление. Она включала в себя всевозможные имущественные градации — от полунизищего старьевщика до владельцев многомиллионных состояний. Она различалась также функционально: торговая и промышленная буржуазия, представлявшая собой главный фермент общественного развития; «буржуазия образования», получавшая доход от своего «культурного капитала» — адвокаты, врачи, профессоры; порожденное модернизацией «новое третье сословие» — менеджеры, инженеры, страховые агенты и т.п. Все эти группы оправдывали определение, данное буржуазии французским социалистом Ж. Жоресом — «класс, который работает». Однако наряду с ними существовали праздные рантье, жившие на проценты со своего банковского капитала. В конечном счете определяющим фактором было сознание своей принадлежности к буржуазии, следование специфическим нормам поведения, а также четкое отграничение от других социальных групп, особенно от наемных рабочих. По отношению к дворянству подобного отграничения не существовало, тем более что во многих странах дворяне ак-

тивно занимались предпринимательством, а выходцы из буржуазии стремились к дворянским титулам и бракам с представителями дворянства. Итогом подобного симбиоза становилось складывание нового высшего слоя, отмечавшееся практически во всех странах, за исключением тех, где дворянство отсутствовало либо имело слабые позиции — США, Нидерландов, Швейцарии и др.

Принципиально важной чертой новой общественной структуры стало отсутствие правовой фиксации социального статуса, характерной для сословного общества. Отныне социальный статус определялся не рождением в определенном сословии, а профессией, образованием, уровнем доходов, личными устремлениями. Социальная мобильность по горизонтали, в сходные по имущественному статусу общественные группы, и, с большими оговорками, по вертикали, существенно возросла. Одновременно вследствие модернизации и продолжавшегося разделения труда само общество стало гораздо более сложным, дифференцированным, состоящим из все большего количества социальных групп. Именно эти качества — возросшая социальная мобильность, с одной стороны, и наличие множества градаций, промежуточных ступеней внутри и между различными социальными группами — с другой, препятствовали поляризации и во многом предопределили относительную устойчивость и стабильность общественного развития с последних десятилетий XIX в. Функцию своеобразного амортизатора выполняли средние слои — наиболее пестрая часть общественного спектра, включавшая в себя как собственников, так и служащих разного имущественного положения и простиравшаяся вплоть до наиболее обеспеченной верхушки наемных рабочих.

Становление новой структуры общества протекало сложно и носило болезненный характер, что, в частности, отразилось в появлении понятия «социальный вопрос» — одного из самых распространенных терминов XIX в., выражавшего негативные социальные последствия становления индустриального общества и имевшего разное наполнение. Так, в первые десятилетия века «социальный вопрос» включал в себя проблему пауперизма, разрушения традиционного ремесла, крестьянского «бегства от земли». С середины века он стал обозначать почти исключительно рабочий вопрос.

Появление и быстрый рост численности наемных промышленных работников являлись одним из самых важных социальных последствий модернизации. Их количество росло как абсолютно, так и в отношении к другим группам населения, хотя ни в одной стране до 1914 г. они так и не составили его большинства. Вплоть до последних десятилетий XIX в. положение рабочих было крайне тяжелым из-за продолжительного рабочего дня, массового травматизма и смертности на производстве, низкой заработной платы, скудных жилищных условий. Недостаточное питание и профессиональные заболевания сказывались на физическом развитии рабочих: в 70-е гг. средний рост французского рабочего был на 10–15 см ниже, чем у рантье; около трети армейских новобранцев из рабочего Манчестера в начале XX в. оказывались непригодными к службе. Рабочие страдали и от безработицы — нового феномена, отличавшегося от временной незанятости в доиндустриальном обществе и связанного с массовым распространением наемного труда; само понятие «безработица» в смысле социального явления входит в европейские языки лишь с 80-х гг. В отличие от сегодняшнего дня безработица не имела структурного характера, зависела от колебаний конъюнктуры и была, как правило, краткосрочной. На своих высших точках она достигала 7% в Германии (1901), 8% — в Англии (1908), 10% — во Франции (1904). Неудовлетворенность своим положением рабочие выражали в новой форме социального протеста — забастовке как способе организованного представления своих интересов.

В конце XIX — начале XX в. положение рабочих существенно улучшилось — росла реальная заработная плата, во многих странах появилось социальное страхование, рабочий день сократился в среднем до 10, а местами и в отдельных отраслях до 8 ч. Вместе с тем, являясь новой общественной группой объективно, рабочие к тому же ощущали себя чужими буржуазному обществу и были настроены по отношению к нему враждебно. При этом враждебность к существующему порядку вещей претерпевала важные изменения: если раньше она часто носила персонифицированный характер (как выразился один французский рабочий, «я ценю своего хозяина, но с удовольствием увидел бы его повешенным»), то с последних десятилетий века отрицалась вся существующая общественная система. Свою роль в этом сыграли процессы концентрации производства и «управленческая революция» — отныне рабочий не имел дела с хозяином, а еще чаще хозяином становилось безликое акционерное общество; представление о том, что их подлинным противником являются не отдельные хозяева, а вся существующая общественная и политическая система, до рабочих доносили социалистические партии и анархисты. С другой стороны, ситуация смягчалась тем, что как социальная группа рабочие не представляли собой единого целого, демонстрируя множество национальных, региональных, профессиональных и иных различий, что уменьшало конфликтный потенциал их протеста. В этом же направлении сказывалась деятельность профсоюзного движения, заявившего о себе как о мощной силе в борьбе за права рабочих, особенно в Англии и США. Наиболее важным было наличие в ряде стран слоя квалифицированных и высокооплачиваемых рабочих, служившего своеобразной переходной ступенью к средним слоям. В целом интеграция рабочих в буржуазное общество оставалась самой сложной социальной проблемой вплоть до Первой мировой войны.

Общественно-политическая мысль. Глубокие социальные перемены и демократизация приводили к участию в общественно-политической жизни все большего количества людей, а также к их более четкому разделению на различные течения и группы интересов. Важную роль в этом процессе сыграли политические идеологии. Черпая многие идеи из предыдущих эпох, идеологии как новый политический и мировоззренческий феномен не только представляли собой их обобщение и превращение в определенную систему, но и выделялись рядом других качеств. В отличие от общественных теорий XVIII в., они основывались не столько на общих философских подходах, сколько на важнейшем историческом опыте Французской революции 1789 г., продемонстрировавшей новое качество связи между идеями и политической практикой. Идеологии выполняли мировоззренческие функции, объясняя глубокие перемены вокруг, но вместе с тем, в отличие от мира идей до 1789 г., они имели ярко выраженный практический характер, прямо мотивируя политическое действие. Структурно каждой из идеологий были присущи представления, с одной стороны, о действительном, с другой — о желаемом облике общества, а также предположения конкретных мер, призванных преодолеть разрыв между первым и вторым. Каждая из идеологий не только отражала взгляды определенных общественных групп, но и призывала их к политическому самовыражению. По мере того, как с успехами демократизации и расширения избирательного права политика все более превращалась в борьбу за поддержку граждан, это приводило к политической самоорганизации и, в конечном итоге, к созданию партий.

В общественно-политическом развитии XIX в. особое место принадлежит так называемым «великим» идеологиям — либерализму, консерватизму и социализму.

Мировоззренческой основой либерализма служил унаследованный от Просвещения оптимистический образ человека как разумного, самостоятельно-

го и ответственного существа. Именно такое представление о человеке позволяло сделать его абсолютной точкой отсчета во всех сферах жизни общества и превращало индивидуализм в ведущую черту либеральной идеологии. В политике это выражалось в требовании личной свободы, под которой в первую очередь понималось отсутствие внешнего принуждения. Поэтому исторически главным противником либералов выступало абсолютистское государство, защитой от вмешательства которого должна была служить конституция, призванная, с одной стороны, обеспечить личные гражданские свободы (свободу слова, совести и др.), и, с другой — поставить государство под контроль путем создания эффективного парламента и осуществления принципа разделения властей. Той же свободы личности либералы требовали в экономике, выдвигая лозунг «laissez-faire», подразумевавший беспрепятственную конкуренцию участников рынка и свободную торговлю. От государства требовалось ограничиться лишь функциями «ночного сторожа» — созданием самых общих условий безопасности и защитой собственности. Теоретические основы подобных взглядов заложили представители классической школы политэкономии А. Смит (1723—1790) и Д. Рикардо (1772—1823), а наиболее ярким практиком воплощением стала деятельность либералов «манчестерской школы» в Англии 30—40-х гг. во главе с Р. Кобденом и Дж. Брайтом. Наконец, в общественной сфере либеральный индивидуализм выражался в требованиях равенства перед законом, а также ликвидации привилегий дворянства и церкви. В целом либералы требовали полной свободы человеческой личности во всех сферах, руководствуясь максимой, провозглашенной ведущим теоретиком европейского либерализма Дж. С. Миллем (1806—1873) в его знаменитом эссе «О свободе»: «единственное оправдание вмешательства в свободу действия любого человека — предотвращение вреда, который может быть нанесен другим». Вместе с тем, в первой половине века либералы выступали за ограничение доступа к политическим правам малоимущих посредством установления имущественного и образовательного цензов, поскольку, как выразился другой видный теоретик либеральной мысли Б. Констан (1767—1830), «одна лишь собственность обеспечивает досуг; только собственность делает человека способным к пользованию политическими правами». Однако уже его младший современник А. Токвиль (1805—1859) считал бесполезными подобные меры в эпоху торжествующей демократии и главной проблемой современности полагал диалектику свободы и равенства.

Либерализм был чрезвычайно многоликим явлением. Занимая центр политического спектра, он, как правило, имел множество градаций, распространявшихся влево до социалистов и вправо — до консерваторов и клерикалов. Выражая по преимуществу интересы буржуазных слоев, он находил поддержку также и в дворянстве, которое в ряде стран (например, в Испании и Венгрии) даже становилось главным выразителем либеральных взглядов. Будучи общеевропейским явлением, либерализм имел существенные различия по странам, проявляя особое внимание к экономическим и социальным вопросам в Англии, ведя полемику одновременно против Реставрации и «тирании большинства» во Франции, демонстрируя интерес к национальной проблеме в Германии. В Испании в начале XIX в. либерализм выступил в качестве революционной идеологии.

Либерализм менялся и со временем. Столкнувшись с новыми реалиями в лице демократизации и «социального вопроса», «классический» либерализм первой половины века начал претерпевать важные изменения. Ответом на расширение избирательного права стало обретение им более четких организационных форм, превращение из общественных течений в партии с более или менее четкой структурой и общенациональными программами. Однако пытаея

ответить на вызовы «социального вопроса», либералы столкнулись с трудностями двоякого рода: с одной стороны, с конкуренцией социалистических и отчасти консервативных партий, с другой — с отсутствием соответствующих положений в собственной программе, поскольку классическая либеральная доктрина исходила из «самопомощи», предоставляющей судьбу каждого человека его собственной ответственности и инициативе. В результате к концу XIX в. либерализм оказался в глубоком идейном кризисе, а либеральные партии теряли позиции в борьбе за власть.

В начале XX в. о себе заявил «новый либерализм», который в полную противоположность классическим либеральным установкам заявлял о необходимости государственного вмешательства в экономику и социальные отношения, о социальной ответственности государства. С подобных позиций выступали французские радикалы и американские прогрессисты; одним из самых ярких проявлений такого подхода стала политика либеральных кабинетов в Англии в 1906—1911 гг. Однако для многих сторонников традиционного либерализма подобный поворот оказался слишком резким, в то время как для рабочих более близкими продолжали оставаться партии социалистической направленности; к тому же к началу XX в. конституционализм и политические свободы давно потеряли характер сугубо либеральных ценностей и были восприняты другими партиями и политическими течениями. Все это приводило к тому, что вплоть до Первой мировой войны во многих странах либеральные партии продолжали терять позиции.

Другой крупнейшей идеологией, возникшей на рубеже XVIII—XIX вв., являлся консерватизм. Как и либерализм, консерватизм также во многом опирался на уже существовавшие идеи, однако его появлению не предшествовала интенсивная духовная подготовка, подобная Просвещению, поскольку консервативный политический порядок существовал как данность и не побуждал к активной теоретической деятельности в свою защиту. К тому же консерваторы испытывали предубеждение к искусственным «теориям», противопоставляя им «естественный» порядок вещей. Поворотным пунктом стали революция 1789 г., изменившая этот порядок, и затем развитие либерализма. Становление консервативной идеологии проходило как ответ на эти вызовы.

В отличие от либералов, консерваторы исходили из гораздо более пессимистичного образа человека, подчеркивая его несовершенства и пороки. Соответственно, иным было и отношение к идее его свободы: человек слишком слаб, чтобы воспользоваться ею должным образом. Идее свободы противопоставлялась идея порядка, рассматривавшегося как естественное, органически выросшее, Богом данное положение вещей. Попытки человека вмешаться в этот порядок самонадеяны и чреватые пагубными последствиями. Сомневались консерваторы и в либеральной идее прогресса, непредсказуемые результаты которого могут заменить известное зло неизвестным и потому худшим. Прогрессу противопоставлялась традиция — опыт многих поколений, укорененный в обычаях и сознании людей, соответствующий национальным особенностям каждой страны. Хранителем традиции и порядка в консервативной идеологии выступал авторитет, воплощавшийся монархом и противопоставлявшийся парламентаризму с его принципом большинства — подверженному влияниям, нестабильного, даже продажного.

Принципиально отличиями от либеральных были также взгляды консерваторов на взаимоотношения личности и общества. Либеральный индивидуализм они называли «атомизмом», распадом общества на атомы. Превозносимый либералами принцип конкуренции во всех сферах жизни общества также подвергался критике: в погоне за личным успехом и личной прибылью люди за-

бывают мораль, сильный торжествует над слабым. Исходя из этого, английский историк-консерватор Т. Карлейль (1795–1881) называл либерализм «свинской философией». В отличие от либералов, консерваторы не только ставили обществу выше индивида, но и заявляли о естественности общественного неравенства и привилегий, однако неравенство в их глазах означало не только превосходство, но и помощь, покровительство. Они идеализировали патриархальное устройство общества, противопоставляя его социальным бедствиям современности. Наконец, в противоположность либералам, консерваторы выступали за сохранение традиционных позиций церкви как хранительницы морали и общественных устоев.

Подобно либерализму, консерватизм имел множество форм, простиравшихся по шкале от открытой реакции до «реформаторского консерватизма». Ключевую роль в его становлении сыграл Э. Берк (1729–1797), главный труд которого «Размышление о революции во Франции» стимулировал консервативную мысль по всей Европе. Консерватизм самого Берка не имел крайних форм, он не отрицал возможности постепенных общественных изменений, но лишь под лозунгом «реформировать, сохраняя». Умеренный характер носил и английский консерватизм в целом, чему способствовало как отсутствие революционных потрясений, так и глубокие традиции парламентаризма с его неизбежными компромиссами. Испытав на себе непосредственное влияние революции, французский консерватизм имел более радикальные формы, выступая за неограниченную власть монарха и главенствующую роль церкви. Особенно это касалось так называемого традиционализма, наиболее видным представителем которого был Ж. де Местр (1753–1821), считавший конституции лишь «клочком бумаги» и предлагавший свое видение государства как единого организма, сердцем которого является монарх. Духовной основой общества он полагал католическую церковь и одним из первых предложил принять догмат о непогрешимости папы римского. Взгляд на государство как на органическое единство сословий был характерен и для А. Мюллера (1779–1829) — наиболее видного представителя немецкого консерватизма. Он критиковал английский политэкономов за чрезмерное подчеркивание важности частного интереса и конкуренции, противопоставляя этому этические соображения, а также свое видение экономики как единого национального организма.

Как и либерализм, консерватизм менялся со временем, отвечая вызовам демократизации и «социального вопроса». Расширение избирательного права заставило его во второй половине века также приобрести более четкие организационные формы, создавать партии и разного рода объединения, борясь за голоса избирателей. Однако в отличие от либералов, консервативные партии не столкнулись с существенным сокращением числа своих сторонников и даже наоборот — часто укрепляли свои социальные опоры. Если в первые десятилетия XIX в. главными выразителями консервативных взглядов являлись группы, прямо связанные со Старым порядком — дворянство, бюрократический аппарат и клир, то социальные последствия модернизации в дальнейшем существенно увеличили количество тех, кто хотел сохранить свое настоящее положение или надеялся вернуть «старые добрые времена». Подобные настроения разделялись крестьянами и ремесленниками, частью буржуазии; апелляция к христианским ценностям оказалась близкой для многих групп населения, недовольных продолжавшейся секуляризацией, в том числе для рабочих.

Если либерализм и консерватизм отреагировали на «социальный вопрос» с существенным запозданием, то социализм был обязан ему самим своим появлением. Он возник как реакция на тяжелые социальные последствия модернизации — распад прежних социальных связей, массовую бедность, кризис тра-

диционного ремесла, тяжелое положение фабричных рабочих — и выступил с программой равенства, солидарности и социальной справедливости. Если либерализм и консерватизм апеллировали чаще к реальным процессам, происходившим в прошлом и настоящем, то социализм был ориентирован, скорее, на будущее, в гораздо большей степени, чем другие идеологии, представляя собой альтернативный проект общественного развития. Своим противопоставлением вымышленного общества существующему социализм продолжал традицию европейских утопий, вместе с тем существенно от них отличаясь: восприняв присущую духу своего времени веру в машину, науку и прогресс, социалистические теории XIX в. переносили «золотой век» человечества из прошлого в будущее, не просто провозглашая, а стремясь аргументировать неизбежность его наступления ссылаками на успехи науки и промышленности. Адресованность будущему оставляла простор для воображения и видения самых разных его вариантов, что предопределило большее, чем в других идеологиях, многообразие социалистических теорий. Особенно это касалось периода «раннего» социализма с начала века до революции 1848 г. Общим для всех теорий была критическая направленность по отношению к существующему обществу; обязательными условиями нового общества виделись отсутствие эксплуатации, солидарность и справедливое распределение общественных ресурсов.

Во Франции ранний социализм получил наибольшее развитие в связи с наличием уравнилельской идейной традиции, восходящей к революции 1789 г., и преобладанием ремесла и мелкого промышленного производства, оказавшихся питательной средой для подобных идей.

Яркими представителями социалистической мысли первой половины XIX в. были Ш. Фурье (1772–1837) и К.-А. Сен-Симон (1760–1825) (см. С. 53, 54). Их мысли о праве каждого человека на труд, ставшие особенно актуальными с середины века в связи с увеличением численности наемных рабочих, получили дальнейшее развитие в сочинениях и практической деятельности Л. Блана (1811–1882), выдвинувшего идею «организации труда». Она подразумевала создание «общественных мастерских» — производственных кооперативов, которые должны были бы со временем вытеснить частнокапиталистическое производство, а также контроль за рынком со стороны государства.

Если Сен-Симон и Блан большую роль в социалистических преобразованиях отводили государству, то П.-Ж. Прудон (1809–1865) отрицал государственное насилие в любой форме, считая политические и экономические преобразования двуединой задачей: «То, что называют в политике властью, аналогично и равноценно тому, что в политической экономике называют собственностью; эти две идеи равны друг другу и тождественны; нападать на одну — значит нападать на другую». Экономике будущего он предполагал перестроить на основах «мютелизма» — взаимовыгодного безденежного обмена, в который вступали бы мелкие производители, объединенные в различные кооперативы и ассоциации. В политике на смену централизованной власти должна была прийти федерация подобных ассоциаций, основанных на началах самоуправления. Прудон был против идей уравнилельского коммунизма, предлагавшегося такими социальными мыслителями, как Э. Кабэ и Т. Дезами, считая, что они ведут к деспотизму. Идеи Прудона оказали значительное влияние на развитие социалистической мысли, а также заложили основы анархизма.

Наиболее крупным представителем раннего социализма вне Франции являлся англичанин Р. Оуэн (1771–1858), представлявший общество будущего в виде федерации так называемых «поселков общности» — производственно-потребительских ассоциаций, основанных на общественной собственности. Он попытался осуществить идею на практике, организовав в США поселение «Но-

вая гармония». Однако эта попытка, как и аналогичные проекты других представителей ранней социалистической мысли («Икарія» Кабэ, колония Брук-Фарм фурьеристов), закончилась неудачей.

Общим во взглядах большинства представителей раннего социализма был отказ от насилия, стремление к преобразованию общества постепенным, эволюционным путем. Иной подход был заявлен на втором этапе развития социалистической идеологии, связанном с именами К. Маркса (1818—1883) и Ф. Энгельса (1820—1895). Отмежевываясь от предшественников, свой вариант социализма они назвали «научным», в отличие от прежнего — «утопического». Они критиковали ранних социалистов за то, что их представления об обществе будущего носили характер фантазии, противопоставляя им свой «научный» анализ закономерностей общественного развития, на их взгляд, неизбежно приводящих к социализму. Восприняв многие идеи немецкой классической философии, английской политэкономии, позитивизма и раннего социализма, Маркс и Энгельс создали собственную теорию. Они рассматривали историю как диалектический процесс, в основе которого лежат развитие производительных сил и классовая борьба. Борьба классов в каждую из исторических эпох разрешается победой более прогрессивного и переходом в следующую эпоху, который чаще всего происходит путем революций, выступающих в роли «локомотивов истории». Открыв в качестве прогрессивного класса капиталистическую эпоху, буржуазия способствовала невиданному расцвету материального производства на основе промышленности, однако эксплуатация рабочих и их отчуждение от средств производства и результатов собственного труда превратили их в «могильщика» буржуазии, исчерпавшей свое историческое предназначение. Следствием должна стать пролетарская революция и установление диктатуры пролетариата, которая устранив частную собственность на средства производства и обеспечит переход к вершине исторического развития — бесклассовому коммунистическому обществу.

В «Манифесте коммунистической партии» 1848 г. подобные взгляды заявлялись в качестве «всемирно-исторического», магистрального пути человечества, хотя современные исследователи отмечают, что поздние работы Маркса отражали более дифференцированный подход и допускали многолинейность исторического развития. Однако именно «классический» марксизм приобрел огромное влияние, вытесняя иные социалистические теории и став основой для деятельности организованного рабочего движения — в отличие от ранних социалистов, адресовавших свои концепции всем «обездоленным», марксизм подчеркнуто заявлял о себе как об идеологии рабочего класса.

Вместе с тем в самом конце XIX в. марксизм как революционное учение был подвергнут «ревизии», пересмотру. Немецкий теоретик социализма Э. Бернштейн (1850—1932), друг Энгельса, отметил, что вместо ожидавшегося Марксом постоянного обнищания рабочего класса его благосостояние постепенно растет, общество не поляризуется, а приобретает все более дробный характер, социалистические партии попадают в парламент и могут вести борьбу за права рабочих демократическим мирным путем. Исходя из этого, он заявил, что «то, что обычно называют конечной целью социализма, для меня ничто, движение — все», подчеркивая, что имеет в виду не отказ от принципов, а перенос акцента с революции на постепенные реформы. Борьба между революционным и реформистским течениями в социализме продолжалась вплоть до Первой мировой войны.

Наряду с классическими идеологиями, одним из самых мощных идеологических и политических феноменов своего времени стал национализм, ставивший собственную нацию на вершину политических ценностей и также выпол-

нявший мировоззренческие функции. Если в Раннее новое время национальная идея оставалась по преимуществу феноменом образованной элиты, то начиная с революции 1789 г. с ней происходили две важные перемены — она постепенно соединялась с политикой и с массами. В обоих случаях речь идет не о мгновенной трансформации, а о длительном процессе, в основе которого вновь лежали демократизация и социальные перемены.

Заявленное в годы французской революции представление о нации как о политически самоопределившемся народе получало в ходе демократизации повсеместное распространение; в то же время кризис традиционных способов легитимации политической власти, например, с помощью ссылки на божественное происхождение, постепенно заставил монархов именно в нации увидеть новый ее источник. Так, итальянский королевский титул в 1861 г. соединял в себе обе легитимации: «король Италии милостью Божьей и волей народа». Своеобразная «национализация» Европы, шедшая особенно ускоренными темпами со второй половины века, в разных ее регионах имела различное воздействие. На западе происходило укрепление уже существовавших национальных государств при одновременном росте сепаратизма малых народов, в частности, ирландского в Великобритании; в Центральной Европе национализм воздействовал интегрирующим образом, способствуя созданию национальных государств в Германии и Италии; в Восточной Европе, регионе крупных многонациональных империй, его влияние было дезинтегрирующим, что особенно заметно на примере Австро-Венгрии.

В распространении национальной идеологии огромную роль сыграли глубокие социальные перемены. Имея вековую предысторию в облике бытовавших в интеллектуальной среде представлений о собственности нации, национальная идея в XIX в. была востребована в качестве массовой идеологии именно в связи с разложением традиционного общества. Отдельный человек оказывался вырванным из привычной социальной и локальной среды, все больше предоставлял себе как индивид. В дополнение к этому секуляризация лишала его привычной духовной опоры, а демократизация ставила под вопрос традиционные политические авторитеты. Восполнить образовавшийся социальный и духовный вакуум отчасти пытались классические политические идеологии, однако они трактовали лишь отдельные аспекты политической и социальной реальности и адресовались лишь отдельным группам, а не обществу в целом. К тому же они не давали ответа на коренные мировоззренческие вопросы об идентичности человека, о его предназначении. Сила же национализма заключалась именно в том, что он выступил в роли интегрирующей идеологии, адресованной всему обществу и дававшей каждому человеку ощущение новой связи — национальной, которую уже не могли затронуть никакие социальные потрясения и которая объявлялась естественной и вечной.

Каждый национализм создавал позитивный образ собственной нации, показывая ее истоки в славном прошлом и обещая не менее славное будущее; этот образ обретал вещественность в различных национальных памятниках, культах, праздниках, символических национальных фигурах — все это бурно развивалось именно в XIX в. Чувство принадлежности к нации давало отдельному человеку ощущение собственных корней, наполняло его жизнь более высоким смыслом, принадлежность к великой нации могла служить компенсацией за личные неудачи. Однако наряду с позитивной, существовал также механизм негативной интеграции, основанный на отграничении вовне, делении на своих и чужих. Чужая нация служила своеобразным зеркалом собственной национальной идентичности; именно противопоставление делало более отчетливыми собственные национальные черты, и нация полнее ощущалась как целое.

Такие противопоставления в разных исторических обстоятельствах имели разную степень интенсивности, вплоть до откровенной вражды, и укрепляли эмоциональную связь человека с нацией.

Национальная идеология в разных странах отличалась большим многообразием форм и менялась со временем как содержательно, так и с точки зрения ее социальной базы. К последним десятилетиям века ее влияние охватило не только образованную публику, но распространилось вплоть до рабочих. В первой половине века национальная идея часто шла рука об руку с либерализмом, поскольку содержащиеся в ней эгалитарные черты, отрицание границ внутри собственной нации были созвучны борьбе либералов против сословных привилегий. Расширение национализма на традиционно консервативные слои и принятие его государством в качестве новой легитимации политической власти привели во многом к иному использованию присущих ему механизмов интеграции: от личности требовалось полное подчинение нации, интересы целостности которой противопоставлялись социальной и политической борьбе, а также парламентаризму; тому же способствовало восприятие национализмом идейных комплексов расизма и социал-дарвинизма.

Распространению национальной идеологии способствовали объективные интеграционные процессы, быстро шедшие в XIX в. — завершение складывания национальных рынков, новое качество коммуникаций, процессы унификации в самых разных отраслях; рост грамотности делал содержательную сторону национальной идеи доступной для все более широких слоев населения. Особую роль сыграло принятие национальной идеи государством. Если раньше она распространялась главным образом благодаря деятельности публицистов и различных объединений и организаций, то с последних десятилетий века ей на службу была поставлена мощная и единообразная государственная машина. Главное значение имели два государственных института — школа и армия. В свою очередь, национальная идея стала для государства обоснованием для проникновения во все новые области и сферы жизни общества.

Политическое развитие. Важнейшими процессами в политической сфере были демократизация, а также эволюция государственности стран Запада.

Демократизация проявляла себя главным образом в трех основных областях, затрагивая политическое устройство, права граждан и развитие гражданского общества.

Ярчайшим выражением демократизации политического устройства стало широкое распространение конституционности и парламентаризма. Отталкиваясь в качестве образцов от американской конституции 1787 г., французской 1791 г. и испанской 1812 г., начался процесс «конституционализации» Европы, превративший подавляющее большинство европейских стран в конституционные государства. Еще более быстрыми темпами те же процессы шли в Новом свете, иногда приобретая лихорадочный характер (в одной только Бразилии между 1826 и 1880 гг. было принято 11 конституций).

Параллельно этому шла «парламентаризация» — развивались представительные учреждения, обладавшие функциями контроля исполнительной власти и законодательной деятельности. Однако подобная демократизация политической системы не обязательно шла рука об руку с демократизацией в смысле реального политического участия граждан, главным препятствием чему являлось ограничение избирательного права, особенно характерное для стран с сильным парламентом. Так, английский парламент играл безусловно центральную роль в жизни страны, однако даже после реформы 1867 г. в нем было представлено меньше половины потенциальных избирателей. Напротив, выборы в германский рейхстаг с 1871 г. осуществлялись на основе всеобщего из-

бирательного права, однако его роль в политической системе Германии была намного скромнее, чем у парламента в Англии. Итальянский парламент обладал сильными позициями с момента своего возникновения в 1861 г., но лишь с 1912 г. в нем было представлено большинство населения.

Борьба за расширение избирательного права являлась одним из главных политических противоречий эпохи, поскольку речь в конечном счете шла о власти. Против выступали не только монархи, но и депутаты парламентов, представлявшие круги, уже имевшие избирательные права и не желавшие утрачивать подобное исключительное преимущество. Поэтому изменение законодательства в сторону расширения избирательного права сталкивалось с очень существенным сопротивлением. Избирательные права часто ограничивались не только различными вариантами цензов (имущественных, образовательных; в США — расовых), но и «избирательной геометрией» — распределением избирательных участков таким образом, чтобы они давали преимущество определенным социальным («гнилые местечки» в Англии) или, как в Австро-Венгрии, национальным группам. В некоторых странах (Англия, Швеция, Бельгия) отдельные категории граждан, помимо основного, имели также дополнительные голоса. Открытый способ голосования давал большие возможности давления на свободу выбора избирателя (лишь с последней трети XIX в. начался переход к тайной подаче голосов). Помимо прямого давления распространенными явлениями были также продажа голосов и фальсификация результатов выборов особенно в Испании, Португалии, Румынии.

Одним из самых существенных ограничений являлось исключение женщин из числа избирателей — даже в случае провозглашения «всеобщего» избирательного права. Со второй половины века эта проблема под влиянием Дж. Ст. Милля стала предметом общественного обсуждения и даже двукратного голосования в английском парламенте (либералы проголосовали против, опасаясь консервативного настроения женщин, консерваторы — негативных последствий для семьи); право голоса женщинам во Франции предоставила Парижская коммуна 1871 г., однако оно было немедленно отменено после ее разгрома. Первым штатом США, успешно осуществившим попытку введения женского избирательного права, стал Вайоминг (1869); в Европе — Финляндия (1906), тогда автономное княжество в составе Российской империи, и Норвегия (1913). Однако подобные случаи были исключениями, и женщины вплоть до Первой мировой войны оставались лишенными избирательных прав, главной причиной чему, помимо существовавших гендерных стереотипов, являлось их правовое и имущественное неполноправие.

Наряду с полом, существенным ограничением был также и возраст. Учитывая, что общество XIX в. было намного моложе нынешнего и лица до 20 лет составляли около 40% населения, возрастной ценз в 21–25 или, как в Италии, в 30 лет исключал из числа избирателей значительную их часть. Так, несмотря на заявленное германской конституцией 1871 г. всеобщее избирательное право, в первых же выборах благодаря исключению женщин и возрастному порогу в 25 лет имело право принять участие лишь около 20% населения. Ограничения избирательного права по религиозному признаку ко второй половине века практически перестали существовать: в 1829 г. соответствующие права получили английские католики, революция 1848 г. практически повсеместно предоставила их евреям (в Англии — в 1858 г.).

В целом преобладающей тенденцией эпохи являлось постепенное расширение избирательного права. Часто в его основе лежал политический расчет: так, Наполеон III в 1851 г. восстановил всеобщее избирательное право, рассчитывая на консерватизм низов и поддержку совершенного им государственного пе-

реворота; похожими мотивами руководствовался Бисмарк, допуская всеобщее избирательное право по германской конституции 1871 г.; расширение избирательного права в Англии в 1867 и 1884 гг. в значительной степени объяснялось предвыборной тактикой соперничавших консерваторов и либералов. В целом к 1914 г. всеобщее или близкое к нему избирательное право существовало во Франции, Германии, Швейцарии, западной части Австро-Венгрии, Италии, Швеции, Норвегии, Греции и Испании. В остальной части Европы сохранялись те или иные цензовые ограничения. В США почти всеобщее избирательное право для белых мужчин утвердилось уже к 30-м гг., 15 поправка к Конституции 1870 г. давала право голоса черному населению, однако его полному осуществлению мешали дискриминационные избирательные законы в отдельных штатах; фактически лишенными избирательных прав оставались индейцы. Различные варианты избирательных цензов (имущественных, образовательных, расовых) сохранялись в странах Латинской Америки, вплоть до начала XX в. лишая большинство населения возможности политического волеизъявления.

Демократизация политической системы и расширение избирательного права решающим образом сказались на облике и деятельности партий. Из рыхлых предвыборных группировок и парламентских клубов они превращаются в партии в собственном смысле этого слова, обретая более или менее четкую структуру и мобилизуя своих сторонников с осознанной и конкретной целью участия в политической власти. Становление партий и развитие парламентской демократии приводят к появлению представления о правящей партии и оппозиции как о необходимых элементах политической структуры, вплоть до формирования оппозицией «теневое кабинета». Ранее и отчетливее всего (особенно активно с 30-х гг.) этот процесс заявил о себе в Англии и США, поскольку их конституционные системы давали свободу создания политических объединений, а прямая конкуренция двух политических сил способствовала консолидации каждой из них и ясному представлению об оппозиции. В то же время политические системы большинства европейских стран препятствовали возникновению политических партий, а складывавшаяся многопартийность затрудняла как реализацию претензий отдельных партий на политическую власть, так и создание консолидированной оппозиции. В континентальной Европе политические партии стали активно развиваться лишь с середины XIX в., в значительной степени благодаря революции 1848 г. — как с точки зрения ее конституционных завоеваний, так и в качестве реакции общества на сам ее факт.

Особенно важные последствия имело расширение избирательного права, прямо сказавшееся на структуре и тактике партий. В первой половине века преобладали партии «нотаблей» или, иначе, «кадровые». Наличие избирательного ценза позволяло им ограничить свою деятельность лишь сравнительно узким кругом его обладателей — «нотаблями», социально значимыми фигурами изданной местности, делая ненужной всякую работу по увеличению числа членов партии и расширению круга сторонников, поскольку их позиция все равно не имела никакого политического веса. Структура таких партий была рыхлой и децентрализованной, лишь накануне выборов они активизировались и создавали небольшие предвыборные комитеты, затем вновь распускавшиеся.

Расширение избирательного права привело к двум важным изменениям. Во-первых, для привлечения численно возросших избирателей традиционные «кадровые» партии были вынуждены отчасти менять свою структуру и тактику, заявляя общенациональные платформы, создавая руководящие органы на разных административных уровнях, функционировавшие также между выборами, хотя главный акцент по-прежнему делался на предвыборный период. Новыми стали также прямая апелляция к гражданам, проведение широкой агитации, митингов,

рекламы своих кандидатов. Ранее всего подобные перемены отмечались в США в период «джексоновской демократии» 30-х гг., а в Европе начало подобной тактике положила «мидлтонская кампания» 1879—1880 гг. лидера британских либералов У. Гладстона. Сохраняя в целом «кадровый» характер, такие партии начинают искать поддержки низов, создавая массовые организации, как, например, «Лигу подснежника» (1883), близкую английским консерваторам.

Вторым важнейшим изменением стало появление массовых партий, отличавшихся не только численностью, но и, как правило, более строгой вертикальной структурой, четкой регистрацией членства, финансированием посредством взносов. Ярче всего этот тип воплощали собой появившиеся с последней трети века социал-демократические партии, которые, руководствуясь положением марксизма о классовом характере партий, стремились привлечь в свои ряды возможно большее количество рабочих. Наибольших успехов достигла Социал-демократическая партия Германии, к началу Первой мировой войны насчитывавшая более 1 млн членов.

Массовыми также являлись многие конфессиональные партии, особенно активно возникавшие с последней трети XIX в. в качестве реакции на секуляризацию. Выступая прежде в качестве интегрирующей силы для всего общества, что исключало всякую партийность, христианство (в первую очередь, католицизм) отныне оказывалось способным к политической саморегуляции, защищающей интересы верной ему части. К тому же подталкивало наступление государства на сферы, традиционно подконтрольные церкви. Чаще всего такие партии стояли на консервативных позициях. С другой стороны, уже с 30-х гг. о себе заявил христианский социализм, влияние которого ощущалось в том числе в работах Фурье и Сен-Симона. Наконец, на рубеже XIX и XX в. появилось христианско-демократическое течение, предлагавшее некий средний путь между либерализмом и социализмом, не отрицавшее капитализма как такового, но выступавшее за смягчение его социальных последствий, что отразилось в энциклике «Рерум новарум» 1891 г. «папы рабочих» Льва XIII.

Наконец, массовыми были также национальные партии, в ряде случаев (Ирландия, Бельгия) получавшие дополнительные импульсы от конфессиональных противоречий. Самым ярким примером торжества национализма над политическими принципами являлась Австро-Венгрия, в которой все партии ограничивались национальными границами и лишь социал-демократам удавалось отчасти их преодолеть.

Расширение избирательного права, как и сама борьба за него способствовали важному процессу политизации, приобщению к политике широких кругов населения, прежде чаще всего заявлявших о себе лишь в стихийных и неосознанных формах протеста. XIX в. был отмечен доселе невиданной активизацией общественной жизни, многочисленными примерами самоорганизации общества: всевозможные объединения и ассоциации культурного, национального, профессионального и иного характера, профсоюзы, конфессиональные организации, гражданские инициативы, как, например, движение аболиционистов в США, суфражистские, пацифистские движения и многие другие.

Вместе с тем процессы демократизации шли с разной степенью интенсивности как хронологически, существенно ускорившись с середины века, так и в региональном отношении. В целом выделяются две политические традиции: если в континентальной Европе политические преобразования в значительной степени осуществлялись под воздействием революций, то в Англии преобладал эволюционный реформаторский путь. После 1815 г. в большинстве европейских стран утвердился консервативный режим Реставрации, на первых порах представлявший собой определенный компромисс между новшествами, при-

несенными Французской революцией и Наполеоном, с одной стороны, и интересами традиционных политических и социальных сил — с другой. С течением времени этот режим превращался в препятствие для численно растущей и стремящейся к политическому полноправию буржуазии, а также для рабочих, все более заявлявших о себе как о новой социальной и политической силе. Отсутствие своевременных политических мероприятий и реформ, способных разрядить растущий в обществе конфликтный потенциал, привело к его прорыву в целой череде революций.

Крупнейшей из них и самым важным политическим событием в Европе за первые три четверти XIX в. стали революции 1848—1849 гг. Их наиболее общей социальной предпосылкой являлись последствия начального периода модернизации — разрушение традиционных отношений в деревне, пауперизм, пролетаризация ремесленников и т.д. Социальные противоречия, к тому же обостренные голодом из-за неурожая 1845—1847 гг., имели в разных странах свою специфику — так, если во Франции главной социальной проблемой революции был рабочий вопрос, то в большинстве других государств — крестьянский. Важнейшей политической предпосылкой являлась потребность в демократизации, которая в отдельных странах также имела свой собственный облик. Если во Франции на повестке дня стояло расширение конституционных прав, то в Пруссии и итальянских государствах — введение самих конституций. Наконец, практически повсеместно, кроме Франции, громко заявила о себе нерешенность национальной проблемы. О степени зрелости предпосылок революции в каждой стране свидетельствует ее небывало быстрое распространение. В отличие от событий конца XVIII в. Франция стала не источником революции в Европе, а лишь сигналом к их началу. Революции 1848—1849 гг. потерпели неудачу в смысле реализации их непосредственных целей. Однако в отдельных сферах и в отдельных странах они оставили после себя важные достижения: так, в Пьемонте и Пруссии появились конституции, а в Австрии произошло окончательное освобождение крестьянства. Главное же значение революций 1848—1849 гг. заключалось в том, что после короткого периода репрессий из них были сделаны выводы о необходимости демократизации, начали осуществляться реформы, сделавшие излишними новые революции.

Важной стороной политического развития стран Запада в XIX в. стала эволюция государственности. С точки зрения форм правления страны Старого и Нового света шли несколько разными курсами. По ту сторону Атлантического океана за редким исключением преобладало республиканское устройство. Ситуацию же в Европе хорошо передает высказывание русского императора Александра I: «Республики не в моде!». Действительно, после 1815 г. произошла своеобразная «монархизация» Европы, в ходе которой исчезли практически все республики Раннего нового времени, так же как и республики революционной и наполеоновской эпох. Единственной крупной республикой оставалась Швейцария; фактически республиканское устройство имели «свободные города» Германского союза и Краков (до 1846 г.); республикой являлось карликовое Сан-Марино. Возникшие новые государства — Бельгия, Греция, Румыния, Италия, Германия, Норвегия — имели монархическую форму правления.

При всем богатстве форм правления и политических режимов от элементов прямой демократии в Швейцарии до диктатуры в ряде стран Латинской Америки преобладавшей являлась тенденция большего контроля общества над политической властью благодаря процессам демократизации. Однако к последним десятилетиям XIX в. яснее обозначалась и противоположная тенденция — контроль над обществом со стороны государства, осуществлявшийся все разрастающейся государственной бюрократией.

Развитие аппарата насилия и принуждения стало одним из важных инструментов такого контроля. На смену практике устрашения, в частности, публичным казням, и «репрессий реагирования» при подавлении очередного бунта приходит систематический и превентивный контроль за обществом посредством разветвленного полицейского аппарата. Вслед за лондонским Скотланд-Ярдом с его знаменитыми «бобби» (1829) одетые в униформу полицейские диктуют стандарты поведения на улицах Нью-Йорка (1845), Берлина (1848) и других крупных городов, а тайная полиция, образцом для которой послужила французская «Сюрте» (1812), начинает осуществлять контроль за обществом изнутри.

Постепенно расширяются сферы государственной деятельности. Создавая специальные комиссии и издавая фабричные законы, государство уже с 30—40-х гг. постепенно вмешивается в производственные отношения, в вопросы здравоохранения (обязательные вакцинации, контроль за качеством пищевых продуктов). Однако особенно быстрыми темпами эти процессы пошли с последних десятилетий XIX в. В частности, государство активно вторгается в те сферы жизни общества, в которых ведущие позиции традиционно занимала церковь. Во многих странах государство берет на себя контроль за образованием и берет начальную школу под свой полный контроль; одновременно оно стремится диктовать нормы общественной морали, борется с пороками — пьянством, проституцией, азартными играми; государство вводит обязательную гражданскую регистрацию брака и развивает семейное законодательство. Если в первой половине века церковь выступала одной из государственных опор, то к концу эпохи во многих странах государство стремится отделиться от церкви на окраины общественной жизни, оставляя ей лишь собственно религиозное служение и беря на себя все, выходящее за эти пределы. Самыми яркими проявлениями подобной политики стали антикатолические мероприятия Бисмарка («культуркампф») и антиклерикальная политика радикальных кабинетов во Франции, закончившаяся отделением церкви от государства в 1905 г. Вместе с тем наступление на права церкви, особенно католической, имело неоднозначные последствия, часто вызывая общественный раскол.

Экономическая политика также отчасти отражала новое понимание государственных задач. Спектр государственного вмешательства в экономику был достаточно широк, простираясь от надзора за безопасностью паровых котлов до наличия государственного сектора в экономике (как, например, в Италии), от протекционизма до антитрестовского законодательства.

Самым же важным и ярким свидетельством изменения государственных задач с конца XIX в. стало вмешательство государства в социальную сферу. Начало было положено социальным законодательством Бисмарка 80-х гг., вводящим страхование от несчастных случаев, по болезни и пенсии по старости. С рубежа веков к политике социального реформизма в той или иной степени постепенно переходит значительная часть стран Европы, а также США. В некоторых государствах такая политика имела форму отдельных, не связанных друг с другом, законов и оказывалась растянутой по времени, в других представляла собой цельный комплекс мер. Примером первого подхода может служить Франция, где в 90-е гг. вводилось страхование от несчастного случая и социальное жилье для рабочих, в 1906 г. был принят закон об обязательном предоставлении рабочим еженедельного отдыха, и, наконец, в 1910 г. — пенсия для рабочих по старости. Напротив, в Англии в 1906—1911 гг. социальный реформизм выступил как целостная система, в которой законы о социальном страховании дополнялись финансовыми мерами «народного бюджета» и демократизацией политической системы. В целом, к 1910 г. в Западной и Центральной Европе около 30% рабочих были застрахованы от несчастно-

го случая, 15% на случай болезни, 8% имели право на пенсию, 0,9% — на пособие по безработице.

Переход государства к политике социального реформизма был связан с несколькими обстоятельствами. Неуклонный рост численности рабочих, все громче заявлявших свои требования благодаря стремительному развитию социалистических партий и профсоюзного движения, был чреват социальным взрывом. На рубеже веков эта угроза стала особенно ощутимой из-за нового масштаба забастовок — продолжительных, часто охватывавших целые регионы и десятки тысяч людей, сопровождавшихся беспорядками и насилием (пульмановская стачка 1894 г. в США, гамбургская стачка 1896 г., стачка лондонских докеров 1889 г., всеобщая забастовка шахтеров во Франции 1902 г.). Сохранение социального мира требовало не просто отдельных уступок, а изменения положения рабочих в обществе. Того же требовала сама логика общественного и политического развития: структура общества становилась все более сложной, задачи государства — все более разнообразными, и в этих условиях оно уже не могло представлять преимущественно интересы отдельных общественных групп, постепенно представляя как инструмент решения задач, стоявших перед обществом в целом. Вместе с тем, в отличие от сегодняшнего интервенционистского государства, государственное вмешательство носило ограниченный и несистемный характер. Те же социальные меры имели весьма скромный масштаб и к тому же затрагивали не все общество, а, за некоторыми исключениями (например, всеобщая пенсия по старости в Швеции с 1913 г.), лишь рабочих. Тем не менее фактически впервые заявленная социальная ответственность государства указывала на одно из магистральных направлений его развития в будущем.

К началу XX в. внутриполитическая стабильность в Европе в значительной степени возросла. Эпоха революций осталась в прошлом, и даже социалистические партии больше говорили о революции, чем готовили ее; все большую силу в их рядах набирал реформизм. Медленно, но неуклонно возрастал уровень жизни населения, развивалась социальная политика государства. Политические противоречия могли находить разрядку в демократическом процессе — в самых широких политических правах, деятельности партий, развитии парламентаризма. О стабильности политической системы свидетельствовала ее устойчивость к внутренним потрясениям, будь то массовые стачки или акты политического терроризма, такие, как убийство анархистами французского президента С. Карно (1894), испанского премьера А. Кановаса дель Кастильо (1897) или итальянского короля Умберто I (1900). Лишь чудовищная катастрофа Первой мировой войны смогла положить конец этой, по выражению С. Цвейга, «золотой эпохе надежности».

Глава 2 СКЛАДЫВАНИЕ НОВОГО ЕВРОПЕЙСКОГО ПОРЯДКА: СОЗДАНИЕ «ВЕНСКОЙ СИСТЕМЫ» И ОБРАЗОВАНИЕ СВЯЩЕННОГО СОЮЗА

Начало XIX в. явилось временем во многом переломным для международных отношений в Европе. Завершилась эпоха наполеоновских войн, потрясших Европу не только огромной кровью, которая пролилась на полях сражений, но и самим замыслом французского императора создать мировую империю при абсолютной гегемонии Франции, замыслом унифицировать все государства в отношении их политических и правовых институтов.

Необходимость рационального преобразования международных отношений в целях обеспечения стабильности в Европе и предотвращения в будущем разрушительных войн осознавалась еще до окончания наполеоновских войн. Так, в секретной инструкции от 11 сентября 1804 г., данной посланнику в Англии, русский император Александр I писал: «Конечно здесь идет речь не об осуществлении мечты о вечном мире, но все же можно было бы во многом приблизиться к благам, которые ожидаются от такого мира, если бы в договоре, который будет заключен после всеобщей войны, удалось бы зафиксировать на основе ясных и точных принципов требования международного права». И даже возможно, считал он, создать союз, постановления которого образовали бы новый кодекс международного права.

В известном смысле планы эти были отголоском эпохи Просвещения, характерных для нее представлений о том, что все вопросы общественного бытия можно решить с помощью разумно продуманного и осуществленного на практике плана.

Созданием нового европейского порядка, в основу которого должны были лечь согласованные европейскими державами принципы международного права, и занялись в 1814 г. на конгрессе в Вене державы — победительницы в наполеоновских войнах. И образовавшаяся в 1815 г. «Венская система» представляла собой в истории международных отношений явление мирового значения, сравнимое по своему содержанию и последствиям с такими международными системами, как Вестфальская, а в Новейшее время — Версальская, Потсдамская и постсоветская.

В 1814–1815 гг. впервые была предпринята попытка выработать принципы международного права, основанные на идее равновесия или «баланса сил», ввести договорные основания на место «права сильного», создать новую форму постоянного сотрудничества европейских монархов и тем самым гарантировать миру бесконфликтное существование. «Венская система» не предусматривала сепаратных двусторонних союзнических отношений.

В историю «Венская система» вошла как одна из самых успешных с точки зрения установления в Европе долгосрочных дипломатических отношений. Консолидация системы завершилась быстро, и до конца 40-х гг. XIX в. она функционировала вполне стабильно, хотя и пережила ряд кризисных моментов. Именно тогда впервые заговорили о «европейской идее», «европейском концерте».

Однако к середине XIX в. стало очевидным, что «Венская система» не в состоянии справиться ни с накопившимися серьезными противоречиями между европейскими державами, ни со шквалом революционных движений в Европе, которые разрушали тот баланс сил, который она установила. Все это осложняло функционирование системы и, в конце концов, повлекло ее распад.

«Венская система», как и большинство международных систем, характеризовалась постоянным ростом противоречий между ведущими европейскими державами. В первой половине XIX в. шла очень острая борьба за лидерство между Англией, Россией и Австрией, с 30-х гг. к ней подключилась и Франция. В орбиту их противоречий были вовлечены не только Европа, но и регионы Ближнего и Среднего Востока. К середине века стало очевидным — все спорные вопросы мирным путем решить не удастся, что и привело к первой в постнаполеоновский период крупномасштабной европейской войне — Крымской войне 1853—1856 гг. После Крымской войны «европейская идея» постепенно отходит на второй план, а на первый выходит идея «национального интереса», что и приведет в конечном итоге к расколу Европы на враждующие военно-политические блоки в конце XIX в.

Создание «Венской системы». Ее основные принципы. Новая система международных отношений возникла окончательно в 1815 г. и название получила по месту проведения конгресса, подводившего итог наполеоновским войнам. Судьба огромной наполеоновской империи, т.е. территориальное переустройство Европы — это основная задача конгресса в Вене. Не менее важной проблемой, вставшей перед державами-победительницами — Россией, Англией, Австрией и Пруссией — было установление нового общеевропейского международного порядка, создающего благоприятный для них «баланс сил» в Европе, закрепляющего за ними ведущую роль в решении международных проблем.

Решения Венского конгресса были отчасти подготовлены теми договорами, которые ему предшествовали. 30 мая 1814 г. в Париже был подписан мир между Россией, Австрией, Испанией, Португалией, Швецией с одной стороны и Францией с другой (капитуляция Парижа произошла 30 марта 1814 г.). По его условиям Франция возвращалась к границам на 1 января 1792 г. (т.е. к границам до начала войны Франции и Европы); Голландия расширяла свою территорию за счет Бельгии (Южные Нидерланды); германские княжества восстанавливали свою независимость и образовывали федеративное государство; Англия удерживала за собой о. Мальту и Ионические острова; Австрия, в качестве компенсации за отказ от Южных Нидерландов, получала земли Северной Италии (Венецию и Ломбардию), а на Балканах — Иллирийские провинции, населенные славянами. Кроме того, династия Бурбонов восстанавливалась во Франции, Испании и Южной Италии, а Савойская династия — в Сардинском Королевстве. Этот договор отменял предыдущие (Базельский, Тильзитский и др.).

Согласно Первому Парижскому миру представители всех держав, участвовавших в войнах против Наполеона I, должны были собраться в Вене на конгрессе для окончательного утверждения решений и обсуждения широкого круга вопросов будущего международного сообщества.

Условия мира были очень шадящими для Франции: на нее не налагалась контрибуция, ее территории не оккупировались союзниками, она не несла никаких территориальных потерь. Отчасти это объяснялось желанием поддержать только что реставрированную монархию Бурбонов во Франции, а также пониманием того, что новый международный правопорядок невозможно создать без сильной Франции.

Уже в Париже наметились расхождения между державами-победительницами, и чтобы уладить их, представители России, Англии и Пруссии собрались в июне 1814 г. в Лондоне. Однако договориться не удавалось, все боялись друг друга, искали союзников в будущих международных конфронтациях (казавшихся очень близкими). Особенно бросалась в глаза трещина, которая наметилась в отношениях Англии и России. Стало очевидным, что английское правительство будет всячески стремиться не допустить усиления позиций России в Евро-

пе. Россия, зная о таких настроениях своих недавних союзников, не изменила намерений усилить свое присутствие в Европе, в частности — позиции относительно герцогства Варшавского и Саксонии. В инструкции К.В. Нессельроде, которую он получил от Александра I, отправляясь на конгресс в Вену, отклонялись все претензии других держав определять будущее устройство территорий, занятых русскими войсками. Герцогство Варшавское должно было, по замыслу русского императора, принадлежать России как компенсация за потери и жертвы и как гарантия безопасности на случай нападений. Компенсировать эту потерю Пруссии (эти польские земли по разделам Речи Посполитой отошли к Пруссии) русский император намеревался за счет большей части Саксонии. Таким образом, становилось ясно, что польский и саксонский вопросы станут одними из самых сложных на Венском конгрессе.

В сентябре 1814 г. начали съезжаться в Вену те, кому предстояло решить судьбу послевоенной Европы: императоры и короли, министры и их помощники, дипломаты и их многочисленный персонал. Каждая сторона (а в работе конгресса приняли участие все европейские государства, кроме Турции) была представлена либо самим монархом, либо главой внешнеполитического ведомства. Главную роль играли, конечно, великие державы, остальным государствам была отведена роль статистов.

Красавица Вена никогда за свою историю не видела столько именитых гостей. Балы, карнавалы, приемы следовали один за другим, создавая впечатление непрерывного, шумного праздника. Переговоры велись чаще всего в неформальной обстановке. Известны слова старого австрийского дипломата князя Линя: «Конгресс танцует, но не движется вперед».

Мешали «двигаться вперед» острые противоречия между бывшими союзниками по антинаполеоновской коалиции. Особенно сложными были отношения между Англией и Австрией с одной стороны и Россией с другой. Каждая из сторон стремилась так перекрыть границы, чтобы в новой Европе ей было обеспечено определенное преимущество. Кроме того, немало заботила и проблема, как предотвратить в будущем возможность новых политических конфликтов, социальных противостояний, которые продемонстрировала Франция в конце XVIII в. Наконец, творцы «Венской системы» искали способы достичь стабильности в Европе, сделать невозможными масштабные завоевательные войны, которые представлялись неизбежным следствием всякой революции, особенно если она происходит во Франции. Из опыта французских событий конца XVIII в. они извлекли тот вывод, что революция опасна не только своими политическими и социальными устремлениями, но главное — агрессивными побуждениями, навязыванием своих политических и правовых норм другим народам, что приводит к огромным бедствиям.

Новый «порядок» попытались создать, руководствуясь принципом легитимизма во внутренней и международной жизни государства. Этот принцип представлялся основой будущего равновесия в Европе, поскольку он признавал право монархов на свой трон и старые (до революционных событий во Франции) границы. Принцип легитимизма и стал в Вене политической основой для решения о реставрации старых границ и возвращения монархам их тронов. Однако легитимизм начала XIX в. толковался очень гибко, не означал полного возвращения к старым порядкам, реставрации всех политических структур, политических союзов, социально-экономических отношений и даже границ, которые были разрушены в период революции и наполеоновского господства во Франции. Уничтоженная Наполеоном в 1806 г. Священная Римская империя не была восстановлена. Возможности реставрации были весьма ограничены, и она затронула, и то далеко не везде, лишь сферу политической жизни. Везде в Евро-

не реставрированные монархи вынуждены были признать, что полный возврат к прошлому невозможен.

Новая система политического равновесия в Европе представлялась как легитимный (законный) мировой порядок. Но принцип легитимизма сразу же вошел в противоречие с «правом победителя» в вопросе о переделе земель бывшей наполеоновской империи. Поэтому переговоры в Вене не могли быть легкими.

Основные споры вызвали польский и саксонский вопросы. Еще 28 сентября 1814 г. между Россией и Пруссией было подписано тайное соглашение, по которому Россия выводила свои войска из Саксонии и признавала передачу Саксонии Пруссии. Территория герцогства Варшавского по этому соглашению присоединялась к России. Таким путем русский император приобрел союзника в решении польской проблемы. Однако без серьезного обострения отношений такое решение провести было невозможно. Англия и Австрия стремились всеми силами не допустить существенного увеличения территории России. Кроме того, Австрия была категорически против присоединения Саксонии к Пруссии.

Такая расстановка сил привела к созданию на конгрессе антирусской коалиции. 3 января 1815 г. Англия, Австрия и Франция подписали секретное соглашение, направленное против России и Пруссии — «оборонительный военный союз». Ситуация была настолько взрывоопасной, что казалось — военного столкновения между недавними союзниками не избежать.

Однако события развернулись совершенно иначе. Бегство Наполеона Бонапарта с о. Эльбы 1 марта 1815 г., его победоносное шествие по Франции и восстановление его власти в Париже коренным образом изменили ситуацию, заставили вновь сплотиться всех участников антифранцузской коалиции. Против Наполеона I сложилась последняя, седьмая коалиция и был подписан договор о Четверном союзе, в который вошли Россия, Англия, Австрия и Пруссия. По этому договору союзники обязались вести войну до окончательного поражения Наполеона. Кроме того, было принято решение собирать регулярные конгрессы для обсуждения сложных международных проблем. Таким образом, европейские государства договаривались общими усилиями регулировать и контролировать сферу международных отношений. Десятилетия и начало 20-х годов XIX в. войдут в историю как «эпоха конгрессов».

Новая война с Наполеоном была короткой, однако Франции она стоила дорого. По условиям Второго Парижского мира (20 ноября 1815 г.) на Францию была наложена контрибуция в 700 млн золотых франков, союзные войска оккупировали ее территорию (официально — до выплаты контрибуции), а деятельность французского правительства была поставлена под контроль четырех союзных послов в Париже.

«Сто дней» Наполеона Бонапарта ускорили раздел сфер влияния в Европе, ее территориальное переустройство. Еще не произошла последняя битва с Наполеоном при Ватерлоо (18 июня), а союзники (Англия, Россия, Пруссия, Франция, Швеция и Португалия) подписали 9 июня 1815 г. Заключительный акт Венского конгресса, включающий 121 статью и 17 приложений. Обсуждение этих статей велось исключительно представителями великих держав, а остальным государствам было предложено присоединиться и подписать уже готовый текст.

Самые спорные вопросы — польский и саксонский — были решены в интересах России и Пруссии. Большая часть герцогства Варшавского (за исключением Торна и Познани, отходивших к Пруссии) переходила к России. Эта территория включалась в состав российского государства под названием Королевства Польского, по образцу Великого Княжества Финляндского. Предусматривалось, что поляки будут обладать относительной внутренней автономией, подразумевавшей введение монархической конституции и право иметь

свои собственные вооруженные силы. Краков был признан вольным городом, а Восточная Галиция отходила к Австрии. За Россией Заключительный акт закрепил также Финляндию, отвоеванную у Швеции в 1809 г., и Бессарабию, отошедшую к России по мирному договору 1812 г. с Турцией. Россия упрочила свои позиции великой державы. С этого времени ни одна серьезная международная проблема не могла быть решена без участия России.

Пруссии не удалось получить всю Саксонию, но к ней отошла экономически наиболее развитая северная ее часть. Кроме того, Пруссия получила земли вдоль Рейна с населением более 100 тыс. человек, побережье Балтики — так называемую Шведскую Померанию. В результате этих перестановок Пруссия стала граничить с Францией и Нидерландами, а ее территория состояла из двух частей — Восточной и Западной Пруссии. Часть территории Саксонии сохранила свою самостоятельность.

Заключительный акт Венского конгресса, несмотря на попытки Пруссии отторгнуть от Франции Эльзас и Лотарингию, подтвердил решение Первого Парижского мира (май 1814 г.) о границах Франции — она сохранила свою территорию в границах 1792 г. Второй Парижский мир практически не изменил границы Франции. Претензии Пруссии на французские земли на левом берегу Рейна вновь были отклонены.

Резко уменьшилась раздробленность Германии. Венский конгресс санкционировал уничтожение Наполеоном в 1806 г. Священной Римской империи, но сохранил политический конгломерат германских государств. Из 34 германских государств и 4 вольных городов был образован Германский союз под верховенством Австрии: ее представитель становился постоянным председателем союзного сейма.

Государственно-территориальное устройство Италии было восстановлено в основном в том виде, в каком оно было до вторжения французских войск в 90-е годы XVIII в., т.е. сохранялась политическая раздробленность. На территории Италии были вновь образованы Сардинское королевство, герцогства Парма, Модена и Тоскана, княжество Лукка, Папское государство и Неаполитанское королевство. Ломбардия и Венеция были переданы Австрии. В целом можно констатировать, что в этом регионе преобладающим политическим влиянием стали обладать Габсбурги, заинтересованные в сохранении политической раздробленности Италии. В германских землях и в Италии осталась в силе значительная часть преобразований, проведенных в период французского господства в правовой и социально-экономических сферах.

На Венском конгрессе была восстановлена государственная самостоятельность и республиканское устройство Швейцарии как конфедерации союзных кантонов. Бельгия, включенная Наполеоном в 1810 г. в состав Франции, была присоединена к Голландии. Новое государство получило название Нидерландского королевства.

Англия упрочила свои позиции на континенте благодаря поражению ее главного исторического соперника — Франции и расширению своих и без того огромных колониальных владений. Особое значение имело установление британского господства на о. Мальта и Ионических островах, превращенных в форпосты английской политики на Ближнем и Среднем Востоке. С 1815 г. Англия господствовала на всех морских путях, что открывало ей возможности новых завоеваний заокеанских территорий.

Венский конгресс принял также еще несколько важных решений. Прежде всего, это запрет работорговли. Инициатором этого решения выступили англичане. Кроме того, был принят «Венский регламент», который стал неотъемлемой частью Заключительного акта. Этот документ ввел единообразную

классификацию рангов дипломатических представителей, отсутствие которой в предшествующую эпоху нередко приводило к трениям между государствами. Вводились три класса дипломатических представителей: чрезвычайный и полномочный посол, чрезвычайный посланник и полномочный министр и поверенный в делах. Позднее, в 1818 г. между посланником и поверенным в делах был введен еще один класс — министр-резидент.

Решения Венского конгресса привели к образованию новой общеевропейской международной системы, гарантирующей определенное равновесие сил и одновременно закрепляющей ведущую роль за державами — победительницами в наполеоновских войнах. Гегемония Франции в Европе была заменена господством четырех союзных держав — Англии, России, Австрии и Пруссии. Как сохранить это шаткое равновесие, сделать его долговременным — вопрос, который волновал всех ведущих политиков того времени.

Образование Священного союза. Одним из элементов той международной системы, которая была создана на Венском конгрессе, стал Священный союз. Он и должен был, по замыслу его основного творца — русского императора Александра I, привести к действительному единению христианских правителей и народов. По инициативе Александра I в сентябре 1815 г. в Париже между Россией, Австрией и Пруссией был подписан так называемый Акт Священного союза. Он же составил и текст этого документа, имевшего религиозно-мистический характер. Акт призывал всех христианских монархов объединиться и «во всяком случае и во всяком месте... подавать друг другу пособие, подкрепление и помощь». Это была попытка дать идеологическую основу новой системе международных отношений, в противовес той идеологии, которая осыпала войны в период французской революции и наполеоновской империи.

Обращение к религии, как некоему спасительному стержню для международного сообщества, было не случайно. «Разрушительному хаосу» прошедшей эпохи мог, как казалось, противостоять только церковный авторитет и христианские ценности. Религия — гарант «правильного» развития человеческого общества — в эти постпросветительские годы набирала силу как абсолютный нравственный авторитет, как противовес разрушительным идеям XVIII в. Христианство представлялось единственной связью между поколениями, в нем видели то, что поддерживало в прошлом и поддержит в будущем в обществе традиции и высокую нравственность. И Священный союз должен был воплотить в области международных отношений эти общеевропейские настроения.

Новая идеологическая платформа абсолютно сочеталась с принципом легитимизма, т.е. защитой прав старых династий, освященных традицией и богом. Кроме того, главному вдохновителю Священного союза Александру I казалось, что «Венская система» сама по себе не сможет гарантировать того, чтобы все европейские державы неукоснительно следовали принципу единства действий и в будущем не стали бы стремиться нарушить созданное равновесие сил. Тем более, что «Венская система» не была идеальной ни для одной страны. Она постоянно входила в противоречие с государственными интересами то одной, то другой державы, в том числе и интересами государств Старого порядка (Россия, Пруссия, Австрия). Поэтому было особенно важно усилить политическое единение духовным. В Акте, провозгласившем создание «Священного союза монархов и народов», объявлялось также о незыблемости европейских границ, установленных трактатами 1815 г.

В 1815–1817 гг. к Священному союзу присоединились все европейские государства, кроме государства папы римского, Англии и мусульманской Турции. Однако фактически и Англия координировала свою политику с общей линией Священного союза. С точки зрения международного права это объединение

было довольно странным и единственным в своем роде в истории международных отношений. Прагматично настроенные политики, такие как австрийский канцлер Меттерних и английский премьер Каслри, подозревали русского императора в том, что он таким путем пытается решить свои внешнеполитические задачи, прежде всего в Турции. Кроме того, в глазах общественного мнения Священный союз сразу стал ассоциироваться с европейской реакцией, с борьбой против либеральных настроений и сил национального возрождения.

Священный союз четыре раза собирался на конгрессы: Аахенский конгресс 1818 г., конгресс в Троппау 1820 г., Лайбахский конгресс 1821 г. и Веронский 1822 г. На конгрессах в Аахене и Троппау было принято решение усилить возможности Священного союза по сохранению статус-кво в Европе. Было решено, что государства, входящие в Священный союз, имеют право вмешиваться во внутренние дела других государств в случае, если там нарушается принцип легитимизма. Таким образом, был поставлен вопрос об общей политике союзных держав в случае развития революционных движений в Европе. Результатом обсуждений стала печально знаменитая конвенция «о праве вмешательства» во внутренние дела других государств для поддержания легитимных монархов. Категорично против вмешательства выступила только Англия, заявив, что задачей Священного союза является обеспечение территориального равновесия 1815 г., что же касается преобладания того или иного образа правления внутри государства, то этот вопрос не подлежит его компетенции.

Однако большинство европейских монархов считало необходимым совместными усилиями поставить барьер социальному и политическому реформированию как следствию революционных движений. Революционное движение, как казалось, имеет (и это показал опыт Франции конца XVIII в.) крайне опасное для европейского сообщества продолжение — внешнюю экспансию. Поэтому революция рассматривалась как начало нового крупномасштабного конфликта, предотвратить который и должна была новая система международных отношений. Реформа социальных и политических учреждений не отвергалась, но она должна была быть следствием исключительно продуманных действий легитимных правительств.

Наиболее уязвимой стороной этой концепции было стремление создать «правовой порядок» не только прочный, но и вечный. Создатели этого очередного «вечного мира» не позаботились об организации органа, который бы корректировал «принципы» в зависимости от исторической обстановки. В частности, не была учтена национальная идея, что не могло не привести к росту национально-освободительных движений.

Первоначально в политике держав — победительниц в наполеоновских войнах прослеживалось желание адекватно ответить на веяния времени, достичь определенного компромисса с новыми социальными силами общества. Особенно такая позиция была характерна для русского императора Александра I. При его поддержке были введены умеренные конституции в южногерманских государствах. Дебаты по выработке конституции шли в Пруссии. Разговоры о «разумных» конституциях, которые монархи должны даровать своим подданным, были обычным делом, особенно в первые годы функционирования «Венской системы». Много шума наделала речь русского императора в марте 1818 г. в польском сейме, в которой он чуть ли не пообещал ввести конституции во всех землях, «вверенных провидением его попечению».

Однако с течением времени консервативно-охранительные, а иногда и открыто реакционные тенденции брали верх. Немало этому способствовали революционные и национально-освободительные движения, которые уже в 20-е гг. XIX в. потрясли Европу.

Глава 3 ВЕЛИКОБРИТАНИЯ В 1815—1849 гг.

Спад производства 1815—1819 гг. Подъем демократического движения. К 1815 г. Великобритания имела динамично развивавшуюся экономику, крупные колоннальные владения и являлась более политически развитой страной, чем государства континента. Власть монарха была существенно ограничена: законодательная власть сосредоточилась в парламенте, исполнительная — в кабинете министров. Важной отличительной чертой также были утвердившиеся права и свободы жителей страны: неприкосновенность личности и жилища, свобода слова, объединений, митингов и шествий. Связанным с промышленной революцией изменением в обществе не соответствовало феодальное по своему характеру законодательство. Архаичной была, в частности, система представительства в парламенте: экономически окрепшие регионы и быстро богатевший «средний класс» не имели возможности избирать своих представителей. Источником коррупции и злоупотреблений с XVIII в. оставались малонаселенные избирательные округа (так называемые «карманные» или «гнилые местечки»). Депутаты от таких округов обычно являлись надежной опорой правительства. Требование проведения кардинальной парламентской реформы, сформулированное радикалами еще в XVIII в., и стало лозунгом первого послевоенного демократического движения в стране.

После окончания наполеоновских войн в Великобритании заметно ухудшилось экономическое положение жителей государства. Трудности переходного периода от длительной войны к миру были связаны с увеличением государственного долга, стагнацией в промышленности и торговле, неурожаем в сельском хозяйстве. Они сопровождалась безработицей, понижением заработной платы сохранивших работу трудящихся. Ряд стран континента ввел пошлины на ввоз промышленной продукции Великобритании, что способствовало дальнейшему спаду торговой активности британских купцов на европейском рынке.

Для исправления положения с государственным долгом правительство тори, которое возглавлял лорд Ливерпуль, повысило таможенные тарифы и ввело новые налоги. Их парламент утвердил весной 1815 г. В частности был принят новый хлебный закон. Он зафиксировал высокие цены на главный продукт питания подавляющей части жителей королевства. Отныне ввоз иностранного зерна был практически невозможен до тех пор, пока на внутреннем рынке оно не достигнет стоимости 80 шил. за четвер (12,7 кг). Во время континентальной блокады, установленной Наполеоном, сокращение импорта зерновых способствовало резкому увеличению цен на хлеб и расширению собственного производства. Фермеры стали использовать земли, малопригодные для выращивания зерна, что было оправдано его высокой стоимостью. Снятие блокады и поступление дешевого товара из других стран привело к падению цен на хлеб в 1814 г. на 30% по сравнению со средней стоимостью зерна в 1813 г. Дальнейшее падение цен грозило разорением землевладельцев, фермеров и арендаторов — значительной части населения страны. Высокие цены на хлеб закрепили ненормальное положение в аграрном секторе. Вместе с тем они способствовали поддержанию уровня жизни многочисленной армии крестьян, но существенно ухудшали положение горожан.

В период спада производства и торговли (1815—1816 гг.) происходили стачки, погромы, массовые демонстрации. Социальный протест поначалу носил экономический характер и был направлен против хлебных законов, роста цен

и безработицы. С лета 1816 г. в выступлениях обозначилась политическая направленность: все большее число сторонников завоевывала идея парламентской реформы. Кардинальное решение экономических проблем они видели в преобразовании системы представительства и расширении избирательных прав. Начавшееся в Лондоне движение охватило промышленные округа, наиболее пострадавшие от спада производства.

Нарастание акций протеста вызывало беспокойство аристократии и части буржуазии. Страх перед возможным повторением в Англии событий, подобных французской революции, превратился в один из важнейших факторов внутренней политики с конца XVIII в. Пути предотвращения революционного взрыва правящие круги видели в запретах и репрессиях. Местные власти арестовывали наиболее заметных радикальных лидеров, использовали войска для подавления выступлений шахтеров, восстаний в Йоркшире и Дербишире.

Летом 1817 г. накал борьбы заметно снизился. Ослаблению движения способствовали не только репрессии, но и наступление перелома в экономике. К весне 1818 г. ряд ведущих отраслей текстильного производства находился на подъеме. Улучшение экономического положения и сокращение безработицы привели к временному снижению социальной напряженности. Вскоре вышли из тюрем и многие радикальные лидеры.

На рубеже 1818—1819 гг. появились первые признаки нового спада, что вновь оживило деятельность радикалов. Лондонские радикалы выдвинули идею избрания «законодательных представителей», которые должны были настоять на внесении петиций о парламентской реформе на рассмотрение парламента. Их избрание намечалось провести на грандиозном митинге в Манчестере.

К митингу готовились и сторонники реформы и власти. В Манчестер были представители других городов и регионов. Число участников, по разным данным, колебалось от 40 до 150 тысяч человек. Митинг состоялся 16 августа 1819 г. и был разогнан войсками. В результате действий властей погибло 11 и было ранено около 500 человек. Манчестерская драма вызвала взрыв негодования в обществе. Газета «Таймс» поместила подробный отчет о событиях в Манчестере и резко критиковала местные власти. Отчет перепечатали основные издания по всей стране. С осуждением политики кабинета выступали радикалы и виги.

Однако правительство было настроено на решительное подавление массового движения. Осенью 1819 г. чрезвычайная сессия парламента утвердила расширение ассигнований на военные расходы и приняла законы, регламентирующие проведение митингов и ограничивавшие возможности печати. Отныне на проведение митинга требовалось разрешение магистрата в городах или лорда-лейтенанта в графствах. Запрещалось ношение оружия и обучение пользованию им. Три акта касались прессы: была ограничена публикация материалов о политических событиях и увеличен налог, который с этого времени распространялся и на памфлетную литературу. Последняя мера была направлена против дешевых популярных изданий, сыгравших важную роль в агитации за реформу. В целом законы 1819 г. существенно урезали политические и гражданские права жителей страны.

Несмотря на подавление демократического движения, идея парламентской реформы не потеряла своей притягательности в среде радикалов и части вигов. Запреты на созыв митингов и ограничения прессы не остановили ни выступлений против правящей аристократии, ни критики правительственной политики. Распространение антиправительственных настроений, которые не были задавлены репрессиями, вынудило кабинет пойти на нетрадиционный шаг — выпустить памфлет «Положение народа» (1822 г.). Суть его заключалась в попытке снискать общественное расположение накануне открытия сессии парламента.

та, опровергнуть звучавшие обвинения и выдвинуть правительственную точку зрения на происходившие в стране события. Важное место отводилось освещению курса дальнейших действий. Выпуск памфлета свидетельствовал о возросшем значении общественного мнения, перед которым правительство считало необходимым обелить себя.

Политика тори в 1820-е годы. С начала 20-х гг. торийская и вигская аристократия умеренных взглядов преобладала в обеих палатах, при этом большинство сохранялось за тори, из их числа формировался и кабинет министров. С 1812 по 1827 г. его возглавлял лорд Ливерпуль. В 1822 г. он ввел в правительство сторонников проведения наиболее назревших реформ: пост министра иностранных дел занял Дж. Каннинг, а внутренних — Р. Пиль. В 1823 г. к ним присоединился министр торговли В. Гескиссон. Они составили малый кабинет, определявший направление внутренней и внешней политики. Начался пересмотр таможенной системы, были смягчены отдельные запреты и отменен ряд ввозных пошлин на сырье. Была проведена реформа полицейской службы.

Предпринятые шаги получили продолжение в середине 20-х гг., когда разразился системный кризис, охвативший финансы, торговлю и производство. Он стал первым в истории капитализма циклическим кризисом: примерно каждые десять лет в экономике страны начинался спад производства и застой в торговле. Правительство попыталось найти выход из затруднений в частичном изменении денежного обращения, хлебного закона и смягчении политики протекционизма. Претерпело изменение социальное законодательство. В 1824 г. были отменены законы, запрещавшие создание рабочих коалиций (союзов). Тем самым было положено начало деятельности легальных профсоюзных организаций (трэд-юнионов). Частичная реформа уголовного кодекса сократила применение смертной казни за некоторые виды преступлений в зависимости от степени тяжести нарушения прав собственности.

Глубокие разногласия в обществе и между группировками внутри правящей элиты возникли в связи с так называемой «эмансипацией» католиков. С начала 20-х годов в Ирландии, где доля католического населения превышала 80%, принята большая размах агитация против «Актов о проверке и корпорациях» (тест-актов), введенных в конце XVII в. После заключения унии с Великобританией ирландские католики находились в бесправном положении. В 1823 г. ирландцы создали общественную организацию — Католическую лигу, которую возглавил адвокат Д. О'Коннел. К 1827 г. агитация Лиги за права католиков охватила весь остров.

Одновременно и диссентеры боролись за отмену актов, которые сыграли немаловажную роль в истории этого относительно небольшого слоя населения Британии. Будучи отстранены от государственной и военной службы, энергичные нонконформисты занялись экономической деятельностью и в период промышленной революции составляли до 40% всех предпринимателей. Их благосостояние и социальный статус неизмеримо возросли, а сохранение ограничений политических и гражданских прав не соответствовало ни их богатству, ни влиянию в обществе.

Если вопрос о диссентерах не вызвал возражений, то изменение законодательства в отношении католиков встретило серьезное сопротивление. Для правого крыла тори — так называемых ультра-тори — допуск католиков в парламент означал нарушение одного из основополагающих принципов неписанной британской конституции, которая носила протестантский характер и исключала участие католиков в политической жизни страны. Тем не менее попытка воспрепятствовать пересмотру устаревшего законодательства не имела успеха. Осенью 1828 г. новый глава кабинета, герой войны с Наполеоном герцог Вел-

лингтон принял решение о проведении Акта об «эмансипации» католиков. В середине апреля 1829 г. король вопреки собственному желанию был вынужден утвердить закон о предоставлении католикам политических и гражданских прав.

Умеренная либеральная политика тори, в особенности Акт об «эмансипации» католиков, усилила размежевание членов парламента по политическим симпатиям, что отражало формирование консервативной и либеральной идеологии. Таким образом, вопрос о преобразованиях имел ключевое значение в процессе трансформации парламентских партий в партии политические. Вместе с тем борьба партий и внутрипартийных фракций, которая вышла за стены парламента, все больше интересовала средние слои населения, вовлекавшегося в обсуждение политических вопросов. Частичные реформы 20-х годов способствовали и размежеванию в обществе. Консервативно настроенные круги были недовольны «решительностью» перемены, большинство населения — нерешенностью наиболее важных для значительной части общества проблем. Нестабильность политической обстановки усиливалась падением авторитета монарха и монархии, вызванным болезнью короля Георга IV и его самоустранением от управления страной.

Парламентская реформа 1832 г. и ее результаты. Экономический кризис 1825—1827 гг. и последовавшая за ним депрессия 1829—1830 гг. вновь ухудшили положение значительной части населения. В обращениях в парламент и к королю из пораженных кризисом и депрессией торгово-промышленных центров и портовых городов содержались требования сокращения государственных расходов и снижения налогов. Как и в период послевоенного кризиса, политические лозунги быстро потеснили экономические. В 1829 г. в Бирмингеме был создан Политический союз, который возглавил банкир Томас Аттвуд. Он полагал, что единственным средством преодоления всех бед является реформа денежного обращения и умеренная парламентская реформа в интересах торгово-промышленных кругов (тайное голосование, предоставление права голоса домовладельцам, трехгодичный срок полномочий парламента и т.д.). Союз объединил как работников, так и мелких и средних собственников. Все они стремились к социально-экономическим преобразованиям путем принятия парламентских актов. Бирмингемский союз стал образцом для обществ, которые создавались и в других городах.

Неизбежность проведения реформы стала осознавать и подавляющая часть правящей аристократической верхушки. Непримируемыми ее противниками оставались лишь ультра-тори. Для них любые изменения были неприемлемы в силу той угрозы, которую они несли незыблемости монархии, государственной церкви и палате лордов. Противоположный фланг занимали радикалы. Они отстаивали проведение решительной, кардинальной реформы и прежде всего — упразднение малонаселенных избирательных округов, введение всеобщего избирательного права для мужчин, ежегодных выборов в парламент, тайной подачи голоса, равенство избирательных округов. Для многих вигов это была мера, направленная скорее на устранение таких вопиющих недостатков системы, как мелкие избирательные округа, чем на ее преобразование. Вместе с тем ни в одном из лагерей не было единства по вопросу о реформе — ее противники находились и среди вигов, а сторонники — среди тори. Единого мнения о реформе не было и у радикалов, расхопившихся в требованиях по пунктам о тайном голосовании, избирательном цензе, сроках полномочий парламента и др.

26 июня 1830 г. скончался Георг IV, престол перешел к его брату Вильгельму IV. По традиции король распустил парламент и назначил новые выборы. Вскоре в Лондон пришли известия об Июльской революции во Франции. На фоне экономических трудностей новости явились фактором, с одной стороны,

способствовавшим активизации начинавшегося движения за реформу, а с другой — напугавшим аристократию и отчасти буржуазию. Главным итогом парламентских выборов 1830 г. явилось усиление оппозиции герцогу Веллингтону, который по-прежнему возглавлял правительство.

Новый парламент собрался в начале ноября, когда в южных графствах нарастали волнения и участились поджоги, а в городах активно действовали политические союзы. Нежелание герцога Веллингтона проводить дальнейшие реформы привело к быстрой отставке правительства. К власти пришли виги, правительство возглавил давний сторонник преобразования системы представительства лорд Грей. К этому времени народное движение приняло угрожающий характер. Скорейшее проведение парламентской реформы становилось неизбежным. Правительство намеревалось разработать такие меры, которые были бы достаточно внушительны, чтобы удовлетворить ожидания народа, и в то же время сохранили бы незыблемость статуса монархии и парламента. Общественный интерес к реформе возрастал ежедневно. Повсюду возникали политические союзы, направлявшие отдельные выступления.

На рассмотрение палаты общин проект реформы был представлен 1 марта 1831 г. Борьба за ее проведение стала ключевым моментом послевоенного периода, сказавшись на социально-политической и экономической истории последующих десятилетий.

Правительство поначалу предложило умеренный законопроект, положения которого затрагивали существование менее половины «карманных» местечек. Позитивным в нем было введение единого избирательного ценза для мужчин в городах, о правах женщин речь не шла. Проект восторженно встретила лишь небольшая группа радикалов. Тори выступили против его основных положений. Такая позиция способствовала тому, что их все чаще стали называть консерваторами, т.е. охранителями старых порядков. Одновременно вигов все чаще именовали либералами, сторонниками гражданских свобод и преобразований.

Закон о парламентской реформе король утвердил только 7 июня 1832 г. До этого правительству Грея пришлось разработать второй, а затем и третий варианты законопроекта, на короткое время уйдя в отставку. Противление палаты лордов, в которой преобладали противники преобразований, было сломлено с большим трудом. Уступка лордов объясняется рядом факторов внутреннего и внешнего характера, оказавших решающее влияние. Главным из них стала боязнь разрастания конфликта в стране. Страх перед возможной революцией преобладал в настроениях знати и обывателя, несмотря на стремление радикалов направить борьбу в законное русло. В такой обстановке, когда было выражено мнение подавляющей части общества, становилось невозможным насильственное подавление движения.

На протяжении всего времени обсуждения в парламенте законопроектов в стране и столице царил необычайное оживление. Проходили митинги и шествия, в парламенте направлялись петиции. Резко возрос интерес к политическим делам, которые освещались прессой. Число изданий, поддерживавших проведенные реформы, было велико. Выпуск консервативных газет стремительно сокращался. Так, если в 1831 г. ежедневный тираж консервативной «Морнинг Пост» едва превышал две тысячи, то тираж газеты «Таймс» приближался к стотысячному рубежу и продолжал возрастать. Именно в этот напряженный для страны период «Таймс» превратился в национальный орган печати.

За краткий период 1829—1832 гг. в политической жизни британского общества произошли важные, кардинальные сдвиги. Борьба за парламентскую реформу способствовала быстрой политизации общества, вовлечению в движение за свои права городского и части сельского населения. Вместе с тем она

ускорила политическое размежевание аристократии по вопросу о содержании и путях реформирования устаревшего законодательства.

Характер выборов в парламент в 1830—1832 гг. свидетельствовал об изменении отношения к ним в обществе по сравнению с предыдущими годами. Выборы становились средством выражения настроений электората и населения в целом. В борьбе за реформу использовались легальные формы и методы давления на парламент, правительство и короля, что не исключало и угрозы применения физического насилия, как показывали отдельные выступления в городах и волнения в деревне.

Разрастание движения способствовало усилению роли прессы в общественной и политической жизни страны, упрочению такой формы общественной организации как политические союзы, и таких способов выражения требований, как митинги, шествия и петиции. Новым средством оказания давления стал распространявшийся отказ (или угроза отказа) уплачивать налоги. В конечном итоге реформа 1832 г. явилась победой общественного мнения, давления «извне» (т.е. за стенами парламента), которое поддерживало правительство лорда Грея в борьбе с оппозицией и вынуждало его действовать более энергично.

Суть реформы, на первый взгляд, свелась к перераспределению мест в палате общин и увеличению электората. Реформа 1832 г. сохранила общее число депутатов — 658, но ликвидировала 56 мелких избирательных округов, которые посылали по 2 депутата. 32 города с населением до 4 тысяч человек вместо двух теперь избирали одного депутата; освободившиеся 143 места в парламенте перераспределили между графствами и городами. В результате 42 города получили право посылать депутатов — и среди них такие крупные торгово-промышленные центры, как Манчестер, Бирмингем, Лидс, Шеффилд и др. Сохранялся и избирательный ценз для фригольдеров (фермеров-собственников земли) — 40 шил. чистого дохода с недвижимой собственности в графствах. В городах право голоса получили владельцы домов и нежилых строений, которые приносили доход не менее 10 ф. ст., либо те, кто арендовал помещение и уплачивал не менее 10 ф. ст. арендной платы в год.

Помимо имущественного ценза существовали и другие ограничения: избиратель должен был вносить налог на бедных, проживать в данной местности не менее 1 года; получение пособия по бедности хотя бы один раз в год лишало права голоса. Наконец, вводилась обязательная ежегодная регистрация избирателей, которая предусматривала внесение ими каждый раз незначительной суммы. Несмотря на различные преграды, круг избирателей был существенно увеличен за счет деревенского и городского населения. Из 24 млн населения страны по подсчетам историков в выборах 1834 г. участвовало 620 000 человек, тогда как до реформы в 1831 г. — 344 250 человек. Между тем закон сохранил диспропорцию избирательных округов. Аграрный юг по-прежнему преобладал в парламенте. Еще оставалось 5 местечек с электоратом менее 200 человек, а 115 членов парламента представляли округа с населением менее 500 человек.

Вопрос о значении реформы 1832 г. и направлениях дальнейшей политики уже летом этого года превращается в один из наиболее важных для политических деятелей страны и правительства. Учитывая размах движения, результаты реформы, на первый взгляд, были довольно скромными. В палате общин по-прежнему преобладали сыновья пэров и баронов, не было введено всеобщее избирательное право, сохранялся высокий имущественный ценз и неравномерность избирательных округов, остались взяточничество и подкуп избирателей. Именно за это реформа и подвергалась критике.

Но результаты парламентской реформы 1832 г. не ограничивались увеличением электората. Она первой в ряду реформ избирательного права в Вели-

кобритании поколебала средневековый принцип равного представительства от корпоративных единиц и ознаменовала начало перехода к представительству от количества населения.

Реформа проводилась аристократией в ее же интересах, что и обусловило незначительное расширение электората. Вместе с тем, она показала, что правящая элита пришла к пониманию необходимости уступок общественному мнению, политики компромиссов.

Непосредственные и отдаленные результаты сокращения «карманных» местечек и увеличения электората повлияли на политическую жизнь общества и функционирование парламента, привели к изменению соотношения сил между палатами и короной за счет усиления роли нижней, выборной палаты.

Возросло также и значение партийного большинства в нижней палате при формировании кабинета министров и при проведении его политики. Попытка Вильгельма IV вернуть к власти тори в 1834 г. (первый кабинет Р. Пиля) обернулась их поражением. Объединившиеся виги, радикалы и ирландские депутаты отвергли все предложения кабинета, который вскоре вышел в отставку. Таким образом, окончательно утвердился важный принцип парламентаризма — формирование правительства из числа депутатов той партии, которая на выборах получила большее число мест в палате общин.

Реформы 1830—1840-х гг. и социальные движения. В 1830—1840-х гг. политическая элита продолжила политику преобразований. В пореформенный период их проводило правительство сохранивших власть вигов во главе с лордом Мельбурном, он сменил лорда Грея. Реформы диктовались необходимостью дальнейшего изменения законодательства, которое не соответствовало уровню социально-экономического развития страны. В их направленности важную роль сыграло давление со стороны общественных движений.

Движение за парламентскую реформу (демократическое движение) на рубеже 1820—1830-х гг. не было единственным. Одновременно, порой переплетаясь с ним, продолжали действовать аболиционисты, сторонники ограничения рабочего времени на фабриках, гражданской регистрации брака, пересмотра системы оказания помощи беднякам и др., а впоследствии чартисты и фрирредеры (сторонники введения свободы торговли).

Эти социальные движения имели схожий состав участников, общие принципы организации деятельности и методы борьбы. Широкая социальная база отражала происходившие социально-экономические перемены, когда наряду с промышленным производством немаловажную роль играло ремесленное и мануфактурное производство. Основной движущей силой являлось городское население, связанное как со старыми, так и новыми способами производства: ремесленники и мастера, надомные рабочие, лавочники, фабричные рабочие, представители интеллигентных профессий (журналисты, юристы, конторские служащие).

Инициативная группа создавала центральную организацию, которая формулировала требования, руководила агитацией, сбором подписей под петициями и направлением их в парламент. Однако тактика движений имела различия, как и их финансовая поддержка со стороны общества.

Социальные движения 1830—1840-х гг. сыграли весомую роль в реформировании законодательства и становлении институтов гражданского общества. Становление гражданского общества — сложный, многофакторный и разноуровневый процесс превращения подданных короля в граждан государства. Он включает не только формирование идентичности (гражданского, политического, правового, национального самосознания), но и создание различных организаций для достижения конкретной общей цели. Важным компонентом такой деятельности становились собрания, митинги, лекции и т.д. В Велико-

британии формирование гражданского общества началось раньше, чем в других странах. В первой трети века этот процесс характеризовала резкая политизация общества и его обращение к государственным делам, что способствовало выявлению наиболее устаревших положений архаичного законодательства.

Первым шагом пореформенного парламента в 1833 г. стал закон о постепенной отмене рабовладения в британских колониях. Отказ от рабовладения не диктовался экономическими причинами, использование невольников на плантациях Вест-Индии оставалось наиболее эффективной формой хозяйства. Принятие закона стало реакцией правящих кругов на мощное аболиционистское движение. В 20-е годы оно сыграло существенную роль в политизации общества, выдвинув принцип равенства людей и заговорив о правах человека.

Обострение проблемы регулирования фабричного труда явилось следствием бурного развития машинного производства, когда взрослых мужчин у станков заменяли женщины и дети, возраст которых порой составлял 5—6 лет. Регламентация труда на фабриках отсутствовала, что предоставляло фабрикантам возможность безграничной эксплуатации: рабочий день нередко длился до 18 часов в день, за любые провинности налагались штрафы.

Движение за сокращение рабочего времени детей и женщин на фабриках и в горнодобывающем секторе экономики не имело такой финансовой поддержки и размаха, как движение аболиционистов, так как его участниками были сами работники и немногочисленные филантропы. Обследование парламентского комитета выявило страшные подробности эксплуатации детей и женщин.

Несмотря на протесты предпринимателей, в 1833 г. парламент ввел ограничения, но коснулись они лишь текстильной промышленности. Отныне разрешалось нанимать детей, начиная с 9-летнего возраста. До 13 лет их рабочий день ограничивался 9 часами. Одновременно впервые в мире создавалась фабричная инспекция. На нее возлагались обязанности по контролю над исполнением закона.

В 1834 г. был принят новый Закон о бедных. Система оказания помощи беднякам формировалась в Британии на протяжении веков. Наряду с наказаниями за бродяжничество и попрошайничество к концу XVIII в. существовала разветвленная сеть поддержки неимущих жителей королевства: стариков, больных, безработных, сирот. Официально в церковных приходах собирался налог на бедных, который уплачивали имущие слои населения. Практиковалась и дополнительная выдача различных сумм по каким-либо поводам (свадьба, рождение ребенка, похороны), одежды, продуктов питания, предоставление работы. Четверть населения пользовалась социальной помощью, что позволяло беднякам не умереть с голоду.

Рост неимущих слоев населения был следствием аграрной и промышленной революций, безработицы на селе, разорения мелкого и среднего предпринимателя в городе. Наступивший завершающий период промышленной революции стал наиболее тяжелым временем для трудящихся слоев населения. Вспомоществование не решало проблему нищеты, но удерживало людей в приходах, где они могли получить незначительную поддержку.

Вместе с тем официальная благотворительность тяжким бременем лежала на плечах налогоплательщиков, зачастую являясь второй статьёй расхода семей среднего достатка после покупки продуктов питания. Недовольство высказывали фермеры, вынужденные выплачивать налог на бедных и в то же время обеспечивать их работой. Немалые нарекания вызывали злоупотребления, связанные со сбором налога и распределением помощи, которая не решала проблему бедности. В парламент поступали петиции с требованием пересмотреть сложившуюся практику.

В формировании принципов оказания помощи возоблудала либеральная концепция, согласно которой безработный не должен жить лучше, чем работающий член общества; бедных надо не содержать, а научить работать. Закон 1834 г. сохранил уплату налога и возродил работные дома (от которых в силу их неэффективности отказались в XVIII в.); только в их стенах все нуждавшиеся могли получить помощь. Условия там создавались крайне тяжелые: семьи разделялись, мужчины и женщины проживали отдельно, предоставлявшаяся им работа была изнуряющей, а питание скудным. При этом обитатели работных домов полностью зависели от местной администрации, зачастую людей жестоких и алчных. Порой бедняки были готовы лучше умереть с голоду на улице, чем идти в работный дом.

Закон о бедных значительно ухудшил положение неимущих слоев населения. Вместе с тем его следствием стала более активная миграция населения, которое прежде удерживалось в приходах в надежде на получение приходской помощи, и ускорившееся формирование рынка наемного труда, столь необходимого для развивавшейся промышленности.

С 1833 г. изучалось состояние муниципального управления в Англии, Уэльсе и Ирландии. Обследования выявили отсутствие единого реестра городов, засилье старых корпораций, острое недовольство муниципальными органами. Более четверти миллиона горожан подписали петиции в пользу изменения системы самоуправления.

Муниципальная реформа была осуществлена в 1835 г. Она явилась логическим продолжением первой парламентской реформы и началом создания современной британской системы городского самоуправления. Отныне городской совет избирался домохозяйствами, которые платили налоги и проживали в городе не менее 3 лет.

Благодаря муниципальной реформе средний класс (обширный слой общества, который состоял из средних и мелких собственников и людей умственного труда — учителя, врачи, журналисты, конторские служащие и др.) получил возможность реально влиять на ведение городских дел: соблюдение законов, сбор налогов, полицейскую службу, санитарное состояние городов. Позднее функции местных властей расширились: они стали заниматься строительством и мощением дорог, уборкой и освещением улиц, снабжением домов газом, водой и канализацией.

В результате давления на парламент со стороны диссентеров в 1836 г. была введена гражданская регистрация брака, рождения и смерти. Этот шаг знаменовал дальнейшее расширение гражданских прав диссентеров. До принятия закона все обряды они были обязаны совершать только в государственной англиканской церкви.

Роберт Оуэн и кооперативное движение. Кооперативное движение сторонников и последователей социалиста Р. Оуэна сыграло немаловажную роль в жизни британского общества. Радикальное преобразование капиталистического общества и создание нового справедливого общества на началах общей собственности, равенства в правах и коллективного труда Оуэн стремился осуществить мирным путем — через организацию общин кооперативного типа и постепенный переход производства в руки рабочих. Попытки создать такого рода общины в Америке и Великобритании потерпели крах, а кооперативное движение начало развиваться. При участии Оуэна в 1821 г. было учреждено Кооперативное экономическое общество, в 1824 г. — Лондонское кооперативное общество. С 1820—1830-х гг. рабочие сами становились хозяевами мельниц, пекарен, создавая возможность покупать товары по низким ценам. Учреждались потребительские общества, кредитные товарищества, сбытовые и производственные объединения.

В 1844 г. ткачи Рочдейла создали потребительский кооператив, принципы деятельности которого широко распространились. Это были невысокие паевые взносы, равноправие членов, продажа товаров по умеренно-рыночным ценам, одинаковым для всех. Кооперативные объединения позволили облегчить тяжелое экономическое положение рабочих, поддержать их в кризисные периоды.

Начало правления королевы Виктории. В 1837 г. скончался Вильгельм IV и трон перешел к его восемнадцатилетней племяннице Виктории. Началась ее длительная правление, вошедшее в историю как викторианская эпоха, которая завершилась в 1901 г. В 1840 г. Виктория вышла замуж за своего кузена Альберта Саксен-Кобург-Готского, а в 1861 г. овдовела. К восшествию Виктории на престол в Великобритании утвердился государственно-политический режим парламентской монархии. Политическая власть королевы была сильно урезана, но при этом в государственном механизме за монархом сохранялись важные функции: только после подписания королевой законопроект становился законом, она являлась главой Англиканской церкви и колониальной империи, обладала правом помилования и жалования титулов и т.д.

Возрастала социальная роль института королевской власти, чему в немалой степени способствовала семейная жизнь Виктории. В периоды политических кризисов королева становилась своего рода арбитром, посредником между враждовавшими партиями и их лидерами, способствуя урегулированию конфликта, невзирая на личное расположение к той или иной группировке либо ее лидеру.

Консервативное правительство Р. Пиля. В 1841 г. виги потерпели поражение на выборах. К власти пришли консерваторы, вплоть до 1846 г. правительство возглавлял Р. Пиль, известный сторонник умеренных, остро необходимых преобразований, которые он начал проводить в 20-х годах, занимая пост министра внутренних дел. Решительными мерами Пиль добился стабилизации ситуации в экономике: был введен подоходный налог для состоятельных слоев и одновременно упразднены многие косвенные налоги, что привело к снижению налогового бремени для населения. Банковская реформа ввела золотой стандарт фунта стерлингов, что привело к укреплению национальной валюты на внутреннем и внешнем рынке. Пиль провел дальнейший пересмотр таможенного законодательства, сокращая или отменяя ввозные и вывозные тарифы на товары и сырье. В 1846 г. во время небывалого голода в Ирландии, причиной которого стал неурожай картофеля, Пиль добился отмены хлебного закона.

Отход от протекционизма, либерализация экономической политики и попытка изменить политику Англии в Ирландии углубили противоречия в консервативном лагере. Раскол привел к потере тори большинства сторонников в парламенте и отставке кабинета Р. Пиля. К власти вернулись виги, которые продолжили политику реформ.

Чартистское движение. Первые годы правления Виктории отмечены дальнейшим общественным подъемом и изменениями в политической жизни страны. Надежды значительной части населения на то, что парламентская реформа разрешит наиболее острые проблемы нищеты, безработицы, гнета налогов, не осуществились. Применение нового Закона о бедных только ухудшило положение беднейших слоев населения. Не были удовлетворены осторожными реформами торгово-предпринимательские круги. В середине 30-х гг. практически одновременно зарождаются два мощных общественных движения: первое — чартистское, второе — фритредерское, объединившее сторонников свободы торговли.

Чартизм был самым крупным народным политическим движением первой половины XIX в. не только в Британии, но и в мире. Его уникальностью состояла в том, что с одной стороны он отражал возмущение и протест трудящихся против их тяжелого социально-экономического положения, а с другой — веру

в то, что избранный на основе всеобщего избирательного права законодательный орган станет проводить политику в интересах народа. Движение не было ни единым, ни однородным. Его региональное и локальное разнообразие выразилось в составе участников, их требованиях, идеях лидеров, степени активности различных категорий населения и регионов страны.

Центрами зарождения чартизма стали Лондон, Бирмингем и Лидс, где возникли первые организации. Инициаторами их создания и лидерами первых обществ были столяр У. Ловетт, типографский наборщик Г. Гетерингтон, ирландец, выходец из мелкопоместной дворянской среды Ф. О'Коннор, журналист Дж. О'Брайен и др. Была сформулирована и опубликована программа следующей парламентской реформы. Она содержала 6 пунктов, получивших название «Народной хартии»: всеобщее избирательное право, равенство избирательных округов, тайное голосование, ежегодное переизбрание парламента, отмена имущественного ценза для депутатов, выплата им жалованья.

Большинство чартистских лидеров отвергло возможность борьбы за осуществление «Хартии» вооруженным путем. Часть признавала использование «физического насилия» в порядке самообороны. Вера в силу парламента обусловила направленность действий чартистов в традиционных законных рамках. Предполагалось собрать максимальное число подписей под петицией, чтобы продемонстрировать требования народа и заставить парламента и правительство удовлетворить их. Подписи собирались на митингах, в которых принимали участие десятки и сотни тысяч человек. В июле 1839 г. была подана первая петиция, под которой стояло 1280 тыс. подписей. Решение не рассматривать петиции в палатах позволило парламента не обсуждать ее. В 1840 г. была создана единая Национальная чартистская ассоциация, а в обстановке экономического спада 1842 г. начался новый подъем чартистского движения. Вторую петицию дополнили социальные требования: отмена Закона о бедных, повышение заработной платы, сокращение рабочего дня и уменьшение налогового бремени. Чартисты собрали 3 млн подписей и в 1842 г. представили новую петицию в парламента. Третий подъем движения происходил в 1848 г. Под петицией стояло 5 млн подписей. В день ее подачи состоялась грандиозный митинг, его подготовка вызвала обеспокоенность властей столицы. Опасаясь восстания, правительство стянуло в Лондон войска, город охраняли полиция и волонтеры. Митинг прошел мирно, петиция была представлена без эксцессов.

Каждое отклонение петиций парламентам вызывало стачки, отдельные восстания и волнения, которые были жестко подавлены полицией и войсками. Активисты подвергались арестам. Правящие круги, и, прежде всего, находившиеся у власти виги не были намерены проводить дальнейшие изменения в системе представительства, но не отрицали такой возможности в будущем. Их реакцией на народное движение стали репрессии и новые шаги в области социальной политики. В конце 40-х годов парламента принял законы о санитарном состоянии городов, оказании врачебной помощи, ограничении фабричного труда женщин и детей 8 часами. Обращения заключенных чартистов в парламента привлекли внимание к состоянию мест заключения и последующему их реформированию.

После 1848 г. чартистское движение пошло на спад. Часть разочарованных неудачами чартистов отошла от политической деятельности, другие присоединились к радикалам, третьи искали пути решения проблем в зарождавшихся социалистических организациях.

Завершение промышленной революции. Фритредерское движение. Весомую роль в экономике страны играла торговля. С начала 20-х гг. правительство регулярно пересматривало протекционистское таможенное законодательство, понижая ввозные пошлины на сырье, отменяя некоторые ограничения вывоза

товаров. Тем не менее сохранение ограничений в таможенной политике становилось препятствием для дальнейшего развития торговли и промышленности.

Идеи свободы предпринимательской деятельности основывались на учении А. Смита, которое развили Д. Рикардо, И. Бентам, Д. Милль. Сторонники свободной торговли создали Лигу борьбы против хлебных законов. Ее основателями и руководителями стали Р. Кобден и Дж. Брайт. Тактика Лиги заключалась в сборе подписей и направлении многочисленных петиций в парламента. Успеху ее агитации в немалой степени способствовал удачный выбор объекта критики — хлебных законов, положения которых затрагивали интересы всего населения Британии. В снижении цен на хлеб были заинтересованы как наемные работники, жители городов, так и предприниматели. Высокие цены на основной продукт питания усложняли относительно высокую заработную плату, что снижало конкурентоспособность британских товаров на мировых рынках.

Активная пропаганда Лиги, уровень развития промышленного производства, ненормальная ситуация в аграрном секторе, голод в Ирландии — все это подтолкнуло к отмене хлебных законов в 1846 г. В 1849 г. были отменены Навигационные акты, которые регламентировали торговое судоходство. Эти меры ознаменовали торжество в экономической политике либеральных принципов (свобода торговли, невмешательство государства в предпринимательскую деятельность), в наибольшей мере отвечавших интересам торгово-предпринимательских кругов.

Колониальная политика. В 1815–1849 гг. происходило расширение заморских владений, превращение Великобритании в крупнейшую колониальную империю. Заморские территории делились на переселенческие колонии (т.е. территории с незначительным местным населением и благоприятным для переселенцев климатом) и так называемые «туземные», где была велика плотность местного населения, а климат не подходил для длительного проживания европейцев.

К середине века завершилось покорение Индии и значительной части Бирмы. В результате Первой опиумной войны с Китаем (1840–1842 гг.) и других войн на Востоке англичане добились существенного расширения рынков сбыта промышленной продукции и получили доступ к дешевому сырью Азии. Благодаря увеличению потока эмиграции в Австралию, Новую Зеландию и Канаду упрочилось влияние метрополии в этих регионах и мире.

Восстание в Канаде в 1837 г. выявило проблему реформирования системы управления переселенческими колониями. После отпадения северо-американских территорий Канада стала самой крупной колонией Британии. Конституционный акт 1791 г. разделил английские владения в Северной Америке на две провинции — Нижнюю Канаду (с преобладающим франкоязычным населением) и Верхнюю Канаду (с преобладающим англоязычным населением). Политика метрополии заключалась в сохранении крупного землевладения, что тормозило экономическое развитие.

В Канаде нарастало движение протеста и борьба за самоуправление. В обеих провинциях действовали двухпалатные парламента, однако вся власть была у генерал-губернатора, назначавшегося метрополией. Колонисты требовали предоставления им права самим решать вопросы внутренней жизни. В социально-политической борьбе важное место занимали земельная и национальная проблемы. Первая была связана с тем, что 8 млн акров земли находились в руках церкви и феодальных сеньоров, а вторая — с тем, что политика правительства направлялась на защиту интересов выходцев из Англии и ущемляла франкоязычное население.

В мае 1838 г. в Канаду была послана комиссия для изучения причин восстания, которую возглавил лорд Дарэм. В январе 1839 г. он закончил подготовку

«Доклада». Там были проанализированы причины восстания и сформулированы предложения по изменению управления колонией. В «Докладе» рассматривались возможные последствия отказа от консервации существующих административных институтов и законов, предлагалось поощрение эмиграции и введение ответственного перед местным парламентом правительства при ограничении власти генерал-губернатора, присылаемого из Лондона. Неизменным должно было остаться сосредоточение всех ключевых позиций в руках правительства метрополии.

После подавления восстания правительство метрополии провело ряд реформ, направленных на смягчение наиболее острых социальных проблем. С 1842 г. вступил в силу Акт о союзе, который объединил Верхнюю и Нижнюю Канаду в одну колонию, устранив разделение по национальному принципу. Год 1845–1847 гг. в Ирландии привел к увеличению потока эмигрантов из метрополии. В эти годы в Канаду прибыло более 140 тыс. человек. Такой значительный приток рабочей силы стал одним из важных факторов, способствовавших подъему местной экономики.

Глава 4 ФРАНЦИЯ 1814–1847 гг.

Режим Реставрации 1814–1830 гг. Хартия 1814 г. Эпоха, которая наступила в истории Западной Европы после падения империи Наполеона I, получила название эпохи Реставрации. Название это связано с восстановлением монархических режимов, сметенных в период французской революции конца XVIII в. и наполеоновских войн. Однако оно крайне условно, так как возврат к прошлому, полный и всеохватывающий, нигде не был возможен. И в наибольшей степени это касалось Франции, причем понимание этого было по существу всеобщим. Ведь вопрос о том, какой будет Франция после поражения Наполеона Бонапарта, решался не самой Францией, а державами — победительницами в наполеоновских войнах. И они проявили известное великодушие и главное — признание глубины тех преобразований, которые произошли во Франции в период революции и были упрочены во время наполеоновского господства.

Весной 1814 г. союзные войска быстро продвигались к Парижу. Бои под Парижем были упорными, но не продолжительными. 30 марта 1814 г. союзные войска вступили в столицу Франции. Наполеон подписал отречение от престола в пользу своего сына. Однако Сенат 6 апреля под давлением европейских держав предложил корону Людовику XVIII — графу Прованскому, брату казненного короля Людовика XVI.

30 мая 1814 г. правительство Людовика XVIII заключило мир с державами, входившими в антифранцузскую коалицию. Ш.М. Талейран, который представлял Францию на переговорах, выторговал условия не самые худшие, что было связано, конечно, не только с дипломатическими талантами Талейрана, но и с теми противоречиями, которые стали проявляться в отношениях между союзниками по антифранцузской коалиции. Франция возвращалась к границам 1792 г., т.е. отказывалась только от земель, которые были ею завоеваны во время войн с европейскими державами в конце XVIII в. — начале XIX в. Не требовали от Франции и возмещения того ущерба, который был нанесен этими войнами соседним государствам. Договор предусматривал восстановление династии Бурбонов во Франции, Испании и Неаполитанском королевстве. Таким образом, династия Бурбонов вернулась во Францию, как с горечью шутили современники, «в обозе держав-победительниц».

Условия этого договора были пересмотрены после знаменитых «ста дней» Наполеона и окончательного разгрома его армии при Ватерлоо 18 июня 1815 г. По Парижскому миру 1815 г. Франция должна была выплатить контрибуцию в 700 млн франков и содержать оккупационные войска (они были выведены в 1818 г. после уплаты контрибуции). Думается, что Талейран не преувеличивал, когда так оценил итоги очередной наполеоновской авантюры: «Он погубил себя и погубил Францию».

В начале июня 1814 г. Людовик XVIII опубликовал новую конституцию Франции — «Хартию 1814 г.», которая установила конституционно-монархический режим и создала условия для развития во Франции системы парламентаризма. Введение во Франции режима конституционной монархии также было санкционировано державами-победительницами. Согласно Хартии 1814 г. король Франции царствует в силу Божественного права, т.е. подчеркивалась легитимность восстановленной монархии. Хартия не являлась результатом договора власти и народа, она даровалась королем своему народу.

Государственным флагом стал белый флаг Бурбонов. Личность короля провозглашалась «священной и неприкосновенной», ему вручалась вся полнота исполнительной власти: назначение министров, ведение внешней политики, созыв и роспуск законодательных палат. Министры были ответственны только перед королем. Законодательная инициатива также принадлежала королю.

По Хартии 1814 г. власть короля ограничивалась Законодательным собранием, состоящим из двух палат. Верхняя палата — палата пэров — назначалась королем, звание пэра было наследственным. Нижняя — палата депутатов — избиралась на основе высокого возрастного и имущественного ценза (30-летний возраст и 300 франков прямых налогов для избирателей, 40-летний возраст и 1000 франков налогов — для избрания в депутаты). Право избирать и быть избранными имели только мужчины. Избирательные права получили лишь около 120 тыс. человек, а быть избранными 16–18 тыс., при населении примерно 35 млн чел.

В основу имущественного ценза была положена ставка прямого, т.е. поземельного налога. Признав крупное состояние главным критерием политических прав, Хартия санкционировала превращение, прежде всего, крупного земельного собственника в политически господствующую силу. Именно из этой социальной группы, представляющей бывшей земельной аристократии и буржуазии, вкладывающей свои капиталы в землю, преимущественно формировался правящий слой в первой половине XIX в. Эта политическая элита получила название «нотабли», позаимствован этот термин был из политико-юридического словаря Старого порядка.

Хартия 1814 г. декларировала гражданское равенство, неприкосновенность личности, свободу печати, свободу совести (утвердив при этом роль «католической апостольской римской религии» как государственной). Таким образом, Хартия 1814 г. закрепила социально-политическую организацию общества, которая создавалась в годы революции конца XVIII в. Эта система характеризовалась формальным равенством всех французов перед законом, представительным характером государственного правления, признанием политических прав граждан, обладавших установленным цензом.

Личность Людовика XVIII была крайне противоречивой. С одной стороны, он был абсолютно убежден в божественном происхождении королевской власти и намерен был пользоваться всей полнотой своих прав. Но одновременно Людовик XVIII, имея, как отмечали современники «ум ясный и скептический, не склонный к иллюзиям», понимал, что всякое намерение править, нарушая либеральный режим, существенно корректируя или даже уничтожая институты, созданные революцией, может вновь привести к революционному взрыву в стране и потере им своей короны. Поэтому политика Людовика XVIII была направлена на достижение компромисса между «старой» и «новой» Францией в целях умиротворения страны.

Однако режим Реставрации не смог избежать политической реакции в стране. Вернувшиеся вместе с Бурбонами тысячи дворян-эмигрантов требовали расправы над политическими деятелями времен революции и наполеоновского режима. В стране развернулся «белый террор» — так современники называли преследование людей, которые были известны своими симпатиями к революции. Было арестовано около 70 тыс. человек, суды вынесли более 9 тыс. обвинительных приговоров по политическим делам. Из административных учреждений было уволено до $\frac{1}{4}$ их состава, проведена чистка армии, расстрелян маршал Ней, перешедший на сторону Наполеона в период «ста дней».

В обстановке «белого террора» были проведены выборы в палату депутатов. Они привели к победе ультрароялистов, не признававших политики Людовика XVIII, направленной на достижение компромисса.

В стране развернулась абсолютистская и клерикальная пропаганда. Обстановка в палате была такой, что сам Людовик XVIII назвал ее «бесподобной». Поэтому в сентябре 1815 г. король поставил во главе правительства герцога Ришелье, поддерживающего его курс. Режим Реставрации не посягнул на те изменения в распределении земельной собственности, которые произошли в годы революции: конфискованные и распроданные земли остались в руках их новых собственников. Сохранились буржуазные кодексы и структура управления, введенные при Наполеоне Бонапарте. Вместе с тем восстанавливались титулы (но не основные привилегии) старого дворянства, которое в немалой степени сумело сохранить свои земли в годы революции, которое в немалой степени возвращали их конфискованные земли только в том случае, если эти земли не были проданы. Титулы, розданные Наполеоном I, были также признаны.

Быстрый рост земельной ренты в первой половине XIX в. способствовал тому, что земельные собственники, и прежде всего дворянство, упрочили свое экономическое положение. Поэтому дворянский образ жизни в этот период обладал еще огромной притягательной силой: замок, поместье, титул представлялись символами общественного превосходства.

Тактика умиротворения, компромисса, которую проводило правительство Людовика XVIII, по словам крупного французского писателя и политического деятеля Шатобриана «поскользнулась на крови». В 1820 г. ремесленником Лувелем был убит наследник престола герцог Беррийский. Покушаясь на его жизнь, Лувель хотел положить конец правлению во Франции Бурбонов. Однако эти события вернули Францию к временам «бесподобной палаты». В 1821 г. было вновь сформировано правительство ультрароялистов. Началось наступление на конституционные принципы — восстанавливалась цензура, которая была отменена законом 1819 г., вводился надзор церкви над учебными заведениями. В 1823 г. Франция с санкции Священного союза направила войска для подавления революции в Испании.

Идейные течения. Вся духовная жизнь Франции первых десятилетий XIX в. была связана с осмыслением событий революции конца XVIII в. Просветительским идеям был нанесен почти смертельный удар применением их на практике (террор, установление диктаторского режима). Реакция в сфере культуры была если не всеобщей, то глубокой. Духовные и нравственные ориентиры, уходящие в историческое прошлое, невозможность разрыва в истории, отрицание абстрактно разумного и неразумного в истории — эти вопросы поднимались всеми мыслителями того времени. В атмосфере общей реакции против рационализма XVIII в. получает развитие, наверное, самая плодотворная идея XIX в. — идея органического (а не произвольно предначертанного разумом) развития человеческого общества (форм государственного устройства, права и т.п.).

Осмысление идей XVIII в. велось с различных политических позиций. Французские консерваторы — виконт Л. де Бональд, граф Ж. де Местр, аббат Ф. де Ламэннэ и отчасти виконт Ф. де Шатобриан — подвергли сомнению возможности человеческого разума, направив на него всю силу своего скептицизма. Божественное откровение для них — единственный источник всякого познания. Тяга человека к абсолютной полноте своего бытия оборачивается торжеством разрушительных сил, поскольку природа человека греховна, он не что иное, как «сосуд страстей и похотей» (Л. де Бональд).

Французские консерваторы видели путь к спасению общества от распри и разрушительного противостояния в усилении роли религии и церкви. По мнению де Бональда, «бог — автор всех совершенных законов или необходимых отношений, имеющих среди социальных существ». Идеи о сбалансированности светских и религиозных властей, о необходимости в обществе светских и глав-

ное религиозных авторитетов проходят через все труды консерваторов этого времени. Только традиционная, наследственная монархическая власть выглядела в их глазах легитимной. Революция 1789 г. представлялась или как дерзкое восстание лжемудрствующего человека против Бога и вековых порядков, созданных Богом и органическим процессом истории, или как божественное попущение в целях наказания человека за вольнодумство XVIII в. Эти представления были чрезвычайно распространены во французском обществе в начале XIX в.

В 1802 г. вышел труд Шатобриана в 5 томах «Гений христианства», в котором он прославлял христианство, его красоту, нравственную чистоту и главное — огромную созидательную роль. Католичество, по мнению автора, служило живой связью между поколениями людей, поддерживало в обществе традиции и высокую нравственность. И только христианство может стать противоядием разрушительным идеям XVIII в. Успех этого труда Шатобриана был поразительным, он несколько раз переиздавался.

Деятельность французских консерваторов относится преимущественно к периоду Реставрации 1814—1830 гг. В 30-40-е гг. консерваторы все чаще в своих воззрениях пересекаются с либералами.

Влиятельным идейным течением этого времени был либерализм. Французский либерализм сыграл в первой половине XIX в. громадную роль в развитии общественного самосознания и общественной инициативы во Франции. Либеральную мысль эпохи олицетворяла знаменитая пара — Жермена де Сталь и Бенжамен Констан, а также группа интеллектуалов, игравших довольно активную роль в политике этого времени — П. Ройе-Коллар, Ф. Гизо и др. Группа эта получила название «доктринеры».

В эпоху Реставрации французские либералы были защитниками новой Франции, рожденной революцией. Они выдвинули тезис об исторической правомерности французской революции конца XVIII в., ее прогрессивности с точки зрения тех принципов, которые она утверждала, и брали под защиту рожденный ею бессловесный гражданский строй.

Все либеральные воззрения этого времени были связаны с верой в исторический прогресс, в возможности достижения гармонии в обществе в результате развития идей и целенаправленной законотворческой деятельности человека. Либералы писали об органическом развитии человеческого общества, об огромной роли религии в историческом развитии, о том, что нет и не может быть бесполезных периодов в историческом развитии. В основе прогресса, считали они, лежит развитие личности, ее культурный рост, расширение ее прав, увеличение ее свобод (слова, совести, прав собственника).

Жермена де Сталь... Любимым словом этой удивительной женщины было слово СВОБОДА. Нескончаемые призывы всех ее сочинений к чувству человеческого достоинства, прославление неотъемлемых прав человека, величия его природы, вера в огромные возможности его духа и тягу к нравственному совершенствованию сделали имя Ж. де Сталь бессмертным.

Главным теоретиком французских либералов в первые десятилетия XIX в. был Б. Констан. Центральная тема его теоретических работ, выступлений в парламенте — свобода личности. Индивид — творец идей, которые формируют общественный дух, социальные и политические институты. Поэтому индивид, его духовное совершенствование, идейное развитие — главная забота общества и государства. Средством для достижения этой цели служат конституционные гарантии. Основной труд Б. Констана «Курс конституционной политики» сразу же был назван политиками «учебником свободы».

Народный, демократический характер французской революции конца XVIII в., а главное — ее политическая практика вызывали страх у либеральных

политиков эпохи Реставрации. Все их симпатии на стороне представительской системы управления, они отвергали любую форму всеобщего голосования.

Во Франции оформились оппозиционные либеральные политические течения, группировавшиеся вокруг парламентских фракций. Наиболее умеренное крыло либеральной оппозиции представляли конституционалисты-роялисты («доктринеры»). Их главой со второй половины 20-х гг. был Франсуа Гизо. Свою главную задачу они видели в обеспечении во Франции политической стабильности и сохранении свобод, дарованных Хартией 1814 г. Поэтому главное, что было характерно для либералов этого направления — политика так называемой «золотой середины», что подразумевало компромисс между «старой» и «новой» Францией. Компромисс, как им казалось, обеспечит Франции покой, порядок и, главное, свободу. Этой задаче, считали «доктринеры», полностью отвечает Хартия 1814 г., в борьбе за сохранение и упрочение ее принципов они и видели свою основную задачу.

Более радикальных взглядов придерживались либералы, получившие название «независимых». Их главой был Б. Констан. Политический идеал Констана — конституционная монархия английского типа. Поэтому Хартия 1814 г. рассматривалась им как начало конституционного развития Франции. Цель государства, считал Б. Констан, — свобода личности, средством для достижения этой цели служат конституционные гарантии: свобода слова, печати, совести и т.д.

Все либералы эпохи настаивали на необходимости имущественного ценза: «Только собственность делает людей способными выполнять свои политические обязанности» (Б. Констан). Идея обеспечения господства имущих слоев в обществе — одна из основных в многочисленных выступлениях Ф. Гизо. Он считал, что положение буржуазии, которую он называл «средним классом» между аристократией и низшими слоями, позволяет ей быть связующей силой и одновременно выразителем интересов большинства нации. Имущественное состояние и образованность этой социальной группы позволяет ей иметь независимость суждений и поступков.

Большой общественный резонанс вызвали труды оформившейся в 20-х гг. XIX в. школы либеральных историков периода Реставрации. Ее виднейшими представителями были О. Тьерри, Ф. Гизо, Ф. Минье, А. Тьер. Вглядываясь в прошлое, они пытались понять закономерности в развитии человеческого общества, найти «связь причин и действий». Эти историки отстаивали правомерность завоеваний французской революции, прогрессивность либеральных учреждений. Общая идея историков этой школы — и ее талантливо отстаивал на своих лекциях в Сорбонне Ф. Гизо — заключалась в том, что революция — это стадия вековой эволюции, ведущей к установлению общества более совершенного, нежели предыдущее.

Либеральные историки разработали концепцию общественных классов и роли классовой борьбы в истории. С точки зрения борьбы классов О. Тьерри, Ф. Гизо рассматривали историю средневековой Франции и Англии, Ф. Минье и А. Тьер — историю французской революции конца XVIII в. Однако исторически правомерной они считали лишь борьбу буржуазии во главе третьего сословия против феодального дворянства, не признавая за народными массами исторического права на самостоятельные политические действия и тем более на борьбу, направленную против буржуазии.

В начале XIX в. оформляются идеи знаменитых французских социалистов Анри де Сен-Симона и Шарля Фурье. Критика набиравшей силу капиталистической системы, настойчивый теоретический поиск возможной альтернативы капитализму придавали социалистическим идеям новое по сравнению с XVIII в. острое звучание. Нищета, безработица, полное бесправие рабочих —

все эти явления буржуазного общества были подвергнуты критике, подчас беспощадной и остроумной, в трудах этих мыслителей.

Новое общество, свободное от анархии производства, нищеты, социального паразитизма, приведет к расцвету промышленности и сельского хозяйства; производство будет основано на достижениях науки и носить плановый характер. Все члены общества должны будут совместно трудиться, место каждого будет определяться его способностями. Этот «новый хозяйственный социетарный мир» (под таким названием вышло в 1829 г. самое законченное сочинение Фурье) придет на смену «строю цивилизации» (т.е. буржуазному обществу).

При этом в отличие от характерного для XVIII в. рационалистического естественно-правового обоснования социалистических идей Сен-Симон и Фурье ввели в социалистическую мысль принцип историзма, говорили об органическом развитии общества в направлении установления социалистических порядков. Переход к такому обществу представлялся этим мыслителям результатом мирных преобразований, так как они не считали интересы рабочих и промышленников антагонистическими.

Учения Сен-Симона и Фурье содержали подробную, даже детальную разработку (во многом фантастическую) устройства будущего общества как царства свободного и радостного коллективного труда, расцвета человеческой личности, устранения различий между физическим и умственным трудом, между городом и деревней.

Сен-Симон основал свою школу. В своих трудах сенсимонисты впервые сформулировали лозунг «уничтожение эксплуатации человека человеком». Им же принадлежит и формулировка социалистического принципа «от каждого — по его способностям, каждой способности — по ее делам».

Чрезвычайно сильна во Франции с конца XVIII в. была революционно-республиканская традиция. Ее носителями были в основном городские жители (преимущественно Парижа) — ремесленники, интеллигенция, студенчество, мелкие буржуа, — в среде которых на протяжении всего XIX века были живы воспоминания о событиях революции 1789 г. и, прежде всего, упование на решение политических проблем путем вооруженного восстания против власти.

В 1821 г. во Франции возникло тайное общество карбонариев (по образцу итальянских карбонариев), которое ставило своей целью ниспровержение династии Бурбонов с помощью революционного переворота. Общество носило заговорщический характер и строилось на началах строгой конспирации. Членами этого общества были многие видные политические деятели, например, участник Французской революции генерал Лафайет. Большинство карбонариев выступало за республиканскую форму правления. В 1822 г. карбонарии попытались поднять восстание в ряде городов и военных крепостей Франции. Однако заговоры были быстро раскрыты, выступления подавлены, многие карбонарии арестованы и казнены.

Усиление дворянско-клерикальной реакции. Июльская революция 1830 г. В 1824 г. умер Людовик XVIII. Под именем Карл X на престол вступил его брат граф д'Артуа, вождь ультрароялистов. Его называли королем эмигрантов. Карл X начал вести откровенно реакционную политику, считая политику компромисса, которую так настойчиво проводил Людовик XVIII, ненужной, противоречащей божественному праву королей.

В 1825 г. был издан закон о денежном возмещении бывшим владельцам национализированной в годы революции недвижимой собственности за счет обложения населения чрезвычайным налогом (1 млрд франков). Одновременно был издан «закон о святотатстве», который предусматривал суровую кару за действия против религии и церкви, вплоть до смертной казни путем четвертова-

ния и колесования. В 1827 г. была распущена Национальная гвардия. В 1829 г. правительство возглавил личный друг короля, один из вдохновителей «белого террора» 1815–1817 гг. князь Ж. де Полиньяк.

Все эти действия вызвали острое недовольство в обществе. В 1827 г. либералами под предводительством Ф. Гизо было основано общество «На бога надейся, а сам не плошай». Общество вело активную работу по подготовке выборов в палату депутатов. Его главной задачей было конституционными методами добиться победы либералов на выборах, а это должно было привести к падению кабинета Полиньяка. Деятельность либеральной оппозиции была успешной, и на выборах в палату депутатов 1827 г. и 1830 г. либералы дважды одерживали победу. Эти события и послужили катализатором политического кризиса лета 1830 г.

Парламентская процедура во Франции предусматривала ежегодный адрес, направляемый королю палатой депутатов. Очередное послание было уважительным по форме, но содержало предупреждение королю о том, что он нарушает основы политического строя, установленного Хартией 1814 г. Карл X прервал заседание палаты, и вскоре она была распущена. А после того как в результате новых выборов в палату депутатов выяснилось, что победу вновь одержали либералы, Карл X издал ордонансы, которые нарушали Хартию 1814 г. — об отмене свободы печати, роспуске палаты депутатов, повышении избирательного ценза и назначении новых выборов.

26 июля 1830 г. ордонансы Карла X были опубликованы в газетах. Режим Реставрации открыто шел к восстановлению абсолютистского строя в стране. Париж ответил на эти шаги власти в духе традиции, сложившейся во Франции в годы революции конца XVIII в. — бурными народными демонстрациями. Уже на следующий день в столице началось вооруженное восстание: улицы города покрылись баррикадами. Повстанцы — рабочие, ремесленники, мелкие лавочники, студенчество — вступали в бой с королевскими войсками.

События 27–29 июля, «три славных дня», были чисто стихийным народным движением, никем по существу не подготовленным и не возглавленным. Но уже 28 июля на улицах Парижа появились национальные гвардейцы, во главе которых встал генерал Лафайет, известный своими республиканскими взглядами. Ветеран революции был очень восторженно встречен восставшими: «Да здравствует Лафайет! Лафайет с нами!» Эта новость вызвала волну дезертирства в правительственных войсках. Часть солдат регулярной армии стала переходить на сторону восставшего Парижа. 29 июля начался штурм королевского дворца. К вечеру над Тюильри развевалось знамя революции. Повсюду слышались крики: «Да здравствует Хартия! Да здравствует Франция!» Карл X отскочил от престола и покинул Францию. В июльских событиях 1830 г. вновь подтвердилась ведущая политическая роль Парижа — выступление народных масс столицы решило судьбу династии Бурбонов.

О перемене династии в пользу представителя младшей ветви Бурбонов герцога Луи Филиппа Орлеанского, который давно претендовал на роль лидера всей либеральной оппозиции, первыми заговорили журналисты. Была распространена прокламация, которая призывала французов поддержать Луи Филиппа Орлеанского. Его называли в прокламации королем-гражданином, человеком, преданным делу революции.

Герцог Орлеанский устроил всех, кроме немногочисленной группы республиканцев, которая состояла в основном из людей молодых, неопытных и не способных выдвинуть ни одного авторитетного кандидата, кроме Лафайета. Однако и Лафайет, который вновь приобрел в эти революционные дни огромную популярность, стал склоняться к этой кандидатуре. Поддержка Лафайе-

том Луи Филиппа Орлеанского в ситуации крайней революционной напряженности сделала возможной сохранение монархической формы правления.

7 августа 1830 г. Палата депутатов, объявив трон вакантным, предложила его герцогу Орлеанскому. На заседании обеих палат 9 августа Луи Филипп торжественно принес присягу конституции и вступил на французский престол.

Июльская революция 1830 г. носила преимущественно характер политического переворота, который положил конец притязаниям ультрароялистов на восстановление хотя бы частично абсолютистских порядков во Франции.

Революция 1830 г. во Франции произвела огромное впечатление на современников и имела большое международное значение. «То были солнечные лучи, завернутые в бумагу, и они произвели в душе моей самый дикий пожар», писал в 1830 г. великий немецкий поэт Генрих Гейне. Эта революция явилась катализатором других революционных выступлений в Европе, которые расшатывали «Венскую систему» международных отношений, и дала толчок к проведению либеральных реформ в других странах (в частности, активизировала движение за парламентскую реформу в Англии).

Режим Июльской монархии. Хартия 1830 г. Во Франции вновь была установлена конституционная монархия. Однако триколор (сине-бело-красный) стал национальным флагом страны. Нового короля Луи Филиппа, крупнейшего лесовладельца и финансиста, называли «королем-буржуа». Это прозвище он получил за вполне буржуазный стиль жизни, которого придерживался не только до вступления на престол, но и после. Сам о себе он говорил: «Я и столяр, и конох, и каменщик, и кузнец». Став королем, Луи Филипп любил гулять по Парижу один, без охраны, с легендарным зонтиком под мышкой. Если учесть, что в 30-е годы XIX века на него было совершено восемь покушений — это был поступок несомненно смелого человека. Новый король часто и в неофициальной обстановке принимал представителей оппозиции, а своих детей отдал учиться в «Колледж Генриха IV». В Гюго так написал о нем: «манеры он усвоил при старом порядке, а привычки при новом, то была смесь дворянина и буржуа, подходящая для 1830 года».

Специальная комиссия, в которую входили Ф. Гизо, Б. Констан и др., «переделала» Хартию 1814 г. в более либеральном духе. Хартия 1830 г., в отличие от Хартии 1814 г., уже не представлялась как добровольная уступка со стороны королевской власти, а признавала за самим французским народом политические права на обладание конституцией, которая является неотъемлемым достоянием нации. Новый король Луи Филипп Орлеанский должен был править Францией не по наследственному праву, а по приглашению французского народа. Король не мог отменять или приостанавливать законы, принятые парламентом, утрачивал право законодательной инициативы, являясь главой исполнительной власти. Члены палаты пэров должны были избираться, как и члены нижней палаты. Хартия 1830 г. провозглашала свободу слова, печати, собраний, совести. Католицизм из государственной религии превращался в религию, «исповедуемую большинством французов». Религиозная коронация упразднилась и заменялась присягой короля конституции в присутствии членов двух палат. Таким образом, во Франции получила дальнейшее развитие система парламентаризма. Палата депутатов стала играть большую роль в политической жизни страны. Однако практика формирования министерства на основе парламентского большинства в годы Июльской монархии не сложилась. Министров назначал король. Луи Филипп не хотел видеть в парламенте сильный институт власти.

В годы Июльской монархии были снижены возрастной и имущественный цензы, что приблизительно вдвое расширило корпус избирателей. Но это не

привело к кардинальным переменам с точки зрения социoproфессионального состава парламента, в котором по-прежнему преобладал узкий слой богатейших людей Франции — крупные земельные собственники, банкиры, биржевые и железнодорожные «короли», владельцы угольных копей, железных рудников и крупных металлургических заводов, лесов¹.

Этот узкий слой буржуазии К. Маркс назвал «финансовой «аристократией», что очень точно отражает реальность. «Финансовая аристократия» получала высокие должности в аппарате государства, она пользовалась громадными государственными субсидиями и различными привилегиями. Все это увеличивало бюджетный дефицит, который стал при Июльской монархии хроническим явлением. Следствием этого было неуклонное возрастание государственного долга. То и другое отвечало интересам «финансовой аристократии»: государственные займы, на которые шло правительство для покрытия дефицита, давались под большие проценты и были верным источником ее обогащения. Рост государственного долга усиливал политическое влияние этих слоев буржуазии и зависимость от них правительства.

Сосредоточение политического господства в руках «финансовой аристократии» отражало соотношение сил внутри самого буржуазного класса во Франции того времени. Промышленная революция еще далеко не завершилась, промышленная буржуазия и ее социально-экономическая мощь находилась в процессе становления. Это соотношение будет постепенно меняться в 30–40 гг. XIX в. по мере углубления промышленной революции во Франции.

Экономическое развитие Франции в первой половине XIX в. Промышленная революция. Как и везде в Европе, XIX в. во Франции стал веком промышленной революции, которая создавала условия для коренной перестройки общества из аграрного (традиционного) в промышленное, индустриальное. Никогда раньше не было такого огромного роста материального производства, таких активных торговых контактов между народами, такого культурного общения между ними.

Новые формы производства и торговли способствовали росту городов, городского населения и как следствие — росту общественного самосознания и развитию общественной инициативы.

В первой половине XIX в. Франция оставалась экономически наиболее развитой после Англии страной Европы. Именно в этот период в стране развернулась промышленная революция. Начало промышленной революции во Франции относится к первому десятилетию XIX в., когда машинное производство вытеснило ручной труд в хлопкопрядении. Вслед за хлопкопрядением технический переворот охватил и некоторые другие отрасли — ситцепечатанье, производство шерстяных тканей и химическую промышленность (развивалось производство соды, резины, красок, спичек). Во второй четверти XIX в. он распространился на производство шелковых, льняных тканей, металлургию, машиностроение и транспорт. По производству шелка Франция вышла на первое место в Европе. Французские ткани, отличавшиеся высоким качеством, разнообразием рисунков, находили широкий сбыт в стране и за границей.

Серьезные сдвиги произошли в тяжелой промышленности. В металлургии на смену древесному углю пришел каменный: к 1847 г. на коксе выплавлялось уже две трети чугуна. Фабрично-заводской тип производства утвердился в черной металлургии, внедрялся в машиностроение, которое производило паровые машины, станки, паровозы и другое промышленное оборудование. Число паровых двигателей выросло с 1830 по 1848 г. в 8 раз (с 16 до 4853).

¹ Если в Англии в 1832 г. голосовал каждый тридцатый британец, то во Франции один из 155–165 французов.

В целом с 1825 г. по 1847 г. объем промышленного производства увеличился на 66%. В 30-е гг. началось строительство электрического телеграфа. В 1828 г. Париж получил газовое освещение, с середины 30-х гг. в нем началось (впервые в мире) асфальтирование улиц.

Париж в это время — второй после Лондона город Европы: к 1846 г. в нем проживало более 1 млн человек. Население других городов росло значительно медленнее: второй по численности город Франции — Марсель — насчитывал в 1846 г. 183 тыс. человек. К середине XIX в. не существовало такой отрасли промышленности, которая бы не была представлена в Париже. Среди них преобладали производство готового платья, строительная, пищевая, мебельная ($\frac{3}{4}$ оборота столичной промышленности приходилось на их долю). Облик среднего парижского предпринимателя — это владелец мелкого, зачастую ремесленного предприятия. Предприниматели, эксплуатирующие более 10 рабочих, составляли всего 11% от общего числа «хозяев».

Внедрение паровых машин привело к началу революции на транспорте. Сначала паровая машина была использована в судоходстве, а в 40-е гг. широкий размах, особенно на севере страны, получило строительство железных дорог. В 1842 г. их протяженность составила 570 км, а в 1848 г. — 1931 км.

Однако высокие темпы промышленного роста не изменили коренным образом структуру французской промышленности. По уровню промышленно-капиталистического развития Франция отставала от Англии. По масштабу и темпам железнодорожного строительства она отставала и от Англии и от Пруссии. Мелкое ремесленное производство и мануфактура сохранили еще свои позиции. Ручной труд ремесленника преобладал во многих отраслях легкой промышленности. То есть можно констатировать, что в начальный период промышленной революции развитие французской промышленности носило своеобразный дуалистический характер: параллельно с высококапитализированными отраслями во Франции существовали условия роста производства без внедрения машин, производства, основанного на эксплуатации дешевой рабочей силы. До определенного времени это было экономически выгоднее, нежели затраты на новые виды сырья и покупки машин. Этому способствовал и ряд других факторов. В первых, система протекционизма, которая приводила к сохранению конкурентоспособности отсталых предприятий. Кроме того, неразвитость системы путей сообщения; трудность и дороговизна транспортировки способствовали сохранению значения местных рынков.

Среди факторов, тормозивших размах и темпы промышленной революции, можно отметить и внутреннюю политику правительства Июльской монархии: его экономическая политика не была ориентирована на всемерное развитие промышленности. Особенно промышленность страдала от неразвитости кредитных учреждений, дороговизны и недостатка кредита, который был монополизирован кучкой крупных частных банков во главе с Французским банком.

К середине XIX в. Франция оставалась аграрной, крестьянской страной. Из 35 млн населения 75% были сельскими жителями. Сельское хозяйство Франции медленно, но развивалось по капиталистическому пути. На севере, в Парижском бассейне, укреплялось крупное капиталистическое фермерское хозяйство. Однако техническая база для развития крупного сельскохозяйственного производства еще отсутствовала. Поэтому во Франции среднее и мелкое крестьянское хозяйство на своей и арендованной земле довольно успешно конкурировало с крупным.

В первой половине XIX в. выросли за счет мелиорации площади сельскохозяйственных культур, несколько поднялась урожайность, получили распространение новые культуры — картофель, сахарная свекла, выросли виноградар-

ство и шелководство. Но все же техническое оснащение сельского хозяйства шло медленно. Сохранялись и усиливались технико-экономические различия между Севером, где в крупном фермерском хозяйстве применялись передовые методы хозяйствования, и районами Юга, где преобладало мелкое крестьянское хозяйство и издольная аренда. Хозяйства Юга сохранили еще свои традиционные черты, включая необходимые для их существования общинные земли и общинные порядки, которые медленно отмирали на протяжении XIX в.

Своеобразием аграрного развития Франции этого времени было то, что параллельно шли два процесса: концентрация земли в руках крупных землевладельцев и разбогатевших крестьян и процесс дробления (парцелляции) земельной собственности. Число мелких крестьянских хозяйств все время увеличивалось. Большинство французских деревень достигли своего демографического пика между 1840 и 1860 г. Причины такого развития событий следует искать в эпохе революции конца XVIII в., укрепившей владельческие права французского крестьянина и тем самым надолго привязавшей его к деревне. Сохранение опутанного ипотеками мелкого крестьянского хозяйства сдерживало урбанизацию и приток рабочей силы в город.

В результате дробления земельной собственности возрастала нужда мелко держателя земли, все чаще он был вынужден прибегать к помощи ростовщического кредита, к займам под залог своей земли. Ипотечная задолженность (8 млрд фр. к 1848 г.) стала подлинным бичом крестьянства. В то же время крупный земельный собственник в условиях роста земельной ренты в первой половине XIX в. сохранил и даже упрочил свое экономическое положение.

С конца 30-х гг. XIX в. промышленная революция во Франции начинает набирать темп. К этому времени исчерпал свои возможности метод снижения издержек производства посредством эксплуатации дешевой рабочей силы. Экономический кризис конца 40-х гг. положил конец динамичному развитию мелкого ручного производства. Оно вступает в полосу замедленного роста. Подъем крупной машинной индустрии привел в середине XIX в. к усилению промышленной буржуазии. Именно она постепенно превращается в ведущую фракцию буржуазии. Подлинными очагами промышленной революции стали районы северо-восточнее рек Луары и Роны — Парижский бассейн.

Развитие промышленности вело к постепенному формированию новой социальной группы населения — пролетариата (росту его численности). Рабочий класс был весьма неоднородным: фабрично-заводские рабочие, рабочие капиталистической мануфактуры, ремесленные рабочие. Фабрично-заводской пролетариат составлял еще меньшинство: к концу Июльской монархии из 5–6 млн рабочих всех категорий число работающих на крупных предприятиях составляло около 1 млн 300 тыс. человек. Значительную группу составляли полурбочие-полукрестьяне, занятые преимущественно на рассеянной мануфактуре. Живя и работая в деревне, они в значительной степени сохраняли крестьянскую психологию.

Положение рабочих было тяжелым. Рабочий день продолжался 15–16 часов, они были совершенно бесправны в социальном и политическом отношениях. Отпусков не было, трудовое законодательство отсутствовало.

Политическая жизнь во Франции в годы Июльской монархии. Либерализм в том истолковании, какое ему придало его правое крыло — доктринеры, стал официальной идеологией Июльской монархии. В руках представителей этого направления французских либералов оказалась вся сфера официальной политики — обе палаты Законодательного собрания, государственный аппарат. Лидера доктринеров Ф. Гизо часто называют идеологом режима Июльской монархии. Правящая либеральная группировка (ее сторонников стали называть

орлеанистами) получила в 1830 г. название «партия сопротивления», а позднее составила различные «династические» группировки в парламенте.

Само название «партии сопротивления» связано с пониманием доктринами смысла революционных событий 1830 г. Вину за революцию 1830 г. они возложили на Карла X и его окружение, которые не захотели «внутренней гармонии», изменив принципам Хартии 1814 г. Смысл революции сводился ими к смене династии, а сам режим Июльской монархии они считали идеальным с точки зрения «разума» и «потребностей» Франции, т.е. снимали проблему новых политических реформ в будущем. Отсюда очевиден и политический идеал правящей либеральной «партии»: сильный король с Хартией в руках. Только так, считали, можно восстановить законность и стабильность в стране, «вновь имевшей несчастье пережить революционный взрыв» (Ф. Гизо).

Либерализм эпохи Июльской монархии не исчерпывался правящей группировкой. Ей противостояла так называемая «партия движения», состоявшая из немногих республиканцев и левого крыла либеральной буржуазии. Она постоянно составляла оппозицию «партии сопротивления», ее представители не входили в правительственные органы и были слабо представлены в парламенте. Ее лидеры — Лафайет, Ж. Лаффит, О. Барро — понимали революцию 1830 г., как начало политического развития Франции по пути либерализма, что предусматривало снижение имущественного ценза и общую демократизацию режима в духе принципов 1789 г.

Проблема имущественного ценза была центральной в политических дискуссиях либералов в эти годы, но возможность отмены имущественного ценза, введения всеобщего избирательного права ими даже не рассматривалась. Гражданское равенство, по мнению французских либералов этой эпохи, совместно с неравенством политических прав, тем более, что «способные люди» всегда добьются успеха и смогут стать «собственниками».

Сторонники династии Бурбонов, отстраненные от власти Июльской революцией, составили ядро «партии» легитимистов. В 30-е гг. оживились бонапартисты, которые строили планы возрождения империи во главе с племянником Наполеона I принцем Луи Бонапартом.

Росло влияние республиканцев. Высокий имущественный ценз оставил за пределами официальной политической жизни громадное большинство французов. В течение всего периода Июльской монархии правительство испытывало постоянное давление со стороны демократической оппозиции. Вера в республику, демократию как панацею от всех бед (включая бедность и безработицу) оказалась чрезвычайно живучей во Франции. Эта демократическая традиция часто приобретала социальную окраску.

Республиканцы объединялись в две легальные группы. Первая — умеренные республиканцы или политические демократы — группировались вокруг газеты «Насьональ» (редактор А. Марраст). Они выступали прежде всего за политические реформы — установление во Франции республиканского строя и расширение избирательного права. Политические демократы большое внимание уделяли пропаганде активной внешней политики, охраны внутреннего рынка, доступности кредита, развития железнодорожного строительства. Необходимость же социальных реформ в стране ими отрицалась, на страницах своей газеты они вели яростную борьбу против идей социализма.

Вторая, более радикально настроенная часть республиканцев — социальные демократы, главой которых был адвокат А. Ледрю-Роллен, группировалась вокруг газеты «Реформа».

Социальные демократы выступали с требованием всеобщего избирательного права и с программой социально-экономических преобразований. Со-

циальный вопрос, борьба с последствиями промышленной революции (безработица, нищета и т.п.) — эти темы не сходили со страниц газеты «Реформа».

В 30-е гг. XIX в. начали возникать республиканские организации. В 1830 г. образовано «Общество друзей народа». В 1832 г., после попытки поднять в Париже восстание, оно было распушено. Новое республиканское общество «Прав человека и гражданина» вновь сделало в 1834 г. попытку поднять в Париже восстание. Восстание было подавлено, общество запрещено, многие его члены брошены в тюрьмы.

Кроме легальных групп республиканцев, возникли тайные республиканские организации, в программу которых входили насильственные методы борьбы с режимом Июльской монархии. В 30-е гг. XIX в. республиканцы организовали несколько покушений на Луи Филиппа, после чего правительство стало ограничивать свободу печати и ассоциаций. В результате республиканское движение было запрещено и загнано в подполье. Республиканское движение этого времени неразрывно связано с именем революционера, коммуниста по своим идейным убеждениям, Огюста Бланки. В 1837 г. под его руководством было создано тайное «Общество времен года», которое ставило перед собой задачу подготовки вооруженного восстания для низвержения Луи Филиппа и установления во Франции республики. К 1839 г. организация насчитывала 4–5 тыс. человек. Установление республики, по глубокому убеждению Бланки, неминуемо должно было привести к коммунистическому переустройству общества. В мае 1839 г. «Общество времен года» подняло в Париже восстание, которое было легко подавлено, общество разгромлено, а его руководители осуждены на пожизненное тюремное заключение.

Резкая политизация общественного сознания во Франции, выдвижение радикальных требований переустройства общественных порядков — историческая реальность французской истории 30-х годов XIX в. Все это свидетельствовало о силе революционно-республиканской традиции во Франции, что в свою очередь придавало процессу формирования гражданского общества определенные особенности: независимая от государства самостоятельность и самоорганизация граждан чаще всего принимала протестную, оппозиционную власти форму.

Такая ситуация приводила к тому, что идея политической стабильности, неизменности существующих общественных институтов стала доминирующей у сторонников Орлеанской династии. Свобода, считали они, невозможна без порядка, она превращается в хаос, становится опасной для общества и, более того, приводит к диктатуре.

Забывая о сочетании свободы и порядка французская правящая элита немало не заботилась о сочетании свободы с равенством, стремление к которому было столь характерно для французского общества с конца XVIII в.

За такое соединение принялся еще один видный деятель эпохи А. Токвиль. В поиске ответов на столь сложные вопросы он отправился в Америку, где провел почти два года и написал книгу «Демократия в Америке», которая принесла ему всемирную славу. Его главный вывод — на смену аристократическому духу пришло стремление к равенству и остановить это движение невозможно. Современное общество неудержимо развивается в демократическом направлении.

А. Токвиля, аристократа по происхождению, не радует такая перспектива прежде всего потому, что демократия, по его убеждению, пагубна для политической свободы и убивает индивидуальность. Поэтому необходимо, чтобы власть направляла, контролировала это движение в сторону демократии. Суть его социальной концепции — в ликвидации жесткой централизации в политическом устройстве страны, развитии местного самоуправления и независимого суда, как способе отвлечения активности народных масс от вопросов боль-

шой политики. Впоследствии Ф. Гизо, возглавлявший французское правительство накануне революции 1848 г., пожалел, что не прислушался к его советам.

С 30—40 гг. XIX в. постоянным фактором политической жизни Франции стало рабочее движение. Первым самостоятельным вооруженным выступлением французского пролетариата было восстание рабочих Лиона в 1831 г., направленное против жестокой эксплуатации их труда. Подняли восстание рабочие шелкоткацких мануфактур, позднее к ним присоединились рабочие и ремесленники других предприятий. Лионские предприниматели отказывались повысить рабочим заработную плату. Чтобы заставить хозяев пойти на уступки, было решено провести массовую демонстрацию. 21 ноября 1831 г. рабочие построились в колонну в предместье Лиона и двинулись в город. У городской ратуши рабочих обстреляла Национальная гвардия, что заставило их взяться за оружие. Восстание проходило под лозунгом «Жить работая или умереть сражаясь!», в нем участвовало около 30 тыс. человек. Правительственные войска вынуждены были покинуть город. И только 3 декабря, подведя к Лиону 20-тысячную армию, удалось восстание подавить.

В апреле 1834 г. вновь вспыхнуло восстание в Лионе. Шесть дней рабочие Лиона вели неравную борьбу с 30-тысячной армией. Восстание было потоплено в крови.

Новой чертой рабочего движения 40-х гг. XIX в. стало все более широкое проникновение в среду рабочих коммунистических и социалистических идей. Книга Ф. Буонаротти «Заговор Бабефа» раскупалась так, что позволяла книготорговцам делать на ее продаже хорошие деньги.

Посредством газет, листовок, брошюр и книг социалистической направленности популяризовалось представление о том, что современное общество далеко от идеала, оно несправедливо и спасти людей от обнищания можно лишь уничтожив частную собственность на средства производства. Особенной популярностью пользовались идеи Т. Дезами и Э. Кабе.

Глубокая социальная реформа, которая не отменила бы частную собственность, а способствовала бы равному доступу к ней и в конечном итоге справедливому распределению плодов производства, пропагандировалась Л. Бланом и П.Ж. Прудомом. Они выдвигали планы мирного переустройства общества на социалистический лад на основе сотрудничества всех социальных групп и при поддержке государства.

Социально-экономические и политические изменения, связанные с разрушением традиционного общества и развитием капиталистического способа производства, способствовали подъему во Франции народного образования и уровня грамотности. В результате реформы народного образования (1833 г.) была создана единая система начальных школ и количество их значительно увеличилось. Дети, чьи родители получали от муниципалитета удостоверение о бедности, могли учиться бесплатно. Результат этой реформы оказался довольно быстро: если в 1829 г. только 45% призываемых в армию умели читать, то в 1848 г. — 64%. Рост грамотности привел к расширению круга читателей, что способствовало усилению политического влияния периодической печати. Число газет и журналов росло как в Париже, так и в провинции. В годы Июльской монархии выходило около 700 газет и журналов, вдвое больше, чем при Реставрации, а их ежедневный тираж вырос в 4 раза.

Внешняя политика. Колониальная экспансия. Основное направление внешней политики Франции после поражения наполеоновской империи было по существу определено решениями Венского конгресса и становлением «Венской системы» международных отношений. Тот баланс сил, который был создан в Вене в 1815 г., не давал Франции возможности вернуть свои прежние лидиру-

ющие позиции на международной арене. Поэтому с 1815 г. все усилия Франции были направлены на то, чтобы добиться пересмотра Венских трактатов.

Сломать зафиксированную Венским конгрессом расстановку сил на международной арене Франция пыталась двумя способами. Сначала в период Реставрации была сделана попытка стать важным компонентом новой международной системы. В 1823 г. Франция с санкции Священного союза направила войска для удушения революции в Испании. Однако французские дипломаты искали и другой путь — заключение двусторонних союзных договоров с державами Европы, что означало бы разрушение «Венской системы», которая никаких частных союзов не допускала. В период Реставрации Франция под таким «частным союзом» подразумевала союз с Россией, рассчитывая с ее помощью выйти из международной изоляции, в которую попала после наполеоновских войн. Однако русский император, увлеченный идеей расширения Священного союза, превращения его в «Великий союз», братский и христианский, на такой союз не пошел, хотя и сделал все, чтобы Франции постепенно был возвращен хотя бы номинально статус великой державы.

Революция 1830 г. усложнила международное положение Франции. Вновь появилась угроза ее дипломатической изоляции. Свержение легитимного режима во Франции, прочно интегрированного в Венскую международную систему, было фактором постепенного ее разрушения. Кроме того, для легитимных монархов Европы революция во Франции означала возрождение революционной угрозы, исходящей вновь из Франции.

Однако революция 1830 г. не внесла существенных изменений во внешнеполитический курс Франции. Как только страсти, связанные с утверждением нового политического режима, улеглись, Франция вновь принялась за решение основной для нее задачи — возвращения лидирующего положения в международном сообществе, что было возможно лишь после развала всей «Венской системы». Решить эту основную задачу французская дипломатия, как и в период Реставрации, рассчитывала путем заключения двусторонних союзных договоров.

В 30—40 гг. XIX в. французским политическим деятелям казалось, что искомым партнером должна стать не Россия, а Англия. Франция делала ставку на следующую дипломатическую комбинацию: расколоть Европу на два военно-политических блока по идеологическому принципу — с одной стороны Франция и Англия, с другой — Австрия, Россия и Пруссия.

Однако ни в 30-е, ни в 40-е гг. действительного и устойчивого сближения двух буржуазных государств в Европе на основе лишь общности либеральных политических институтов в противовес абсолютистским режимам не произошло. Непосредственные внешнеполитические противоречия, экономическое и торговое соперничество не позволили осуществиться так называемому «сердечному согласию» между Англией и Францией. Особенно острые противоречия были в области таможенной политики и в колониальном вопросе.

Всякое сближение с Францией Англия оговаривала обязательным пересмотром таможенной политики Франции, снижением пошлин на многие товары, т.е. фактически речь шла об открытии французского рынка для английских товаров. Снизить пошлины и открыть свой рынок французское правительство не могло — это противоречило интересам французской буржуазии.

Особенно обострились англо-французские противоречия в 40-е гг. XIX в., когда Июльская монархия перешла к активной колониальной политике и возобновила начатое еще при Карле X завоевание Алжира. Это отвечало интересам развивающейся крупной индустрии, нуждавшейся в дешевом сырье и широком рынке сбыта готовой продукции. Население Алжира оказывало упорное сопротивление. Однако к 1847 г. Алжир был завоеван. Одновременно с Алжи-

ром Франция стремилась увеличить свои колониальные владения в Западной Африке — началось покорение Берега Слоновой Кости, внутренних районов Сенегала, Габона.

Несмотря на отдельные успехи в области внешней политики, изменить то соотношение сил, которое сложилось в 1815 г., вернуть себе положение лидера в решении международных вопросов Франция в первой половине XIX в. так и не смогла. Это способствовало возрождению во Франции идеи национальной исключительности. Именно с растущим национализмом связано появление во Франции 40-х гг. XIX в. культа Наполеона I. В 1840 г. его прах торжественно и с почестями был возвращен во Францию. «Дух Ватерлоо» (т.е. дух реванша) не отпускал французов в первой половине XIX в., и всякое правительство, которое стремилось решать внешнеполитические задачи без учета этого, было обречено на непопулярность во французском обществе.

Назревание кризиса Июльской монархии. Внутренняя и внешняя политика Июльской монархии привела к тому, что в оппозиции к этому режиму оказались широкие слои населения — рабочие, мелкая буржуазия, торгово-промышленная буржуазия. Социальная база режима становилась крайне узкой. С середины 40-х гг. XIX в. быстро нарастала кризисная ситуация в стране.

Политическое господство «финансовой аристократии» вызвало мощную буржуазную оппозицию, поскольку представляло постоянную угрозу для интересов промышленной буржуазии. Если в первые годы Июльской монархии число представителей промышленников в палате депутатов было близко к половине ее состава, то к 1847 г. оно сократилось до одной трети. И это в то время, когда промышленная буржуазия приобретала все большее экономическое значение. Такая диспропорция — важнейшее противоречие политической жизни Франции 40-х годов XIX в.

Левое крыло французских либералов, возглавляемое Одилоном Барро, выступило с лозунгом избирательной реформы. Не получив понимания в правительственных кругах, они вынуждены были обратиться к обществу. Летом 1847 г. во Франции началась широкая кампания публичных политических банкетов. В виде тостов на них произносились речи с требованием политических реформ.

Однако, несмотря на складывавшуюся в стране революционную обстановку, правительство Июльской монархии не сумело приспособиться к общественным переменам и внести коррективы в свою политику. Поглощенный заботами о сохранении порядка в стране, режим Июльской монархии проглядел зарождение мощной демократической оппозиции. Глубокий политический кризис Июльской монархии стал очевидным.

Глава 5 ГЕРМАНСКИЕ ГОСУДАРСТВА В 1815–1847 гг.

Первые полтора десятилетия XIX в. в Германии были ознаменованы своеобразной «территориальной революцией», существенно изменившей ее традиционный облик, но сохранившей главное — политическую раздробленность. Принятые Венским конгрессом решения по германскому вопросу соединяли в себе традиции Священной римской империи, признание значительной части наполеоновских преобразований, а также потребности новой системы международных отношений. Впрочем, территориальная проблема в Германии оказалась настолько сложной, что окончательно ее удалось разрешить лишь в 1819 г. после трехлетних переговоров уже вне рамок Венского конгресса.

Наиболее существенные изменения сводились к следующему. Резко сокращалось количество германских государств: если в конце Старого порядка Германия насчитывала почти 300 государств и свыше 1500 различных носителей суверенных прав, то теперь лишь около 40. Наряду с Австрией и Пруссией в качестве нового важного фактора заявила о себе так называемая «Третья Германия», т.е. группа средних государств, укрепивших свои позиции благодаря территориальным приобретениям в наполеоновскую эпоху и получивших полноту государственного суверенитета после краха в 1806 г. Священной римской империи — королевства Бавария, Саксония, Вюртемберг и Ганновер, великое герцогство Баден, курфюршество Гессен-Кассель (Кургессен), великое герцогство Гессен-Дармштадт и некоторые другие.

Важнейшими были изменения территорий Австрии и Пруссии. Монархия Габсбургов окончательно отказалась от всех своих владений на западе бывшей Империи — Австрийских Нидерландов и областей на Рейне, вернув себе отторгнутые Наполеоном альпийские области и получив Северную Италию и Иллирийские провинции на западе Балкан. Тем самым центр тяжести Австрийской империи продолжил смещаться в сторону Южной и Юго-Восточной Европы в ущерб ее германским позициям. Пруссия же, обменяв часть своих польских земель на саксонские и приобретя значительные области на Рейне в Вестфалии и Сааре, стала гораздо более «немецкой» державой. Пруссия превратилась в главную рейнскую державу, в том числе окончательно перенеся у Австрии функцию так называемой «стражи на Рейне» — защиты Германии от ее «наследственно-го врага» Франции. Отныне западные территории Пруссии были отделены от ядра владений Гогенцоллернов на Эльбе лишь узкой полосой брауншвейгских, ганноверских и гессенских земель. Все это означало, что борьба за лидерство в Германии после 1815 г. должна была вестись при иных политико-географических предпосылках, а Пруссия, даже просто стремясь к единству своей государственной территории, фактически становилась на путь объединения Германии.

Германский союз. Одним из наиболее важных решений Венского конгресса в отношении Германии стало учреждение Германского союза. Его создатели опирались на опыт, с одной стороны, Священной римской империи и, с другой, Рейнского союза. Именно границы Империи служили ориентиром в определении границ Германского союза, в результате чего Австрия и Пруссия вошли в него лишь своими прежними имперскими территориями. Вместе с тем подобно Рейнскому союзу Германский союз представлял собой конфедерацию германских государств со слабыми федеративными элементами.

Общественное мнение в германских государствах, находившееся на подъеме после изгнания Наполеона, было глубоко разочаровано, поскольку «союз

суверенных князей и свободных городов Германии» ни в коей мере не означал подлинного национального единства. Однако идея связи между германскими государствами именно в такой форме была всемерно поддержана Австрией, поскольку она не несла ей угрозу потери немецких провинций, но в то же время обеспечивала некоторый германский тыл, необходимый для поддержания господствующего положения немцев по отношению к прочим национальностям Австрийской империи. За Германский союз выступили также государства «Третьей Германии», не желавшие поступаться вновь обретенным суверенитетом. Однако главными мотивами его учреждения были интересы вновь создававшейся в Вене системы международных отношений. Не случайно Акт о создании Германского союза от 8 июня 1815 г. являлся составной частью подписанного на следующий день Заключительного акта Венского конгресса. Иными словами, изменились условия существования так называемого германского вопроса — он был объявлен европейским интересом и стал объектом международного права.

Первоначально в «нерасторжимый и вечный» Германский союз вошли 34 государства и 4 вольных города — Любек, Бремен, Гамбург и Франкфурт. Его единственным центральным органом являлось собрание послов во Франкфурте (бундестаг), заседавшее под председательством Австрии в качестве либо Пленума (69 голосов), либо Узкого совета (17 голосов). В обоих случаях голоса распределялись таким образом, чтобы обеспечить Австрии и Пруссии главенствующую роль. Все прочие связи носили преимущественно военный характер: Майнц, Люксембург и Ландау объявлялись союзными крепостями, а также создавалась союзная армия из 10 корпусов.

Внутриполитическое развитие 1815—1830 гг. В статье 13 Акта о создании Германского союза говорилось о возможности введения конституций его членами, однако в большинстве стран это положение трактовалось как подтверждение значимости традиционных сословных собраний, и там с большими или меньшими модификациями восстанавливались дореволюционные порядки. Так, Пруссия ответила на вызов Французской революции реформами в области экономики и управления — «революцией в хорошем смысле», по выражению одного из их авторов К.А. Гарденберга, — однако данное в 1815 г. обещание короля ввести конституцию так и осталось невыполненным.

Вместе с тем в нескольких германских государствах в 1814—1820 гг. были приняты настоящие конституции, а подданные получили гражданские права. Тем самым возникла так называемая «конституционная Германия», первоначально включавшая в себя лишь Баварию, Баден, Вюртемберг, Гессен-Дармштадт, а также часть малых государств. Эти страны испытали на себе особенно сильное влияние Франции в наполеоновскую эпоху, а после ее окончания оказались в самом большом территориальном выигрыше. Вместе с тем их новые земли представляли собой невообразимый хаос бывших церковных и феодальных земель, владений имперских рыцарей и т.д. В этих условиях конституции давали новой власти дополнительное обоснование и ставили разнородные владения на единую и привлекательную для населения основу.

Образцом для южногерманских конституций служила французская Хартия 1814 г. Во всех четырех государствах были созданы представительные органы — двухпалатные ландтаги, впрочем, не свободные от многочисленных сословных пережитков. Помимо избиравшихся депутатов фиксированное количество мест в палатах имели представители церкви, аристократии, университетов. Сами права ландтагов были ограниченными. Они не обладали правом законодательной инициативы, практически не могли контролировать исполнительную власть. Существовал высокий имущественный ценз. Однако, несмотря на это, избирательными правами пользовалось большее количество населения,

чем в служившей образцом Франции — так, например, в Вюртемберге — 14%, в Бадене — 17% населения (во Франции — 0,3%).

Являясь оплотом конституционализма, южногерманские государства одновременно стали почвой для одного из вариантов решения германского вопроса — так называемой «триады». Она подразумевала сплочение «Третьей Германии» в качестве противовеса и одновременно связующего звена между претендующими на лидерство Австрии и Пруссии. С 20-х по 60-е гг. выдвигались различные планы подобного рода, обязательной предпосылкой к осуществлению которых было существование и развитие Германского союза. Таким образом, несмотря на то, что Германский союз политически закрепил германскую раздробленность, в самые первые годы своего существования он сохранял шансы на развитие в сторону конституционализма и федерализма. Однако реакция консервативно-монархических сил на подъем общественного движения в странах Союза вскоре практически уничтожила эти шансы.

Общественное движение в 1815—1830 гг. Специфика общественного движения в германских странах в первые десятилетия XIX в. во многом определялась тем, что «идеи свободы прибыли в Германию в обозе армии захватчиков». Зародившееся в эпоху наполеоновского господства и Освободительных войн движение за свободу и гражданские права с самого начала несло на себе сильный отпечаток национализма. Самым ярким проявлением такого сочетания были так называемые бурши.

Буршами называли себя члены студенческих организаций, сочетавшие в себе кодекс чести, христианские идеи, антисемитизм, либерализм и смутные «германские» мечты. Первая организация буршей появилась в 1815 г., и уже спустя два года удалось организовать всегерманское празднество буршей в Вартбурге. В октябре 1817 г. около 500 студентов (т.е. тогда — каждый восьмой германский студент) из разных государств Германского союза съехались в замок Вартбург в Тюрингии по случаю 300-летнего юбилея Реформации и четырехлетия «битвы народов» под Лейпцигом. Участники несли знамена черно-красно-золотых цветов добровольческого корпуса Лютцова, в рядах которого против Наполеона сражалось немало студентов. В дальнейшем эти цвета станут символом свободной и единой Германии. Успехи буршей, в 1818 г. создавших общегерманский союз, стали сигналом для активизации противоположного лагеря, безусловным вдохновителем и лидером которого являлся австрийский канцлер К. Меттерних.

Меттерних выступал за превентивные меры в отношении революции, идей конституционализма, либерализма и национальных движений. Уже на Аахенском конгрессе 1818 г. он поднял проблему Вартбургского празднества как симптома революции в немецких университетах. На следующий год бундестаг принял так называемые Карлсбадские решения, предусматривавшие репрессии против либеральных и национальных сил. Вводился надзор над университетами, жестокая цензура, запрещались организации буршей, специальная следственная комиссия в Майнце начала так называемое «преследование демагогов», в ходе которого арестам и преследованиям подвергались национально и либерально настроенные общественные и политические деятели.

Таким образом, Германский союз не только не стал средством либерализации и достижения национального единства Германии, но усилиями Меттерниха все более превращался в орудие реакции. Этот реакционный поворот был закреплен в Венских заключительных актах 1820 г., завершивших оформление Германского союза. Статья 57 провозглашала главенство монархического принципа, права ландтагов ограничивались, практически главной целью Союза становилось обеспечение «порядка и покоя». Германия вступала в десятилетнюю полосу политического затишья.

Экономическое развитие в первой половине XIX в. Раздробленность Германии была явлением не только политическим, но и экономическим. С этой точки зрения выделялись 3 большие зоны — крупные аграрные Север и Восток, мелкие аграрные Юг и Юго-Запад, ремесленный и раннеиндустриальный Центр.

Развитие сельского хозяйства

Основу экономики германских земель в первой половине XIX в. по-прежнему составляло сельское хозяйство, а ключевым словосочетанием, описывавшим его развитие, было так называемое «освобождение крестьян», подразумевавшее их гражданское равноправие и полное освобождение от всех форм земельной и личной зависимости.

В большинстве государств Южной Германии реформа традиционных аграрных отношений происходила в первые десятилетия XIX в. Между 1806 и 1821 гг. в южногерманских странах принимаются законы, по которым крестьяне могли откупиться от повинностей, в некоторых занятых французами областях подобное право предоставлялось им даже безвозмездно. Однако обратной стороной этих мер стала огромная крестьянская задолженность, часто приводившая к потере земли. Наиболее уязвимыми становились крестьяне тех регионов, где не было права единонаследия — Франкония, Тюрингия, Юго-Западная Германия, в то время как, например, в Баварии с ее правом крестьянского майората выкупная операция не столь часто приводила к разорению.

Толчок ко второй волне освобождения крестьян дала Июльская революция во Франции. В 30-е гг. были ликвидированы денежные и натуральные повинности в Вюртемберге, отменена десятина в Бадене. Однако в целом «конституционная Германия» Юга, лидируя политически, отставала от Севера в экономическом отношении, в том числе и в степени последовательности и радикальности решения крестьянского вопроса. Местное дворянство, особенно бывшие имперские рыцари и так называемые «медиатизированные», т.е. бывшие имперские сословия, тяжело расставалось со своими традиционными правами, их трансформация в класс обычных земельных собственников происходила с большим трудом.

Иная ситуация сложилась в Пруссии. Еще октябрьский эдикт 1807 г. ликвидировал сословные обязанности по праву рождения и декларировал личную свободу всех подданных. Гораздо сложнее обстояло дело с отменой общинных отношений и ликвидацией повинностей помещику. Общий смысл посвященных этому законов 1811, 1816, и 1821 гг. сводился к тому, что в обмен за свободу от повинностей и превращение в собственников крестьяне выплачивали выкуп либо уступали часть земли. Расплата не деньгами, а землей ускоряла выкупную операцию, но ослабляла экономические позиции крестьянина. С превращением крестьянских держаний и владений помещиков в свободную земельную собственность стал более активно развиваться аграрный рынок и размытаться сословная замкнутость крестьян и юнкеров. Вместе с тем при кажущихся условиях экономического равенства юнкеры обладали гораздо более выигрышными позициями — они были свободны от уплаты налогов, могли пользоваться недоступными для крестьян кредитными институтами, а главное — в ходе аграрных реформ значительно выросли их земельные владения. Крестьяне, платившие за освобождение своей землей, потеряли 1 млн гектар земли. Частично эти потери были возмещены разделом общинных земель, однако и здесь в главном выигрыше оказались юнкеры, которые, опираясь на государственные кредиты, смогли выкупить большую их часть, оставив крестьянам лишь около 14% по преимуществу малопродуктивных и неудобных земель.

В результате аграрных реформ и разного рода нововведений в сельском хозяйстве — более широкого использования многополья, применения с 40-х гг. первых минеральных удобрений — производительность в этом секторе посте-

пенно возрастала: если в 1800 г. урожайность пшеницы составляла 10, а ржи — 9 центнеров с гектара, то к 1860 г. она увеличилась до 13 и 11 центнеров соответственно. В свою очередь, рост производительности сельского хозяйства и его коммерциализация стали важными предпосылками для германской промышленной революции, проходившей в период с 30-х по начало 70-х гг.

Промышленный переворот

В целом предпосылки промышленного переворота в Германии были не самыми благоприятными из-за отсутствия единого экономического пространства. С другой стороны, преимуществом Германии было наличие огромного рынка рабочей силы. Наемный труд города и деревни развивался чрезвычайно быстрыми темпами: если в 1800 г. наемных работников было около 85 тыс., то к 1848 г. — около 1 млн.

Особенностью промышленного переворота в Германии стало то, что в качестве его мотора выступил не текстиль, а каменный уголь и железные дороги. Первоначальное оживление традиционного текстильного производства на основе льна и шерсти в Силезии и Швабии уже 20–30-е гг. уступило место спаду под воздействием конкуренции английских и бельгийских хлопковых тканей. Ведущими по темпам роста, количеству занятых, влиянию на другие отрасли становились добыча угля (9% общего промышленного роста) и строительство железных дорог (10%). В соответствии с этим произошла смена главных промышленных регионов. Силезия с ее текстилем и Саар с его некачественным углем и окраинным положением отходили на второй план. На ведущие позиции постепенно начинал выходить Рур. Попав в руки Пруссии в 1815 г., он сначала заявляет о себе как о новом угольном, а к середине века — и металлургическом центре.

Безусловным лидером промышленного переворота в Германии была Пруссия. Подобно тому, как это было с сельским хозяйством, в государствах Юга прогресс в политике не находил должного соответствия в экономике. Торговая буржуазия была здесь по-прежнему тесно связанной с цехово-ремесленным строем. Характерно, что на Юге так и не ввели свободу занятия промыслом, провозглашенную в Пруссии еще в 1810 г., цеховое принуждение существовало вплоть до 60-х гг.

В Пруссии одним из главных инициаторов, производителей и потребителей промышленной революции первоначально выступало государство. Характерным примером типичной для Пруссии смеси экономического либерализма и государственной опеки может служить деятельность «Пройссише Зехандлунг» — основанное еще в 1772 г. как полугосударственное основанного общества. В первые десятилетия XIX в. оно стало также финансовым институтом и превратилось в центр технического прогресса и государственной помощи промышленникам.

Технологически Пруссия среди прочих германских государств также занимала первое место. Так, пудлингование повсеместно внедрилось в Германии уже к 1830 г., производство пароходов и паровозов было организовано в Пруссии уже через 6 лет после появления в ней первых английских образцов. После 1837 г. количество паровых машин в Пруссии каждые 6 лет возрастало едва ли не в арифметической прогрессии: 1837 г. — 423, 1843 г. — 1090, 1849 г. — 1964.

Важную роль в германской промышленной революции сыграло развитие транспорта и особенно железных дорог как главных потребителей металла и угля и одной из решающих предпосылок создания единого национального экономического пространства.

В отличие от большинства европейских стран, в которых столица играла роль не только политического центра, но и центра сообщения, складывавшаяся в первой половине XIX в. германская транспортная инфраструктура но-

сила ярко выраженный полицентрический характер, и именно наличие многих локальных транспортных узлов в дальнейшем сделало транспортную сеть в Германии столь эффективной. Это касалось как шоссе, так и железных дорог, сраставшихся в единую сеть из многих центров. Железнодорожная эпоха в Германии началась в 1835 г. с 6-километровой линии между Нюрнбергом и Фюртом. К 1845 г. было построено 2300, к 1855 г. — 8920 километров железнодорожных путей.

Железные дороги потянули за собой все промышленное развитие Германии, в частности, машиностроение. В 1841 г. берлинская фирма А. Борзига выпустила свой первый паровоз, а в 1858 г. — уже тысячный, превратившись в третье по величине предприятие по производству локомотивов в мире; аналогичные предприятия возникли в Саксонии и Вюртемберге. Мощный толчок получила также металлургия. Так, едва сводившая концы с концами фирма А. Круппа в Руре обязана своему подъему изобретению и производству нового вида железнодорожных колес, которые продавались во всем мире, в частности, в США, и изображение которых стало логотипом фирмы. Резко выросло и производство угля, что особенно заметно на примере предприятий М. Стинеса, еще одной ключевой фигуры эпохи промышленного переворота в Германии.

Несмотря на все успехи, промышленное развитие Германии существенно тормозилось узостью внутреннего рынка отдельных государств, отсутствием единого экономического пространства. Однако и здесь происходили важные перемены, связанные прежде всего с деятельностью Таможенного союза.

Таможенный союз. Главной проблемой германской экономики в первой половине XIX в. было создание единого внутригерманского рынка. Одним из самых существенных препятствий к этому являлось огромное количество таможенных барьеров между странами — к началу века их насчитывалось около 1800.

Подлинным мотором экономической интеграции стала Пруссия. Сама раздробленность ее территории, а также наличие в ней непрусских анклавов подталкивали к унификации существовавших таможенных правил. В 1818 г. был принят прусский закон о едином таможенном и торговом пространстве, вскоре распространившийся на несколько мелких государств, территории которых оказались охваченными Пруссией и которые фактически вынуждались к этому высокими пошлинами на транзит.

В начале 20-х гг. «Третья Германия» также попыталась учредить свое таможенное объединение, но годы переговоров завершились лишь созданием в 1828 г. баварско-вюртембергского таможенного союза. Однако в том же году Пруссия добилась значительного успеха — к ее таможенной системе присоединился Гессен-Дармштадт. Тем самым Пруссия оказалась в двойном выигрыше: она приблизилась к своей главной цели — непрерывной связи между западными и восточными провинциями и одновременно экономически перешагнула линию р. Майн, т.е. завоевала первый плацдарм в Южной Германии. В ответ, опасаясь усиления прусской мощи, целый ряд государств — Саксония, Кургессен, Ганновер, Брауншвейг и другие создали «Центрально-германское торговое объединение». Таким образом, к концу 20-х гг. в Германии существовало сразу 3 таможенных объединения, однако жизнеспособным оказалось только прусское. В 1831 г. к прусской системе присоединился Кургессен, и тем самым было достигнуто экономическое слияние западной и восточной Пруссии, за ним последовали другие, что привело к созданию в 1834 г. общегерманского Таможенного союза.

Таможенный союз продолжал складываться на протяжении десятилетий вплоть до 1884 г. Последними, уже в объединенной Германии, в него вступили

Гамбург и Бремен. Причины возобладания именно прусского варианта таможенного объединения лежали как в экономической, так и в политической сферах. Прусские таможенные правила были простыми и эффективными, а главное — позволяли значительно поднять доходы отдельных государств за счет экономии на таможенном аппарате и относительно высоких прусских таможенных ставок. В результате с 1834 по 1844 г. доходы выросли на 90%, а расходы на содержание аппарата сократились с $\frac{1}{6}$ до $\frac{1}{12}$ таможенных доходов. Таможенные поступления распределялись между государствами-участниками пропорционально численности их населения, так что Пруссия получала 55% доходов, однако в большем выигрыше оказались малые и средние государства — так, Бавария увеличила свои таможенные доходы вдвое.

Сэкономическими мотивами смешивались политические. Таможенные сборы представляли собой самостоятельный источник дохода германских монархов, не подконтрольный парламентам и потому особенно привлекательный. С этой точки зрения Таможенный союз укреплял позиции традиционных политических сил, сдерживая конституционализацию. С другой стороны, благодаря Таможенному союзу возросли мощь и значение торговых и предпринимательских слоев как носителей либеральных идей.

Значительным было воздействие Таможенного союза и на будущее объединение Германии. Отныне по-другому оказались расставленными акценты в австро-прусском соперничестве. Экономические интересы Австрии оказались заложником политических. Меттерних понимал, что укрепление экономических позиций Пруссии в Германии несет в себе угрозу для Австрии, однако он нуждался в Пруссии как в союзнике при строительстве своей реакционной «системы» как в Европе, так и в Германском союзе. Добившись сиюминутных политических выгод, Австрия проигрывала в долгосрочной перспективе, поскольку отныне процессы экономической интеграции работали на Пруссию. В 1848 г. свое символическое выражение этот процесс нашел в переходе всех железных дорог Германии вне Австрии на берлинское время — в экономике германские государства все более сверяли свои часы по Берлину.

Таможенный союз не решил всех проблем экономической интеграции, которые затрагивали отнюдь не только собственно пошлины. Например, проблемой являлось огромное валютное разнообразие, что вело к росту расходов при экономических связях. В 1837—1838 гг. был введен твердый обменный курс с четкой привязкой к серебру, а позднее даже отчеканена специальная монета Таможенного союза, однако она не получила реального хождения из-за своей высокой стоимости.

В целом значение Таможенного союза трудно переоценить. Впервые возник огромный рынок, устранялись препятствия для движения товаров и капиталов, стимулировалось железнодорожное строительство и общий рост экономики. Экономическая интеграция создавала условия и для политического сближения — как выразился известный английский экономист Дж. Кейнс, конечное объединение Германии произошло не только «железом и кровью», но и «железом и углем».

Демографическое и социальное развитие. Как и в остальной Европе, в XIX в. в Германии происходила трансформация традиционного общества под влиянием демографических сдвигов и промышленного переворота.

Динамика роста населения в Германии была одной из самых высоких в Европе. Без учета Австрии оно выросло с 24,8 млн в 1816 г. до 36 млн в 1852 и до 41 млн в 1871 г. Уже сам этот рост взрывал словесные рамки и приводил население в движение, усиливая социальную и географическую мобильность, способствуя урбанизации, поощряя эмиграцию.

Рост населения и последствия аграрных реформ приводили к тому, что в деревне значительно вырос слой беднейшего и неимущего крестьянства, в то время как крестьянская община, на которую традиционно была возложена забота о бедных, стремительно разлагалась. В поисках новых жизненных шансов бедняки устремлялись в города, пополняли ряды нищих, эмигрировали. Во многих германских городах население с 1820 по 1850 г. удвоилось, однако еще более быстрыми темпами города стали расти с середины века в связи с успехами промышленной революции. Так, если в 1800 г. городами с более чем 100 тыс. населения были лишь Берлин и Гамбург, а к 1850 г. к ним прибавился Мюнхен, то к 1871 г. таких городов насчитывалось уже 8. Однако до 60–70-х гг., когда людские излишки начали поглощаться крупными заводами и фабриками, город почти ничего не мог предложить бежавшим от обнищания крестьянам. Более того, демографический рост в сочетании с кризисом цехов и традиционного ремесла резко увеличил количество собственной городской бедноты.

Для многих выходом стала эмиграция. Если в 20-е гг. эмигрировало лишь около 22 тыс. человек, то в 30-е — 145 тыс., а в 40-е — более полумиллиона. Пик эмиграции пришелся на период с 1846 по 1857 г., когда германские страны покинуло более миллиона человек.

Важные изменения претерпевала сама структура немецкого общества, отмеченная смещением старых и новых социальных групп.

Крестьяне, по-прежнему численно преобладавшие, получали право свободно хозяйствовать на земле, однако нижние слои крестьянства все более превращались в нищих и батраков. Освободившись от личной зависимости, крестьяне, как правило, продолжали занимать неполноправное положение по отношению к дворянству. В некоторых государствах, как, например, в Пруссии, дворяне по-прежнему выполняли функции суда и полиции на местном уровне, они безусловно преобладали в местных органах самоуправления.

Вместе с тем и само дворянство теряло прежние позиции. Составляя лишь 0,2–0,5% населения, оно к тому же отличалось весьма неоднородностью. Особенностью Германии была многочисленность высшего дворянства — 34 правящих династии и около 80 «медиатизированных», потерявших суверенные права, но сохранивших титулы и многие династические привилегии. Изобилие принцев и принцесс превращало Германию в «родильный дом Европы», по выражению Бисмарка, посредством браков обеспечивая связи с практически всеми европейскими династиями. Положение остального дворянства различалось на Севере и Юге. На Юге дворяне последовательно лишались традиционных сословных прав, в том числе освобождения от налогов и права не служить, однако дольше удерживали господство на земле. На Севере, особенно в Пруссии, напротив, рыцарские владения рано превратились в свободную земельную собственность, но остатки сословных привилегий сохранялись.

Новыми и самыми динамичными социальными группами были буржуазия и наемные работники. Буржуазия отличалась крайней неоднородностью как по уровню достатка, так и по происхождению и своим социальным функциям. В целом традиционное городское бюргерство отходило на второй план, и на смену ему выдвигались новые группы. Одной из них стала промышленная буржуазия, обязанная своим появлением промышленному перевороту. Она рекрутировалась главным образом из рабочих и мелких ремесленников (61%), а также из среднего сословия (28%) и дворянства (11%). Экономически самая сильная, эта группа была тем не менее самой малочисленной, в первой половине века включая в себя лишь несколько сотен семей. Наиболее же многочисленной, весомой и политически ангажированной была группа так называемой «буржуазии образования», куда входили крупные чиновники, юристы, нотариусы, уни-

верситетские профессора и т.д. Именно эта группа задавала культурные и поведенческие нормы, распространявшиеся затем и на другие буржуазные слои.

Другим новым явлением были так называемые «рабочие классы», наемные работники. К «рабочим классам» причислялись как новые, так и старые городские и сельские низы — рабочие фабрик, подмастерья, поденщики, батраки и т.д. Не обладая собственными политическими представлениями, эти слои в силу своего бедственного экономического положения отличались повышенной социальной активностью и сыграли важную роль накануне революции 1848 г.

Политическое развитие в 1830–1847 гг. Период после Июльской революции 1830 г. в германских странах получил название «Формэрц» — «Предмарт», т.к. начавшийся общественный и политический подъем вплотную подводил к мартовской революции 1848 г.

Революции 1830 г. во Франции и Бельгии, польское восстание 1830–1831 гг. вызвали волнения по всей Германии и привели ко второй волне конституционализации — конституции были приняты в Саксонии, Ганновере, Брауншвейге и Кургессене. Конституция Кургессена, вводившая однопалатный парламент с правом законодательной инициативы, допускавшая свободу мнений и петиций, а также учреждавшая гражданскую милицию, имела огромный отклик по всей Германии.

Помимо географического расширения «конституционной Германии» особенностью нового периода стало более широкое использование парламентами своих прав вотирования бюджета для получения различных уступок. В Бадене и Вюртемберге добились более либеральных законов о прессе, в Баварии попытались ограничить расходы короля Людвига I, большого эллиофила, грандиозные постройки которого «в греческом стиле» разоряли страну. С другой стороны, с подобными успехами чередовались поражения. Так, в 1837 г. король Ганновера отменил принятую четырьмя годами ранее конституцию. Это вызвало широкий протест, во главе которого стояла так называемая «геттингенская семерка» — 7 профессоров знаменитого геттингенского университета, в том числе филологи братья Я. и В. Гримм, историки Г. Гервинус и Ф. Дальман. Они стали своеобразным символом либерального движения в 30–40-е гг.

Вместе с тем события в Ганновере были скорее исключением. В прочих конституционных государствах отмечался очень медленный, но все же прогресс парламентской жизни, а в 1841 г. состоялось знаменательное событие: ландтаг Бадена объявил вотум недоверия правительству — впервые в истории германского парламентаризма. На последующих выборах либералам не хватило лишь одного голоса до абсолютного большинства, а с середины 40-х гг. они регулярно становятся членами правительства.

Совершенно иным образом выглядела ситуация за пределами «конституционной Германии», особенно в ключевом германском государстве — Пруссии. Здесь ограничились лишь созданием в 1823 г. системы провинциальных сословных ландтагов с рыцарским большинством. В 30–40-е гг. подобная политическая отсталость Пруссии подрывала ее позиции в общественном мнении Германии и, соответственно, перспективы ее национального лидерства, с одной стороны, и мешало экономическому развитию — с другой. В частности, проблемой становились государственные займы для железнодорожного строительства, т.к. они могли приниматься только с согласия всех прусских сословий.

Именно финансовыми соображениями руководствовался новый прусский король Фридрих Вильгельм IV, созывая в 1847 г. Соединенный ландтаг, т.е. собрание представителей всех провинциальных ландтагов. Сам факт созыва первого общего для всей страны представительного органа, а также либеральный ореол короля со времен приглашения им в Берлинский университет 3 гони-

мых профессоров из «геттингенской семерки», пробудили в прусских либералах надежду на широкие уступки и дарование конституции. Однако уже на открытии Соединенного ландтага король заявил, что никогда не допустит, чтобы «между Господом Богом и этой страной вторгся исписанный лист бумаги». Глубоко разочарованные либералы постарались сорвать финансовые предложения правительства с тем, чтобы добиться от него уступок в виде расширения полномочия Соединенного ландтага и регулярности его созывов. К надвигавшейся революции Пруссия подходила в состоянии все углублявшегося конфликта между обществом и властью.

Общественное движение в Формэрце. Июльская революция 1830 г. дала толчок не только конституционным процессам в Германии, но и общественному движению, безусловными лидерами которого были либералы.

Германский либерализм отличался рядом особенностей. Зародившись позднее английских и французских аналогов, он носил во многом вторичный характер, ориентируясь на западные образцы. При этом южногерманский либерализм находился скорее под французским влиянием, с большим весом естественноправовой теории и демократическими тенденциями, в то время как на Севере и в Центре за образец брали более умеренный английский вариант. Как и сама Германия, немецкий либерализм был конфессионально расколот; раздробленность же политическая предопределила одну из главных его особенностей — необычайно большой вес национальной идеи. Во многом именно мощная национальная подоплека либерализма в дальнейшем предопределила его умеренность, готовность поступаться идеологическими целями и принципами во имя национального единства.

Главным оплотом предмартовского либерализма стали баварский Пфальц и Баден. Здесь особенно сильно ощущалось влияние Франции, а законы отличались относительной мягкостью.

Самым ярким проявлением либерального движения эпохи Формэрца стало Гамбахское празднество 1832 г. Получив в 1815 г. Пфальц, баварское правительство вело постепенное наступление на сохранившиеся там со времен французской оккупации права и свободы. Ужесточение цензуры и влияние Июльской революции в 1830 г. привели к учреждению «Германского объединения для прессы и отечества» — одного из первых объединений либералов в Германии, которое вскоре имело 116 филиалов. Лидеры объединения публицисты Я. Зибенпайффер и И. Вирт в мае 1832 г. организовали шествие к руинам Гамбахского замка в Пфальце, в котором приняли участие до 30 тыс. человек со всей Германии, а также поляки и французы. Главным требованием участников было создание единой конституционной Германии.

Как и после Вартбургского празднества, собрание в Гамбахе вызвало ответные меры Германского союза. В июле 1832 г. бундестаг принял так называемые «Шесть статей», которые ограничивали права ландтагов, ужесточали цензуру, запрещали политические объединения. Эти меры привели к радикализации настроений некоторых участников Гамбахского празднества, год спустя попытавшихся захватить здание главной полицейской стражи во Франкфурте с целью получения оружия и организации общегерманской революции. По решению бундестага Австрия и Пруссия ввели во Франкфурт свои войска.

Толчком к очередной волне общественного подъема стал Рейнский кризис 1840 г. Заявленные Францией претензии на левый берег Рейна вызвали сильные национальные эмоции по всей Германии, имевшие самые разные проявления. Возникло движение за завершение строительства «рейнской твердыни» — готического собора в Кельне, по всей стране принимались петиции, организовывались выступления. Главным же ответом стали так называемые «рейнские

песни» — «Немецкий Рейн», «Стража на Рейне» и др. Тогда же возникла и «Песня немцев» профессора из Бреслау А.Г. Хоффмана фон Фаллерслебена на музыку «Кайзер-квартета» Й. Гайдна, начинающаяся знаменитой строкой «Германия превыше всего в мире».

«Рейнские песни» получили массовое и почти мгновенное распространение благодаря существованию многочисленных певческих объединений. В целом едва ли не главной особенностью общественной жизни в эпоху Формэрца было наличие огромного количества неполитических объединений, не имевшее в Европе даже приблизительных аналогов — музыкальные, певческие, спортивные, благотворительные, профессиональные, читательские, образовательные, церковные, страховые, охотничьи и т.д. Сеть подобных объединений, так называемых «ферейнов», покрывала Германию поверх всех государственных границ, начиная от уровня отдельной деревни и местности до общегерманских съездов, проходивших поочередно в разных государствах. Ферейны представляли собой значительную силу — так, к 1847 г. насчитывалось около 1100 объединений певцов со 100 тыс. активных членов, около 300 объединений гимнастов с 80–90 тыс. членов, причем у первых главное место занимала «национальная песня», а вторые ставили задачей тренировку не только тела, но и национального духа. Помимо возможности политического самовыражения в ту эпоху, когда собственно политические объединения были запрещены, ферейны выполняли и важную социальную функцию сближения различных общественных слоев, замещения традиционных сословно-корпоративных связей связями гражданского общества.

Помимо ферейнов другой областью относительной свободы выражения мнений была церковь. Внутри протестантской церкви возникло движение «либерального протестантизма», требовавшее демократизации церковной жизни. Еще более важным явлением стало зарождение политического католицизма, игравшего отныне важную роль в германской истории.

Наконец, еще одним проявлением общественного подъема являлся «интеллектуальный радикализм», представители которого выражали критические и радикально-демократические взгляды в литературных формах (поэты группы «Молодая Германия») и в философии левого гегельянства (К. Маркс, А. Руге).

С середины 40-х гг. под влиянием обострения экономической ситуации по Германии прокатывается волна голодных бунтов и выступлений низов, самым значительным из которых были волнения силезских ткачей в 1844 г. На этом фоне происходила постепенная дифференциация либерального лагеря. С одной стороны, выделилась группа выразителей интересов крупной рейнской буржуазии во главе с банкиром Л. Кампгаузеном и торговцем Д. Ганземаном, которые выступали с умеренными конституционными требованиями при условии жесткого избирательного ценза. Другую группу составляли южногерманские демократы во главе с Ф. Хеккером и Г. Струве, выдвигавшие лозунги всеобщего избирательного права и «демократической монархии» как перехода к республиканскому устройству. Этот раскол сыграл важную роль в ходе надвигавшейся революции.

Глава 6 МОНАРХИЯ ГАБСБУРГОВ В 1815–1847 гг.

Главной проблемой монархии Габсбургов в XIX в. по-прежнему оставалась внутренняя консолидация. Крах Священной римской империи окончательно покончил с раздвоенностью Габсбургов между имперской и австрийской политикой. Отныне все интересы династии были связаны только с собственными землями, что было подчеркнуто провозглашением в 1804 г. Австрийской империи. Венский конгресс создал территориальное единство страны. Вернув Тироль, Форальберг и Зальцбург и отказавшись от Бельгии и рейнских провинций, Австрия представляла собой отныне единую замкнутую территорию. Однако за внешним единством скрывались огромные проблемы.

Главной из них был подъем национализма. Прежняя политическая, социальная, культурная разнородность монархии Габсбургов, столь мешавшая ее внутренней консолидации, не шла ни в какое сравнение с мощью и динамикой этого нового фактора. В первые десятилетия XIX в. происходило «национальное пробуждение» народов империи Габсбургов. Национальные различия, еще несколько десятков лет назад едва замечаемые за политическими, социальными, конфессиональными факторами, теперь выходили на первый план, определяя, по сути, все развитие Австрийской империи.

Политическое развитие Австрийской империи 1815–1847 гг. После 1815 г. территория Австрийской империи складывалась из нескольких политических комплексов: австрийских провинций (эрцгерцогства Верхняя и Нижняя Австрия, герцогства Штирия, Каринтия и Крайна, графства Тироль, Форальберг и Истрия, город Триест), земель венгерской короны (королевство Венгрии, Хорватии и Славонии, великое герцогство Трансильвания), земель богемской короны (королевство Богемия, маркграфство Моравия и герцогство Верхняя и Нижняя Силезия), Ломбардо-Венецианского королевства, королевства Галиция, герцогства Буковина, королевства Далмация и княжества Зальцбург.

При всех культурных и национальных различиях общим был крайне консервативный и даже реакционный характер политической системы. Император обладал практически абсолютной властью, не сдерживаемой никакими представительными органами на общеимперском уровне. В отдельных землях существовали традиционные сословные представительства с ярко выраженным преобладанием дворянства. Так, в ландтагах немецких провинций монархии Габсбургов, как правило, состоявших из корпораций прелатов, аристократов, дворян и бюргеров (в ландтагах Тироля и Форальберга также присутствовали крестьяне), представители городов располагали самыми слабыми позициями, и эта тенденция еще более усиливалась с запада на восток габсбургских земель. В ландтаге Богемии горожане имели лишь 4 представителя, в то время как аристократия, дворянство и духовенство — 131, 43 и 14 соответственно; в венгерском Государственном собрании и галицийском сейме бюргеры были и вовсе представлены лишь одним голосом, преобладание дворянства здесь являлось абсолютным.

Круг политических и гражданских свобод был очень ограниченным. Жесткой предварительной цензуре подвергалась вся печатная продукция вплоть до партитур песенных переложений Бетховена. Строго контролировались университеты. Со второй половины 20-х гг. иностранцам было запрещено обучаться в Венском университете, а австрийским подданным — в иностранных университетах. Полиция активно использовала широчайшую сеть осведомителей, по преимуществу слуг. Велась виртуозная перлюстрация переписки.

В целом подобная система оказалась весьма эффективной. В отличие от других государств Германского союза даже Июльская революция 1830 г. не привела к сколько-нибудь значимому оживлению политической жизни и либерального движения. В 1835 г. на престол взошел Фердинанд I (1835–1848). Страдая эпилепсией, он был не способен к управлению страной, и в правившей при нем Государственной конференции по-прежнему ведущую роль играл Меттерних.

Первые либеральные устремления стали заметны лишь в 40-е гг. Появились отдельные объединения либеральной направленности, как, например, «Юридическо-политическое читательское общество» в Вене. Изданная за рубежом либеральная публицистика, особенно произведения В. Адриана-Вербурга и Ф. Шузельки, находила все больше читателей. Однако эта публицистика и либеральное движение в целом носили весьма умеренный характер. Выдвигались требования не столько конституции, политических прав и парламента, сколько смягчения полицейского контроля и цензуры, расширения прав ландтагов. Подобная умеренность была следствием не только конкретных политических условий меттерниховской Австрии, но и специфики экономического и социального развития монархии Габсбургов в целом.

Основные черты экономического развития Австрийской империи в первой половине XIX в. Австрия оставалась преимущественно аграрной страной. Благодаря переходу от трехполья к многопольному севообороту выросли посевные площади и урожайность сельского хозяйства. Происходили сдвиги в соотношении выращиваемых культур: посевы льна из-за конкуренции хлопка сокращались, напротив, в связи с бумом пивоварения и сахарного производства резко возрос размер площадей, отводимых под хмель и сахарную свеклу. В Ломбардии и Южной Венгрии выращивали шелковичных червей. С 30-х гг. в связи с открытием парового судоходства по Дунаю значительно увеличился экспорт венгерской пшеницы, которая из-за высокого содержания клейковины пользовалась большим спросом.

Однако некоторый прогресс технической стороны сельскохозяйственного производства ни в коей мере не мог компенсировать проблемы, связанные с его организацией, а именно с наличием большого количества феодальных пережитков, начиная от многочисленных выплат крестьянина землевладельцу и заканчивая сохранявшимися формами личной зависимости. В целом различные выплаты крестьянина господину и государству могли доходить до 70% его дохода, что подрывало рентабельность его хозяйства.

Модернизации экономики препятствовала и таможенная политика правительства, почти исключавшая иностранную конкуренцию и тем самым продлевавшая жизнь мануфактурам и цехам. Важным препятствием являлась экономическая разобщенность владений Габсбургов. Многие таможенные границы между альпийскими провинциями, Богемией и Галицией были сняты еще в конце XVIII в., с Ломбардо-Венецианским королевством, Тиролем и Форальбергом — в 20-е гг., но с Венгрией таможенная граница сохранялась. К тому же оставалось множество дорожных и мостовых сборов, сдерживавших товарооборот. Только на территории современной Австрии в первые десятилетия XIX в. насчитывалось 410 таких застав, в среднем одна на каждые 15–20 км пути.

Экономика Австрийской империи очень тяжело выходила из кризиса, связанного с наполеоновскими войнами. Еще не восстановившись после государственного банкротства 1811 г., в 1816 г. она столкнулась с чудовищным неурожаем «года без лета». Одновременно Австрия испытала мощный удар конкуренции английского текстиля, импорт которого возобновился после снятия «континентальной блокады». Текстильные предприятия в Нижней Австрии почти пол-

ностью остановились. Депрессия продолжалась до 1825 г., после чего начался подъем, прерванный лишь неурожаем и экономическим кризисом 1846—1847 гг.

Этот подъем был в немалой степени связан с мероприятиями по санированию государственных финансов. К 1816 г. в обращении находилось 684 млн обесценившихся бумажных гульденов. С целью изъятия их из обращения и перехода на твердую валюту в 1816 г. по инициативе министра финансов Й.Ф. Штадиона был основан Австрийский национальный банк, предложивший обмен старых денег на новые, обеспеченные серебром. К 1847 г. в обращении сохранилось лишь 7,5 млн старых гульденов.

Существенных успехов Австрия добилась в переработке продукции сельского хозяйства, а также в производстве предметов роскоши. Постепенно она выходила на первые места по производству сахара из сахарной свеклы, толчком к которому послужила «континентальная блокада», сократившая доступ к колониальному сахару. В 1832 г. в Австрийской империи было 18 сахарных фабрик, а в 1844 г. — уже 81. Бурными темпами развивалось пивоварение. В 30-е гг. пивовар А. Дреер изобрел сорт пива «лагер», и по сей день один из самых популярных в мире. Используя самые современные технологии, в том числе паровые машины, Дреер создал настоящую пивную империю, которая во второй половине XIX в. продавала пиво по всему миру. Полученный в 40-е гг. богемский сорт «пильзнер» также мгновенно завоевал европейскую популярность.

Одновременно Вена превратилась в один из главных центров европейской роскоши и моды. Иметь в гардеробе одежду от венских портных считалось престижным по всей Европе. Портняжные мастерские были самым распространенным производством в Вене: в 1816 г. их было 1660, к 1840 г. — в два раза больше. Кроме того, изготавливались дорогие изделия из шелка, перчатки, сумки, шляпы, музыкальные инструменты (в том числе рояли И. Безендорфера, и по сей день одни из лучших в мире). Знаменитая гнутая мебель М. Тонета стала новым словом в мебельном дизайне, а его классический «венский стул № 14» — самым известным и продаваемым в Европе.

Несмотря на высокое качество, все эти товары имели довольно узкий рынок сбыта — тогда говорили, что Австрия производит для очень бедных и очень богатых, а Пруссия — для средних слоев. Главное же заключалось в том, что Вена безнадежно проигрывала Берлину в том, что касалось главного средства модернизации — промышленного переворота.

Промышленный переворот в Австрийской империи. Начавшийся в 30—40-е гг. промышленный переворот в империи Габсбургов был отмечен довольно скромными успехами. В первую очередь, он носил ярко выраженный региональный характер, затронув лишь немецкие провинции Австрии, Богемию и Ломбардо-Венецианское королевство. Объективной трудностью являлась нехватка каменного угля как главного источника энергии промышленного переворота — австрийская промышленная революция начиналась на дровах. Хронически не хватало капиталов. Хотя акционерные общества были разрешены уже с 1830 г., частные лица не спешили вкладывать средства в столь новое дело, а у государства не хватало денег. В отличие от Пруссии, государство в Австрии мало чем могло помочь промышленному перевороту.

Проблемой было также замедленное внедрение технических нововведений. Так, паровая машина, завезенная в 1840 г. на Линцкую шерстяную мануфактуру, охотно демонстрировалась посетителям, но стояла без дела, ручные же станки были не конкурентоспособны — и в итоге основанное еще в XVII в. самое крупное шерстяное производство в 1851 г. было закрыто.

Одновременно предприниматели пытались перейти на производство нового фаворита европейского спроса — хлопковые ткани. В начале века англий-

скими предпринимателями была основана первая большая механическая хлопкопрядильня в г. Поттендорфе в Нижней Австрии. Однако главным центром производства хлопчатобумажных тканей стала Богемия, особенно г. Брюнн — «австрийский Манчестер». Сырье ввозилось из Египта через Триест, а ткани благодаря оригинальной набивке имели довольно широкий спрос в Европе, хотя главным образом сбывались в Венгрии.

Безусловным лидером текстильного производства являлось изготовление шелковых тканей, центром которого была Вена. Присоединение Ломбардо-Венецианского королевства обеспечило надежные поставки шелка-сырца, и Вена в первые десятилетия XIX в. превратилась в главного производителя шелковых тканей в Европе. С другой стороны, это производство основывалось главным образом на ручном труде рассеянной мануфактуры и было мало затронуто промышленным переворотом.

Еще более заметным было отставание в металлургии и машиностроении. На Штирию и другие альпийские провинции приходилось $\frac{2}{3}$ производства сырого железа — и именно здесь крайне медленное введение уже известных технических новшеств бросалось в глаза. Вместо проката, пудлингования, использования каменного угля по-прежнему применяли древесный уголь и традиционный молот. Новым и более современным центром производства металла становилась Богемия, в которой впервые в Австрийской империи начали использоваться кокс и паровой молот и которая являлась главным производителем стали.

Наиболее очевидными замедленные темпы австрийского промышленного переворота были в машиностроении. Если отличительной чертой промышленной революции в Пруссии являлось очень быстрое внедрение машин в производство и переход к их местному изготовлению, то в Австрии паровые машины долгое время были ввозными и не сразу находили применение в производстве. Показательно соотношение количества паровых машин и областей их применения в Австрии и Пруссии в самом начале 40-х гг.

	Общее число паровых машин	Текстильная промышленность	Горная и металлургическая промышленность
Австрия	223	49%	24,3%
Пруссия	608	21,3%	64%

Несмотря на появление в 30—40-е гг. первых машиностроительных заводов, они не играли заметной экономической роли. Главной продукцией изделий из металла стали отнюдь не машины, а серпы и косы. В 1847 г. 125 австрийских фабрик произвели 3,7 млн кос, имевших спрос главным образом в Восточной Европе, однако подобное производство не имело длительной экономической перспективы.

Строительство железных дорог в империи Габсбургов не стало столь мощным стимулятором промышленного переворота, как в Пруссии, из-за недостаточного количества капиталов и отсутствия собственного производства рельсов и железнодорожной техники. Две главные ветки сооружались не столько из экономических, сколько из стратегических соображений: Северная дорога (1836 г.) связала Вену с Галицией, а Южная (1839 г.) — с Триестом, морскими воротами империи. Скорость передвижения принципиально увеличилась: если почтовая карета покрывала расстояние от Граца до Вены за 29 часов чистого времени, то паровоз — за 9 часов.

Успешно развивался пароходный транспорт. По английскому образцу в Триесте была основана компания «Австрийский Ллойд», которая осуществляла рейсы в Восточное Средиземноморье и в Турцию и к середине века преврати-

лась в самое крупное пароходство на Средиземном море. Первый пароходный рейс на Дунае состоялся в 1817 г., однако течение реки оказалось слишком быстрым для первых пароходов, и регулярное пароходное сообщение было начато лишь с 1829 г., когда английские предприниматели основали Дунайское пароходство. В 1834 г. первый пароход дошел до устья Дуная.

В целом несмотря на отдельные успехи, Австрийская империя ко второй половине XIX в. продолжала оставаться аграрно-индустриальной страной.

Демографическое и социальное развитие. Как и большинство других европейских государств, в первой половине XIX в. монархия Габсбургов испытала существенный рост населения, в результате которого к 1850 г. его численность достигла 40 млн человек. Главными причинами роста населения являлись снижение детской смертности и успешная борьба с эпидемиями. В связи с работами по регулированию русла Дуная и осушением окружающих его болот постепенно отступала малярия. Австрийская система обязательных прививок против оспы, тогда самого опасного массового заболевания, была одной из лучших в Европе благодаря роли церкви, со времен Иосифа II поставленной на службу государству. Раз в год во время воскресной проповеди священник извещал о дне, когда врач будет обходить все дома для осмотра и прививки детей. По уклонившемуся от прививки и умершему от оспы не звонили колокола, ему отказывали в церковном погребении.

Несмотря на увеличение численности населения, темпы его роста были ниже, чем в Пруссии: с 1816 по 1864 г. ежегодный прирост населения во входивших в Германский союз провинциях Пруссии составлял 12,4%, в то время как в немецких провинциях Австрии — 6,8%. Главные причины заключались в экономическом отставании и сохранении устаревших социальных отношений. В частности, как и в прежние времена, городские власти давали разрешение на брак только горожанам с постоянным и относительно высоким доходом, в результате чего около трети рабочих и слуг пожизненно не вступали в брак. В 1856 г. лишь 27% населения Вены состояло в браке.

Социальная структура в целом сохраняла традиционный характер. Ведущие позиции занимало дворянство, хотя его численность и положение в обществе в различных землях империи существенно различалось. Самым многочисленным было венгерское и польское дворянство. В 1837 г. каждый 20 житель Венгрии и каждый 68 житель Галиции были дворянами, в то время как в Нижней Австрии — каждый 400, а в Богемии — каждый 850. Вместе с тем в реальности многие венгерские дворяне были вынуждены сами зарабатывать себе на жизнь — можно было встретить дворянина-сапожника или дворянина-извозчика.

Буржуазия была не только малочисленной, но и мало активной политически. Ведущие позиции занимало около 110 семей крупных торговцев и банкиров. Умеренным успехам промышленного переворота соответствовала низкая доля промышленной буржуазии, преобладавшая же торговая буржуазия была главным образом представлена конфессиональными меньшинствами — евреями, лютеранами, кальвинистами и православными.

Городские слои во многом сохраняли свой прежний социальный облик. Рост городского населения в значительной степени происходил за счет его притока не только из ближайшей округи, но и из других регионов и из-за границы. Так население Вены увеличилось с 235 тыс. человек в начале века до 431 тыс. в его середине во многом за счет притока выходцев из Южной Германии и Богемии; а в Венгрии — из-за переселений евреев из Галиции и русской Польши. Большая часть городов в империи Габсбургов имела немецкий характер из-за наличия значительного немецкого населения и преобладания немецкого языка; в Ломбардо-Венецианском королевстве, а также в Далмации и Триесте пре-

обладали итальянцы. В социальном отношении город по-прежнему складывался из верхушки, традиционных торгово-ремесленных слоев и городских низов, однако по мере успехов промышленного переворота в развитых частях империи появлялись наемные рабочие. В «голодные сороковые» в Богемии произошли первые рабочие волнения, однако они носили довольно архаичный характер, в частности, выдвигалось требование запрета машин.

Самой многочисленной группой населения было крестьянство, положение которого очень существенно различалось в разных регионах страны. Если в немецких провинциях крестьянин был лично свободен и защищен от господского произвола законодательством Марии Терезии и Иосифа II, а также облагался по большей части натуральными повинностями, то восточнее личная зависимость была более выраженной, а барщина часто имела очень тяжелые формы. Так, силезский крестьянин за обладание 30 югерами (0,55 га) земли должен был в течение года обработать: от 108 до 144 дней конной и 28 пешей барщины, 2 дня мыть овец, 3 дня помощником в охоте, 6 ночей сторожем, а также поставить на господский двор 4 сажени дров, штуку пряжи, 1 гуся, 9 кур, 60 яиц и заплатить около 1 гульдена. Тяжелым было положение крестьянства и в Венгрии. Лишь в начале 40-х гг. крестьяне получили возможность выкупа своих повинностей и земли, однако до 1848 г. таким правом воспользовалось лишь около 1% крестьян. В Галиции два патента об ограничении барщины несколько облегчили положение крестьян, однако в правовом отношении они всецело остались во власти помещиков из-за сохранения права патримониального суда, поскольку на учреждение обычных судов общего права у правительства не было денег.

Возможность выкупа повинностей, существовавшая с 1798 г. и затем подтвержденная в 1846 г., реального практического значения не имела, и аграрный вопрос в империи Габсбургов был окончательно решен лишь в революцию 1848 г.

Национальная проблема в Австрийской империи. Национальная структура в монархии Габсбургов отличалась большой сложностью. Ее территорию населяло 11 национальностей. Наиболее крупными и значительными были шесть так называемых «исторических наций» — немцы, венгры, чехи, поляки, итальянцы и хорваты. Остальные народы — русины, румыны, словаки, словенцы и сербы — были относительно малочисленны, слабы в экономическом отношении и, как правило, обладали не полной социальной структурой, не имея собственного дворянства. Национальное деление не совпадало с политическим: чаще всего отдельные национальности жили не в границах одной территориальной единицы, а были раздроблены по исторически сложившимся провинциям; с другой стороны, они жили смешанно, а не компактным монолитом — в большинстве провинций никакая национальность не имела абсолютного большинства. Ни одна национальность не обладала решающим численным перевесом над остальными и в масштабах всего государства. В 30-е гг. из 37 млн населения империи 6 млн приходилось на немцев, 5,3 млн — на венгров, 4,5 млн — на итальянцев, 1,5 млн — на румын, 15 млн — на 7 славянских народов. Еще одной особенностью национальной структуры монархии Габсбургов было то обстоятельство, что 6 из 11 народов Австрии (немцы, сербы, румыны, поляки, итальянцы, русины) входили в состав других государств, что в глазах Вены делало подъем национальных движений особенно опасным.

С идейной точки зрения национальные движения питались из двух главных источников. С одной стороны, это была традиция исторического земельного патриотизма, носителями которого являлись, как правило, консервативные круги, но который постепенно переосмысливался в национальном духе. С другой стороны, важную роль, особенно у славянских народов, сыграло движение за культурное возрождение, в частности, деятельность так называемых «будите-

лей» — узкого круга интеллектуалов, призывавших к культивированию родного языка, изучению своей культуры и истории — хорват Л. Гай, серб В. Караджич, словенец Б. Копитар, словак Я. Коллар и др. Вместе с тем пробуждавшееся национальное самосознание большинства славянских народов еще не имело политического измерения. Главными действующими лицами национальной проблемы в Австрии в первые десятилетия XIX в. стали «исторические нации» — немцы, чехи, поляки, итальянцы и особенно венгры.

Немцы были единственным народом Австрийской империи, национальные устремления которого не предполагали той или иной степени политического и культурного обособления. В основе их представлений лежал йозефинизм — восходящая к Иосифу II идейная и политическая традиция, видевшая в Австрии единое, рационально устроенное государство, в управлении которым ведущую роль должны были играть немцы. Претендуя на главенство в государстве в целом, немцы твердо стояли на позициях централизма, поскольку любые варианты федеративного устройства или автономии привели бы к потере этого исключительного положения. В целом немецкий централизм, с одной стороны, и стремление к «общему германскому отечеству» — с другой, стали векторами, определившими национальные устремления австрийских немцев на многие десятилетия.

Богемия с ее смешанным немецко-чешским населением была регионом, в котором сочетание традиционного земельного патриотизма и нового культурно-языкового национализма проявилось ярче всего. «Черно-желтая» (по цвету имперского флага) аристократия Богемии — семейства Кински, Тунов, Лобковицев, Кламов и др. — считали себя богемцами, а не немцами или чехами и выступали в защиту самостоятельности Богемии от немецкого централизма. Однако постепенно происходил переход от традиционного богемского патриотизма к чешскому национализму, более всего заметный в деятельности знаменитого чешского «будителя» Ф. Палацкого, в 1830 г. основавшего культурно-просветительское объединение «Матица Чешска». В целом чехи предполагали реализовать свои национальные требования в рамках существовавшего австрийского государства.

Совершенно иная ситуация сложилась с поляками и итальянцами, для которых Австрия была скорее препятствием к достижению национальных целей. В отличие от прочих славянских народов империи национализм поляков был явлением не столько культурно-языковым, сколько политическим. Поляки Галиции, вошедшие в состав империи позже всех, обладавшие самыми свежими воспоминаниями о собственной государственности, населявшие территорию вдаль от главных торговых путей и сложившихся экономических связей, всегда рассматривали свое пребывание в составе Австрии как временное. Однако в реальности этот революционный потенциал не был использован. С одной стороны, польские национальные деятели прекрасно понимали, что в силу разделенности Польши между Россией, Австрией и Пруссией польский вопрос как таковой в рамках только монархии Габсбургов решения не имеет и нужно выжидать благоприятных внешних обстоятельств. С другой стороны, Вена располагала мощным сдерживающим средством в лице русин, составлявших около $\frac{2}{3}$ населения Галиции. Поляки, традиционно сочетавшие страстное стремление к собственной национальной свободе с самым безжалостным социальным и национальным угнетением русинского населения, смогли почувствовать это во время крестьянского восстания 1846 г., едва ли не поощрявшегося венским правительством.

Итальянцы, населявшие не только Ломбардо-Венецианское королевство, но также проживавшие в Южном Тироле, Триесте, Истрии, Далмации, были

одной из самых больших национальных групп в империи Габсбургов. Они были нацелены не на улучшение своих позиций в империи, а на полное отделение от нее. К революции 1848 г. позиции Габсбургов в Ломбардо-Венецианском королевстве были самыми шаткими из всех их владений — не считая Венгрии.

Венгрия в 1815—1847 гг. В первые десятилетия XIX в. Венгрия по-прежнему представляла собой дворянскую страну как в политическом, так и в социальном отношении. Дворяне господствовали в сословных собраниях составлявших Венгрию 52 комитатов, они же были представлены в венгерском сословно-представительном органе — Государственном собрании. Дворянство являлось и безоговорочно ведущей социальной силой, поскольку буржуазия была крайне слабой.

Два десятилетия перед 1848 г. вошли в венгерскую историю как «эпоха реформ». Ей предшествовал отказ Государственного собрания 1811 г. от вотивирования налогов, в результате чего оно было распущено. Лишь в 1825 г. венгерский парламент был создан вновь и вскоре благодаря своей деятельности получил название «парламента реформ».

Это были годы расцвета венгерского либерализма, отличавшегося большим своеобразием. В роли его социального носителя выступали дворяне, часто использовавшие для новых либеральных требований старые феодальные формы, а именно свои сословные привилегии — для обоснования личных прав и права сословных представительных органов — для защиты прав политических. Этот венгерский либерализм был избирательным и национальным. Национальная ситуация в Венгрии была одной из самых сложных в империи. В 1842 г. из 13 млн человек, населявших Венгерское королевство, лишь около 45% являлись собственно мадьярами, а остальные 55% приходились на румын, немцев, словаков, хорватов, сербов и русин. Между тем важной составной частью «эпохи реформ» было резкое усиление венгерского национального чувства, часто приобретающее радикальные формы. Особенно это касалось проблемы языка. С одной стороны, в первые десятилетия XIX в. началась борьба за чистоту венгерского языка, в ходе которой множество слов иностранного происхождения заменялись венгерскими, часто спешно изобретенными; всего в оборот было введено около 10 тыс. новых слов. Но гораздо более опасной являлась другая сторона — насаждение венгерского языка среди невенгерских народов. В комитатских собраниях и парламенте венгерский все более вытеснял традиционную латынь, пока в 1843 г. он не стал официальным языком Государственного собрания, а год спустя был признан Веней в качестве государственного языка Венгрии. Формально решения Государственного собрания доводились до национальных окраин на латыни и соответствующих языках, в реальности проводился курс на мадьяризацию невенгерских народов, идеологической основой которой служила концепция так называемой «единой политической нации», заявлявшая, что все населявшие Венгрию народы являются членами венгерской «политической нации» и, следовательно, должны знать венгерский язык.

Главной фигурой «эпохи реформ» был Иштван Сечени (1791—1860), «величайший венгр», как его назвал другой виднейший представитель либерального движения Лайош Кошут (1802—1894). Образцом общественного устройства для Сечени служила Англия, в которой он неоднократно бывал. В 1827 г. по английскому образцу он создал в Пеште клуб «Национальное казино», ставший центром встреч молодых реформаторов и положивший начало появлению целой сети подобных клубов по всей стране, что привело к значительной активизации политической жизни. В отличие от Кошута, увлекавшего своих сторонников пламенными речами о национальной независимости, Сечени связывал национальное возрождение прежде всего с прогрессом в экономической и

социальной сферах и сам сделал в этом отношении очень много. Его занятия ирригацией принесли Венгрии 4 млн югеров пахотной земли; Сечени распространил в Венгрии прогрессивные способы шелководства и виноделия, привезенные им из Франции; благодаря участию Сечени в работах по регулированию течения Дуная пароходы стали доходить до его устья; он имел самое непосредственное отношение к строительству первой венгерской железной дороге Пешт — Вац (1846 г.); Сечени построил знаменитый Цепной мост — первый постоянный мост через Дунай, связавший Буду и Пешт и способствовавший их последующему слиянию и превращению в подлинный экономический и культурный центр Венгрии.

В 40-е гг. движение реформ раскололось. Умеренные остались с Сечени, однако большинство объединилось вокруг Кошута, его «Молодой Венгрии» и программы национального либерализма, подразумевавшего полное отделение от Австрии и создание современной парламентской системы с избирательным правом в пользу венгров. Главным аргументом Кошута была экономическая эксплуатация Венгрии Австрией с помощью внутренних таможенных пошлин на венгерскую сельскохозяйственную продукцию. Однако Меттерних настаивал на сохранении внутренних таможенных пошлин, считая их вкладом Венгрии в общий бюджет, поскольку налоги с земли в Венгрии было получить невозможно из-за освобождения дворянства от налогов, от косвенных налогов венгры уклонялись, а имевшиеся выплаты старались произвести старыми обесценившимися деньгами. Кошут предложил объявить бойкот австрийским товарам.

Сечени осуждал курс конфронтации, избранный Кошутом по отношению к Вене и собственным невенгерским народам. Он считал мадьяризацию бессмысленной — ведь «ворочание языком еще не означает биения сердца» — и опасной, поскольку она не может не вызвать сопротивления других народов. Сечени предрекал, что политика Кошута приведет к конфликту с Веной и собственными национальностями. Однако Кошут продолжал вести страну к революции.

Глава 7 ИТАЛИЯ В 1815–1847 гг.

Реставрация в Италии. После крушения наполеоновского господства по решению Венского конгресса в Италии были восстановлены абсолютистские государства: Сардинское королевство (в его состав кроме Пьемонта, Савойи и о. Сардиния вошла теперь территория бывшей Генуэзской республики), герцогства Парма, Модена, Тоскана (с последним слилось в 1847 г. маленькое княжество Лукка), Папское государство и Неаполитанское королевство (с 1816 г. оно получило официальное название Королевство Обеих Сицилий). На троны вернулись «легитимные» династии: Савойская — в Сардинском королевстве, неаполитанские Бурбоны — в Неаполе, монархи из дома Габсбургов — в герцогствах; в Риме была восстановлена светская власть пап. Италия вновь оказалась раздробленной в государственном отношении и разобщенной экономически: королевства и герцогства установили таможенные границы, ввели собственные денежные знаки, особые системы мер и веса.

Австрия стала фактически господствовать на Апеннинском полуострове. Перешедшие к ней итальянские земли — Ломбардия и территория бывшей Венецианской республики — образовали в составе Австрийской империи Ломбардо-Венецианское королевство, не имевшее никакой автономии и полностью подчиненное венскому правительству.

Все государства Италии (кроме Сардинского королевства) оказались в политической и военной зависимости от Австрии. Династические связи монархов Пармы, Модены, Тосканы с домом Габсбургов и союзный договор, навязанный Неаполю, позволяли Австрии вмешиваться в их внешнюю и внутреннюю политику. Австрийское господство на полуострове могло сохраняться только при условии государственной раздробленности Италии, поэтому Австрия стала опорой восстановленных монархий и непримиримым противником создания единого независимого итальянского государства.

Реставрация принесла с собой активизацию реакционных сил, стремившихся искоренить все нововведения 20-летнего революционного и наполеоновского периода. Приметы Реставрации в Италии были очевидны: ужесточение цензуры и полицейского контроля, возрастание роли церкви как опоры восстановленных монархий, распространение консервативных и реакционных идей. Однако сдвиги в имущественной, социальной и правовой сферах, в умах и настроениях оказались слишком значительными, чтобы полностью восстановить старый порядок.

Режим Реставрации был неодинаков в отдельных государствах Италии. Возврат к прошлому особенно ощущался в Сардинском королевстве. Здесь дворянство снова завладело ключевыми постами в армии, государственном управлении, в судах и дипломатической службе. Сотни выдвинувшихся при французах офицеров и чиновников недворян были уволены или понижены в чинах и должностях. Власти препятствовали развитию капиталистических отношений в деревне, дело доходило до тюремных приговоров крупным земельным арендаторам, которых судили как «спекулянтов» и «монополистов». Были восстановлены цеховые ремесленные корпорации, архаическое торговое, гражданское и уголовное законодательство 70-х годов XVIII в., феодальное право наследования (майораты и фидейкомиссы). Власти пресекали любые проявления либерализма и свободомыслия и снова разрешили иезуитам заниматься образовательной деятельностью. Возврат к прежним порядкам далеко зашел также в

Модене и Папском государстве, где были восстановлены стародавние законодательные и административные установления и утвердилось всевластие духовенства, и полицейский произвол. Слепая враждебность к любым нововведениям проявилось здесь в отмене оспопрививания и газового освещения.

Иным был характер Реставрации в Ломбардо-Венецианской области, Парме, Тоскане и Неаполитанском королевстве, т.е. в тех частях Италии, где реформы «просвещенного абсолютизма» в XVIII в. подготовили почву, позволившую глубже укорениться преобразованиям республиканского и наполеоновского периода. Здесь власти признали многие важные перемены, которые произошли в этот период в разных сферах общества. Были подтверждены сдвиги в землевладении, явившиеся результатом распродажи национальных (в основном церковных и монастырских, а также дворянских) имуществ. Несмотря на частичное восстановление майоратов и фидейкомиссов, буржуазная форма собственности стала преобладающей. Вводя новое законодательство, власти включали в него в несколько измененном виде многие основные положения официально отмененных наполеоновских кодексов. Даже в Папском государстве (особенно в его более развитой части — Романье) антифеодальные преобразования остались частично в силе. В Королевстве Обейх Сицилий некоторые нововведения наполеоновского времени, включая упразднение феодальных порядков, в 1816—1818 гг. были распространены также на остров Сицилию. В подчиненной Австрии Ломбардо-Венецианской области административные, финансовые и судебные учреждения в целом не отличались от наполеоновских. Вместе с тем Австрия стала осуществлять, тщательно скрывая этот факт, интенсивную финансовую эксплуатацию своих итальянских владений, присваивая до $\frac{2}{3}$ ежегодного дохода, поступавшего в бюджет Ломбардо-Венецианской области — сверх того, что 35-тысячная австрийская оккупационная армия целиком содержалась за счет населения.

С целью обеспечить стабильность реставрированных режимов, монархии, не ограничиваясь строгим полицейским контролем, стремились учитывать массовые настроения. Так, в Сардинском королевстве, чтобы привлечь низы, власти на время отменили рекрутский набор и восстановили запрещенные французами популярные религиозные процессии и церковные праздники. В Ломбардо-Венецианской области, Тоскане, Парме и особенно в Неаполитанском королевстве почти все, кто находился при французах на государственной службе в администрации и армии, сохранили свои посты. На Юге продолжали действовать даже органы местного самоуправления, в которых преобладала земельная буржуазия, однако они были включены в систему абсолютизма и целиком подчинены ей.

Вынужденные примириться с рядом социально-экономических сдвигов буржуазного характера, монархии, однако, решительно противились такой государственно-политической перестройке, которая позволила бы выдвинувшимся в наполеоновский период социальным группам (буржуазии, военным, либеральной интеллигенции) подняться к власти. Поэтому режим Реставрации, несмотря на относительную умеренность его начальной стадии, вызвал глубокое разочарование социальных групп, усвоивших политические идеи Французской революции и тянувшихся к власти. В Ломбардо-Венецианской области и Сардинском королевстве это недовольство разделяли те круги либерального дворянства, которые связывали с падением французского владычества надежды на введение конституционного правления и достижение национальной независимости. Однако монархические режимы отвергали всякую возможность ограничения их власти и полностью запрещали легальную политическую деятельность, преследовавшую подобную цель. Поэтому оппозиционно настроенные социальные группы встали на путь организации тайных обществ и заговоров.

Революционное движение в 1815—1820 гг. В годы Реставрации сеть различных тайных обществ охватила почти всю Италию. На Севере страны, в Сардинском королевстве (Пьемонте) и Ломбардии наибольшее влияние приобрело общество «Итальянская федерация», в котором преобладали либеральные дворяне, военные и буржуазия. В Папском государстве и особенно в Неаполитанском королевстве широко распространилось движение карбонариев, очень пестрое по своему составу (буржуазия, военные, образованные люди, ремесленники, низшее духовенство)².

На Юге карбонарии опирались на многочисленную здесь мелкую и среднюю буржуазию, обладавшую землей, которую обрабатывали крестьяне-арендаторы или сельские наемные рабочие.

Главной целью тайных обществ во всей Италии являлось введение конституционного правления вместо неограниченной монархии. Хотя среди заговорщиков были небольшие группы республиканцев, движение в целом носило конституционно-монархический, либеральный характер. Радикально-настроенные «федераты» в Пьемонте и большинство карбонариев на Юге желали введения конституции, подобной весьма прогрессивной для своего времени испанской конституции 1812 г., которая провозглашала народный суверенитет и предусматривала созыв однопалатного парламента. Умеренное же крыло брало за образец более консервативную французскую конституцию — «Хартию 1814 г.».

Помимо установления конституционного строя заговорщики в Ломбардии и Сардинском королевстве стремились добиться национальной независимости, вытеснив вооруженным путем австрийцев из Италии, и создать Северо-итальянское королевство во главе с правившей в Пьемонте Савойской династией. Принадлежавший к ней 23-летний принц Карл-Альберт негласно поощрял заговорщиков и сулил им свою поддержку.

В целом участники тайных обществ ограничивали свои задачи рамками того государства или той части страны, где они действовали, желая принудить местную монархию к принятию конституции. Объединение Италии не выдвигалось тогда революционерами в качестве первоочередной цели. Руководители заговорщического движения делали главную ставку на армию и военный переворот. Только на Юге, в Неаполе радикально-демократические элементы, чтобы помешать реакционерам снова (как в 1799 г.) использовать крестьян как орудие в борьбе с революцией, стремились с помощью пропаганды привлечь на свою сторону сельские массы, внушая им смутные надежды на решение в их пользу вопроса о земле. В результате организации карбонариев на Юге приобрели более массовый характер, чем тайные общества в других частях Италии. По оценкам современников, численность карбонарского движения в Неаполе достигла десятков или даже сотен тысяч человек.

Революции 1820—1821 гг. Успех начавшейся в январе 1820 г. революции в Испании, где была восстановлена конституция 1812 г., подтолкнул неаполитанских заговорщиков к действию. 2 июля 1820 г. восстали карбонарии и войска в городе Нола близ Неаполя. Вслед за тем карбонарии выступили по всему Югу. Часть королевской армии присоединилась к восставшим. В первом же печатном воззвании к населению с призывом присоединиться к движению руководители восстания выражали уверенность, что их выступление получит поддержку российского императора Александра I, в либеральные устремления которого тогда верили многие итальянские конституционалисты.

² Слово «карбонарий» произошло, возможно, от названия ритуала выжигания на косяках древесного угля (по-итальянски уголь — карбоне, *carbone*). Этот ритуал сопровождал прием новых сторонников в тайное общество, символизируя их духовное очищение.

9 июля революционные войска и тысячи вооруженных карбонариев победоносно вступили в Неаполь. Королю Фердинанду I Бурбону, оказавшемуся в изоляции, пришлось объявить о введении конституции по образцу испанской 1812 г. Было образовано новое правительство и созван избранный на основе введенной конституции парламент.

Бескровная революция, победившая практически без борьбы благодаря широкой поддержке имущих слоев, столкнулась вскоре с серьезными трудностями. В лагере победителей возникли противоречия. Власть в Неаполе оказалась в руках сложившейся еще в наполеоновский период консервативной верхушки бюрократии и военных («мюратистов»), которые не допустили представителей карбонариев в правительство, опасаясь их радикализма. Разногласия выявились и в среде самих карбонариев: с введением конституции буржуазные собственники сочли революцию законченной, тогда как радикальные элементы выступали за продолжение демократических преобразований. Еще более осложнили положение события в Сицилии: вспыхнувшее в Палермо народное восстание против власти неаполитанских Бурбонов вылилось в борьбу за государственную независимость острова. Конституционное правительство Неаполя, подержанное имущими слоями, отказалось от всяких уступок сицилийцам и решило силой подавить сепаратистское движение на острове. В Сицилию была направлена 10-тысячная армия, что ослабило оборонительные меры, которые вскоре пришлось принять неаполитанской революции.

Парламент, с которым массы первоначально связывали большие надежды на осуществление своих требований, выраженных в многочисленных петициях, не сумел сплотить различные слои населения в поддержку конституционного строя. В конце 1820 — начале 1821 г. в южных провинциях королевства в сельской местности развернулось широкое движение за возврат крестьянам общинных земель, перешедших к крупным собственникам в наполеоновский период. С возгласами «Да здравствует конституция!» крестьяне захватывали узурпированные у них земли и приступали к их обработке. Парламент, большинство в котором представляло земельную буржуазию, на словах обнадежив крестьян, выступил в вопросе об общинных землях в защиту интересов состоятельных землевладельцев, что оттолкнуло от него деревенский люд.

Конституционное правительство и парламент старались не допустить распространения революции за пределы королевства и ее углубления, избегали даже употреблять слово «революция», надеясь, что это поможет избежать вмешательства Священного союза. Следуя этой линии, правительство разрешило королю Фердинанду I, присягнувшему на верность конституции, выехать из страны, но он немедленно отрекся от своей клятвы и призвал к интервенции. По решению конгресса Священного союза в Лайбахе австрийские войска двинулись в марте 1821 г. на подавление революции. Народные массы, не получившие от конституционного строя ничего кроме снижения цены на соль, не встали на его защиту. Пассивность населения сказалась на боевом духе напех собранного ополчения (наиболее боеспособные части неаполитанской армии оставались в мятежной Сицилии). 23 марта австрийцы заняли Неаполь. Власть Бурбонов была восстановлена, конституция отменена.

В начале марта 1821 г. началась революция в Пьемонте. Заговорщики во главе с офицерами в городе Алессандрия захватили цитадель и создали временную хунту, призывавшую к войне с Австрией для завоевания национальной независимости. Восстания начались в Турине и других городах. Король Виктор Эммануил отрекся от престола, а назначенный регентом принц Карл-Альберт (ранее обнадеживший заговорщиков) объявил о введении конституции по образцу испанской. Однако он, испугавшись последствий такого шага, вскоре покинул Ту-

рин и отказался от регентства и поддержки конституции. Тем не менее руководители пьемонтского восстания во главе с графом Сантароза хотели сохранить Савойскую династию. Средние слои горожан в некоторых провинциях сочувствовали восставшим, но не оказали им активной поддержки. Военные части, примкнувшие к революционерам, были деморализованы из-за начавшихся разногласий между солдатами и офицерами. Уже спустя месяц после начала революции австрийские войска, одержав верх в бою с восставшими, заняли Турин и оккупировали Пьемонт.

По Королевству Обеих Сицилий и Пьемонту прокатилась волна репрессий против участников революционного движения. Инициаторы восстания в городе Нола офицеры Морелли и Сильватти были повешены. Десятки смертных приговоров были вынесены заочно также руководителям и участникам пьемонтской революции, которые сумели скрыться за границу.

Австрийским властям удалось нанести сильный удар либерально-патриотическому движению в Ломбардо-Венецианской области: более 90 членов подпольных организаций, включая их руководителя графа Конфалоньери, были арестованы и надолго заключены в тюрьмы.

Несмотря на поражение революций в Неаполе и Пьемонте, они знаменовали собой новую стадию в развитии итальянского национального движения: в отличие от революционных выступлений 90-х годов XVIII в., революции 1820—1821 гг. были подготовлены и осуществлены патриотическими силами самостоятельно, без всякой поддержки извне. Революции выявили слабость реставрационных монархических режимов, их неспособность удержать власть без военной помощи Австрии, которая обнаружила свою подлинную роль жандарма Италии, душителя свободы итальянцев. События 1820—1821 гг. показали также, что усилия буржуазно-дворянских революционеров ограничить абсолютизм и установить конституционный строй в отдельных государствах в отрыве от борьбы за политическое переустройство Италии в целом обречены на неудачу из-за явного военного превосходства Австрийской империи.

Революция 1831 г. в Центральной Италии. После подавления революций 1820—1821 гг. в Италии начался разгул реакции. В Пьемонте и Неаполе были проведены чистки в армии, администрации и в судах. Повсюду усилилась полицейская слежка и цензура печати, обычными стали жестокие расправы с участниками тайных обществ, в основном карбонариями, которые по-прежнему действовали на юге и в других областях страны. По судебным приговорам в Папском государстве было осуждено более 500 человек. За 1822—1828 гг. власти Неаполя и Рима казнили около 60 революционеров.

Однако подавить подпольное движение не удавалось. Предпринимались новые попытки поднять восстание. Сильно накалилась обстановка к началу 30-х гг. в центральной Италии — герцогствах Парма и Модена и в Папском государстве, где буржуазия была особенно ущемлена из-за засилья церковников. Воодушевленные победой революции 1830 г. во Франции и полагающиеся на ее поддержку, заговорщики подняли в феврале 1831 г. восстания в Модене и Парме, откуда бежали монархи, и в северной части Папского государства. Революция поначалу легко добилась успеха. Созданное в Болонье временное правительство и представители других восставших городов объявили о лишении папы светской власти и о созыве Учредительного собрания для решения вопроса о государственном устройстве папских владений. Однако оказавшиеся у власти либерально-буржуазные деятели не приняли необходимых мер для совместных действий с повстанцами Пармы и Модены и для распространения революции на Рим в тщетной надежде избежать иностранной интервенции. Вторгшаяся австрийская армия уже в конце марта подавила сопротивление революционных войск.

Поражение революции 1831 г. — третьей за десятилетие — привело к резкому падению престижа карбонариев и других заговорщических сект и выходу из них многих участников, разочарованных неудачами.

Новый этап национально-освободительного движения. Дж. Мадзини и «Молодая Италия». Назрела необходимость изменить цели и методы итальянского национального движения. Решение этой задачи взяло на себя возникшее в начале 30-х гг. демократическое движение во главе с Джузеппе Мадзини (1805—1872). В 1827 г. он примкнул к карбонариям, позже был арестован, судим и вынужден отправиться в изгнание. После неудачи революции 1831 г. в Центральной Италии Мадзини порвал с карбонаризмом и основал летом 1831 г. в Марселе (где собрались сотни итальянских изгнанников) тайную организацию «Молодая Италия». Своей главной целью она провозгласила ликвидацию политического раздробленности Италии и ее объединение — «от Альп и до Сицилии» — в единое государство со столицей в Риме. Вся последующая жизнь Мадзини была отдана неустанной борьбе за достижение этой цели. Убежденный революционер, наделенный исключительной духовной энергией, он выдвинулся как идеолог и руководитель демократического, республиканского течения в итальянском национальном движении. Мадзини доказывал, что только объединение Италии в единое (унитарное) государство позволит итальянцам освободиться от иностранного гнета и сплотиться в нацию. Изгнание австрийских войск и свержение реакционных монархических режимов (включая светскую власть папы) создали бы условия для демократических преобразований и установления единой республики. Мадзини и его сторонники считали, что добиться поставленных целей возможно только при широком участии народа в освободительном движении, в которое они стремились вовлечь массы с помощью пропаганды, а также путем подготовки партизанской войны и революционных восстаний. Провозглашая, однако, не желал перерастания национального движения в социальную борьбу масс. Он избегал призывов к проведению аграрных преобразований в деревне в интересах крестьянства из опасения оттолкнуть от «Молодой Италии» земледельную буржуазию и либеральных дворян, а также потому, что не был уверен в способности сельских масс сыграть активную роль в национальном движении. Оторванная от крестьян «Молодая Италия» старалась увлечь за собой городские массы, ремесленников, а впоследствии и рабочих, еще не выступавших со своими классовыми требованиями. Мадзини надеялся заручиться народной поддержкой, используя также религиозность масс. Выдвинутый «Молодой Италией» девиз «Бог и народ» был призван внушать мысль, что участие в национальном движении является религиозным долгом каждого итальянца.

В течение 1831—1833 гг. «Молодая Италия» создала свои тайные ячейки во всех государствах полуострова, что сделало ее первой общенациональной революционной организацией. Больше всего сторонников общество приобрело в Сардинском королевстве, особенно в родном городе Мадзини — Генуе, а также в Ломбардии, Тоскане и Папском государстве, тогда как на Юге, в Королевстве Обеих Сицилий его влияние было слабым. В «Молодую Италию» вступали интеллигенция, мелкая и средняя буржуазия, военные, городской трудящийся люд. Мадзинисты развернули нелегальную пропаганду, распространяя издававшийся за границей журнал «Молодая Италия», брошюры, воззвания и листовки, написанные в основном самим Мадзини. Эти издания, содержавшие горячий призыв к борьбе за свободу и независимость, проникали повсюду, вплоть до Сицилии, но главным образом в города.

Однако попытки Мадзини и его приверженцев поднять восстание в Сардинском королевстве с целью положить начало общенациональной революции закон-

чились полным провалом. Это объясняется тем, что мадзинисты не имели достаточной опоры в народе, особенно среди крестьянства. Кроме того, Мадзини произвольно назначил момент выступления, когда в стране не было революционного кризиса и массы оставались пассивными. Некоторые из арестованных участников этого движения (1833—1834 гг.) были казнены, другие брошены в тюрьмы, часть скрылась за границей. Среди заочно приговоренных властями к смертной казни был сам Мадзини и участвовавший в подготовке восстания в Генуе сын моряка Джузеппе Гарибальди (1807—1882), вступивший в «Молодую Италию». Гарибальди, как и многим другим патриотам, пришлось стать изгнанником. В дальнейшем ему предстояло сыграть громадную роль в борьбе за свободу Италии.

В целом развернутая «Молодой Италией» пропаганда дала толчок развитию национального сознания итальянцев, приблизила многих из них к пониманию необходимости завоевания независимости и объединения страны как главных целей освободительного движения. Несмотря на практические неудачи, именно благодаря Мадзини революционная борьба под республиканским лозунгом за создание единого итальянского государства превратилось с 30-х гг. XIX в. в одно из основных направлений Рисорджименто.

Экономическое развитие в Италии в 20—40-е гг. С середины 20-х гг. в Италии начался экономический подъем, ускорившийся в 30—40-е гг. Он охватил сельское хозяйство и промышленность и способствовал росту и укреплению капиталистических отношений, преимущественно на Севере страны. Здесь совершенствовались ирригационные системы, расширились обрабатываемые площади, улучшалась агрикультура. Больших успехов достигло шелководство: в Ломбардо-Венецианской области производство шелка к рубежу 50-х гг. (4,4 млн кг) удвоилось по сравнению с 1815 г.; в Пьемонте оно выросло в 1840 г. почти в два с половиной раза по сравнению с концом XVIII в. Италия являлась главным поставщиком шелка-сырца в европейские страны, прежде всего в Англию. В Пьемонте и Ломбардии часть дворян-землевладельцев обуржуазилась: такие дворяне заводили в своих имениях хозяйство капиталистического типа, улучшали методы земледелия, энергично включались в торговлю производимой продукцией. В Ломбардии процветали крупные молочно-животноводческие фермы и сыроварни, принадлежавшие капиталистическим фермерам-арендаторам. В Северной и Центральной Италии расширялось применение труда сельскохозяйственных рабочих — батраков и поденщиков. Итальянское сельское хозяйство в целом приобрело более товарный характер, однако в ряде областей страны, особенно на Юге, это достигалось не путем интенсификации земледелия, а главным образом за счет усиленной, подчас полуфеодалной эксплуатации крестьян. Определенные сдвиги произошли в промышленности. Увеличился объем ее продукции, в первую очередь шелковой пряжи, выросло число централизованных мануфактур, началось использование машин, преимущественно в хлопчатобумажном, а также в шерстяном производстве в Ломбардии, Пьемонте и Тоскане. На Севере страны появились десятки хлопкопрядилен, оснащенных английскими мюль-машинами и другими механизмами. В 1818—1821 гг. в Ломбардии впервые применили 4 механических ткацких станка (французской системы Жаккарда), а в 1847 г. их насчитывалось здесь более 850.

Начавшаяся механизация привела к созданию первых машиностроительных предприятий, производивших ткацкие станки и прядильное оборудование. Однако до конца 40-х гг. почти все применявшиеся машины приводились в движение с помощью воды. Крайняя бедность Италии углем и железной рудой препятствовала развитию металлургии и широкому использованию паровых машин.

На Юге страны, в Королевстве Обеих Сицилий, монархия Бурбонов, стремясь укрепить свою социальную и особенно финансовую базу, с середины 20-х гг.

взяла курс на поощрение местной промышленности. Государство, привлекая иностранный капитал и сократив ввоз промышленных товаров, содействовало расширению текстильного производства, в котором появились крупные предприятия фабричного типа с сотнями занятых рабочих. На хлопчатобумажных предприятиях в районе Салерно в начале 40-х гг. насчитывалось 12 тыс. работников, производство тканей выросло с 2 до 12 млн м. Однако из-за узости внутреннего рынка (вследствие бедности крестьян) и бездорожья неаполитанской промышленности не удалось укорениться на Юге.

В 40-е гг. в Италии началось железнодорожное строительство. Вслед за первой короткой линией Неаполь-Портичи (1839) были сооружены дороги Милан — Венеция, Ливорно — Пиза, Турин — Монкальери и т.д.

Большинство занятых в итальянской промышленности по-прежнему составляли ремесленники и связанные с рассеянной мануфактурой крестьяне — надомники, лишь в шелкопрядельном и хлопчатобумажном производстве образовалась прослойка фабричных рабочих. Развитие капиталистических отношений повлекло за собой расширение рядов итальянской буржуазии, хотя большинство ее (землевладельцы и крупные арендаторы земли, торговцы и мануфактуристы) было по-прежнему прямо или косвенно связано с сельским хозяйством.

Внутренний рынок в Италии оставался еще слабо развит, объем внешней торговли итальянских государств со странами вне Италии намного превосходил торговлю между самими итальянскими государствами. Однако достигнутый экономический прогресс сделал более ощутимыми те стеснения, которые производство и торговля испытывали из-за сохранявшихся в Италии многочисленных таможенных границ, различных денежных систем, разноречия в торговом и гражданском законодательстве и в экономической политике. Потребность в свободе установления экономических и культурных связей между отдельными областями страны (особенно между более развитыми Ломбардией и Сардинским королевством) становилась все более настоятельной.

Умеренно-либеральное направление в национальном движении. В 40-е гг. в Италии развернулось широкое движение, в котором участвовали сотни ученых, публицистов, писателей, в большинстве своем из Ломбардии, Пьемонта и центральных областей. В статьях, книгах, брошюрах, в экономических обществах, на научных конгрессах, которые собирались ежегодно с 1839 по 1847 г., обсуждались — наряду с культурными и научными — экономические проблемы, ставшие актуальными в связи с хозяйственным подъемом 30—40-х гг. Вопрос об устранении препятствий, тормозивших развитие промышленности и торговли, о создании большего простора для предпринимательской деятельности выдвинулся на первый план.

Исходя из опыта более развитых европейских стран, экономисты рассматривали таможенный союз итальянских государств и расширение железнодорожного строительства как главные условия ускорения экономического развития Италии. Предлагалось также ввести свободную торговлю всеми товарами внутри страны и унифицировать систему денежных знаков, мер и веса. Постановка этих проблем неизбежно приводила к осознанию того, что расчищать путь экономическому прогрессу Италии невозможно при сохранении государственной раздробленности, архаических абсолютистских порядков и иностранного господства. Поэтому обсуждение экономических и культурных проблем приобретало политический характер.

Участники развернувшихся дискуссий в большинстве своем придерживались либеральных взглядов и единственным способом общественных преобразований считали реформы. Они отвергали тайные общества и восстания как «вредные» и «непригодные» для Италии, а Мадзини называли «безумцем». Его

призыву объединить страну революционным путем в единое (унитарное) государство либеральные идеологи противопоставляли различные планы решения национальной проблемы «сверху» — путем вовлечения государей в национальное движение и создания федерации (союза) итальянских монархов под верховенством папы римского или сардинского короля. Приверженность либералов исключительно мирным методам сделала возможным — впервые после Реставрации — широкое публичное обсуждение национальной проблемы, включая вопрос об устранении иностранного (австрийского) господства.

Выступления либералов принесли определенные положительные результаты, вызвав сдвиги в общественных настроениях. Пьемонтский аббат В. Джебберти в книге «О духовном и гражданском первенстве итальянцев» (1843 г.), ставшей известной в стране, утверждал, что католическая церковь может содействовать национальному возрождению Италии. Джебберти доказывал, что в случае проведения реформ в церковном государстве (гнетущие порядки в котором вызвали возмущение не только в Италии, но и в других европейских странах) Папство — исконный противник объединения — смогло бы примкнуть к национальному движению и даже возглавить его. Часть духовенства восприняла эти идеи и стала склоняться к патриотической позиции. Раскол среди церковников значительно ослабил реакционный лагерь.

Некоторые либералы (например, граф Ч. Бальбо, автор книги «Надежды Италии», 1844 г.) допускали возможность включения в итальянскую федерацию Ломбардии и Венеции в предположении, что Австрия сможет добровольно отказаться от своих итальянских владений, поскольку перейдет в будущем к захватам балканских земель Турции. Подобные оторванные от реальности планы урегулирования национальной проблемы исключительно мирными, «законными» средствами не имели практических шансов на успех.

Ведущей группой среди умеренных стали либералы Сардинского королевства, активизировавшие в 40-е гг. свою деятельность. Надежды на решение национальной проблемы они возлагали на правящую Савойскую династию — единственно итальянскую по своему происхождению. Эти надежды окрепли благодаря тому, что вступивший ранее на престол Карл Альберт взял курс на поощрение экономического развития Пьемонта и начал снова, как и в первые годы Реставрации, оказывать осторожную поддержку либеральному движению в надежде использовать его в династических целях. В 1847 г. граф Камилло Кавур (1810—1861), принадлежавший к пьемонтскому обуржуазившемуся дворянству, приступил к изданию (вместе с Ч. Бальбо) газеты «Рисорджименто» («Возрождение»), которая приобрела большую известность во всей Италии как наиболее авторитетный политический орган либералов. Они теперь настойчиво призывали монархов провести реформы образования, судов, таможенной системы и ослабить цензуру. Либералы получили возможность почти беспрепятственно пропагандировать свои идеи, которые таким образом доходили до более широких слоев общества, чем тайно распространявшиеся издания революционно-демократического характера. Либеральные публицисты теперь открыто вступали в острую идейную полемику со сторонниками реакционного лагеря. В Италии сложилась совершенно новая политическая обстановка, которую один из современников образно определил как «заговор при свете солнца», имея в виду появление в стране фактически легального движения за решение национальной проблемы. Политическая инициатива оказалась в руках умеренных.

В годы эмиграции Мадзини под впечатлением массовых выступлений рабочих во Франции и Англии осознал революционную силу пролетариата и решил привлечь его к борьбе за освобождение Италии. С начала 40-х гг. Мадзини и его сторонники занялись агитацией среди итальянских рабочих с целью

включения их в национальное движение. Сознавая тяжелое положение трудящихся и искренне сочувствуя им, Мадзини призывал буржуазию добровольно улучшить положение рабочих, дабы тем самым устранить почву для их классовых выступлений.

В 40-е гг. Мадзини воздерживался от организации восстаний, убедившись, что условия для них не созрели. Однако немало тех, кто проникся идеей национального освобождения страны, стремились любой ценой зажечь огонь революции. В 1843 г. сторонники тайных обществ предприняли неудавшуюся попытку поднять восстание в Папском государстве. Более ста заговорщиков были преданы суду, семеро казнены. Неудачей закончилось еще одно выступление в папских владениях в 1845 г. Большой отклик в Италии и за ее пределами вызвала попытка молодых военных моряков братьев Бандьера поднять восстание на Юге, где они высадились в 1844 г. Попав в засаду, смельчаки были схвачены бурбонскими жандармами. Оба брата Бандьера и семь их товарищей были расстреляны. Героические выступления патриотов будоражили страну, содействовали нарастанию общественного недовольства.

Глава 8 ИСПАНИЯ В 1814 — КОНЦЕ 40-х гг. XIX в.

Рестаурация абсолютизма. В Испании в результате контрреволюционного переворота в мае 1814 г. старый порядок (в отличие от многих других европейских стран) был восстановлен в полном объеме. Все преобразования Кадисских кортесов (в том числе и конституция 1812 г.) были отменены, сторонники либерализма подверглись жестоким преследованиям. Возобновились деятельность инквизиции, которая теперь стала использоваться для борьбы с либералами.

Крайняя реакционность правящих кругов Испании и их абсолютная нетерпимость к любым проявлениям свободомыслия не оставляли надежд на проведение реформ. В этих условиях испанские либералы обратились к насильственным методам борьбы.

С 1814 г. в Испании появляется такая своеобразная форма политической борьбы как «пронунсиамьенто» — восстание в армии с целью изменения политического строя. Участие военных в освобождении Испании от французского нашествия и их взаимодействие с партизанским движением приводило многих офицеров к осознанию их ответственности за судьбу страны и народа. В армии было немало убежденных сторонников конституции 1812 г. Общение испанских и британских офицеров в армии Веллингтона познакомило многих испанцев с английской политической системой. Те испанские военные, которые признали власть Жозефа Бонапарта в 1808—1813 гг., подверглись влиянию идей Французской революции. На протяжении 1814—1819 гг. офицеры-либералы неоднократно начинали пронунсиамьенто с целью восстановления конституции 1812 г. и созыва кортесов. В 1814 г. произошло пронунсиамьенто в Наварре под руководством героя войны за независимость генерала Мины, в 1815 г. военные восстали в Галисии, в 1817 г. — в Каталонии. Все эти выступления были жестоко подавлены. Еще одним очагом борьбы против абсолютизма стали масонские ложи. В 1816 г. в Мадриде был раскрыт «заговор Треугольника» (по названию ложи), участники которого планировали убить короля, в 1817 г. был раскрыт масонский заговор в Гранаде.

Начало революции 1820—1823 гг.

После изгнания французов испанские власти получили возможность отправить в Новый Свет войска для подавления повстанческого движения, однако восстановить испанское господство в Латинской Америке не удалось. Кровопролитная и безуспешная колониальная война еще более усилила недовольство в армии. В 1819 г. в окрестностях Кадиса, где были сосредоточены войска перед отправкой в Латинскую Америку, возник новый заговор. 1 января 1820 г. началось пронунсиамьенто под руководством подполковника Рафаэля Риго (1785—1823). Повстанцы не смогли захватить Кадис; после этого часть мятежной армии закрепилась на острове Леон в Кадисской бухте, другая под предводительством Риго двинулась в поход по Андалусии, пытаясь привлечь к восстанию народ. Королевские войска по пятам преследовали отряд Риго, нанеся все новые удары; многие солдаты покинули отряд. Однако одновременно в стране стали распространяться слухи о победоносном восстании либералов. В конце февраля — начале марта начались волнения во многих городах северной и центральной Испании. 7 марта 1820 г. перед королевским дворцом в Мадриде собралась огромная толпа горожан, требовавших восстановления конституции 1812 г., созыва кортесов и создания национальной милиции. Король Фернандо VII, испуганный размахом народного движения, уступил — было объ-

явлено о проведении выборов в кортесы, восстановлена конституция 1812 г., упразднена инквизиция. Король согласился также на формирование нового правительства, состоящего из умеренных либералов. Таким образом, благодаря массовой поддержке горожан, либеральное пронунсиамьенто, руководимое Риго, одержало победу.

Если в годы первой революции либералы представляли собой единую политическую силу, то в начале 20-х гг. в либеральном лагере произошел раскол. Умеренное течение испанского либерализма («модерадос») состояло, в основном, из «людей двенадцатого года» — депутатов Кадисских кортесов, творцов конституции 1812 г. Их лидерами были А. Аргуэльес и Ф. Мартинес де ла Роса. Умеренным противостояли левые либералы, называвшие себя «эксальтадос» или «людьми двадцатого года», поскольку их руководителями были офицеры, возглавившие январское пронунсиамьенто 1820 г., Р. Риго и Э. Сан-Мигель. Обе либеральные группировки не имели четко сформулированной программы и организационной структуры. Представления «модерадос» и «эксальтадос» о необходимых политических и социально-экономических преобразованиях были сходными; их разделял вопрос о методах достижения цели. Модерадос тяготели к компромиссу с роялистами и пытались ограничить политическую активность плебса, в то время как эксальтадос призывали к решительной борьбе с контрреволюцией и постоянно апеллировали к народу — прежде всего, к горожанам. И модерадос, и эксальтадос опирались на поддержку либерального дворянства, буржуа, людей свободных профессий. Эксальтадос, кроме этого, пользовались популярностью среди части городского плебса.

Революция вовлекла в политическую борьбу все слои горожан. Важнейшей формой политической организации стали «патриотические общества», в деятельности которых участвовали ремесленники и торговцы, офицеры, чиновники, крупные предприниматели, люди свободных профессий. На протяжении 1820—1823 гг. в городах страны существовало около 270 патриотических обществ различной политической ориентации. В большинстве случаев патриотические общества выступали на стороне либо модерадос, либо эксальтадос. В городах создавались предусмотренные конституцией 1812 г. отряды национальной милиции, ставшие вооруженной опорой либералов. В конце 1820 г. в плебейской среде возникло движение «комунерос», считавшее себя продолжателем дела «комунерос» начала XVI в., которые вели борьбу за интересы горожан против произвола королевской власти. Комунерос требовали от либеральных правительств более жестких мер в борьбе с врагами революции, усиления национальной милиции, чистки в государственном аппарате.

Политическая ситуация в деревне была более спокойной. В кортесы поступали петиции с просьбами облегчить участь крестьян, были нередки случаи отказа крестьян от уплаты повинностей и налогов. В провинции Авила крестьяне пытались захватить земли герцога Мединасели. Однако испанская деревня в начале 20-х гг. не знала столь массовой борьбы против сеньориального строя, как во Франции во времена революции.

В 1820—1823 гг. роялисты и клерикалы развернули ожесточенную борьбу против революции, неоднократно возникали контрреволюционные заговоры, часть духовенства отказывалась признавать конституцию. Модерадос и эксальтадос совместно отражали натиск реакции. В то же время модерадос иногда блокировались с роялистами, пытаясь ослабить своих соперников — эксальтадос.

Первый период революции (1820—1822 гг.). На выборах в кортесы победу одержали умеренные либералы. Правительство с марта 1820 г. до середины 1822 г. также находилось в руках модерадос. На протяжении 1820—1821 гг. был проведен целый ряд важнейших социально-экономических преобразований.

Либералы устранили те препятствия, которые мешали развитию предпринимательства — провозгласили свободу торговли, отменили внутренние таможенные пошлины, цеховую систему, государственные монополии.

Осенью 1820 г. кортесы приняли два важнейших закона, положивших начало аграрным преобразованиям. Закон об отмене майората превращал дворянские земли в обычную частную собственность, которой ее владелец мог свободно распоряжаться. Второй закон предполагал ликвидацию монастырей, в которых состояло менее двух дюжин монахов. Земля, принадлежавшая этим монастырям, передавалась государству, которое должно было продать ее, а вырученные средства использовать для погашения внутреннего долга. Однако король отказался подписывать эти законы.

Одновременно роялисты сделали попытку ослабить революционный лагерь. В конце августа король распустил ту часть армии, которая участвовала в январском пронунсиамьенто. Р. Риго, выступивший против этого решения, был отправлен в ссылку в Астурию. В октябре правительство ограничило свободу слова, печати и собраний, что должно было привести к свертыванию деятельности патриотических обществ. Затем Фернандо VII перебрался из Мадрида в Эскориал, чтобы избавиться от давления со стороны революционно настроенных горожан. Последней каплей стало назначение роялиста на пост капитан-генерала Новой Кастилии. В ответ в середине ноября в Мадриде начались волнения, отряды национальной милиции и толпа горожан ворвались в королевский дворец. Король вынужден был отступить и подписал законы о закрытии монастырей и об отмене майората; Риго вернулся из ссылки.

В первой половине 1821 г. в центре внимания кортесов находился вопрос о крестьянских повинностях. В кортесы поступали как крестьянские петиции, так и жалобы сеньоров на крестьян. В июне 1821 г. кортесы приняли закон об отмене сеньориальных повинностей. Безвозмездно отменялись сеньориальная юрисдикция, право сеньоров назначать алькальдов, баналитеты и другие сеньориальные привилегии, личные повинности, сохранявшиеся в некоторых областях. Поземельные повинности сохранялись, если сеньор мог предъявить документы, подтверждающие его право собственности на землю, обрабатываемую крестьянами. Либералы считали, что поземельные повинности представляют собой искаженную и «испорченную» феодализмом арендную плату. Один из руководителей модерадос, Мартинес де ла Роса, заявил по этому поводу, что необходимо «с корнем вырвать феодализм, не поранив при этом ствол собственности». Однако этот закон не вступил в силу, так как Фернандо VII отказался утвердить его, используя право приостанавливающего вето, предоставленное монарху конституцией 1812 г. Либералы не решились нарушить конституцию, закон не был проведен в жизнь.

На протяжении первого периода революции были проведены преобразования, существенно изменившие жизнь страны. Была упорядочена система внутреннего долга, военная реформа предполагала введение всеобщей воинской обязанности и изгнание из армии иностранцев, возникло новое административное устройство, основанное на делении страны на 52 провинции. Создавалась единая для всей страны система начального, среднего и высшего образования, обучение должно было иметь светский характер.

Либералы пытались сохранить испанские владения в Новом Свете, конституция 1812 г. должна была стать политической базой для сохранения единства метрополии и колоний. Однако эти планы не встретили поддержки креольской верхушки, вставшей на путь борьбы за независимость.

Второй период революции (1822—1823 г.). Приход к власти эксальтадос. В декабре 1821 г. состоялись выборы в кортесы, на которых победу одержали эксаль-

тадос. Авторитет модератос в глазах крестьян был подорван тем, что модератос не решились покончить с сеньориальными правами вопреки воле короля; горожане обвиняли умеренных в том, что они не в состоянии были окончательно подавить контрреволюцию. Символом победы эксальтадос стало избрание Риго председателем кортесов в марте 1822 г. В то же время правительство еще оставалось в руках умеренных. Мартинес де ла Роса, возглавлявший правительство, подготовил проект пересмотра конституции, который предусматривал, в частности, создание верхней палаты.

В июне 1822 г. депутаты приняли закон о «королевских пустошах» (так называли малопродуктивные земли, находившиеся в собственности короны). Часть этой земли предполагалось продать, другую — распределить между ветеранами войны за независимость, солдатами, участвовавшими в январском pronunciamento 1820 г., и безземельными крестьянами. Кортесы вторично проголосовали за закон об отмене сеньориальных прав, но король вновь применил вето.

Победа эксальтадос на выборах подтолкнула роялистов к решительным действиям. В окружении короля возник новый заговор. В ночь с 6 на 7 июля королевская гвардия пыталась захватить Мадрид, но национальная милиция и народ разгромили мятежников. Фернандо VII вынужден был отправить в отставку правительство модератос. Новое правительство возглавил один из лидеров эксальтадос — Э. Сан-Мигель.

В горных районах Каталонии роялисты начали создавать отряды, которые, используя тактику партизанской войны, открыли боевые действия против либералов. В г. Сео де Уржелль было образовано регентство, руководившее контрреволюционными силами от имени Фернандо VII, находившегося в руках либералов. Правительство отправило в Каталонию армию под командованием генерала Мины, которая нанесла поражение роялистам. Регентство бежало во Францию.

События 1822 г. показали, что сил испанской реакции недостаточно для подавления революции. В октябре 1822 г. конгресс Священного союза принял решение об организации интервенции. Известия о готовящемся вторжении вызвали новые волнения в городах. В Мадриде в феврале 1823 г. впервые за время революции в толпе слышались крики «Смерть королю!».

7 апреля 1823 г. французские войска перешли границу. Генералы, командовавшие испанской армией, отступали; некоторые переходили на сторону противника. Французы столкнулись с ожесточенным сопротивлением только в Каталонии, где находилась армия Мины, и в Андалусии, где войска возглавлял Риго. Интервенция не привела к возрождению массового партизанского движения, которое существовало во времена наполеоновского нашествия. Либералы не смогли заручиться поддержкой крестьян: злополучный закон об отмене сеньориальных прав был в третий раз принят кортесами и вступил в силу только в мае 1823 г., когда значительная часть страны была уже оккупирована французами. Кроме того, французское командование и двигавшееся в обозе интервентов регентство постоянно заявляли, что французские войска не собираются захватывать Испанию, что их цель — возвращение власти законному королю Фернандо VII, находящемуся в плену у либералов, и защита католической церкви. Таким образом, интервенты использовали лозунги, типичные для испанской герильи 1808—1814 гг.

Правительство и кортесы покинули Мадрид и переехали в Севилью. Когда в июне 1823 г. к Севилье подошли французские войска, Фернандо VII заявил, что не собирается уезжать. Депутаты кортесов приняли решение о «внезапном безумии» короля и принудительно вывезли его в Кадис. Французские войска осадили город. В конце сентября кортесы вынуждены были принять решение о выдаче короля французам. 1 октября 1823 г., прибыв во французский ла-

герь, Фернандо VII объявил об отмене всех документов, подписанных им после 7 марта 1820 г.

Буржуазная революция 1820—1823 гг. завершилась поражением, в стране вновь был восстановлен Старый порядок. Либералы, опиравшиеся на поддержку либерального дворянства, буржуазии, городского плебса, не смогли выдержать натиск внешней и внутренней контрреволюции. В то же время революция расшатала устои Старого порядка и подготовила почву для продолжения революционного движения. Испанская революция оказала влияние на революционные процессы в Португалии и Италии.

«Ненавистное десятилетие» (1823—1833 гг.). В течение десяти лет после окончания революции в Испании сохранялся реакционный режим. Либералы окрестили эти годы «ненавистным десятилетием». С осени 1823 г. в стране развернулись массовые политические репрессии. Был казнен Р. Риго, схвачен и убит «первый партизан Испании» генерал Эмпесинадо. Для преследования либералов были сформированы специальные трибуналы — «военные комиссии». Смертный приговор мог быть вынесен за вооруженное сопротивление роялистам или за призывы к такому сопротивлению, за организацию беспорядков, за принадлежность к масонским ложам или организациям комунерос и т.д. Тысячи людей бежали из страны. Контрреволюционный террор достиг такого размаха, что стал дискредитировать страны Священного союза, помогшие Фернандо VII вернуться к власти. В мае 1824 г. король подписал «Декрет о прощении», однако в конце этого документа были перечислены 15 категорий лиц, на которых прощение не распространялось.

Были ликвидированы все революционные преобразования, за исключением одного — король не решился восстановить инквизицию. Однако вместо нее создавались «хунты по делам веры». По приговору этого суда в 1826 г. за пропаганду атеизма был казнен школьный учитель.

Попытки испанского абсолютизма восстановить господство в Латинской Америке оказались тщетными. К середине 20-х гг. Испания потеряла все колонии в Новом Свете, кроме Кубы и Пуэрто-Рико. До середины 30-х гг. Испания не признавала независимость государств Латинской Америки.

Несмотря на репрессии, в 1824—1826 гг. либералы сделали несколько попыток свергнуть абсолютизм, однако потерпели поражение. Новый подъем революционного движения начался с середины 1830 г., когда произошла Июльская революция во Франции. Но вооруженные выступления либералов в октябре 1830 г., в январе-феврале и в декабре 1831 г. были жестоко подавлены. В 1830 г. король приказал закрыть все испанские университеты, видя в них источник либеральных идей.

Несмотря на реакционность режима, в эти годы существовала и правая оппозиция. Знаменем ультрароялистов стал младший брат короля — Карлос. Его сторонники, карлисты, стремились сместить Фернандо VII и возвести на престол Карлоса. Карлисты считали, что либералы удерживались у власти в 1820—1823 гг. из-за трусости и нерешительности короля, и требовали немедленного восстановления инквизиции. В 1827 г. карлисты подняли мятеж в Каталонии, но королевские войска подавили его.

Социально-экономическое развитие Испании. Несмотря на политические потрясения и войны, в первые десятилетия XIX в. произошли существенные качественные сдвиги в экономике страны. Продолжалось развитие мануфактурного производства. В Каталонии и в крупных городах Андалусии и Валенсии встречались крупные текстильные и железодельные мануфактуры, на которых были заняты сотни рабочих. Получила распространение и рассеянная мануфактура. В конце XVIII в. в Каталонии появляются первые механические

прялки «Дженни», в начале XIX в. — механические ткацкие станки. В 1832 г. в Барселоне открылась первая в Испании хлопчатобумажная фабрика, где был установлен паровой двигатель. В том же 1832 г. в г. Марбелья была построена первая в Испании домна, в 40-е гг. доменные печи сооружаются в Бискайе и Астурии. Переход к использованию каменного угля в черной металлургии привел к быстрому росту угледобычи. В 1848 г. вступила в строй первая железная дорога Барселона-Матаро. Все это свидетельствовало о том, что Испания вступила в эпоху Промышленной революции. Однако станки и оборудование для первых испанских фабрик ввозились из-за рубежа. Серьезным препятствием для развития мануфактурного и фабричного производства оставалась цеховая система и внутренние таможенные пошлины.

Разворачивающаяся Промышленная революция вызвала разорение ремесленных мастерских и снижение заработка наемных рабочих. В 1821 г. в г. Алькой произошла первая вспышка луддитского движения. Летом 1835 г. возмущенные ремесленники разгромили и сожгли первую испанскую фабрику, оснащенную паровым двигателем. Нищета и безработица сделали городские низы чрезвычайно восприимчивыми к политической агитации.

Важную роль продолжала играть колониальная торговля, хотя ее масштабы сократились после того, как Испания в середине 20-х гг. потеряла все колонии в Новом Свете, кроме Кубы и Пуэрто-Рико.

К началу 30-х гг. в испанской деревне сохранялись устои Старого порядка — дворянские майораты, церковное землевладение, многочисленные и разнообразные крестьянские повинности, баналитеты, юрисдикция сеньоров на части территории страны. В северных районах страны преобладали различные формы крестьянского держания и полуфеодальной аренды. В Новой Кастилии, Эстремадуре, Андалусии крупные землевладельцы вели собственное хозяйство, основанное на применении труда поденщиков. Разбогатевшие купцы и предприниматели охотно покупали либо арендовали землю, приобщаясь таким образом к эксплуатации крестьян. Но расширению буржуазного землевладения мешала узость земельного рынка — дворянские майораты и неотчуждаемость церковных земель.

Первая карлистская война и буржуазная революция. В октябре 1833 г. Фернандо VII умер. Королевой была провозглашена его трёхлетняя дочь Изабелла II, а регентшей — вдовствующая королева Мария-Кристина. Одновременно о своих притязаниях на престол заявил младший брат покойного короля — Карлос. Уже в конце 1833 г. в горных районах Наварры, Страны Басков, Арагона и Каталонии карлисты начали вооруженную борьбу за власть. В этих условиях Мария-Кристина вынуждена была апеллировать к либералам. Таким образом, династический конфликт сразу же обрел социально-политическое содержание, первая карлистская война была гражданской войной между сторонниками революции и защитниками Старого порядка.

Карлисты выступали за сохранение абсолютизма и Старого порядка, за упорение позиций церкви. Девизом карлистов стали слова «Бог и фуэрос!». Карлистов поддержала наиболее реакционная часть дворянства и духовенство. Защита старинных местных вольностей привлекла на сторону карлистов провинциальную знать тех областей, где существовали фуэрос (Арагон, Каталония, Валенсия, Наварра, Страна Басков). Крестьянское население этих районов также поддержало карлистов, так как фуэрос предполагали значительные налоговые льготы. Гражданская война сразу же приобрела исключительно жестокий характер; известный либеральный публицист М.-Х. де Ларра написал эпитафию, точно отразившую реалии карлистской войны: «Здесь покоится половина Испании, павшая от руки другой половины».

В начале 1834 г. Мария-Кристина назначила правительство, состоявшее из умеренных либералов. Модерадос отменили цеховую систему, государственные монополии и внутренние таможенные пошлины. Опасаясь вмешательства народа в политическую жизнь, умеренные либералы отказались от восстановления конституции 1812 г.; вместо нее они разработали «Королевский статут», который предполагал создание двухпалатных кортесов с совещательными функциями. Высокий имущественный ценз допускал к выборам только 16 тысяч человек из 12-миллионного населения страны.

Политика модерадос вызвала возмущение большинства горожан, которые требовали восстановить конституцию 1812 г., закрыть монастыри, разгромить карлистов. В 1834—1835 гг. в Мадриде, Барселоне, Сарагосе, городах Андалусии неоднократно происходили массовые волнения. Важным компонентом этих волнений был так называемый «народный антиклерикализм» — разъяренная толпа разрушала и поджигала монастыри, нападала на духовных лиц.

В середине 1835 г. карлисты перешли в наступление. Кавалерийские отряды карлистов неоднократно совершали в 1835—1837 гг. молниеносные рейды по территории страны.

Под давлением мощного народного движения и роста карлистской угрозы королева-регентша в сентябре 1835 г. вынуждена была передать власть левым либералам — «прогрессистам». В 1835—1837 гг. прогрессистские правительства провели важные социально-экономические преобразования. Центральное место среди них заняло решение аграрного вопроса. В 1836 г. были отменены майораты — на этот раз окончательно. В 1835—1837 гг. были приняты законы, подорвавшие экономическую основу испанской церкви. Были закрыты все монастыри, их имущество передано государству. Церковные земли продавали крупными участками с аукциона, расплачиваться можно было как наличными, так и бумагами государственного долга. Подобный порядок продажи привел к тому, что новыми хозяевами церковной земли стали, в основном, крупные землевладельцы-дворяне, чиновники, буржуа. Наконец, в 1837 г. прогрессисты безвозмездно отменили сеньориальную юрисдикцию, повинности личного характера, баналитеты. Поземельные повинности сохранялись (при этом от сеньора не требовалось предъявления каких-либо документов), либералы рассматривали их как своеобразную форму арендной платы. В дальнейшем это привело к утрате крестьянами владельческих прав и превращению бывших держателей в арендаторов, а бывших сеньоров — в хозяев земли.

В августе 1836 г. в королевском поместье Ла Гранха произошло pronунсиамьенто. Его участники потребовали от Марии-Кристины восстановить конституцию 1812 г., королева-регентша вынуждена была подчиниться. Однако уже в середине 1837 г. либералы разработали новую конституцию, которая, в частности, предоставляла избирательное право только 2,2% населения страны. В это время и модерадос, и прогрессисты уже считали опасным вмешательство народа в политическую жизнь, тем более, что немалая часть крестьян поддерживала карлистов.

Преобразования 1835—1837 гг. сыграли важную роль в ходе гражданской войны. Отмена сеньориальной юрисдикции и личных повинностей побудила многих крестьян дезертировать из карлистской армии. Ослабление карлистского лагеря позволило либералам склонить карлистских военачальников к переговорам. В августе 1839 г. в г. Вергара часть карлистской армии сложила оружие, продолжавшие сопротивление карлистские отряды были разбиты в 1840 г. Затяжная и кровопролитная гражданская война завершилась победой либералов, что означало победу революции.

Диктатура Эспартеро. На завершающем этапе карлистской войны обострились противоречия между умеренными и прогрессистами, причем в противостоянии двух либеральных группировок все большую роль стали играть генералы и офицеры либеральной армии. В 1840 г. ожесточенная борьба в либеральном лагере вылилась в затяжной политический кризис, сопровождавшийся новой волной городских восстаний, в том числе в Мадриде и Барселоне. В октябре 1840 г. Мария-Кристина, которая поддерживала умеренных, вынуждена была отказаться от регентства и покинуть Испанию. Вся полнота власти перешла к стороннику прогрессистов генералу Б. Эспартеро, который в 1841 г. был провозглашен регентом. Установился режим личной власти Эспартеро. Однако политика Эспартеро подорвала его авторитет. Так, снижение таможенных пошлин и подготовка торгового договора с Англией, который открывал испанский рынок для английского текстиля, восстановили против Эспартеро промышленную буржуазию. В конце 1842 г. в Барселоне вспыхнуло восстание против регента. По приказу Эспартеро город подвергся артиллерийскому обстрелу, что привело к огромным жертвам. К началу 1843 г. сложился блок разнородных сил, стремившихся покончить с диктатурой. В середине 1843 г. диктатура была свергнута, Эспартеро бежал в Англию. В конце 1843 г. умеренные вернулись к власти, а 13-летняя Изабелла II была объявлена совершеннолетней.

В 1845 г. вступила в силу новая конституция, возникшая в результате внесения поправок в конституцию 1837 г. Был повышен имущественный ценз для избирателей, урезаны полномочия кортесов, увеличены права короны. Распродажа церковных земель прекратилась, еще не проданные земли были возвращены церкви, что позволило восстановить партнерские отношения государства и католической церкви.

Бурный 1848 год в Испании прошел относительно спокойно. Республиканцы сделали две попытки поднять восстание (в марте — в Мадриде и в мае — в Мадриде и Севилье), однако потерпели поражение.

Итоги революции. В результате третьей буржуазной революции в Испании были навсегда уничтожены майораты, сеньориальная юрисдикция, баналитеты, цеховая система, внутренние таможенные пошлины, сословные привилегии духовенства и дворянства. Испания превратилась в конституционную монархию. Был ликвидирован целый ряд препятствий, мешавших развитию предпринимательства. Вопрос о крестьянском держании был решен в пользу бывших сеньоров, что привело в дальнейшем к обострению социальной ситуации в деревне. Карлистская война способствовала повышению роли военных в политической жизни страны. В 30-е гг. испанский либерализм в значительной степени утратил свой некогда революционный характер.

Глава 9 ПОРТУГАЛИЯ В 20-х — 80-х гг. XIX в.

Революция 1820—1823 гг. К началу 20-х гг. XIX в. в Португалии сохранялись устои Старого порядка. продолжали существовать дворянские майораты, церковное землевладение, феодальные повинности. Развитие торговли сдерживало отсутствие единой системы мер и весов, многочисленные привилегии (например, монопольное право торговли с азиатскими колониями принадлежало Лиссабону, торговать солью могли только купцы из г. Сетубал), внутренние таможенные пошлины. Для того чтобы привезти вино из района Алту-Доуру в Порту, нужно было 18 раз заплатить пошлину.

После окончания наполеоновских войн король Жоан VI и двор не вернулись из Бразилии в Португалию. Страной от имени короля управлял англичанин — маршал Бересфорд, ключевые посты в португальской армии заняли английские офицеры. Всеобщее недовольство вызвал торговый договор 1810 г. с Англией: изделия португальских мануфактур и ремесленных мастерских не могли выдержать конкуренцию английских фабричных товаров.

Длительная война за освобождение Португалии от французского нашествия способствовала росту патриотических настроений среди военных, широкое распространение в офицерской среде получают либеральные идеи. В 1817 г. был раскрыт военный заговор, направленный против Бересфорда, его организаторы были казнены. В 1818 г. возникло тайное общество «Синедрион», в состав которого входили офицеры, чиновники, торговцы. Члены «Синедриона» считали необходимым покончить с засильем англичан и установить конституционный строй.

Начавшаяся в Испании в 1820 г. революция подтолкнула португальских военных к решительным действиям. 24 августа 1820 г. началось армейское восстание в Порту. Его руководители — полковники Сепулведа и Кабрейра — призвали к созыву кортесов, введению конституции и потребовали немедленного возвращения в Португалию короля. В конце августа — начале сентября волна восстаний прокатилась по городам северной Португалии. 15 сентября восставшие военные захватили власть в Лиссабоне.

Восставшие создали правительство — Временную жунту, с ноября 1820 г. ее возглавлял один из руководителей «Синедриона» — М. Фернандеш Томаш. Осенью 1820 г. развернулась борьба по вопросу о том, кто сможет участвовать в будущих выборах в кортесы. Благодаря поддержке жителей Лиссабона победу одержали сторонники всеобщего избирательного права; избирателями становились все мужчины, кроме монахов. В декабре 1820 г. состоялись выборы, на которых победили либералы.

В революционных событиях активное участие принимало городское население. Предприниматели крупных городов учреждали «Торговые комиссии», которые разрабатывали проекты будущих экономических преобразований. По примеру Испании возникали «Патриотические общества», издавались многочисленные газеты.

Уже в начале 1821 г. в кортесы начали поступать многочисленные крестьянские петиции с требованием отмены повинностей и сокращения налогов. В марте 1821 г. кортесы отменили барщину и всевозможные особые права и привилегии сеньоров (исключительное право охоты и рыбной ловли, право взимать сбор за пользование дорогами и мостами и т.д.), а также подтвердили указ 1790 г. об отмене сеньориальной юрисдикции. В июне 1822 г. был разра-

ботан закон о превращении натуральных повинностей в денежные, в дальнейшем предполагалось провести выкуп крестьянских повинностей, однако этот закон не был проведен в жизнь.

Кортесы ликвидировали внутренние таможенные пошлины, расторгли торговый договор с Англией, ввели протекционистский тариф. По требованию кортесов Жоан VI вернулся в Португалию, оставив в Бразилии старшего сына — Педру. Из португальской армии были изгнаны английские офицеры, иностранцам запретили занимать государственные должности. Либералы упразднили инквизицию и сократили церковную десятину, отменили предварительную цензуру. Была провозглашена свобода образования, что привело к открытию новых школ.

Важнейшей своей задачей либералы считали создание конституции, ее разработка завершилась в сентябре 1822 г. Образцом для португальской конституции послужила испанская конституция 1812 г. Португалия провозглашалась наследственной конституционной монархией. Законодательная власть передавалась однопалатным бессловным кортесам, исполнительная — оставалась в руках короля и назначенных им государственных секретарей. По конституции 1822 г. имущественный ценз для избирателей не устанавливался, но избирательных прав лишались слуги и люди без определенных занятий и средств к существованию. Конституция декларировала неприкосновенность личности, равенство граждан перед законом, свободу слова и печати, отменяла сословные налоговые привилегии. Ради сохранения власти над Бразилией либералы предоставили гражданские права всем свободным жителям, в том числе и отпущенным на волю рабам, но рабство в колониях отменено не было, так как это противоречило интересам бразильских плантаторов.

Провозглашение независимости Бразилии в сентябре 1822 г. дискредитировало кортесы в глазах значительной части горожан, чье благополучие зависело от колониальной торговли. Начало французской контрреволюционной интервенции в Испании стало сигналом для португальской реакции. В мае 1823 г. начался мятеж в армии, во главе которого стоял младший сын Жоана VI — Мигел. Либеральные силы потерпели поражение. Кортесы были распущены, король отменил конституцию 1822 г., пообещав впоследствии даровать народу новую конституцию. Революционные преобразования были ликвидированы, началось преследование либералов. Многие участники революции вынуждены были эмигрировать.

Выдающийся либеральный мыслитель Ж. Алмейда Гаррет в статьях, написанных во второй половине 20-х гг., проанализировал опыт португальской революции. В Португалии «алтарь свободы не был запятнан кровью», в отличие от революции во Франции, так как главной силой революции была армия, а не народ. Лидеры революции стремились отстранить народ от политической борьбы. Но именно поэтому народ не защитил революцию. Алмейда Гаррет видел выход в просвещении народа и в проведении революционным правительством глубоких реформ, которые бы показали народу преимущества свободы.

Гражданская война и буржуазная революция. После смерти Жоана VI в 1826 г. в Португалии сложилась исключительно сложная династическая ситуация. Старший сын покойного короля, император Бразилии Педру I, не мог занять португальский престол, так как бразильцы не желали объединения с бывшей метрополией. Педру I передал свои права на португальскую корону своей дочери — семилетней Марии да Глория. Одновременно о своих правах заявил младший сын Жоана VI — Мигел. Поскольку вокруг Мигела сплотились силы крайней реакции, Педру I попытался обрести опору среди умеренных либералов, проведя политическую амнистию. В апреле 1826 г. он даровал португальцам «Конституционную хартию», которая предусматривала создание двухпалатного парламента;

нижняя палата избиралась, члены верхней палаты — пэры — назначались королем из числа аристократов и епископов. Избирательное право было ограничено высоким имущественным цензом. В 1826—1827 гг. в стране происходят вооруженные столкновения между либералами и роялистами. В 1827 г. братья достигли компромисса: Мигел занял пост регента при малолетней Марии да Глория. Однако в 1828 г. сторонники Мигела совершили государственный переворот и провозгласили его королем. Мария да Глория была изгнана из страны, Конституционная хартия отменена, в Португалию вернулся орден иезуитов. Попытки либералов оказать вооруженное сопротивление были подавлены, политические преследования приняли гораздо более масштабный и жестокий характер по сравнению с репрессиями 1823 г. Несколько тысяч либералов бежали в Англию.

В начале 1829 г. либералам удалось захватить власть на о. Терсейра (Азорские острова), где создается правительство. Терсейра превратилась в военную и политическую базу португальского либерализма. Политическим знаменем либералов стала Конституционная хартия. В 1831 г. император Бразилии Педру I отрекся от престола в пользу своего сына и вступил в борьбу за португальский престол. Благодаря поддержке Англии и Франции либералы получили средства для закупки оружия, в июле 1832 г. военная экспедиция либералов (около 7500 португальцев и 800 англичан и французов) высадилась на севере страны и захватила Порту. Силы были неравны. Мигелистская армия на севере составляла около 80 000 человек. Либералов могла спасти только поддержка народа. Уже в августе 1832 г. либералы заявили о введении закона об отмене феодальных повинностей. Закон не давал ясного представления о том, какие повинности отменяются, а какие сохраняются; в нем было упоминание о выкупе поземельных повинностей и о том, что закон не касается арендных отношений. Кроме этого, была отменена цеховая система, ликвидированы внутренние таможенные пошлины и торговые монополии, сокращены некоторые налоги, проведена административная реформа, учрежден суд присяжных. Автором большинства преобразований был выдающийся государственный деятель Ж. Моузинью да Силвейра (1780—1849). Все эти меры привели к перелому в ходе гражданской войны.

В июне 1833 г. новая военная экспедиция либералов (около 2500 человек) высадилась на юге страны. В конце июля войска либералов заняли Лиссабон. Гражданская война завершилась 26 мая 1834 г. капитуляцией разгромленной мигелистской армии. Через два дня, 28 мая, либералы нанесли удар по позициям католической церкви: мужские монастыри были закрыты, в женские монастыри запрещалось принимать новых послушниц, монастырское имущество было конфисковано и подлежало продаже. Началась распродажа церковной земли, а также имений, которые были конфискованы у мигелистов в ходе гражданской войны.

В сентябре 1834 г. умер дон Педру, отец 15-летней королевы. На первый план политической жизни вышли его соратники — маршалы Ж.К. Салданья и А.Ж. Терсейра, маркиз Палмела. Для умеренных либералов революция была закончена, но городской плебс проявлял все большее недовольство отсутствием политических прав и ростом экономического и политического влияния Англии. 9 сентября 1836 г. произошло восстание военных в Лиссабоне, поддержанное населением столицы. К власти пришло левое крыло либералов. «Сентябристы» сформировали правительство во главе с популярным политиком М. Пассушем. Новая власть восстановила конституцию 1822 г., провела протекционистский тариф, защищавший португальский рынок от наплыва английских товаров, способствовала развитию начального и среднего технического образования. Была запрещена работорговля (при сохранении рабства в колониях). В 1836 и 1837 гг. «хартисты» (сторонники конституционной хартии) два-

жды поднимали восстания, пытаясь вернуться к власти. В этих условиях сентябристы вынуждены были пойти на уступки: в апреле 1838 г. была принята новая конституция, которая вновь вводила имущественный ценз для избирателей. Этот шаг лишил сентябристов поддержки городских низов. В феврале 1842 г. министр юстиции Кошта Кабрал совершил государственный переворот и восстановил Конституционную хартию. Эти события принято считать окончанием буржуазной революции, начавшейся на рубеже 20-х и 30-х гг.

Политическая борьба в 1842—1851 гг. Установив диктаторский режим, Кошта Кабрал проводил политику, направленную на ускорение экономического развития страны — государство поощряло освоение пустошей, разработку полезных ископаемых, финансировало строительство дорог, мостов, портов. Необходимые средства правительство получало за счет повышения налогов. Именно это стало причиной мощного крестьянского движения — «войны Марии да Фонти». Весной 1846 г. на севере Португалии начались крестьянские восстания. Их участники, среди которых было много женщин (имя одной из них дало название движению), нападали на налоговые управления и дома землевладельцев, уничтожали налоговые документы, арендные договоры, старинные «форалы», в которых были записаны крестьянские повинности.

Крестьянским движением попытались воспользоваться самые различные политические силы — от мигелистов до сентябристов. Во многих городах создавались местные органы власти — жунты, не подчинявшиеся правительству. Страна оказалась в состоянии «войны всех против всех». Кошта Кабрал ушел в отставку, новое правительство возглавил маркиз Палмела, затем его сменил маршал Салданья. Не сумев справиться с политическим хаосом, Салданья обратился за помощью к Англии и Испании. В Португалию прибыл 12-тысячный испанский экспедиционный корпус; Порту, являвшийся оплотом сентябристов, был блокирован английскими кораблями.

В июне 1847 г. вооруженная борьба закончилась, но политическая ситуация оставалась беспокойной. В 1849 г. Кошта Кабрал вернулся к власти. В апреле 1851 г. в Порту началось новое восстание под руководством Салданьи. Лозунгом восставших стали слова «Возрождение Португалии». Победившие сторонники Салданьи сформировали партию «реженерадуш» (от португальского слова *regeneracao* — возрождение). Основой для примирения соперничавших политических группировок стал первый Дополнительный акт к Хартии, принятый в 1852 г. Этот документ отменял смертную казнь за политические преступления и делал выборы в нижнюю палату прямыми, а не многоступенчатыми.

Португалия в 50—80-х гг. В начале 50-х гг. эпоха революций, гражданских войн, заговоров и переворотов завершилась. Страна вступила в период гражданского мира, продолжавшийся вплоть до 1890 г. В Португалии складывается двухпартийная система. Первым ее элементом стала партия «реженерадуш». Постоянным партнером и соперником «реженерадуш» являлась прогрессистская партия, вышедшая из сентябристского движения. С 1851 по 1890 г. существовало пять кабинетов, сформированных «реженерадуш», и семь прогрессистских правительств. Важной особенностью политической системы было то, что вопрос о смене правительства решался не на выборах, а в результате закулисной борьбы и сговора политических элит. Король подписывал указ об отставке одного правительства и назначении другого, затем проводились выборы, всегда приносившие победу кабинету, только что пришедшему к власти. Давление на избирателей и разнообразные фальсификации были нормой политической жизни. После смерти Марии да Глория в 1853 г. королем стал ее старший сын Педру V, а с 1861 г. — второй сын, Луиш I. Королевская власть существенной роли в политических делах не играла.

Обе партии, сменявшие друг друга у власти, считали необходимым проведение политических и экономических реформ. В политической сфере наибольшее значение имел избирательный закон 1878 г., который предоставил избирательное право всем грамотным мужчинам, а также всем женатым мужчинам независимо от их имущественного положения. Этот закон увеличил число избирателей почти в два раза. Второй Дополнительный акт к Хартии (1885 г.) реформировал верхнюю палату парламента — среди назначенных королем пэров появилась избираемая прослойка, должность пэра теперь не передавалась по наследству.

Важные преобразования проводились и в других областях. В 1852 г. был принят новый Уголовный кодекс, в 1867 г. — новый Гражданский кодекс. В 1863 г. произошла отмена майората, теперь дворяне-землевладельцы могли свободно распоряжаться своей земельной собственностью. С 1867 г. начался раздел общинных земель и пустошей — они превращались в частную собственность. В 1869 г. во всех португальских колониях было отменено рабство.

В течение второй половины XIX в. численность населения увеличилась с 3,5 млн до более чем 5 млн человек, но при этом рост населения сдерживался эмиграцией в Бразилию и в португальские колонии в Африке и Азии. Португалия оставалась отсталой аграрной страной. Ведущую роль в сельском хозяйстве играли виноградарство и виноделие, выращивание оливок и изготовление масла, производство пробки. Постепенно увеличивались площади, занятые картофелем и рисом. Страна не обеспечивала себя хлебом, импорт пшеницы был постоянным явлением.

Во второй половине XIX в. промышленная революция в Португалии только начиналась. Первый паровой двигатель появился в Португалии в 1835 г., к началу 80-х гг. насчитывалось всего около 300 двигателей. Рядом с фабриками продолжали существовать мануфактуры и ремесленные мастерские. Наиболее важными отраслями являлись текстильная и табачная промышленность, а также судостроение.

Огромную роль в экономике продолжала играть колониальная и внешняя торговля. Ее развитию благоприятствовали низкие таможенные тарифы 50—80-х гг. С 1867 г., когда были сняты все ограничения с образования акционерных обществ, начался бурный рост акционерного капитала, но большинство акционерных обществ составляли не промышленные, а торговые компании.

В 1856 г. была построена первая железная дорога, к началу 80-х гг. протяженность железнодорожных линий превысила 1500 км. В 1870 г. была установлена телеграфная связь с Англией, в 1873 г. был проложен телеграфный кабель, соединивший Португалию с Бразилией.

В 50—80-х гг. правительство проводит политику поощрения экономического роста. Так, люди, осваивавшие пустоши, на 20 лет освобождались от налогов; в 1864 г. была создана система государственного сельскохозяйственного кредита; примерно половина железных дорог принадлежала государству. Творцом этого экономического курса был один из руководителей партии «реженерадуш» А. -М. Фонтиш Перейра ди Мелу.

После отмены рабства в 1869 г. бывшие рабы в течение неопределенного времени должны были продолжать трудиться в хозяйствах прежних владельцев. В некоторых колониях стала применяться система насильственной контракции. С середины XIX в. начинается активное проникновение во внутренние районы Анголы и Мозамбика, с тем чтобы создать полосу португальских колоний от Атлантического до Индийского океана. Однако эти планы не осуществились из-за противодействия более сильных колониальных держав, в первую очередь, Англии.

Глава 10 ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЕ РЕВОЛЮЦИИ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX в.

Как и в североамериканских колониях Англии, Война за независимость в Испанской Америке имела революционный характер. Португальская Бразилия обрела независимость мирным путем, без войны и кровопролитных сражений, но и здесь избавление от колониального угнетения привело к важным изменениям. В испанских владениях освободительная война началась намного раньше, чем в португальских, и продолжалась полтора десятилетия, тогда как в Бразилии бунт против метрополии вспыхнул сравнительно поздно, а спустя всего два года Португалия навсегда потеряла столь ценную часть своей империи.

Большая протяженность испанских колоний и своеобразие внутреннего положения в каждой из них не способствовали развитию единого революционного движения на всех территориях, поэтому в научной литературе принято говорить о нескольких латиноамериканских революциях, имевших собственных лидеров, ряд особенностей и определенную зону распространения.

Испанские и португальские колонии накануне революций. В начале XIX в. население Иberoамерики оставалось разнородным с точки зрения социальной и этнической принадлежности. Его общее количество к 1810 г. составило примерно 18,6 млн человек при ежегодном росте 0,8%³. Увеличение числа жителей колоний было связано как с естественным приростом населения, так и с иммиграцией. В период между 1761 и 1810 г. в регион было ввезено около миллиона с четвертью африканских рабов, однако из метрополий на протяжении всего XVIII в. прибыло гораздо меньше переселенцев: приблизительно 300 тыс. португальцев в Бразилию и 100 тыс. испанцев. В этническом отношении колониальное население можно назвать «трехцветным», так как его составляли белые, т.е. испанцы с полуострова и креолы (20,7%), индейцы (37,9%) и негры (17,7%); к метисам (к которым часто относят и мулатов) принадлежало 23,6% жителей⁴. Традиционно социальный статус иberoамериканца напрямую зависел от цвета его кожи, хотя к началу освободительных революций эта зависимость наблюдалась не всегда.

Уровень хозяйственного развития колоний накануне Войны был неодинаков и зависел от многих факторов — богатства недр, плодородия почвы, климата, количества населения и рода его занятий. К концу колониального периода добыча драгоценных металлов заметно сократилась, зато сельское хозяйство превратилось в основу экономики Иberoамерики, особенно Бразилии, а крупное землевладение было представлено неотчуждаемыми латифундиями — обширными асьендами и фазендами. В земледельческих хозяйствах трудились пеоны (батраки с наделами, предоставляемыми владельцами земли) и рабы, в скотоводческих поместьях работали в основном вольнонаемные метисы — сво-

³ В испанских колониях насчитывалось приблизительно 15 млн жителей, остальные проживали в Бразилии.

⁴ В различных колониях соотношение этнических групп было неодинаково. Так, в Испанской Америке индейцы составляли 45% населения, метисы — около 25%, тогда как 50% обитателей Бразилии принадлежало к африканским племенам, а на метисов (мулатов) приходилось 18%. В каждой из испанских колоний этническая картина также отличалась своеобразием.

бодные охотники, которых в Венесуэле и Новой Гранаде (Колумбии) называли льянеро, а на Ла-Плате (современная Аргентина) — гаучо.

В отечественной научной литературе колониальные латифундии длительное время рассматривались как феодальные поместья, поскольку их владельцы использовали труд лично свободных, но экономически зависимых пеонов, не имевших собственной земли и опутанных долгами; на плантациях и вовсе сложился особый тип производства, основанный на эксплуатации африканских рабов. Однако ни испано-американские, ни бразильские поместья нельзя считать именными феодалов или примитивных рабовладельцев лишь на том основании, что в них применялись традиционные методы ведения хозяйства, а не наемный труд, являющийся важнейшим признаком капиталистических отношений.

Как в английских, так и в испано-португальских колониях наем работников обходился очень дорого, а лишние затраты снижали рентабельность хозяйств, особенно плантационных, где требовалось большое количество рабочих рук. Пока существовали неосвоенные земли, которые могли прокормить значительную часть населения, желающих добровольно наняться на работу было немного, и потому землевладельцы предпочитали сохранять полукрепостническую зависимость пеонов и рабство вместо того, чтобы нанимать свободных тружеников. К началу XIX в. в Иberoамерике окончательно сложилась частная собственность на землю, хотя законодательно не были отменены ни система держаний, ни церковное и общинное землевладение, т.е. порядки, характерные для средневекового, феодального социально-экономического строя. Между тем плантационные хозяйства прибрежных зон были ориентированы на экспорт, на территории Ла-Платы быстро набирало темпы экспортное животноводство, продукция рудников и приисков также поставлялась на внешний рынок. По мере расширения хозяйственной деятельности росла товарность производства, и колонии все более превращались в одно из важнейших звеньев мирового капиталистического хозяйства. Плантадоры и скотоводы были тесно связаны с растущей местной торгово-посреднической буржуазией, причем нередко и сами становились предпринимателями-торговцами, представляя уже не феодальный, а буржуазный класс производителей и способствуя ускорению экономического развития колоний. Так, «рабовладельческая» Бразилия, которая на протяжении XVI в. оставалась для Лиссабона «маргинальной», малодоходной территорией, к концу следующего столетия стала основным центром производства сахара, с которым безуспешно пытались соперничать другие владения Португальской империи. Конечно, в целом экономика Иberoамерики оставалась многоукладной и сочетала в себе элементы капитализма, мелкотоварного производства и патриархально-общинного уклада с характерным для него натуральным хозяйством.

Как известно, в Америке капиталистическое предпринимательство быстрее укоренилось там, где для него в буквальном смысле слова была «расчищена почва», т.е. вытеснены или уничтожены индейцы-аборигены, а вместе с ними и традиционные общественные и хозяйственные отношения. Иными словами, создать нечто новое оказалось проще, чем перестроить старый, архаичный социально-экономический уклад. Это во многом объясняет «феномен двух Америк» — почему североамериканские колонии Англии и Франции увереннее вступили на путь капитализма и развивались успешнее, чем испанские и португальские. На территории будущих США и Канады не существовало земледельческих индейских цивилизаций с их устоявшимся патриархально-общинным бытом, и в результате капиталистический тип хозяйства утвердился там сравнительно быстро, да и колонизация Северной Америки происходила позднее, когда в самих метрополиях развитие капитализма стало необратимым.

Через два с половиной столетия после «открытия Америки», когда в полной мере проявился кризис испанской и португальской колониальной системы, сложившиеся между колониями и метрополиями отношения превратились в препятствие для успешного экономического роста Ибероамерики, ограничивая дальнейшее увеличение доходов обоих королевств. Более того, в Век Просвещения было подвергнуто сомнению и само право одних народов угнетать другие, в европейских правящих кругах под влиянием передовых идей появилось стремление к преобразованиям как общественным, так и экономическим. Не случайно во второй половине XVIII в. в метрополиях и их далеких владениях произошли важные изменения, связанные с реформами испанского короля Карла III Бурбона и португальского министра маркиза Помбала. В результате этих реформ в колониях начался бурный рост агроэкспортных хозяйств, увеличился объем внешней торговли (в испанских колониях на 700%), вырос внутренний торговый оборот, а доходы метрополий значительно возросли. Правда, после смерти одного реформатора и отставки другого оба королевства вступили на путь контрреформ — правящие круги опасались, что ситуация в колониях выйдет из-под контроля. Попытка восстановить прежние порядки оказалась более успешной в Бразилии, чем в Испанской Америке, но повернуть развитие колоний вспять не удалось ни Мадриду, ни Лиссабону.

Быстрый рост товарности колониального хозяйства привел к далеко идущим последствиям: местным производителям стало тесно в тех границах, которые все еще сохранялись метрополиями — торговля с иностранными государствами по-прежнему была запрещена, латифундисты, торговцы и владельцы мануфактур не могли самостоятельно, без посредничества метрополий выходить на внешний рынок и тем самым лишались возможности получать высокие доходы от сбыта своей продукции. Теперь колониальная экономика не могла успешно развиваться без скорейшего освобождения от любых преград для роста торговли, промышленности и сельского хозяйства. Таким образом, реформаторы не только обеспечили приток дополнительных средств в казну, но и вырыли могилу испано-португальской колониальной системе, вызвав в Новом Свете подъем революционных настроений, главным образом среди представителей креольских торгово-предпринимательских кругов.

Антиколониальное движение. Относительная экономическая свобода, дарованная колониям, сопровождалась ростом эксплуатации их населения. К концу XVIII в. Испания окончательно утратила былое морское могущество и влияние в Европе и как никогда нуждалась в финансах для покрытия расходов на войны, в сложном положении находилась и Португалия. В результате в Испанской Америке возросла подушная подать, которую теперь распространили на метисное население, увеличились торговые пошлины, одновременно в колонии хлынули иностранные товары, и тысячи ремесленников и торговцев оказались на грани разорения. В Бразилии также повышались старые налоги и вводились новые. В провинции Минас-Жераис, где располагались золотые и алмазные месторождения, добыча золота и драгоценных камней сократилась, однако власти требовали уплаты налогов в прежних размерах и погашения накопившихся задолженностей.

Конечно, все жители Ибероамерики, хотя и в разной степени, страдали от произвола чиновников из метрополий, но еще тяжелее оказался социальный гнет, который «цветное» и небогатое креольское население испытывало со стороны латифундистов, торговых посредников, владельцев рудников и мануфактур. К концу колониального периода движение народных масс (индейцев, негров, метисов) стало протестом не столько против власти Мадрида и Лиссабона, сколько против чудовищного роста эксплуатации нищего в массе своей народа

«своими» угнетателями. Не случайно на первом этапе Войны за независимость освободительная борьба не получила широкой поддержки «снизу» (за исключением Мексики). Восстания начались не по причине всеобщего недовольства колониальным гнетом, а вследствие непримиримой позиции местных предпринимательских кругов, крайне раздраженных политикой метрополий. Состоятельные колонисты не могли безудержно наращивать собственность — опасаясь концентрации земли в руках колониальной элиты и обнищания податного индейского крестьянства, испанские власти, например, защищали владельческие права общин на землю и даже возвращали им незаконно захваченные латифундистами поля и угодья. Обращенные в христианскую веру негры-рабы также находились под защитой короны и церкви. Подобный «деспотизм» со стороны Испании позволял креольским предпринимателям чувствовать себя «угнетенным классом». Однако первое время они уповали не на отделение американских территорий от «матери-родины», а на проведение политических реформ с целью обеспечить передачу власти в колониях в руки крупных собственников, что наилучшим образом обеспечило бы их экономические интересы. Подобные настроения были характерны и для предпринимателей-креолов Бразилии.

Иными словами, креольская верхушка хотела полной свободы для себя при сохранении сложившейся системы угнетения подневольного населения, которое, в свою очередь, добивалось социальной справедливости или хотя бы сносных условий существования. Должны ли чаяния народа осуществиться в рамках колониальной империи или после обретения независимости — этот вопрос был для «низов» второстепенным. Таким образом, если местная элита страдала от «недостатка капитализма», т.е. отсутствия безграничной свободы предпринимательства и отношений собственности, то положение основной массы населения ухудшалось вследствие роста его эксплуатации по мере развития в колониях капиталистического уклада.

Предпосылки освободительных революций складывались внутри местного общества, однако существовал и немаловажный «внешний фактор» — пример успешной борьбы североамериканских колоний Англии за свободу, которая завершилась образованием США, воодушевил креолов и заставил их задуматься о будущем родины. Мятельный дух в Ибероамерике подпитывался также идеями европейского Просвещения и Французской революции. Многие отпрыски состоятельных креольских семейств получили образование в Старом Свете и были знакомы с произведениями Вольтера, Монтескье, Руссо, трудами английских экономистов, защищавших принцип свободы торговли, столь близкий будущим революционерам.

В последние десятилетия XVIII в. по городам испанских колоний и Бразилии прокатилась волна антиправительственных заговоров. Политическая программа заговорщиков предусматривала, как правило, ликвидацию власти метрополии путем вооруженных восстаний и создание независимых республик. К концу века креольское освободительное движение усилилось. В нем участвовали зажиточные землевладельцы, представители еще малочисленной промышленной буржуазии, интеллигенция, военные, чиновники, причем революционно настроенных колонистов стали называть патриотами. Они в большинстве своем принадлежали к верхушке общества, не доверяли ни метисам, ни тем более индейцам и не рассчитывали на их поддержку. Все надежды возлагались на помощь иностранных государств, особенно Англии — давней соперницы Испании, а в самих колониях главной движущей силой восстания должно было стать креольское ополчение. Однако все попытки испанских и бразильских патриотов заручиться поддержкой европейских держав и США закончились провалом.

Первым серьезным ударом по колониальной системе Ибероамерики считается вспыхнувшее в начале 90-х гг. XVIII в. восстание негров-рабов на Гаити, переросшее в революцию (этот остров был поделен между Испанией и Францией). Революционную армию возглавил бывший раб Франсуа Доменик Туссен-Лувертюр. Он основал первое в Латинской Америке независимое государство, на территории которого уже в 1801 г. было отменено рабство.

Основопологающее влияние на развитие революционных событий в колониях оказало положение в самих метрополиях. В начале XIX в. обе пиренейские монархии стали жертвами неумных амбиций Наполеона I, который в 1807 г. изгнал из Португалии и королевскую семью, и двор. Найдя пристанище на бразильской земле, монарх и его окружение были вынуждены изыскивать средства для обустройства на новом месте и срочно заняться реорганизацией колониального хозяйства с целью повышения его доходности. Прежние запреты на создание мануфактур и иностранную торговлю были отменены, финансовая система упорядочена, колониальный статус Бразилии ликвидирован, однако она по-прежнему считалась частью Португальской империи, а изгнанники надеялись вернуться в Лиссабон. Многочисленные приближенные монарха сразу же прибрали к рукам самые престижные и доходные государственные должности, значительно выросла армия, офицерский корпус которой состоял в основном из португальцев. Чиновники, военные и священники содержались за счет местного населения, что привело к увеличению налогового бремени. Бразильцы роптали, а потом начали проявлять открытое недовольство политикой королевской власти.

В 1808 г. французские войска вторглись на территорию Испании. Королевская семья оказалась в плену, а испанский трон занял брат Наполеона Жозеф Бонапарт. Вскоре борьба против интервентов переросла в революцию. Принятый новой революционной властью декрет гласил, что владения короны в Америке больше не являются колониями, т.е. провозглашалось равноправие испанцев и жителей заокеанских территорий. Это решение вполне устраивало креольскую верхушку, но через некоторое время в Америку пришло известие, что французы оккупировали большую часть территории Испании и само существование империи, а значит, и судьба ее владений находится под угрозой иностранного порабощения. Эта новость послужила сигналом к началу восстаний с целью отделения от метрополии, тем более что власть в колониях так и осталась в руках испанцев, а все попытки установить здесь самоуправление решительно пресекались.

Война за независимость в испанских колониях

Южная Америка. Период Войны за независимость, охватывающий 1810–1826 гг., можно разделить на два этапа. Начало первому из них было положено восстанием 19 апреля 1810 г. в Каракасе и свержением в Венесуэле власти генерал-капитана. Хотя к этому моменту волнения охватили значительную часть континента — провинции Ла-Платы, Верхнее Перу (Боливию), а креолы Кито еще в 1809 г. на время отстранили от управления местные испанские патриотов выступления имели локальный характер. С победы венесуэльских патриотов начался отсчет долгих лет изнурительной, кровопролитной Войны американских колоний Испании за независимость, и Венесуэла, одно из самых бедных владений империи, оказалась во главе мятежа против короны. Однако завершение этого этапа ознаменовалось полным поражением повстанцев на обширных пространствах Южной Америки, где в конце 1815 — середине 1816 г. был восстановлен колониальный режим.

Второй этап Войны начался в том же 1816 г., т.е. в тот момент, когда, как казалось многим патриотам, все было безвозвратно потеряно. Этот период осво-

бодительной борьбы был наиболее богат как военными кампаниями, так и политическими событиями. По мере вытеснения с мятежных территорий войск метрополии необходимо было организовать управление бывшими колониями и предпринять шаги по созданию независимых республик. Окончательное изгнание испанцев с южноамериканского континента произошло в 1826 г.

Большинство креолов, вставших во главе антииспанских восстаний, представляли семейные кланы латифундистов, торговцев, владельцев предприятий и рудников. Даже умерший в бедности Симон Боливар, выдающийся политик и нестигаемый революционер, получивший высокое звание «Освободитель» и одержавший немало выдающихся военных побед над роялистами, принадлежал к влиятельному семейству богатых креольских землевладельцев.

На родине Боливара — в Венесуэле, где восстание началось раньше, чем в других колониях, в июле 1811 г. была провозглашена независимость и принята первая республиканская конституция. Она упраздняла сословные привилегии, декларировала демократические свободы, отменяла расовую дискриминацию и работорговлю, но сохраняла рабство. Высшим законодательным органом Венесуэлы стал избираемый парламент — Национальный конгресс. По мере развития повстанческого движения в Новой Гранаде, на Ла-Плате, в Чили и Перу одна за другой устанавливались республики, провозглашавшие себя независимыми, а их Национальные конгрессы также принимали конституции, аналогичные венесуэльской. Жестокая вооруженная борьба между патриотами и роялистами шла с переменным успехом, но на первом ее этапе победа досталась испанцам.

Роковой ошибкой креольских революционеров стало их нежелание расширить социальную базу освободительного движения. Проблемы «простого» населения не нашли отражения ни в декретах новых правительств, ни в первых конституциях, и «низы» не видели причины помогать креолам, которые не замечали тяжести их положения и были еще более ненавистными угнетателями, чем испанцы. Рабы-африканцы, разграбив креольские поместья, часто присоединялись к испанским отрядам и вместе с ними громили патриотов, способствуя сохранению колониального режима, так же поступали метисы, особенно льянеро или гаучо. Недовольство действиями патриотов выражали и забиточные слои общества — для борьбы с испанцами требовались огромные средства, поэтому население вынуждено было выплачивать высокие военные налоги (уклонение от которых порой каралось смертью), вносить «добровольные» пожертвования, принимать на постой солдат республиканских армий. По сути первый период Войны за независимость в Южной Америке стал кровавой гражданской войной между роялистами (как испанцами, так и поддерживавшими их колонистами) и «сепаратистами».

Разгром патриотов в 1815–1816 гг. заставил Боливара и его соратников пересмотреть тактику освободительной борьбы. В сентябре 1815 г. появилось получившее широкую известность «Письмо с Ямайки», в котором Боливар защищал право латиноамериканских народов на свободу, писал о необходимости продолжать борьбу до завоевания полной независимости колоний. Судя по содержанию «Письма», теперь креольские революционеры осознали неизбежность союза с основной массой колониального населения, а значит, и необходимость решения важнейших социальных проблем — изменения положения индейцев, метисов и рабов.

В начале второго этапа Войны, когда революционное движение разгорелось с новой силой, находившийся в Венесуэле Боливар — главнокомандующий армией патриотов объявил о полной отмене рабства, и на сторону повстанцев постепенно начали переходить бывшие невольники. Вскоре по настоянию Боливара были изданы декреты о конфискации имущества «роялистов испанского

и американского происхождения» и разделе их земли между офицерами и солдатами освободительной армии, что привлекло в лагерь патриотов крестьян-индейцев и льянеро.

Чтобы законодательно закрепить революционные меры, Боливару пришлось выдержать тяжелую борьбу в Национальном конгрессе и преодолеть сопротивление креольской аристократии. На втором этапе войны, в отличие от первого, Освободитель пользовался популярностью в народе и широкой поддержкой в военных кругах. Его знаменитый Оринокский поход через Анды завершился освобождением Новой Гранады (1819 г.) и созданием Республики Колумбия (так называемая Великая Колумбия), в которую вошли департаменты Венесуэла, Кито (Эквадор) и Кундинамарка (Колумбия). Боливар стал президентом нового государства, а в июне 1821 г. его армия одержала важную победу над испанцами в битве при реке Карабобо.

«Идеальный проект» конституции, составленный Боливаром в 1826 г., предусматривал введение пожизненного президентства. Освободитель считал, что таким способом можно избежать общественных потрясений, связанных с проведением демократических выборов. Опасность разгула анархии, по его мнению, исходила не столько от народа, сколько от креольской верхушки, которая в силу своего эгоизма и узости интересов превратилась в постоянную угрозу завоеваниям революции, а переломить ситуацию могла лишь сильная исполнительная власть. Действия Боливара встретили решительное сопротивление в Новой Гранаде и других департаментах Великой Колумбии, и в 1828 г. Освободитель установил «революционную диктатуру», пытаясь предотвратить распад своего государства.

На Ла-Плате, в Чили и Перу выдвинулись другие талантливые военачальники и политики — Хосе де Сан-Мартин, Бернардо О'Хиггинс, Хосе Антонио де Сукре. Последнее крупное сражение с испанцами произошло в конце 1824 г. на равнине Аякучо, расположенной между Куско и Лимой на высоте 3500 м над уровнем моря, где повстанцам удалось разгромить последнюю крупную группировку испанских войск в Южной Америке. Вскоре генералы-патриоты, возглавившие восстания, провозгласили независимость ла-платских провинций, а также Чили и Перу, затем революционные правительства приступили к конфискации и переделу собственности роялистов.

Мексика. В Новой Испании, в отличие от Южной Америки, освободительная борьба с самого начала приобрела характер массового движения «низов». Эта колония всегда была самой богатой, ценной и потому наиболее эксплуатируемой и поднадзорной территорией Испанской Америки. Местные землевладельцы имели огромные поместья, горнопромышленники получали колоссальные доходы от добычи серебра и золота, и все они были полностью обеспечены рабочей силой за счет многочисленного и крайне бедного индейского и метисного населения. Привилегированная креольская верхушка чувствовала себя совсем неплохо, занимала умеренные позиции и была заинтересована не в отделении Мексики от Испанского королевства, а в предоставлении ей большей самостоятельности. Напротив, «цветное» население связывало свои надежды на лучшую жизнь с уничтожением гнета со стороны «белых» завоевателей, который оно ощущало сильнее, чем жители других колоний. Для мексиканского индейца или метиса креол был таким же «проклятым испанцем», как выходец из метрополии.

Восстание в Новой Испании возглавил человек из народа, сельский священник Мигель Идальго, а после его пленения и казни во главе повстанцев оказался другой священнослужитель, Хосе Мария Морелос. Революционная армия состояла в основном из крестьян-индейцев, но в ней сражались и негры-рабы, а

также ремесленники-метисы и прочая городская беднота. На занятых ими территориях были изданы декреты об уничтожении рабства, отмене подушной подати, возврате индейским общинам захваченных латифундистами земель. В ноябре 1813 г. повстанцы провозгласили независимость Новой Испании, но роялистам удалось разгромить народную армию, причем Морелос разделил участь Идальго. В Мексике вновь утвердилось господство испанцев. Напуганные восстанием креолы до последнего момента оставались роялистами, полагая, что только метрополия сможет обеспечить в колониях мир и порядок.

Иными словами, народная война способствовала не уничтожению, а сохранению колониального статуса Мексики, поскольку заставила креолов вступить в тесный союз с испанцами. Не случайно независимость была окончательно провозглашена офицером испанской армии, полковником Агустино де Итурбиде, сыном дворянина, который в прошлом активно участвовал в подавлении антииспанского движения. Осенью 1821 г. он объявил об отделении Новой Испании от метрополии, рассчитывая увеличить число своих сторонников и захватить власть. Итурбиде удалось не только встать во главе независимого мексиканского государства, но и провозгласить себя его императором под именем Агустино I. В Мексике установилась конституционная монархия, которая просуществовала менее года. Собственность, привилегии аристократии, военных и духовенства, церковная организация — все это осталось в неприкосновенности. В сообщество независимых государств Мексика вступила, сохранив социально-экономические структуры колониальных времен, однако испанцы были отстранены от управления страной, а креольская верхушка установила полный контроль над ее правительством.

Панамский конгресс 1826 г. Боливар и некоторые его сторонники — «генералы революции» выступали за самое тесное сплочение независимых латиноамериканских государств. Конечно, они опасались попыток реванша со стороны Испании, а Боливар не упускал из виду и возможность экспансии в регион экономически развитых держав. Кроме того, опыт США продемонстрировал, что для упрочения независимости недавно освобожденной большой территории и ее дальнейшего успешного развития необходимо наличие единого сильного государства, и потому лидеры революции планировали создать объединенную республику — Соединенные штаты Испанской Америки.

В июне 1826 г. по инициативе Боливара открылся Панамский конгресс. В нем приняли участие представители Великой Колумбии, Перу, Мексики и Центральной Америки. Работа конгресса завершилась подписанием четырех соглашений, самым важным из которых был договор «О постоянном союзе, лиге и конфедерации». Согласно договору, предполагалось организовать совместную оборону республик, создать общую постоянную армию и флот, ввести единое гражданство, запретить работорговлю, гарантировать сохранение в каждой стране свободы и демократии, т.е. речь шла и о создании латиноамериканской системы коллективной безопасности. Однако вопрос о верховном органе власти решить так и не удалось, да и соглашения, подписанные в Панаме, ратифицировала впоследствии лишь Республика Колумбия. Панамский конгресс стал пиком развития объединительного процесса в бывших колониях Испании, после чего в них возобладала сепаратистские тенденции.

Освободительная борьба в Бразилии. Когда в 1820 г. в Испании и Португалии начались новые революции, для бразильцев эти события стали поводом к открытому выступлению против португальской короны. В городах появились многочисленные политические общества, члены которых горячо обсуждали будущее своей родины. Идея независимости все более воспринималась даже представителями аристократических кругов и самим наследником престола, принцем

Педру. Тем временем португальские кортесы потребовали возвращения короля Жоана VI в Лиссабон. Вынужденный подчиниться этому решению, он покинул свою резиденцию, назначив Педру регентом Бразилии.

Хотя в ближайшем окружении принца обнаружилось немало сторонников независимости, они стремились избежать той ожесточенной, кровопролитной войны, которая уже много лет велась на территориях соседней Испанской Америки, и считали сохранение монархии основой политической стабильности в государстве. Когда кортесы вызвали в Португалию и принца Педру, он, поддавшись уговорам, остался в Америке, а в октябре 1822 г. был коронован как император независимой Бразилии Педру I, прозванный Освободителем (правил до 1831 г.). То обстоятельство, что Бразилия сбросила колониальный режим без военного конфликта с метрополией, способствовало сохранению относительного единства населения и целостности территории страны.

Итоги Войны за независимость. Таким образом, в 1826 г. военные действия завершились окончательным поражением Испании и отделением от нее американских владений (кроме островов Куба и Пуэрто-Рико). Боливару, мечтавшему о создании единого латиноамериканского государства, не удалось склонить лидеров молодых республик к созданию хотя бы конфедерации. Более того, несмотря на все усилия и даже установление диктатуры, Освободитель не сумел сохранить Великую Колумбию. Сепаратистские выступления привели к свержению власти Освободителя в Перу и Боливии, к выходу из колумбийского союза Эквадора и Венесуэлы. Разочарованный неудачами, он решил оставить бразды правления и отправиться в Европу, но добрался только до северного побережья Колумбии, где и умер в декабре 1830 г.

Когда революции смели колониальную систему и ничто уже не могло препятствовать объединению латиноамериканских народов, оказалось, что многие области бывшей Испанской Америки находятся в состоянии полной экономической разрухи. Цена победы патриотов была очень высока — упадок сельского хозяйства, разорение владельцев мануфактур и ремесленников, свертывание внутренней торговли, сокращение населения (на некоторых территориях почти на треть). Покидавшие Америку колонизаторы изыали множество ценностей и капиталов, что привело к финансовому кризису. Отрасли экономики, ориентированные на внешний рынок, пребывали в состоянии застоя не только вследствие войны, но и по причине недостаточной емкости этого рынка, а также из-за большой конкуренции со стороны колоний Англии, Голландии и Франции, сложной международной обстановки, нехватки рабочих рук.

Послереволюционный кризис нарушил наметившуюся ранее хозяйственную общность латиноамериканских народов, т.е. уничтожил важнейшее условие национального объединения. Отдельные территории региона еще больше обособились друг от друга, тем более что во время войны пути сообщения пришли в полную негодность. Личного влияния и авторитета Боливара оказалось недостаточно для того, чтобы добиться желаемого результата без поддержки снизу, со стороны большинства населения бывших колоний, а широкого общественного движения за региональное единство не наблюдалось. Латифундисты, торговцы и прочие предприниматели не приветствовали эту идею, предпочитая установить собственный контроль над «своими» территориями — они опасались, что окажутся в сфере влияния Великой Колумбии, попадут под господство Боготы и вновь утратят независимость, стоявшую им столько усилий.

Сам Боливар с горечью признавал, что самым существенным результатом освободительной войны стало образование независимых государств с республиканской формой правления. В Латинской Америке произошла национально-освободительная революция, не сопровождавшаяся революцией социаль-

ной — положение народа если и изменилось, то в худшую сторону. В то же время свершилась революция буржуазная, окрепли позиции креольской верхушки, в первую очередь латифундистов, освободившихся от прежних ограничений экономического и политического характера. В результате победы повстанцев формально сохранившееся верховное право короны на землю было ликвидировано, она превратилась в частную собственность и предмет свободной купли-продажи (это коснулось и общинных индейских земель), сложились условия для расширения предпринимательства, чем и воспользовалась местная торгово-латифундистская верхушка. Поэтому революции не оправдали тех надежд, которые возлагали на них народные массы или революционная интеллигенция, а традиционные порядки, складывавшиеся на протяжении трехсотлетней колониальной истории, оказались необычайно живучими. Крупные землевладельцы опасались каких-либо серьезных перемен и стремились законсервировать прежние отношения господства и подчинения в жизненно важной для них аграрной сфере. Земли роялистов перешли в руки других владельцев, главным образом представителей военных кругов, руководителей освободительной борьбы, превратившихся в крупнейших асендадо. Еще во время войны конфискованное имущество сторонников метрополии, а также брошенные крестьянами участки и целинные земли за бесценок продавались латифундистам, торговцам и владельцам рудников, так как революционные правительства были вынуждены постоянно изыскивать средства для продолжения военных действий.

Освободительная борьба в Бразилии имела те же результаты. Против метрополии выступили помещики-фазендейро, городская буржуазия, крестьяне, интеллигенция, однако реальная власть в стране все равно досталась экономически господствовавшему здесь классу крупных собственников, т.е. рабовладельцам-плантаторам и горнорудным магнатам. Социально-политические изменения в бывших португальских владениях Америки имели более ограниченный характер, чем в испанских, поскольку сохранились и рабство, и монархия. Однако и бразильская мирная революция имела буржуазный характер, ее главным итогом стала ликвидация португальского господства и многих барьеров, которые мешали развитию Бразилии по капиталистическому пути.

Глава 11 США в 1815–1850 гг.

Период 1815–1850 гг. в Соединенных Штатах стал временем бурного развития капитализма, формирования национального рынка, расширения торговых связей между различными регионами, началом складывания транспортной системы, охватывающей всю страну, эпохой демократизации политической жизни и массовых социальных движений.

Этот период характеризовался стремительной территориальной экспансией США, включением в состав североамериканского государства Флориды, Техаса, Новой Мексики, Калифорнии и Орегона⁵. Если аннексию Флориды, присоединение Техаса и Орегона удалось урегулировать дипломатическими средствами, то Новая Мексика и Калифорния были завоеваны в результате американо-мексиканской войны 1846–1848 гг. Продолжавшаяся на протяжении жизни нескольких поколений беспрецедентная экспансия оказала несомненное влияние на формирование мировоззрения американцев, способствовала утверждению мифа об «американской исключительности», нашедшего свое яркое воплощение в доктрине «предопределения судьбы», утверждавшей, что США предначертано свыше господствовать на американском континенте. Идеи американского экспансионизма были отражены и в главной внешнеполитической доктрине США — доктрине Монро (1823 г.).

Освоение и заселение западных земель шло быстрыми темпами. Особенно мощный поток переселенцев устремился в первой половине XIX в. на Средний Запад⁶. Если в 1815 г. 80% американцев проживало на Атлантическом побережье, то сорок лет спустя половина населения страны размещалась на территории штатов, расположенных к западу от первоначальных границ США. Западный регион начинает играть все большую роль в экономической и общественно-политической жизни страны.

Стремительно росло население страны, увеличившись с 8,5 миллиона человек, проживавших в 18 штатах (в 1815 г.), до 31,5 миллиона жителей 33 штатов (в 1860 г.). В этот период в США приехало около пяти миллионов эмигрантов из различных регионов Европы, прежде всего из Ирландии, Германии, Швейцарии, Голландии, Скандинавских стран. Большинство эмигрантов — прежде всего, ирландцев, представлявших беднейший сегмент эмиграции, — оседало в городах Северо-Востока, что было как нельзя кстати для набиравшей темпы промышленности. Среди немцев и скандинавов было немало тех, кто располагал достаточными средствами для организации собственных ферм на территории Среднего Запада.

Технические изобретения и развитие средств транспорта стремительно меняли условия и темп жизни американцев. Если в 1829 г. президент страны Э. Джексон въехал в Вашингтон на церемонию инаугурации в карете, запре-

⁵ Территориальный рост Соединенных Штатов можно проиллюстрировать следующими данными. Если площадь США в 1783 г. равнялась 889 000 квадратных миль, то благодаря «Луизианской покупке» 1803 г. территория страны увеличилась на 827 000 квадратных миль; аннексия Флориды (1819 г.), Техаса (1845 г.), завоевание Новой Мексики и Калифорнии (1848 г.) увеличили территорию США на 72 000, 390 000 и 525 000 квадратных миль, соответственно.

⁶ В огромном массиве западных земель обычно выделяют два крупных региона — Средний (или Верхний) Запад и Юго-Запад.

женной лошаадьми, то покинул столицу 8 лет спустя, путешествуя в вагоне поезда. Росла скорость распространения информации, благодаря прекрасно работающей почтовой службе, многочисленным газетам и другим периодическим изданиям, а также изобретению телеграфа. В январе 1815 г. Джексон, не подозревая о подписании в Генте англо-американского мирного договора, дал сражение англичанам у Нового Орлеана. События американо-мексиканской войны 1846–1848 гг. мгновенно попадали на страницы вечерних газет благодаря изобретению телеграфа.

Стремительно менявшийся социальный облик Америки, продвижение на Запад, бурное развитие капитализма, появление и внедрение множества технических изобретений, наступление «эры массовой политики», становление национальной литературной традиции⁷ рождали настроения социального оптимизма формирующейся американской нации. «Америка — это страна будущего. Это страна начинаний, проектов, грандиозных планов и ожиданий», — писал Ральф Уолдо Эмерсон в 1844 г. Однако в стране сохранялись и пережитки прошлого, самым одиозным из которых было рабовладение. Деление страны на свободные и рабовладельческие штаты тормозило процесс складывания единой американской нации. Различия между отдельными регионами США были все еще очень сильны. Генри Торо саркастически отметил, что «мы так торопимся протянуть телеграфную линию от Мэна до Техаса, но, возможно, Мэну и Техасу нечего сообщить друг другу».

Транспортная революция. Для создания прочных связей национального рынка была необходима надежная транспортная инфраструктура, которая бы сделала возможным регулярный товарообмен между различными регионами страны. Масштабное строительство каналов, которое развернулось в 1810–1820-е гг., позволило связать штаты, расположенные на северо-востоке Атлантического побережья США, со Средним Западом. Финансирование грандиозных проектов осуществлялось благодаря капиталовложениям штатов и иностранным кредитам; федеральное же правительство безвозмездно предоставляло земли из национального фонда.

Строительство Эри-канала длиной около 600 км, предпринятое штатом Нью-Йорк в 1817–1825 гг., способствовало превращению Нью-Йорка в крупнейший центр торговли. После прокладки канала, связавшего Нью-Йорк с территориями Верхнего Среднего Запада, прилегающими к району Великих Озер, стоимость доставки тонны груза из Буффало в Нью-Йорк сократилась более чем в 7 раз, а время доставки — с 20 до 8 дней. Сооружение канала увеличило товарность фермерских хозяйств, расположенных в центральных и западных районах штата Нью-Йорк, а также Верхнего Среднего Запада. В этих хозяйствах производилось зерно и мясо, которые стало возможным доставлять в крупные города Северо-Востока и экспортировать. Совершив путешествие по Эри-каналу, видный американский писатель Натаниэль Готорн воспеял «плодородные воды», принесшие процветание окрестным городам.

Однако строительство каналов было медленным и дорогостоящим, а их сооружение оправдано только в тех районах, где имелись необходимые водные артерии. Каналы не могли стать универсальным способом перевозки грузов, в отличие от железнодорожного транспорта. В 1828–1830 гг. была сооружена первая железная дорога в США, соединившая Балтимор с долиной реки Огайо (Питсбург, Цинциннати). Правда, при испытании локомотива летом 1830 г. случился конфуз — запряженная в повозку лошадь обогнала локомотив. Трагедией закончились испытания локомотива при строительстве железной доро-

⁷ Эмерсон Р.У., Торо Г., Купер Ф., Уитмен У., Готорн Н. и др.

ги в Южной Каролине — паровой двигатель взорвался, погребя под своими обломками пассажиров. Тем не менее к 1840 г. протяженность железных дорог в США была больше, чем во всей Европе. Темпы железнодорожного строительства были столь высоки, что протяженность железных дорог практически удваивалась каждые пять лет начиная с 1835 г.

Как и при сооружении каналов, строительство железных дорог опиралось на серьезную государственную поддержку: федеральное правительство выделяло бесплатно (или на исключительно льготных условиях) землю, освобождало от налогов и ввозных пошлин строительные материалы, необходимые для сооружения железных дорог; прямые государственные инвестиции составляли около трети от общих капиталовложений.

Паровой транспорт нашел применение не только на суше, но и на воде, причем история парохозяйства в США начинается раньше эпохи железнодорожного строительства. В 1807 г. спроектированный инженером-изобретателем Робертом Фултоном первый американский пароход «Клермонт» грузоподъемностью 160 тонн совершил рейс по реке Гудзон, поднявшись из Нью-Йорка в Олбани за «рекордные» 32 часа. «Фултоновская причуда» была поначалу встречена американцами весьма скептически, так как мало кто верил в возможность практического использования парохода столь малой грузоподъемности, паровой двигатель которого потреблял огромное количество угля. Однако многочисленные усовершенствования вскоре сделали возможными регулярные грузовые и пассажирские пароходные перевозки в США. В 1817 г. был совершен первый пассажирский рейс вверх по реке Миссисипи от Нового Орлеана к Луисвиллу.

Революция в транспортных средствах, строительство каналов, железных дорог способствовали повышению товарности *американского фермерского хозяйства*, специализировавшегося в первую очередь на производстве зерна. К середине XIX в. плодородные земли Верхнего Среднего Запада (Иллинойс, южная часть Висконсина и восток Айовы) стали центром производства зерна, предназначенного как для продажи на внутреннем рынке, так и на экспорт. Этот динамично развивающийся регион постепенно покрывается густой сетью железных дорог. Стремительно росли и молодые города этого региона — Чикаго и Сент-Луис, ставшие крупнейшими железнодорожными узлами страны. Основанный в 1832 г., к 1860 г. Чикаго становится третьим по численности городом США вслед за Нью-Йорком (813 000 жителей) и Филадельфией (565 000).

В целом объем сельскохозяйственного производства на Среднем Западе и Северо-Востоке США увеличился в 1820–1860 гг. не менее чем в 4 раза, при росте численности занятых в аграрной сфере в 3 раза; экспорт зерна вырос в эти годы в 3,5 раза.

На протяжении всей первой половины XIX в. в США происходила демократизация аграрного законодательства, облегчавшего доступ к западным землям, бывшим частью обширного фонда государственных земель. Постепенно размер продаваемых участков по фиксированным ценам уменьшился с 640 до 80 акров, что сделало покупку земли доступной для людей с минимальными капиталами; было разрешено продавать землю в рассрочку. Значительное число американцев продолжало заниматься скваттерством, т.е. самовольно заселять пустующие земли государственного фонда. Не будучи в состоянии контролировать этот процесс, федеральное правительство под напором нарастающего массового движения за доступ к общественным землям принимало законы о преимущественном праве переселенцев на приобретение участков. Закон 1841 г. о праве займки позволил скваттерам легализовать свою земельную собственность, купив уже обрабатываемые участки земли по номинальной цене.

Дефицит рабочей силы, который испытывали большинство фермерских хозяйств, послужил причиной широкомасштабного использования разнообразных сельскохозяйственных машин и инструментов. В США производилось до 200 типов металлических плугов; массовое применение находит сконструированная Маккормиком жатка. По уровню технической оснащенности сельского хозяйства США занимали ведущее место в мире. Использование машин в аграрном производстве вело к повышению рентабельности крупных ферм. На рубеже 1850–1860-х гг. на базе использования технических средств стали появляться крупные капиталистические фермы, использующие наемный труд и сельскохозяйственные машины. Однако по-прежнему большинство фермерских хозяйств были семейными фермами, обходящимися без найма рабочей силы и зачастую без использования техники.

Рыночно-капиталистическая тенденция утверждается не только в фермерских хозяйствах, но и на рабовладельческих плантациях. *Плантационное рабство на Юге США* получает «второе дыхание» благодаря начавшемуся в Европе и Северной Америке промышленному перевороту. Резко возросший спрос на хлопок-сырец приводит к широкомасштабному переходу плантаций на выращивание этой культуры. Так называемый «хлопковый пояс» раскинулся на огромной территории штатов «глубокого Юга» — Джорджии, Алабамы, Миссисипи, Луизианы, Техаса, Флориды и Арканзаса. На рубеже XVIII–XIX вв. начинается стремительный рост производства хлопка. Если в 1790 г. производство хлопка составляло около 5 тысяч кип (в 1 кипе — 500 фунтов, в 1 фунте — 453 грамма), то в 1800 г. — уже 100 тысяч кип, а в 1859 г. — более 5 миллионов кип. Изобретение в 1793 г. Эли Уитни машины (устройства) для отделения хлопковых волокон от семян позволило в сотни раз увеличить производительность труда.

В штатах Верхнего (или пограничного) Юга — Виргинии, Мэриленде, Кентукки, Северной Каролине, Теннесси — продолжали выращивать табак. Основной культурой Южной Каролины оставался рис, а в отдельных районах Луизианы раскинулись плантации сахарного тростника. Однако после запрета, введенного в 1807 г. на ввоз рабов извне, многие плантаторы старых южных штатов переходят на весьма прибыльное «разведение рабов» на продажу. В результате резко возросшего спроса на рабов для новых хлопковых плантаций и ограниченного предложения «живого товара» внутри страны стоимость рабов увеличивается впечатляющими темпами. Так, если за раба — сборщика хлопка, принадлежащего к самой востребованной и дорогой ценовой категории, в 1810 г. давали 700 долларов, то в 1860 г. — 1800.

Несмотря на определенный стереотип восприятия типичного белого южанина как крупного плантатора, в общей численности семей свободного Юга лишь треть приходилась на плантаторские кланы. Из этой трети 75% составляли мелкие плантаторы, владевшие небольшими (по американским меркам) участками земли (от 80 до 160 акров) и менее 10 рабов. Лишь только 11–12% плантаторов владели плантациями площадью более 800 акров, на которых трудилось более 20 рабов. Большинство белых южан не владело рабами (представители плантаторских семей презрительно называли их «бедной белой рваньей»), вели полунатуральное хозяйство и в целом были значительно беднее фермеров Запада или Северо-Востока. Хотя количество крупных плантаторов в общей численности населения Юга было невелико, именно они представляли экономическую и политическую элиту южного общества, и — наперекор статистике — типичным южанином оказывался крупный плантатор.

Специфика плантационного хозяйства Юга США состояла, с одной стороны, в использовании неквалифицированного труда рабов и примитивных орудий труда; а с другой стороны, в высокой товарности и тесной связи с конъюнк-

ктурой мирового рынка. Если на рубеже XVIII—XIX вв. доля США составляла менее половины процента мирового производства хлопка, то к 1861 г. она возросла до 66%. К началу Гражданской войны хлопок составлял 50% всего американского экспорта. Несмотря на отсталость плантационной системы, Юг в первой половине XIX века являлся своеобразным «локомотивом» всей американской экономики — полученные от продажи хлопка на европейском рынке деньги южане тратили на покупку промышленных изделий, произведенных на заводах и фабриках Северо-Востока, и продовольствия, выращенного фермерами Среднего Запада.

Промышленный переворот и его особенности. В первой половине XIX в. радикально меняется хозяйственный облик штатов Северо-Востока — здесь набирает силу промышленный переворот. Хотя первые опыты применения прядильных машин в текстильном производстве и создание первых фабрик относятся еще к концу 1780-х — началу 1790-х гг., подлинное начало промышленного переворота в США датируется 1810-ми гг. Предприятия, созданные в 1810-е гг., были значительно лучше оборудованы и лучше обеспечены капиталами, нежели ранние фабрики. Лидером текстильной промышленности США становится Массачусетс и другие штаты Новой Англии.

Своеобразие промышленного переворота в текстильной отрасли США являлось то, что он происходил при использовании в качестве основной двигательной силы энергии воды. Молодая американская текстильная промышленность (по сравнению с Англией) заметно отставала как в применении паровых машин, так и по некоторым другим показателям: численности и концентрации рабочих, объему капиталовложений. Однако по целому ряду принципиально важных критериев (технической оснащенности, производительности труда) хлопчатобумажные фабрики США опережали предприятия бывшей метрополии. В конкурентной борьбе с английской текстильной промышленностью все средства были хороши: американские предприниматели не гнушались промышленным шпионажем, а главное, молодую американскую промышленность поддерживало протекционистскими тарифами федеральное правительство. Эра протекционистского законодательства началась в США в 1816 г., когда Конгресс установил 20% пошлины на ввоз в страну хлопчатобумажных изделий, особо оговорив необходимость защиты собственной промышленности. Тариф 1824 г. вводил 35% пошлину на импорт изделий из хлопка, шерсти, железа и на ряд сельскохозяйственных продуктов. Наконец, тариф 1828 г. увеличил ввозные пошлины на целый ряд товаров до 50%. Однако начиная с 1833 г., отвечая требованиям основной массы потребителей промышленной продукции — южных плантаторов, западных фермеров и других категорий населения, не занятых в промышленном производстве и заинтересованных в покупке недорогих товаров, — федеральное правительство начало постепенно снижать ввозные пошлины.

Первостепенное значение имела постройка в 1813—1814 гг. первой текстильной фабрики с полным технологическим циклом, где все операции, связанные с производством хлопчатобумажной ткани — от обработки хлопка-сырца до производства готовой ткани — были сосредоточены под одной крышей и представляли собой единый технологический процесс с использованием как прядильных, так и ткацких машин. У владельца фабрики Лоуэлла была отлаженная система сбыта готовой продукции.

Лоуэлл, хорошо образованный и состоятельный бостонский торговец, провел несколько месяцев в Великобритании, посещая текстильные фабрики, задавая множество вопросов, и — втайне от владельцев предприятий — делая подробные чертежи фабричного оборудования. Сумев привлечь компаньонов и вложив в дело 400 тысяч долларов, Лоуэлл построил фабрику в Уолтаме (Мас-

сачусете). Чтобы удешевить издержки производства, компания Лоуэлла нанимала на работу молодых девушек с окрестных ферм, работавших на фабрике, как правило, несколько лет до замужества. На фабрике Лоуэлла царил своеобразный индустриальный патернализм: молодые работницы жили в специально построенных общежитиях, где существовал строгий контроль за их нравственностью; они посещали вечерние лекции и даже издавали собственный журнал.

Но постепенно, с развитием новых отраслей промышленного производства и с увеличением притока рабочей силы из европейских стран, трудовые отношения претерпевают серьезные изменения. Владельцев предприятий перестает интересоваться, в каких условиях живут рабочие и как они организуют свой досуг.

Возникшие в 1820-е гг. первые рабочие союзы выдвигали экономические требования увеличения заработной платы и сокращения рабочего дня до 10 часов (в то время как нормой был 12—15-часовой рабочий день). Однако рабочих, принимавших участие в забастовках или каких-либо акциях протеста, штрафовали, увольняли с предприятий, заключали в тюрьму. Впервые право на забастовку и создание союзов было официально признано за рабочими в 1842 г.

В отличие от текстильной промышленности, сосредоточенной в основном в Новой Англии, лидером металлургической отрасли становятся среднеатлантические штаты Пенсильвания, Нью-Йорк и Нью-Джерси.

За счет промышленного переворота на Северо-Востоке США в 1860 г. вышли на второе место в мире по общему объему промышленного производства. Произошли существенные сдвиги в социальной структуре американского общества. Если число лиц, занятых в сельскохозяйственном производстве, увеличилось в 1820—1860 гг. в 3 раза, то в промышленности — в 6 раз (с 350 тысяч до более 2 млн человек).

Хотя сельское население все еще составляло большинство, его доля упала с 72% в 1820 г. до 60% в 1860 г. Быстрыми темпами росла численность городского населения. Если в 1810 г. в США было только два города с населением более 50 тысяч человек, то в 1840 г. таких городов было уже пять, а в 1860 г. — шестнадцать.

Политическое развитие. «Эра доброго согласия» приходится на период двух администратий пятого президента США Джеймса Монро (1817—1825 гг.). С точки зрения политической истории этот период отличается большим своеобразием, поскольку на общенациональном уровне безраздельно господствовала одна партия — республиканская (точнее — джефферсоновских республиканцев); федералисты перестали быть сопоставимой политической силой. Республиканцы смогли одержать верх над своими политическими оппонентами, во многом включив основные положения платформы федералистов (прежде всего в экономической области) в свои программные установки, таким образом лишив их возможности проведения самостоятельного внутривнутриполитического курса.

Однако постепенно республиканская партия, стремившаяся отвечать интересам как можно большего числа социальных групп, превращалась в аморфную политическую силу, и была обречена на распад при первом же серьезном обострении социально-экономической и политической ситуации. Катализатором центрбежных тенденций в республиканской партии стали начавшийся в 1819 г. экономический кризис и острые политические дебаты, связанные с условиями допуска Миссури в Союз (1819—1821 гг.).

После окончания англо-американской войны 1812—1815 гг. в Союз каждый год принимались новые штаты: Индиана (1816), Миссисипи (1817), Иллинойс (1818), Алабама (1819). В результате в составе США было равное количество свободных и рабовладельческих штатов — по 11. К 1819 г. территория Миссури конституировалась в качестве штата, т.е. она была заселена необходимым количеством взрослых белых мужчин-налогоплательщиков, которые при-

няли участие в выборах местного законодательного собрания. Во время обсуждения вопроса о принятии Миссури в Союз конгрессмен Джордж Толмедж от штата Нью-Йорк предложил внести в конституцию Миссури особую поправку, которая бы запрещала ввоз рабов в этот штат и предусматривала постепенное освобождение тех рабов, которые уже находились на территории Миссури.

Достаточно разношерстная коалиция в Конгрессе, выступавшая против допуска Миссури в Союз в качестве рабовладельческого штата, столкнулась с яростным сопротивлением южан, осознававших, что речь, в конечном счете, идет не о статусе отдельного штата, а о судьбе рабовладения на территории Соединенных Штатов. Политическое противостояние в Конгрессе длилось около двух лет, пока спикер палаты представителей Генри Клей не предложил формулу компромисса, известного как «Миссурийский». В состав Союза одновременно принимались две территории — Миссури и Мэн, отделяющийся от Массачусетса. Хотя обе территории принимались формально без каких-либо ограничений в отношении рабства, было очевидно, что Миссури входит в Союз как рабовладельческий штат, а Мэн — как свободный. Вводилась разграничительная линия «Миссурийского компромисса» (36 градусов 30 минут северной широты) и устанавливалось правило, согласно которому все территории, расположенные к северу от нее, будут в дальнейшем приниматься в Союз как свободные от рабовладения штаты.

Миссурийский кризис показал способность политической системы США выработать компромиссный подход к вопросу о рабстве. В отношении проблемы рабства установилось так называемое «правило кляпа», т.е. негласный запрет на публичное обсуждение этого «особого института» Юга. И действительно, вплоть до середины 1840-х гг. политическим партиям удавалось успешно игнорировать этот вопрос, предотвращая тем самым острейший внутриполитический кризис. Реальной же социально-экономической основой подобного политического компромисса служило такое положение вещей, при котором южный (рабовладельческий) и северный (фермерский) потоки колонизации Запада еще нигде не пересеклись.

Демократизация политической жизни. В 1820-е гг. резко увеличилась численность и активность американских избирателей. Дальнейшее расширение электората стало возможным в результате ликвидации в конституциях штатов всевозможных цензов, прежде всего связанных с владением земельной собственностью. Первыми имущественный ценз отменили еще в начале XIX в. штаты Нью-Джерси и Мэриленд. К 1828 г. имущественный ценз сохранялся лишь в трех из 24 штатов (в Род-Айленде, Виргинии и Луизиане). Штаты Новой Англии отменили религиозные цензы и существенно снизили возрастные критерии.

В стране развернулось мощное демократическое движение: оживились различного рода реформаторы — от приверженцев всевозможных религиозно-этических панaceй до сторонников радикальных экономических и политических мер. В отдельных штатах стали появляться «третьи партии».

Росту политической активности широких слоев населения США способствовало и совершенствование транспортной инфраструктуры, облегчившей доступ рядовых американцев к избирательным участкам. Если в первых общенациональных выборах всего 13% избирателей воспользовались своим правом волеизъявления, то на президентских выборах 1824 г. — уже 26,5%, а в 1828 г. — 56% избирателей. Рекордное количество избирателей участвовало в президентских выборах 1840 г. — 78%.

Демократизация политической жизни коснулась и практики выборов президента. Если раньше выборщиков, как правило, избирали законодательные собрания штатов, то теперь в большинстве штатов выборщиков избирали непо-

средственно граждане. К 1828 г. только в Южной Каролине сохранилась прежняя процедура избрания президента.

1820-е гг. ознаменовали начало «эры массовой политики». Под воздействием вторжения в общественно-политическую жизнь страны новых масс населения постепенно вырабатывается особый стиль политической кампании, призванный убедить рядового избирателя, что вся политическая игра ведется в его интересах, на понятном ему языке. Начинается эпоха многолюдных политических митингов, красочных парадов, банкетов в поддержку того или иного кандидата. Лучшее из политиков 1820-х гг. уловил новые требования «эры массовой политики» генерал, сенатор от штата Теннесси, а с 1829 г. президент США Эндрю Джексон.

Политические конкуренты были весьма суровы в отношении к Джексону. Генри Клей определил его как самого невежественного, неуравновешенного и лицемерного американского политика. Джон К. Адамс видел в нем «варвара, неспособного грамотно написать и одного предложения и не знавшего даже, как пишется собственное имя». Много было шуток относительно патологической неграмотности Джексона. Например, политические пересмешники доказывали, что изобретенное Джексонем выражение «о'кей» происходит от незнающего им правильного написания слов «all okegect».

Однако несмотря на все шуточки политических оппонентов, Джексон нравился рядовому избирателю, так как являл собой яркий пример американского «self-made man» («человек, сделавший себя сам»). Родившись в бедной семье и рано лишившись родителей, Джексон сумел превратиться в одного из крупнейших плантаторов и землевладельцев в США. В январе 1815 г. Джексон одержал громкую победу над англичанами под Новым Орлеаном. Он получил известность как «усмиритель индейцев», разгромив множество индейских племен. Наконец, благодаря его усилиям и смелости в 1818 г. была завоевана Флорида. Экспансионизм Джексона, его стремление захватить новые территории и освободить их от индейцев были созвучны интересам рядовых американских избирателей, особенно жителей Запада США.

На президентских выборах 1824 г. Джексон смог получить большинство голосов избирателей, но не набрал необходимого большинства голосов выборщиков, и в результате выборы проиграл. За Джексона проголосовало 38% избирателей, а за его оппонентов — Джона К. Адамса, Уильяма Кроуфорда и Генри Клея — 32, 16 и 14%, соответственно. Избрание президента в такой ситуации, согласно конституции США, зависело от палаты представителей, где ее влиятельный спикер Г. Клей смог убедить своих сторонников голосовать за Дж. К. Адамса, в награду получив в новой администрации пост государственного секретаря. Взбешенный Джексон и его сторонники публично обвинили своих оппонентов в «преступном сговоре» и «распродаже конституционных прав народа».

Сторонники Джексона стали формировать новую фракцию в Конгрессе США, которая называла себя «демократическими республиканцами», или просто демократической партией. Вдохновителем партии был, безусловно, Джексон, однако в создании демократической партии велика роль еще двух политиков — Мартина Ван Бюрена из Нью-Йорка и Джона Кэлхуна из Южной Каролины. Личный альянс трех политиков символизировал союз трех главных регионов Америки: Запада, Северо-Востока и Юга, подводя под нарождающуюся демократическую партию прочное общенациональное основание. Новая партия выступила с политическим требованием равных стартовых и конкурентных возможностей для всех белых американцев. Плодами колонизации Запада и бурного развития промышленности должны были воспользоваться самые широкие слои населения. Государство не должно вмешиваться в экономику,

главная задача правительства заключается в обеспечении равных экономических шансов всем гражданам США.

Так как равенство экономических возможностей подрывается преступным альянсом между правительством и бизнесом, сторонники Джексона выступали против правительственных привилегий для узкой группы собственников, обрушив свой гнев на Национальный банк США как символ подобной политики по созданию «аристократии богатства». Именно против Национального банка и нанес свой главный удар Э. Джексон, победив на президентских выборах 1828 г.

«Джексонская демократия». Свою деятельность на посту главы государства Э. Джексон начал с широкомасштабной чистки государственного аппарата, заменив более 900 человек из 10 тысяч государственных чиновников на своих сторонников. Подобный стиль кадровой политики современники справедливо нарекли «делезом политической добычи». Из самых близких друзей и единомышленников Джексон сформировал так называемый «кухонный кабинет», который зачастую имел большее политическое влияние, нежели правительство. Джексон проводил свой политический курс жесткой рукой и даже получил прозвище «король Эндрю»: он решительно отправлял в отставку членов своего правительства⁸, блокировал с помощью президентского вето неприемлемые решения конгресса⁹, несмотря на ожесточенное сопротивление финансовой элиты и своих оппонентов в Конгрессе, разрушил Национальный банк. Остроконфликтными оказались отношения Джексона и с Верховным судом, который возглавлял престарелый Джон Маршалл, сравнивший действия президента в отношении Национального банка со скальпированием живого индейца.

Но в своей политике Джексон решительно отстаивал принцип равенства экономических возможностей, требуя, чтобы правительство «в равной степени покровительствовало каждому и, подобно Господу, одаривало своей милостью знатных и незнатных, богатых и бедных». Политика Джексона была последовательно нацелена на то, чтобы помочь рядовым американцам стать независимыми собственниками. Он облегчил доступ к западным землям, снизив размер и цену продаваемых государством участков, и планомерно вытеснял индейцев с тех территорий, на которые претендовали его белые сограждане. Отеснение и массовое истребление коренного населения Америки Джексон неизменно объяснял якобы заботой об индейцах, провозглашая, что именно такая политика обеспечит им выживание и сохранение самобытности. Наконец, Джексон ликвидировал Национальный банк, изъяв из него федеральные средства, и рассредоточив их в нескольких небольших банках штатов. Могущественный финансовый институт олицетворял интересы старой финансовой элиты и был тесно связан с английским капиталом. Местные же банки куда охотнее выдавали небольшие краткосрочные кредиты, что стимулировало развитие в стране свободной конкуренции и расширяло предпринимательские возможности массы американцев.

Образование общенациональных партий нового образца: демократы и виги. Джексонские демократы быстрее сложились как общенациональная партия. Уже к моменту переизбрания Джексона на второй срок (1832 г.) они обладали идейными установками, организационной структурой и характерной для буржуазных партий электоральной поддержкой. Образовавшись первой, демократическая партия дала мощный импульс к складыванию оппозиции. Вигская

⁸ В годы президентства Джексона в должности государственного секретаря сменилось четыре политика, министра финансов — пять, генерального атторнея (прокурора) — три.

⁹ В течение восьми лет пребывания у власти он воспользовался правом президентского вето 12 раз, в то время как все его предшественники начиная с 1789 г. сделали это только в 8 случаях.

партия возникла на основе фракции национальных республиканцев в Конгрессе США и других оппозиционных движений. Самоназвание виги противники Джексона начинают использовать, чтобы показать несогласие с политической линией «короля Эндрю». Сплочению оппозиции во многом способствовали дебаты о судьбе Национального банка США. Перед демократической и вигской партиями стояли непростые задачи. В условиях демократизации политической жизни и резкого численного роста электората необходимо было выработать стабильную систему выдвижения кандидатов на государственные посты, унифицировать партийный спектр, состоявший из множества различных группировок и включить в электоральный процесс новые штаты и новые слои избирателей. В рамках общенациональных партий предстояло объединить представителей свободных и рабовладельческих штатов. Наконец, требовалось создать партийные организации, которые бы отличались от элитарных структур прежних партий и были способны действовать в «эру массовой политики». Демократическая партия отстаивала преимущественно интересы фермеров и плантаторов, выступала за расширение экспансии на западные территории и понижение таможенных пошлин на ввоз промышленной продукции в США. Демократам был свойственен более либеральный подход к вопросам эмиграции, поэтому новые и менее обеспеченные слои американского населения, как правило, поддерживали демократическую партию. Виги защищали интересы торгово-промышленных кругов, выступали за проведение политики «внутренних улучшений» и поддержание высоких пошлин на ввоз промышленных изделий в страну для защиты американской промышленности.

Социальные движения эпохи Второго Великого Пробуждения. С коренными изменениями в экономической и политической жизни страны было связано развитие всевозможных массовых движений, большинство из которых имело религиозную основу. Религиозная активность этого периода стала главной составляющей так называемых движений «гуманитарного типа» (за моральную реформу общества, за школьную реформу, за отказ от употребления алкоголя, запрет дуэлей, петушиных боев и т.д.), развернувшихся в эпоху Второго Великого Пробуждения. Религия стала основой возрастания социальной активности масс в период глубоких перемен в жизни Америки.

Пробуждение — характерный для американского протестантизма период обновления религиозной культуры, начинающийся с общего кризиса веры и ценностей и продолжающийся на протяжении жизни одного поколения. Первое Великое Пробуждение (1730—1750-е гг.) стало небывалым всплеском религиозной активности, движением за обновление церкви, охватившим все британские колонии в Северной Америке. Второе Великое Пробуждение пришлось на первую половину XIX века. Механизм распространения Пробуждения — практика религиозных «оживлений» или ривайвлов. Ривайвелистские собрания принимали различные формы и могли длиться несколько часов, дней или даже недель, собирали членов одного прихода или верующих целого города или даже округа.

В начале XIX века США были молодым государством без развитой системы социальных институтов. Понятие социальной защиты населения в то время не существовало. Церковь стала единственным институтом, озаботившимся социальными проблемами бурно развивающейся страны. Так, например, урбанизация порождала новые болезни общества: рост преступности, бедность, проституцию, социальную незащищенность. Важным социальным аспектом Пробуждения стало движение за моральную реформу общества. К 1820 г. общества возрождения морали, борьбы с алкоголизмом и т.п. появились практически во всех штатах Северо-Востока. Члены общества также активно боролись с игорным бизнесом, доходило до запрета танцев и театра. Другими аспектами дви-

жения было создание сиротских приютов, школ-интернатов для глухонемых, движение за улучшение положения заключенных. Наконец, социальные движения эпохи Второго Великого Пробуждения невозможно представить без деятельности миссионерских организаций на Западе, где церковь сосредоточила в своих руках едва ли не всю общественную жизнь этого региона. Миссионеры Американского общества внутренних миссий были не только проповедниками, но и преподавателями и общественными деятелями.

Теологическая основа воззрений лидеров Второго Великого Пробуждения (Лаймана Бичера, Чарльза Финни, Натаниэля Тейлора) заключалась в отходе от кальвинистских догм, прежде всего, в отказе от догмата о предопределении к спасению. Это отвечало духу времени. Обществу, в котором нарастали тенденции, связанные с индивидуализмом и уверенностью в собственных силах, становилось нелегко придерживаться учения, которое подразумевало беспомощность и изначальную склонность человека к греху, и спасение только по милости Божьей. Религиозная жизнь также претерпела изменения. Лидеры Пробуждения стремились сделать религиозную жизнь ориентированной на паству. Верующие стали принимать активное участие в жизни своего прихода. Проповеди, ревайвелистские собрания, чтения Библии, организуемые в рамках прихода, а иногда и в масштабах целого штата, становились не просто собраниями верующих, но возможностью социализации для большинства населения Америки.

Аболиционистское движение. Во многом под влиянием религиозных идей и социальной практики Второго Великого Пробуждения в США разворачивается движение за отмену рабства — аболиционизм. Руководителем созданного в 1833 г. «Американского общества борьбы с рабством» стал редактор журнала «Либерејтор» Уильям Гаррисон, осуждавший рабство прежде всего как моральное зло, калечившее человеческую личность. Одним из наиболее действенных средств борьбы аболиционистов стало функционирование «подземной железной дороги» — системы помощи неграм, бежавшим с южных плантаций. Однако исповедуя доктрину непротивления злу насилием, Гаррисон высказывался против политических действий как средства борьбы с «особым южным институтом». Аболиционисты рассчитывали на моральное воздействие их выступлений, публикаций в периодической печати, литературных произведений. Дочь известного религиозного проповедника Гарриет Бичер-Стоу в романе «Хижина дяди Тома» нарисовала правдивую картину царившей на Юге бесчеловечной системы рабовладения. Однако большинство населения США, как на Юге, так и на Севере, находилось во власти расистских предубеждений. Алексис де Токвиль, посетивший США в 1830-е гг., был возмущен не только рабовладельческим строем Юга, но и совершенно бесправным положением свободных негров в северных штатах. Политическая элита Севера связывала решение негритянской проблемы с вывозом бывших рабов в Африку или Латинскую Америку. В 1817 г. при содействии президента Джеймса Монро и спикера Палаты представителей Генри Клея было основано Американское колонизационное общество. Однако несмотря на активную кампанию по сбору средств для выкупа рабов у их владельцев, общество смогло освободить лишь несколько сотен рабов. Более того, многие освобожденные негры отказались покинуть США, утверждая, что «эта земля, которую мы оросили слезами и кровью, наша родная страна».

Жестоко подавленное восстание негров-рабов под руководством Ната Тернера, произошедшее в 1831 г., подвигло южан-плантаторов к выработке развернутого идеологического оправдания рабовладельческой системы. Вместо преобладавшей ранее оценки рабства как «неизбежного зла», идеологами Юга (Джоном Кэлхуном, Джорджем Фицхью) утверждалась всесторонне аргументированная концепция рабовладения как позитивного института, основы эко-

номического развития и благополучия Юга, гармонии его социальных отношений и демократических принципов политической организации. Критикуя современное «свободное» буржуазное общество на Севере США, южане доказывали, что наемные рабочие были по сути теми же рабами, но только находящимися в гораздо худших жизненных условиях: в случае болезни, инвалидности или наступления старости они остаются без средств к существованию, в то время как черные рабы с рождения и до самой смерти находятся под отеческой опекой их хозяев.

В южных штатах выполнение самой трудной работы черными невольниками автоматически повышало социальный статус и чувство достоинства самых бедных слоев белого населения, формировало в их сознании убеждение, что относительно рабов они и богачи-плантаторы составляют единое целое — правящую элиту. В результате на Юге, где рабовладельцы составляли меньшинство населения, постепенно стихает всякая критика института рабовладения.

Глава 12 РЕВОЛЮЦИЯ 1848 г. ВО ФРАНЦИИ

Февральская революция. Во второй половине 40-х гг. XIX в. во Франции нарастал кризис политики правящих кругов. Правительственная система Июльской монархии приводила к многочисленным негативным факторам: процветала коррупция, чрезвычайно узкий круг людей участвовал в управлении государством, в политических структурах господствовала финансовая аристократия. Система подкупов распространилась на все ветви власти. Общественное мнение Франции потрясли многочисленные скандалы, связанные с финансовыми и должностными злоупотреблениями. Наибольший резонанс получили факты казнокрадства в военном и морском министерствах (1847 г.)

Большие проблемы накопились и в социальной сфере: безработица, тяжелые условия труда рабочих, полное отсутствие социального законодательства. Нерешенность социальных проблем приводила общество к убеждению, что Франция близка к демократическому взрыву. Один из корреспондентов крупного политического деятеля, историка А. Тьера писал: «Нижние классы организуются и готовятся к сражению. Они испытывают только презрение к тем, кто ими правит, а нет ничего более опасного».

В оппозиции к режиму Июльской монархии оказались широкие слои населения — промышленная буржуазия, мелкая городская буржуазия, рабочие. Крестьянство в середине XIX в. не могло стать главной массовой силой оппозиции: уничтожение феодальных институтов в конце XVIII в. устранило почву для широкого общекрестьянского революционного движения. Тем не менее в отдельных областях Центральной и Южной Франции вспыхивали крестьянские выступления. Их участники боролись за необходимые для существования мелкого крестьянского хозяйства общинные сервитуты и права пользования в лесах, урезанные при Июльской монархии, за возвращение общинных земель, против ростовщиков.

Требование реформ, прежде всего избирательной, становилось всеобщим. С июля 1847 г. по январь 1848 г. прошло 70 банкетов с числом участников около 20 тыс. человек. Банкетная кампания в поддержку избирательной реформы активизировалась в месяцы, непосредственно предшествовавшие революционным событиям. На банкетах говорили не только об избирательной реформе, но критиковали господствовавший политический режим в целом и предсказывали близость революционного возмущения. Один из современников выразился так: «Речь шла о замене бесконтрольной и безответственной системы личного управления таким режимом, при котором страна сама распоряжалась бы собственной судьбой».

Адекватно ответить на требования широких общественных слоев режим Июльской монархии не смог. На все требования избирательной реформы король и министры постоянно отвечали отказом. А циничный ответ главы правительства Ф. Гизо на требование о снижении избирательного ценза — «Обогащайтесь, господа, и вы станете избирателями» — лишь обострил ситуацию.

В 1847 г. во Франции разразился циклический экономический кризис, который вызвал сокращение производства, потрясение денежной системы, острый финансовый кризис (золотой запас Французского банка упал с 320 млн фр. в 1845 г. до 42 млн фр. в начале 1848 г.). Намного снизилась заработная плата рабочих, росла безработица в городах и сельской местности: увольнения затро-

нули 20% занятых в угольной промышленности, 35% — в металлургии и текстильной промышленности.

Положение усложнялось еще и тем, что торгово-промышленному кризису предшествовал кризис аграрный. В 1845–1846 гг. везде в Европе были плохие урожаи, болезнь картофеля (сбор его упал почти вдвое), рост дороговизны. По стране прокатились продовольственные волнения.

К концу 1847 г. обстановка во Франции крайне обострилась. Страна была накануне революции — третьей по счету с конца XVIII в. Ее объективным историческим содержанием было устранение власти «финансовой аристократии», тормозившей промышленно-капиталистическое развитие страны, а также проведение широких демократических преобразований.

На 22 февраля 1848 г. оппозиция запланировала проведение очередного банкета, который, однако, был запрещен правительством. Такое решение власти вызвало небывалое негодование в Париже. 22 февраля 1848 г. тысячи парижан — рабочие, ремесленники, студенты, мелкие лавочники — вышли на улицы города. Это была стихийная демонстрация, никем по существу не возглавляемая. Правительство не хотело прибегать к помощи армии, решило подавить эту стихийную манифестацию силами Национальной гвардии. Однако национальные гвардейцы отказывались разгонять демонстрантов, а некоторые переходили на их сторону. Начались ожесточенные стычки с полицией, появились первые баррикады.

23 февраля 1848 г. Луи-Филипп Орлеанский, напуганный размахом народных выступлений в Париже, дал отставку правительству Ф. Гизо. Но остановить революцию это уже не могло. Пребывание у власти в 30–40 гг. XIX в. для французских либералов окончилось крахом. Тесно связав свою судьбу с крупным капиталом, не признавая никаких демократических реформ, французский либерализм приобрел консервативные, олигархические черты. Народные массы, и это ярко проявилось в ходе революции 1848 г., выступили за проведение радикальных политических и социальных преобразований в стране.

В ночь на 24 февраля весь Париж покрылся баррикадами, руководство принадлежало членам тайных республиканских обществ. 24 февраля все важнейшие стратегические пункты столицы оказались в руках восставших. Луи-Филипп отрекся от престола в пользу малолетнего внука, графа Парижского, и бежал в Англию. Тюильрийский дворец был захвачен повстанцами, королевский трон вытасчен на площадь и сожжен. Попытка сохранить монархию, установив регентство герцогини Орлеанской, невестки Луи-Филиппа и матери графа Парижского, были сорваны повстанцами. Они ворвались в зал заседаний палаты депутатов с возгласами: «Ни регентства, ни короля! Да здравствует республика!» События (они вошли в историю, как «Февральская революция») приобрели необратимый характер. Депутаты были вынуждены согласиться на создание Временного правительства.

Временное правительство и его политика. Центром политической активности становится парижская Ратуша. Сюда прибыли и депутаты парламента и вожди внепарламентских политических группировок. После долгих совещаний был составлен список правительства, которое получило название Временного. Во Временное правительство вошли прежде всего члены двух республиканских групп, которые возникли еще во время Июльской монархии. Это политические демократы или умеренные республиканцы, близкие к газете «Насьональ», и социальные демократы, чьи взгляды выражала газета «Реформа»: Ф. Араго, А. де Ламартин, А. Ледрю-Роллен, А. Марраст, Ф. Флокон. Сила и решительность выступлений народных масс Парижа заставили республиканцев согласиться на введение в состав Временного правительства в качестве министров

без портфеля рабочего А. Альбера, члена тайных республиканских обществ, и популярного в народных массах социалиста Луи Блана. Такой состав Временного правительства указывает на то, что во Франции сложилась уникальная по своей социальной напряженности ситуация. Фактически главой Временного правительства стал умеренный республиканец, известный французский поэт-романтик А. Ламартин (заявивший пост министра иностранных дел).

Падение режима Июльской монархии, формирование в Париже нового органа власти всколыхнули всю Францию. Повсюду стали возникать многочисленные революционные общества, политические клубы. В считанные дни расцвела демократическая и социалистическая пресса, которая вела революционную пропаганду, пробуждая во французах патриотические чувства, направленные в том числе и на утверждение в обществе идеи исключительности французов, их исторической роли в борьбе за справедливость и освобождение всех народов от оков абсолютизма с помощью Франции.

В обществе витали идеи революционного мессианства, которое так проявилось в годы революции конца XVIII в. А. Ламартин, чтобы успокоить европейские правительства даже разослал французским дипломатическим представителям циркуляр: «Война, ставшая роковой и славной необходимостью в 1792 г., теперь не является принципом Французской республики. Французская республика никому не намерена объявлять войну. Она не будет также вести подпольной зажигательной пропаганды в соседних государствах». Но «зажигательной пропаганды» и не требовалось, сама весть о революции в Париже выполнила эту роль.

25 февраля 1848 г. Временное правительство под прямым давлением народных масс Парижа провозгласило Францию республикой. А еще через несколько дней был издан декрет о введении всеобщего избирательного права для мужчин, достигших 21 года. С этого времени всеобщее избирательное право для мужчин — неотъемлемая часть политической жизни французов (за исключением нескольких кратких периодов).

Всем гражданам было разрешено вступать в Национальную гвардию, и ее численность в Париже к середине марта возросла почти вдвое. Таким образом, благодаря этим факторам — демократическим газетам, множеству политических клубов и революционных обществ, национальным гвардейцам — возникла сила, которая была вполне достаточной, чтобы господствовать в эти дни в Париже. Англичанка баронесса Род писала из Парижа: «Мы все надеваем грубые башмаки, ходим без зонтиков и стараемся насколько возможно походить на наших пролетариев».

Наряду с общедемократическими, парижские рабочие выдвигали и специфически социалистические требования. Рабочие связывали лозунг республики со смутными помыслами о действительно социальных реформах, уничтожении капиталистической эксплуатации и безработицы. Временному правительству было предъявлено требование о законодательном признании права на труд, т.е. права на гарантированную оплачиваемую работу. Конечно, в условиях развития капитализма периода свободной конкуренции обеспечить такое право было невозможно. Да и большинство членов Временного правительства были сторонниками либерального принципа свободы труда. Но в условиях крайнего революционного возбуждения, которое царило в столице, отвергнуть это требование означало бы вызвать падение правительства. Рабочие потребовали также признания красного знамени, которое было символом социальной революции, государственным знаменем Франции.

Требование красного знамени правительству удалось отклонить, но было принято компромиссное решение прикрепить к древку трехцветного знамени красную розетку. Отклонить же требование права на труд, с которым ежедневно

тысячи рабочих приходили в городскую ратушу, не удалось. 25 февраля был принят декрет, который декларировал обязательство правительства «гарантировать рабочему его существование трудом», обеспечить всех граждан работой и отменял статью уголовного кодекса, запрещавшую рабочим создавать ассоциации.

Кроме того, правительство пошло на создание «Правительственной комиссии для трудящихся», которая должна была выработать меры для улучшения положения рабочего люда. Председателем ее стал Луи Блан, для заседаний отводился один из красивейших дворцов Парижа — Люксембургский дворец. Таким образом, во Франции была установлена не просто республика, а социальная республика.

Для «Февральского периода» революции характерны атмосфера кажущегося примирения интересов всех социальных групп населения, проповедь классового сотрудничества. Вера в возможность мирного решения социальных проблем была очень сильна в 1848 г. Вот строчки одного из стихотворений того времени:

«Без братства не достигнуть торжества!

Ведь сказано: друг друга возлюбите.

Осуществить завет спешите —

Рабочие, солдаты, буржуа!»

Массовая безработица среди парижских рабочих заставила Временное правительство пойти на создание так называемых национальных мастерских. К маю 1848 г. в них работало уже свыше 100 тыс. человек. Подобные мастерские были созданы также в Руане, Лионе, Марселе и других городах. Рабочие были объединены по подобию воинских частей: бригады, роты, взводы. Работа велась под открытым небом — расчистка и мошение улиц, посадка деревьев. Оплата была для всех одинаковой — 2 фр. в день. Создавая национальные мастерские Временное правительство рассчитывало в какой-то мере успокоить рабочее население, ослабить революционное напряжение. С этой же целью была создана и мобильная гвардия из безработных (24 батальона по 1000 человек в каждом). В гвардии предусматривалось высокое жалованье и хорошее обмундирование. Однако надежды эти не оправдались. Политическая активность народных масс была небывалой: в первый месяц революции только в Париже открылось свыше 200 политических клубов. Наибольшим влиянием пользовались «Центральное республиканское общество», возглавляемое Бланки, «Клуб революции», которым руководил демократ Барбес, «Центральное братское общество» во главе с коммунистом Кабе. Выросло количество рабочих ассоциаций — объединений на профессиональной и межпрофессиональной основе.

В начале марта под давлением рабочих были изданы декреты о сокращении рабочего дня в Париже с 11 до 10 часов, а в провинции — с 12 до 11 часов, о снижении цен на хлеб, о возврате беднякам из ломбардов предметов первой необходимости и др. Во французских колониях было отменено рабство.

Выборы в Учредительное собрание были назначены на 9 апреля. Однако демократические клубы, социалистически настроенные политические деятели, такие как Бланки, Барбес, Кабе, выступали за перенос выборов на более поздний срок, мотивируя это тем, что большинство населения и, прежде всего, крестьянство не в состоянии сделать за такой короткий срок правильный политический выбор, особенно учитывая антиреспубликанские настроения крестьянства в связи с финансовой политикой Временного правительства.

Финансовое положение республики было крайне тяжелым. В результате революционных событий, углубления экономического кризиса государственные финансы быстро пришли в полное расстройство. Временное правительство решило выйти из финансового кризиса, увеличив налоговое обложение крестьянства и мелких собственников. Особое недовольство вызвало решение

увеличить на 45%, т.е. 45 сантимов на каждый франк, всех прямых налогов (на один год), падающих на земельных собственников. Новый налог лег прежде всего на плечи миллионов мелких крестьян и повлиял на их отношение к республике. Он вызвал среди них разочарование и в революции, и в республике. Во многих департаментах вспыхивали волнения против введения этого налога, учащались отказы от его уплаты. Временное правительство сумело использовать недовольство крестьян в своих интересах. С помощью католического духовенства буржуазные круги вели пропаганду среди крестьян, уверяя их в том, что 45-сантимный налог введен якобы для того, чтобы за счет сельского населения содержать рабочих национальных мастерских. На самом деле демократический Париж решительно протестовал против этого налога.

Зная о такой позиции крестьянства, основной массы избирателей, и рассчитывая на его политическую консервативность, буржуазия торопила Временное правительство с проведением выборов в Учредительное собрание. Под давлением демократических кругов (17 марта в Париже состоялась народная демонстрация) правительство пошло на незначительную уступку — выборы были отсрочены на две недели.

Учредительное собрание. 23 апреля 1848 г. проходили выборы в Учредительное собрание. Все мужское население Франции старше 21 года приняло в них участие. Буржуазная пропаганда, консервативный настрой провинции, прежде всего деревни, сделали свое дело. Победу на выборах одержали умеренные республиканцы — они получили 500 из 880 мест в Учредительном собрании. Почти 300 мест получили кандидаты, принадлежавшие к различным монархическим группировкам. Серьезное поражение на выборах потерпели социальные демократы и социалисты (80 мест). В Учредительное собрание не прошли даже такие популярные социалисты, как Бланки, Кабе, Распайль.

Итоги выборов вызвали глубокое разочарование в демократических кругах. В некоторых промышленных центрах произошли рабочие волнения.

4 мая открылось Учредительное собрание. На первом же заседании оно торжественно провозгласило, что республика «является и остается формой правления во Франции». Однако состав Учредительного собрания ясно показывал, о какой республике идет речь. «...Это не та республика, — писал современник этих событий и один из первых их исследователей К. Маркс, — которую парижский пролетариат навязал Временному правительству, не республика с социальными учреждениями, не та мечта, которая носилась перед бойцами баррикад». Это была истинно буржуазная республика, которая с первых же дней своего существования повела наступление на завоевания рабочих в февральский период. В созданную вместо Временного правительства Исполнительную комиссию Луи Блан и А. Альбер уже не вошли. Предложение рабочих о создании министерства труда было отклонено. На пост военного министра был назначен боевой генерал Кавеньяк. В обстановке усиления реакции демократические силы Парижа решили провести новую массовую демонстрацию. Поводом к ней послужили события в прусской и австрийской частях Польши: поляки подняли национально-освободительное восстание и просили французский народ о помощи.

15 мая около 150 тыс. человек вышли на демонстрацию. Часть демонстрантов ворвались в Бурбонский дворец, где заседало Учредительное собрание, с требованием немедленного решения вопроса о поддержке поляков. Выступивший с пламенной речью Бланки потребовал также решительных мер по борьбе с безработицей. Один из ораторов, воспользовавшись накалом революционных страстей, объявил Учредительное собрание распушенным. Начали составлять списки нового правительства. Однако повторить февральские дни не удалось. Исполнительная комиссия отдала приказ подавить мятеж. Правительство смо-

гло поднять все воинские силы, которые находились в Париже, демонстрация была разогнана. Революционные клубы были закрыты, их лидеры — Бланки, Распайль, Барбес, Альбер и другие — арестованы. Кавеньяк усиливал парижский гарнизон, стягивая к столице новые воинские части.

События 15 мая показали, что процесс поляризации политических сил в стране зашел далеко. Весь ход событий шел к грандиозному взрыву, который должен был окончательно решить спор между рабочим Парижем и буржуазной Францией.

Июньское восстание. Рабочие были охвачены решимостью отстоять социальные завоевания «Февральской революции»: в начале июля стала издаваться рабочая газета «Журнал де травайер», уровень стачечного движения оставался высоким. Доверие к власти падало, в среде парижского пролетариата рождалась идея создания собственного политического органа — Народного конвента, который должен был защищать интересы рабочих масс и контролировать деятельность Учредительного собрания. Однако и буржуазия почувствовала уже силы и возможность противостоять растущему революционному движению.

22 июня 1848 г. Учредительное собрание издало указ о роспуске национальных мастерских. Согласно указу все работавшие в них холостые мужчины от 18 до 25 лет должны были вступить в армию, остальные — подготовиться к отправке на земляные работы в провинцию. Это была по существу прямая провокация рабочих, которая неминуемо должна была вызвать революционный взрыв (учитывая, что в мастерских было занято более 100 тыс. человек).

Рабочие ответили на действия правительства грандиозным восстанием. Утром 23 июня на улицах Парижа началось строительство баррикад. Восстание охватило демократическую восточную часть города; улицы были пересечены множеством баррикад, число восставших достигло 40—45 тыс. человек.

Среди тех, кто вышел на баррикады, были рабочие-механики, литейщики, жестянщики, печатники, граверы по металлу, портные, пекари, шляпные мастера, мастера-обойщики, владельцы столярных мастерских, выходцы из демократической интеллигенции. Многие руководители были бригадирами национальных мастерских, офицерами Национальной гвардии, членами революционных обществ и клубов. Однако в целом стихийно вспыхнувшее восстание не имело единого политического и военного руководства. Вожди рабочего Парижа после 15 мая находились в тюрьмах, к восставшим не присоединился ни один видный демократический деятель. Луи Блан осудил восстание и участвовал в эти дни в работе Учредительного собрания.

За что сражались восставшие? Какие выдвигали требования? Прежде всего потребовали отмены декрета о роспуске национальных мастерских, признания права на труд, удаления армии из Парижа, освобождения вождей рабочих из тюрем. Часть лозунгов отражала стихийный протест рабочего люда, измененного, обманутого, доведенного нуждой до отчаяния: «Хлеба или свинца», «Свинца или работы», «Жить работая или умереть в борьбе». В то же время рабочие выдвигали и требования, отразившие более высокий уровень осознания ими происходящего: «Да здравствует демократическая и социальная республика!», «Долой эксплуатацию человека человеком!». Наконец, рабочие требовали роспуска Учредительного собрания, выработки конституции самим народом.

Восстание в Париже не застало правительство врасплох. Утром 24 июня Учредительное собрание, объявив Париж на осадном положении, передало всю полноту власти генералу Кавеньяку. Против восставших было стянуто 150 тыс. человек регулярных войск, мобильная гвардия, на помощь подходили отряды Национальной гвардии из 53 департаментов. Для подавления восстания широко использовалась артиллерия, которая сметала целые кварталы, ставшие центрами сопротивления.

К вечеру 26 июня восстание было подавлено. Наступило время свирепого террора против повстанцев. Всего во время восстания погибло около 11 тыс. человек. Около 15 тыс. человек были задержаны и брошены в тюрьмы. Мощной, решительной поддержки со стороны рабочих других городов Франции рабочие Парижа не получили. Не получили они поддержки и со стороны мелкобуржуазных слоев, прежде всего крестьянства. Правительству удалось сплотить вокруг себя собственнические слои общества. Однако осадное положение Парижа Учредительное собрание сохраняло до 29 октября 1848 г.

Июньское восстание произвело огромное впечатление на современников. Осмыслением этих событий занялись многие, но, пожалуй, наиболее точно написал о них А. Токвиль: «Июньское восстание было самым большим и самым необыкновенным, какое только известно в нашей истории и, быть может, вообще в истории. ... Что еще отличало его от всех подобного рода событий нашей истории за последние 60 лет, так это то, что его целью было не перемена формы правления, но изменение самого устройства общества. Нужно заметить еще, что это грандиозное восстание не было делом кучки заговорщиков, но восстанием одной части населения против другой».

Победа и поражение «партии» умеренных республиканцев. Поражение рабочих в июне 1848 г. означало и поражение в перспективе буржуазной республики. Стало очевидно, что республиканская форма правления открывает слишком широкий простор для действий народных масс.

Стоящие у власти умеренные республиканцы повели наступление на демократические завоевания революции. Ограничение рабочего дня отменялось, все национальные мастерские в провинции были закрыты, вводился крупный денежный залог для издания газет. Однако свое политическое влияние республиканцы начинают терять. В правительстве все большее влияние приобретают сторонники монархии. Они выступали за восстановление монархии во Франции как «гарантии порядка». На этой основе объединились и образовали «партию порядка» две монархические группировки: легитимисты и орлеанисты.

Все большим влиянием в стране пользуются бонапартисты. Лидером их был племянник императора Наполеона I Луи-Наполеон Бонапарт, уже дважды — в 1836 и в 1840 г. — пытавшийся захватить власть в стране. Идея возрождения во Франции наполеоновской империи, построенной одновременно на демократических и авторитарных началах, уже давно пропагандировалась и имела много сторонников. В провинции были отмечены первые бонапартистские манифестации: в Амьене крики «Долой Республику!» смешивались с криками «Да здравствует Наполеон!» и даже «Да здравствует император!». Современники отмечали, что во Франции не было человека более известного и популярного, чем Луи-Наполеон Бонапарт.

Резкое падение влияния республиканцев продемонстрировали уже муниципальные выборы в августе 1848 г.: на них почти всюду победили монархисты. В сентябре 1848 г. проходили дополнительные выборы в Учредительное собрание: из 17 новых депутатов 15 были монархистами.

Конституция 1848 г. Выборы президента. В начале осени 1848 г. Учредительное собрание предложило на обсуждение проект новой конституции Франции. Спустя два месяца, 4 ноября, он был принят (739 голосов — за, 30 — против). Конституция устанавливала во Франции республиканскую форму правления, кроме того, она провозглашала, что «Французская республика — республика демократическая», основными принципами которой являются «свобода, равенство и братство», а в основе ее лежат «семья, труд, собственность и общественный порядок». Граждане наделялись широкими демократическими правами и свободами: «право союзов, собраний, петиций, высказывания своих мыслей в печати или иным способом».

Конституция строго проводила принцип разделения властей. Законодательная власть принадлежала однопалатному Законодательному собранию, избираемому на три года на основе всеобщего избирательного права для мужчин старше 21 года. Высшая исполнительная власть принадлежала президенту республики (в этом просматривается влияние американской конституционной традиции), который избирался не парламентом, а всенародным голосованием на 4 года (без права переизбрания) и наделялся огромной властью: формировал правительство, назначал и смещал чиновников, офицеров, руководил вооруженными силами государства. Президент был независим от Законодательного собрания, но не мог его распустить и отменить принятые им решения. Это порождало неизбежный конфликт между парламентом и президентской властью. Чтобы удержать президента «в пределах долга», Собрание требовало от него присяги на верность конституции.

Избрание президента республики было назначено на 10 декабря. Кандидатами были Кавеньяк, Луи-Наполеон, Ледрю-Роллен, Ламартин и Распайль. Выборы принесли успех кандидатуре бонапартистов — Луи-Наполеону Бонапарту. Он получил $\frac{1}{4}$ всех голосов, в то время как Кавеньяк собрал лишь $\frac{1}{5}$. За Луи-Наполеона проголосовала «партия порядка», жаждавшая установления во Франции твердой власти и не сумевшая выдвинуть собственного кандидата. Торгово-промышленная буржуазия, еще недавно добивавшаяся доступа к политической власти, напуганная выступлениями рабочих масс, также отдала свои голоса Бонапарту. В свою очередь и рабочие тоже подпали под влияние этой фигуры. По всей Франции распевались песни, посвященные Луи-Наполеону. Верили в то, что он проведет социальные реформы, покончит с безработицей и нещадной эксплуатацией. Тем более, что его книга «Уничтожение нищеты» была распространена бонапартистами в среде рабочих. Сыграл и фактор «ненавистного Кавеньяка», которому хотели помешать пройти в президенты.

Однако основная причина неожиданного успеха Луи-Наполеона Бонапарта крылась в поддержке его самым многочисленным классом общества — французским крестьянством. Луи Наполеон обещал крестьянству охрану его земельной собственности, снижение налогов. Во многих регионах народное недовольство фискальной политикой республики вылилось в поддержку Луи-Наполеона. Так, крестьяне считали, что он не только отменит непопулярный в народе налог в 45 сантимов, но также отменит налог на вино, соль и т.д. Сыграла роль и сохранившаяся в крестьянской среде наполеоновская легенда: вера в то, что племянник Наполеона I защитит интересы мелких землевладельцев.

20 декабря 1848 г. Луи-Наполеон Бонапарт вступил в должность президента республики. Было сформировано новое правительство, во главе с монархистом Одилоном Барро, лидером орлеанистов. Правительство провело чистку государственного аппарата от республиканцев, заменив их сторонниками монархистов. Свою главную задачу монархисты видели в скорейшем роспуске Учредительного собрания, где большинство принадлежало республиканцам, и проведении выборов в Законодательное собрание, на которых рассчитывали одержать победу.

Законодательное собрание. Выборы в Законодательное собрание состоялись 13 мая 1849 г. Монархисты собрали половину голосов и получили $\frac{2}{3}$ мест в собрании — 500 депутатских мандатов. Умеренные республиканцы получили всего 70 мест, 180 депутатских мест получили социальные демократы и социалисты, которые незадолго до выборов оформили блок, получивший название «Новая гора». Название этого блока должно было символизировать возрождение традиций периода французской революции конца XVIII в.

«Новая гора» сделала попытку отстоять демократические завоевания революции. Итоги выборов показали рост влияния в стране сил демократического

лагеря. Борьба между монархистами и демократами неминуемо должна была развернуться в ближайшее время. Поводом послужила посылка французских войск в Италию: французские войска были посланы против Римской республики, которая низложила светскую власть папы. Выступая в защиту папы, президент стремился привлечь на свою сторону влиятельное в стране католическое духовенство. Интервенция против Римской республики была открытым нарушением конституции 1848 г., запрещавшей применение вооруженных сил Франции против других народов.

Одиннадцатого июня 1849 г. представитель «Новой горы» Ледрю Роллен, выступая в Законодательном собрании, внес предложение предать суду президента и его министров за нарушение конституции. Законодательное собрание большинством голосов отклонило это предложение. Тогда было решено перенести борьбу за его стены и организовать массовое движение в защиту республиканской конституции. 13 июня 1849 г. тысячи граждан Парижа вышли на демонстрацию. Демонстрация была быстро разогнана властями. Собрание воспользовалось этой ситуацией для нанесения решительного удара демократам. В Париже было введено осадное положение. 33 депутата-демократы были преданы суду, все демократические издания были закрыты, собрание вотиновало закон о печати, который вводил высокий залог и дал правительству право запрещать уличную продажу газет. Кроме того, был принят закон, запрещавший всякие политические собрания сроком на год. И кульминационным пунктом этой политики был принятый 31 мая 1850 г. новый избирательный закон, значительно ограничивший круг избирателей: был введен ценз оседлости и другие ограничения. Этот закон был направлен прежде всего против рабочих, которые в поисках работы часто меняли место жительства. В Париже, например, право голоса потеряли 40% рабочих.

В течение 1850—1851 гг. Франция была окончательно превращена в государство, в котором господствовал, по признанию современников, «полумонархический режим». Между легитимистами и орлеанистами развернулась острая борьба по вопросу о кандидатуре на трон. Легитимисты на королевский трон предложили внука Карла X графа Шамбора, орлеанисты — внука Луи-Филиппа графа Парижского. Однако бонапартисты, и прежде всего их лидер президент Франции Луи-Наполеон Бонапарт, видели будущее Франции совсем другим — возрождение империи как средство выхода из экономического и политического тупика, империи, которая бы сочетала демократическое начало и сильную исполнительную власть в лице влиятельной авторитарной личности.

Еще в сентябре 1849 г. сторонники Бонапарта создали «Общество 10 декабря», которое вербовало себе сторонников среди всех слоев общества. Бонапарт уволил всех министров, назначив на их места лично преданных ему людей. Активная бонапартистская агитация велась повсюду, и особенно в армии. Постепенно бонапартисты забрали в свои руки командование войсками парижского гарнизона и столичную полицию, что стало возможным благодаря тому, что в руках Луи-Наполеона была высшая власть в стране.

Сначала была сделана попытка добиться от Законодательного собрания пересмотра тех статей конституции, которые запрещали переизбирать одно и то же лицо президентом на второй срок. 19 июля 1851 г. Законодательное собрание отклонило это предложение. Это означало, что через полтора года Луи-Наполеон должен будет уйти с поста президента. После этого бонапартисты срочно стали готовить государственный переворот. Уже на следующий день после отклонения Законодательным собранием предложения президента русский тайный агент в Париже Яков Толстой доносил: «...президент всерьез задумал осуществить государственный переворот».

Переворот был намечен на годовщину победоносной для Наполеона I битвы при Аустерлице (2 декабря 1805 г.). В ночь на 2 декабря 1851 г. Луи-Наполеон произвел государственный переворот: Законодательное собрание было распущено, вожди оппозиции были арестованы, в Париже было введено осадное положение. Вся власть в стране передавалась в руки президента, избравшегося на десять лет. В то же время президент объявил о восстановлении во Франции всеобщего избирательного права, отмененного Законодательным собранием в 1850 г.

Второго декабря в Париже было спокойно, но 3 декабря началось строительство баррикад. Группа левых депутатов во главе с Виктором Гюго призвала народ к оружию, к активной защите конституции против «Узурпатора-президента» и создала «Комитет сопротивления». Активизировали свою деятельность тайные республиканские организации. 3 и 4 декабря шли бои на улицах Парижа: 1,5 тыс. восставших, главным образом рабочие и студенты, сражались против 40-тысячной армии. Республиканские восстания вспыхнули также в 20 департаментах центра и юга Франции. Все попытки организовать сопротивление нарушившему присягу президенту были жестоко подавлены. Общее число арестованных достигло 27 тыс. человек.

Первой на переворот отреагировала биржа, где было отмечено существенное повышение курса. Я. Толстой отмечал в своих донесениях в Россию: «...пока следует признать одно, что торговые круги и значительное большинство буржуазии, по-видимому, довольны этой революцией. Уничтожение красных и социалистов представляется им фактом свершившимся. Роспуск Собрания также встречает сочувствие, так как начали уже уставать от болтовни, которая служила помехой для правильного хода управления и парализовала торговлю». Довольно быстро в обществе сформировался образ Луи-Наполеона, как спасителя Франции, его имя стало гарантией примирения всех слоев общества на основе стремления к стабильности, порядку, экономическому процветанию и национальной славе.

Вскоре после переворота 43-летний и все еще неженатый Луи-Наполеон, опасаясь возможного покушения, назначил своим преемником и главой дома Бонапартов своего племянника принца Луи-Люсьена Бонапарта. Характерно, что такое назначение было сделано не монархом, а президентом республики. Само по себе это говорило о многом. Ровно через год 2 декабря 1852 г. Вторая республика прекратила свое существование. Луи-Наполеон Бонапарт был провозглашен императором под именем Наполеона III. Республика уступила место авторитарному режиму.

Революция 1848 г. во Франции завершилась гибелью буржуазной республики. Широкие слои торгово-промышленной буржуазии были по-прежнему отстранены от участия в политической власти, демократические преобразования не были осуществлены. В этом отношении проблемы, выдвинутые развитием страны ко времени революции 1848 г., не были решены.

Однако «порядок», который восторжествовал во Франции, был «порядком» иного плана, нежели «царство банкиров» при Июльской монархии. Новый режим не являлся непосредственным политическим господством «финансовой аристократии» или какого-либо иного слоя буржуазии. В известных пределах были созданы более благоприятные политические условия для экономического развития страны.

Кроме того, революция 1848 г. стала одним из важнейших этапов борьбы французской демократии за установление и упрочение республиканского строя, выявила остроту социальных проблем, которые требовали незамедлительного решения. Революция во многом изменила французское общество, и не учитывать этого фактора в своей политике новый режим — режим Второй империи — уже не мог.

Глава 13 РЕВОЛЮЦИЯ 1848—1849 гг. В ГЕРМАНИИ

Предпосылки и особенности. В германских землях к революции 1848 г. привели обострение социальных противоречий, потребность в демократизации, а также нерешенность национальной проблемы.

Самой общей предпосылкой революции являлись социальные последствия модернизации. Перенаселение, массовая бедность, исход крестьян из деревни и урбанизация, пролетаризация традиционных городских слоев — все это стало почвой для самых разных форм социального протеста, часто противоречивых по своему характеру и направленности. У едва начинавших сознавать собственные интересы рабочих требование освобождения труда сочеталось со стихийными разрушениями машин и стремлением вернуть цеховую защиту; крестьяне и ремесленники также чаще требовали возврата старого, чем перемен. В результате германская революция 1848 г. не стала выражением, в первую очередь, социальных требований, однако повышенный фон социальной активности и готовность к протесту являлись ее важной предпосылкой.

Главные причины революции лежали в политической и национальной сферах и воплощались ее самым популярным лозунгом «свобода и единство!». Немецкие либералы и демократы, имевшие опору прежде всего в буржуазных и мелкобуржуазных кругах, стремились к реализации заявленных в эпоху Предмарта требований — объединения Германии, введения конституционного устройства, гражданских свобод, усиления своих политических позиций.

Несмотря на то, что самым революционером «свобода» и «единство» казались единой целью, подобная двойственность главных задач революции и глубокие различия в их понимании чрезвычайно осложнили перспективы ее успеха. Другие особенности революции в Германии вытекали из факта ее раздробленности и расположения в центре Европы. Германская революция, как никакая другая, получала импульсы и пересекалась едва ли не со всеми революционными и национальными движениями 1848 г. — французским, итальянским, польским, датским, чешским, венгерским, румынским и югославянским. В самих германских землях события революции разыгрывались на трех главных аренах — в государствах «третьей Германии», в Пруссии и в монархии Габсбургов. Несмотря на свой незначительный политический вес, малые и средние государства Юга и Запада Германии (особенно Баден) в силу близости к Франции и наличия более глубокой либеральной и демократической традиции сыграли важную роль в ходе революции, выступив во многом ее катализатором. Однако ключевое значение имела позиция Пруссии, считавшейся в Германии оплотом консерватизма и реакции. Победа революции в Пруссии являлась обязательным условием ее дальнейшего развития; с Пруссией же в конечном итоге связывались и планы создания единой конституционной Германии. Монархия Габсбургов также влияла на ход революции в Германии решающим образом, но ее позиция диктовалась не столько собственно германской перспективой, сколько внутренними интересами многонациональной империи, находившейся на грани государственного краха.

Свою роль в ходе революции сыграло и положение германских государств в системе международных отношений. Прочие великие державы не хотели ни появления нового фактора силы в лице единой Германии, ни хаоса малых национальных государств в центре Европы в случае крушения Австрии и применяли меры от дипломатического давления до прямой военной интервенции.

Особенностью революции в Германии являлось также то, что она «оставилась перед тронами». Подобно германскому либерализму, выступившему главной политической силой в ходе революции, сама она отличалась умеренностью как в своих целях, не идя дальше требований конституционной монархии, так и в средствах. Несмотря на отдельные вооруженные выступления, главным орудием революционной борьбы являлись не баррикады, а петиции и деятельность парламентских учреждений. Радикальные демократические и социалистические течения, слабо представленные в таких учреждениях, находили выход во внепарламентских акциях, которые лишь вселяли страх перед «анархией» и укрепляли приверженность большей части немецкого общества легальным методам борьбы.

Как и в других европейских странах, непосредственные предпосылки революции были подготовлены «голодными сороковыми» и особенно неурожаями 1845—1846 гг. К 1847 г. голод и бедствия широких масс населения достигли своего пика. В Пруссии в 1847 г. смертность из-за голода выросла на 25%. Следствием стали голодные бунты, например, «картофельная революция» апреля 1847 г. в Берлине. Спусковым механизмом для накопившегося в обществе напряжения стали известия о февральской революции 1848 г. в Париже.

Революция в Пруссии. Начавшись на Юге и Западе, в течение марта волнения охватили всю Германию. Повсеместно выдвигались так называемые «мартовские требования»: введение конституции, ответственного министерства, свободы прессы, суда присяжных, созыва Национального собрания. Размах движения протеста вынудил власти пойти на быстрые уступки. Девятого марта великий герцог Бадена привел к власти либеральное правительство, его примеру последовали другие малые и средние государства, и вскоре «мартовские министерства» были учреждены практически по всей Германии. Благодаря исключительной скорости уступок волнения скоро улеглись, и потенциал революционного насилия в значительной степени остался не востребуемым.

Несколько иная ситуация сложилась в Пруссии. Ее ответ на вызов революции был неоднозначным, подобно тому как неоднозначным и даже контрастным являлся ее социально-политический облик: промышленная буржуазия западных рейнских районов выступала с либеральными требованиями, в то время как крестьянский и юнкерский Восток представлял собой оплот консерватизма. Однако, когда волнения, начавшись 6 марта в Рейнланде, докатились до Берлина, король Фридрих Вильгельм IV предпочел также пойти на уступки и согласился с «мартовскими требованиями». Хотя 18 марта из-за одного вооруженного инцидента в Берлине дело все же дошло до баррикадных боев и сотен убитых, в целом линия на уступки была выдержана достаточно последовательно. В последующие дни король вывел из столицы войска, пообещал превратить Пруссию в конституционное государство, назначил либеральное правительство во главе с рейнским промышленником Г.Л. Кампгаузеном и заявил о своей приверженности объединению Германии, символически обозначив это черно-красно-золотым бантом на своих одеждах — цветами единой и свободной Германии. На 1 мая были назначены выборы в прусское Национальное собрание, целью которого являлась выработка конституции; одновременно Фридрих Вильгельм IV признал легитимность созывавшегося с той же целью общегерманского парламента. Казалось, что революция в Пруссии одержала полную победу.

22 мая начало работу прусское Национальное собрание, состав и настроения внутри которого также вполне отражали социально-политические контрасты внутри Пруссии: довольно сильно левому крылу противостоял блок правых либералов с консерваторами. Собрание разработало конституцию, объявлявшую Пруссию конституционной монархией с двухпалатным парламентом

и ответственным перед ним правительством. Однако скоро левая часть Национального собрания, состоявшая из республиканцев и депутатов из низов, вступила в конфликт с королем, не желавшим признавать принцип народного суверенитета и отдавать контроль над армией. 14 июня левые устроили штурм берлинского цейхгауза под лозунгом всеобщего вооружения народа. В результате беспорядков правительство Кампгаузена ушло в отставку. Через полтора месяца все та же проблема контроля над армией оказалась причиной отставки и второго либерального кабинета во главе с Р. Ауэрвальдом.

Между тем к концу лета — началу осени 1848 г. оправившись от революционного шока и все более активно стали заявлять о себе и консервативные силы, позиции которых в Пруссии оставались по-прежнему очень мощными. С одной стороны, происходила их самоорганизация в союзы и объединения, одним из самых известных среди которых являлось «Объединение в защиту интересов землевладельцев», созданное в августе по инициативе тогда мало кому известного О. Бисмарка и прозванное современниками «юнкерским парламентом». С другой стороны, как о все более важной политической силе заявляла о себе армия, в глазах многих вновь проявившая себя как важнейший гарант и хранитель прусской государственности. Уже подавление в апреле 1848 г. волнений в польских регионах Пруссии и тем самым сохранение ее целостности способствовало росту авторитета армии. Однако еще больше он возрос в связи с войной с Данией, в которой Пруссия в лице своей армии смогла выступить в роли защитницы национальных интересов всей Германии.

Стремясь предотвратить революционный катаклизм, а также обеспечить наследные права своим дочерям (в отличие от Дании, действовавшее в Шлезвиге и Гольштейне салическое право не допускало наследование по женской линии, а сыновей король не имел), король Дании Фредерик VII в марте 1848 г. попытался дать стране новую конституцию, превращавшую ее в либеральное конституционное государство, но одновременно ликвидировавшую автономный статус герцогства Шлезвиг, населенного преимущественно немцами, но не входившего в Германский союз и связанного с Данией династической унией. В Шлезвиг были введены датские войска, но созданное там немцами временное правительство обратилось за помощью к Пруссии. 23 апреля прусские войска разбили немногочисленные датские вооруженные силы и оккупировали часть территории Дании, оставшись там до конца лета.

В сентябре при прусском дворе был разработан секретный план по окончательному свертыванию завоеваний революции, предусматривавший сначала создание переходного правительства во главе с консервативным премьером, затем перенос заседаний Национального собрания из Берлина в провинцию и, наконец, его роспуск. Армии при этом отводилась роль не только собственно военной, но и политической силы. Группировку войск в районе Берлина возглавил популярный генерал Ф. Врангель, отличившийся в войне с Данией; проводилась активная пропагандистская кампания, взывавшая к традиционным прусским ценностям, порядку, верности монарху. Мгновенно разошелся удачно найденный лозунг: «Против демократов помогут лишь солдаты».

На этом фоне происходило обострение обстановки в Берлине, достигшее высшей точки ко второй половине октября. Левые в Национальном собрании по-прежнему настаивали на идее народного суверенитета и всеобщем вооружении народа. Радикализации настроений способствовали и известия о восстании горожан в Вене. 31 октября правое большинство прусского Национального собрания высказалось против оказания помощи восставшим в Вене, что привело к беспорядкам в Берлине. В этой обстановке 2 ноября 1848 г. новым премьером был назначен консервативный политик граф Ф. В. фон Бранденбург,

дядя короля, вскоре доведший тайные планы двора до реализации: для пресечения беспорядков в Берлин вводились войска, заседания парламента были отсрочены, а затем перенесены в Бранденбург — оплот юнкерства. 5 декабря парламент был окончательно распущен и провозглашена октроированная (дарованная сверху) конституция. Произошел государственный переворот, который завершил революцию в Пруссии.

Франкфуртское Национальное собрание. Важнейшим событием революции 1848 г. на общегерманском уровне была деятельность Франкфуртского Национального собрания. По своему происхождению Национальное собрание являлось порождением революции — первоначальное решение о его созыве принимали не прежние власти в лице правительств отдельных государств или органов Германского союза, а собрание лидеров оппозиции, договорившихся о созыве 31 марта так называемого Предпарламента, который должен был подготовить условия для деятельности первого в истории общегерманского парламента. Одновременно Франкфуртское собрание рассматривалось и как средство завершения революции. Именно парламент, собравший лучших представителей нации, должен был осуществить ее главную цель — создать новую Германию, единую и свободную.

По поводу облика этой новой Германии сохранялись разногласия. В апреле известный радикальный республиканец Г. Штруве, не согласный с принятым Предпарламентом курсом на конституционную монархию, поднял в Бадене восстание. Однако подобные методы резко контрастировали с желанием большей части оппозиции убраться революцию с улиц и в дальнейшем лишь осложнили сотрудничество демократов и либералов в рамках парламента.

Национальное собрание начинало свою деятельность в исключительно благоприятный момент. Консервативные силы были парализованы шоком революции, повсеместно в Германии у власти находились либеральные «мартовские министерства», Союзный Сейм отменил все реакционные законы Германского союза и оказывал поддержку при выборах в Национальное собрание.

Предпарламент принял решение о всеобщих и равных выборах в Национальное собрание, в которых имели право принять участие экономически самостоятельные мужчины старше 20 лет. Все иные условия выборов (тайные или открытые, косвенные или прямые, кого считать «самостоятельными» и т.д.) оставались на усмотрение отдельных государств. В целом избирательные права получило около 85% взрослых мужчин, участие которых в выборах в итоге варьировалось от 40% в Саксонии до 80% в Вюртемберге.

Парламент начал свою деятельность 18 мая 1848 г. во Франкфурте — городе, где избирались императоры Священной Римской империи и собирався Союзный Сейм Германского союза. Поскольку в городе не оказалось достаточно вместительного зала, заседания проходили в церкви Св. Павла (Паульскирхе), орган которой был завешен огромной картиной Ф. Вейта, изображавшей деву-Германию с мечом и черно-красно-золотым триколором. В состав парламента вошли 4 ремесленника, один крестьянин и ни одного рабочего. Собственно депутатами было избрано 585 человек, но т.к. во многих округах одновременно избирались и их заместители, общее количество членов парламента превышало 800 человек. Из них большую группу свыше 400 человек составляли служащие, около 100 являлись предпринимателями, значительным было представительство лиц свободных профессий. Свое прозвище «профессорский парламент» Национальное собрание получило не только потому, что 550 его членов обладали университетскими дипломами, но и в силу активности участвовавших в нем более сотни профессоров, которые практически по всем вопросам играли ведущую роль. Председателем парламента стал умеренный либерал Г. фон Гагерн (1799–1880).

При выборах в Национальное собрание не существовало каких-либо партий или политических объединений, каждый депутат считался выражающим лишь свои личные взгляды. В ходе деятельности парламента сформировались фракции, получившие наименования по названиям отелей, в которые стали съезжаться их представители. Крупнейшей являлась фракция «Казино» — либерального центра, от которого вправо и влево расходились другие фракции. В отличие от прусского Национального собрания, в Паульскирхе не было столь выраженной поляризации правых и левых. Этому способствовало как наличие сильного центра с переходными «правым» и «левым» крыльями, так и отсутствие крайностей на флангах: консерваторы были представлены лишь своей умеренной частью, не попали в парламент социалисты и другие радикальные группы. Около трети депутатов оставались вне фракций.

С самого начала слабостью парламента являлось отсутствие реальных рычагов власти. Выстраиванию отношений со считавшимися уже почти отжившими отдельными государствами уделялось недостаточное внимание, собственную исполнительную власть удалось создать лишь частично. В качестве временной власти Национальное собрание в июле учредило пост имперского наместника, на который был избран австрийский эрцгерцог Иоганн (1782—1859), как Габсбург и младший брат последнего императора Священной римской империи воплощавший германские имперские традиции и одновременно популярный в народе из-за своей женитьбы на дочери почтмейстера. Также создавалось временное общегерманское правительство, однако реальная власть оставалась в руках отдельных государств. Лишь несколько небольших государств последовали требованию временного правительства о присяге войск Иоганну и поднятии черно-красно-золотого флага, остальные же отказались, в том числе ссылаясь на категорически отрицательную позицию Пруссии. Парламент не располагал и самостоятельными источниками финансирования, целиком завися от нерегулярных выплат отдельных государств. Также не удалось добиться и внешнего признания. Все надежды связывались с либеральной Англией и революционной Францией, однако обозначившиеся контуры гигантской империи в центре Европы заставили их проявить сдержанность. В результате новую власть в Германии признали США, Швейцария, Нидерланды, Бельгия, Неаполь, Сардиния и Греция, но ни одна из великих держав, что негативно сказалось на авторитете центральной власти и перспективах создания единой Германии.

Невзирая на это, Национальное собрание поставило перед собой цель решения основных задач, стоявших перед Германией. Социальные и экономические проблемы на первом плане не стояли: заявление парламента о необходимости уничтожения всех видов феодальной зависимости прозвучало лишь в самой общей форме, в рабочем вопросе он ограничился введением 10-часового рабочего дня на некоторых заводах. Главной же целью парламентариев оставалось осуществление лозунга «свобода и единство», создание единой свободной Германии.

В том, что касалось «свободы» в смысле гражданских прав, Национальное собрание достигло больших успехов. Отталкиваясь от американского и французских конституционных образцов, парламент разработал «Основные права немецкого народа» (приняты 27 декабря 1848 г.), включавшие в себя широкий перечень прав личности — ее неприкосновенность, свободу мнения, свободу передвижения, неприкосновенность жилища и собственности, свободу собраний, свободу совести, равенство перед законом и т.д. Документ оказался разработанным настолько тщательно, что в дальнейшем послужил основой для последующих германских конституций 1919 и 1949 гг.

Однако в попытках разрешить проблему политического облика будущей Германии парламент встретился с огромными трудностями. С одной стороны,

представления либералов о конституционной монархии столкнулись с требованиями республиканского устройства со стороны демократов. Еще более сложным оказался вопрос о границах будущей Германии.

В принципе общим ориентиром служили границы Германского союза. Однако уже Предпарламент фактически предопределил выход за их пределы, допустив выборы депутатов Национального собрания жителями Шлезвига и тех частей Пруссии, которые не входили в Союз. В ходе дебатов очень скоро выяснилось, что большинство парламента было не готово руководствоваться в выборе границ каким-то одним принципиальным подходом, а скорее следовало максиме «здорового национального эгоизма», предложенной одним из депутатов. Так, в случае Шлезвига с его немецким большинством депутаты выдвигали на первый план языковой критерий, пренебрегая его нахождением вне границ Германского союза, однако именно на основании этих границ требовали оставить в составе Германии Южный Тироль, невзирая на факт преобладания там итальянцев. Особенно же показательной являлась позиция по польскому вопросу. Три предшествующих десятилетия восстановление независимости Польши было одним из основных требований немецких либералов и демократов. Однако, когда дело дошло до решений, зазвучали речи о принадлежности польских земель Германии «по праву более сильного» и о «цивилизаторской миссии» немцев. В итоге при решающем голосовании подавляющее большинство парламента сказало польской независимости «нет».

Самой же сложной оказалась проблема Австрии. С самого начала большинство депутатов склонялось к умеренному «великогерманскому» варианту, требуя включить в состав будущей Германии те ее земли, которые входили в Германский союз, т.е. немецкие провинции и Богемию. Им противостояли те «великогерманцы», которые являлись сторонниками включения в новое государство всей монархии Габсбургов. Они рисовали облик возникшей бы в этом случае под германским руководством Срединной Европы — гигантской империи от Черного до Северного моря, которая позволила бы немцам диктовать свою волю Европе и миру. Однако включение многочисленных не немецких народов отрицало саму идею создававшегося в Паульскирхе национального государства, и подобные планы не нашли широкой поддержки. Наконец, существовала и немногочисленная группа депутатов-«малогерманцев», предлагавших вообще исключить монархию Габсбургов из Германии и создавать новое государство под руководством Пруссии.

Дебаты по поводу облика будущей Германии значительно осложнили работу парламента. Затормозила разработка конституции, поскольку возникли трудности с определением ее адреса — не только государства, но и гражданина — что следует считать «Германией» и кого следует считать «немцем»? Идеологические установки смешались с национальными, рождая иногда удивительные союзы, как, например, альянс части демократов с католиками-консерваторами на «великогерманской» основе. Между тем политическая обстановка за стенами Паульскирхе существенно изменилась.

Крах Паульскирхе и поражение революции. В сентябре 1848 г. Национальное собрание пережило тяжелый кризис в связи с продолжавшейся войной с Данией. Под давлением Англии и России, опасавшихся за режим судоходства на Балтике, Пруссия вывела свои войска из Северного Шлезвига и 26 августа заключила перемирие в Мальме. В Паульскирхе известие об этом прозвучало подобно разрыву бомбы. Воспринимаемая война с Данией как дело всей Германии и считая себя единственным выразителем общегерманских интересов, депутаты были глубоко возмущены односторонними действиями Пруссии, предпринятыми без всякого их согласия. К тому же, еще не создав единой Германии, в

своих дебатах они уже успели привыкнуть судить обо всем с ее позиций — позиций мощной великой державы — и сочли внешний диктат покушением на ее «честь». Эти настроения разделялись и обществом, что, в частности, проявилось в широкой поддержке идеи создания военного флота. Готовя Германию к ее будущей роли великой державы, немцы жертвовали на строительство флота деньги и материалы, создавали объединения и комитеты, а первой испытать на себе его мощь должна была именно Дания, блокировавшая своими кораблями немецкое побережье Балтики и Северного моря.

Столкновение с реальностью оказалось очень жестким. В начале сентября парламент наложил вето на решение Пруссии — и уже через неделю был вынужден его снять и согласиться на перемирие. Выяснилось, что из-за отсутствия у Франкфуртского собрания собственных войск и невозможности подчинить себе армии отдельных государств продолжать войну с Данией просто некому. Вместе с тем отказ от вето не только продемонстрировал полное бессилие Национального собрания, но и в глазах националистического общественного мнения делал его соучастником «предательства» интересов Германии. По всей Германии прокатились волнения, результатом которых во Франкфурте стало убийство двух депутатов Паульскирхе. В Бадене Г. Штруве поднял новое восстание и 21 сентября даже провозгласил Германскую республику, однако был арестован. В целом авторитет Национального собрания резко упал.

Между тем позиции Австрии и Пруссии, двух традиционно главных факторов силы в Германии, в течение осени 1848 г. существенно укрепились. В конце октября Национальное собрание сформулировало так называемый «вопрос к Австрии», т. е. предложения о ее будущей роли в Германии, выдержанное в умеренно «великогерманских» тонах: во главе объединенной Германии становятся Габсбурги, принесся с собой, однако, только свои германские территории и сохранения связь с остальными лишь в форме личной унии. Против ожиданий депутатов окрепшая Австрия 27 ноября отвергла эти предложения, по сути, отрицавшие ее государственность.

После отказа Австрии стали ослабевать позиции «великогерманцев» в парламенте и правительстве. На посту премьер-министра «великогерманца» А. Шмерлинга сменил Тагерн, предложивший тот вариант «малогерманского» объединения, на который опирались многие последующие планы и который, в конечном счете, отчасти стал реальностью — идею «узкого» и «широкого» союзов. Германия должна была объединиться в «узком» составе, т. е. без участия Австрии, но немедленно вступить с ней в союзные отношения, образовав, таким образом, «широкий» союз. Тем не менее вплоть до начала весны 1849 г. «великогерманская» идея находила в стенах Паульскирхе достаточно сторонников. Решающий поворот произошел, когда 9 марта австрийский премьер Ф. Шварценберг потребовал включить в состав будущей Германии всю империю Габсбургов. После отказа парламента он отозвал из него австрийских депутатов, результатом чего стало не только значительное сокращение его численности, но и падение престижа парламента в среде многочисленных сторонников Австрии на Западе и Юге Германии.

28 марта была принята конституция, по которой Германская империя объявлялась федерацией конституционных монархий, во главе которой также стоял конституционный монарх. Создавался общегерманский парламент, нижняя палата которого — рейхстаг — должна была избираться на основе всеобщего избирательного права, а верхняя комплектоваться наполовину из представителей парламентов отдельных земель, наполовину — из членов их правительств. Конституцию признали 29 малых и часть средних государств, однако не приняли ключевые страны — Австрия, Пруссия, а также королевства Бавария, Саксония и Ганновер.

К этому времени перед Паульскирхе фактически оставался лишь «малогерманский» путь, но и он оказался в итоге непроходимым. 3 апреля 1849 г. специальная делегация депутатов Национального собрания предложила прусскому королю корону императора объединенной Германии. Однако Фридрих Вильгельм IV, уже не считавший нужным скрывать свои легитимистские взгляды и давно выбросивший черно-красно-золотой бант, отказался принимать из рук революционного парламента корону — этот «собачий ошейник, которым меня хотят привязать к революции». После этого Национальное собрание потеряло всякие возможности для реализации своих решений, и его крах был лишь вопросом времени. Пруссия, а вслед за ней многие другие государства отозвали своих депутатов.

Тем не менее левые смогли организовать в значительной части Германии движение за признание конституции. Одним из его центров стала Саксония, в которой отказ короля признать конституцию привел 3 мая к Дрезденскому восстанию и провозглашению республики. Одним из руководителей восстания был М.А. Бакунин. Король бежал и призвал на помощь прусские войска, которые после ожесточенных баррикадных боев сумели подавить восстание. Прусские же войска под командой «картечного принца» — будущего первого императора Германской империи Вильгельма — в июне подавили третье за время революции и последнее восстание в Бадене, начавшееся с провозглашения республики. Восстания также произошли в баварском Пфальце и прусской Вестфалии.

Тем временем остатки парламента, состоявшего по преимуществу из левых демократов, переехали в Штутгарт, где 18 июня он был окончательно распущен решением местных властей. Революция в Германии закончилась.

Общественно-политическое развитие. Продлившись чуть больше года, германская революция 1848—1849 гг., тем не менее стала мощным толчком политизации немецкого общества. Одним из важнейших ее инструментов являлась пресса, переживавшая в связи с отменой цензуры бурный подъем. Количество газет за считанные месяцы возросло почти вдвое — с 940 в 1847 г. до 1700 в 1848 г. Наиболее известными изданиями были либеральные «Кельнише Цайтунг» и «Дойче Цайтунг», консервативная «Нойе Проишише Цайтунг», а также радикально-демократическая «Нойе Райнише Цайтунг» К. Маркса. Однако газеты являлись лишь вершиной огромного количества прочей печатной продукции — листовок, плакатов, лубков и т.д. Политизации способствовали также революционная лирика и песни, переживавшие период расцвета. В результате с политическими идеями так или иначе соприкоснулись даже традиционно аполитичные социальные группы, в том числе женщины. Их участие в революции по большей части ограничивалось шитьем знамен и ношением черно-красно-золотых цветов, однако в 1849 г. появилась и «Женская газета» — одно из первых политических печатных изданий, предназначенных для женщин.

Особенно важным орудием политизации стала деятельность разного рода объединений, по количеству и разнообразию не имевшая равных ни в одной другой революционной стране. Культура ферейнов, до революции не допускавшихся на политическую почву, теперь превратилась в питательную среду для тех пяти направлений, которые в дальнейшем определяли политическое лицо Германии — демократов, социалистов, либералов, консерваторов и католиков. Наиболее многочисленными являлись ферейны демократов, количество которых доходило до 1500, а число членов — до 750 тыс. Католики организовали около 500 ферейнов, консерваторы — около 300, либералы — около 250. В целом политические объединения разных уровней и направлений включали в себя до 5—10% мужского населения Германии, учитывая немцев Австрии.

Одним из самых значимых результатов революции являлась необратимая политизация рабочих. Они представляли собой чрезвычайно разнородную со-

циальную группу, далеко не всегда выдвигавшую прогрессивные требования. Так, в июле 1848 г. съезд ремесленников потребовал проведения социально-консервативных реформ, одной из которых должно было стать восстановление цехов. С другой стороны, требования самого крупного объединения рабочих — созданного под руководством наборщика Ш. Борна в сентябре 1848 г. «Всеобщего германского рабочего братства» — отражали интересы наемных рабочих промышленной эпохи: фиксация минимальной заработной платы, ограничение рабочего дня, создание министерства труда. К весне 1849 г. эта организация насчитывала уже 170 местных ферейнов общей численностью 15 000 человек, став первым межрегиональным объединением германского рабочего класса. Свои цели его члены намеревались осуществить путем реформ и петиций, в частности, добываясь сотрудничества с Франкфуртским парламентом. Главное же значение для развития немецкого рабочего движения следующих десятилетий имела деятельность К. Маркса. Однако программа классовой борьбы пролетариата, изложенная Марксом в «Манифесте Коммунистической партии» 1848 г., являлась скорее заявкой на будущее, чем откликом на непосредственные интересы полуремесленных рабочих Германии эпохи революции. По этой же причине не получила существенной поддержки в революции деятельность основанного Марксом в 1847 г. «Союза коммунистов», самое значительное кельнское отделение которого насчитывало лишь около 20 человек.

Хотя рабочие не были широко представлены практически ни в каких парламентских органах, некоторые их требования разделялись демократами — более широким течением, заявлявшим о себе, как о партии народа. Исходя из принципа народного суверенитета, они выступали за парламентскую республику, являлись противниками партикуляризма, но одновременно именно в их среде особенно сильными были националистические настроения. Настаивая на принципе равенства, некоторые демократы не ограничивали его только собственно политической сферой, в частности, требованием всеобщего избирательного права, но и распространяли его на социальные отношения, выступая за введение прогрессивного налога, охрану труда и т.д. В июне 1848 г. во Франкфурте состоялся первый конгресс демократов, выдвинувший задачу создания общегерманской партии. Однако кризис вокруг Шлезвига и дальнейшее наступление антиреволюционных сил все чаще заставляли демократов прибегать к насильственным внепарламентским акциям, что затрудняло их сотрудничество с либералами и вело к расколу революционного лагеря.

Несмотря на то, что именно либералы являлись идейными и политическими лидерами революции 1848 г., они менее всех стремились к массовой поддержке своей программы, считая, что политика не является делом народа. Тем не менее их самая крупная организация «Национальное объединение» к весне 1849 г. насчитывала 160 местных отделений. Из специфики их промежуточного положения между правыми и левыми вытекали постоянные колебания, причем каждое проявление «хаоса» и «власти толпы» — июньское восстание в Париже, сентябрьские волнения во Франкфурте, октябрьское восстание в Вене — являлось для них аргументом в пользу сближения с традиционными властями как с меньшим злом.

В отличие от либералов консерваторы в гораздо большей степени искали опоры в народе, особенно в Пруссии. Лозунг «за короля и отечество» по-прежнему находил широкий отклик в деревне, в средних городских слоях, позволяя создавать многочисленные ферейны. Консерваторы также старались централизовать эти организации. Например, «Генеральный комитет конституционно-монархических союзов» включал в себя до 200 местных ферейнов. В их создании активную роль играло местное протестантское духовенство. В свою

очередь, консолидировались и католики. Так называемые «ферейны Пия» включали в себя до 100 тыс. человек. В октябре 1848 г. в Майнце состоялся собрание представителей католических ферейнов — фактически первый съезд германских католиков. Главным средством осуществления своих интересов католики считали петиции — около 90% поданных Франкфуртскому собранию петиций принадлежало именно им.

В целом пробуждение интереса к политике и проявленная в революцию 1848 г. организационная активность представителей различных направлений стала важной предпосылкой для последующего возникновения соответствующих партий.

Итоги революции. С точки зрения реализации своих главных задач германская революция 1848—1849 гг. потерпела поражение. Германия не превратилась в единое конституционное государство. С одной стороны, причиной тому стала прочность традиционных социальных и политических структур, устоявших перед ударом революции. Оправившись от первого шока, короли и князья довольно быстро вернули в свои руки реальную власть, опираясь при этом не только на оставшуюся верной армию, но и на настроения значительной части населения. С другой стороны, недостаточно мощным для победы оказался и революционный лагерь. Составлявшие его силы являлись временными союзниками, разделявшимися существенными противоречиями. Активность низов, позволившая либеральным буржуазным кругам добиться значительных успехов на начальном этапе революции, одновременно поставила крайне нежелательные для них проблемы политического равенства и социальной справедливости. Раскол либералов и демократов стал одной из главных причин слабости революционного лагеря.

Не менее важной являлась национальная проблема. На идеологические разногласия накладывалось разное видение облика будущего национального государства. Сильны были и партикуляристские настроения, приводившие, в частности, к уличным столкновениям в Берлине между обладателями кокард черно-белых «пруссских» и черно-красно-золотых «германских» цветов. Все это делало одновременное достижение обеих целей революции — «свободы» и «единства» мало реальным.

Международный аспект создания национального государства также нес в себе множество проблем. Начало революции приветствовалось как «весна народов», как реализация давней идеи европейских либералов и демократов о превращении «Европы королей» в «Европу наций», в которой не будет места деспотизму, национальному угнетению и войнам. Однако реальностью стал «национальный эгоизм», отказ считаться с национальными интересами прочих народов и претензии на национальное превосходство. Проводя подобные решения, депутаты Паульскирхе часто оперировали аргументами силы, не пугаясь и перспективы войны. Широкой популярностью пользовалась идея войны против «русских варваров» как «огненного крещения» немецкой нации. Дело не ограничивалось лишь громкими речами в парламенте. Г. фон Арним-Зуков, министр иностранных дел в либеральном «мартовском министерстве» в Пруссии, перешел к дипломатическим шагам по подготовке войны с Россией, но не сумел добиться поддержки Франции. Попытка перенести долго сдерживаемые национальные эмоции и мечты непосредственно в политическую сферу могла обернуться европейской катастрофой.

Другие причины поражения были связаны с политической данностью раздробленности Германии. У революции отсутствовал единый центр, по сути, речь шла о цепи революций в отдельных государствах. Попытки Франкфуртского собрания создать общегерманские институты власти осложнялись сопротивле-

нием князей, а также борьбой Австрии и Пруссии за преобладание в Германии. Раздробленность же предопределила двойственность задач революции, одновременно решить которые было чрезвычайно сложно. В целом условий для победы революции оказалось недостаточно.

Двойственными являлись и итоги революции. С одной стороны, частично сохранились ее успехи в отдельных сферах. В ряде стран так или иначе упразднились еще сохранявшиеся феодальные пережитки в деревне, учреждались суды присяжных, более свободной стала пресса. Конституции, хотя и ограниченные, вводились практически во всех германских государствах, где их раньше не было. Особенно важным с точки зрения перспектив германского объединения являлось появление конституции в Пруссии. С другой стороны, поражение революции нанесло либерализму и демократии в Германии удар, от которого на протяжении следующих десятилетий они так и не смогли оправиться. Пессимизм и разочарование выразились, в частности, в резком усилении эмиграции в США, где немецкие «Forty-Eighters» стали заметным явлением в общественной жизни. В период с 1849 по 1854 г. эмигрировало 1,1 млн человек из 46-миллионного населения Германии. Только из Бадена в Америку уехало около 5% населения. Еще важнее были выводы из революции, сделанные либералами, оставшимися в Германии: «свобода» и «единство» перестали казаться двуединой задачей, причем первое безусловно уступило приоритет второму. Значительная часть либералов отныне была готова пожертвовать своими принципиальными установками и пойти на компромисс с существующим государством во имя достижения национального единства.

Напротив, позиции консервативных сил и военных значительно укрепились. В глазах общественного мнения либералы и демократы оказались дискредитированными событиями революции 1848 г., которая надолго вошла в общественное сознание как «безумный год». Свою роль сыграла в этом и деятельность Паульскирхе. Бесконечные дебаты, академический стиль и практическое бессилие «профессорского парламента» стали одной из причин недоверия к парламентаризму, утвердившегося в политической культуре Германии на многие десятилетия.

Глава 14 РЕВОЛЮЦИЯ 1848 г. В ИМПЕРИИ ГАБСБУРГОВ

Причины и особенности революции. Как и в германских землях, к революции 1848 г. в Австрийской империи привели обострение социальных противоречий, потребность в либерализации политической системы и нерешенность национальной проблемы. Однако содержание этих проблем было существенно иным.

Социальный подтекст революции в австрийском случае являлся гораздо более выраженным в связи с нерешенностью крестьянского вопроса. Австрия оставалась аграрной страной, в которой большая часть крестьянства по-прежнему несла различные формы личной и поземельной зависимости от землевладельцев. Рабочие, больше похожие на полуремесленников, концентрировались в немногочисленных промышленных центрах на западе империи, в которых сосредоточивались и политически активные буржуазные круги. Освобождение крестьян от личной и поземельной зависимости, являвшееся главной социальной задачей революции, тем не менее не стало ее подлинным двигателем: быстрое провозглашение аграрной реформы во время революции заставило крестьян, за некоторыми исключениями, отойти от политики. Поэтому революционное движение в Австрийской империи имело по преимуществу городскую характер.

Стремление к политической либерализации, крайне насущное в условиях реакционной «системы Меттерниха», в монархии Габсбургов также имело свои особенности. За исключением Венгрии, здесь отсутствовало широкое либеральное и демократическое движение накануне революции, подобное германскому Предмарту. Выдвигавшиеся требования были еще более умеренными, чем в германских странах, однако их реализация, учитывая крайне консервативный характер существовавшей системы, носила подлинно революционный характер и воспринималась как таковая. Как и в случае с Германией, большое значение для хода и результатов революции имела специфика международного положения Австрии: если в первом случае в Европе опасались непрогнозируемых последствий появления новой великой державы, то во втором — распада уже существующей.

Главную специфику революции 1848 г. в Австрии составила национальная проблема. Февральская революция во Франции произвела в монархии Габсбургов своеобразный «эффект домино», вызвавший к жизни множество местных национальных центров революции. Национальные требования народов Австрийской империи, вступая в различные сочетания с политическими и социальными, приходили в конфликты или, напротив, стимулировали друг друга, создавая пеструю и противоречивую картину. В отличие от других стран, революция бросила вызов не просто политическому устройству, а самому существованию Австрии как государства.

Как и повсюду, непосредственно революции предшествовал аграрный и экономический кризис. Неурожай 1845—1846 гг. резко ухудшили общую экономическую ситуацию. Многочисленные банкротства, рост безработицы, дороговизна — все это до крайности обострило ситуацию в городе. Осенью 1847 г. по Австрии прокатилась волна голодных бунтов.

Постепенно накалялась и политическая ситуация. Неспособный к самостоятельному правлению император слабо годился на роль интегрирующей фигуры для своих многочисленных народов, а между тем династическая составляющая австрийской государственности всегда была особенно важной. Государственная конференция — своеобразный регентский совет при императоре

ре — раздиралась внутренними противоречиями, усиливавшимися по мере постепенной утраты Меттернихом ведущих позиций в этом органе. Вместе с тем, в глазах широкой публики некогда всемогущий канцлер являлся объектом всеобщей ненависти, воплощением реакции и деспотизма, что также не добавляло власти популярности.

Копившееся внутри страны недовольство подогревалось и внешними событиями. Восстание 1846 г. в «вольном городе» Кракове, закончившееся его присоединением к Австрии, нашло отклик в волнениях в австрийской Галиции и было чревато обострением польского вопроса. В Ломбардо-Венецианском королевстве с февраля 1848 г. шли стычки местного населения с австрийскими солдатами. И все же решающий революционный импульс пришел в Австрию из Парижа.

Венская революция. На известия о революции в Париже жители немецких провинций Австрии откликнулись подачей петиций с предложениями расширения полномочий ландтагов. Основным центром подачи петиций стал ландтаг Нижней Австрии, открытие сессии которого было назначено на 13 марта. В этот день перед зданием ландтага в центре Вены собралась огромная толпа. При попытке подать очередную петицию власть применила силу, а горожане в ответ начали строить баррикады. Так началась австрийская революция.

Первоначально безоговорочно доминировали требования либерализации политической системы, в то время как проблема будущего монархии Габсбургов как многонационального государства мало осознавалась. Ее фактически ставили лишь студенты, требуя аншлюса (присоединения) немецких провинций Австрии к создававшейся единой Германии. Символическим обозначением этих требований стал черно-красно-золотой флаг, вставленный студентами в руки статуи Иосифа II перед зданием Национальной библиотеки — жест вдвойне символичный, если учесть, что по случайному совпадению революция началась в день рождения императора, имевшего славу «немецкого кайзера». По преимуществу же восставшие выдвигали требования политических свобод или просто находили выход своему недовольству тяжелыми жизненными условиями. Последнее касалось прежде всего городской бедноты. Наряду со студентами именно рабочие из венских предместий составили главную ударную силу австрийской революции. Однако их протест по большей части не был политически осознанным и проявлялся главным образом в насильственных действиях — погромах магазинов и особенно в «штурме машин» — разрушении оборудования венских фабрик. Подобные архаичные формы протеста вполне соответствовали социальному облику венских рабочих, вчерашних крестьян и ремесленников.

Несмотря на то, что в остальных городах немецкой части Австрии в целом сохранялось спокойствие, перед лицом беспорядков в Вене власти пошли на быстрые уступки. Если не самой важной, то самой громкой среди них была отставка Меттерниха, известие о которой стало сенсацией в Европе, вдохновившей революционеров не в одной только Австрии. 14–15 марта последовали дальнейшие уступки — выведены войска из Вены, обещана конституция, отменена цензура. Созданная на основе имущественного и образовательного ценза Национальная гвардия и студенческий Академический легион немедленно занялись восстановлением порядка, выступив против своих вчерашних союзников — рабочих.

Хотя в Вене, как и в прочих столицах Германского союза, революционный порыв был погашен с помощью быстрых уступок, их реальный масштаб существенно различался. Так, назначенное 17 марта новое правительство Ф. Коловрата не было подлинным аналогом либеральных «мартовских министерств» северных соседей Австрии. Конституция, разработанная по бельгийскому образцу

единственным либералом в правительстве Ф. Пиллерсдорфом, являлась также весьма умеренной. Она предусматривала двухпалатный рейхстаг, нижняя палата которого избиралась на основе имущественного ценза, а верхняя включала в себя крупных земельных собственников и принцев дома Габсбургов. К тому же конституция не принималась парламентским органом, а 25 апреля была просто спущена «сверху». Все это вновь вызвало массовые недовольства, под давлением которых 4 мая старый кабинет ушел в отставку, а новый возглавил Пиллерсдорф. Однако опубликованный новым правительством избирательный закон, вводивший двухстепенные выборы, а также попытка распустить только что созданный Центральный комитет Национальной гвардии вновь привели к обострению. 15 мая состоялась демонстрация и подача петиции с требованиями официального признания Центрального комитета, введения всеобщего избирательного права, отмены пиллерсдорфской конституции. Правительство вновь пошло на уступки: конституция объявлялась временной, постоянную же надлежало разработать рейхстагу, который отныне должен был быть однопалатным. Однако одновременно император Фердинанд бежал со всем двором в традиционно верный Габсбургам Тироль. 26 мая восставшие учредили Комитет общественной безопасности во главе с врачом А. Фишхофом, по сути, создав ситуацию двоевластия.

События второй половины мая стали важным этапом в развитии революции. Как и в других странах, затронутых революцией, происходил раскол в среде революционеров, однако в Австрии он имел свою специфику. С одной стороны, как и повсюду, умеренные либеральные круги опасались возросшего радикализма «улицы» и считали необходимым удовлетвориться достигнутым. С другой стороны, водоразделом служило отношение к национальной проблеме и будущему монархии Габсбургов как таковому. В мае впервые обозначилась угроза ее распада, что также толкало участников революции к политическому самоопределению: если либералы в своем большинстве являлись «черно-желтыми», т. е. сторонниками сохранения единства империи, то многие «черно-красно-золотые» демократы ощущали себя в первую очередь немцами. Майские события отдали инициативу в руки демократов, располагавших теперь органом власти в лице Комитета общественной безопасности. Однако контролировать столицу еще не означало контролировать страну — и это доказал открывшийся 22 июля рейхстаг, первый демократически избранный представительный орган в истории Австрии.

Добившись в начале июня расширения избирательного права, демократы фактически оказались его заложниками, поскольку существовавшие в монархии Габсбургов социальные и национальные пропорции были не в их пользу. В отсутствие представителей от охваченных революцией Венгрии и Ломбардо-Венецианского королевства около половины депутатов в национальном отношении являлись славянами, никак не планировавшими связать свое будущее с Германской империей. Политически преобладали либералы и умеренные консерваторы, что еще раз ясно продемонстрировало различие настроений в Вене и в остальной стране. Широко представленными оказались крестьяне, что соответствовало их действительному месту в социальной структуре страны. Итогом подобной расстановки сил стало то, что своей первоочередной задачей рейхстаг видел не дальнейшую демократизацию политической системы, как того хотелось фракции демократов во главе с Фишхофом, а решение аграрного вопроса.

В аграрной Австрии принципиальное значение для судьбы революции имела позиция крестьянства. Уже через 2 дня после открытия рейхстага Г. Кудлих, студент, сын силезского крестьянина и самый молодой из 383 депутатов парламента, внес проект, который в дальнейшем послужил основой для полного ос-

вобождения крестьян в монархии Габсбургов. 31 августа парламент принял решение о безвозмездной отмене всех повинностей крестьян, вытекавших из их личной зависимости. Земля подлежала выкупу по рыночной стоимости, треть которого выплачивал сам крестьянин, треть государство, а от выплаты оставшейся трети помещик отказывался. Для дальнейшего хода революции было принципиально важным, что освобождение крестьян произошло в форме указа кайзера Фердинанда от 7 сентября 1848 г. В результате крестьяне не только не поддержали революцию, но и стали той социальной силой, на которую власть могла опереться в борьбе против нее.

Вслед за либеральной буржуазией и крестьянами демократический авангард революции скоро потерял и рабочих. Правительство стремилось снизить социальную напряженность в Вене, организовав в мае министерство общественных работ, сумевшее занять около 20 тыс. венских безработных на земляных работах и благоустройстве. Однако из-за экономических трудностей в августе 1848 г. выплаты им были урезаны, что привело к массовым выступлениям рабочих. Подавлением этих выступлений вновь занялась Национальная гвардия, 23 августа в предместье Вены Пратере расстрелявшая демонстрацию рабочих с участием женщин и детей. «Пратеровская битва» стала поворотным пунктом в отношении рабочих к революции. Многие из них отказались от сотрудничества с демократами, не оказавшими им никакой поддержки. Лишившись тыла в венских предместьях, демократы продолжали терять былое влияние. Напротив, позиции противников революции постоянно укреплялись. Подавив выступления рабочих, успокоив крестьян, опираясь на монархический авторитет вернувшегося 12 августа в Вену двора, они к тому же видели благоприятный оборот событий на национальных окраинах — поскольку, по большому счету, судьба революции и самой империи решалась именно там.

Национальная проблема. В 1848 г. практически вся территория империи Габсбургов стала ареной деятельности национальных движений, часть из которых рассчитывала добиться осуществления своих целей в рамках существующего государства, а другие — выйти из его состава. И в том и в другом случае в роли дополнительного катализатора выступала своеобразная национальная ревность, стремление не допустить ущемления своих прав в угоду национальным целям других народов.

В западной половине империи к первой группе относились прежде всего чехи. Уже 11 марта 1848 г. народное собрание в Венцельбаде выдвинуло требование самостоятельности земель короны св. Вацлава — Богемии, Моравии и Силезии. Вдохновенные полученным в начале апреля 1848 г. согласием кайзера на будущую автономию, чехи создали комитет по подготовке реформ, организовали Национальную гвардию и предполагали вскоре провести выборы в свой собственный сейм. Мощным внешним стимулом для чешского национального движения послужили выборы во Франкфуртский парламент, распространявшиеся на Богемию, Моравию и Силезию как бывшие территории Священной римской империи и Германского союза. Реакцией чехов на перспективу включения в состав будущей Германской империи стал «австрославизм», заявлявший об Австрии как о защитнице от внешней угрозы и выражавшей надежду на ее превращение в хранительницу свободного национального развития народов, объединенных ее границами. «Воистину! Если бы Австрийская империя уже не существовала столь долго, ...следовало бы ее создать», — писал во Франкфурт идеолог австрославизма Ф. Палацкий, обосновывая свой отказ от участия в выборах.

Однако чехи были не единственной политической силой в Богемии. Если они отвергали перспективу включения в состав Германской империи, то жившие в Богемии немцы категорически не хотели ее превращения в чешскую на-

циональную автономию. В итоге от трех земель короны св. Вацлава во Франкфурт отправились 61 немец и ни одного чеха.

В таких условиях в Праге 2 июня открылся Славянский съезд, призванный стать трибуной для выражения национальных чаяний славянских народов. Австрославистские настроения преобладали безоговорочно, представители всех народов надеялись на улучшение своего положения в рамках империи Габсбургов. Народы, более или менее компактно проживавшие в рамках одной территориальной единицы (сербы, словаки), требовали автономии внутри ее границ, а рассеянные по разным провинциям (словенцы, русины) выступали за объединение своих территорий по этническому принципу. Хорваты настаивали на восстановлении исторического «Триединого королевства Хорватии, Славонии и Далмации» в качестве самостоятельного субъекта империи, что означало бы ликвидацию австрийской провинции Далмация и выход остальных двух провинций из состава земель венгерской короны св. Иштвана.

Между тем проведение Славянского съезда способствовало радикализации настроений богемских немцев. Многочисленные уличные столкновения поставили Богемию на грань гражданской войны. 12 июня из-за стрельбы солдат по демонстрантам в Праге начались баррикадные бои. После гибели от случайной пули супруги командующего австрийскими войсками в Богемии А. Виндишгреца он дал команду на применение артиллерии, и к 17 июня ценой многих жертв восстание было подавлено.

В отличие от чехов, поляки не связывали свое будущее с судьбой Австрии, но ясно понимали, что внешние условия для восстановления польского государства пока не готовы. К тому же после волнений 1846 г. правительство внимательно следило за ситуацией в Галиции и с самого начала смогло взять ее под контроль, используя не только военную силу, но и существовавшие там национальные и социальные противоречия. Так, в качестве противовеса возникшему в марте 1848 г. во Львове польскому Национальному совету власти поддержали создание в Перемышле аналогичного русинского органа — Головную русинскую раду. Имея за собой широкую поддержку русинского населения, губернатор Галиции в апреле распустил Национальный совет, подавил выступления горожан военной силой и 15 мая закрепил успех, пообещав крестьянам немедленную и безвозмездную отмену барщины, чем привязал их к правительству.

Совсем иначе складывалась ситуация в Ломбардо-Венецианском королевстве. В отличие от поляков, итальянцы ставили достижение независимости в качестве непосредственной задачи революции. В середине марта началось восстание в Милане, и через несколько дней боев австрийские войска были вынуждены оставить город. В Венеции австрийские войска капитулировали без боя. С выступлением против Австрии Сардинского королевства австрийские войска оставили большую часть Ломбардо-Венецианского королевства, а также очистили Модену и Парму. Однако двор, уже всерьез взвешивавший возможность отказа от Ломбардии и Венеции, неожиданно получил поддержку со стороны других народов империи, вовсе не стремившихся проявить к восставшим итальянцам солидарность в духе «весны народов». В итоге, получив подкрепления, австрийская армия под командой 81-летнего фельдмаршала И. В. Радецкого 25 июля наголову разбила сардинскую армию под Кустоцей и в августе вступила в Милан.

Эта победа оказалась весьма важной для дальнейшего хода революции. После успехов армии в Богемии и Италии у имперского руководства окончательно возобладала мысль о необходимости и возможности подавления революции вооруженным путем. Важно и то, что в осуществлении этих планов правящие круги могли опереться не только на уже не нужные на итальянском театре зна-

чительные военные силы, но и на усилившийся имперский патриотизм широких слоев населения. Иоганн Штраус-отец отдал дань всеобщему ликованию по случаю возвращения из Италии войск Радецкого, посвятив старому фельдмаршалу свой знаменитый «марш маршей». Вскоре эту вновь обретенную империей силу и уверенность пришлось ощутить на себе и самому главному очагу революции в монархии Габсбургов — Венгрии.

Революция в Венгрии. Известие о революции во Франции пришлось на момент сессии венгерского Государственного собрания, давно ставшего оппозиционным форумом. Вести из Парижа превратили его в центр революции. Именно здесь 3 марта 1848 г. Кошут выступил с «крестильной речью революции», наэлектризовавшей страну. В ней он потребовал расширения политических прав граждан, учреждения ответственного министерства, отмены феодальных повинностей, а также широкой автономии для Венгрии, включая создание собственной армии и финансовой системы. Другим революционным центром стала «мартовская молодежь» — многочисленная группа радикально настроенных интеллектуалов во главе с поэтом Ш. Петефи. Когда после известий из Парижа пришли также новости о революции в Вене, именно эта группа 15 марта 1848 г. организовала массовую демонстрацию, ворвалась в ратушу и захватила одну из крупных типографий, чтобы напечатать в ней «Национальную песнь» Петефи (положенная на музыку, она стала подлинным гимном революции), а также «12 пунктов» — программу радикального крыла революционеров. События 15 марта ознаменовали начало венгерской революции.

Теснимый революцией по всей империи, кайзер был вынужден пойти на уступки, отказав лишь в двух требованиях — создании отдельной венгерской армии и финансов. 18 марта палатин (вице-король) Венгрии эрцгерцог Стефан Виктор назначил первое венгерское ответственное министерство во главе с графом Л. Баттяни, собравшее весь цвет венгерского дворянского либерализма, в том числе Сечени и Кошута. Вскоре после этого Государственное собрание приняло «апрельские законы», содержавшие широкую программу реформ. Страна объявлялась наследственной конституционной монархией, вводилось равенство всех граждан перед законом, всеобщее и равное налогообложение, отменялась цензура, однако право голоса было ограничено имущественным цензом. Аграрный вопрос, в Венгрии также чрезвычайно болезненный, решался путем отмены повинностей и передачи барщинным крестьянам их земель, причем всю сумму компенсации помещикам выплачивало государство. Однако, при внешнем радикализме, эта мера не была лишена недостатков. Во-первых, она в большей степени учитывала финансовые интересы помещиков, чем аналогичная реформа в западной половине империи, по которой землевладельцы были вынуждены отказаться от части причитавшейся им компенсации. Во-вторых, она затрагивала меньшинство венгерского крестьянства, к тому времени на $\frac{1}{3}$ состоявшего из безземельных батраков. Не получив никакого улучшения своего положения, они выплеснули свое разочарование в аграрных беспорядках, продолжавшихся до середины лета 1848 г.

Главной вновь стала национальная проблема. Революционеры заявляли, что все жители Венгерского королевства «в политическом отношении» представляют собой одну нацию — венгерскую. Однако подобное понимание нации практически как гражданства, существовавшее в странах с национально однородным населением, например, во Франции, в многонациональной Венгрии превратилось в источник национального притеснения и постоянных конфликтов. Стремясь к собственной национальной свободе, венгры не хотели учитывать подобные стремления других народов королевства — словаков, сербов, хорватов и румын. В итоге дело дошло до вооруженной борьбы.

Одной из самых острых являлась проблема Трансильвании. Входя в состав земель св. Иштвана, к моменту революции она находилась под прямым управлением Вены. В местном сословном собрании были представлены три «политические нации» — венгры, саксы и секеи, в то время как православные вlahи, составлявшие большинство населения страны, в него не входили. Весной 1848 г. Вена удовлетворила одно из главных требований венгерской революции — воссоединение с Трансильванией, на которую была распространена «апрельских законы», однако лишь частично и с очевидным ущемлением прав вlahов. Так, требование обязательного знания венгерского языка и существенно более высокий избирательный ценз препятствовали попаданию в Государственное собрание вlahов. В ответ в мае началось движение против присоединения Трансильвании к Венгрии и за равноправие вlahов, а в сентябре было выдвинуто требование создания отдельного от Венгрии государства, подчиняющегося непосредственно Вене.

С умеренными требованиями расширения культурно-религиозной автономии выступали изначально и сербы, населявшие южные регионы Венгрии — Воеводину и Банат. Однако холодный прием этих требований в Пеште привел к радикализации настроений, в результате чего национальное собрание в Карловице в середине мая 1848 г. выдвинуло требование создания самостоятельного сербского воеводства под непосредственным главенством Вены. Венское правительство рассматривало сербов как средство давления на Пешт и к концу года даже пообещало создать независимую от Венгрии область «Сербская Воеводина и Темешварский Банат».

Однако главным союзником венского двора и противником венгров стали хорваты. Под воздействием известий о революциях в Вене и Пеште Народная скупщина в Загребе приняла «Требования нации», в том числе воссоздание Триединого королевства Хорватии, Славонии и Далмации, учреждение собственной армии и национального банка. Новым баном Хорватии был избран Й. Елачич, разделявший эту программу, но одновременно безусловно преданный императору. Отказ признать венгерские «апрельские законы» и начавшиеся вооружения скоро привели к конфликту с Пештом, ставшему для венгерских политиков дополнительным стимулом к созданию собственной армии хонведов («защитников родины»), что, в свою очередь, повлекло за собой обострение отношений с Веней. После самовольно проведенных Елачичем в мае 1848 г. выборов в хорватский представительный орган — сабор — венгерские политики добились от императора согласия на его снятие с должности бана, однако сабор отказался подчиниться этому решению и наделил Елачича неограниченными полномочиями. Кажущийся мятеж в действительности пришелся Вене весьма кстати, поскольку там рассчитывали на помощь хорватов в борьбе против дальнейшего стремления венгров к независимости.

В июле 1848 г. венгерское Государственное собрание приняло законы, санкционировавшие создание венгерской армии, собственных финансов и валюты. 31 августа королевский рескрипт обвинил Венгрию в нарушении Прагматической санкции 1713 г. — основополагающего документа, декларировавшего единство всех земель монархии Габсбургов. В результате венгерское правительство покинули министры, выступавшие против окончательного разрыва с Веней: Баттяни ушел из политики, а Сечени вследствие нервного потрясения и вовсе потерял рассудок. 11 сентября началось наступление войск Елачича, для отражения которого Кошут, ставший фактически единоличным правителем Венгрии, создал Комитет обороны и мобилизовал армию, сумевшую в конце сентября нанести хорватам поражение. «Сентябрьский кризис» ознаменовал собой перерастание венгерской революции в оборонительную войну. Все эти события до крайности обострили ситуацию и в самой Вене.

Октябрьское восстание. Поражение революции. 3 октября Фердинанд издал указ о роспуске венгерского парламента и назначении Елачича наместником Венгрии. Окончательный разрыв с восставшей Венгрией еще больше накалил обстановку в Вене. Решение военного министра Т. Латура двинуть на помощь Елачичу дополнительные войска стало последней каплей — часть подготовленных к отправке войск под влиянием агитации радикальных кругов взбунтовалась. 6 октября толпа ворвалась в военное министерство и устроила самосуд над Латуром; захватив цейхгауз, восставшие получили оружие. Гибель министра укрепила решимость двора покончить с восстанием как можно скорее. Вскоре столица была взята в кольцо силами Елачича с юга и выдвинувшимися из Богемии войсками Виндишгреца.

Октябрьское восстание в Вене привлекло к себе огромное внимание по всей Европе. Между тем в самой столице в восстании помимо взбунтовавшихся солдат принимали участие лишь студенты и радикально настроенные городские низы, возлагавшие все надежды на помощь венгров. Однако 30 октября посланные Кошутом отряды были разбиты на подступах к Вене. На следующий день столица пала. Начались расправы, в ходе которых в качестве показательного примера для радикалов всей Германии был расстрелян видный деятель левых Франкфуртского собрания Р. Блюм, прибывший в Вену с миссией солидарности. Уже к вечеру 31 октября в руках статуи Иосифа II вместо черно-красно-золотого развеялся имперский черно-желтый флаг. Революция в Вене закончилась.

После военных побед власть поспешила укрепиться и политически. В ноябре премьер-министром стал энергичный политик князь Ф. Шварценберг. Он ответил решительным отказом на планы Франкфуртского собрания включить в состав будущей Германии лишь альпийские провинции и Богемию либо исключить Австрию вовсе: «Вышвырнуть нас из Германии мы не позволим!». Одновременно Шварценберг стремился укрепить Австрию изнутри путем сохранения части завоеваний революции и возрождения авторитета династии. При его участии 2 декабря 1848 г. Фердинанд уступил императорский престол своему 18-летнему племяннику Францу Иосифу, открыв целую эпоху австрийской истории. Однако окончательная политическая стабилизация была возможна лишь в случае подавления последнего очага революции — Венгрии.

Венгрия отказалась признать нового императора, поскольку вопреки традиции он не был коронован венгерской короной св. Иштвана. Началось наступление имперских войск, в январе 1849 г. сумевших взять Буду и Пешт, но затем повторная война на Пьемонтом отвлекла с венгерского фронта значительные силы. К тому же венгерский главнокомандующий Д. Гергей значительно превосходил стратегическими талантами противостоявшего ему Виндишгреца. Однако национальная политика Кошута приводила к протесту со стороны других народов Венгрии. В результате венгерской армии приходилось сражаться не только на западе против имперских войск, но и с отрядами сербов на юге и с влахами и саксами на востоке, в Трансильвании. 14 апреля Кошут бежит за собой все мосты — Государственное собрание в Дебрецене объявило династию Габсбургов низложенной. Венгрия провозглашалась республикой, а Кошут становился правителем-президентом с диктаторскими полномочиями. Крайняя централизация власти, действия трибуналов на национальных окраинах и революционный энтузиазм войск принесли свои плоды — венгерская армия достигла значительных успехов в Трансильвании, а в мае 1849 г. даже сумела отвоевать Пешт. Осознав свой просчет, Кошут в июле 1849 г. пошел даже на принятие закона, провозглашавшего равноправие национальностей, но было поздно.

В июне началось вторжение в Венгрию 200-тысячного корпуса русских войск под командованием фельдмаршала И.Ф. Паскевича. Вскоре венгерская армия

была разбита на всех фронтах. На фоне военных поражений усилились позиции сторонников примирения с Габсбургами, в результате чего Кошут был вынужден передать власть Гергею и покинуть Венгрию. 13 августа основные силы венгров под командованием Гергея капитулировали перед русскими войсками под Вилагошем в Банате.

Австрийские власти вынесли несколько сотен смертных приговоров, тысячи участников революции оказались в тюрьме. 6 октября, в годовщину октябрьского восстания в Вене, в Пеште был казнен первый премьер венгерского правительства Л. Баттjани; одновременно в трансильванской крепости Арад та же участь постигла 13 генералов венгерской армии — «арадских мучеников». Лишь Гергей был помилован по личной просьбе русского царя.

В августе было окончательно покончено и с революцией в итальянских провинциях: потерпевшая поражение Сардиния-Пьемонт заключила с Австрией мирный договор, а 23 августа австрийские войска вошли в последний оплот восставших — Венецию, ликвидировав созданную там республику.

К этому времени крахом завершились и все попытки рейхстага превратить монархию Габсбургов в конституционное государство. Из-за октябрьского восстания его заседания были перенесены из Вены в моравский город Кремзир, где с ноября продолжилась работа над общеимперской конституцией. Сразу выяснилось, что главные противоречия касались не столько того, насколько далеко должна зайти демократизация политической системы, сколько национальной проблемы. Рейхстаг нашел компромиссное решение: предполагалось сохранить исторически существовавшие административные единицы, но ввести внутри них национальные округа, которые по необходимости подразделялись бы на крупные национальные общины; при этом округа и общины были бы свободны в выборе языка местной администрации и школы. В ландтагах смешанных в национальном отношении земель во избежание ущемления меньшинств предполагалось ввести голосование по национальным куриям. Кроме того, вводился третейский суд по национальным вопросам. Сама Австрия должна была представлять собой конституционную монархию с двухпалатным парламентом, в нижнюю палату которого выборы осуществлялись на основе цензового избирательного права, а в верхней были представлены как традиционные земли империи, так и национальные округа внутри них. Император обладал лишь откладывающим вето.

Проект конституции, имевшей в целом выраженные федеративные и либеральные черты, был разработан к началу марта 1849 г. Однако в решающий момент правительство сыграло на опережение. 4 марта император распустил рейхстаг, одновременно даровав стране октроированную конституцию. Эти события подвели формальную черту под революцией 1848 г. в Австрии.

Итоги революции. Революция 1848 г. в Австрийской империи не прошла бесследно. Главные результаты были достигнуты в крестьянском вопросе. Однако в других важнейших областях — политической и национальной — никаких существенных сдвигов не произошло.

Несмотря на весьма умеренный характер октроированной конституции, Франц Иосиф так и не дал ей вступить в силу. В отличие от других стран германского мира, Австрия после революции 1848 г. оставалась страной без конституции, что самым существенным образом отразилось как на ее внутреннем развитии, так и на перспективах участия в решении германского вопроса.

Как и в других германских странах, революция принесла с собой рост политической активности граждан. За один только год возникло около 150 газет, в том числе и будущий лидер печатного рынка Австрии — газета «Ди Прессе». Возникли многочисленные ферейны, в том числе один женский. Однако в це-

лом уровень политизации в Австрийской империи был существенно более низким, чем в других странах Германского союза. По сути, она затрагивала лишь политически активное меньшинство в крупных городах. Отдельные ферейны не объединялись здесь в региональные и надрегиональные организации, что было связано как с узостью слоя либерально и демократически настроенной публики, так и с национальными границами. Главное же заключалось в том, что отсутствие конституции в дальнейшем ставило жесткие пределы политической активности, пробудившейся в революцию.

Одной из самых существенных причин неудачи революции в политической сфере являлась разрозненность лагеря ее сторонников. Свою роль сыграли географическая разбросанность различных революционных движений и временные несовпадения в их действиях, сосредоточенность революционных центров в городах и пассивность крестьянства, противоречия между либералами и демократами, но, безусловно, главное значение имела национальная проблема. Имперское правительство успешно лавировало между враждующими национальностями и находило опору в их рядах. Кроме того, перспектива распада Австрии пробудила имперский патриотизм среди самых разных слоев и народов монархии Габсбургов. Наконец, объективным союзником династии выступил австрославизм, цели которого также требовали сохранения единства государства.

Неблагоприятной для революции была и международная ситуация. Великие державы опасались распада Австрийской империи и непредсказуемого хаоса возникших на ее месте национальных государств. К тому же в Лондоне мечтали сохранить Австрию как щит на пути России на Балканы, а в Петербурге опасались возбуждения польского вопроса. Поэтому, когда перспектива отделения Венгрии обозначилась со всей определенностью, английский министр иностранных дел Г. Пальмерстон заявил прибывшему в Лондон в поисках поддержки эмиссару Кошута, что он «знает лишь одну Венгрию — ту, что является частью Австрии», а Николай I двинул в Венгрию войска.

В целом обострившиеся в годы революции политические и национальные проблемы по-прежнему требовали своего решения.

Глава 15 РЕВОЛЮЦИЯ 1848—1849 гг. В ИТАЛИИ

Назревание революционного кризиса. В 1846—1847 гг. в Италии стала обостряться социальная и политическая обстановка. Голод и лишения народных масс — следствие неурожая 1846—1847 гг. и европейского экономического спада — вызвали волнения ремесленников, рабочих мануфактур, батраков, протестовавших против дороговизны, спекуляции хлебом и безработицы. Во многих местах бастовали рабочие и поденщики, в Центральной Италии рабочие требовали «права на труд» и «организации труда», в Риме в конце 1847 г. волнение луддитского типа охватило суконщиков.

Одновременно с распространением социальных выступлений совершенно неожиданный оборот приняли политические события: избранный летом 1846 г. на папский престол Пий IX приступил к проведению реформ — объявил амнистию политическим заключенным и эмигрантам, учредил консультативный совет с участием светских лиц, ослабил цензуру. Как бы ни были скромны эти меры, сам факт, что глава наиболее отсталого из итальянских государств с окостеневшим репрессивным режимом (вызывавшим нарекания не только Англии и Франции, но и самого Меттерниха) обратился к решению насущных политических и социальных проблем, произвел огромное впечатление на современников. Рим вскоре превратился в арену стихийных многотысячных манифестаций, несметные толпы восторженно приветствовали Пия IX — первосвященника-реформатора. На деле Пий IX, осознав необходимость реформ, считал неприкосновенными политические устои итальянских государств, включая и теократический режим в папских владениях.

Вскоре вопреки желанию Пия IX демонстрации в его поддержку начали приобретать патриотический и антиавстрийский характер. Под влиянием событий в Риме народные выступления распространились на другие государства полуострова и также стали приобретать политическую направленность. Это выразилось, в частности, в том, что массовые демонстрации проходили под зелено-бело-красными флагами, символизировавшими свободу и независимость Италии, и такие же трехцветные полотнища вывешивались во время манифестаций из окон домов.

На волне массового движения активизировалась либерально-буржуазная оппозиция, все более настойчиво требовавшая от властей проведения реформ. Правителям Сардинского королевства и Тосканы пришлось пойти на некоторые уступки: было разрешено издавать политические газеты, введены выборные муниципалитеты, несколько усовершенствована судебная система. Тем временем Пий IX также под нажимом либералов, опасавшихся как народных беспорядков, так и действий реакционеров, решил создать гражданскую гвардию из принадлежавших к имущим слоям, а осенью 1847 г. по его инициативе между Сардинским королевством, Тосканой и Папским государством было заключено соглашение о создании Таможенного союза. Теперь многие либералы стали прославлять папу как национального вождя. Как показали дальнейшие события, это был мифический образ, не соответствовавший подлинным политическим намерениям Пия IX, но в создавшейся тогда обстановке он способствовал расширению национального движения.

Меттерних, предчувствуя свержение престолов и замену их республиками, готовился к военной интервенции в Тоскану и Папское государство с целью пресечь развернувшееся в них народное движение. Антиавстрийская направленность на-

родных выступлений не замедлила проявиться в Ломбардии и Венеции, подчиненных Австрии. Чтобы выразить свой протест против иностранного господства, жители Милана (а затем и других ломбардских городов) отказались в начале 1848 г. покупать табак, монополия на продажу которого принадлежала австрийцам. Дело дошло до кровавых стычек с полицией и войсками. Были убиты и ранены. Патриотическое выступление в Милане получило широкий отклик в стране. Возмущение против иноземных угнетателей прорывалось наружу в Тоскане, папских владениях и Пьемонте. Наряду с требованиями расширения политических свобод все настойчивее звучали призывы вооружить народ, чтобы противостоять военным угрозам Австрии. На Юге королевским войскам пришлось подавлять попытку восстания в Калабрии. Италия была на пороге революции.

Первый этап революции (январь — август 1848 г.). Война за независимость. 12 января вспыхнуло восстание на острове Сицилия, положившее начало итальянской революции. Восстание явилось ответом на политику неаполитанских Бурбонов, ущемлявшую интересы различных слоев сицилийцев, которые, как и в 1820 г., поднялись на борьбу за независимость от Неаполитанского королевства. Около двух недель горожане Палермо сражались с 10-тысячным королевским войском и заставили его отступить. Вскоре весь остров, за исключением крепости Мессины, оказался в руках восставших. Либералы, возглавившие временное правительство в Палермо, хотели восстановить в обновленном виде сицилийскую конституцию 1812 г. (объявлявшую государственную самостоятельность острова) и в дальнейшем включить Сицилию в федерацию итальянских государств.

Известия о событиях в Сицилии вызвали восстание в соседнем с Неаполем районе. Сама столица была охвачена бурными демонстрациями, и напуганные власти не посмели их разогнать. Король Фердинанд II, долго противившийся всяким реформам, теперь поспешил освободить политических заключенных, образовал министерство из либералов, а в конце января, стремясь унять народные волнения, объявил о даровании конституции.

Революция на Юге дала новый толчок общественному движению, его главным лозунгом в большинстве итальянских государств стало введение конституции. Нажим либеральной буржуазно-дворянской оппозиции и мощные народные манифестации позволили в течение февраля-марта добиться провозглашения конституций в Тоскане, Сардинском королевстве и Папском государстве. Все эти конституции, подобно неаполитанской, были составлены по образцу французской конституции 1830 г. и носили весьма ограниченный характер. Они предоставляли огромную власть монархам, намного превосходившую права двухпалатных парламентов, и вводили высокий имущественный ценз для участия в выборах. Руководство новыми правительствами взяли на себя «умеренные» — либералы; в Риме большинство в правительстве получили светские лица, что формально положило конец господству верхушки духовенства в центральном управлении. Однако огромные полномочия, закрепленные в конституции за папой и назначаемой им тайной коллегией кардиналов, позволяли отменять любое решение двухпалатного парламента.

Начавшаяся в марте 1848 г. революция в Австрии стимулировала развитие итальянской революции. Известие об отставке и бегстве Меттерниха из Вены вызвало мощный отклик в Ломбардии и Венеции. 18 марта началось восстание в Милане. Было сооружено 1600 баррикад. Пять дней плохо вооруженный городской люд под водительством демократов мужественно сражался с 14-тысячной австрийской армией под командованием фельдмаршала Радецкого. Восставшие рассылали на воздушных шарах призывы о поддержке. На подмогу Милану двинулись тысячи горожан и крестьян из соседних местностей, по пути они

нападали на австрийские гарнизоны, захватывали сотни пленных. С подоспевшей помощью восставшие миланцы (ремесленники, рабочие, мелкие буржуа, студенты) оттеснили австрийских солдат, и 22 марта они покинули город. Тем временем восстание охватило всю Ломбардию. Многотысячные толпы горожан и крестьян требовали оружия для борьбы с иноземцами и их изгнания, однако уже тогда имущие, опасаясь перерастания войны с австрийцами в социальную борьбу, уговаривали людей разойтись по домам. Либеральные деятели во главе с графом Казати возобладали из-за нерешительности демократов в миланском правительстве. Они опасались развязывания народной войны и обратились к сардинскому королю Карлу Альберту с просьбой направить войска в Ломбардию. Однако момент для нанесения окончательных ударов по отступавшим войскам Радецкого был упущен, что позволило ему укрыть свои потрепанные части в крепостях Вероны и Мантуи. Всего австрийская армия в Ломбардии потеряла убитыми, ранеными и дезертирами почти 40% своего состава.

В те дни, когда Милан совершил революцию, поднялся народ Венеции, заставивший австрийские власти освободить из тюрьмы популярного среди масс демократа Д. Манина, который возглавил восстание. 22 марта под давлением вооруженных горожан австрийский гарнизон капитулировал. На площади Святого Марка Манин объявил о восстановлении Венецианской республики, он же возглавил временное правительство. Вскоре почти вся территория Ломбардо-Венецианской области (кроме нескольких крепостей, где засели австрийцы) была освобождена.

Победа народной революции в Милане и Венеции отозвалась в Италии волной патриотического подъема. Во всех концах страны раздавались призывы к борьбе за полное изгнание австрийцев. В Италию возвращались эмигранты, среди них был Мадзини. Массовые патриотические манифестации в Сардинском королевстве вынудили короля Карла Альберта объявить о посылке войск на помощь Ломбардии, т.е. о войне с Австрией. По требованию масс королю Неаполя, герцогу Тосканы и Пию IX также пришлось против их воли направить регулярные войска для участия в войне с Австрией. На Север отовсюду двигались отряды добровольцев.

Пьемонтская армия вступила в Ломбардию под трехцветным национальным знаменем с королевским гербом. Начиная войну, король Карл Альберт намеревался вытеснить из Италии австрийцев, присоединить освобожденные территории к Пьемонту и создать Североитальянское королевство во главе с Савойской династией. Война, таким образом, имела одновременно национально-освободительный и династический характер. В мае в результате проведенного в Ломбардии плебисцита было вынесено решение о ее слиянии с Пьемонтом. За присоединение к нему высказались затем Венеция, а также Парма и Модена, откуда ранее народ изгнал послушных Австрии правителей. Местные буржуазно-дворянские слои приветствовали слияние с Пьемонтом, так как видели в Савойской монархии заслон против расширения революции и крестьянского движения, охватившего Ломбардию и Венецианскую область в апреле-мае 1848 г. Для деревенских масс в этот период борьба с австрийцами была связана с надеждой на улучшение своих жизненных условий. Стихийный социальный протест крестьян, батраков, поденщиков выражался в захватах и разделе общинных угодий, в покушениях на земли обширных имений, в выступлениях против гнета крупных буржуазных арендаторов, в отказе платить налоги и продовольственные пошлины, в требованиях дешевого хлеба. Сельские рабочие добивались повышения оплаты, происходили волнения безработных. В некоторых венецианских селениях крестьяне избирали в коммунальные советы вместо богатых землевладельцев своих представителей.

Широкий размах крестьянское движение приняло и на Юге страны — в Неаполитанском королевстве. Здесь особенно обострился давний конфликт в деревне, вызванный тем, что неаполитанская буржуазия, включая мелкую и среднюю, стремилась увеличить свою земельную собственность, главным образом за счет произвольного присвоения общинных земель, которые крестьяне либо использовали под пастбища, либо хотели получить во владение путем раздела на участки. Этот конфликт отталкивал деревенские массы от участия в национальном движении, руководимом либеральной буржуазией. Необходимость удовлетворить потребность крестьян в земле создавали отдельные демократы, однако из-за своей малочисленности они оказались не в состоянии возглавить борьбу сельских масс за общинные земли. Таким образом, чаяния крестьян не были удовлетворены, и они как на Севере, так и на Юге Италии стали отворачиваться от революции.

Из-за боязни социальной активности масс умеренные либералы сделали все возможное, чтобы не допустить народной революционной войны с Австрией. Такую войну хотел развязать Гарибальди, вернувшийся из Южной Америки, где он прославился своим участием в борьбе республиканцев Риу-Гранди-ду-Сул против центральной власти Бразилии. Усилил Гарибальди организовать партизанское движение в Ломбардии натолкнулись на противодействие пьемонтской правящей верхушки во главе с Карлом Альбертом. Другие монархи также боялись вооружения народа и, кроме того, не желали усиления Сардинского королевства в результате расширения его территории. Вследствие этого в конце апреля Пий IX объявил об отказе вести войну с Австрией и отозвал свои войска из Ломбардии. Это означало его фактический разрыв с освободительным движением. Примеру папы последовали герцог Тосканы и Фердинанд II. Осмелевший король совершил 15 мая контрреволюционный переворот в Неаполе и разогнал парламент. Идя на этот шаг, он воспользовался стремлением к сильной власти со стороны землевладельцев, уstraшенных крестьянским движением на Юге, а также полной неспособностью неаполитанских либералов, полагававших целиком на «моральные средства», действовать в качестве руководящей силы революции.

Ход войны складывался неудачно для пьемонтской армии. Отвод папских и неаполитанских войск ослабил антиавстрийский фронт. Карл Альберт, не обладавший качествами военачальника, своей пассивной тактикой позволил Радецкому привести в порядок войска, получить подкрепление и перейти к наступательным операциям. В июле 1848 г. пьемонтская армия проиграла сражение у Кустоцы. Вопреки своим обещаниям защитить Милан Карл Альберт поспешно отвел войска из Ломбардии, предпочтя позорное перемирие с австрийцами вовлечению в войну народных масс.

Второй этап революции (август 1848 — август 1849 г.). Подъем демократического движения в Центральной Италии и Венеции. Поражение пьемонтских войск и отказ монархов от участия в освободительной войне вызвали кризис умеренно-либерального движения. Рушились созданные либералами мифы о Пие IX и Карле Альберте как духовном и военном вождах Италии. Переговоры между правительствами Пьемонта, Тосканы, Папского государства и Неаполитанского королевства о создании военной и политической Лиги (союза) итальянских государств с целью достижения национальной независимости и введения федеративного устройства Италии провалились из-за противоречий и недоверия между монархами.

Июньское восстание в Париже породило среди имущих классов Италии, являвшихся в большинстве своем землевладельцами, страх перед «коммунизмом», под которым они тогда понимали главным образом всеобщий передел

земли. Либералы обнаружили неспособность и нежелание двигать дальше национальную революцию и все более склонялись к соглашению с монархами.

В то же время среди городских масс крепло стремление продолжать освободительную борьбу. В ответ на перемирие, заключенное Пьемонтом с австрийцами, в Венеции была фактически восстановлена республика и народ предоставил Манину диктаторские полномочия для продолжения войны. Жители Болоньи успешно отбили попытку австрийских войск захватить город. В таких условиях демократы, считавшие, что поражение Пьемонта — это еще не проигрыш национальной войны, стали действовать более энергично: летом-осенью 1848 г. они сумели перехватить политическую инициативу. Выдвинутая ранее Мадзини идея созыва всеитальянского Учредительного собрания получила отклик в стране. Тосканский демократ Монтанелли начал пропаганду за немедленный созыв такого собрания как центра по руководству освободительной борьбой и подготовкой объединения Италии. Однако осуществление этих задач было практически невозможно без прихода демократов к власти и в конечном счете без свержения монархий, поэтому лозунг Всеитальянского Учредительного собрания был нацелен, по существу, на углубление революции.

Тем временем в Тоскане усилилось брожение среди рабочих, ремесленников, мелких предпринимателей, вызванное ухудшением жизненных условий. Активизировались политические клубы, руководимые демократами. Некоторые народные кружки продолжали требовать признания права на труд. В Ливорно дело дошло до народного восстания с требованием продолжать войну с Австрией. Напряженная обстановка вынудила герцога тосканского назначить в октябре Монтанелли главой правительства. После того как парламент решил провести выборы в всеитальянское Учредительное собрание, герцог тайно покинул Флоренцию. В Тоскане стали усиливаться республиканские настроения, в частности, под влиянием тех событий, которые происходили в соседнем Риме. Здесь попытка праволиберального министра Росси навести «порядок», т.е. обуздать народное движение, привела в ноябре к вспышке возмущения. Росси был убит, 10-тысячная толпа осадила папский дворец и заставила Пия IX назначить новое, более либеральное правительство. Через несколько дней папа, переодевшись простым священником, тайно бежал из Рима в неаполитанскую крепость Гаэту, откуда обратился к католическим державам с просьбой оказать ему помощь в подавлении народных выступлений. Полный разрыв папы с национальным движением стал очевидным. В таких условиях демократы в папских владениях начали активную агитацию за избрание Учредительного собрания и провозглашение республики. Сюда съезжались республиканцы из других частей Италии, здесь находился Гарибальди со своими сподвижниками. Призывы демократов были подхвачены народом Рима, который добился проведения в январе 1849 г. выборов в Учредительное собрание Папского государства на основе всеобщего избирательного права. В состав собрания вошло много демократов, включая Гарибальди, позже избрали Мадзини. Было решено, что половина избранных депутатов войдет в состав всеитальянского Учредительного собрания. 9 февраля римское Учредительное собрание решило упразднить светскую власть папы и провозгласило в папских владениях Римскую республику.

Одновременно в Тоскане после бегства герцога утвердились фактически республиканские порядки. Прибывший во Флоренцию Мадзини, а также Монтанелли и другие демократы предлагали официально провозгласить республику и объединиться с Римом. Но этому воспротивилась группа демократов во главе с Гуэррацци, склонявшимся к компромиссу с тосканскими либералами и герцогом.

В условиях подъема республиканского движения, сторонники которого были полны решимости добиваться освобождения страны, дальнейшее уклонение

Пьемонта от борьбы с Австрией грозило полной дискредитацией Савойской монархии. Поэтому Карл Альберт прервал 8-месячное перемирие и приказал 20 марта 1849 г. возобновить войну. Однако по вине бездарного командования пьемонтская армия уже через три дня потерпела неудачу у Новары. Карл Альберт, спасая династию, отрекся от престола и покинул Италию. Королем стал его сын Виктор Эммануил II, немедленно прекративший военные действия.

Патриотически настроенные народные массы не желали смириться с капитуляцией. В Генуе началось восстание под лозунгом продолжения войны с австрийцами. Королевские войска расправились с генуэзцами. В Ломбардии фельдмаршал Радецкий установил свирепый репрессивный режим: совершались казни патриотов; обыденным явлением стали грабежи и произвол. Ненависть к иноземным захватчикам вырвалась наружу в Брешии: восставшие горожане в течение 10 дней яростно сражались против австрийцев. Обе стороны потеряли в боях многие сотни убитыми и ранеными. Подвиг Брешии стал символом непреклонной воли итальянцев добиваться национального освобождения.

Выход Пьемонта из войны во многом развязал руки Австрии и придал силы итальянской реакции. Король Неаполя Фердинанд II вооруженным путем подчинил Сицилию. В Тоскане отказ от слияния с республиканским Римом сковал народное движение и позволил умеренным либералам-монархистам отснить в апреле демократов от власти и тем самым проложить дорогу для возвращения герцога. «Умеренные» надеялись таким образом сохранить конституцию и избежать интервенции австрийских войск. Но они вскоре оккупировали Тоскану и позволили Леопольду II восстановить абсолютную власть.

В условиях наступившей контрреволюции руководство Римской республики взяли в свои руки демократы. Мадзини после приезда в марте 1849 г. в Рим был избран главой триумvirата — правительства республики. Чтобы привлечь на свою сторону буржуазные слои, власти национализировали церковные и монастырские имущества и объявили их распродажу, пересмотрели таможенную систему, оказывали поддержку ремесленникам и торговцам, обложили принудительными займами крупные состояния. Такие меры, как снижение цен на соль и табак, переселение бедноты в конфискованные у церкви помещения и предоставление заработка безработным, призваны были обеспечить республике поддержку городских масс. Часть национализированной церковной земли было решено передать небольшими участками (в 1—2 га) в вечную аренду сельской бедноте. Однако короткий период существования республики и настороженное отношение самих крестьян к распределению между ними принадлежавших церкви земель не позволили осуществить эту меру. Республике так и не удалось опереться на крестьянство. К тому же демократы тщательно заботились, чтобы проводимая ими политика не вызвала обострения социальных противоречий.

После поражения Пьемонта Римской республике пришлось всецело сосредоточиться на организации обороны. В конце апреля под лживым предлогом осуществления посредничества между Римской республикой и папой в Чивита-Веккье высадился 7-тысячный французский корпус во главе с генералом Удино. Подлинной целью экспедиции было восстановление светской власти папы. 30 апреля французские войска подошли к Риму и попытались завладеть им, но были разбиты отрядами Гарибальди и поспешно отступили. Вскоре Гарибальди пришлось отражать двинувшиеся на Рим с юга неаполитанские войска. Одновременно австрийцы наступали с севера. Римская республика оказалась в кольце интервентов, у нее не хватало сил, чтобы вести борьбу сразу на нескольких фронтах. Французские войска, получив подкрепление, снова подошли к Риму. На рассвете 3 июня 35-тысячная французская армия атаковала город, который обороняли 19 тысяч бойцов. В течение месяца шли кровопролитные бои.

Республиканский Рим героически отражал натиск интервентов. Горожане с энтузиазмом поддерживали республиканские войска. Душой обороны был Гарибальди, постоянно находившийся на позициях среди защитников города. Однако силы сторон были слишком неравны. 3 июля французы заняли Рим и объявили о ликвидации республиканских порядков. Гарибальди покинул город с несколькими тысячами бойцов и двинулся на помощь Венеции. Отбивая непрерывные атаки австрийцев, отряд Гарибальди достиг Адриатики. К этому времени в отряде оставалось около 300 человек. Доплыть до Венеции на лодках им помешали австрийские корабли. Гарибальди пришлось высадиться на берег. Ему чудом удалось пробраться через австрийские заслоны до Пьемонта, откуда он был выслан властями.

После подавления Римской республики в Италии оставался последний очаг революции — осажденная Венеция. В ответ на предложение австрийского командования о капитуляции патриоты поклялись защищаться до последней капли крови. Два месяца австрийцы подвергали город яростному артиллерийскому обстрелу, но так и не смогли сломить стойкость бойцов. Только голод и эпидемия холеры вынудили венецианское правительство во главе с Манином 2 августа прекратить героическое сопротивление. Революция в Италии закончилась.

Итоги революции. Революция 1848—1849 гг., охватившая всю страну, впервые с начала Рисорджименто приняла общеитальянский характер. События наглядно продемонстрировали, что за истекшие десятилетия национальное сознание, стремление к независимости и свободе Италии охватило различные слои городского населения (включая трудовые массы). Право нации на независимое существование явилось главным побудительным мотивом действий сторонников патриотического движения.

Никогда еще народ Италии не был вовлечен столь широко в борьбу за национальное освобождение и демократические преобразования. На всем протяжении революции народные массы выступали как ее ударная движущая сила. Ключевые моменты революционной эпопеи — поражение бурбонских войск в Палермо, героическое сопротивление Рима и Венеции — были вписаны в историю именно борьбой народных масс. Благодаря их напору революция в Центральной Италии стала развиваться в 1849 г. по восходящей линии и приняла демократический характер. Однако народное движение было недостаточно использовано политическими силами, претендовавшими на руководство освободительной борьбой. Крестьянство, не получив поддержки своих социальных требований, вскоре охладело к революции, а это значительно ослабило ее. Демократы, опиравшиеся на городские народные слои и изолированные от крестьянства, не смогли возглавить революцию в общеитальянском масштабе. К тому же демократы выдвинулись на первый план, когда ход событий в Европе уже переломился в пользу контрреволюции.

Мощные стихийные выступления с требованием вооруженной борьбы за освобождение страны от иностранных захватчиков заставили монархов, хотя и ненадолго и против своей воли, принять это требование. Монархи попытались также создать федеративный союз итальянских государств — не столько из желания действительно политически объединить Италию, сколько стремясь таким образом сохранить собственные троны и, по сути, увековечить политическую раздробленность. Эта попытка объединения страны в форме союза монархов, поддержанная либералами, потерпела полный провал, так как большинство итальянских властителей были принципиальными противниками объединения. Революция, в частности, обнаружила полную иллюзорность надежд на то, что папа возглавит национальное движение. События подтвер-

дили правоту тех, кто доказывал (как, например, Мадзини), что объединение Италии возможно лишь в форме единого государства.

Особую роль в революции 1848–1849 гг. сыграло Сардинское королевство (Пьемонт). Оно впервые активно включилось в борьбу за независимость и, хотя и из династических соображений, попыталось вооруженным путем ликвидировать иностранное господство и таким образом сломать на севере страны политическую систему, навязанную Италии Венским конгрессом. Однако правящая Савойская династия, боясь народного и республиканского движения, действовала крайне непоследовательно и упустила возможность полного изгнания австрийцев. Вместе с тем Сардинское королевство оказалось единственным итальянским государством, в котором сохранился конституционный порядок.

Революция 1848–1849 гг. потрясла абсолютистские режимы и временно поколебала австрийское господство в Италии, однако она не смогла разрешить назревшие исторические задачи. Итальянскому народу предстояло продолжать борьбу за национальную независимость и объединение.

Глава 16 ВЕЛИКОБРИТАНИЯ В 1850–1860-х гг.

«Промышленная мастерская мира». Социально-экономическое развитие Великобритании. К середине столетия завершилась промышленная революция. Ее заключительный этап состоял в модернизации тяжелой промышленности, наряду с развитием старых отраслей становлением новых и, прежде всего, парово- и паровозостроения. В 1825 г. был пущен первый пассажирский состав между Стоктоном и Дарлингтоном. А к 1850 г. сеть железных дорог составляла 50 тыс. км, вместе с шоссейными дорогами и каналами они связали всю страну, создав тем самым единый рынок.

Важнейшим результатом промышленной революции помимо технического прогресса и технологических инноваций стали социальные изменения. К середине XIX в. Британия из аграрной превратилась в индустриально развитую державу. Численность городского населения сравнялась с численностью сельского населения и продолжала возрастать. К концу века в деревне проживало лишь 20% жителей всей страны. Значимым социальным следствием также являлось формирование основных классов капиталистического общества — наемных рабочих и промышленной буржуазии — и их самосознания.

С середины столетия и вплоть до начала 70-х гг. Британия находилась в уникальном положении, являясь центром, «сердцем» мирового хозяйства. В эти десятилетия она занимала ведущие позиции на мировом рынке, в морском судоходстве, финансовых операциях, обладала самой крупной колониальной империей.

Мировое первенство вело к ускорению темпов накопления капитала и росту национального богатства. Так, национальный доход увеличился почти на треть и достиг 1 млрд ф. ст. в конце 70-х гг., что не могло не сказаться на росте доходов всего населения. Об этом свидетельствует увеличение суммы доходов, подлежащих обложению подоходным налогом, на 59 млн ф. ст. Быстрыми темпами росла реальная заработная плата трудящихся.

Великобритания имела самую концентрированную фабричную промышленность, развивавшуюся на основе последних достижений науки и техники. Основные отрасли обрабатывающей промышленности — текстильная, металлургическая, судостроение, машиностроение — занимали первые места в мире по объему и ассортименту выпускаемой продукции, значительная часть которой предназначалась для экспорта. Именно это обстоятельство и стало причиной того, что Великобританию стали называть «промышленной мастерской мира». В середине 50-х гг. общий объем ввоза и вывоза в денежном эквиваленте составлял 268 млн ф. ст. Через десять лет он достигал 490 млн.

Расширение объема выпускаемой продукции, появление новых промышленных регионов, усиление конкуренции требовали улучшения, ускорения доставки сырья фабрикам и товаров в портовые и торговые центры. Это способствовало дальнейшему развитию железнодорожного транспорта. Длина железнодорожных линий возросла в полтора раза и продолжала расти. Увеличивался мощный британский флот. Более 26 тысяч кораблей доставляли товары во все уголки мира.

Развитию экономики способствовало наличие разветвленной надежной финансовой системы. Благодаря упразднению ограничений в банковском деле Великобритания в середине столетия превращается в мирового банкира, а фунт стерлингов — в мировую валюту. Лондонская биржа являлась барометром миро-

вого рынка. Банкиры кредитовали торговые операции других стран, вкладывали средства на всех континентах, в том числе и в британских колониях. К 80-м гг. за рубежом было вложено и размещено около 2 млрд ф. ст. Самая мощная британская колониальная империя раскинулась на четырех континентах. Среди наиболее крупных ее владений были Индия, Канада, Австралия, южно-африканские колонии, укреплялись позиции в Азии, Африке, Южной Америке.

Экономические успехи Британии наглядно продемонстрировала первая всемирная промышленная выставка, состоявшаяся в Лондоне в 1851 г. Она поразила современников демонстрацией достижений промышленности и строительства, развитием техники и технологий. Не мог не вызвать восхищение грандиозный павильон, предназначенный для экспонатов. В Лондоне из железных конструкций и стекла было построено специальное здание, получившее название Хрустальный (или Стекланный) дворец. Он имел 62 метра в высоту и 560 метров в длину. В нем разместились более 13 тысяч экспонатов, половину которых составляла продукция, произведенная и выращенная Великобританией и ее колониями.

Выставка привлекла внимание не только европейцев, но и жителей Великобритании. В отдельные дни ее посетило до 100 тыс. только британцев. Их поездки со всех концов страны заложили практику использования железных дорог не только для перевозки грузов, но и для организации экскурсий по территории всей страны.

Выставка 1851 г. стала своего рода отправной точкой в изменении отношения общества к рабочим, облик которых существенно отличался от изнуренного работника 30-х гг. Люди, которые создавали и управляли сложными станками и механизмами, производили многообразную продукцию, вызвали восхищение. И хотя полного отказа от стереотипов не произошло, тем не менее в предлагавшихся либералами и консерваторами проектах новой парламентской реформы вопрос об избирательных правах рабочих приобрел немаловажное значение и вызвал длительные споры.

Социальная структура общества претерпевала существенные изменения. Формирование классов капиталистического общества сопровождалось выработкой их самосознания, мировоззрения. Быстрыми темпами происходила дальнейшая урбанизация. Характерной особенностью социально-политической жизни в эти годы явилось ослабление позиций крупного землевладения; возрастание экономической, социальной и политической активности средних классов (обширный слой общества, который состоял из средних и мелких собственников и людей умственного труда — учителя, врачи, журналисты, конторские служащие и др.), в том числе лиц интеллектуального труда (конторских служащих, юристов, врачей, педагогов, инженеров, журналистов).

Новым явлением в 1850—1860-е гг. стало появление высокооплачиваемой прослойки рабочего класса — так называемой «рабочей аристократии». Она состояла из мастеров и высококвалифицированных рабочих, их заработная плата превышала заработок неквалифицированных работников в три-четыре раза. Такие высокие доходы позволяли вести образ жизни, сопоставимый с образом жизни среднего класса. Они имели большие возможности, чем неквалифицированные работники, лучше питаться, одеваться, проводить свой досуг, дать образование детям. По мере развития экономики доля «рабочей аристократии» увеличивалась.

В десятилетия процветания квалифицированные рабочие создавали профсоюзные организации, которые отстаивали их интересы путем переговоров с владельцами предприятий, заключения договоров, отправки обращений к членам парламента. Помимо профессиональных союзов продолжали действовать политические организации, ширилось кооперативное движение, а также

функционировали разнообразные культурные, благотворительные, спортивные и религиозные объединения.

Важным показателем экономического благополучия в социальной сфере стало сокращение числа совершавшихся преступлений, а также количества нищих и бедняков. Однако все еще около 1 млн человек из 27 млн населения страны продолжали получать благотворительную помощь.

Реформы конца 40-х гг., направленные на улучшение санитарного состояния городов и медицинского обслуживания, постепенно приносили свои плоды в последующие десятилетия. Изменялся облик городов, прокладывались водопроводы и канализация, что сказывалось на состоянии здоровья населения. Появились общественные библиотеки. Жители городов стремились проводить выходные дни в парках или за городом, посещали танцзалы, клубы, театры, библиотеки.

Годы экономического процветания и относительной социальной стабильности закрепляли зародившуюся викторианскую мораль и связанный с ней образ жизни. И, прежде всего, это проявлялось в возрастающем культе семьи, упрочившемся кодексе чести и поведения джентльмена. Викторианство, трактовавшееся, как верность традициям, определенный образ и стиль жизни, культура и архитектура того времени, семейный быт; ассоциировалось со стабильностью, прочностью, устойчивостью. Это не исключало существования ханжества, лицемерия, пьянства и разврата, но они осуждались обществом.

Викторианская политическая система. Либеральная партия. Перемены социально-экономического характера оказали значительное влияние как на эволюцию политической элиты в сторону демократизации, так и на характер дальнейших реформ. Со времени реформирования системы представительства в 1832 г. возрастала роль выборов при формировании партийного состава нижней палаты. Это обусловило, в свою очередь, усиление соперничества в борьбе за власть двух основных политических партий — консерваторов и либералов. В это время устанавливается викторианская партийная система, когда либералы и консерваторы сменяли друг друга у власти, а критика оппозиции вынуждала правящую группировку действовать более решительно в области преобразований.

Раскол консерваторов в 1846 г. и дальнейшее размежевание политических сил, уход из жизни ведущих государственных и политических деятелей (герцога Веллингтона, лорда Мельбурна, Р. Пиля) явились своеобразным рубежом одного периода партийного развития, и вместе с тем — отправной точкой следующего этапа становления партийной системы.

Суть новизны состояла в организационном строительстве и дальнейшей выработке идейно-политических платформ при большем учете быстро менявшейся ситуации в стране и мире, сближении с общественными политическими объединениями.

В середине века наиболее интенсивно происходило становление Либеральной партии. Оно осуществлялось путем консолидации политических сил и разработки теоретических концепций. Либеральная партия формировалась на основе сближения части вигов с группировками консерваторов и радикалов, что обеспечило ей довольно широкую социальную базу. Опорой либералов было дворянство, вовлеченное в предпринимательскую деятельность, торгово-промышленные круги, заинтересованные в дальнейших преобразованиях, рабочие, люди интеллигентных профессий.

После преждевременной смерти Р. Пиля, лишившаяся лидера группа его сторонников — так называемых пилитов — начинает сближаться с вигами. Платформой такого сближения стало признание ими необходимости проведения реформ. Наиболее заметным политиком группировки в эти годы становится У. Гладстон.

В то же время проведение парламентской реформы 1832 г. и провозглашение политики экономического либерализма в конце 40-х гг. явились определенной основой для сближения с вигами значительной группы радикалов, добившихся выполнения важной части своих требований. В 1850—1860-х гг. радикалы выступали за осуществление следующей парламентской реформы. Они смогли увеличить численность парламентской фракции и добились включения отдельных радикалов в состав либеральных кабинетов. Среди лидеров радикалов также были политики, которые впоследствии сыграли заметную роль в судьбе Либеральной партии. Это, прежде всего, Джон Брайт и Джозеф Чемберлен.

Представители радикального лагеря внесли значительный вклад в развитие либеральной мысли. Среди них особой популярностью пользовались сочинения философа-позитивиста Дж.-Ст. Милля.

Полного слияния вигов, пилитов и радикалов в единую политическую организацию не произошло к концу шестидесятых годов. Достаточно аморфное сосуществование различных партийных группировок, выдвигавших своих лидеров, соперничавших за руководство всей партией, отражалось на составе кабинетов либералов, на выработке и проведении курса их политики не только на данном этапе, но и впоследствии.

Несмотря на имевшиеся противоречия, фундаментом для сближения столь различных фракций стало признание широко трактованной идеи невмешательства государства в экономическую сферу (*lesser faire*), свободы торговли (*free trade*) и либеральных ценностей. В число таких ценностей входили: конституционная монархия, разделение властей, эмпиризм, прагматизм, идея прогресса, свободы слова, совести, собраний. основополагающим для либералов стал индивидуализм, права и свободы отдельного гражданина, которые они рассматривали в качестве основы общественного благополучия и прогресса. Каждый индивидуум должен иметь возможность самостоятельно планировать свои действия и извлекать из них пользу. Право на собственность рассматривалось либералами, как возможность распоряжаться ею без любых ограничений.

Эклектичность, аморфность объединения либералов сказались в расхождении по ряду важных социально-политических вопросов. Так, если радикалы были сторонниками всеобщего права голоса для мужчин, то многие пилиты и виги трактовали его не как право для всех, а как привилегию для избранных, собственников. Различным было и отношение к государственному статусу англиканской церкви. Часть радикалов выступала за отмену этого статуса. Неоднозначно рассматривали представители всех группировок направление и глубину социальных преобразований. И в этом вопросе радикалы были сторонниками решительных перемен.

В середине столетия либеральная партия переживала время расцвета. В 1860 г. в Лондоне основана Либеральная регистрационная ассоциация (ЛРА). Главным направлением ее деятельности стали подготовка и проведение избирательных кампаний. Руководство Ассоциации составили парламентские организаторы — виги. Это слово — *Whip* — пришло в парламентскую терминологию из охотничьего словаря и означало «кнут», «загонщик». Они выполняли важную роль в единении парламентских фракций в стенах законодательного органа и смогли наладить связь с региональными объединениями. Повсеместно создавались организации и клубы вигов и радикалов, которые не всегда сотрудничали с Ассоциацией. Что свидетельствовало лишь о первых шагах на пути формирования массовой политической партии.

До 1885 г. либеральные кабинеты по времени нахождения у власти преобладали над консервативными, которые, находясь в меньшинстве, ненадолго приходили к власти в 1852, 1858—1859, 1866—1868 гг., когда либеральные

правительства большинства уходили в отставку. Либералы формировали правительство с небольшим перерывом на протяжении 1847—1868 гг.

Среди лидеров либералов выдвинулись на первый план такие политики, как лорд Пальмерстон и У. Гладстон. Лорд Пальмерстон в середине века был наиболее значительной фигурой в лагере вигов. Его парламентская карьера началась в 1807 г., но наивысшего успеха на политическом поприще он добился в 1855 и 1859 гг., когда занял пост премьер-министра. Пальмерстон имел репутацию противника решительных реформ социального и политического характера. Круг его интересов лежал во внешнеполитической области, в которой он сделал немало для укрепления позиций Великобритании на международной арене, расширения ее торговли в мире. Он был сторонником сохранения Османской империи и ослабления России, что стало одной из причин вступления Британии в Крымскую войну (1853—1856 гг.). Пальмерстон переоценил силы союзников и недооценил мужество русских солдат и моряков. И хотя Британия вышла из войны в числе победителей, потери ранеными, убитыми и умершими от болезни составили почти треть ее войска, а планы Пальмерстона относительно расчленения России потерпели крах. Тем не менее политики признавали авторитет премьер-министра и поддерживали его курс. Даже консерваторы не выступали с резкой критикой в его адрес, так как их удовлетворяла его внешнеполитическая линия и отношение к реформам.

Завершение эпохи Пальмерстона явилось рубежом во внутренней политике либералов, обратившихся к проведению социально-политических реформ. Их осуществление связано с именем У.Ю. Гладстона. Это был видный представитель группировки пилитов, а впоследствии — крупнейший политический деятель Британии и глава Либеральной партии в последней трети XIX в.

В 40-е гг. он сблизился с Р. Пилем, был министром в его правительстве и поддержал экономические реформы, в том числе отмену хлебных законов. На протяжении долгой жизни Гладстона его мировоззрение претерпело существенную эволюцию от консерватизма до умеренного реформизма, включавшего принципы свободной торговли, невмешательства государства в экономику метрополии и колоний. Изменение позиции Гладстона по наиболее важным вопросам британской политики явилось результатом глубоких размышлений и осмысления действительности. В 1850-е гг. Гладстон окончательно порывает с консерваторами и переходит в лагерь либералов. В 1859 г. он занял пост министра финансов. В 1865 г. после смерти Пальмерстона Гладстон возглавил фракцию либералов в палате общин и вновь стал министром финансов в кабинете лорда Рассела. Он сыграл заметную роль в принятии закона о следующей парламентской реформе 1867 г. В 1868—1874 гг. первый раз возглавил правительство.

Консервативная партия. В 1850—1860-е гг. объединение консерваторов проходило менее успешно. В силу того, что социальной базой консерваторов оставались крупные землевладельцы, фермеры и англиканская церковь, они не имели широкой опоры и на выборах уступали либералам. Лидерами консерваторов в этот период были лорд Дерби и Б. Дизраэли.

Лорд Дерби возглавил консервативную партию в 1846 г. и оставался ее лидером вплоть до своей смерти в 1868 г. благодаря непререкаемому авторитету. Столь длительной политической карьере Дерби способствовало его богатство, позволявшее тратить собственные средства на нужды партии, и личные качества. Он был лишен лицемерия и напыщенности. Поклонник скачек и завсегда ипподромов, охотник и спортсмен Дерби олицетворял традиционный образ сельского землевладельца, чем и привлекал симпатии провинциальных дворян, отдававших голоса консерваторам.

Бенджамин Дизраэли (1804—1881) поначалу проявил себя талантливым литератором, опубликовав первое произведение в 1826 г. Находясь в парламенте с 1837 г., некоторое время выступал как независимый кандидат, однако вскоре сблизился с тори. Довольно быстро выдвинулся в число наиболее активных политиков. Он сыграл немаловажную роль в отставке Р. Пила, заняв резко негативную позицию в отношении его реформ. Вскоре молодой Дизраэли возглавил фракцию консерваторов в палате общин, занимал посты министра финансов в консервативных кабинетах 50-х гг. Позднее, в 70-е гг. сформулировал основные принципы мировоззрения и политики консерваторов: неприкосновенность конституции, поддержка собственности, социальные реформы, сохранение и расширение империи.

Особое место в политической концепции Дизраэли занял рабочий вопрос. Он критиковал Закон о бедных 1834 г., высказывался за сокращение рабочего дня на фабриках, за улучшение санитарного состояния мест проживания рабочих. Он подчеркивал, что при всех различиях интересы высших и низших классов общества совпадали в главном — в приоритете общенациональных ценностей. После реформы 1867 г. его интерес к социальным проблемам возрос.

Из поражения на выборах 1868 г. консерваторы извлекли серьезный урок. Как никогда ранее стала очевидной необходимость создания организации, которая опиралась бы на разветвленную сеть региональных ассоциаций и взяла бы на себя подготовку к выборам.

Созданный осенью 1867 г. Национальный союз консервативных и конституционных организаций (НСККА) не смог обеспечить необходимый уровень пропаганды, так как был подчинен парламентской консервативной партии. Тогда была сформирована Центральная канцелярия, игравшая роль штаб-квартиры. Ее главной задачей стало обеспечение победы на выборах. В 1872 г. произошло объединение НСККА и Центральной канцелярии.

Формы работы НСККА расширились. Функционеры активнее подыскивали кандидатов, в случае необходимости сужали их деньгами для проведения предвыборной кампании, организовывали диспуты и лекции, наладили сотрудничество с прессой. Важное место отводилось сбору информации о ходе дел и настроениях избирателей в регионах. Руководство поощряло учреждение внеклассовых объединений.

Политика Дизраэли была направлена на привлечение на сторону консерваторов избирателя-рабочего. Таким путем проходила трансформация парламентской группировки в партию современного типа, в структуре которой складывался своеобразный треугольник: парламентская фракция — центральный орган (штаб-квартира) — массовые организации. О размахе агитации консерваторов в 1867—1873 гг. свидетельствует выпуск более 500 тыс. экземпляров брошюр и других изданий, апеллировавших к будущим избирателям.

Выборы 1874 г. принесли победу консерваторам. Впервые за два десятилетия они добились подавляющего большинства в нижней палате. Современники напрямую связывали достижения консерваторов с реорганизацией партии, созданием многочисленных ассоциаций, их активной деятельностью в округах. Однако причины поражения либералов заключались не только в ослаблении связей их центральных органов с избирателями, но и в проводившейся политике, которая вызвала разочарование.

Положение правящей партии повлекло за собой дальнейшие преобразования в структуре консервативной партии и перераспределение обязанностей. Руководство выборами было передано главному вилу консерваторов. Навязывая свое мнение, вилы игнорировали настроения в округах, что негативно сказалось на активности рядовых членов ассоциаций и привело к ослаблению местных организаций.

Парламентская реформа 1867 г. Наиболее значимыми событиями в политической истории Британии середины столетия стали дальнейшие преобразования системы представительства. В 1858 г. отменен имущественный ценз для депутатов парламента. Это было важное решение, которое явилось основой для существенного расширения социального состава нижней палаты. Права и привилегии депутатов — неприкосновенность личности на период сессии, свобода слова в стенах парламента, практически не нарушались.

Данью времени и требованиям общества стала постепенная отмена религиозного ценза. С 1829 г. депутатами могли стать как англикане, так и британские католики. Избранные члены парламента произносили присягу, в которой говорилось об их принадлежности к христианству. В 1866 г. новый текст присяги открыл доступ в палату общин людям, исповедовавшим нехристианскую веру. Отныне сохранялись ограничения пассивного избирательного права, нацеленные на то, чтобы в палате общин были представлены те, кто имел свободное время для посещения заседаний и работы в комитетах и комиссиях, не запятнал своей чести, не был банкротом.

Проблема установления всеобщего избирательного права по-прежнему оставалась одним из наиболее острых вопросов, волновавших общество. О необходимости его введения настойчиво заявляли радикалы в стенах парламента в 1854, 1859 и 1860 гг. В начале 1860-х гг. отмечалось увеличение числа национальных союзов тред-юнионов. Лондонские профсоюзы учредили Ассоциацию тред-юнионов, цель которой заключалась в борьбе за введение всеобщего избирательного права для мужчин и установление тайного голосования.

Движение за избирательную реформу нарастало. В 1864 г. создана национальная ассоциация, объединившая средний класс, которая выступила за новую парламентскую реформу, а в 1865 г. на собрании представителей рабочих организаций учреждена Лига реформы. К концу следующего года она имела свыше 400 отделений по стране.

Наступление экономического кризиса в 1866 г. привело к демонстрациям в крупных промышленных центрах, столкновениям с полицией. Массовое движение проходило под лозунгом всеобщего избирательного права. Социально-экономическая напряженность вынуждала либеральное правительство приступить к немедленным действиям. Кончина противника внутривнутриполитических реформ лорда Пальмерстона в 1865 г. создавала условия для тщательной разработки законопроекта либералами.

В 1866 г. кабинет давнего сторонника реформирования системы представительства лорда Д. Рассела предложил снизить избирательный ценз с 10 до 7 фунтов стерлингов. В рядах правящей партии не было единого мнения по содержанию закона. Радикалы требовали отмены имущественного ценза и предоставления тем самым права голоса рабочим.

Сторонниками сохранения ценза были многие либералы, в том числе и У. Гладстон. Он был убежден, что избирательное право — это привилегия, а не «естественное право» народа, как утверждали радикалы. Вместе с тем Гладстон полагал, что контролируемое расширение электората не приведет страну к потрясениям. Квалифицированные рабочие, утверждал он, показали себя приверженцами порядка и законности, уважительно относились к традициям страны, а их участие в муниципальных выборах не принесло потрясений и угрозы собственности.

Часть политиков-либералов выступала категорически против изменений, опасаясь последствий расширения электората за счет рабочих, которые неизменно голосовали за радикалов. Тем самым мог нарушиться баланс сил внутри Либеральной партии и значительно усилиться роль радикалов. Расхождения по

характеру и содержанию дальнейших преобразований в системе представительства вызвали раскол в рядах либералов. Объединение либералов — противников реформы с консерваторами привело к отставке правительства.

Придя к власти, находившиеся в меньшинстве, консерваторы не намеревались немедленно приступить к преобразованиям. Правительство возглавил лорд Дерби. Однако оппозиция в лице либералов — сторонников реформы была непримирима. В стране распространялось письмо Д. Рассела, обращенное к правительству лорда Дерби, где обосновывалась необходимость немедленного ее проведения.

Немаловажную роль в активизации движения сыграла победа северян над аристократией Юга в ходе гражданской войны в США. Торжество демократии за океаном являло собой важный пример и побуждало жителей Британии решительнее включаться в движение за реформу. Борьба за ее осуществление не была столь драматичной и напряженной, как на рубеже 1820—1830-х гг., однако массовое движение сыграло важную роль. Оно стало одним из решающих факторов, оказавших воздействие на позицию правящих кругов. Массовые митинги и демонстрации собирали до 200 тыс. участников.

Консервативное правительство, не затягивая решение вопроса, предложило в 1867 г. принять закон о парламентской реформе. Это был нетрадиционный тактический ход. Партия консерваторов находилась в меньшинстве и рассчитывала добиться победы на предстоявших выборах за счет более радикальной реформы, чем предлагали либералы. Вместе с тем, и Дерби, и Дизраэли понимали, что страна изменилась, и аристократия не может безраздельно управлять как прежде. Несмотря на то, что в рядах консерваторов было немало противников билля о реформе, правительство сумело добиться его прохождения в парламенте. Правящие группировки, власть имущие и на этот раз, опасаясь революционного взрыва, пошли на уступки.

Реформа 1867 г. явилась продолжением первой парламентской реформы 1832 г. и состояла в дальнейшем сокращении «карманных» местечек и перераспределении мест в парламенте. 11 мелких избирательных округов лишились права посылать своих представителей, 35 — отныне избирали по 1, а не по 2 депутата. В результате было освобождено 57 мест, которые распределили между городами. Имущественный ценз в городах был снижен с 10 до 6 ф. ст. В результате электорат в графствах увеличился в 1,5 раза, а в городах — в 6 раз, в Шотландии — в 8 раз. Число мужчин, имевших право голоса, достигло почти 2,5 млн человек.

Важным пунктом второй парламентской реформы стало распространение в городах избирательного права не только на домовладельцев и тех, кто арендовал целое строение, но и на тех, кто снимал квартиру и проживал в ней не менее 12 месяцев. Тем самым, сохраняя имущественный ценз и ценз оседлости, закон предоставил избирательное право ремесленникам и рабочим, которые уплачивали не менее 10 ф. ст. арендной платы в год за жилье. Низшие слои среднего класса города и «рабочая аристократия»полнили ряды избирателей.

В графствах избирательное право получили все те, кто уплачивал не менее 12 ф. ст. в год за арендуемое помещение.

Парламентская реформа существенно расширила число избирателей. Однако среди них по-прежнему отсутствовали сельские батраки, основная масса городских рабочих и женщины, т.е. подавляющая часть населения.

Тем не менее реформа явилась важным этапом дальнейшего преобразования системы представительства и политического развития. Сокращение мест в парламенте от «карманных» местечек, с одной стороны, и столь значительное увеличение числа людей, обладавших правом голоса — с другой, покончило с коррупцией на выборах и подкупом избирателей.

Избиратели получали возможность путем выборов опосредованно влиять на принимаемые парламентом решения. Отныне от их настроений, симпатий и антипатий зависел приход к власти той или иной партии. Либералы и консерваторы, в свою очередь, были вынуждены проводить политику дальнейших преобразований, в большей мере учитывая интересы и требования более широкого круга граждан страны, чем прежде. Таким образом, реформа способствовала дальнейшему вовлечению жителей Британии в обсуждение государственных дел, повышению уровня правовой культуры и национального самосознания.

Решительное расширение избирательных прав, частично удовлетворявшее требования значительной части общества, и вместе с тем сохранение привилегированного положения знати соответствовало ее интересам. Дизраэли, как инициатор преобразований, был награжден королевой титулом и стал лордом Биконсфилдом.

Однако консерваторы не добились желанного расположения избирателей, одни были недовольны решительностью перемен, другие — их недостаточностью. Объединение вигов и радикалов, выступивших совместно, привело к поражению консерваторов на выборах. Либеральное правительство 1868—1874 гг., обладавшее большинством в 112 мест в нижней палате, вошло в политическую историю как реформаторское.

Таким образом, середина столетия характеризуется дальнейшими сдвигами в общественно-политической сфере, углублением и ускорением процесса становления гражданского общества. Парламентские партии все в большей мере соединяются с массовыми политическими организациями. Реформы, проводившиеся как либералами, так и консерваторами, способствовали развитию гражданских, правовых отношений в обществе. К наиболее важным преобразованиям периода следует отнести расширение избирательного права и предоставление права голоса верхушке рабочего класса.

Колониальная политика. В середине XIX столетия роль колоний в жизни Великобритании возрастала. Они являлись основным поставщиком сырья для промышленности, в то же время — стабильным рынком сбыта ее продукции. В этот период четко обозначились различия между владениями. Условно они по-прежнему делились на разные группы владений. Первые представляли собой стратегические базы на основных морских путях. Вторые — так называемые «белые» или переселенческие колонии. Третья группа — это владения с преимущественно местным, туземным населением. Европейцы в них составляли незначительную часть жителей.

На протяжении всего столетия вопросы об управлении колониями, торговле с ними и политических взаимоотношениях имели важное значение для метрополии. Различное положение колоний в составе империи определяло и разную политику по отношению к ним.

Вплоть до конца XIX в. в Великобритании сохранял свое первоначальное значение термин «колония». Он трактовался как поселение, основанное в других краях лицами, покинувшими родную страну. В связи с этим «белые» колонии рассматривались в правовом, экономическом и политическом смысле, как собственно колонии. С ними был связан, прежде всего, вопрос о переселении части жителей из Великобритании. Отношение же к эмиграции представителей различных политических группировок и правительства Британии зависело от их взглядов на численность населения и проблему вспомоществования беднякам.

В 1850—1860-х гг. вопрос об эмиграции не имел той остроты, что в предшествовавшие или последовавшие десятилетия. На первый план выходила проблема самоуправления на отдаленных территориях с постепенной передачей в руки колонистов решения вопросов внутренней политики и самообороны.

Владения Британии находились в полной зависимости от метрополии. Именно центр определял внутреннюю политику в отношении народов, населявших владения. В переселенческих колониях выходцы из Британии оставались подданными монарха. Свои политические права они могли осуществлять путем выбора местных ассамблей. Однако в ведении этих ассамблей находилась незначительный круг вопросов внутренней жизни. Вся полнота власти сосредоточивалась в руках представителя Короны — генерал-губернатора. Отдаленность от центра и его широкие полномочия зачастую усугубляли различные злоупотребления на местах. Все это консервировало старые методы управления

Впервые наиболее остро вопрос об управлении переселенческими владениями встал в связи с восстанием в 1837 г. в Канаде. Курс на правительство, ответственное перед местным представительным органом, был взят в Канаде в конце 1840-х гг. В 1867 г. парламентом был принят новый Акт о Британской Северной Америке. Он стал конституцией Канады, которая действовала на протяжении XIX—XX вв.

Парламентский Акт провозглашал создание доминиона Канады, самоуправляющейся части империи. Доминион формировался в виде конфедерации. В нее вошли провинции Квебек, Онтарио, Новая Шотландия и Нью-Брансуик. Провинции получили право решать внутренние дела. К ним относились вопросы самоуправления, юстиции, просвещения, здравоохранения, охраны имущества и гражданских прав жителей. Правительство доминиона назначало и увольняло глав провинций.

Метрополия сохранила за собой верховенство в делах обороны, финансов, транспорта, связи, регулирования торговли, налогообложения, иммиграционной политики.

Закон предусматривал создание парламента по типу британского. Парламент в Канаде имел две палаты. Нижняя — представительная палата, избиралась мужским белым населением, верхняя — состояла из лиц, назначавшихся губернатором. Это обстоятельство способствовало закреплению опосредованного участия и контроля метрополии в решении внутренних дел в колонии.

Принцип ответственного правительства, т.е. правительства, сформированного партией, добившейся большинства на выборах в местную ассамблею и ответственного перед ней, постепенно вводился и в других переселенческих колониях. Однако при отсутствии четкого разграничения полномочий между генерал-губернатором и представителями исполнительной власти колонии нередко возникали разногласия, а порой и острые конфликты.

Политическое и экономическое развитие метрополии и переселенческих колоний вынудило Лондон со временем распространить принципы самоуправления на другие владения. Каждая колония проходила свой путь к достижению самоуправления.

Так, например, в Австралии первые поселения англичан появились в 1788 г. В 1803 г. основана первая на континенте колония Тасмания. Она использовалась, главным образом, как место ссылки преступников из метрополии. Со временем, кроме осужденных, постепенно увеличивался и приток свободных граждан. В силу особенностей этой части империи, являвшейся по сути каторжной тюрьмой, там не выбирались ассамблеи, а губернатор обладал всей полнотой власти, которому в 20-е гг. несколько ограничил совет, формировавшийся из числа чиновников. В 1842 г. был создан законодательный совет из 30 человек. При этом 18 его членов избирались поселенцами.

В середине столетия в Австралии были обнаружены богатые золотые россыпи. Их открытие повлекло за собой приток иммигрантов из Европы, Америки, Китая. Возникли новые колонии — Виктория, Квинсленд, Южная Австралия,

Западная Австралия. К 1860 г. все колонии получили самоуправление и конституции, исключение составила Западная Австралия. Ей самоуправление было предоставлено в 1890 г. после открытия на ее землях золотого месторождения.

В XIX в. Британия вела многочисленные войны в Азии и Африке. В Азии их результатом стало существенное распространение влияния британцев, территориальное увеличение площади империи составило около 26 млн кв. км, а число подвластных жителей возросло на 400 млн человек. Именно там, в густо населенных регионах создавались владения третьего типа — туземные.

Внутри этой группы самым крупным владением оставалась Индия, покорение которой завершилось к середине века. Особое положение Индии в Британской империи определялось тем, что формально она считалась владением не Британии, а Ост-Индской компании. Акционерная торговая компания к этому времени была лишена основных торговых привилегий, но по-прежнему являлась полновластной правительницей в регионе.

Экономическая политика, медленное освоение индийского рынка компанией вызывали нарекания в метрополии. В парламенте и прессе радикалы отстаивали необходимость приспособления экономики Индии к нуждам британской промышленности, что осуществить силами компании было невозможно. Политикой компании и ее существованием в регионе были недовольны крестьяне и ремесленники Индостана.

Накопившееся недовольство вылилось в восстание сипаев (солдаты-индийцы), которых поддержала значительная часть населения (1857—1959 гг.). Только тогда правительство ликвидировало Ост-Индскую компанию. С 1858 г. Индия получила статус коронной колонии. Непосредственное управление обширной территорией было передано в руки вице-короля, которого назначал Лондон.

Индийская политика английского правительства представляла особое направление в колониальном курсе метрополии, поскольку в ней сочетались консервативные и либеральные методы управления, что ставило ее вне партийной борьбы в самом центре. С конца 1860-х гг. британские власти приступили к изменению административной и налоговой систем. Сквозь призму индийского вопроса Лондон оценивал события, происходившие не только на Востоке, но и на международной арене.

Стремление укрепить позиции были продиктованы войны в Азии, в том числе и война с Китаем, завершившаяся победой европейского оружия. Благодаря заключению неравноправных договоров с Китаем произошло открытие ряда портов для европейских торговцев. Захват Британией острова Сянган (Гонконг) обеспечил ей исключительные возможности экономического и политического присутствия в Китае. Завершилось завоевание Бирмы, фактически был установлен протекторат над Афганистаном.

Положение Ирландии. Особая ситуация складывалась в Ирландии. Формально Ирландия с 1801 г. являлась частью Соединенного королевства, т.е. метрополии. Ирландские депутаты заседали в британском парламенте и голосовали за принятие решений, касавшихся всех частей Британской империи.

Однако политика центра в отношении этой части королевства носила колониальный характер. Признаком экономической отсталости Ирландии являлся аграрный характер ее экономики, отсутствие машиностроительной промышленности, состояние судоходства. При этом сельское хозяйство велось примитивно, на основе старой техники и технологий. Характерной чертой являлось сочетание крупного землевладения лендлордов с мелкой арендой крестьян.

После 1846 г., когда ирландское зерно утратило позиции на английском рынке, возрос спрос на шерсть, мясные и молочные продукты. Пастбищное ведение хозяйства становилось более перспективным и выгодным, переход к нему

послужил стимулом к аграрному перевороту. Все более массовым явлением становился сгон крестьян с земли. Этому способствовала непрочность аренды. Договоры обычно заключались на непродолжительный срок, и не существовало преград для их аннулирования лендлордом. Угроза сгона с земли и повышения арендной платы служила землевладельцам орудием вымогательства и средством политического давления. Основная масса арендаторов влачила жалкое существование. Они страдали от безземелья, кабальной зависимости от лендлордов и посредников различных категорий. Порой между собственником и фактическим держателем земли стояло до 10 посредников.

Социально-политическое положение вызвало массовое переселение ирландцев в Англию и за океан — в Америку. С 1851 по 1866 г. из Ирландии эмигрировало 1 млн 730 тыс. человек. Эмиграция, сокращение рождаемости и ухудшение здоровья населения привели к резкому сокращению его численности. Если в 1841 г. в Ирландии проживало более 8 млн человек, то в середине 1860-х гг. население сократилось до 5,5 млн.

Политические порядки в Ирландии кардинально отличались от порядков в остальной части Соединенного Королевства. Конституционные гарантии прав личности систематически приостанавливались введением осадного положения, принятием исключительных законов, религиозным и национальным притеснением.

Специфическое социально-экономическое развитие и сущность политического строя обусловили характер ирландского национально-освободительного движения. Его отличала сложность состава участников, влияние различных, порой противоречивых тенденций. Революционное и либерально-оппозиционное направления получали преобладание в разное время. Борьба крестьян носила традиционные черты, унаследованные от прошлого: заговорщический ритуал, акты народной мести, создание тайных обществ.

Представителями революционного крыла в 1850–1860-х гг. были фении — ирландские революционеры народнического типа. Осуществления независимости, образования республики, превращения арендатора в собственника они стремились добиться революционными методами, но заключались эти методы в организации заговоров.

Глава 17 ВТОРАЯ ИМПЕРИЯ ВО ФРАНЦИИ

2 декабря 1852 г. Луи-Наполеон Бонапарт был провозглашен «императором французов» под именем Наполеона III. Во Франции установилась система авторитарного правления, которая вошла в историю под названием бонапартизма.

Свое решение о возвращении империи во Франции Наполеон III поставил на одобрение плебисцита и получил его — более 80% от общего числа избирателей проголосовали за установление империи. Отчеты должностных лиц из многих мест Франции свидетельствовали о народной поддержке: манифестации, проявления радости во время плебисцита и всевозможных церемоний по случаю провозглашения империи. Писали даже, что давно никакой национальной праздник не вызывал такой бури народного энтузиазма.

Фигура Наполеона III крайне противоречива, можно даже утверждать, что в истории Франции немного личностей, которые получили от современников такое количество нелестных оценок. С легкой руки крупного французского писателя Виктора Гюго император Наполеон III получил уничижительное прозвище «Наполеон малый».

Однако сегодня совершенно очевидно, что это была сложная и неоднозначная личность, с деятельностью которой связаны и начало социальной политики во Франции и стремительная индустриализация страны в 60-е гг. XIX в. А выдвинутый Наполеоном III принцип национальностей сыграл большую роль в истории международных отношений.

Политическая система управления. В своей внутренней политике Вторая империя попыталась соединить принцип демократии — всеобщее избирательное право (это наивысшее достижение революции 1848 г.) и принцип сильной власти, т.е. практически неограниченные полномочия исполнительной власти. По словам самого Луи-Наполеона, «свобода никогда не способствовала основанию прочных политических зданий, она венчает их, когда время уже их упрочило».

Прошедшая революция изменила французское общество, активизировала социальные движения и требования гражданина к власти. Пойти против этих настроений означало самоубийство для нового политического режима. В то же время император считал, опять-таки основываясь на опыте революции 1848 г., что чрезмерность свобод и отсутствие институтов контроля за ними приводит к революционному возбуждению масс и в конечном итоге к анархии. Порядок и стабильность в обществе немислимы без контроля над свободами, осуществляемого первым лицом государства.

Эти задачи и должна была решить новая конституция, которая была принята в 1852 г. Конституция начиналась с заявления о верности великим принципам 1789 г., которые являются основой «публичного права французов». Конституция сохранила всеобщее избирательное право и представительные органы власти. Желая подчеркнуть свою близость к народу, Наполеон III ввел в практику систему референдумов и до конца своего правления был убежден, что для власти нет более прочного гаранта стабильности, чем народ при прямом к нему обращении. «Народ, — заявлял он, — единственный суверен, которого я признаю».

Одновременно конституция установила режим личной власти императора. Вся система исполнительной власти была подчинена Наполеону III. Он был главнокомандующим вооруженных сил, он назначал чиновников на все выс-

шие государственные посты. Министры назначались императором и подчинялись только ему. Только император обладал правом законодательной инициативы.

Законодательная власть разделялась на три инстанции: Государственный совет, Законодательный корпус и Сенат. Предвыборные собрания и агитация кандидатов оппозиции были запрещены. Законодательный корпус избирался всеобщей подачей голосов (260 его членов выбирались на 6 лет, право голоса имели мужчины с 21 года, проживающие в данной местности не менее 6 месяцев), но не имел законодательной инициативы, его роль сводилась к утверждению законов и бюджета. Депутаты были лишены права избирать своего председателя, вводился запрет на публикацию отчетов о заседании палаты.

На парламентских выборах открыто поощрялась поддержка так называемых официальных кандидатов — ставленников правительства. По свидетельству одного из современников это выглядело так: «министр передает имя кандидата префекту, тот передает супрефекту, который передает его мэру; мэр передает его начальнику сельской полиции, который распространяет это имя по всей деревне».

Верхняя палата — Сенат — состояла из членов, пожизненно назначенных императором, и из сенаторов «по праву», т.е. принцев, кардиналов, маршалов. Число сенаторов не должно было превышать 150 человек. Важным органом государственной власти был Государственный совет, члены которого назначались самим Наполеоном III. В Государственном совете обсуждались все законопроекты и бюджет, которые затем шли на утверждение в Законодательный корпус.

Органы местного самоуправления избирались всеобщим голосованием, но находились в большой зависимости от властей. Отсутствовала выборность мэров, они назначались правительством. Кроме того, префекты — представители центральной власти — имели более широкие полномочия. В больших городах, таких как Париж, Лион, где было большое скопление рабочего населения, органы местного самоуправления вообще не выбирались.

Эта система управления по существу повторяла созданную еще в начале XIX в. Наполеоном I. Она представлялась Наполеону III идеальной для страны, только что имевшей «несчастье пережить разрушительную революцию», в ходе которой и «монархическая форма управления и республиканская были дискредитированы».

Свобода печати и собраний отсутствовала. В прессе существовала жесткая цензура и прямой контроль властей, который осуществлялся путем «специального разрешения» на издание того или иного журнала. Цензура распространялась и на театр, всякий даже намек на революционные события приводил к запрету пьесы. В университетах профессура присягала на верность режиму. Кафедры философии и истории упразднились. Усилилась роль католического духовенства в организации и контроле всей системы образования.

Подобная система управления приводила к непрерывному росту чиновничества. В годы Второй империи бюрократический аппарат вырос и насчитывал более 700 тыс. человек (без полиции и почты).

В первое десятилетие своего существования режим проводил политику пресечения любых проявлений оппозиционности. Республиканское движение было подавлено, действовало подпольно, пытаясь организовать тайные общества (общество «Марианна»), заговоры и покушения на императора. Эмигрировали многие из «людей 1848 г.» — Луи Блан, Виктор Гюго, Ледрю-Роллен и др. До 1857 г. либералы и республиканцы вообще не были представлены в Законодательном корпусе, а в 1857 г. из них прошли всего пять человек, среди которых самым влиятельным был Эмиль Оливье. После совершенного в январе 1858 г.

итальянским патриотом Ф. Орсини покушения на Наполеона III (император не пострадал) во Франции начались новые преследования республиканцев, не имевших никакого отношения к этому покушению. Более 2 тысяч человек были арестованы, а около 300 сосланы в Алжир.

Оппозиция могла проявить себя лишь в салонах и в либеральной прессе Англии, Бельгии и Швейцарии. Поэтому общественная жизнь, по выражению одного французского историка, сосредоточилась в чисто деловой сфере.

Экономическое развитие. 50–60-е гг. XIX в. были временем бурного экономического развития Франции. В стране завершалась промышленная революция. Задача экономического процветания стала приоритетной для правительства и лично для Наполеона III. Политика, направленная на промышленный прогресс, по глубоко убеждению французского императора, неразрывно связана с ростом благополучия широких слоев населения, от крестьянина до банкира. Это был своеобразный план создания «государства всеобщего благоденствия». Наполеон III лично руководил советом, который обсуждал вопросы экономического развития. В него входили видные политические деятели, экономисты, предприниматели.

Одним из экономических достижений правления Наполеона III был масштаб строительства железных дорог. Можно сказать, что произошла настоящая революция на транспорте. Железнодорожная сеть, покрывшая всю Францию и связавшая ее с соседними европейскими государствами, росла стремительно. Если в 1850 г. протяженность железных дорог составляла 2915 км, то к началу 1870 г. — 17 640 км; грузооборот вырос более чем в 10 раз — до 44 млн тонн. Это в свою очередь стимулировало развитие внутренней и внешней торговли, развитие тяжелой промышленности. Резко выросла добыча железной руды и каменного угля. Так, производство угля возросло с 1852 г. по 1869 г. в 3 раза — до 20 млн тонн в год. Древесный уголь уходит в прошлое.

Почти все отрасли промышленности охватили фабричное производство. В конце 60-х гг. XIX в. Франция обладала паровыми машинами, развивавшими мощности в 15 раз больше, чем в начале 50-х гг. Шло стремительное развитие металлургической промышленности. Бассейн Луары стал крупным центром металлургии — здесь размещались знаменитые заводы Крезю. Развивались предприятия машиностроения, металлообработки, химии (район Лиона). Число рабочих за 50–60-е гг. XIX в. выросло на 15%.

Однако несмотря на успехи в развитии тяжелой промышленности, ведущей и в этот период была легкая, прежде всего текстильная промышленность. Именно в легкой промышленности — текстильной, кожевенной, пищевой, строительной и др. — было занято около 80% всей рабочей силы страны.

Успехи в промышленном производстве позволили отойти от политики протекционизма. Договор 1860 г. с Англией положил начало эпохи относительно либерализма в торговле. Но не все круги промышленников приняли эту политику, и экономический кризис 1866–1867 гг. был приписан негативным последствиям этого договора.

В промышленности Франции шел процесс концентрации производства, на ряде предприятий работали многие сотни и тысячи рабочих. Особенно это касалось тяжелой промышленности. Однако роль средних и мелких предприятий была еще очень велика. Так, к середине 60-х гг. XIX в. ремесленный сектор все еще производил 70% текстильной продукции. Причиной такого положения дел было и то, что государственная поддержка касалась прежде всего новых отраслей, тех промышленных гигантов, которые не только приносили ощутимую прибыль, но и должны были создать «новую Францию», одну из передовых в экономическом отношении держав Европы.

Очень выросла в эти годы внешняя торговля, особенно с европейскими странами, колониальные рынки еще не играли той роли, какую они сыграют позднее. Внутренняя торговля тоже переживала подъем. Создаются впервые крупные торговые фирмы, универсальные магазины (например «Бон Марше»), которые разорили маленькие магазинчики, лавочки. Французский писатель Эмиль Золя, которого называют летописцем Второй империи, даже предсказывал в своем романе «Дамское счастье» окончательное разорение мелкого лавочника. Однако его прогноз не оправдался. Некоторый упадок мелких предприятий был, но все же можно сказать о сохранении мелкобуржуазного облика французской экономики и в этот период. В динамике развития экономики, концентрации производства Франция уступала и Англии и США.

Настоящий расцвет переживало банковское дело. Правительство поощряло рост кредитных учреждений. Наряду с крупными банками, такими как «Креди мобилъе» братьев Перейр, «Креди Лионне», возникли многочисленные банки со структурой акционерного общества, мобилизовавшие небольшие денежные средства и делавшие кредит более доступным. В 1867 г. во Франции были сняты все ограничения на деятельность акционерных обществ.

Банк «Креди мобилъе» был в это время практически хозяином всех железных дорог Франции, предоставлял займы железнодорожным компаниям Австрии, России, Испании, финансировал разработки месторождений полезных ископаемых в нескольких государствах Европы. Крупные суммы вкладывались банками в иностранные займы, вывозились за границу. Франция, наравне с Англией, превращалась в экспортера капиталов. Французский капитал играл огромную роль в расширении колониальной экспансии. Однако характерная особенность французской экономики — рост денежного капитала обгоняет развитие промышленного капитала — сохранялась и в этот период.

Оформилась целая социальная прослойка населения — рантье, те, кто благодаря играм на бирже и выгодным процентам с банковских вкладов мог позволить себе жить только на ренту. Игра на бирже и спекуляции ценными бумагами позволяли наживать и большие состояния.

Один из современников характеризовал время Второй империи, как период «капиталистической эйфории»: «внезапно буржуазия теряет страх перед большими цифрами, долгосрочными планами и зависящими от них финансовыми обязательствами... Дух предпринимательства восторжествовал во всех слоях общества».

Экономический подъем отразился на жизни городов. В связи с бурным железнодорожным строительством развивались предместья городов, прежде всего Парижа. Росло население городов. Так в Париже с 1851 г. по 1869 г. оно увеличивается почти в два раза — до 1,9 млн человек. В целом городское население за этот период выросло с 9 млн до 11,5 млн человек.

Париж становится не только крупным финансовым и промышленным центром Франции, но и блестящей столицей Европы в культурном и в архитектурном плане. С 1853 г. префект Парижа барон Осман по поручению императора Наполеона III разработал программу крупномасштабной реконструкции столицы. В течение нескольких лет на смену узким средневековым улочкам пришли широкие бульвары, проложены новые магистрали, созданы элегантные прогулочные парки (Булонский, Венсенский). Были возведены новые, небывало высокие для тех времен здания (75 тыс. новых зданий), отреставрированы и открыты для посещения исторические памятники, построены вокзалы, связавшие Францию со всей Европой. В Париже были модернизированы все городские службы — канализация, водопровод, освещение. Размах строитель-

ства был совершенно ошеломляющим. И не случайно первые всемирные выставки 1855 г. и 1867 г. проходили в Париже.

Несмотря на рост городов, большинство населения Франции и в период Второй империи жило в деревнях (69%). Доля сельского хозяйства в национальном доходе составляла приблизительно 58%. Сельское хозяйство медленно, но стабильно развивалось по капиталистическому пути. Этому способствовали многие факторы: увеличение на 2 млн га пахотных земель, революция на транспорте и в промышленности. В 50–60-е гг. XIX в. началось производство сельскохозяйственных машин и их применение стабильно росло; сделаны важные открытия в агробиологической науке. Кроме того, земля по-прежнему и фактор экономического благосостояния, и фактор общественного престижа. Цена на землю постоянно растет.

Однако все же французская деревня периода Второй империи сохраняла в определенной степени свой прежний облик, связанный с жизнью мелких и средних крестьянских хозяйств. Можно говорить о появлении лишь симптомов утраты крестьянским хозяйством конкурентной способности. Только в 80-е гг. XIX в. начнется процесс прогрессивного разорения мелкого крестьянского хозяйства и исход крестьянина в город.

Ускорился в деревне 50–60-х гг. XIX в. процесс дифференциации: 3% собственников обладали тем же количеством земли, что и остальные 97%. Но, как и прежде во Франции, крупная земельная собственность не означала крупного хозяйственного организма. Земля в своем большинстве дробилась и сдавалась в аренду. Это помогало мелкому собственнику выживать. Кроме того, сельское население (81%) вынуждено было продавать свой труд.

Несмотря на то, что французское правительство в этот период ставило перед собой задачу модернизации и аграрной сферы (для крестьян были открыты специальные банковские кредиты с низкими процентными ставками), процесс рождения сельских предпринимателей шел крайне медленно. Деревня в целом еще сохраняла свой традиционный уклад производства. Можно сказать, что промышленная революция в полной мере не затронула сельское хозяйство. Сельское производство оставалось примитивным, технику чаще приобретали крупные и средние собственники, они же получали более 70% кредитов от учрежденного аграрного банка.

Тем не менее в годы Второй империи французский крестьянин жил вполне стабильно, благодаря в том числе и политике государства, которое поддерживало высокие и постоянно растущие цены на аграрную продукцию.

Зарождение социальной политики во Франции. Характерной особенностью режима Второй империи было стремление расширить свою социальную опору за счет привлечения на свою сторону широких слоев населения. В союзе «Вождя и нации», считал Наполеон III, заключается истинная сила государства. Наполеон III высказывался даже о необходимости введения прогрессивного налогообложения, считая, что «трубящийся класс» должен на равных пользоваться «благами цивилизации». Поэтому социальная политика, по его мнению, должна была стать неотъемлемой частью процесса индустриализации во Франции. Обращение Наполеона III к острым проблемам социальной политики было безусловно прорывом в этой области.

Особое внимание было обращено на положение рабочего класса. Было сохранено учрежденное еще в годы революции 1848–1849 гг. Министерство общественных работ, его цель — борьба с безработицей. Под покровительством императрицы была учреждена комиссия по делам рабочих, принимавшая рабочие делегации с запросами и жалобами. В 1862 г. был основан специальный банк, предоставлявший кредиты рабочим (под низкие проценты). Во Франции

действовали общества взаимопомощи. Выделялись кредиты на строительство домов для рабочих, средства на дома призрения.

С начала 60-х гг. XIX в., особенно после Всемирной промышленной выставки, стали поощряться поездки рабочих делегаций за границу для ознакомления с технологическими достижениями других стран и взаимного обмена производственным опытом. В 1864 г. был отменен так называемый закон Ле Шапелье, принятый еще в 1791 г. и запрещавший создание объединений рабочих на предприятиях. Отныне рабочие получали право организовывать ассоциации для переговоров с патронами и проводить собрания для обсуждения насущных вопросов. Было признано законом право рабочих проводить забастовки и объединяться в «коалиции». Наполеон III приветствовал образование Первого Интернационала. Ряд реформ был проведен в области образования, особенно женского. Каждая сельская или городская коммуна численностью более 500 человек должна была основать бесплатную женскую начальную школу. Была создана специальная касса помощи школам в бедных коммунах. Детям рабочих предоставлялась возможность посещать занятия в две смены, утром и вечером, учитывалось то обстоятельство, что немалая часть этих детей была вынуждена работать. К концу Второй империи $\frac{1}{3}$ детей посещало начальную школу, в том числе и на бесплатной основе. Неграмотными и малограмотными были уже менее половины французов. Особенно вырос уровень культуры в городах.

Однако в целом положение рабочего люда оставалось тяжелым. Рабочие не были однородной социальной группой, что было связано с существованием одновременно новых и старых отраслей промышленности. Например, в текстильном производстве нередко рабочие совмещали сезонный труд на фабрике с трудом крестьянина. Существовали традиционные ремесленные мастерские, где профессия передавалась по наследству и где работник был квалифицированным и высокооплачиваемым. Процесс индустриализации приводил к росту новых отраслей промышленности, куда привлекались большие массы люмпенизированного населения, как правило, это разорившиеся крестьяне, искавшие заработка в городе. Условия жизни этого нового пролетариата были наиболее тяжелыми. Такой рабочий выполнял однообразную, низкоквалифицированную работу, получал маленькую заработную плату, работал от 12 до 15 часов в день. Как правило, его дохода не хватало на содержание семьи, поэтому работали и его жена и дети. Женщины получали заработную плату значительно меньшую, чем мужчины.

Средняя заработная плата рабочего к середине 60-х гг. XIX в. составляла 2 франка в день у мужчин и 1,5 франка у женщин при среднем прожиточном минимуме 1 франк в день.

Хроническим явлением была безработица, особенно в периоды экономических кризисов. Тяжелыми оставались и условия труда рабочих и условия их жизни. По-прежнему высоким был уровень производственного травматизма у рабочих, никак не защищенных социальным законодательством. Проживали рабочие в тесных комнатухах или бараках при заводе. Все это приводило к росту стачечного движения, особенно в крупных промышленных городах. В рабочей среде быстро распространялись социалистические идеи, чрезвычайно популярной оставалась и мечта о «социальной республике».

Тяжелое положение рабочих требовало пристального внимания со стороны государства. Однако бонапартистский режим, несмотря на все заверения правительства и высказывания Наполеона III, решить эту проблему не смог.

Внешняя политика. Внешняя политика Наполеона III в первые 10—15 лет его правления была успешной. Она вернула Франции ранг ведущей державы на мировой арене. Этому способствовали и реальная расстановка сил на междуна-

родной арене и внешнеполитические проекты самого императора. Мысль о revanche за 1815 г. так или иначе все еще владела умами французов независимо от их общественной позиции. Поэтому пересмотр «трактатов 1815 г.», а значит — крупномасштабное переустройство Европы было центральной идеей французского императора в области внешней политики.

Достичь этого Наполеон III считал возможным путем замены принципа легитимизма принципом национальностей, который и был им выдвинут: «Основать прочную ассоциацию европейских государств, которая бы опиралась на систему сложившихся национальностей и удовлетворение общих интересов». Предлагая государственность каждой национальности (немцам, полякам, итальянцам и т.д.), он рассчитывал, что новое «братство народов» учтет помощь Франции и это обеспечит ей главенствующую роль в новом международном объединении. Это, в свою очередь, должно было способствовать укреплению бонапартистского режима и росту его популярности во Франции. Программа возвращения Франции «национальной славы» привела к расцвету в годы Второй империи националистических и шовинистических настроений в стране.

В укреплении престижа Франции на международной арене значительную роль сыграла победа в составе антирусской коалиции в Крымской войне 1853—1856 гг. Парижский мир 1856 г. не только упрочил положение Франции на европейском континенте, но и усилил ее влияние на Балканах и Ближнем Востоке.

В 1859 г. правительство Наполеона III предприняло попытку вмешаться в итальянские дела и упрочить позиции Франции в этом регионе. Пьемонт начал войну за освобождение Италии от австрийского господства; за свою помощь, в качестве «награды», Франция запросила у Пьемонта возвращение Савойи и Ниццы, отошедших к нему по мирному договору 1815 г. Эти территории Наполеон III получил, однако возникшее в 1861 г. большое Итальянское королевство никоим образом не намерено было способствовать планам Наполеона III по укреплению позиций Франции на Апеннинах.

Опасным соседом Франции в эти годы становилась Пруссия, чья мощь и агрессия возрастала в войнах за объединение Германии. Дипломаты старой школы предупреждали Наполеона III об этой опасности, считали, что французская дипломатия должна искать пути сближения с Австрией и даже с Россией: такой европейский блок поможет Франции противостоять растущему влиянию Пруссии в германских государствах, а в перспективе поможетстоять в случае военной конфронтации с Пруссией. Однако Наполеон III от таких предложений отказался, так как они противоречили его идее-фикс — принципу национальностей. Кроме того, поддержав (на словах) поляков в период восстания 1863—1864 гг., Наполеон III окончательно рассорился с Россией. Перед лицом грозного соперника — Пруссии — к началу войны с ней в 1870 г. он оказался в одиночестве.

Колониальная экспансия занимала большое место в политике Наполеона III. Создать колониальную империю, утерянную в XVIII в., было одной из задач Второй империи. В 50-е гг. XIX в. военные действия велись в Алжире, Сенегале, захватили Дагомею. В 1859 г. Франция приступила к реализации масштабного строительного проекта — соединения судоходным каналом Красного и Средиземного морей. Торжественное открытие канала (Суэцкий канал) состоялось 17 ноября 1869 г. Благодаря этому каналу выросло влияние Франции в Египте.

В 1853 г. французской колонией стала Новая Каледония. В 1863 г. Франция установила протекторат над Камбоджей, а в 1867 г. — подчинила всю южную часть Вьетнама. Франция участвовала вместе с Великобританией в «опиумной войне» против Китая (1856—1860 гг.). Китаю были навязаны неравноправные торговые договоры. Аналогичные договоры были подписаны и с Японией.

Самым смелым (но неудачным) проектом наполеоновского правительства стала экспедиция в Мексику в 1862—1867 гг. с целью водворения там ставлен-

ника Франции. Этот край считался несметно богатым, особенно после открытия в Калифорнии месторождений золота. Экспедиция окончилась провалом, мексиканское общество не приняло французского ставленника.

Несмотря на некоторые неудачи во внешней политике, за время правления Наполеона III Франция вновь превращалась в крупную морскую и колониальную державу.

Либеральная империя. Относительная политическая стабильность и экономический подъем в 50-е-начале 60-х гг. XIX в. во Франции оказались неустойчивыми. Экономический кризис, затронувший экономики всех развитых стран, к середине 60-х годов особенно остро проявился во Франции. Финансовая и банковская сферы, монополизированные крупной буржуазией, пережили ряд обвалов. Разорялись банки и акционерные общества. С начала 60-х гг. XIX в. рос бюджетный дефицит в стране. Сокращались обороты внешней торговли, снижались доходы предприятий, что вело к их разорению и резкому сокращению рабочих мест. Сельское хозяйство пережило беспрецедентно низкий урожай. Инфляция опережала рост заработной платы рабочих. В середине 60-х гг. XIX в. по Франции прокатился шквал забастовок.

Время Второй империи — это непрерывная цепь войн, колониальных захватов, авантюрных экспедиций. Внешнеполитические амбиции Наполеона III начали вызывать недовольство — Франция устала от войн. По свидетельству одного из префектов полиции становилась угрожающей: «Повсюду наблюдаются оскорбительная критика, недоверие, тревожные настроения».

Назревала необходимость поиска нового пути развития страны. Наполеон III начал задумываться над возможностью проведения политических преобразований, чтобы вернуть режиму авторитет в глазах нации. Во Франции наступало время так называемой «либеральной империи».

Политическая оппозиция в годы Второй империи набирала силу с большим трудом. Однако французские либералы, которые еще в 1857 г. сумели провести своих представителей во главе с Э. Оливье в Законодательный корпус, постепенно увеличивали свое представительство там. Именно программа либералов оказалась наиболее созвучна представлениям Наполеона III о возможном направлении политических преобразований в стране. Э. Оливье сыграл огромную роль в политических реформах последних лет Второй империи. Оливье предложил французскому императору программу преобразований, которые должны были, не затронув основ авторитарного правления, привести к развитию в стране гражданских свобод. Таким образом, Наполеон III решил наконец «увенчать свободой» политическое здание французской государственности, как он и обещал в начале своего правления.

19 января 1867 г. французский император официально объявил о начале либеральных преобразований. В результате был осуществлен ряд конституционных мер, которые увеличили роль Законодательного корпуса и Сената: предоставлены право законодательной инициативы, выбора президента корпуса, введена ответственность министров перед парламентом. Кроме того, было разрешено публиковать официальные отчеты о заседаниях Законодательного корпуса и ему дано право обсуждать и вотировать государственный бюджет.

Традиционно большое значение придавали либералы свободе прессы. В 1868 г. был принят закон о прессе, согласно которому любой гражданин Франции мог без предварительного разрешения полиции и денежного вноса издавать журнал или газету. Однако при этом сохранялось наказание за «оскорбление власти». В результате к концу 60-х гг. XIX в. число оппозиционных журналов существенно увеличилось. Что касается публичных собраний, то предварительные разрешения на их проведение отменялись, но предусматривалось присутствие представителя власти.

Реформы были закреплены в новой конституции, принятой весной 1870 г. Конституция провозгласила принципы, на которых должен основываться бонапартистский режим во Франции: всеобщее избирательное право, народный референдум и разделение законодательной власти между монархом и парламентом. Вторая империя превращалась в парламентарную монархию с демократическими учреждениями.

Либеральное течение было дискредитировано союзом с императором, оно утратило статус оппозиции. Однако либерализация режима позволила активизироваться оппозиционным движениям. Они были представлены, главным образом традиционными монархическими партиями — легитимистами и орлеанистами, а также республиканцами.

Республиканское движение в 60-е гг. XIX в. набирало силу, оно имело ярких лидеров (Л. Гамбетта, Ж. Ферри, А. Рошфор и др.). Все активнее республиканцы участвовали в политической жизни страны. Так, на выборах в Законодательный корпус в 1869 г. Л. Гамбетта выставил свою кандидатуру в Бельвильском округе Парижа. Его предвыборная программа, получившая название «бельвильская», отличалась большим политическим радикализмом. Она включала такие пункты: всеобщее избирательное право; свобода печати, собраний, ассоциаций; суд присяжных по делам обвиняемых в политических преступлениях; обязательное светское бесплатное образование; отделение церкви от государства; уничтожение постоянной армии. В начале 1870 г. республиканцы провели в Париже грандиозную демонстрацию.

В 60-е годы XIX в. среди республиканцев образуется и начинает активно выступать группа социалистов, виднейшим из которых был Ш. Делеклюз, издававший журнал «Ревей» — французский рупор идей I Интернационала. Французские делегаты приняли участие в учредительном собрании Международного товарищества рабочих 28 сентября 1864 г. В 1865 г. возникла французская секция Интернационала. Социалистические идеи активно проникали в рабочую среду, число секций Интернационала во Франции быстро росло. Набиравало силу и стачечное движение рабочего класса. В секциях Интернационала и вообще в рабочем движении особой популярностью пользовались идеи Прудона (умер в 1865 г.), что было обусловлено идейным уровнем французского рабочего — еще вчера крестьянина и ремесленника.

Выборы 1869 г. показали, что в стране хотя и наметился рост популярности республиканцев, лидировали по-прежнему бонапартисты. На плебисците 8 мая 1870 г. французам было предложено ответить «да» или «нет» на вопрос — одобряют ли они проведенные реформы и новую конституцию? Подавляющее большинство избирателей ответило «да». Таким образом, нация поддержала политику правительства, проголосовала за стабильность и порядок, с которыми ассоциировалась власть Наполеона III. Авторитарная власть вновь вышла победительницей, показав, что бонапартизм — легитимный авторитарный режим, опирающийся на плебисцитарную демократию. Почему такой режим стал возможным именно во Франции? Это связано с двумя факторами — существованием во Франции сильной демократической традиции в политической жизни и одновременно высоким авторитетом в обществе сильной монархической власти.

В январе 1870 г. было сформировано новое правительство во главе с либералом Э. Оливье. Однако война с Пруссией и другими германскими государствами прервала дальнейшие преобразования¹⁰.

¹⁰ В литературе эту войну 1870—1871 гг. называют по-разному — франко-прусской или франко-германской. Предпринимавшиеся отечественными историками в советское время попытки выбрать какое-то одно наименование и сделать его общепринятым не дали

Начало франко-германской войны. Падение Второй империи. В середине 60-х гг. XIX в. Пруссия начала активные действия, направленные на объединение германских земель. После победы над Австрией в 1866 г. и образования Северо-Германского союза на первый план для премьер-министра Пруссии Бисмарка вышла задача превращения этого союза в Германскую империю, включающую в себя и германские государства к югу от реки Майн. Однако позиция Наполеона III по этому вопросу была категоричной — никогда Франция не допустит присоединения государств Южной Германии к единой Германии. Это привело в конце 60-х гг. XIX в. к резкому ухудшению франко-пруссских отношений.

Бисмарк был убежден в необходимости для Пруссии войны с Францией, войны, которая должна была завершить процесс объединения германских земель. Франция тоже была настроена воинственно, она требовала территориальной компенсации за свой нейтралитет в период австро-прусской войны.

Неудачи дипломатии Наполеона III будоражили Францию. Широкие общественные слои выражали недовольство тем, что рядом с Францией выросло могущественное германское государство без всяких компенсаций и гарантий для французского государства. Ситуация становилась такой напряженной, что стабилизировать политическое положение во Франции мог только успех на внешнеполитической арене.

Переговоры между Пруссией и Францией были настолько сложными и непродуктивными, что стало ясно — Европе ждет новая война. «Война необходима, чтобы это дитя царствовало», — говорила французская императрица Евгения весной 1870 г., имея в виду своего сына, наследника престола. Ее поддерживали многие в кабинете министров, в том числе и глава французского правительства Э. Оливье. Наполеон III, к этому времени тяжело больной, колебался, понимая как сильным противником придется бороться, не имея ни одного союзника в Европе.

Однако Бисмарк пошел на прямую провокацию, опубликовав сообщение о переговорах с французским послом (Эмская депеша), подправленное так, что документ приобрел оскорбительный для Франции характер. Его усилия увенчались успехом. 15 июля 1870 г. Законодательный корпус Франции проголосовал за военные кредиты. 19 июля Франция объявила войну Пруссии.

Война началась в дипломатической обстановке, крайне неблагоприятной для Франции, союзников у нее не оказалось. Кроме того, сразу обнаружились недостатки в организации вооруженных сил Франции. Первые же серьезные бои на границе в начале августа закончились поражением французской армии. Двум ее группировкам был нанесен сокрушительный удар. Одна группировка под командованием маршала Базена дала себя окружить в крепости Мец (середина августа), а другая под командованием маршала Мак-Магона была оттеснена к Седану, где 2 сентября 1870 г. в составе 82 тыс., потеряв 3 тыс. убитых, сдалась. Вместе с войсками Мак-Магона в плену оказался и сам император Наполеон III. Поражение было настолько позорным, что, как казалось современникам, граничило с изменой.

Когда в Париже было получено известие о сокрушительном поражении и пленении императора, улицы заполнились горожанами. Далее события развивались по хорошо известному во Франции сценарию. Требование низверже-

ния режима Второй империи и провозглашения Франции республикой становилось всеобщим. 4 сентября 1870 г. демонстранты ворвались в зал заседаний Законодательного корпуса. Депутаты колебались, не отваживаясь на решительные действия. Возмущенные нерешительностью депутатов демонстранты, возглавляемые республиканцами, двинулись к Ратуше, где было сформировано новое правительство — правительство «национальной обороны».

Вечером 4 сентября это правительство заявило о роспуске Законодательного корпуса и о предстоящих выборах в Учредительное собрание. В тронном зале Тюильрийского дворца Франция была провозглашена республикой. Режим Второй империи закончил свое существование. Наполеон III остаток жизни (он умер в 1873 г.) провел в Англии.

результата: и то и другое можно обосновать доводами, которые не противоречат истине. Может быть, эти наименования оба приемлемы не в качестве написанных с прописной буквы имен собственных (как Семилетняя война, Крымская война и т.п.), а в чисто описательном значении — наравне с такими, как испано-американская война, англо-бурская война, русско-японская война и др. (Ped.).

Глава 18 ГЕРМАНИЯ НА ПУТИ К ОБЪЕДИНЕНИЮ

Германия после революции. В годы после революции Германия являла собой противоречивую картину, отмеченную, прежде всего, двумя противоположными тенденциями — застоём в политике и стремительным экономическим развитием.

Сразу после окончания революции во всех германских странах началась ревизия ее результатов. Всеобщее избирательное право, получившее в годы революции распространение по всей Германии, теперь повсеместно отменялось. Исключение составили лишь Баден и отчасти Бавария, предоставлявшая избирательное право всем плательщикам налогов. В остальных странах вводился имущественный ценз.

Реакция на революцию особенно жесткой оказалась в Пруссии, где широко распространились опасения «красной республики», вызванные радикализацией требований левых в последние месяцы революции. Иронизируя над этими настроениями, возникший в 1848 г. крупнейший сатирический журнал Германии «Кладдерадач» писал, что из-за борьбы с красным цветом из стихов будут изъяты описания рассветов и закатов, а дамам запрещен стыдливый румянец. Борясь с «красной угрозой», власти вывели из компетенции судов присяжных дела, касающиеся политики и прессы, ограничили право собраний, восстановили полицейские полномочия юнкеров. Однако главные изменения коснулись конституции.

Несмотря на дарование «сверху», декабрьская конституция 1848 г. являлась достаточно либеральной по своему содержанию, что соответствовало намерениям премьер-министра Бранденбурга, считавшего необходимым поиск компромисса с либерально-буржуазными силами. Тем не менее на волне успехов прусских войск в подавлении революции заложенное в конституцию всеобщее избирательное право уже в мае 1849 г. было заменено на «трехклассную систему»: все население делилось на три курии согласно величине уплачиваемого налога, причем курия самых богатых налогоплательщиков, составлявшая лишь 4,7% от их общего числа, давала столько же голосов, сколько вторая (12,6%) и третья (82,7%). К тому же выборы становились открытыми и не прямыми. Согласно новым изменениям в конституции, с января 1850 г. верхняя палата должна была состоять из принцев дома Гогенцоллернов и наследственной аристократии. Правительство назначалось королем и фактически не контролировалось палатой депутатов; король обладал также правом вето на любое решение парламента, который он к тому же мог в любой момент распустить. Однако одновременно с этим, несмотря на вновь заявленное происхождение власти «милостью Божьей», Фридрих Вильгельм IV все же присягнул конституции и сохранил право депутатов ветоировать бюджет, а также независимость суда. В знак протеста против новой политической системы, утвердившейся в Пруссии на многие десятилетия вплоть до 1918 г., демократы в течение следующих лет бойкотировали выборы в парламент. Тем не менее никакого более радикального движения протеста не возникло. Одной из причин установившегося в Германии политического штиля стало бурное развитие экономики.

С конца 40-х гг. начался период высокой экономической конъюнктуры, который продолжался до 1873 г. Успешно развивалось сельское хозяйство. На смену катастрофическим неурожаям предреволюционных лет пришли благо-

получные в отношении природных условий 50-е гг. За счет распашки пустошей и осушения болот увеличивались посевные площади. Значительно возросла эффективность сельского хозяйства. По сравнению с 1848 г. урожайность пшеницы в 1873 г. возросла с 12,3 до 14,7 центнера с гектара, ржи — с 10,7 до 13. Подобный же рост испытали практически все остальные сельскохозяйственные показатели. Причиной тому были резко увеличившийся спрос на аграрную продукцию в связи с ростом городского населения, применение сделанных фабричным способом орудий труда и первых химических удобрений, а также разбуженная предприимчивость крупных и средних землевладельцев, открывших для себя выгоды стремительно развивавшегося капиталистического рыночного хозяйства.

Мощным толчком к капиталистической перестройке сельского хозяйства стал закон 2 марта 1850 г., который завершил эпоху прусских аграрных реформ, начатых в начале века. Он предписывал полную замену повинностей денежными выплатами и распространял выкупные операции на ранее не затронутые реформой слои малоземельного крестьянства. Пользуясь посредничеством специальной учрежденных в каждой провинции банков, крестьянин должен был в рассрочку выплатить сумму выкупа, в 18 раз превышающую его обычные ежегодные платежи. Благодаря этой реформе темпы выкупных операций существенно возросли, в деревню шире проникли товарно-денежные отношения, а юнкеры получили значительные капиталы для модернизации своих хозяйств на капиталистической основе. Финансовая нагрузка на крестьянские хозяйства при этом существенно облегчалась не только длительным сроком выплат (до 56 лет), но и высокой аграрной конъюнктурой, длившейся четверть века. Тем не менее произошло перераспределение земельной собственности в пользу крупных хозяйств, в результате чего к 1860 г. 1,6% крупных земельных собственников (свыше 75 гектар) владели половиной всей обрабатываемой земли, в то время как свыше 50% мелких собственников не могли прокормиться с собственного участка и были вынуждены идти в батраки или заниматься приработками. Вместе с тем выделилась прослойка средних крестьянских хозяйств, которым принадлежало почти 40% пахотной земли. Именно крупные и средние хозяйства, широко применявшие технические нововведения и использовавшие труд малоземельных крестьян и батраков, являлись движущей силой прусского аграрного капитализма. В 50-е гг. сходные реформы были проведены и в других германских государствах.

Основной сферой экономического роста была промышленность. Промышленный переворот, начавшийся в 30–40-е гг. XIX в., именно с 50–60-х гг. стал решающим образом влиять на экономику, менять облик немецкого общества и жизненные условия людей. Главным двигателем промышленного развития по-прежнему выступала железная дорога, протяженность которой в странах Германского союза за 20 лет после революции выросла с 5375 до 18 810 км. Именно железная дорога являлась главным потребителем железа и стали, производство которых в те же годы увеличилось в 5 с лишним раз. Использование локомотивов как самых технологически сложных машин своего времени железная дорога одновременно стимулировала машиностроение. Уже с середины 50-х гг. рельсы, подвижной состав и вся железнодорожная инфраструктура стали продукцией почти исключительно местного производства. Семь паровозостроительных предприятий во главе с берлинским заводом Борзига превратили Германию в крупнейшего производителя локомотивов на континенте. Качество немецкой промышленной продукции все чаще получало международное признание — так, уже на первой Всемирной промышленной выставке в Лондоне в 1851 г. крупнокалиберная пушка Круппа была удостоена медали.

Экономические успехи самым непосредственным образом влияли на настроения в обществе. «Голодные сороковые» остались позади. Улучшившаяся продовольственная ситуация и существенное снижение безработицы в городе значительно уменьшили то подспудное брожение социальных низов, которое столь бурно прорвалось наружу во время революции. Иные настроения царили и в буржуазной среде, главным социальном источнике германского либерализма. Негативный опыт революции, с одной стороны, и открытые экономическим бумом перспективы личного успеха и процветания — с другой, привели к изменениям жизненной позиции: пришло время отбросить абстрактные принципы, «стоять на почве фактов» и стремиться к самореализации там, где это возможно. Подобно тому, как невозможность политического самовыражения в первой половине века заставляла искать укрытия в частной жизни, так теперь разочарование в политике обернулось повышенной экономической активностью буржуазных кругов. В целом общественная стагнация 50-х гг. была связана не только с реакционными действиями властей, но и с политической пассивностью значительной части населения германских государств. Следующее десятилетие «политика» вновь делалась князьями.

Выразителем новых настроений в обществе стал либеральный публицист Л. Рохау, в своей книге 1853 г. нашедший им точное выражение, которое вошло не только в немецкий, но и в международный политический лексикон — «реальная политика». «Идеализму» революции он противопоставил «реализм» послереволюционной эпохи, заявляя, что политику делают не идеи, а сила. Главной же силой, способной объединить Германию и тем самым решить главную задачу неудавшейся революции, он считал Пруссию.

Австро-прусское соперничество в 50-е гг. XIX в. Очередной раунд борьбы за объединение Германии состоялся сразу после завершения революции 1848—1849 гг. Поражение национального движения в революцию привело к тому, что все попытки решить проблему объединения «снизу», демократическим путем были сняты с повестки дня, уступив место открытой борьбе между монархией Габсбургов и Пруссией. Практически одновременно ими были выдвинуты два проекта объединения Германии.

В марте 1849 г. Вена предложила так называемый план «70-миллионной империи» — проект австрийского премьер-министра Ф. Шварценберга. Суть его плана заключалась во включении в Германский союз всей монархии Габсбургов, в результате чего возникла бы гигантская Германия от Балтики до Адриатики. Благодаря своим размерам и численности населения, ведущую роль в ней играла бы монархия Габсбургов. Центральным органом должна была стать Директория, в которой Австрия, Пруссия и Бавария обладали бы постоянными голосами, а 4 остальных голоса доставались остальным членам федерации по очереди. Предусматривался также представительный орган из депутатов отдельных ландтагов. Во главе государства по очереди должны были бы стоять австрийский и прусский монархи. Одновременно Австрийская империя заявила о себе и как о претенденте на экономическое лидерство, выдвинув идею создания гигантского центрально-европейского таможенного объединения, автором которой был австрийский министр финансов К.Л. Брук.

Внешне выглядевший как демонстрация мощи австрийского государства, этот проект на деле преследовал оборонительные цели. Уже сам факт желания сохранить Германский союз и таким образом не идти против установлений «Венской системы» свидетельствовал о том, насколько Австрия нуждалась в германском тыле и поддержке прочих великих держав. Только в этом случае она могла ответить на окружавшие ее вызовы со стороны немецкого, итальянского и венгерского национальных движений, а также со стороны Пруссии.

Сама же Пруссия предложила план, разработанный внешнеполитическим советником прусского короля Й.М. Радовицем. Речь шла о малогерманском объединении в форме унии князей, которая бы заключила союз с империей Габсбургов. Уже в мае 1849 г. был создан так называемый Союз трех королей, ставший основой предполагаемой Унии. В апреле 1850 г. в Эрфурте собрался рейхстаг Унии, в котором приняли участие представители 26 государств. Значительную роль в нем играли представители бывшей фракции либерального центра Франкфуртского парламента, накануне созыва рейхстага на съезде в Готе решившие сотрудничать с Пруссией, чтобы добиться хоть какой-то общегерманской конституции. Однако к этому времени укрепление Австрии в результате подавления восстаний в Италии и Венгрии, с одной стороны, и опасения прусской гегемонии, с другой, привели Саксонию и Ганновер в противоположный лагерь — вместе с Баварией и Вюртембергом в феврале 1850 г. они образовали Союз четырех королей, находившийся под патронатом Австрии.

Между тем отношения между Австрией и Пруссией продолжали обостряться и в итоге едва не закончились войной в связи с гессенским конфликтом. Внутренний конфликт между ландтагом и курфюрстом в Гессен-Касселе в 1850 г. привел к тому, что по просьбе курфюрста в страну вошли австро-баварские войска. Поскольку курфюрст являлся сторонником Австрии, а его страна занимала важное положение на транзитном пути к рейнским владениям Пруссии, в Берлине также решили ввести войска. Произошли незначительные столкновения. Угроза войны между своими двумя традиционными союзниками заставила вмешаться Россию, опасавшуюся к тому же, что Австрия, как в 1849 г., может попросить русской поддержки и тем окончательно поставить Петербург в сложное положение. В результате Россия оказала некоторое давление на Пруссию, склонив ее к уступкам.

Компромисс между Австрией и Пруссией был закреплен в «ольмюцкой пунктуации». Соглашение, заключенное в ноябре 1850 г. в моравском городе Ольмюц, подразумевало обоюдную демобилизацию, окончание гессенского конфликта, участие Пруссии в урегулировании шедшего тогда очередного конфликта между датской короной и немецкими националистами в Гольштейне, а также определение будущего Германского союза на специальных конференциях. «Ольмюцкое унижение» означало для Пруссии крах «плана Радовица». С другой стороны, неудачей закончилась и попытка Шварценберга провести свой план «70-миллионной империи» на посвященных реформе Германского союза Дрезденских конференциях (январь — май 1851 г.). Решениями Дрезденских конференций Германский союз возвращался к своим основам, заложенным в 1815 г. Венским конгрессом.

Несмотря на неудачу «плана Шварценберга», в политическом выигрыше оказалась Австрия, заинтересованная в сохранении Германского союза в качестве своеобразного германского тыла, который, в отличие от единой Германии, не нес в себе угрозу присоединения ее немецких подданных. С другой стороны, неудача Пруссии означала не решение германского вопроса, а лишь его отсрочку. Проиграв в политике, Пруссия в последующие годы сделала ставку на экономическое завоевание Германии. Уйдя на время с авансцены политической жизни, австро-прусская дуэль продолжилась средствами торговой и таможенной политики. Борьба особенно обострилась в связи с истечением в 1853 г. последнего продления Таможенного союза. Если бы договоры Пруссии с членами Таможенного союза не были возобновлены, возникла бы угроза беспрепятственным экономическим связям между восточными и рейнскими частями прусского государства, и, кроме того, Берлин терял бы существенный рычаг в борьбе за лидерство в Германии. Со своей стороны, Австрия, не входившая

в Таможенный союз, добивалась именно этого. Однако в 1851 г., на пороге перезаключения таможенных договоров, Пруссии удалось достигнуть огромного успеха — к Таможенному союзу присоединился Ганновер. Это означало, что Пруссия получала доступ к Северному морю, контроль над судоходством и торговлей всей Германии, выход к зарубежным рынкам, перспективы строительства океанского флота. Австрийский посол доносил в связи с этим из Берлина: «Роман окончился, началась история».

Самым наглядным образом соотношение веса Австрии и Пруссии в экономической сфере продемонстрировали две таможенные конференции, созванные с разницей в несколько месяцев в 1852 г. — Венская и Берлинская. Первая закончилась полной неудачей из-за бойкота Пруссии, на второй было фактически принято решение о продлении Таможенного союза. Вместо того чтобы возглавить гигантское центрально-европейское таможенное объединение от Италии до Северного моря, как предлагал Брук, Австрия вновь оказалась вне объединявшего почти все германские государства Таможенного союза, будучи связанной с ним лишь специальным договором. Понеся поражение в политике, Пруссия все больше выигрывала в экономике. Однако в итоге судьба векового австро-прусского соперничества была все-таки решена на почве высокой политики.

«Новая эра» в Пруссии. Политическое затишье в Германии закончилось около 1860 г., когда в ряде государств о себе заявила так называемая «новая эра» — политика либерализации политической жизни, в различных странах проводившаяся с разной степенью последовательности. Как и в революцию 1848 г., первый сигнал подал Баден. В апреле 1860 г. здесь к власти пришло либеральное министерство, осуществившее целую программу реформ в сфере управления, юстиции и образования, а также объявившее амнистию участникам революции 1848 г. Однако гораздо больший общегерманский резонанс имело начало «новой эры» в Пруссии.

В октябре 1858 г. регентом при заболевшем тяжелой душевной болезнью короле Пруссии Фридрихе Вильгельме IV стал его брат Вильгельм. Военный до мозга костей, участвовавший еще в компании 1814 г. и в революцию 1848 г. заслуживший прозвище «картечного принца», он неожиданно для многих назначил правительство с участием либералов и провозгласил программу «морального завоевания» Германии. В ней регент (с 1861 г. — король) стремился использовать то обстоятельство, что в 1851 г. в Австрии была отменена так никогда не вступавшая в силу конституция, дарованная в 1849 г., и началась эпоха так называемого неоабсолютизма. На этом фоне даже Пруссия, с ее половинчатой конституцией, в глазах общественного мнения германских государств выглядела более выигрышно.

Перемена курса дала толчок к оживлению общественного движения в Пруссии и за ее пределами, видевшего своей главной задачей уже не столько одновременное достижение «свободы и единства», как во времена революции, сколько в первую очередь национальное объединение. В сентябре 1859 г. был основан Немецкий национальный союз, по большей части включавший в себя либералов из стран Северной Германии. Наученные опытом революции 1848 г., они не хотели допускать в свои ряды радикалов из низов, барьером против чего должен был служить высокий вступительный взнос. Одной из целей союза являлась борьба с партикуляризмом, проявлявшимся и как своекорыстная политика отдельных государств, и как патриотические чувства к малому отечеству. Партикуляризм доказал свою прочность во время революции, а разочарование в ней его еще больше укрепило. Наряду с партикуляризмом, другим препятствием на пути к единству было наличие двух вариантов национального объеди-

нения — велико- и малогерманского, что также явилось осознанием опыта революции. Выход из этой дилеммы члены Немецкого национального союза видели в поддержке Пруссии и малогерманского пути.

Ответ великогерманцев не заставил себя долго ждать. В 1862 г. возник Немецкий союз реформ, объединивший в себе весьма разнородные силы — либералов, консерваторов, демократов, католиков. Помимо сохранения ведущей роли Австрии в Германии они добивались также реформы Германского союза с целью усиления политических позиций средних государств — «третьей Германии», которая стала бы еще одним фактором силы наряду с Пруссией и монархией Габсбургов. Хотя это объединение являлось менее сплоченным и многочисленным, чем Немецкий национальный союз, в его пользу действовали перемены в политике внутри Германии и на европейской арене.

Прусское «моральное завоевание» не продлилось долго. Уже в 1861 г. Вильгельм I вновь взял привычный консервативно-монархический курс и скоро вступил в серьезный конфликт с прусским ландтагом, тем самым отчасти выбив у либералов из Немецкого национального союза почву из-под ног. Напротив, в Австрии в 1861 г. была принята конституция, что укрепило ее позиции в германском общественном мнении. Важным событием стала также австро-франко-пьемонтская война 1859 г. Тот факт, что Австрия отстает «германское дело» в Италии и воюет против «наследственного врага» Франции, к тому же не делавшей большой тайны из своих претензий на Рейн, вызвал новую поляризацию политических лагерей Германии. Одни требовали безусловной поддержки Австрии, другие считали, что Италия далека от подлинных немецких интересов, третьи, в том числе большинство либералов, выступали за помощь монархии Габсбургов при условии признания ею ведущей позиции Пруссии на Севере Германии. Однако окончательный выбор пути будущего объединения Германии был сделан не в связи с внешнеполитическими событиями, а вследствие политического кризиса в Пруссии.

Как и многие прусские короли до него, Вильгельм I, бывший к тому же военным по образованию и призванию, особое значение придавал состоянию армии. Не без внутреннего сопротивления проводя политику либеральной «новой эры», он немедленно отказался от нее, едва она затронула интересы армии. В Пруссии давно назрела военная реформа, поскольку предыдущая была осуществлена еще в 1814 г. Однако нижняя палата ландтага, во время «новой эры» испытывавшая приток либеральных депутатов, воспротивилась удлинению срока службы с 2 до 3 лет и особенно ослаблению ландвера — территориального ополчения, поскольку увидела в этом попытку превратить армию в орудие династических интересов. Борьба между королем и палатой депутатов началась в 1860 г. Выборы 1861 г. принесли победу либералам. В ответ в марте 1862 г. король распустил парламент. Однако новые выборы лишь еще более упрочили позиции либералов в парламенте. В условиях парламентского тупика военные подготовили план государственного переворота, однако Вильгельм не хотел нарушать конституцию и скорее склонился к отречению. В этот момент советники предложили ему другой выход из положения — пригласить человека «сильной руки». 23 сентября 1862 г. премьер-министром Пруссии стал Бисмарк.

Политика Бисмарка. Отто фон Бисмарк (1815—1898) происходил из консервативной юнкерской среды, что наложило существенный отпечаток на его политические взгляды. Впервые он заявил о себе накануне и в годы революции, выступая с крайне правых позиций — организовал «юнкерский парламент», писал статьи в основанную при его же участии консервативную «Нойе протейсше цайтунг» и даже вооружил своих крестьян для отпора революции. Подобная активность обратила на себя внимание советников короля, рекомендовавших

Бисмарк на один из министерских постов. Однако даже для Фридриха Вильгельма IV Бисмарк оказался слишком реакционным — король отказал с формулировкой: «Пахнет кровью! Использовать, только если настанет время штыка».

Политические идеалы Бисмарка были настолько консервативны, что казались несовместимыми с эпохой. Принимая пост главы прусского правительства, он заявил королю, что считает себя его «бранденбургским вассалом» — и действительно в дальнейшем он управлял страной скорее как первый министр своего короля, связанный с ним отношениями личной преданности, чем как конституционный министр западного образца. Тем разительнее был контраст между консервативными принципами Бисмарка и той в высшей степени гибкой, прагматичной политикой, которую он проводил, считая, что «единственной здоровой основой большого государства является государственный эгоизм».

Став премьер-министром, Бисмарк распустил парламент, сославшись на благо государства и на «пробел» в конституции: она не оговаривает выхода из конфликта между королем и палатой депутатов по поводу бюджета, а вместе с тем государственные задачи не могут ждать. Период «безбюджетного правления», когда государственные расходы покрывались в обход парламента, продлился до 1866 г. Одновременно он провозгласил свою программу решения германского вопроса: «Не на либерализм Пруссии смотрит Германия, а на ее силу... Не речами и голосованиями решаются великие вопросы современности — это была большая ошибка 1848 и 1849 годов, — а железом и кровью». Целью Бисмарка являлось не столько германское единство, как таковое, сколько создание новой империи во главе с Пруссией. Несмотря на то, что многие либералы, ставшие к этому времени «реалистами», сами признавали, что объединение Германии без применения насилия невозможно, речь нового министра вызвала всеобщее возмущение. Отказ от политики либерального «морального завоевания» и откровенная ссылка на силу оружия заставили опасаться «военного деспотизма». Хотя Бисмарк считал общественное мнение лишь дополнительным элементом политики, заявляя, что «во врага стреляют не общественным мнением, а порохом и свинцом», он не мог полностью игнорировать подобные настроения. Он попытался сломать либеральную оппозицию как силовыми мерами (гонениями на ее отдельных представителей, жесточением в 1863 г. цензуры), так и используя против нее социалистическое движение, с одним из лидеров которого, Ф. Лассалем, он неоднократно встречался.

Существенным препятствием к объединению Бисмарк считал Германский союз. Некогда Пруссия добивалась лишь равенства с Австрией в Союзе, теперь же он превратился в помеху, т.к. в решающий момент мог встать на сторону Австрии. Поэтому Бисмарк взял курс на саботирование деятельности Германского союза и, в конечном счете, на его разрушение.

Удобный случай представился в 1863 г. в связи с очередной попыткой провести реформу Германского союза: в качестве руководящего органа Союза предлагалось создать Директорию из представителей шести государств с постоянным членством Австрии, Пруссии и Баварии и переменным — остальных членов конфедерации. Проект отдавал должное и либеральному духу своего времени, предполагая создание бундесрата из представителей ландтагов отдельных государств. Однако Бисмарк сумел торпедировать этот проект, фактически запретив своему королю поездку на съезд князей во Франкфурте в сентябре 1863 г., созванный специально для обсуждения реформы. Без Пруссии же все принятие на нем решения теряли всякий смысл. Однако окончательно судьба Германского союза была определена не на дипломатическом поприще, а «железом и кровью».

Войны за объединение Германии. Объединение Германии произошло в результате трех войн. Первой из них стала война против Дании. В связи со смертью в 1863 г. датского короля Фредерика VII возникли сложности с престолонаследием, и одновременно снова обострилась проблема Шлезвига и Гольштейна. Вновь, как в 1848 г., по всей Германии поднялась волна национализма, однако Бисмарк предпочел не задействовать массовое движение, а решать проблему принадлежности герцогств классическими военно-политическими средствами. К тому же национальное движение требовало разорвать всякие связи Шлезвига и Гольштейна с датской короной и включить их в состав Германского союза в качестве самостоятельного члена, в то время как Бисмарк рассчитывал на присоединение герцогств к Пруссии. Не раскрывая своих планов, он сумел привлечь к совместным действиям по «защите германских интересов» Австрию, не слишком задумывавшуюся о конечных результатах предполагаемой войны с Данией и не понимавшую, что подобные отдельные действия разрушают Германский союз. Заручившись согласием Австрии, Бисмарк заявил, что «еще никогда венская политика в такой степени не направлялась из Берлина».

Начавшаяся в феврале 1864 г. война закончилась быстрой победой австро-пруссских войск. Попытка решить дальнейшую судьбу герцогств на международной конференции того же года в Лондоне закончилась ничем, и в результате Дания уступила их Австрии и Пруссии. Немедленно после заключения мира с Данией обнаружилась вся шаткость австрийских позиций: если Пруссия соседствовала с герцогствами, то для Австрии они были далекими и по большому счету ненужными дополнениями к и без того весьма разнородным территориям. В августе 1865 г. Австрия и Пруссия подписали Гаштейнскую конвенцию, отдававшую управление Шлезвигом в руки Пруссии, а Гольштейн — Австрии. Поскольку в Шлезвиг можно было попасть только через Гольштейн, скоро начались стычки между австрийскими и прусскими войсками, и для разрешения ситуации стороны стали все больше склоняться к войне.

С самого начала своей политической карьеры Бисмарк был убежден, что в Германии Австрия и Пруссия «дышат, отнимая друг у друга воздух ото рта», а стеснявший каждую из них вековой австро-пруссский дуализм должен быть разорван в пользу Пруссии. Идея войны как способа вытеснения Австрии из Германии предлагалась им практически при каждом внешнеполитическом затруднении монархии Габсбургов. Но только ситуация, возникшая в связи с польским восстанием 1863 г. и шлезвиг-гольштейнским вопросом, в которой парализованными оказались как Европа, так и Германский союз, позволила Бисмарку осуществить свои планы. Он провел всеобъемлющую дипломатическую подготовку к войне: заключил военный союз с Италией; в обмен на туманные обещания компенсации заручился нейтралитетом Франции; удостоверился в расположении России, не забывшей прусской поддержки в польском вопросе. Наконец, в ходе дипломатической подготовки австро-прусской войны Бисмарк в полной мере продемонстрировал свое искусство «реального политика», для достижения цели использовав против Австрии те силы, которые ему самому были внутренне чужды. Монархист и государственный деятель, никогда не доверявший «дикому растению» национализма, он мобилизовал против монархии Габсбургов национально-революционные силы повсюду, где только мог их найти — сербов, румын и особенно венгров. На прусские деньги был создан специальный «венгерский легион» под командованием героя революции 1848 г. Д. Клапки, задачей которого стало поднять восстание в Венгрии. После этого осталось лишь спровоцировать Австрию на войну, пользуясь продолжавшимися трениями в Гольштейне.

Решающий шаг к войне сделала сама Австрия, предложив в июне 1866 г. передать Шлезвиг и Гольштейн в ведение Германского союза. Пруссия заявила протест против нарушения Гаштейнской конвенции и ввела свои войска в Гольштейн; в ответ на это нарушение конституции Германского союза 14 июня была объявлена его мобилизация; в свою очередь Пруссия объявила, что считает Союз более не существующим и рассматривает это решение как объявление войны.

В начавшейся войне Австрию поддержали 13 германских государств, в том числе все средние — Бавария, Вюртемберг, Саксония, Ганновер, Баден, Гессен-Дармштадт и Гессен-Кассель. На стороне Пруссии выступили 17 ничтожных в военном отношении малых государств Севера Германии, а также Италия. Исход длившейся менее семи недель войны решил одно-единственное крупное сражение, состоявшееся 3 июля 1866 г. у деревни Садова в 12 километрах от крепости Кениггрец (нынешний Градиц Кралоуе) в Богемии. Благодаря ружьям нового образца, увеличившим скорострельность более чем в три раза, превосходству стратегического планирования, в частности, виртуозному использованию железных дорог, а также более высокой обученности солдат, Пруссия нанесла Австрии сокрушительное поражение. Вековой германский вопрос фактически разрешился на поле боя. 23 августа был заключен Пражский мир, 4 статья которого гласила: «Его Величество Император Австрии признает роспуск прежнего Германского союза и дает свое согласие на новое преобразование Германии без участия Австрийской империи». Далее в статье говорилось, что Австрия также соглашается на создание из государств севернее линии реки Майн Северогерманского союза и на объединение между собой государств южнее этой линии. Подобное ограничение национального объединения лишь Севером Германии было связано с вмешательством Франции, навязавшей Пруссии свое посредничество. Тем самым закладывались основы противоречий между Францией и Пруссией, впоследствии приведшие к очередной войне. Бывшие союзники Австрии заключили с Пруссией отдельные договоры, по которым они выплачивали ей высокую контрибуцию, некоторые уступали часть территории; одновременно Пруссия вынудила их заключить с ней военные союзы. Кроме того, Бисмарк настоял на аннексии Шлезвиг-Гольштейна, Ганновера, Гессен-Касселя, Нассау и Франкфурта, соединив таким образом прусские владения на Рейне и на Эльбе и впервые создав полную территориальную целостность Пруссии.

Важнейшим результатом войны стало учреждение в 1867 г. из 22 государств Северогерманского союза, конституция которого закрепила полное преобладание в нем Пруссии: король Пруссии возглавлял Северогерманский союз, Пруссия же имела наибольшее количество голосов в высшем органе управления — бундесрате, составленном из представителей правительств отдельных государств, председателем (канцлером) которого стал Бисмарк. Благодаря численности своего населения Пруссия была шире всех представлена и в рейхстаге, избиравшемся на основе всеобщего, тайного и прямого голосования.

Между тем «опруссачивание» Северной Германии, происходившее на глазах у южных немцев, все больше усиливало в их среде антипруссские настроения. Бавария как оплот политического католицизма, а также Баден и Вюртемберг с их демократическими традициями сходились в отрицании протестантской и милитаристской Пруссии. Политическое руководство этих стран всеерьез взвешивало возможность создания Южного союза в качестве противовеса Северному. Эти планы всемерно поддерживались Францией и Австрией. В подобных условиях Бисмарк взял курс на войну с Францией, видя в ней средство не только устранить главное внешнеполитическое препятствие объединению Северной

Германии с Южной, но и за счет победы над «наследственным врагом» добиться благоприятного для Пруссии перелома в настроениях немцев Южной Германии. Со своей стороны, общественное мнение Франции также во все большей степени начинало воспринимать складывание немецкого национального государства как угрозу и свое внешнеполитическое поражение. «Под Садовой разбита Франция», — заявил военный министр Франции Ж.Л. Рандон. Все эти противоречия толкали к войне.

Умело спровоцированная Бисмарком война, которую 19 июля Франция объявила Пруссии, привела к резкой перемене настроений на Юге Германии. Национальный и патриотический энтузиазм охватил все слои общества, тем более что в соответствии с военными обязательствами перед Пруссией в войне участвовали армии южногерманских государств. Опьяняющие воздвигавшиеся череда побед и особенно главный триумф — капитуляция Наполеона III под Седаном 2 сентября 1870 г. Объединение Германии оказалось предпрешенным. 18 января 1871 г. в Зеркальном зале Версальского дворца была провозглашена Германская империя. Объединение Германии завершилось.

Общественно-политическая жизнь в годы объединения Германии. Благодаря произошедшей в революции 1848 г. политизации немецкого общества были заложены существенные основы для возникновения партий. В эпоху германского объединения первые политические партии стали фактом политической жизни. Возникла характерная для Германии на многие последующие десятилетия система пяти политических партий.

Одной из самых заметных тенденций в общественной жизни послереволюционной Германии являлось постепенное смещение центра тяжести немецкого либерализма от южногерманских государств к Пруссии. Введение конституции и претензии Берлина на роль лидера в объединении, заявленные «планом Радовица», стали предпосылками для укрепления позиций Пруссии в либеральном движении по всей Германии. «Новая эра» Вильгельма I окончательно привела общественную жизнь в Пруссии в движение.

В 1861 г. там возникла Прогрессивная партия, состоявшая из либералов и умеренных демократов, которая одержала победу на следующих парламентских выборах. Руководящим центром партии являлась ее фракция в палате депутатов, а главной внепарламентской опорой — Немецкий национальный союз и собранная там состоятельная и образованная публика.

Австро-прусская война породила раскол в либеральном лагере: заветную мечту либералов о национальном единстве практически осуществил прусский реакционер. Приходилось делать выбор между национальным объединением и собственными идеологическими принципами. Часть бывших членов Прогрессивной партии предпочла либерализму национализм, отразив этот порядок приоритетов в названии созданной ими в 1866—1867 гг. Национал-либеральной партии. В дальнейшем эта партия, возглавлявшаяся юристами Э.Ласкером и Р.Беннингсеном, стала одной из парламентских опор Бисмарка.

Собственно Прогрессивная партия, также приветствовавшая объединение Германии Бисмарком, более последовательно выступала за проведение либеральных реформ и, в частности, отказала в поддержке конституции Германской империи из-за ее недостаточно демократического характера. В целом Прогрессивная партия являлась наследницей демократических и леволиберальных традиций в политической жизни Германии.

Политический католицизм, ухидивший своими корнями еще в предреволюционную эпоху, в период объединения также оформился в политическую партию. Победа протестантского Севера и удаление из Германии главного защитника германских католиков — Австрии — заставили католиков опасать-

ся наступления на свои права и привели к их организационному сплочению. В декабре 1870 г. в прусской палате депутатов возникла фракция Центра, позднее трансформировавшаяся в Католическую партию Центра с основной опорой на Юге Германии. Она отстаивала не только конфессиональные интересы (независимость церкви, сохранение контроля над школами и т.д.), но и выступала за большую самостоятельность земель, вошедших в Германскую империю.

На правом крае политического спектра располагалась возникшая в 1867 г. партия Свободных консерваторов (с 1871 г. — Немецкая имперская партия), опиравшаяся главным образом на юнкерство и чиновников. Будучи немногочисленной, она, тем не менее, располагала непропорционально большим политическим весом благодаря своей близости к высшим политическим кругам и имела славу «партии министров и дипломатов». В парламенте представители партии безоговорочно поддерживали политику Бисмарка.

Крайний левый фланг занимали социалисты. Социалистические идеи становились все более популярными среди рабочих, что было связано с изменениями их положения и самосознания. Следствием бурного развития промышленности в послереволюционные годы было стремительное увеличение их численности от 1 млн в 1848 г. до 2,8 млн в 1860 г. Специфика германской промышленной революции, а именно ускоренное развитие тяжелой промышленности и машиностроения, оказала решающее влияние на структуру германского рабочего класса, сделав его одним из самых передовых в Европе. Развивались профсоюзы, одним из инициаторов создания которых являлся Г. Шульце-Делич, участник демократического движения 1848 г. и позднее один из лидеров Немецкого национального союза. Все это не могло не отразиться на самосознании рабочих. Если в 40-е гг. оно часто было расплывчатым и архаичным, то в 60-е возникла потребность в новых идейных ориентирах, и рабочие нашли их в социализме.

Начало социал-демократическому движению в Германии положил адвокат и публицист Ф. Лассаль, создавший в 1863 г. организацию Всеобщий германский рабочий союз (ВГРС). Несмотря на давние контакты с К. Марксом, Лассаль обладал заметно отличавшимися от него политическими представлениями. Если Маркс рассматривал существующее государство как врага, то Лассаль надеялся на сотрудничество с ним, выдвигая идеи «государственного социализма» и «социальной монархии». Главным противником рабочих он считал либеральную буржуазию, в борьбе с которой следовало опираться не на крестьянство, представлявшего собой, на его взгляд, «реакционную массу», а на государство. Основываясь на трудах английского экономиста Д. Рикардо, он выдвинул «железный закон заработной платы», согласно которому в условиях капиталистической конкуренции предприниматель всегда оплачивает лишь прожиточный минимум рабочего. Поэтому вопрос размера заработной платы должен решаться не в отношениях между рабочим и предпринимателем, например, через посредство профсоюзов, а законодательно регулироваться государством. Другим способом улучшения материального положения рабочих Лассаль считал создание ими самостоятельных производственных ассоциаций, которые также должны были поддерживаться государством. В качестве основного средства борьбы рабочих за политические права он предлагал всеобщее избирательное право, которое постепенно изменит существующую систему и превратит Пруссию в «свободное народное государство». Введение этой меры он ожидал от Бисмарка, обещая взамен поддержку как в деле объединения Германии, так и в его борьбе против либералов по вопросу военной реформы. Но в 1864 г. Лассаль был убит на дуэли.

На иных позициях стояла основанная в 1869 г. Социал-демократическая рабочая партия Германии (СДРПГ). Ее лидеры А. Бебель и В. Либкнехт, лично знакомые с К. Марксом, придали новой партии осязаемый марксистский характер. Они считали свою партию составной частью Международного товарищества рабочих (I Интернационала), созданного в 1864 г. в Лондоне и выдвигавшего идеи непримиримой классовой борьбы пролетариата против буржуазии и буржуазного государства, которая должна была закончиться захватом пролетариатом политической власти и установлением его диктатуры, призванной обеспечить переход к новому бесклассовому обществу. В качестве представителя германских рабочих в Генеральном совете I Интернационала Маркс оказывал существенное влияние на идейный облик новой партии.

Первые годы существования СДРПГ были отмечены противоречиями внутри нее различных течений, а также борьбой с лассальянцами, что ослабляло ее политические позиции. Даже в новых условиях всеобщего избирательного права, введенного после создания Германской империи, на первых выборах в рейхстаг в 1871 г. она получила лишь два депутатских места. Однако по мере укрепления организационного и идейного единства германские социал-демократы постепенно превращались в одну из ведущих политических сил Германии.

Глава 19 МОНАРХИЯ ГАБСБУРГОВ В 1849—1871 гг.

Неоабсолютизм. Период австрийской истории с окончания революции по 1860 г. получил название неоабсолютизма. Централизация и бюрократизация власти в это время достигли крайних пределов, сворачивались политические и гражданские свободы, достижения революции подвергались ревизии, а ее участники — репрессиям. Новый император Франц Иосиф (1848—1916), усердный, преисполненный чувства долга, но в целом достаточно бесцветный монарх, не являлся сторонником конституционных идей. Дарованная им 4 марта 1849 г. конституция была призвана лишь смягчить разочарование общества последовавшим в тот же день роспуском парламента и результатами революции в целом. Действительные же настроения в высших кругах выразил председатель рейхсрата К. Кюбек, один из вдохновителей курса неоабсолютизма: «свобода — это слово, толкающее лучших людей к безумию, благороднейшие умы — к преступлению, целые народы — к неистовству». Просуществовав на бумаге два года, конституция формально была отменена Сильвестр-патентом 31 декабря 1851 г. («Сильвестер» — последний день старого года). Этот документ упразднял конституцию и заявленные в ней права кроме равенства перед законом и свободы религии, однако и они существовали скорее формально. Рейхсрат из парламентского органа превращался в узкий круг советников императора во главе с Кюбеком. Создавалась строго иерархичная вертикаль власти, включавшая в себя уровни общины, округа, отдельной провинции и империи. Самоуправление общин отменялось.

В ходе дальнейшего наступления на завоевания революции упразднялись суды присяжных, а также разделение судебной и исполнительной власти на низших ступенях. За порядком в деревне следила созданная в 1849 г. жандармерия, а в крупных городах империи вплоть до 1854 г. сохранялось введенное в годы революции осадное положение. Гигантских размеров достиг полицейский аппарат. Многие участники революции, в том числе бывшие депутаты парламента, подвергались преследованиям, высылались из страны или попадали в тюрьму.

Реакция затронула и духовную сферу. Главным союзником в борьбе за умы государство считало католическую церковь, позиции которой всемерно укреплялись, в то время как права протестантов и иудеев ограничивались. Вершиной подобной политики стало заключение в 1855 г. Конкордата с Папским престолом, дававшего церкви значительную автономию. Тем самым прерывалась восходившая еще к Иосифу II традиция йозефинизма, видевшего в церкви подконтрольный государству инструмент. Католическая церковь получила практически неограниченное право на создание новых епископств и приходов. Все вопросы брака передавались от светских судов к церковным. В школьном образовании церковь контролировалась отныне не только религиозные, но и светские дисциплины. Однако на гимназии и университеты подобный контроль практически не распространился.

В национальном вопросе венское правительство стремилось, с одной стороны, наказать «взбунтовавшиеся» народы, с другой — осуществлять политику централизации, несовместимую с разного рода автономиями. Ломбардо-Венецианское королевство было подчинено генерал-губернатору, управлявшему военными и полицейскими методами. От Венгрии отделялись Хорватия, Трансильвания и Воеводина, попавшие под прямое управление из Вены. Однако эта мера

являлась не признанием их прав на национальную автономию или данью признательности за помощь в подавлении венгерской революции, а средством наказания Венгрии. Оставшаяся часть Венгрии управлялась присланным из Вены генерал-губернатором. Комитатская система отменялась, страна делилась на пять округов. Все ключевые административные посты заняли «баховские гусары» — так по имени министра внутренних дел Австрии А. Баха, автора новой системы бюрократического централизма, называли в Венгрии и Хорватии немецкоязычных чехов и словенцев, облаченных в специальную униформу, напоминавшую гусарскую. Насажение немецкого как единого языка делопроизводства в масштабах всей империи являлось составной частью централистской «системы Баха», однако во всех национальных районах воспринималось как насильственная германизация.

На пути к дуализму. Важнейшими сферами своей деятельности Франц Иосиф считал армию и внешнюю политику, а целью — укрепление позиций Австрии как германской и европейской великой державы. Однако именно на поприще внешней политики его преследовали катастрофические неудачи, в итоге сказавшиеся и на внутривнутриполитическом курсе. Назначенный в 1852 г. министром иностранных дел К.Ф. Буоль-Шауэнштейн попытался осуществить своеобразную «дипломатическую революцию», заключающуюся в отходе от традиционных связей с Россией и Пруссией и ориентации на Англию и Францию. В Крымской войне 1853—1856 гг. Австрия фактически выступила на стороне англо-французской коалиции, предъявив ультиматум России о выводе войск из Дунайских княжеств, а затем сама их оккупировав. «Очень трудно быть вынужденным выступать против прежних друзей, но в политике иначе нельзя, и на Востоке Россия являлась нашим естественным врагом во все времена», — писал в 1854 г. Франц Иосиф о союзнике, за 5 лет до этого спасшем его империю от краха. Однако ближайшее же будущее показало, что, потеряв старых друзей, Австрийская империя так и не приобрела новых, и следующую войну она встречала в полной изоляции. Война 1859 г. против Пьемонта и недавнего союзника Австрии по Крымской коалиции — Франции закончилась для Австрии потерей Ломбардии. «Незадачливый Буоль» был отправлен в отставку, а из поражения предстояло сделать политические выводы.

Проблема заключалась не только в самом факте утраты части территории, произошедшем впервые со времен Наполеона. К потере Ломбардии привело сочетание национального движения внутри самой провинции, движения за объединение Италии за ее пределами и помощь великой европейской державы, в данном случае Франции. Однако подобное сочетание было возможным едва ли не по всему периметру австрийских границ. Опасаясь заразной силы итальянского примера для других народов империи, Франц Иосиф приступил к осторожным реформам.

Уже весной 1859 г. рейхсрат, состоявший до того из 8 ближайших советников императора, был расширен до нескольких десятков человек за счет включения в него представителей отдельных ландтагов, в абсолютном большинстве крупных земельных собственников. Затем последовала попытка достичь некоторого компромисса между федералистскими и централистскими тенденциями. Речь шла об уступках не столько национальным требованиям отдельных народов, сколько традиционному земельному патриотизму, носителем которого являлась аристократия. 20 октября 1860 г. был издан октябрьский диплом, вдохновителем которого являлся новый министр внутренних дел польский аристократ А. Голуховский. Ландтаги получали большую автономию, а из их представителей составлялся рейхсрат в 100 человек в качестве законосовещательного органа. Подобный «псевдопарламент» не удовлетворял либералов по всей империи,

однако главными противниками октябрьского диплома выступили австрийские немцы и венгры, для первых из которых он означал слишком большие уступки отдельным частям империи, а для вторых — слишком малые. Активные протесты, имевшие в Венгрии форму отказа от уплаты налогов, привели к тому, что уже в феврале 1861 г. октябрьский диплом был радикально модифицирован.

В отличие от октябрьского диплома, имевшего некоторые федералистские черты, изданный 26 февраля 1861 г. февральский патент нового министра внутренних дел А. Шмерлинга являлся скорее централистским. Он предусматривал создание двухпалатного рейхсрата как единого парламентского органа для всей страны. Верхняя палата состояла частично из представителей аристократии, епископов и т.д., частично ее члены назначались императором. В нижнюю палату входили представители ландтагов. В свою очередь, ландтаги в Австрийской империи по-прежнему во многом представляли собой сословные собрания, избиравшиеся на основе высокого имущественного ценза и по округам, поделенным в 1861 г. таким образом, что преимущество получали крупные землевладельцы и немцы. Помимо почти запрограммированного таким образом консервативного состава рейхсрата, его возможности ограничивались правом короны на абсолютное вето и на издание законов в промежутках между его сессиями. К тому же император сохранял за собой фактически полный контроль над армией и внешней политикой. И тем не менее право законодательной инициативы и одобрения бюджета превращали рейхсрат в первый общеимперский парламент. Однако ему же было суждено стать и последним.

Заложенные в февральском патенте централизм и немецкое преобладание, с одной стороны, и ограниченность прав рейхсрата — с другой, вызвали широкое неодобрение в отдельных землях империи. В знак протеста чехи, венгры, хорваты и поляки не направили своих депутатов в рейхсрат, начавший заседание в мае 1861 г. Бойкоты продолжались и в последующие годы, делая очевидным, что рейхсрат не выполнил предназначавшуюся ему функцию консолидации империи. Летом 1865 г. главой правительства был назначен Р. Белькреди, вновь попытавшийся добиться решения внутренних проблем Австрии на путях федерализма. Он разработал «пентархию Белькреди», согласно которой империя в будущем должна была состоять из 5 частей: Немецкой Австрии, Богемии-Моравии-Силезии, Венгрии, польско-русинской части и югославянских областей. Однако все проекты внутреннего переустройства Австрии, принимавшиеся с начала 60-х гг., находились в тени надвигавшегося конфликта с Пруссией, который ко времени Белькреди превратился в непосредственно предстоящую угрозу. Желая обеспечить себе в столкновении с Пруссией хоть сколько-нибудь спокойные тылы, политическое руководство Австрии отказалось от комплексного решения национальной проблемы и сосредоточилось на самом болезненном и сложном вопросе — венгерском.

Заключение австро-венгерского соглашения. Драматичные события 1848—1849 гг., казалось, делали примирение между венграми и династией Габсбургов почти невозможным. Франц Иосиф не мог простить собственного низложения с трона, венгров ожесточала расправа над участниками революции, символом которой являлась казнь руководителей венгерской армии в г. Арад. Казнь «арадских мучеников» легла тяжелым грузом на австро-венгерские отношения будущих десятилетий. Погибшие генералы не только стали знаменем для новых борцов за независимость Венгрии, но и превратились в составную часть своеобразного культа революции 1848 г., глубоко укоренившегося в народе и затронувшего даже обычаи. Так в Венгрии на многие годы и по сей день отказались от обычая чокаться пивными кружками, поскольку, согласно легенде, именно так праздновали казнь австрийские офицеры. Антиавстрийские настроения

усиливались и в связи с установленным в последующие годы в Венгрии военно-полицейским режимом.

Ситуация стала постепенно меняться с началом на рубеже 50-х и 60-х гг. эпохи конституционных экспериментов в Австрии. Желая обеспечить их благоприятный прием в Венгрии, венские власти восстановили комитатскую систему и разрешили созыв венгерского Государственного собрания. Однако немедленно после его созыва в апреле 1861 г. Ф. Деак (1803—1876), безусловный национальный лидер послереволюционной Венгрии, потребовал признания конституции 1848 г., самостоятельного бюджета и использования венгерских войск только с согласия парламента. В августе Государственное собрание вновь было распущено.

Венгерская обструкция попыткам реформ внутреннего устройства империи Габсбургов и особенно рост угрозы столкновения с Пруссией через некоторое время вновь склонили Франца Иосифа к примирению с Венгрией. Со своей стороны, венгры также выразили готовность пойти на компромисс. В апреле 1865 г. была опубликована знаменитая «пасхальная статья» Деака, в которой он высказал более умеренные требования, в частности, отказавшись от полного и безусловного признания законов 1848 г. как исходной точки переговоров с Венной. Статья положила начало сближению между короной и венгерской оппозицией и переговорам о новом статусе Венгрии. Уже летом 1865 г. Франц Иосиф впервые посетил Буду, а в декабре в качестве короля Венгрии открыл сессию вновь созданного Государственного собрания. Однако по мере приближения войны с Пруссией темпы переговоров замедлились, поскольку каждая из сторон ожидала от ее исхода укрепления своих позиций.

Решившись на войну, Австрия фактически оказалась в русле политики Бисмарка и к тому же с чрезвычайно слабыми международными тылами. На фоне предстоявшей войны на два фронта против Пруссии и Италии все, чего к ее началу Австрия добилась на международной арене — это подписанный в июне 1866 г. австро-французский договор, по которому Австрия получала от Франции заверения в нейтралитете при странном условии — передать Италии Венецию независимо от исхода войны. Никто в Вене не задавался вопросом: зачем тогда вообще нужен итальянский театр военных действий и не лучше ли переместить войска в Германию, чем заставлять солдат погибать за заведомо проигранное дело в Италии. Подобные просчеты обернулись катастрофой под Садовой 3 июля и поражением в австро-прусской войне.

Главным итогом войны, закрепленным Пражским миром 23 августа 1866 г., стало исключение Австрии из Германии, к которой она принадлежала почти тысячу лет. Этот факт по-новому расставлял акценты и в национальном вопросе внутри империи: если раньше за австрийскими немцами ощущался мир германских государств, к тому же возглавлявшийся Габсбургами, то теперь они превращались просто в один из народов Австрийской империи. Претензии на единоличное лидерство в этих условиях становились едва ли возможными — и все больше австрийских немцев соглашались разделить его с венграми. В пользу такого решения говорили и национальные пропорции внутри империи. Численно немцы и венгры вместе взятые составляли лишь около 40% населения Австрии, однако прочие 60% дробились между 9 остальными народами; к тому же в своих половинах империи немцы и венгры безусловно преобладали политически.

Еще одним участником предстоявшего компромисса являлась династия Габсбургов в лице ее главы Франца Иосифа. Император согласился пойти навстречу либеральным и национальным требованиям наиболее крупных и значительных народов своей империи, ожидая ее внутреннего укрепления, которое позволило бы усилить внешнеполитические позиции Австрии и, возможно, даже взять

реванш у Пруссии. К примирению с «благородной венгерской нацией» Франца Иосифа подталкивала и его супруга Элизабет, большая почитательница всего венгерского. С целью скорейшего заключения соглашения с Венгрией и про-должения соперничества с Пруссией на посты главы правительства и минист-давший иностранный дел был приглашен бывший саксонский премьер Ф. Ф. Бойст, темпом. 17 февраля 1867 г. с его появлением переговоры пошли ускоренным драши, некогда заочно повешенного за активное участие в революции 1848 г., австро-венгерское Соглашение, по сути, стало фактом. Его правовое закрепле-ние произошло путем принятия соответствующих законов — в июне 1867 г. вен-герского и в декабре австрийского.

Политическая система дуализма. Соглашение 1867 г. преобразовало единую империю Габсбургов в дуалистическую Австро-Венгрию. По сути, оно представ-ляло собой компромисс между господствующими слоями австрийских немцев и венгров, по которому первые отказались от гегемонии на всей территории им-перии, а вторые — от требования полной независимости. Взамен Соглашение обеспечивало обеим сторонам союзников в поддержании социального и наци-онального господства, давало гарантии внешней безопасности в виде сохра-нения империи и способствовало дальнейшему политическому развитию Ав-стро-Венгрии, установив конституционное правление в обеих частях страны.

По Соглашению, государство отныне состояло из двух самостоятельных ча-стей, связанных лишь так называемыми «общими делами» — внешней поли-тикой, армией, а также общностью финансов в той степени, которая требова-лась для содержания первых двух «общих дел». Трактовка «общих дел» в двух половинах государства различалась как в деталях, так и в оценке самого дуализ-ма: если в Австрии их считали выражением продолжавшей существовать еди-ной империи, сфера полномочий которой сократилась до хотя и немногих, но принципиальных для государственного суверенитета дел, то в Венгрии исходили из концепции двух независимых государств, связанных лишь общими делами.

В политико-административном отношении территория Австро-Венгрии делилась на «королевства и земли, представленные в рейхсрате», т.е. запад-ную половину империи и «земли короны св. Иштвана» — восточную. Помимо официальных наименований двух частей Австро-Венгрии их неофициальны-ми, но широко распространенными названиями стали производные от разде-лявшей их реки Лейты: Цислейтания («по эту сторону Лейты») — для западной половины империи и Транслейтания («по ту сторону Лейты») — для восточной.

Органы власти и управления в эпоху дуализма отличались большим свое-образием. Министерства «общих дел», т.е. военное, внешней политики, а так-же финансовое министерство, созданное для обслуживания двух первых ве-домств, не были подотчетны парламентам по обеим сторонам Лейты, прочие же министерства находились в отдельном ведении правительств Австрии и Вен-грии. Министры, стоявшие во главе каждого из «общих дел», являлись постоя-нными членами Общего совета министров — высшего координирующего ор-гана Австро-Венгрии, не считавшегося, тем не менее, общим правительством. Они подчинялись только императору. Власть императора вообще была очень велика — он созывал и распускал местные парламентские учреждения, утвер-ждал премьер-министров в обеих частях империи, фактически обладал пра-вом издания законов между сессиями рейхсрата и т.д. С особенной ревностью Франц Иосиф оберегал свои исключительные права на руководство внешней политикой и армией.

Соглашение 1867 г. вводило конституционное устройство и парламентское правление в обеих частях империи. Общее для Цислейтании парламентское уч-

реждение — рейхсрат — не избирался с помощью прямых выборов, а состав-лялся из депутатов ландтагов на основании старого закона 1861 г., выгодного крупным землевладельцам и немцам. В рейхсрате преобладали немецкие ли-бералы, организовавшие в парламентскую Конституционную партию, а так-же были представлены «земельные» и национальные федералисты, консерва-действовала «избирательная геометрия», предоставлявшая избирательные пра-ва 6% населения, в подавляющем большинстве венграм. В парламенте заседа-ли три главные партии, отличавшиеся в первую очередь своим отношением к Соглашению: партия Деака, названная по имени своего лидера Ференца Де-ака, идейного вдохновителя Соглашения, «левый центр», требовавший отме-ны «общих дел» и личной унии с Австрией, и крайне левые — сторонники не-зависимости. За исключением этих последних венгерские партии поддержали дуализм, руководствуясь прагматичными политическими соображениями. Ав-стрия представлялась венграм политический необходимостью в качестве гаран-та их существования против внешних угроз и сохранения их преобладания над венгерским населением.

Поскольку Венгрия выступала категорически против создания общего для страны парламента, проблема вотирования бюджета общих министерств реши-лась единственным в своем роде образом — были созданы специальные «деле-гации». Венгерское Государственное собрание и австрийский рейхсрат направ-ляли в «делегации» по 40 человек из своих нижних палат и по 20 — из верхних. «Делегации» фигурировали как своего рода законодательные органы для об-щих министерств с главной задачей вотирования их бюджетов. Они заседа-ли раздельно, письменно обмениваясь друг с другом результатами своих голо-сований и лишь в случае трех неудачных попыток прийти к решению должны были объединиться на совместном заседании для общего голосования, но без проведения дебатов.

В первые годы существования дуализма в обеих половинах империи был принят ряд законов, отвечавших требованиям либералов. Вновь сокращалось влияние церкви: вопросы брака передавались светским судам, контроль цер-кви над школами ограничился только религиозными предметами, наконец, в 1870 г. Конкордат с Папским престолом был отменен. Школьные законы 1868—1869 гг. в Австрии и Венгрии вводили обязательное школьное обучение началь-ного уровня. В 1868 г. был принят закон о всеобщей воинской обязанности.

Самой сложной оставалась национальная проблема. Привилегированное положение двух народов воспринималось остальными как несправедливое и толкало к протестам. Всю меру разочарования чехов иллюстрирует высказыва-ние Ф. Палацкого. Утверждая ранее, что если бы Австрия не существовала, то ее следовало бы создать, теперь он заявил: «Мы были до Австрии, будем и по-сле нее». Чехи годами бойкотировали рейхсрат, а весной 1867 г. демонстрати-вно отравились на Славянский съезд в Москву, созданный для демонстрации славянской солидарности.

Законы Цислейтании декларировали право каждого человека на использо-вание родного языка в школе и местной администрации, однако на практике в смешанных регионах они были трудно реализуемыми. После немцев самым благоприятным в Цислейтании было положение поляков, поскольку на фоне ухудшившихся отношений с Россией в Вене не исключали возможности так или иначе разыгрывать польскую карту. Польский язык в Галиции повсеместно ис-пользовался в школе и в суде в ущерб русинскому населению.

Еще более яркий пример поощрения одних национальностей за счет других представляла собой Венгрия. Подобно тому, как после революции предоставле-

ние некоторых прав невенгерским народам Транслейтании являлось орудием наказания венгров, так теперь отказ от этих прав служил в качестве средства примирения с ними. Трансильвания была воссоединена с Венгрией, а влахи потеряли приобретенные в 1863 г. права «четвертой политической нации». С началом первых переговоров с Венгрией уже в 1860 г. утратили права автономии и сербы Воеводины. В несколько лучшем положении оказались хорваты. В 1868 г. было заключено венгерско-хорватское соглашение — Нагодба, по которому Хорватия получала самоуправление в вопросах администрации, школы и суда. Бан Хорватии назначался императором и был ответственен перед сабором, однако для его назначения требовалось согласие венгерского парламента. Поэтому на практике банами Хорватии чаще всего являлись венгерские ставленники, которые проводили политику «разделяй и властвуй», в частности, поощряя сербо-хорватскую рознь.

Национальную ситуацию в Транслейтании в целом регулировал принятый в 1868 г. закон о национальностях, гласивший, что в политических отношениях все жители земель «короны св. Иштвана» представляют собой венгерскую нацию, а единственным государственным языком является венгерский. Одновременно оговаривалось право каждого народа на использование национального языка в школе, церкви и на низшем административном уровне. Фактически все зависело от конкретной трактовки закона, и в дальнейшем тезис о единой политической нации применялся в качестве орудия мадьяризации невенгерского населения.

Последняя серьезная попытка ревизии системы дуализма была предпринята в 1871 г. Премьер-министр Цислейтании К. Гогенварт совместно с чешскими представителями разработал Фундаментальные статьи, которые предусматривали для стран «короны св. Вацлава» статус, схожий с венгерским. Принятие подобного решения означало бы не просто превращение австро-венгерского дуализма в триализм, но и открывало путь для дальнейшей трансформации монархии Габсбургов на федералистской основе. Однако в последний момент сопротивление немцев и особенно венгерское давление вынудили Франца Иосифа отказаться от уже согласованных планов и отправить Гогенварта в отставку.

Социально-экономическое развитие. В десятилетия после революции 1848 г. империя Габсбургов продолжала оставаться преимущественно аграрной страной со значительной неравномерностью развития отдельных регионов. Экономический прогресс также сдерживался столкновением интересов более промышленно развитой западной половины империи и аграрной Венгрии. Наконец, экономика довольно часто становилась заложницей политики, шла ли речь о германском вопросе или взаимоотношениях с собственными народами.

В сфере промышленности все более явственно ощущалось отставание Австрии от стран Таможенного союза и особенно Пруссии. Притом, что Пруссия практически вдвое уступала Австрии по численности населения (19 млн против 36), в ней к 1866 г. насчитывалось 15 000 стационарных паровых машин, в то время как в Австрии — лишь 3400. Австрийская промышленность по-прежнему страдала от недостатка каменного угля, который опять-таки поставлялся главным образом ее северными германскими соседями. Заключенный в 1853 г. договор с Таможенным союзом, впервые зафиксировавший некоторый отход австрийских властей от политики жесткого протекционизма, облегчил ввоз угля и вывоз сельскохозяйственной продукции, но одновременно поставил промышленность западной половины империи в условия серьезной конкуренции с товарами стран Таможенного союза. В 1850 г. была упразднена таможенная граница между западной половиной империи и Венгрией, в результате чего монархия Габсбургов впервые превратилась в единое экономическое пространство.

Развитие промышленности в целом сохраняло унаследованные от прошлого черты. Она по-прежнему сосредоточивалась главным образом в Нижней

Австрии, Богемии, Штирии и Крайне. На фоне умеренного роста отраслей тяжелой промышленности и машиностроения быстрыми темпами продолжала развиваться пищевая промышленность, особенно пивоварение и производство сахара. Вена утвердилась как европейский центр производства предметов роскоши. Распространению представлений об особом «венском стиле», «венском шике» способствовал и изменившийся облик австрийской столицы, превращавшейся в одну из главных европейских метрополий. Существовавшие со времен турецких осад городские стены и незастроенное пространство перед ними в конце 50-х гг. ликвидировались, и началось строительство знаменитой Рингштрассе — кольцевого бульвара вокруг исторического центра Вены, первый участок которого был открыт в 1865 г. Служа репрезентативным целям, сооружение Рингштрассе одновременно дало старт строительному буму, а также способствовало развитию финансового рынка в связи с многочисленными спекуляциями земельными участками и недвижимостью.

Сооружение железных дорог, диктовавшееся не столько экономическими, сколько стратегическими соображениями, являлось в Австрии, в первую очередь, делом государства и осуществлялось замедленными темпами. К 1850 г. было построено лишь 1700 км железных дорог, причем 70% из них принадлежали казне — рекордный показатель в Европе. Однако скоро ситуация изменилась. Пассивное участие в Крымской войне обошлось Австрии дорого не только политически, но и в буквальном смысле слова — экономически. Два года оккупации Дунайских княжеств привели в расстройство государственные финансы. Не сумев найти займы на внешнем рынке, австрийское правительство с 1854 г. было вынуждено начать продавать железные дороги, причем делать это себе в убыток: от продажи практически всех железных дорог государству к 1859 г. получило 136 млн гульденов, в то время как на их строительство было затрачено 223 млн.

Одним из покупателей стала французская финансовая группа «Креди мобилье», которая учредила «Общество австрийских железных дорог», управлявшееся французской администрацией и контролировавшее железные дороги преимущественно на севере страны. Гораздо большее значение для экономики Австрии имело создание акционерного общества «Кредитаншталь», объединившего средства австрийских Ротшильдов и некоторых аристократов. Капитал общества составлял рекордные 100 млн гульденов (Национальный банк Австрии обладал лишь 73 млн), что в будущем позволило значительно улучшить кредитование промышленности. «Кредитаншталь» приобрел железные дороги на юге Австрии.

Если при строительстве железных дорог в Вене исходили во многом из стратегических соображений, то в Пеште — из национальных. Наряду с прочими соображениями здесь стремились подчеркнуть самостоятельность Венгрии, сооружая обособленную сеть подальше от границ с западной половиной империи. С другой стороны, железные дороги не должны были проводиться в ущерб преобладанию венгров над прочими народами Венгерского королевства. Так, венгры воспротивились строительству экономически и стратегически целесообразной линии Далмация — Загреб — Пешт, т.к. не хотели тем самым поощрять связи хорватов Далмации и Хорватии между собой. Ожесточенные споры между Веной и Пештом вызывал также маршрут планировавшейся железной дороги на Константинополь, поскольку он затрагивал чувствительный для венгров югославянский вопрос.

К концу 60-х гг. в промышленности были заняты лишь около 15% населения монархии Габсбургов. Ключевую роль для австрийской экономики играл аграрный сектор, а ведущей социальной группой являлись крестьяне. После революции 1848 г. главным процессом в деревне стала реализация провозгла-

шенного в ее ходе «освобождения крестьянства». В различных землях монархии она осуществлялась в разные сроки и сложнее всего шла в Венгрии, где фактически началась лишь с 1853 г. Земельные отношения оказались здесь настолько запутанными, что в итоге правительственные чиновники часто делили землю произвольно, не в последнюю очередь исходя из позиции, которую тот или иной землевладелец занимал в ходе революции.

Реформа сыграла огромную роль в развитии сельского хозяйства и экономики в целом, но решила далеко не все аграрные проблемы. В частности, она никак не улучшила положения малоземельного крестьянства и батраков, составлявших значительную долю сельского населения в Венгрии и в Ломбардо-Венецианском королевстве. К тому же неопытные в рыночных отношениях крестьяне подрывали собственные хозяйства необдуманными продажами части земли или ее дележа, становились задолжниками, разорялись. Положение крестьян в западной половине империи усугублялось конкуренцией дешевого зерна и скота из Венгрии.

Поражение в австро-прусской войне 1866 г. и заключение Соглашения оказались поворотными и с точки зрения экономического развития. Политически болезненные потери в Германии и Италии для экономики означали скорее освобождение от огромных тягот, связанных с попытками сохранить там свое преобладание. К тому же войны вынудили перейти от прежней дефляционной к инфляционной политике, так что к их окончанию в стране было достаточно денег для инвестиций. Непосредственный толчок росту экономики пришел из столь важного для Австро-Венгрии аграрного сектора: «чудо-жатва» 1867 г. и чрезвычайно удачные урожаи последующих лет были рекордными в истории австро-венгерского сельского хозяйства, производство аграрной продукции в эти годы выросло на 100%. Большая ее часть, в частности, пшеница, экспортировалась в Западную Европу, как раз тогда переживавшую несколько неурожайных лет. Одновременно австрийская пищевая промышленность и сельское хозяйство совершили и важный технологический рывок в связи с открытием новых технологий в переработке сахарной свеклы, что превратило Австро-Венгрию в важнейшую страну — производителя сахара. Исходивший от сельского хозяйства импульс способствовал реактивации и других отраслей, в частности, средств транспортного сообщения. Австрийское дунайское судоходство пережило лучшие годы в своей истории; железнодорожная сеть между 1866 и 1873 г. удвоилась. Все это, в свою очередь, повлекло за собой прогресс металлургии и машиностроения. Особенно бурными темпами в эту эпоху развивались банки, возникло множество акционерных обществ, спекулянты создавали огромные состояния. Почти как чудо после проигранных войн на фоне высокой общеевропейской конъюнктуры в монархии Габсбургов началась эпоха экономического процветания, «семь жирных лет».

Вместе с тем дуализм нес с собой и существенные экономические проблемы. Одной из них была экономическая часть австро-венгерского Соглашения 1867 г., согласно которой каждые десять лет заключался новый торговый договор, а также определялась так называемая «квота» финансирования Цислейтанией и Транслейтанией «общих дел» (первоначально она составляла соотношение 70% к 30%). Такая практика служила негативным фактором экономического развития, поскольку каждые десять лет фактически ставилось под вопрос само существование Австро-Венгрии, за что современники иронически называли ее «монархией до расторжения». Другой проблемой стали противоречия интересов промышленной Цислейтании и аграрной Транслейтании. Существовавшие и раньше, теперь они выносились на политический уровень. Так, венгры настаивали на продолжении курса на свободную торговлю, от которой выигрывало сельское хозяйство, но страдала промышленность. Однако в описываемый период эти трения сглаживались общим экономическим подъемом.

Глава 20 ОБЪЕДИНЕНИЕ ИТАЛИИ

Реакция в Италии в 50-е гг. За подавлением революции 1848—1849 гг. в Италии, остававшейся политически раздробленной, последовал разгул реакции. Во всех государствах (кроме Сардинского королевства) были восстановлены абсолютистские порядки, конституции, завоеванные народом в 1848 г. в Тоскане, Неаполе и Папском государстве, упразднены. Жестокие репрессии обрушились на патриотов, десяткам тысяч людей из-за угрозы полицейских преследований пришлось отправиться в изгнание, тысячи других — брошены в тюрьмы. Устрашение и деспотический произвол стали главными методами управления абсолютистских монархий, армия и полиция — их основной опорой. В Неаполе свирепствовал Фердинанд II, прозванный «королем-бомбой» за жестокую расправу с участниками революции 1848 г. в Сицилии. В папских владениях церковники вновь подчинили себе государственное управление.

Австрия — оплот всех реакционных сил на Апеннинском полуострове — установила в Ломбардии и Венеции суровый военный режим, было объявлено о конфискации всего имущества, принадлежавшего изгнанникам. Австрийские войска до 1855 г. оккупировали Тоскану и остались на неопределенное время в Романье, одной из папских провинций. Папа настоял также на том, чтобы французские войска не покидали Рима. Прославляемый в 1847—1848 гг. как «духовный вождь» национального движения, Пий IX превратился теперь в его злейшего, непримиримого противника. Из страха перед революцией абсолютистские режимы отказывались от проведения реформ. Политическая реакция и косная экономическая политика явились причинами застоя или очень медленного хозяйственного развития большинства итальянских государств в 50-е гг.

Усиление Сардинского королевства. На этом фоне контрастом выглядело положение в Сардинском королевстве (Пьемонте). Это было единственное итальянское государство, в котором уцелело конституционное устройство. Попытки местных реакционных сил, а также Австрии добиться его упразднения провалились. В 50-е гг. конституционно-парламентский порядок постепенно укрепился в большой мере благодаря деятельности главы «умеренных» либералов Пьемонта графа Камилло Кавура (1810—1861).

Выходец из аристократической среды, Кавур стал олицетворением пьемонтского обуржуазившегося дворянства. Перестроив на капиталистической основе свое поместье, он развернул торговлю сельскохозяйственной продукцией и одновременно участвовал в банковских, коммерческих, промышленных начинаниях и в железнодорожном строительстве. По своим политическим взглядам Кавур, отвергавший крайности реакции и революцию, склонялся к «золотой середине», т. е. к либерально-буржуазному строю, образец которого он видел в Англии. Необходимой предпосылкой его утверждения Кавур считал ускоренный рост капиталистической экономики, стимулируемый политикой фритреда и активным развитием транспорта и банков. Занимая в 1850—1851 гг. пост министра по делам экономики и финансов, а с 1852 г. — премьер-министра, Кавур энергично проводил такую политику. Пьемонтское правительство заключило торговые договоры с ведущими государствами, снизило таможенные тарифы, содействовало строительству железных дорог, шоссе и каналов; были укреплены финансовая система и кредит. Эти меры способствовали капиталистическому развитию сельского хозяйства, остававшегося еще основой экономики Пьемонта, и активизировали промышленность.

Ее главной отраслью было текстильное производство (прежде всего, шелкопрядильное, а также шерстяное и хлопчатобумажное), в котором ремесленные мастерские и мануфактура по-прежнему доминировали над механизированными предприятиями. Наибольший успех был достигнут в металлургии и машиностроении. Недалеко от Генуи возникли заводы современного типа, самым крупным среди них стал к началу 60-х гг. «Ансальдо», производивший паровозы, паровые двигатели для судов, пушки. Численность занятых в этой отрасли (до 8 тысяч) выросла в 6 раз по сравнению с 1840-ми гг. Резко увеличилась внешняя торговля, в частности ввоз угля, железа, рельсов, машин. К 1860 г. длина железнодорожных путей в Пьемонте превысила 900 км (против 8 км в 1848 г.), что составляло около половины протяженности железных дорог во всей Италии. Таким образом, в 50-е гг. Пьемонт стал развиваться значительно быстрее, чем остальные итальянские государства.

В 50-е гг. Кавур проникся убеждением, что либеральные свободы и конституционно-парламентский порядок являются неперенным условием общественного прогресса. Чтобы добиться их укрепления, Кавур, проявив себя смелым и гибким политиком, сумел сплотить либеральные силы Пьемонта благодаря заключению в парламенте союза между возглавляемыми им «умеренными» либералами и левым либеральным крылом, за которым стояла аграрная и торговая буржуазия.

Еще в 30-е гг. Кавур осознал необходимость «скорейшего освобождения итальянцев от угнетающих их варваров» (т.е. австрийцев). Однако он полностью отвергал путь революционной борьбы за независимость, и создание единой Италии казалось ему делом столь отдаленного и туманного будущего, что еще в 1856 г. он считал призывы к объединению страны «глупостью». Реальную цель Кавур усматривал в изгнании австрийцев из Ломбардии и Венеции и включении их, а также Пармы и Модены в состав Сардинского королевства. Понимая, что это небольшое государство (его население составляло менее четверти населения всей Италии) не в состоянии самостоятельно бороться с Австрией, Кавур считал необходимым опереться на сильного союзника вовне, который помог бы вытеснить австрийцев из Италии. Таких потенциальных союзников Кавур видел во Франции и Англии.

Под давлением этих держав Пьемонт в 1855 г. вступил в войну с Россией и направил в Крым 18-тысячный корпус. Кавур надеялся, что это приведет к сближению Франции и Англии с Пьемонтом. По окончании Крымской войны Кавуру удалось добиться включения в повестку дня Парижского мирного конгресса 1856 г. итальянского вопроса. Его обсуждение оказалось практически безрезультатным, но сам тот факт, что Кавур как глава правительства Пьемонта открыто выступил в защиту итальянских национальных интересов, произвел большое впечатление на общественное мнение в Италии.

Развитие национального движения в 50-е гг. Республиканско-демократическое и либеральное направления. Поражение революции вызвало значительные сдвиги в двух основных направлениях национально-освободительного движения. Хотя демократы достигли на заключительном этапе революции большого успеха, добиться основных целей — национального освобождения и объединения страны — им так и не удалось. Сразу после окончания революции началось обсуждение причин ее неудачи. Некоторые демократы пришли к выводу, что отсутствие у республиканцев программы глубоких социальных преобразований, в частности наделения крестьян землей, явилось главной причиной недостаточного широкого участия народа в революции и, следовательно, ее поражения. Один из военных руководителей Римской республики — Карло Пизакане (1818—1857) видел решение аграрного вопроса в Италии в ликвидации

крупного землевладения, обобществлении всей земли и передаче ее крестьянству. К. Пизакане, Д. Монтанелли, Д. Феррари и другие радикально настроенные демократы доказывали, что национальное движение должно сочетаться с социальным переустройством, отвечающим интересам народных масс и потому способным привлечь их к освободительной борьбе. С таких позиций они подвергли Мадзини резкой критике и даже намеревались отстранить его от руководства республиканским лагерем. Но их попытка не увенчалась успехом, так как большинство демократов отвергало идею крестьянской революции из опасения, что она вызовет социальный хаос.

Сам Мадзини не прислушался к этой критике. Он по-прежнему был убежден, что первоочередной, безотлагательной задачей, стоящей перед Италией, является решение именно национальной проблемы, что и создает основу для социального переустройства. Так как революция, по мнению Мадзини, подтвердила его веру в готовность народа в любую минуту подняться на борьбу, он с удвоенной энергией занялся воссозданием подпольной революционной сети и подготовкой восстаний. В ходе этой деятельности мадзинистам удалось опереться на первые рабочие общества в Северной Италии — в Ломбардии и Лигурии.

Однако попытка поднять восстание в Милане в 1853 г. закончилась полной неудачей, несмотря на исключительную отвагу, проявленную ремесленниками и рабочими в схватке с австрийскими войсками. Некоторые участники восстания были казнены. Этот провал вызвал глубочайший кризис в республиканском лагере.

Подпольные организации стали раскалываться, многие демократы порвали с Мадзини, обвиняя его в напрасных жертвах. Тогда Мадзини провозгласил в 1853 г. создание «Партии действия», призванной объединить всех тех, кто готов был любой ценой вести революционную борьбу за освобождение. Но раскол среди демократов углублялся. Часть из них пошла на сближение с пьемонтскими «умеренными» либералами в связи с тем, что упрочение либерально-парламентских порядков в Пьемонте, а также тот факт, что он стал пристанищем для десятков тысяч патриотов, бежавших сюда из других итальянских государств после подавления революции, возрождали надежду на превращение Сардинского королевства в опору национального движения.

Выразителем такой ориентации на Пьемонт стал лидер венецианской революции 1848—1849 гг. Д. Манин. В 1855—1856 гг. он призвал демократов принести «жертву»: отречься от революционно-республиканской программы, порвать с Мадзини и всецело поддержать монархический Пьемонт как единственную силу, способную привести Италию к независимости и объединению. Манин предложил также создать «национальную партию», в которой сплотились бы ради объединения страны как демократы, отвергшие республиканизм, так и либералы-монархисты.

Призыв Манина получил значительный отклик среди патриотов различных политических взглядов, включая демократов, отошедших от Мадзини. Благожелательно отнесся к нему и Кавур. С его согласия в 1857 г. в Пьемонте стало действовать основанное за границей Манином «Итальянское национальное общество», девизом которого было объединение Италии во главе с Савойской династией. Руководители общества предложили присоединиться к нему Гарибальди, имея в виду использовать популярность народного героя для привлечения на свою сторону демократических кругов. Гарибальди занял пост вице-председателя общества, но сохранил свои республиканские убеждения.

Формально «Национальное общество» было независимой организацией, на деле же оно являлось политическим орудием в руках пьемонтских либералов во главе с Кавуром. Отделения «Национального общества» нелегально со-

здавались за пределами Пьемонта. Это было вызвано тем, что в Неаполитанском королевстве, Папском и других государствах полуострова влияние местных либералов ослабело после революции 1848—1849 гг., обнаружившей полное крушение их планов установить союз с монархами и вовлечь их в национальное движение. Часть либерально настроенной буржуазии и дворян в этих государствах стала ориентироваться на Савойскую династию и склонялась к признанию руководящей политической роли пьемонтских либералов. Их влияние постоянно росло, и они фактически оказались во главе либерального направления в масштабе всей страны. В результате создания «Национального общества» движение за национальную независимость и объединение Италии на монархической основе — под главенством Савойской династии — вышло за рамки Сардинского королевства и приобрело общеитальянский характер. Вместе с тем до конца 50-х гг. ни руководители «Национального общества», ни Кавур не имели никаких конкретных планов осуществления этой цели, поскольку была очевидна полная невозможность достичь ее с помощью традиционных дипломатических методов.

Наиболее решительные демократы не желали смириться с переходом руководства национальным движением в руки либералов-монархистов. Ради того, чтобы дать толчок революции, которая рассматривалась ими как единственное реальное средство решения итальянской проблемы, они готовы были на самопожертвование. В 1857 г. К. Пизакане, действуя в контакте с Мадзини, готовившим выступление в Генуе, высадился с группой единомышленников недалеко от Неаполя с целью поднять народное восстание. Отважная попытка кончилась гибелью Пизакане и многих его товарищей. Трагический исход этого предприятия усилил раскол в демократическом лагере, все больше его сторонников примыкало к «Национальному обществу». Инициатива оставалась в руках либералов-кавуристов. К концу 50-х гг. Пьемонт воспринимался в Италии как ведущая сила национально-освободительного движения.

Союз Пьемонта с Францией. Одной из задач внешней политики Наполеона III было вытеснение Австрии из Италии и утверждение в ней французского верховенства. Наполеон III приступил к реализации этой цели в связи с покушением на него, организованным в Париже в начале 1858 г. итальянским патриотом Орсини, активным участником обороны Римской республики 1849 г. Орсини надеялся, что устранение одного из душителей итальянской революции — Наполеона III, который военной силой поддерживал обветшалый папский режим, расчистит путь для подъема освободительной борьбы. После казни Орсини Наполеон III решил выступить в роли «покровителя» итальянского национального движения с тем, чтобы нейтрализовать итальянских революционеров и одновременно утвердить французскую гегемонию в Италии.

По инициативе Наполеона III летом 1858 г. на французском курорте Пломбьер состоялась его тайная встреча с Кавуром, во время которой были согласованы условия франко-пьемонтского военно-политического союза, оформленного в виде секретного договора в январе 1859 г. Он предусматривал освобождение Ломбардии и Венеции от австрийцев и присоединение этих областей, а также герцогств Парма, Модена и папской области — Романьи к Пьемонту и создание таким путем Королевства Верхней Италии. Пьемонт обязался выставить 100-тысячную, а Франция — 200-тысячную армию. За эту помощь Наполеон III потребовал, чтобы Савойя и Ницца, входившие в состав Сардинского королевства, перешли к Франции на том основании, что большинство населения этих провинций говорит по-французски. Кроме того, Наполеон III вынашивал план создать в центре Италии на базе Тосканы и части папских владений королевство во главе со своим двоюродным братом, а на неаполитанский

престол посадить также своего ставленника — сына Мюрата. Папе он отводил роль главы будущей федерации итальянских государств. Таким образом, по-прежнему политически раздробленная Италия оказалась бы связанной по рукам и ногам зависимостью от Франции. Кавур знал об этих планах Наполеона III, но надеялся, что события помешают их осуществлению.

После подписания договора союзники начали готовиться к войне с Австрией. В международном плане Наполеон III заручился обязательством России (раздраженной антирусской позицией Австрии в период Крымской войны) соблюдать в случае войны благожелательный нейтралитет и не препятствовать присоединению к Пьемонту Ломбардии и Венеции, находившихся под властью Австрии. В Пьемонт съехались со всех концов Италии 20 тысяч добровольцев, желавших присоединиться к освободительному походу. Гарибальди согласился принять участие в войне в качестве генерала пьемонтской армии и возглавить 3-тысячный добровольческий корпус, в состав которого вошли многие участники героической обороны Рима и Венеции в 1849 г. Отношения с Австрией все более накалялись, и это привело 26 апреля 1859 г. к началу войны.

Война с Австрией. Народные выступления в Центральной Италии. Военные действия развивались успешно для союзных войск. После поражения австрийской армии у Мадженты ей пришлось уйти из Милана. 8 июня в него торжественно вступили Наполеон III и пьемонтский король Виктор Эммануил II. Союзники продолжали наступление, особенно быстро двигался корпус Гарибальди, освободивший от австрийцев ряд городов. В конце июня французские и пьемонтские войска добились победы в упорных сражениях при Сольферино и Сан-Мартино, что вынудило австрийскую армию оставить всю Ломбардию.

Война вызвала подъем национального движения в Центральной Италии. В Тоскане в обстановке начавшегося брожения сторонники «Национального общества» и местные либералы по плану, заранее разработанному в Турине, возглавили большую патриотическую демонстрацию во Флоренции, к которой присоединились войска. Герцогу пришлось покинуть Тоскану, где развернулась агитация за присоединение к Пьемонту. В первой половине июня народные волнения в Парме и Модене вынудили бежать их правителей, и управление в герцогствах взяли на себя назначенные из Пьемонта губернаторы. Одновременно в Романье после ухода австрийских войск народ стал свержать папские власти, и их место заняли либеральные деятели. Вскоре восстания охватили и другие области Папского государства.

Подъем народного движения грозил сорвать замысел Наполеона III посадить на престол Тосканы своего ставленника. В то же время появилась угроза выступления Пруссии в поддержку Австрии. Все это побудило Наполеона III прекратить военные действия. Не предупредив своего союзника, он заключил 11 июля в городе Виллафранка перемирие с императором Францем-Иосифом. На их встрече было решено, что Австрия уступит Ломбардию Наполеону III, а он передаст ее Пьемонту, в Тоскану и Модену вернуться прежние правители, власть папы будет восстановлена во всех его владениях, а Венеция останется в руках Австрии.

Виллафранкское перемирие вызвало взрыв возмущения во всей Италии. Кавур в связи с отказом короля Виктора Эммануила продолжать войну ушел в отставку. Патриотические силы в Центральной Италии были полны решимости не допустить возврата прежних монархов. Избранные в Тоскане, Парме, Модене и Романье парламенты приняли решение о свержении старых режимов и о присоединении к конституционному Сардинскому королевству. Прибывшие из Пьемонта генералы взяли под свое командование войска в бывших герцогствах и в Романье. Стало ясно, что навязать населению этих областей старые поряд-

ки или ставленника Наполеона III не удастся без вооруженной интервенции, на которую ни Австрия, ни Франция не осмелились. Воспользовавшись этим, Кавур, вернувшийся к власти в январе 1860 г., пошел на проведение в Центральной Италии плебисцитов относительно дальнейшей судьбы освобожденных территорий. Абсолютное большинство голосовавших высказалось за слияние Тосканы, Пармы, Модены и Романьи с Сардинским королевством. Но одновременно Савойя и Ницца в соответствии с договором между Наполеоном III и Виктором Эммануилом II перешли к Франции.

Революционное движение в Южной Италии. Поход гарибальдийской «Тысячи». Присоединение Ломбардии и большей части Центральной Италии к Сардинскому королевству явилось важным шагом на пути объединения Италии. Однако инициатива Кавура и «Национального общества» на этом, по существу, исчерпалась: надеяться на помощь Наполеона III или на дипломатические комбинации в деле продолжения объединительного движения было совершенно нереально. Объединительный процесс мог застопориться на неопределенное время.

В такой ситуации на политической арене активизировались демократы. Уже летом и осенью 1859 г. Мадзини, проявивший острое политическое чутье, настойчиво призывал не останавливаться на достигнутом и перейти к революционным действиям в папских владениях и Неаполитанском королевстве. Среди демократов стала обсуждаться идея направить вооруженный отряд на Юг, в Сицилию с целью свержения Бурбонов, которые после кровавого подавления революции в 1849 г. оказались на острове в полной изоляции. Накапливавшаяся ненависть сицилийцев к королевским властям вылилась в апреле 1860 г. в возглавленное демократами восстание в Палермо. Потерпев неудачу в городе, его участники переместились в сельские районы, где начались вооруженные выступления крестьян.

Когда о восстании стало известно в Пьемонте, находившиеся здесь в эмиграции сицилийские революционеры во главе с близким к Мадзини Франческо Криспи обратились к Гарибальди с предложением отправиться во главе вооруженного отряда в Сицилию на помощь восставшим. Гарибальди дал свое согласие, предупредив, что лозунгом экспедиции будет объединение Италии во главе с Виктором Эммануилом, т.е. лозунг «Национального общества».

В Генуе демократы развернули лихорадочную подготовку. Чтобы вооружить рвавшихся в бой добровольцев и посадить их на суда, пришлось преодолеть сильное сопротивление стоявших у власти либералов и Кавура, застигнутого врасплох совершенно чуждой ему революционной по духу инициативой демократов. Он не мог открыто запретить это патриотическое начинание из опасения дискредитировать себя в глазах участников национального движения. Однако Кавур старался предотвратить экспедицию, создавая для нее различные препятствия. Власти наотрез отказались выдать волонтерам современное оружие, приобретенное на патриотические пожертвования. Для отряда Гарибальди удалось достать лишь тысячу старых, почти непригодных ружей. Несмотря на все препоны, утром 6 мая около тысячи ста человек во главе с Гарибальди отплыли на двух кораблях из Генуи. В состав «Тысячи», как скоро станут называть отряд Гарибальди, входили добровольцы из всех областей Италии, многие из них закалялись в боях на бастионах Римской и Венецианской республик в 1848—1849 гг. и под командованием Гарибальди в войне 1859 г. Среди гарибальдийцев около половины составляли ремесленники и рабочие, много было в отряде людей свободных профессий, интеллигентов.

11 мая отряд высадился в Сицилии. Началась гарибальдийская эпопея. Перед Гарибальди стояла труднейшая задача: имея тысячу с небольшим бойцов, противостоять находившейся на острове 25-тысячной королевской армии во главе с

опытными генералами. Многие зависело от исхода первого боя. Он произошел у местечка Калатафими спустя 4 дня после высадки. Гарибальдийцы, одетые, как и их предводитель, в красные рубашки, яростной штыковой атакой отбросили намного превосходивший их по численности отряд бурбонских войск. Затем Гарибальди совершил искусный скрытый маневр через горы, внезапно подошел к Палермо и ворвался в него вместе с 3 тыс. присоединившихся к нему вооруженных крестьян. В Палермо началось восстание. После 3 дней ожесточенных боев бурбонский командующий вынужден был заключить перемирие, а затем оставить Палермо. Вслед за этим восстания охватили многие города Сицилии.

Поход Гарибальди совпал с развернувшимся на острове широким народным движением. Крестьяне поднимались на борьбу в тылу королевских войск, облегчая наступление Гарибальди. Диктаторская власть, установленная им в освобожденных районах, объявила о принятии ряда мер с целью привлечь народные массы, включая крестьян, под гарибальдийские знамена: отменялся налог на помол зерна и на возимые пищевые продукты; всем примкнувшим к освободительной борьбе был обещан участок общинной или королевской земли. Однако этих мер оказалось недостаточно, чтобы обеспечить Гарибальди прочную поддержку крестьянских масс. Летом движение в деревне, первоначально заостренное против бурбонских властей, стало перерастать в социальную борьбу с землевладельцами. Крестьяне и батраки хотели вернуть себе общинные земли, ранее захваченные дворянами и буржуазией. Дело доходило до жестоких, кровавых расправ. Устрашенные землевладельцы просили гарибальдийское правительство о помощи. Перед лицом социального конфликта в деревне революционная власть встала на защиту права собственности и сурово подавила один из главных очагов крестьянского движения, несколько его активных участников были расстреляны. К карательным мерам прибегла и спешно созданная землевладельцами Национальная гвардия. В результате первоначальный энтузиазм сельских масс, вызванный приходом Гарибальди, ослабел, крестьяне отходили от его армии, пополнявшейся в основном за счет горожан и притока добровольцев с севера. Опираясь на них, Гарибальди освободил Сицилию и 19 августа высадился на материке в Калабрии.

Поход Гарибальди вскрыл глубокий кризис, назревший в Неаполитанском королевстве. После того как гарибальдийцы опрокинули выставленные против них заслоны, солдаты короля стали тысячами сдаваться в плен. Королевская армия была деморализована, организованное сопротивление прекратилось. Еще до высадки Гарибальди в южных областях королевства (особенно в Калабрии и Базиликате) начались восстания горожан и крестьян, которые расшатывали бурбонские порядки. Видя бессилие монархии и опасаясь расширения народных выступлений, землевладельцы — буржуазия и дворяне — использовали натиск низов и стали захватывать власть на местах в свои руки. Бурбонский режим рушился, и это позволило Гарибальди всего с несколькими соратниками, опередив свою армию, совершить стремительный бросок к Неаполю. По пути население оказывало ему горячий прием. Король счел за лучшее покинуть Неаполь и укрыться в крепости Гаэта, куда ушли и верные ему войска. 7 сентября 1860 г., на двадцатый день после высадки на континенте, Гарибальди в открытом экипаже въехал в ликующий Неаполь. Таким образом, народному полководцу потребовалось три с половиной месяца, чтобы совершить, казалось бы, невозможное: революционным путем снести бурбонскую монархию. Это сделало Гарибальди национальным героем.

В Неаполе, как и в Сицилии, было объявлено об установлении диктатуры. Теперь революционный полководец намеревался освободить Рим, а затем Венецию. Его армия насчитывала уже 50 тыс. бойцов, включая 20 тыс. доброволь-

цев из северных и центральных областей страны. Среди них было немало убежденных республиканцев. В Неаполь съехались ведущие деятели демократов, в том числе Мадзини. Гарибальди хотел отложить присоединение Юга к Пьемонту до полного освобождения всех итальянских земель, и республиканцы надеялись, что это позволит им укрепить свои позиции, созвать всеитальянское Учредительное собрание и придать рождающемуся итальянскому государству более демократический характер. Однако отсутствие сплоченной политической организации явилось одной из причин, не позволившей им осуществить свои замыслы.

Либералам удалось сорвать осуществление планов демократов. Они боялись, что оказавшаяся столь эффективной революционная инициатива и, возможно, дальнейшие успехи гарибальдийской армии вызовут усиление республиканских и революционных сил в стране и поставят под угрозу существование пьемонтской монархии. Кроме того, Кавур опасался, что попытка ликвидации светской власти папы приведет к иностранному вмешательству (прежде всего Наполеона III) в итальянские дела.

Противостояние либералов-монархистов и демократов вылилось в острый политический конфликт между Кавуром и Гарибальди. После освобождения Сицилии Кавур признал, что «Гарибальди оказал Италии величайшие услуги, какие только может человек оказать родине»; когда же Гарибальди отказался от немедленного присоединения Сицилии к Пьемонту, Кавур стал обвинять его в том, что он сомкнулся с «людьми революции» и «сеет на своем пути беспорядок и анархию». Чтобы не допустить марша Гарибальди в Центральную Италию, Кавур, которому крушение неаполитанских Бурбонов придало решимости и заставило его наконец поверить в реальную возможность скорого объединения Италии, поспешил опередить демократов и частично осуществить выдвинутые ими же цели. Через своих посланников он убедил Наполеона III в необходимости быстрых действий для предотвращения революции в Папском государстве. С согласия французского императора пьемонтские войска спустя три дня после вступления Гарибальди в Неаполь вторглись в папские владения и заняли их большую часть — области Марке и Умбрия. В октябре, после того как Гарибальди нанес поражение бурбонским войскам у р. Вольтурно, пьемонтская армия вступила на неаполитанскую территорию, преградив Гарибальди путь на Рим.

К этому времени осложнилось положение в неаполитанской деревне. Здесь, как и в Сицилии, сельские массы по-своему истолковали приход Гарибальди и свержение бурбонских порядков: они сочли, что наступил долгожданный час решения в их пользу вопроса о земле. Первоначально эти надежды укрепил декрет Гарибальди о передаче в бесплатное пользование крестьянам Калабрии общинных земель, на которые зарилась местная буржуазия. В разных районах Юга крестьяне стали делить общинные угодья, начались покушения на господские владения. Землевладельцы решительно воспротивились переходу общинных земель к крестьянам. На развитие крестьянского движения они отвечали репрессиями. Растущее ожесточение сельских масс нашло выход в кровавых расправах с либералами и Национальной гвардией.

В такой обстановке имущие слои Юга стали требовать скорейшего слияния Неаполя с Пьемонтом, видя теперь в Савойской монархии единственную гарантию своей земельной собственности перед лицом угрозы со стороны разраставшегося крестьянского движения. Опираясь на их поддержку, либералы-кавуристы одержали верх в борьбе с демократами. Просьба Гарибальди передать ему на год верховное управление Южной Италией была отклонена королем Виктором Эммануилом. Диктатура Гарибальди была упразднена, изданные им де-

креты отменены, а его армия распущена. Отказавшись от всех наград и почестей, Гарибальди уехал на принадлежавший ему небольшой островок Капреру.

Образование единого итальянского государства. Итальянское королевство в 60-е гг. Правящие круги Пьемонта не допустили созыва всеитальянского Учредительного собрания и осуществили объединение путем простого территориального расширения Сардинского королевства: населению освобожденных земель было предложено проголосовать за их присоединение к этому государству. Плебисциты, проведенные 21 октября на Юге страны, одобрили слияние Неаполя и Сицилии с Сардинским королевством; в ноябре в результате плебисцитов в его состав вошли также Умбрия и Марке. Таким образом, к концу 1860 г. Италия (кроме Рима с областью Лацио и Венеции) была фактически объединена. Собранный в Турине всеитальянский парламент 17 марта 1861 г. объявил о создании нового европейского государства — Итальянского королевства во главе с королем Виктором Эммануилом II. Существовавшие в Пьемонте с 1848 г. конституционные порядки и институты были распространены на новое государство. У власти на протяжении следующих 15 лет находились большей частью либеральные правительства, продолжавшие после внезапной смерти Кавура (6 июня 1861 г.) его внутри- и внешнеполитический курс.

Объединение Италии сопровождалось унификацией законодательства, административной, судебной, образовательной, военной, налоговой, денежной, таможенной систем и системы мер и весов. Формированию единого государства сопутствовало устранение многочисленных политических, экономических и культурных барьеров, разъединявших отдельные области Италии. Немалую роль в этом сыграло развернувшееся в десятилетие после объединения строительство железных дорог. Их протяженность выросла с 2,5 тыс. км в 1861 до 6,2 тыс. км в 1871 г., что позволило связать между собой основные области Италии и создало благоприятные возможности для более быстрого складывания национального рынка. Ряд принятых новшеств (например, обязательное бесплатное начальное образование) оказал положительное влияние на развитие страны. Вместе с тем новое государственное устройство отличалось жесткой централизацией (сводившей до минимума самостоятельность провинций) и крайне ограниченным демократизмом: вводилась цензовая избирательная система (принятая ранее в Сардинском королевстве в 1848 г.), в соответствии с которой правом голоса на выборах в итальянский парламент обладали 420 тыс. человек (т.е. менее 2% населения) — в основном землевладельцы и верхушка буржуазии. Подавляющая масса почти 22 миллиона итальянцев — все крестьянство, широкие городские слои, мелкая буржуазия были отстранены от участия в выборах парламента.

Положение Италии в 60-е гг. было очень напряженным. Только что возникшее итальянское государство столкнулось с рядом тяжелых проблем, в частности с финансовой. Огромные расходы, связанные с объединением страны, привели к образованию многомиллионного государственного долга и хроническому бюджетному дефициту. Стоявшие у власти в 60-е гг. правительства стремились решить эту проблему, пустив в распродажу большие массивы церковных, общинных и государственных земель и резко увеличив налоги, включая косвенные — на продовольствие. Вся их тяжесть легла на крестьян и городской люд. Народные слои отвечали на рост налогов стихийными протестами и выступлениями, особенно бурными в северных районах. Дело доходило до вооруженных бунтов, при подавлении которых полицией и войсками 250 человек были убиты и тысяча ранены.

Еще более серьезной проблемой стали события на Юге страны: во второй половине 1861 г. началось широкое восстание неаполитанского крестьянства. Крушение надежд на закрепление за ними общинных земель явилось одной

из причин выступления сельских масс неаполитанского Юга против новой власти, оказавшейся в руках дворян и земельной буржуазии, особенно широко расхищавшей общинные угодья. Декрет правительства от 1 января 1861 г. о возобновлении раздела этих земель, столь желанного для крестьянства, практически не проводился в жизнь. В такой обстановке сторонники Бурбонов разжигали недовольство сельских масс, играя на их издавна укоренившейся вере в свергнутую династию как заступницу крестьян. Как и в 1799 г., реакция надеялась с помощью всеобщего восстания в деревне восстановить монархию Бурбонов. Юг наводнили многочисленные вооруженные отряды, некоторые из них насчитывали тысячи людей. Их костяк нередко составляли солдаты и унтер-офицеры распавшейся бурбонской армии. Как правило, они были выходцами из крестьян и по возвращении в деревню не находили средств к существованию. Многие современники, а затем и историки называли это движение «бандитизмом», объясняя его исключительно склонностью жителей отсталого Юга к разбою и насилиям и их традиционной приверженностью Бурбонам. Хотя такие черты образа жизни и умонастроения были в известной мере укоренены на Юге, восстание имело социальную основу и выражало в преломленном, стихийном виде протест крестьян против нищеты, угнетения и нерешенности вопроса о земле. Восставшие громили муниципалитеты, расправлялись и убивали либералов, захватывали их земли, облагали многих землевладельцев контрибуциями.

Обстановка на Юге страны стала напоминать гражданскую войну: пылали деревни, правительственные войска вступали в ожесточенные схватки с подвижными разбойничьими отрядами и поддерживавшими их крестьянами, которые готовы были видеть в разбойниках мстителей за нищету и бесправие бедняков. Итальянское правительство, не имея ясного представления о волновавших южную деревню социальных проблемах, решило действовать исключительно силой, сосредоточив на Юге 120-тысячную армию. Движение удалось подавить только в 1868 г., но его отдельные вспышки продолжались до конца 60-х гг. За это время было убито и ранено более 5 тыс. восставших, потери правительственных войск исчислялись сотнями и тысячами.

Большую остроту приобрел «Римский вопрос», т.е. конфликт, возникший между Итальянским королевством и Папством. Оно стало оплотом всех реакционных сил, которые надеялись, что южное восстание поможет развалить молодое итальянское государство. В Риме нашли пристанище неаполитанские Бурбоны и остатки верных им войск, которые вместе с добровольцами-клерикалами из других европейских стран совершали с папской территории вылазки в районы восстания. Пий IX отказался признать итальянское правительство, отвергал все его предложения о примирении и слышать не хотел о том, чтобы Рим стал столицей Италии. В ответ на враждебность Ватикана итальянское правительство конфисковало и пустило в продажу имущество 40 тыс. различных церковных организаций — 750 тыс. га земли, перешедших в основном в руки буржуазии. Эти и другие меры способствовали ослаблению экономического и политического влияния церкви. Однако пока папа сохранял власть в Риме, державшуюся только благодаря присутствию солдат Наполеона III, Италия неизбежно оставалась в зависимости от Франции.

Завершение объединения. Включение в состав Итальянского королевства Рима (с прилегающей областью Лацио) и Венеции являлось жизненной проблемой развития страны. Как и ранее, были два подхода к ее решению. Либеральные правительства пытались урегулировать «Римский вопрос» путем переговоров с папой, а Венецию надеялись присоединить либо дипломатическим, либо военным путем, опираясь на сильного союзника. С другой стороны, демократи-

ческие и республиканские круги отвергали правительственную тактику выжидания и намеревались решить проблему Рима и Венеции революционным путем.

Летом 1862 г. Гарибальди высадился в Сицилии и стал призывать к походу на Рим. Вскоре он переправился с добровольцами в Калабрию. Наполеон III, постоянно оглядывавшийся в своей итальянской политике на французских клерикалов, заявил, что не допустит удаления папы из Рима. Тогда итальянское правительство, сначала занявшее выжидательную позицию, направило против Гарибальди войска. В августе у Аспромонте они встретили его отряд ружейным огнем. Гарибальди был тяжело ранен, взят под стражу, многие его бойцы арестованы.

Подавив на этот раз революционную инициативу как средство окончательного объединения страны, правительство в 1866 г. с целью освобождения Венеции приняло предложение Бисмарка выступить в военном союзе с Пруссией против Австрии. Гарибальди, которому снова предложили возглавить корпус добровольцев, остался верен себе: ведя тяжелые бои в горах Тироля, он заставил австрийские войска отступить. Регулярная же армия из-за безответственности итальянского командования уступила поле сражения у Кустоцы, а флот по той же причине неудачно действовал в бою у острова Лисса в Адриатическом море. В результате Италии навязали унижительную процедуру получения Венеции из рук Наполеона III, которому ее передала разгромленная пруссаками Австрия. После присоединения Венецианской области Гарибальди с несколькими тысячами добровольцев осенью 1867 г. снова бросился на освобождение Рима. В упорном бою у Ментаны его плохо вооруженные бойцы столкнулись с французскими батальонами, оснащенными скорострельными винтовками, и это заставило гарибальдийцев отступить. Сам Гарибальди был арестован итальянским правительством и отправлен на остров Капреру.

В 1870 г., когда началась франко-прусская война, французский корпус был наконец отозван из Рима. Вслед за крушением империи Наполеона III итальянские войска после короткого боя с папскими наемниками 20 сентября вошли в Рим, который с лета 1871 г. стал столицей Италии. Папа Пий IX, сохранивший за собой Ватиканский дворец, объявил себя «вечным пленником» итальянского государства.

Исторические итоги объединения Италии. С освобождением Рима завершилось итальянское национально-освободительное движение — Рисорджименто. Было покончено с иноземным гнетом и светской властью церкви, которые веками пагубно влияли на исторические судьбы Италии, закрепляя ее политическую раздробленность и отсталость. Разрешение главной проблемы исторического развития страны — ее объединение позволило преодолеть многовековой исторический тупик и открыло путь для общественного прогресса и ускорения формирования итальянской нации.

Национально-освободительное движение было вызвано к жизни пробуждением и распространением национального сознания — той идеи, что народ Италии как единая нация обладает правом на независимое и суверенное государственное существование. Однако национальное сознание укоренилось главным образом в городах, сначала в образованных и имущих кругах, а затем среди широких городских масс. Этому способствовала многослойная социально-экономическая структура городов, разнообразные формы социального общения и культурной деятельности (образовательные учреждения, печать, театры, расширение информации и связей с внешним миром). Национальной идее было гораздо труднее проникнуть в замкнутый мир деревни, где господствовала традиционная вера почти поголовно неграмотных крестьян в «своего» монарха-покровителя. События 60-х гг. на неаполитанском Юге показали также, что желание крестьян поддержать национальное движение могло быть обусловлено

участием в нем земельной буржуазии, превратившейся в социального антагониста сельских масс. В итоге *ограниченная массовая база* национального движения явилась одной из главных причин того, что борьба за независимость и объединение Италии затянулась почти на 80 лет, несмотря на героизм и самопожертвование сотен и тысяч борцов за освобождение страны.

В 30–40-е гг. XIX в. в итальянском национальном движении образовались два направления, чьи цели и методы их достижения значительно расходились. Демократы-республиканцы стремились революционным путем изгнать иностранных угнетателей, свергнуть монархии и таким путем создать единое итальянское государство. В отличие от них «умеренные» либералы надеялись добиться национального освобождения дипломатическим или военным путем, а объединение страны представляли себе в виде конфедерации существовавших монархий. Противоборство этих двух направлений достигло наибольшей остроты в решающей фазе Рисорджименто. В 1859 г. Сардинской монархии и либералам во главе с Кавуром удалось добиться освобождения Ломбардии и слияния ее, а также значительной части Центральной Италии с Сардинским королевством. В 1860 г. демократические силы сумели перехватить инициативу и благодаря решимости своих сторонников и полководческому таланту Гарибальди революционным путем ликвидировать монархию Бурбонов в самом крупном государстве полуострова — Неаполитанском королевстве с населением в 9 млн человек, что создало реальную возможность объединения большей части Италии. Таким образом, своеобразие итальянского национально-освободительного и объединительного движения состояло в том, что успех этого движения на его решающей стадии в 1859–1860 гг. был достигнут как в результате усилий единственного тогда в Италии либерально-буржуазного государства — Сардинского королевства, вступившего в вооруженную борьбу с Австрией, так и благодаря революционной инициативе демократических и народных сил, оказавшейся чрезвычайно эффективной и вызвавшей форсированное развитие процесса объединения. Однако революционная демократия не имела достаточно сил и политической организации, чтобы завершить объединение страны в соответствии со своей стратегией и придать рождавшемуся итальянскому государству более демократический характер. В итоге либералы-кавуристы завладели плодами побед Гарибальди: заимствовав, по существу, у демократов идею унитарного государства, они осуществили объединение Италии на монархической и консервативной основе.

Объединение повлекло за собой создание блока крупной буржуазии и обуржуазившегося дворянства Северной и Центральной Италии и землевладельцев Юга, которые не допустили перераспределения земли в пользу крестьян. Распродажа огромных массивов церковных, государственных и общинных угодий еще более укрепила доминирующее положение буржуазных и дворянских землевладельцев. Таким образом, Рисорджименто принесло огромный по своему историческому значению результат в государственно-политическом плане, но не сопровождалось сколько-нибудь значительным преобразованием аграрных отношений, обремененных, особенно на Юге страны, феодальными пережитками.

Особенностью национально-освободительного движения в Италии была его тесная связь с передовой общественной мыслью, литературой и искусством. Они во многом содействовали развитию национального сознания, будили патриотические и гражданские чувства, стремились поднимать людей на борьбу за национальную независимость и свободу страны. Духовное формирование нескольких поколений итальянской патриотической молодежи прошло под непосредственным влиянием произведений поэтов и писателей В. Альфиери, А. Мандзони, У. Фосколо, В. Монти, С. Пеллико, Ф.Д. Гуэррацци, Л. Меркан-

тини и др. Огромное воздействие на различные слои современников оказывала музыка — оперный театр. Важнейшей темой творчества композиторов стала борьба поработенного народа против деспотизма, противоборство человека со злом и несправедливостью. На этом пути особых вершин достигли Дж. Россини в «Вильгельме Телле», В. Беллини в «Норме» и «Пуританах» и Дж. Верди (1813–1901) в «Набукко», «Битве при Леньяно», «Трубадуре», «Доне Карлосе» и других операх. Их музыка, впитавшая скорбь и боль попоранной Италии, пронизанная духом гнева и мятежа против всякого угнетения, порой вызывала бурные патриотические манифестации в залах. Таким образом, оперный театр превратился в активный и действенный фактор национального движения. Недаром Дж. Мадзини писал Верди в 1848 г.: «То, что я и Гарибальди делаем в политике, что наш общий друг Мандзони делает в поэзии, то Вы делаете в музыке. Теперь Италия как никогда нуждается в ней».

Глава 21 ИСПАНИЯ В 50-х — СЕРЕДИНЕ 70-х гг. XIX в.

Буржуазная революция 1854—1856 гг. В 1848—1849 гг. Испания избежала революционных потрясений, однако результаты европейских революций оказали определенное влияние на политическую ситуацию в стране. Поражение революционных сил в Европе подтолкнуло испанскую реакцию к попыткам пересмотреть итоги революции 1833—1843 гг. Правительство Браво Мурильо подготовило проект пересмотра конституции 1845 г., который предполагал дальнейшее ограничение избирательного права и превращение Сената в палату, представляющую аристократию, наподобие британской Палаты лордов. Также был подготовлен проект закона о восстановлении права майората. В течение года (с конца 1851 до декабря 1852 г.) заседания cortesес вообщем не проводились. Только в конце 1852 г. либералам удалось добиться отставки кабинета Браво Мурильо, однако события начала 50-х гг. показали, что существует опасность отмены буржуазных преобразований 30-х гг.

Экономическая политика государства сдерживала развитие предпринимательства; так, действовало ограничение на создание новых банков; для учреждения каждого акционерного общества требовалось издание специального королевского декрета, что открывало невиданные возможности для коррупции. Буржуазные круги были недовольны тем, что постоянный дефицит бюджета ставил под угрозу регулярную выплату процентов по государственным займам. Пытаясь найти выход из финансового кризиса, власти увеличивали налоги. В мае 1854 г. правительство приняло решение о сборе налогов за полгода вперед, что вызвало негодование всех слоев населения.

Промышленная революция привела к резкому ухудшению положения городских низов — разорению ремесленников, безработице, снижению заработной платы, увеличению длительности рабочего дня. Однако единственной реакцией властей на тяжелое положение городской бедноты были неоднократные запреты создавать организации рабочих. Рост социальной напряженности в городах приводил к тому, что городской плебс с готовностью откликался на политические призывы и принимал активное участие в политической борьбе.

Одной из важных особенностей революций XIX века в Испании являлась вовлеченность армии во все политические процессы. В середине июня 1854 г. либерально настроенные военные под предводительством генерала Л. О'Доннеля потребовали отставки правительства. В конце июня неподалеку от Мадрида произошли вооруженные столкновения мятежных военных с правительственными войсками. Стремясь заручиться поддержкой населения, 7 июля 1854 г. организаторы пронунсиамьенто обнародовали «Мансанаресский манифест», в котором говорилось о необходимости сохранить монархию, но без позорящей ее камарильи, о создании нового избирательного закона и закона о печати, о снижении налогов, о расширении полномочий местных органов власти и создании Национальной милиции.

В середине июля во многих городах страны начинаются восстания, происходит создание революционных хунт, руководимых прогрессистами. В Барселоне и Малаге имели место нападения на фабрики и разрушение машин. В Мадриде 17—20 июля народ строит баррикады, идут бои с правительственными войсками. Под давлением народных выступлений королева Изабелла II в конце июля назначила главой правительства лидера прогрессистов — Б. Эспартеро. (Генерал Эспартеро в 1843 г. бежал в Англию, через несколько лет ему было разрешено

вернуться в Испанию. К середине 50-х гг. неудачный опыт диктатуры Эспартеро в 1840—1843 гг. оказался забыт и генерал возвращается к власти.) Пост военного министра в правительстве Эспартеро занял генерал О'Доннель, представлявший умеренно-либеральные круги. В дальнейшем О'Доннель создал собственную политическую группировку — Либеральный союз.

В городах были сформированы отряды Национальной милиции, ставшие важной опорой прогрессистов. Во вновь избранных cortesесах преобладали прогрессисты, сторонники Либерального союза и других умеренно-либеральных группировок; представители левых политических сил (в том числе республиканцы), так же, как и правые, составляли незначительное меньшинство.

Пытаясь найти выход из финансового кризиса, правительство обращается к продаже церковных и общинных земель. По закону 1855 г. подлежали продаже пахотные общинные земли; общинные пастбища, леса, горы должны были остаться в собственности крестьянских общин. При этом 20% средств, вырученных от продажи, передавались государству, а 80% — обращались в бумаги государственного долга, доход от которых должен был использоваться на благо общин. Продажа общинной земли продолжалась до конца XIX в., при этом в некоторых регионах были проданы не только пахотные земли, но и общинные пастбища и леса. Распродажа общинных земель привела к увеличению имущественного расслоения в испанской деревне, подтолкнула разорение слабых крестьянских хозяйств. Узаконенное ограбление общины вызвало массовое недовольство крестьян. Летом 1856 г. многие области были охвачены крестьянскими волнениями, в которых участвовало население более чем 700 деревень. Для подавления крестьянского движения были посланы войска.

Аналогичным образом был решен вопрос и о продаже церковных земель: 20% выручки получало государство, остальные средства вкладывались в бумаги государственного долга; трехпроцентный годовой доход от этих бумаг должен был обеспечивать потребности духовенства. Землю продавали с аукциона, крупными участками, что способствовало росту и укреплению латифундизма.

В 1855 г. был принят закон, освобождавший от таможенных пошлин все материалы, машины и оборудование, необходимые для строительства и эксплуатации железных дорог. В 1856 г. были сняты ограничения с создания новых банков.

В 1856 г. cortesес разработали новую конституцию, которая вдвое снизила имущественный ценз для избирателей и запрещала преследования за религиозные убеждения, также запрещалось выносить смертные приговоры за политические преступления. Однако государственный переворот в июле 1856 г. привел к тому, что конституция 1856 г. так и не вступила в силу.

В середине 50-х гг. власти впервые столкнулись с организованным рабочим движением. Его центром стала Каталония, где раньше, чем в других областях страны, развернулась Промышленная революция. В середине 1854 г. в Барселоне был создан «Союз классов» (под классами подразумевались рабочие и ремесленники разных профессий), который требовал сокращения рабочего дня и повышения заработной платы. В Барселоне и ее промышленном поясе прошли массовые забастовки. Предприниматели ответили на это локаутами. Барселонские власти неоднократно издавали распоряжения о запрете рабочих организаций и забастовок, дело дошло даже до запрещения раздавать «благотворительный суп» безработным. В июне 1855 г. по ложному обвинению был осужден и казнен один из руководителей рабочих-текстильщиков. В начале июля в Барселоне и городах ее промышленного пояса началась всеобщая забастовка. Делегация рабочих отправилась в столицу для переговоров с главой правительства генералом Эспартеро, от которого городские низы ожидали помощи. Бастующие требовали установления 10-часового рабочего дня, легализации рабочих

союзов, улучшения условий труда. Эспартеро обещал провести закон о разрешении рабочих ассоциаций, а также ввести 6-часовой рабочий день для детей от 8 до 12 лет и 10-часовой рабочий день для подростков от 12 до 18 лет. Одновременно в рабочие кварталы Барселоны вошли войска. В итоге продолжавшаяся около недели всеобщая забастовка закончилась. Обещания, данные Эспартеро, не были выполнены.

Испанские либералы не предполагали, что начатая ими в 1854 г. революция повлечет за собой выступления рабочих и массовые волнения крестьян. В середине 1856 г. умеренно-либеральные круги начинают искать путь к завершению революции и восстановлению порядка. Эволюция испанского либерализма проявилась и на личностном уровне. Генерал О'Доннель, который в июне 1854 г. возглавил пронунсиамьенто, положившее начало революции, в июле 1856 г. стал ключевой фигурой контрреволюционного государственного переворота. С помощью сложной политической интриги удалось добиться отставки Эспартеро с поста премьер-министра, после чего королева Изабелла II назначила на этот пост О'Доннеля, который немедленно распустил кортесы и отряды Национальной милиции. Прогрессисты призвали народ к сопротивлению. В Мадриде отряды Национальной милиции при поддержке горожан вступили в вооруженную борьбу с правительственными войсками. 15–16 июля в столице шли баррикадные бои, завершившиеся победой властей. Четвертая буржуазная революция завершилась.

Правительство О'Доннеля остановило распродажу церковных земель, но продажа общинных земель продолжалась. В результате революции буржуа и бывшие сеньоры получили возможность значительно увеличить свои земельные владения. Революция способствовала развитию предпринимательства, особенно в сфере железнодорожного строительства. В политической сфере страна вернулась к дореволюционному порядку — была восстановлена конституция 1845 г.

Испания в 1856–1868 гг. Во второй половине 50-х — 60-х гг. экономическое развитие страны ускорилося. В 60-е гг. завершился переход к фабричному производству в хлопчатобумажной промышленности, хотя большинство фабрик составляли мелкие предприятия, на которых было занято 10–15 рабочих. Одной из самых динамичных отраслей стала горнодобывающая промышленность, в 1860 г. в стране насчитывалось 3748 шахт, наиболее важное значение имела добыча железной руды, свинцовых и медных руд, а также угля. Однако черная и цветная металлургия развивалась значительно медленнее, так как большая часть добытой в Испании руды экспортировалась. В конце 50-х — начале 60-х гг. Испания переживала «железнодорожный бум»: были построены линии, соединившие Мадрид с Сарагосой, Аликанте, Севильей, Кордовой, Картахой, Валенсией, Барселоной, Вальядолидом, Бургосом, Бильбао; была установлена железнодорожная связь с Францией. К 1868 г. протяженность железных дорог превысила 4800 км. Создание железнодорожной сети способствовало формированию единого национального рынка, однако не оказало существенного воздействия на развитие испанского машиностроения, так как машины и оборудование для строительства и эксплуатации железных дорог были импортными. Высокие темпы роста горнодобывающей промышленности и железнодорожного строительства объяснялись британскими и французскими инвестициями в эти отрасли, значительная часть горнорудных и железнодорожных компаний непосредственно контролировалась иностранным капиталом. Кроме этого, существовали «смешанные компании», в которых доля испанского капитала не превышала 5–10%.

Во второй половине 50-х — начале 60-х гг. в Испании создается множество новых банков. Если в 1856 г. их было всего 13, то в 1864 г. — уже 57. Особен-

ность банковской системы этого периода состояла в том, что банки не проявляли интереса к финансированию промышленности, предпочитая спекулятивные операции с бумагами государственного долга.

Положение сельского хозяйства по-прежнему определялось господством латифундизма. Крупные землевладельцы — дворяне и буржуа — в Старой Кастилии, Каталонии, Галисии сдавали крестьянам землю в аренду; а в Андалусии, Новой Кастилии, Эстремадуре вели собственное хозяйство, нанимая батраков.

В политической жизни доминировали две группировки — «консерваторы», возглавляемые генералом Р.-М. Нарваэсом, и Либеральный союз, чьим лидером был генерал Л. О'Доннель. На протяжении этого периода трижды правительство возглавлял О'Доннель, и трижды его сменял Нарваэс. (Кроме этого, на короткий срок к власти приходили «буферные кабинеты».) Визитной карточкой кабинетов Нарваэса было демонстративно-жестокое подавление любых оппозиционных выступлений; при О'Доннеле борьба с противниками режима приобретала более мягкие формы. Еще одной характерной чертой правления Либерального союза было стремление к активной внешней политике, в годы пребывания у власти О'Доннеля Испания ведет военные действия на территории Марокко (1859–1860 гг.), участвует в интервенции европейских держав в Мексике (1861–1862 гг.), отправляет военную эскадру к берегам Перу (1866 г.).

После окончания революции в 1856 г. партия прогрессистов оказалась расколота. Прогрессисты сохраняли приверженность монархическому принципу, но считали необходимым сменить либо монарха (Изабелла II стремительно теряла популярность), либо династию; выступали за снижение имущественного ценза для избирателей, за возобновление продажи церковных земель. В 60-е гг. у прогрессистов появился новый лидер, сменивший престарелого Эспартеро, — генерал Хуан Прим.

Важной особенностью политической системы страны было активное участие военных в политической борьбе. Лидерами многих политических группировок были генералы — «консерваторов» возглавлял Нарваэс, Либеральный союз — О'Доннель (а после его смерти в конце 1867 г. — Серрано), прогрессистов — Эспартеро, а затем — Прим.

Среди горожан быстро возрастало влияние республиканцев. Их программа предусматривала установление демократической республики, всеобщего избирательного права для мужчин, введение всеобщего обязательного бесплатного начального образования, отмену всех косвенных налогов. В то же время республиканский лагерь не был единым: умеренные республиканцы считали частную собственность незыблемой основой социального устройства, левые республиканцы считали более справедливой общественную собственность. В середине 60-х гг. на страницах республиканских газет шла оживленная дискуссия о собственности.

Очагами республиканских идей стали многие испанские университеты. Профессор мадридского университета Э. Кастелар в 1865 г. опубликовал статьи с резкой критикой Изабеллы II, министерство просвещения потребовало его отставки, но за Кастелара вступился ректор. В итоге свои посты потеряли и Кастелар, и ректор. В ответ в апреле 1866 г. студенты организовали демонстрацию под антиправительственными и антимонархическими лозунгами, к которой присоединились многие представители интеллигенции. Демонстрация была разогнана отрядом Гражданской гвардии, несколько человек погибли.

Ухудшение положения крестьян вследствие распродажи общинных земель стало причиной повторяющихся крестьянских волнений. Летом 1857 г. крестьянские бунты охватили некоторые районы Новой Кастилии и Андалусии. Войска, посланные Нарваэсом для подавления крестьянского движения, расстреляли

более ста человек. В июне 1861 г. в небольшом андалусском городе Лохе местная республиканская организация подняла восстание. На призыв республиканцев откликнулись жители окрестных селений, однако крестьяне по-своему поняли республиканские лозунги и начали захватывать и делить земли местных латифундистов. Не ожидавшие такого развития событий республиканцы уговаривали крестьян разойтись по домам, после чего вооруженное сопротивление горстки республиканцев было легко подавлено.

В крупных городах действовали рабочие организации, часто они принимали форму «касс взаимопомощи», однако общенационального объединения рабочих еще не было.

С середины 60-х гг. политическая ситуация начала обостряться. С 1862 г. стали стремительно сокращаться поставки хлопка из США, что привело к росту цен на сырье, разорению многих мелких фабрик и увеличению безработицы. Спекуляции с государственными ценными бумагами в середине 60-х гг. привели к закономерному результату — банковскому краху, вкладчики разорившихся банков потеряли вложенные средства. Всеобщее раздражение вызывало постоянное повышение налогов. Невероятных масштабов достигла коррупция. Предоставление концессий на добычу полезных ископаемых или на строительство железной дороги было сопряжено с огромными взятками. Для сокращения дефицита бюджета в 1865 г. была предпринята частичная продажа «коронных земель», при этом королева Изабелла II присвоила четверть вырученных средств. Прогрессисты и республиканцы были крайне обеспокоены нарастанием клерикализма, символом которого стала монахиня сестра Патросинио, пользовавшаяся огромным влиянием на набожную королеву. Скандальная личная жизнь Изабеллы II не только дискредитировала ее, но и вызвала сомнения в законности происхождения наследника испанского престола.

Как это не раз бывало в испанской истории XIX в., общественные настроения повлияли на позиции армии. В 1866—1867 гг. происходит целая серия прононсиамьенто в различных районах страны. В 1867 г. руководитель Либерального союза О'Доннель присоединился к оппозиционным силам. В апреле 1868 г. умер Нарваэс, последний авторитетный государственный деятель, готовый защищать власть Изабеллы II.

Начало пятой революции (1868—1874). В 1868 г. возник еще один военный заговор, руководителем которого стал генерал Серрано. Заговор был раскрыт, а его участники отправлены в Кадис для последующей ссылки на Канарские острова. Находясь в Кадисе, арестованные сумели привлечь на свою сторону командующего военно-морским флотом адмирала Топете. 19 сентября 1868 г. началось восстание военных моряков в Кадисе. Известия о событиях в Кадисе вызвали немедленный отклик — во многих городах создавались новые органы власти — Революционные хунты, которые требовали введения всеобщего избирательного права и созыва Учредительных кортесов для решения вопроса о будущем устройстве Испании. Горожане захватывали оружие и формировали отряды «волонтеров свободы». Правительственные войска, посланные к Кадису, не пожелали защищать одиозный режим. Изабелла II вынуждена была бежать из Испании.

7 октября было образовано временное правительство, в состав которого вошли лидеры Либерального союза и прогрессистов. Главой правительства стал генерал Серрано. Временное правительство распустило монастыри и конфисковало их имущество, та же судьба постигла и орден иезуитов. Для упорядочения финансовой системы была проведена денежная реформа. Под нажимом составивших горожан временное правительство провозгласило всеобщее избирательное право (в то время по умолчанию предполагалось, что это право распростра-

няется только на мужчин). В январе 1869 г. прошли парламентские выборы, на которых победу одержали монархические партии — прогрессисты и Либеральный союз, но при этом 20% депутатских мандатов получили республиканцы.

К июню 1869 г. Учредительные кортесы завершили разработку новой конституции. Испания провозглашалась наследственной конституционной монархией. Законодательную власть осуществляли двухпалатные кортесы, сформированные на основе всеобщего избирательного права. Исполнительная власть принадлежала правительству, которое назначалось королем, но было ответственно перед кортесами. Конституция закрепляла демократические права и свободы, в том числе и свободу совести. Поскольку в июне 1869 г. короля в Испании не было, то на пост регента был назначен генерал Серрано, а главой правительства стал генерал Прим.

Принятие монархической конституции вызвало возмущение сторонников республики. По всей стране прокатилась волна республиканских демонстраций. В Мадриде республиканцы пытались захватить министерство внутренних дел. В Каталонии, Арагоне и Валенсии летом и осенью 1869 г. в республиканских выступлениях принимало участие до сорока тысяч человек, республиканцев поддерживали и местные отряды «волонтеров свободы». Для подавления республиканского движения в этих областях правительству пришлось прибегнуть к помощи армии. Многие руководители республиканских организаций были арестованы, отряды «волонтеров свободы» были разоружены и распущены. Республиканцы потерпели поражение, но не собирались отказываться от продолжения борьбы.

Одержав победу над республиканцами, прогрессисты и Либеральный союз начали поиск короля для Испании. Ситуацию осложнило то, что в борьбу за испанскую корону вмешались внешние силы — Франция, Англия и Пруссия. Только начало франко-германской войны избавило Испанию от давления извне. В конце 1870 г. кортесы остановили свой выбор на сыне итальянского короля — принце Амадео Савойском.

В 1869—1870 гг. при поддержке наиболее реакционной части дворянства и духовенства своего претендента на испанский престол выдвинули и карлисты. Им стал дон Карлос-младший, внук дона Карлоса, который возглавлял карлистов в годы первой карлистской войны. Оплотом карлизма вновь стали Страна Басков, Наварра, горные районы Арагона и Каталонии, население которых связывало с карлизмом надежды на сохранение, либо восстановление старинных местных вольностей — «фуэрос». В мае 1872 г. карлисты развязали на севере страны вторую карлистскую войну (1872—1876).

В годы революции испанские власти столкнулись и с колониальной проблемой. В 1868 г. на Кубе, самой богатой испанской колонии, началась вооруженная борьба за независимость.

В период революции поднялось на новую ступень рабочее движение. В 1868 г. в Мадриде и Барселоне возникли две испанские секции Первого Интернационала, за этим последовало создание секций и в других городах. В середине 1869 г. секции объединились, образовав Федерацию испанского района — первую в истории Испании общенациональную рабочую организацию. В конце 60-х — начале 70-х гг. во многих городах прошли забастовки, организованные секциями. Программа Федерации первоначально представляла собой смесь марксистских и анархистских идей, однако в 1872 г. произошел идейный и организационный раскол. Подавляющее большинство секций поддержало анархистов.

Первая республика в Испании (1873—1874). В начале 70-х гг. политическая нестабильность все более нарастала. Обострились отношения между прогрессистами и Либеральным союзом, ожесточенная борьба шла и внутри прогрес-

систской партии. Результатом этого стала правительственная чехарда и внеочередные парламентские выборы. Только в 1872 г. дважды проводились досрочные выборы в кортесы. На севере страны продолжалась карлистская война. Летом 1872 г. республиканцы подняли восстания в Мадриде, Малаге и Эль-Ферроле. Фигура Амадео I, «короля-иностранца», вызывала отторжение большинства населения. В начале 1873 г. королю стало известно о том, что в придворной среде готовится заговор против его власти. Амадео I предпочел отречься от испанского престола.

Узнав об отречении короля, 10 февраля 1873 г. по всей стране горожане вышли на улицы, требуя установления республики. На следующий день, 11 февраля, кортесы провозгласили Испанию республикой. Было сформировано правительство, представлявшее различные республиканские группировки.

Когда монархия прекратила свое существование, обострились противоречия внутри республиканского движения. Умеренные республиканцы считали, что с установлением республики революция должна закончиться; левые республиканцы предлагали изменить порядок распродажи церковных земель, чтобы эту землю могли купить крестьяне; улучшить положение крестьян-арендаторов, создать арбитражные суды для разрешения трудовых конфликтов. Среди республиканцев были как сторонники централизованного государства, так и приверженцы федеративного устройства.

Выборы в кортесы принесли победу республиканским группировкам. Кортесы разработали республиканскую федералистскую конституцию, которая обеспечивала широкое самоуправление всем районам Испании и ее заморским владениям.

В июне 1873 г. правительство возглавил Франсиско Пи-и-Маргаль, лидер левых республиканцев, сторонник идей Прудона. За пять недель пребывания у власти правительство Пи-и-Маргалья провело декрет о превращении некоторых категорий арендаторов в собственников земли путем выкупной операции, декрет об ограничении труда подростков, декрет об арбитражных судах с участием предпринимателей и рабочих, декрет об отмене рабства на Кубе. Однако Пи-и-Маргаль не смог продолжить буржуазно-демократические преобразования из-за ожесточенного сопротивления как со стороны монархистов, так и со стороны своих оппонентов в республиканском лагере. Против правительства выступили «непримиримые», требовавшие немедленного разделения страны на множество мелких автономных административных единиц — кантонов. В июле 1873 г., используя революционные настроения городских низов, «непримиримые» начали восстания в городах Андалусии, Валенсии, Мурсии. Анархистские секции поддержали «непримиримых», считая, что децентрализация приведет к уничтожению ненавистного им государства. Мятежи на юге страны заставили правительство Пи-и-Маргалья уйти в отставку в середине июля 1873 г.

Пришедшее к власти правительство умеренных республиканцев направило войска на юг и легко подавило мятежи «непримиримых». Перелом в ходе революции подтолкнул монархистов к решительным действиям. 3 января 1873 г. части мадридского гарнизона под командованием генерала Павии разогнали кортесы. Новое правительство возглавил генерал Серрано. Вплоть до конца 1874 г. Испания формально оставалась республикой, хотя в правительстве не было ни одного республиканца. Началась подготовка к восстановлению монархии. После неудачного опыта приглашения «короля-иностранца» монархисты сделали ставку на молодого принца Альфонсо — сына свергнутой Изабеллы II. Для реставрации монархии был использован хорошо известный испанским политикам метод — пронунсиамьенто. 30 декабря 1874 г. восставшие войска мадридского гарнизона провозгласили принца Альфонсо королем. В начале января

1875 г. Альфонсо XII вернулся в Испанию из эмиграции. Последняя испанская революция XIX в. завершилась.

Итоги цикла революций XIX в. в Испании. В эпоху пяти буржуазных революций (1808—1874) Испания освободилась от устоев старого порядка. Характер революционных преобразований определялся интересами либерального дворянства и торгово-промышленной буржуазии, что особенно ярко отразилось в решении аграрного вопроса. Экономические преобразования либералов открыли возможности для развития капитализма в сельском хозяйстве при одновременном ухудшении положения крестьян, что привело к нарастанию социальных противоречий в испанской деревне. Революции не устранили экономического отставания Испании от более развитых западноевропейских стран. Важнейшей политической особенностью революционного цикла являлось активное участие армии в борьбе за власть.

Глава 22 ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И РЕКОНСТРУКЦИЯ В США

К середине XIX в. рабовладение превратилось в главное препятствие для поступательного социально-экономического и политического развития страны. По общему объему промышленного производства США выходят на второе место в мире, уступая лишь Великобритании. Однако интересы динамично развивавшегося промышленного Севера приходили в противоречие с позицией отсталого аграрного Юга. Представители южных штатов, по-прежнему занимавшие ключевые посты в системе федеральных органов власти, блокировали принятие целого ряда важных законопроектов, нацеленных на создание благоприятных условий для промышленного развития страны и формирования единого национального рынка. Все проекты введения высоких протекционистских тарифов или финансирования строительства трансконтинентальной железной дороги наталкивались на упорное сопротивление южан.

Непримиримая позиция южан привела к тому, что до начала Гражданской войны так и не было реализовано главное требование фермерства, составлявшего основную массу населения Соединенных Штатов: предоставление бесплатной земли на Западе. Южные плантаторы препятствовали демократическому разрешению вопроса о земле на Западе, справедливо опасаясь, что мощный фермерский поток колонизации западных земель в перспективе лишит их возможности экспансии рабовладения на новые «свободные» земли.

Ощущение «неотвратимого конфликта» между двумя частями страны, стоявших на разных путях развития, передал французский путешественник, посетивший США незадолго до начала Гражданской войны: «С каждым днем Север становится все богаче и населеннее, в то время как Юг постоянно беднеет... Первым результатом этого непропорционального роста является насильственное изменение баланса сил и политического влияния».

С конца XVIII в. представители рабовладельческого Юга доминировали в федеральных органах власти: они настолько часто избирались президентами или назначались государственными секретарями, что в США было принято говорить о «виргинской династии» политиков. Однако постепенно южане начинают терять свои позиции в палате представителей Конгресса США, избиравшейся на основе пропорционального принципа: население северных штатов росло намного более быстрыми темпами, так как основная масса европейских иммигрантов оседала в промышленных центрах Севера. Опасаясь потерять паритет в верхней палате Конгресса — в Сенате, южане требовали сохранить равное количество свободных и рабовладельческих штатов, что и было зафиксировано Миссурийским компромиссом. Однако позиции Севера неумолимо укреплялись, что вызывало растущее беспокойство и отчуждение на Юге. Как писала одна из южных газет, «нет никакого мира для Юга в Союзе и уважения к нему со стороны Севера. Юг сам должен управлять своей судьбой или погибнуть».

Наконец, причиной открытого противостояния стали культурные различия южного и северного общества, конфликт поведенческих стереотипов, жизненных устремлений, подмеченный Алексисом де Токвилем. На Севере «главной целью белых, живущих плодами своих трудов, стало материальное благосостояние. Родные края дают им широчайший простор для применения способностей, их энергия всегда находит себе цель, а их страсть к обогащению выходит за пределы обычного человеческого корыстолюбия». Южане-рабовладельцы, напротив, «презирают как работу, так и всякое дело, для успеха которого она необхо-

дима. Они живут в праздности и достатке и обладают вкусами ничего не делающих людей... Они страстно любят охоту и войну, умеют обращаться с оружием, им нравятся физические упражнения, требующие большой силы и ловкости».

Внутриполитическая ситуация в США в 1850-е гг. В результате вхождения в состав США обширных территорий, завоеванных у Мексики, с новой силой обострился спор между свободными и рабовладельческими штатами о статусе новых территорий и в конечном счете о судьбе рабовладения в США. Вопрос о рабстве, по образному замечанию одного из сенаторов, «встречался на каждом шагу и угрожал своим присутствием в любой ситуации». Аболиционисты яростно обличали бесчеловечность и нравственную порочность южного рабовладения, помогали беглым рабам перебраться в Канаду, организовав «подземную железную дорогу». Но и Юг активно защищал свой «особый институт», обращая внимание на «патриархальный характер американского рабовладения, при котором белые хозяева и черные рабы составляют единую дружную семью, при этом белая раса выполняет роль мудрых отцов и учителей, поднимающих своих черных детей и учеников до цивилизованного уровня».

Открытое обсуждение проблемы рабства спровоцировало кризисные явления в обеих ведущих партиях. Руководство вигской партии не сумело выработать единой четкой позиции в отношении рабовладения и предпочло заняться решением локальных вопросов, в основном в штатах Новой Англии, где позиции вигов были традиционно сильны на местном уровне. На Юге же партия вигов начала стремительно терять своих сторонников, которые в массовом порядке переходили к демократам. К середине 1850-х гг. виги перестали быть общенациональной партией и постепенно сошли с политической арены, что нарушило политическое равновесие в стране.

В демократической партии антирабовладельческие силы с самого начала были слабее и менее последовательны, чем среди вигов, и руководство партии выбрало путь уступок южанам. Стремясь найти компромиссное решение проблемы рабства на новых территориях, лидеры демократов (сенаторы от северных штатов Льюис Кэсс, Стивен Дуглас) выдвинули доктрину «суверенитета поселенцев», предложив принимать решение о допущении или запрете рабства самим жителям. Будучи весьма демократичной по форме, эта доктрина уничтожала всякую географическую границу распространения рабства, установленную Миссурийским компромиссом.

Границу распространения рабства ликвидировало и решение высшей судебной инстанции США по делу негра-раба Дреда Скотта (1857 г.), несколько лет проживавшего на территории свободных от рабства штатов вместе со своим хозяином, армейским хирургом, и требовавшего на этом основании своего освобождения. Председатель Верховного Суда Р. Тэйни объявил неконституционными любые попытки территориального ограничения рабства. Дред Скотт, по мнению судьи, вообще не имел права обращаться в суд США, так как не являлся гражданином страны.

Доктрина «суверенитета поселенцев» была впервые применена на практике в Канзасе, после принятия билля Канзас-Небраска в 1854 г., спровоцировав острейший внутриполитический кризис. Как северяне, так и южане стали организовывать группы хорошо вооруженных переселенцев, рассчитывая добиться желаемого решения о свободном или рабовладельческом статусе будущего штата. В результате в Канзасе образовалось два центра власти, были приняты две конституции: про- и антирабовладельческая. Участившиеся столкновения сторонников и противников введения рабства в Канзасе с весны 1855 г. переросли в открытое вооруженное противостояние, своего рода малую гражданскую войну, взбудоражившую всю страну, которая стала стремительно разделяться

на два противоборствующих лагеря. Когда сенатор-северянин Чарльз Самнер обратился с трибуны Конгресса с пламенной речью, обличавшей преступления южных банд головорезов в «истекающем кровью Канзасе», на него набросился и избил тростью сенатор из Южной Каролины, переломав не только кости политического оппонента, но и собственную трость. Эта расправа над «ненавистным янки» вызвала на Юге горячее одобрение: сенатор был буквально засыпан поздравлениями и подарками, в основном тростями, на одной из которых была выгравирована надпись «Врежь ему еще раз!»

Самые непримиримые среди аболиционистов также были готовы прибегнуть к насилию: в октябре 1859 г. Джон Браун захватил с горсткой сторонников арсенал в Виргинии в надежде поднять всеобщее восстание рабов на Юге. Выступление было быстро подавлено федеральными войсками во главе с полковником Робертом Ли, который отмечал в своем рапорте, что Браун «был разочарован отсутствием помощи со стороны как черного, так и белого населения южных и северных штатов... Результат показывает, что этот план был разработан фанатиком и сумасшедшим, и он не мог закончиться ничем другим, кроме провала». Несмотря на скромный масштаб, восстание вызвало настоящий переполох на Юге: поползли слухи о тысячах убитых и взятых в заложники, остановленных поездах и мятеже рабов. Джон Браун был осужден за измену и приговорен к повешению, однако на Севере его дело встретило у многих сочувствие, в час его казни во многих северных штатах били колокола, а песня «Тело Джона Брауна лежит в земле сырой, но его дух шествует по земле...» стала очень популярной.

Начало партийно-политической перегруппировки. Республиканская партия. Главной движущей силой партийно-политической перегруппировки выступила новая республиканская партия, чьи первые отделения возникли в штатах Среднего Запада в 1854 г., под непосредственным воздействием раскола страны после принятия закона Канзас-Небраска. Два года спустя республиканцы впервые выдвинули своего кандидата, известного путешественника и крупного землевладельца Джона Фримонта, для участия в президентских выборах. Победивший в президентской гонке 1856 г. демократ Джеймс Бьюкенен уступил своему оппоненту в 11 свободных штатах, набрав 174 голоса выборщиков против 114, поданных за кандидата республиканской партии.

На политическую арену США республиканцы вышли с программой, нацеленной на коренное преобразование социально-экономической структуры страны и, в конечном счете, на ликвидацию института рабства. Однако формирование политического курса партии по вопросу о рабстве протекало в непрерывной борьбе радикальной, консервативной и умеренной группировок. С решительной критикой рабства, с осуждением его как абсолютного зла, с требованием немедленного освобождения рабов и уравнивания черных в правах с белыми выступала лишь фракция меньшинства, т.н. «радикальные республиканцы» — Ч. Самнер, Т. Стивенс, А. Чэндлер, чьи позиции были особенно сильны в северо-восточных штатах. Большинство же партии придерживалось куда более умеренной позиции, осуждая рабство как главное препятствие для прогрессивного развития «белой» Америки, ратуя за запрет рабства на новых (западных) территориях, и мало заботясь об интересах и правах негритянского населения. Лидеры умеренного крыла республиканской партии (А. Линкольн, У. Сьюард) в 1850-е гг. не видели возможности совместного сосуществования представителей двух рас в будущем, а потому выступали с планами переселения освобожденных негров в страны Центральной Америки.

Стержнем программы республиканской партии объявлялась задача освоения западных территорий, и главным требованием партии стало принятие зако-

на о гомстедах — бесплатном наделении поселенцев на западных территориях участками из фонда общественных земель. Позаимствовав требование гомстеда из политической платформы партии фрисойлеров, республиканцы наполнили его антирабовладельческим содержанием, поскольку распределение западных земель среди свободных поселенцев явилось бы действенным инструментом реализации на практике краеугольного положения республиканской программы об ограничении института рабства пределами его старой территории.

Программный девиз республиканской партии 1850-х гг.: «Свободный труд, Свободная земля, Свободный человек» (Free Labor, Free Soil, Free Man). Республиканская партия, определяя свой социальный идеал, неуклонно подчеркивала, что нацелена на утверждение «цивилизации свободного труда», т.е. защищает интересы независимых предпринимателей и фермеров. Главная возможность обращения массы американцев в независимых фермеров и предпринимателей, по глубокому убеждению республиканцев, заключалась в предоставлении им свободного (и бесплатного) доступа к западному земельному фонду. Поскольку на западные земли претендовали не только фермеры, но и плантаторы, борьба с рабовладением приобретала для республиканской партии характер политической закономерности: без ограничения (а в долгосрочной перспективе — отмены) рабства две другие приоритетные задачи оставались недостижимыми.

Накануне Гражданской войны республиканская партия, в первую очередь, ассоциировалась с защитой интересов фермерства, однако политическая платформа партии содержала немало требований, защищавших интересы промышленной буржуазии северных штатов, заинтересованной в форсированном развитии национальной экономики, и ориентировалась, главным образом, на рынки свободных от рабовладения регионов США.

В 1850-е гг. лишь оформляются контуры новой двухпартийной системы, поскольку между демократической и республиканской партиями не существует основы для консенсуса, политического компромисса, их разделяют непримиримые противоречия. Республиканскую партию нельзя назвать общенациональной: ни одного голоса в поддержку этой партии не будет отдано на Юге.

С началом партийно-политической перегруппировки на политическую арену США выходят разнообразные «третьи» партии и движения, наибольший интерес среди которых представляет движение «ничего не знающих» (Know nothing), впоследствии оформившееся в Американскую партию. Деятельность «ничего не знающих» была покрыта завесой строгой секретности тайного ордена («ничего не знаю» — фраза из обряда посвящения в члены ордена), имена ее руководителей не разглашались. Доступ в ряды «ничего не знающих» был открыт только «чистым, стопроцентным» американцам протестантского вероисповедания, рожденным в США.

Главное политическое требование «ничего не знающих» состояло в ограничении иммиграции и в запрете некоренным американцам занимать выборные должности. Впервые общее количество иммигрантов за год превысило 100 тысяч в 1848 г., а в 1851 г. в США иммигрировало только из одной Ирландии 221 тысяча человек, а в 1852 г. — иммиграция из Германии достигла 145 тысяч. Большинство ирландцев могли использоваться лишь как неквалифицированная рабочая сила на промышленных предприятиях, но они составляли конкуренцию для коренных американцев, сбивая зарплату и усугубляя проблемы больших городов Северо-Востока: перенаселенность городских трущоб, царившее в них пьянство и другие социальные проблемы.

Наконец, конфликт между урожденными американцами и иммигрантами углубляли также религиозные противоречия. Основную массу населения США в середине XIX века составляли приверженцы различных направлений протестантизма.

стантизма, в то время как прибывающие на американский континент ирландцы и немцы в подавляющем большинстве были католиками.

Президентские выборы 1860 г. Победа А. Линкольна. Президентские выборы 1860 г. проходили в период, когда процесс политического размежевания в стране достиг своей кульминации. Главный вопрос выборов — вопрос о власти — стоял открыто. Было очевидно, что начиналась не очередная избирательная кампания, а решался принципиальный вопрос, который определит весь ход последующего политического развития страны. Демократическая партия не сумела выдвинуть единого кандидата на президентский пост, поскольку представители южного крыла партии отказались поддержать кандидатуру Стивена Дугласа, «демагога из Иллинойса, который заслуживает, чтобы его повесили на виселице демократического осуждения», — как написала одна из алабамских газет. Южане покинули национальный конвент и провели свой собственный конвент в Ричмонде, объявив своим претендентом Джона Брекенриджа.

Непросто было и республиканцам определиться с выдвижением единой кандидатуры — Авраам Линкольн стал кандидатом в президенты от республиканской партии лишь после третьей баллотировки на национальном конвенте. 50-летний адвокат из Иллинойса получил национальную известность после предвыборных дебатов с лидером демократов С. Дугласом в 1858 г., баллотируясь в национальный Конгресс от своего штата. Формулируя отношение к рабовладению, Линкольн произнес ставшие знаменитыми слова: «Дом, расколотый надвое, не сможет устоять... страна не сможет оставаться наполовину рабовладельческой, наполовину свободной». Линкольн, пожалуй, являет собой наиболее яркий пример американского «self-made man», ведь он родился в фермерской семье, в молодые годы был лесорубом и сплавщиком плотов, но активно занимался самообразованием, стал адвокатом и видным американским политиком. Его великолепные ораторские данные, прекрасное чувство юмора, качества прирожденного лидера, честность и простота в общении с людьми снискали ему всеобщее уважение. Именно Линкольну принадлежит ставшее классическим определение демократии как «правления из народа, посредством самого народа, для народа».

В выборах 1860 г. также участвовал представитель «третьей» партии — Конституционной партии Союза — Джон Белл. Поскольку многие южные штаты отказались даже вносить имя Линкольна в бюллетени для голосования, и агитаторы республиканской партии не осмеливались там появляться, на Юге выбирали между кандидатурами Брекенриджа и Белла: по сути, южане голосовали за или против выхода из Союза. Никогда еще до этого не отмечалась столь высокая явка избирателей — 81,2%.

Президентские выборы 1860 г. завершились победой кандидата республиканской партии А. Линкольна. За него проголосовало 40% населения страны и, победив во всех северных штатах, кроме Нью-Джерси, он набрал 180 голосов выборщиков. За Дугласа проголосовало 29% электората (однако набрал он только 12 голосов выборщиков), 18% голосов было отдано за Брекенриджа (72 голоса выборщиков) и 12% за Белла (39 голосов выборщиков).

Неудивительно, что Линкольн, который подвергался нападкам южан, как аболиционист и «черный республиканец», своим избранием обязан исключительно голосам густо населенных штатов Севера. Выборы 1860 г. стали еще одним доказательством секционных размежеваний в стране: за Линкольна голосовало население Севера США, за Белла — штаты верхнего («пограничного») Юга (Виргиния, Кентукки, Теннесси), а Брекенридж получил голоса глубокого Юга.

Сецессия южных штатов. Образование рабовладельческой конфедерации Юга. Как только стали известны результаты президентских выборов, начался процесс

сецессии (т.е. отделения, выхода из Союза) южных штатов. Первой объявила о выходе из Союза в декабре 1860 г., не дожидаясь официальной церемонии инаугурации Линкольна, Южная Каролина, штат, традиционно занимавший бескомпромиссную позицию по вопросу о рабовладении; зимой — в начале весны 1861 г. решение о сецессии примут законодательные собрания еще десяти южных штатов. Эпицентром сецессии станут штаты глубокого Юга (Южная Каролина, Миссисипи, Флорида, Алабама, Джорджия, Луизиана, Техас), в то время как штаты пограничного Юга (Виргиния, Северная Каролина, Теннесси и Арканзас) будут последними, объявившими о сецессии. Более того, четыре пограничных рабовладельческих штата (Кентукки, Миссури, Мэриленд и Делавэр) остались в Союзе: эти штаты занимали выгодное стратегическое положение, и их позиция во многом будет определять весь ход военной и политической борьбы между Севером и Югом.

Создание Конфедерации южных штатов было объявлено на конвенте в городе Монтгомери (штат Алабама) 4 февраля 1861 г., где была принята конституция, а президентом Конфедерации был избран Джефферсон Дэвис. Несмотря на то, что южане-мятежники оправдывали сецессию и создание нового государственного образования защитой прав штатов от произвола федерального правительства, тем не менее краеугольным положением их программы стал тезис о неравенстве рас: «В основу нового правительства, — заявлял вице-президент Конфедерации Александр Стефенс, — положена та великая истина, что негры не равны белым, что рабство является их нормальным состоянием».

Начало Гражданской войны. Расклад сил. В начале 1861 г. южане лихорадочно проводили открытые военные приготовления и провоцировали столкновения с верными федеральному правительству войсками. 12 апреля 1861 г. вооруженные формирования южан предприняли атаку и заставили капитулировать гарнизон форта Самтер, расположенного на территории Южной Каролины. В ответ на эти действия 15 апреля президент США А. Линкольн объявил о мобилизации милиции верных федеральному правительству штатов. Началась Гражданская война Севера и Юга, самый кровавый конфликт в истории США — боевые потери с обеих сторон составили 618 тысяч человек убитыми, более 1 миллиона американцев остались искалеченными.

По экономическому потенциалу и людским ресурсам Север значительно превосходил Юг. В 23 штатах Севера проживало 22 миллиона человек, в то время как в 11 мятежных штатах Юга — чуть более 9 миллионов, из которых почти 4 миллиона человек были неграми-рабами. На Севере производилось три четверти промышленной продукции страны, причем металлургические, оружейные предприятия, текстильные фабрики располагались исключительно на территории верных Союзу штатов. Экономически южное общество зависело от поставок товаров с Севера: «Начиная от погремушки, которой няня улаживает ухо ребенка, рожденного на Юге, до савана, покрывающее хладное тело покойника, — все приходит к нам с Севера», — писал южанин. Север безусловно превосходил Юг и по объему банковских капиталов, и по протяженности железных дорог. Последний показатель был особенно важен, учитывая куда более сложную задачу, стоявшую перед Севером в начавшейся войне: чтобы вернуть южные штаты в Союз, армии Севера нужно было занять и покорить огромную территорию; развитая железнодорожная сеть должна была обеспечить быструю транспортировку войск и снабжение оружием, боеприпасами, продовольствием и амуницией.

Но и у южан были свои преимущества. Армия Юга, уступая северной в количественном отношении, превосходила ее по качеству подготовки своего офицерского корпуса и быстротой работы военной машины. Пользуясь попустительством президента Бьюкенена, оставшегося во главе государства до нача-

ла марта 1861 г., южане открыто проводили военные приготовления, захватывая федеральные военные арсеналы и форты. На Юге мужчины чуть ли не с рождения учились владеть оружием. Представители многих плантаторских семей заканчивали главную военную академию США Вест-Пойнт, прошли Мексиканскую войну, составляя костяк профессиональной кадровой армии США.

У президента Конфедерации, в отличие от президента США, не было сложностей с назначением командующих армиями. Примечательно, что с предложением возглавить армию Союза Линкольн обратился к противнику сецессии, представителю влиятельного виргинского клана Роберту Ли, который, однако, отказался сражаться против родного штата. Целая когорта талантливых генералов Юга (Р. Ли, «Каменная стена» Джексон и др.) продемонстрирует блестящие тактические и стратегические решения: по большому счету, южане в ходе Гражданской войны не проиграют ни одного сражения, но не получая необходимого пополнения людскими и материальными ресурсами, через четыре года ожесточенных боев армия Роберта Ли будет обескровлена.

Наконец, южане были готовы драться до последнего за «старый добрый Юг». Считая себя жертвами агрессии со стороны янки, многие из них — по крайней мере, в начале войны — готовы были грудью встать на защиту собственной свободы и независимости. По мнению одного из очевидцев тех событий, «все южное население было проникнуто мыслью, что сражается с иноземным врагом для защиты всего, что ему дорого».

Первый («конституционный») период войны (1861–1862 гг.). Причины военных неудач Севера. Южане стремились нанести мощный быстрый удар по федеральной столице — Вашингтону, и в первые месяцы войны основные военные действия велись на стомильном участке между двумя столицами — Ричмондом и Вашингтоном. Несмотря на стратегическую инициативу армии Юга, кровопролитные сражения (например, под Манассасом две армии сошлись в бою дважды — в июле 1861 г. и в августе 1862 г.) не дали решающего перевеса ни одной из сторон. Война на восточном (так называемом Потомакском) фронте приняла затяжной характер.

Помимо объективных сложностей с набором и снабжением добровольцев, немаловажную роль в поражениях северян играли факторы политического и субъективного характера. Стремясь сплотить население северных штатов, Линкольн рассчитывал создать единую союзную коалицию, объединявшую всех патриотов Севера из сторонников республиканской партии и так называемых «военных демократов», выступавших с поддержкой военных мероприятий федерального правительства по восстановлению Союза. Президент был вынужден отдавать ряд ключевых командных должностей в армии представителям демократической партии, особенно сложно протекал подбор кандидатуры командующего армией на Потомакском фронте: чехарда с назначениями на восточном фронте продолжалась до марта 1864 г., пока Линкольн наконец не поставил во главе армии генерала У. Гранта.

Но главная причина военных неудач Союза состояла в недостаточности четко сформулированных целей войны. В резолюции Конгресса говорилось, что война ведется «не в целях уничтожения установившихся институтов рабства, а для того, чтобы защитить и отстоять верховную власть конституции и сохранить Союз... Как только эти цели будут достигнуты, война должна прекратиться». Являясь противником рабства, сам Линкольн в начале войны заявлял: «моя высшая цель в этой борьбе — спасение Союза, а не спасение или уничтожение рабства».

Освобождение рабов не только противоречило официально провозглашенным целям войны, но и ударило бы по жизненным интересам рабовладельцев

доляльных пограничных штатов. Отмене рабства или хотя бы призыву свободных негров, проживавших в северных штатах, в армию Союза мешала определенная историческая инерция: Соединенные Штаты с самого начала возникли как рабовладельческое государство, рабство было неотъемлемой частью американского образа жизни, а расистские предубеждения глубоко укоренены не только среди южан, но и северян.

Многие негры с самого начала воспринимали Гражданскую войну как возможность положить конец рабской зависимости, и тысячами стали покидать плантации и фермы Юга, создав тем самым, как ни странно, острейшую проблему для федеральной армии и политиков. Ведь если основной целью войны для Севера объявлялось восстановление конституционного порядка в мятежных штатах, то и в отношении беглых рабов должны были применяться положения федеральной конституции, предписывавшие возвращать беглых рабов их законным владельцам. Стремясь сократить военное могущество Конфедерации, армия Союза в первые месяцы войны возвращала на плантации беглых рабов и, сама того не желая, помогала мятежникам сохранить рабовладельческую экономику. Не дожидаясь политического решения проблемы рабства, один из генералов федеральной армии Бенджамин Батлер предложил оригинальное решение «конституционной» проблемы: беглые рабы объявлялись военным трофеем и не подлежали возврату рабовладельцам-мятежникам.

Положение в северных штатах было тревожным, сочувствовавшие южанам (их прозвали «медянками» по аналогии с ядовитыми змеями) шпионили в пользу армии Юга, саботировали распоряжения федерального правительства. В своем безудержном стремлении к обогащению некоторые предприниматели занимались контрабандной торговлей с южанами: покупали на Юге хлопок и продавали пули и порох.

Второй («революционный») период Гражданской войны. Развитие внутриполитической ситуации и положение на фронте требовали от республиканской администрации решительного пересмотра стратегического курса в отношении восставшего Юга. Так называемые конституционные методы ведения войны показали свою неэффективность в обеспечении разгрома мятежного Юга и восстановления единства Союза.

Республиканская партия и администрация А. Линкольна переходят к революционным мерам. В мае 1862 г. был принят закон о гомстедах (гомстед-акт), согласно которому любой гражданин США старше 21 года, уплатив небольшой регистрационный сбор, мог стать владельцем участка в 160 акров (65 гектаров). Несмотря на то, что при проведении этого закона в жизнь были отмечены многочисленные злоупотребления и самые привлекательные участки оказались в руках железнодорожных компаний и земельных спекулянтов, тем не менее закон о гомстедах был для своего времени самым радикальным вариантом решения аграрного вопроса. Гомстед-акт стало возможным принять лишь в отсутствие представителей Юга в Конгрессе США: законодатели от южных штатов традиционно блокировали обсуждение законов о гомстедах, поскольку косвенно закон о гомстедах наносил сокрушительный удар по рабству, перекрывая рабовладельцам путь на «свободные» западные земли.

22 сентября 1862 г. Линкольн издал предварительную Прокламацию об освобождении рабов, объявлявшую об уничтожении рабства с 1 января 1863 г. на территории 11 мятежных штатов, если они в 100-дневный срок не одумаются и не вернуться в Союз; в тексте предварительной Прокламации вновь воспроизводилась мысль о переселении освобожденных негров в Африку и Центральную Америку и оговаривалась компенсация рабовладельцам, согласившимся добровольно освободить своих рабов. Республиканская администрация рассма-

тривала в 1862 г. освобождение рабов как «вынужденную военную меру», направленную на разрушение экономического потенциала Юга.

В тексте Прокламации об освобождении рабов, изданной Линкольном 1 января 1863 г., уже не говорилось о компенсации бывшим рабовладельцам и о переселении негров, однако рабство ликвидировалось лишь на территории 11 штатов Конфедерации, т.е., не отменялось нигде, поскольку власть президента США и других федеральных институтов не распространялась на южные штаты Конфедерации. Действие Прокламации не распространялось на рабов, проживавших на территории четырех пограничных штатов, оставшихся в Союзе. Лишь только с принятием в январе 1865 г. Конгрессом США 13 поправки к Конституции рабство было ликвидировано на всей территории США; освобождение рабов из «вынужденной военной меры» превратится в главное политическое решение Гражданской войны.

Война требовала напряжения всех ресурсов обеих сторон, и сначала власти Конфедерации (в апреле 1862 г.), а затем и федеральное правительство (в марте 1863 г.) ввели всеобщую воинскую повинность. Однако и на Севере, и на Юге были лазейки, позволявшие избежать призыва — согласно закону Конфедерации, от воинской службы освобождались плантаторы, имевшие 20 и более рабов; на Севере волну протестов вызывала узаконенная возможность откупиться от воинской службы, уплатив 300 долларов. Многие южане и северяне приходили к горькому выводу, что «это война богатых, в которой сражаются друг с другом бедные». Крупнейшие волнения, связанные с принудительным набором в армию, произошли 11 июля 1863 г. в Нью-Йорке. Разъяренная толпа избивала ни в чем не повинных негров, произошло несколько вооруженных столкновений с полицией. Массовые беспорядки смогли подавить, только перебросив к Нью-Йорку регулярные части Потомакской армии после Геттисберга, переломного сражения Гражданской войны.

В ходе кровопролитной битвы при Геттисберге (начало июля 1863 г.) было остановлено продолжительное наступление южан, и армия Севера наконец-то смогла перехватить стратегическую инициативу. Обе армии понесли огромные потери, но обескровленный Юг, в отличие от Севера, не обладал достаточными людскими ресурсами для восполнения своих военных потерь и был окончательно лишен наступательного потенциала.

Одновременно успех сопутствовал армии Союза на Западном фронте — генерал Грант взял Висксберг, важнейший опорный пункт южан на реке Миссисипи. Самая большая водная артерия страны на всем ее протяжении оказалась под контролем федеральных войск, а территория мятежной Конфедерации была расчленена на две части. Главные вооруженные силы Юга оказались заблокированными в юго-восточных штатах и лишены поддержки юго-западных штатов. Герой Висксбурга — генерал Грант — был назначен командующим вооруженными силами Союза, и разработал стратегический план, согласно которому главный удар наносился по жизненному центру Конфедерации — «старым штатам» Юга, прежде всего, Джорджии.

Корпус генерала Шермана начал в мае 1864 г. «марш к морю», пройдя через всю территорию Джорджии, «не столько воюя с вражеской армией, сколько с враждебным населением» и планомерно уничтожая всю экономическую инфраструктуру штата: железные дороги, плантации, фермы, фабрики. Одновременно на Потомакском фронте (по сути, впервые за всю войну) вели длительное наступление основные силы армии Севера под командованием Гранта. В ходе последней крупной военной операции Гражданской войны была взята штурмом столица Конфедерации Ричмонд, и командующий армией Юга генерал Роберт Ли вынужден был признать всю бесперспективность дальнейшего со-

противления. 9 апреля 1865 г. он подписал капитуляцию в городе Аппоматоксе (штат Вирджиния).

Реконструкция Юга (1865—1877 гг.). Несмотря на победу Севера и освобождение рабов, плантационная система на Юге не была разрушена, и вопрос о власти на Юге решен не был, как и не был решен вопрос об организации власти в масштабах всей страны, в частности, вопрос предоставления населения Юга в Конгрессе (с учетом или без чернокожего населения). Наконец, бывшие рабы обрели личную свободу, не получив никаких гражданских, политических, экономических прав, как и возможности вести свое собственное хозяйство на небольшом клочке земли.

Непосредственным следствием Гражданской войны стало укрепление промышленного потенциала Севера страны и рост политического влияния промышленной буржуазии. Плантационное же хозяйство Юга переживало острейший кризис: в результате войны были нарушены севообороты, истощена почва, на 50% сократилась площадь обрабатываемых земель, сбор хлопка (по сравнению с довоенными показателями) сократился в 3 раза. Но самый главный удар по плантационному хозяйству нанесло освобождение рабов. Бывшие рабовладельцы вынуждены были искать рабочую силу для работы на плантациях.

Главной чертой внутривнутриполитического расклада сил после окончания войны стала бесспорная популярность республиканской партии, которую окружал ореол спасительницы Союза. Но республиканская партия не была монолитной, ее ослабляли внутренние противоречия, а радикальное и умеренное крыло партии предлагали разные подходы к решению проблем Реконструкции. Постепенно набиравшие все больший политический вес и влияние радикальные республиканцы требовали проведения на Юге глубоких преобразований, предоставления неграм политических и гражданских прав, перераспределения земельной собственности в бывших мятежных штатах за счет конфискации плантаций мятежников и наделения участками из этого земельного фонда освобожденных рабов и мелких фермеров Юга. Радикальные республиканцы выступали за создание в штатах бывшей Конфедерации переходных республиканских правительств, пока южане не выполнят ряд условий победившего Севера.

Правое (консервативное) крыло республиканской партии выступало за скорейшую интеграцию (возвращение) представителей южных штатов в федеральные органы власти, считая военную капитуляцию Юга окончанием борьбы и высказываясь против репрессий по отношению к бывшим мятежникам. По мнению консерваторов, единственным условием возвращения южных штатов в Союз была ратификация их легислатурами 13 поправки к конституции, уничтожавшей рабство. В отношении рабов консерваторы выступали за предоставление им минимума гражданских прав и против наделения их землей за счет конфискации плантаций активных участников мятежа, что было, по сути, курсом на восстановление власти плантаторов на Юге.

Схожие задачи ставило перед собой и руководство демократической партии, стремившееся оградить южные штаты от репрессий со стороны федеральных органов власти, сохранить политическое преобладание крупных плантаторов в органах власти на Юге и обеспечить плантации рабочей силой, приняв так называемые «черные кодексы», всесторонне регламентирующие положение негров. Функционировавшие до 1868 г., «черные кодексы» означали введение системы принудительного труда для «освобожденных» рабов на плантациях своих бывших хозяев за минимальную плату.

Этап «президентской» Реконструкции (апрель 1865 — середина 1866 гг.). Обострение политической ситуации в США и ожесточенность споров в лагере правящей республиканской партии были также следствием убийства А. Линколь-

на в Вашингтонском театре «Форд» в апреле 1865 г., практически сразу после его переизбрания на второй президентский срок. Его место занял вице-президент США Эндрю Джонсон, который во время Гражданской войны входил в группировку «военных» демократов, был единственным южным конгрессменом (от штата Теннесси) в Конгрессе США и своеобразным символом южного юнионизма. Линкольн решил баллотироваться в президенты в паре с ним, чтобы лишний раз продемонстрировать единство патриотов Союза.

Став главой американского государства, Э. Джонсон начал осуществлять более консервативную программу Реконструкции по сравнению с планами Линкольна. Так, например, в мае 1865 г. Джонсон провозгласил амнистию участникам мятежа и значительно упростил для южных штатов процедуру возвращения в Союз. Сам бывший рабовладелец, Джонсон был враждебно настроен по отношению к неграм, выступая против наделения освобожденных рабов какими бы то ни было политическими и экономическими правами. Руководствуясь планом президента, все бывшие штаты Конфедерации к концу 1865 г. ратифицировали 13 поправку к конституции США. По мнению Джонсона и его сторонников, Реконструкция Юга на этом должна была закончиться, а представители южных штатов должны были быть допущены в федеральный Конгресс.

Между тем на Юге развернулась хорошо организованная кампания массового террора в отношении негров и белых, сторонников республиканской партии. Многочисленные «Огненные кресты», «Белые лилии» держали ситуацию под контролем в большинстве южных штатов. Самая дееспособная из этих организаций — Ку-клукс-клан — была основана в 1865 г. бывшим генералом Конфедерации Форрестом, который откровенно заявлял: «Мои намерения — убить радикалов».

Радикальная (или «конгрессовская») Реконструкция (середина 1866—1868 гг.). Инициатива в осуществлении мероприятий Реконструкции перешла к Конгрессу США, в обеих палатах которого в результате выборов 1866 г. большинство мест принадлежало представителям республиканской партии. Преодолев президентское вето, Конгресс принимает закон о гражданских правах (лето 1866 г.), означавший колоссальный сдвиг в системе американского федерализма: отныне именно федеральный центр, а не власти штатов определяли и защищали права граждан. В законе впервые дается определение национального гражданства и национального принципа равенства перед законом, вне зависимости от цвета кожи; федеральное правительство наделялось прерогативами защиты прав граждан от нарушений со стороны властей штатов.

Закрепляя положения закона о гражданских правах, Конгресс принимает 14 поправку к Конституции, специально оговаривавшую, что в случае, если какая-либо часть взрослого мужского населения любого штата лишалась права голоса, соответственно уменьшалось и представительство этого штата в Конгрессе США. Принятая чуть позже 15 поправка запретила штатам посягать на избирательные права граждан, исходя из расовых мотивов и предубеждений.

Одновременно радикальные республиканцы инициируют процесс импичмента президента Джонсона, который откровенно саботировал исполнение принятых Конгрессом актов. Во время судебного разбирательства в сенате не хватило лишь одного голоса для осуждения президента и отстранения его от должности.

После того как южные штаты отказались ратифицировать 14 поправку к Конституции, 2 марта 1867 г. Конгресс принимает первый закон о Реконструкции, согласно которому территория всех южных штатов разбивалась на 5 военных округов, и в каждом штате Юга формировалось временное республиканское правительство, пока не будут приняты новые местные конституции, при-

знающие за неграми право голоса. В бывших штатах Конфедерации прошла перерегистрация избирателей: участники мятежа, составлявшие до 40% белого электората, лишались права голоса, которое, напротив, предоставлялось всем лояльным гражданам мужского пола, достигшим 21 года, независимо от расы, цвета кожи или прежнего положения. В результате число голосов черных избирателей (735 тысяч человек), отданных за Республиканскую партию на выборах в конституционные конвенты южных штатов в 1867 г., превысило количество белых голосов (635 тысяч), поддержавших в основном демократическую партию. Во всех штатах Юга были одобрены новые демократические конституции, и к марту 1870 г. они вновь были приняты в Союз.

Успех или, напротив, неудача Реконструкции в южных штатах во многом зависели от решения аграрного вопроса. Широкомасштабной конфискации земель мятежников и перераспределения ее среди освобожденных рабов, несмотря на планы лидеров радикальных республиканцев, так и не произошло. Созданное еще в самом конце Гражданской войны (в марте 1865 г.) Бюро освобожденных имело в своем распоряжении ничтожно малый земельный фонд (800 тысяч акров), чтобы наделить землей около 4 миллионов освобожденных рабов и сотни тысяч белых бедняков Юга.

В южных штатах складываются различные формы экономических отношений между освобожденными неграми и их бывшими хозяевами. В районах производства хлопка наиболее распространенной системой труда стало кропперство (издольщина), сложившаяся как определенный компромисс между интересами плантаторов, заинтересованных в рабочей силе для обработки своих земель, и негров, желавших вести собственное хозяйство. В конце года урожай делился между плантатором, владевшим землей, и негритянской семьей, обрабатывавшей определенный участок. В тех южных штатах, где выращивали сахарный тростник, сохранились групповые работы на полях. Напротив, в областях производства риса крупные плантации распались и распродавались небольшими участками, которые смогли приобрести бывшие рабы для ведения самостоятельного фермерского хозяйства.

В годы Реконструкции произошло значительное перераспределение земельной собственности, однако основными покупателями земель бывших рабовладельцев становились отнюдь не негры, а крупные земельные спекулянты, финансисты, торговцы и ростовщики, которых на Юге презрительно называли «саквояжниками», в основном из северных штатов, которые рассматривали покупку южных плантаций как выгодную инвестицию. Многие плантаторы оказались не в силах платить выросшие в несколько раз налоги и продавали плантации: в долине реки Миссисипи, основном хлопководческом районе Юга, к 1881 г. бывшие рабовладельцы потеряли более двух третей своих владений. Огромное предложение земли, финансовые трудности, вызванные войной, новая налоговая политика привели к резкому падению цен на южные плантации: например, цены на сахарные плантации Луизианы в 1865 г. уменьшились почти в 30 раз по сравнению с довоенными значениями.

Процесс Реконструкции южных штатов постепенно сходит на нет по мере утраты интереса республиканских политиков к проблемам побежденного Юга. Саквояжники и другие искатели легкой возможности обогащения на Юге упрочили свои позиции, а возможность реставрации рабовладельческого строя в южных штатах была ликвидирована. На Севере начался послевоенный промышленный и торговый бум. Период президентства У. Гранта (1868—1876) был отмечен настоящей оргией коррупции и взяточничества, примером чему может служить грандиозная афера мультимиллионера Гульда, попытавшегося скупить для последующих спекуляций все золото Нью-Йорка. С 1870 г. в южных штатах

уходит в отставку одно республиканское правительство за другим; при полном попустительстве администрации У. Гранта демократическая партия постепенно берет под свой контроль политический процесс на Юге.

Итоги Гражданской войны и Реконструкции. В результате Гражданской войны было уничтожено рабство, из рабовладельческого государства США стали свободной республикой. Принятие радикального гомстед-акта окончательно сняло вопрос о преобладании фермерского или плантационного пути аграрного развития на территории всех Соединенных Штатов.

Была сохранена единая страна, в которой политический центр силы окончательно сместился с Юга на Север. В общенациональном масштабе очевиден рост политического влияния промышленной буржуазии, которая стремительно богатели. Начинаясь — по образному определению Марка Твена — «позолоченный век», когда складывались многомиллионные состояния Рокфеллера, Вандербильта и др.

Социально-экономические отношения на Юге, с одной стороны, претерпели глубокие изменения, связанные с освобождением рабов, распространением системы наемного труда и перераспределением земельной собственности. Однако несмотря на то, что многие плантации перешли в руки новых владельцев, крупное плантационное хозяйство на Юге сохранилось, как и многочисленные пережитки рабства.

Глава 23 СТРАНЫ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ ПОСЛЕ ВОЙНЫ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ (КОНЕЦ 20-х — 60-е гг.)

После окончания Войны за независимость, т.е. освободительных революций, бывшие испанские колонии в Америке обрели право на самостоятельное развитие. Вместо прежних вице-королевств и генерал-капитанств появились независимые республики — Мексика, Соединенные провинции Центральной Америки (вскоре разделившиеся на пять государств), Боливия, Парагвай, Перу, Аргентина и Чили. Созданная С. Боливаром Великая Колумбия просуществовала недолго и к 1830 г. распалась на Венесуэлу, Колумбию и Эквадор. Освободительная борьба в португальской Бразилии завершилась в 1822 г. провозглашением ее независимости при сохранении монархической формы правления.

Особенности политического развития. Каудильизм. Еще в ходе войны в будущих странах Латинской Америки обозначились два течения — либеральное, представленное значительной частью революционного лагеря, и консервативное, основу которого составляли роялисты. После завершения вооруженной борьбы приверженцы обоих течений начали создавать политические объединения, называя их партиями. Однако эти партии вплоть до конца XIX в. по своей структуре, организационным принципам, методам политической борьбы заметно отличались от партий, которые появились в то время в Европе и США. Латиноамериканские партийные группировки обычно консолидировались на основе родственных связей, личных дружеских отношений, клановой или региональной принадлежности тех, кого называли консерваторами и либералами. Большинство людей, примкнувших к той или иной партии, не ощущали себя частью некой политической организации, а просто поддерживали авторитетного лидера, который, как они верили, защищал их интересы, или поступали согласно указаниям своего хозяина, предоставлявшего им работу и крышу над головой.

Вместе с тем и либералы, и консерваторы взяли на вооружение современные им западные идеи, приспособив их к местным условиям и трансформировав в соответствии с собственными интересами. Так, в либеральных кругах Латинской Америки охотно рассуждали о необходимости демократизации избирательной системы, т.е. введения всеобщего избирательного права, прямого тайного голосования, но откладывали решение вопроса на будущее, когда общество будет к этому готово. То же касалось ликвидации рабства, которое признавалось несомненным злом, но было необходимо, как считали многие либералы, по экономическим соображениям. Такие нововведения, как отмена подушной подати с индейцев и уничтожение общинного землевладения, казались либералам вполне достижимыми уже в ближайшее время и не вызывали между ними серьезных разногласий. Наконец, они отстаивали идею федерализма, а потому боролись за ослабление централизации управления, ограничение полномочий президента, предоставление автономии провинциям, которые должны были иметь собственные органы исполнительной, законодательной и судебной власти, свои конституции и даже вооруженные силы. Исключение составляли аргентинские либералы, они являлись унитариями, поскольку не забыли о тех острых противоречиях между провинциями, которые существовали в вице-королевстве Рио-де-ла-Плата еще в колониальные времена. После войны эти противоречия вылились в безудержный региональный сепаратизм, грозивший распадом Аргентинской республики.

Политические противники либералов — консерваторы — стремились сохранить, «законсервировать» прежние, традиционные для Старого Света порядки и учреждения, хотя не отрицали возможности проведения реформ, например, в экономической области — здесь консервативные лидеры вполне допускали проявление умеренного либерализма. Реформы в социально-политической сфере встречали с их стороны гораздо большее сопротивление. Консерваторы выступали за укрепление привычных общественных «устоев», т.е. сложившейся социальной иерархии, порядка, семьи, церкви. Они полагали, что нельзя полностью отказаться от исторического наследия колониальных времен, от «либерийского начала» народов региона. Если либералы видели причину послереволюционной анархии в «пережитках феодального прошлого», то консерваторы доказывали, что на территориях, управляемых метрополиями, всегда торжествовали мир и спокойствие. Они требовали установления в республиках сильной власти и создания централизованных государств, хотя консервативные провинциальные лидеры, пытавшиеся ослабить центральную власть, часто заявляли о своей приверженности принципу федерализма.

Социальная база обеих партий не была постоянной и устойчивой. Консерваторы имели поддержку со стороны торгово-землевладельческой олигархии, занимавшей ведущие позиции в столичных городах, и церкви, а либералы пользовались симпатией олигархии провинциальной, но бывало и наоборот. В своем противостоянии консервативные и либеральные лидеры готовы были апеллировать к народным массам, и тех, и других могли поддерживать представители различных по своему имущественному и социальному положению слоев общества — от богатых латифундистов до нищих крестьян и разорившихся ремесленников.

Подобное явление было связано и с образом жизни населения, характерным для колониального периода, и с бурными событиями революционных лет, сформировавшими у латиноамериканцев, особенно «низов», особый менталитет и определенный тип социального поведения. Война за независимость породила своеобразный социально-политический феномен — каудильизм (от исп. *caudillo* — вождь, предводитель). В период вооруженного противостояния, когда колониальная система управления оказалась разрушенной, образовавшийся вакуум заполнили соперничавшие между собой креольские группировки, с оружием в руках оспаривавшие друг у друга власть. Кроме того, революционные правительства, создававшиеся в ходе борьбы с Испанией, не располагали средствами для содержания крупных повстанческих армий. Поэтому в провинциях землевладельцы-креолы сами формировали военные отряды из пеонов и прочих обитателей асеньд и становились их командирами, причем со временем они достигали высоких чинов и званий. Когда владычество Испании пало, в независимых государствах появилось большое количество «сильных людей» — каудильо различных рангов, которые претендовали на единоличную власть в округе, провинции, штате или же на верховную власть в государстве. В Бразилии ничего подобного не наблюдалось — там не было военных действий и сохранялась монархия, служившая стабилизирующим фактором жизни общества.

Чтобы возвыситься над другими людьми, «вождь» должен был обладать качествами харизматического лидера, т.е. выделяться среди «толпы» необычными способностями, например, выдающейся храбростью, силой духа, талантом оратора. Каждый каудильо окружал себя преданными сторонниками и с их помощью отстаивал собственные «законные права» на «место под солнцем», а за ним обычно стоял какой-либо клан крупных предпринимателей — торговцев или землевладельцев, заинтересованный в том, чтобы обратить власть и влияние каудильо себе во благо. Если последний одерживал победу, он щедро воз-

награждал тех, кто оказал ему поддержку. Таким образом, после Войны за независимость необычайное значение приобрели личные связи и отношения патерналистского характера, а роль харизматических лидеров невиданно возросла. Не случайно на протяжении XIX в. в странах Латинской Америки существовали в основном режимы каудильистского типа, причем президентами становились, как правило, генералы — например, в Венесуэле с 1835 по 1888 г. не было ни одного гражданского правителя. Система каудильизма пышно расцвела в условиях, когда в молодых республиках отсутствовали традиции парламентаризма, влиятельные политические партии, демократические выборы и общественный контроль над действиями должностных лиц.

Провинциальные каудильо часто являлись носителями сепаратизма и анархии. Они добивались обособления «своих» территорий, их выхода из-под контроля центральной власти. Различные районы бывшей Испанской Америки были слабо связаны между собой, и каждая республика представляла собой «мир, состоящий из многих миров». Клановая солидарность, семейные узы, принадлежность к той или иной провинции и преданность своему каудильо значили больше и осознавались яснее, чем национальная, государственная и тем более партийная общность. Каудильизм надолго стал характерной чертой жизни латиноамериканского общества и одной из главных причин провала планов Боливара, мечтавшего объединить молодые республики.

Принятие первых национальных конституций. В течение примерно полутора-двух послевоенных десятилетий ведущую роль в правительствах большинства латиноамериканских государств играли либерально настроенные представители интеллигенции или военных кругов. Многие из них ранее принадлежали к радикальному крылу креольского освободительного движения и стремились немедленно приступить к осуществлению его программы реформ, буржуазных по своему содержанию. Первые президенты новых республик были преисполнены самых лучших намерений и считали возможным создать на родине общественные и государственные устои, характерные для передовых стран Европы и США. В то же время им пришлось столкнуться с реальной действительностью — тяжелым экономическим кризисом, нехваткой финансовых средств, сопротивлением со стороны консервативных сил, в том числе церкви.

Тем не менее даже в этих сложных условиях первые президенты-либералы добились видимых успехов, что выразилось в повсеместном принятии, начиная с середины 20-х гг., республиканских конституций, хотя многие либеральные постулаты так и не нашли в них последовательного воплощения. Причинами подобного «недостаточного либерализма» стали политическая неопытность либералов того времени, отсутствие единства в их лагере, решительное противодействие консерваторов «чуждым» для Латинской Америки нововведениям, наконец, страх перед «низами». По сути конституции представляли собой компромисс между либералами и консерваторами.

На конституционные установления первых лет независимости большое влияние оказала Кадисская конституция, принятая в 1812 г. в революционной Испании. В ряде республик законодательная власть была усилена созданием постоянной комиссии Национального конгресса, которая действовала в перерывах между его сессиями, ограничивалось право вето президента, вводилась подотчетность министров парламенту. В то же время в ранних конституциях, за редким исключением, предусматривалось, что утверждение глав провинциальной администрации (по представлению провинций) является прерогативой центрального правительства. С этой точки зрения латиноамериканские конституции, хотя и декларировали принцип федерализма, оказались более «централистскими», чем испанская. В период кризисов и восстаний главам прави-

тельств предоставлялись неограниченные полномочия, по сути они «стали королями, называвшимися президентами». Иными словами, первые либералы на деле не являлись последовательными федералистами и мотивировали это тем, что народы региона еще не готовы к демократии и что даже либеральные реформы сможет провести лишь сильное центральное правительство, способное сломить сопротивление противников.

Согласно конституциям, ликвидировались некоторые наследственные права и привилегии аристократии, провозглашались равенство граждан перед законом, неприкосновенность собственности и свобода торговли, обеспечение безопасности и свободы личности, иногда гарантировалось бесплатное начальное образование. Однако рабство в молодых государствах не отменялось (вводились лишь некоторые его ограничения), католическая религия объявлялась государственной, а церковнослужители и военные порой сохраняли свое особое положение в обществе — право на собственное судопроизводство и освобождение от налогов. Выборы в законодательные органы республик не отличались демократизмом, так как они были многоступенчатыми, для выборщиков и особенно для избираемых на различные должности лиц существовали высокий имущественный ценз и ценз грамотности. В условиях, когда подавляющая часть населения не умела читать и писать и находилась под влиянием каудильо, подобное законодательство обеспечивало господство во власти узкой группы людей, не представлявших общество в целом.

В Бразилии борьба между либералами и консерваторами вылилась в противостояние республиканцев и монархистов. В 1823—1824 гг. здесь произошло республиканское восстание, в результате которого бразильская монархия была поставлена в конституционные рамки, в действительности мало ее стеснявшие. Конституция 1824 г. предусматривала создание двухпалатного парламента, однако верховная власть осталась в руках императора, который мог распускать законодательный орган, самостоятельно назначать высших должностных лиц страны и выступать в качестве арбитра при решении важнейших вопросов государственной жизни.

Несмотря на явную ограниченность первых национальных конституций Латинской Америки (которые впоследствии неоднократно менялись в связи с частой сменой правительств), их принятие стало важным событием в истории стран региона, где ранее, в условиях колониальной зависимости, не существовало ничего похожего на конституционное право.

Либеральные реформы второй половины 20—30-х гг. Многие либералы были выдающимися политическими деятелями своего времени. К их числу относится аргентинец Б. Ривадавия, который в феврале 1826 г. занял президентский пост и провел ряд реформ, выглядевших в глазах его противников «якобинскими». Так, было ликвидировано общинное землевладение, объявлена свобода вероисповедания, отменены церковные суды и десятина, конфисковано имущество некоторых монашеских орденов, неприкосновенность частной собственности провозглашалась одним из основных прав личности. Важнейшей реформой Ривадавии стали преобразования в аграрной сфере экономики. Государственные земли на 20 лет передавались арендаторам, которые уплачивали небольшую ренту. В земельный фонд государства вошли пустующие земли, причем правительство потребовало возвращения в этот фонд угодий, незаконно захваченных латифундистами, что вызвало с их стороны яростное сопротивление. Эти меры, как считал Ривадавия, должны были привести к развитию фермерских хозяйств и росту сельскохозяйственного производства. Он намеревался привлечь в страну европейских иммигрантов, владевших навыками земледелия и животноводства. Всем желающим переселиться на Ла-Плату были обе-

щаны денежные ссуды и другая помощь, но недостаток средств помешал осуществлению этих планов.

В период правления Ривадавии началось наступление на позиции провинциальных олигархических группировок. Президент настоял на принятии законов, которые способствовали объединению ла-платских провинций и огражденные барьеры. Столицей страны стал Буэнос-Айрес, а сама эта провинция была включена в состав единого государства и подчинена центральной власти, лишившись собственного правительства. «Просвещенный либерализм» Ривадавии, его стремление европеизировать и объединить страну натолкнулись на сопротивление со стороны буэнос-айресской олигархии и торгово-латифундистских кланов других провинций. Это привело к его быстрой отставке с поста президента, затем реформы были свернуты, в республике вновь возобладала сепаратистские тенденции.

Несмотря на неудачный опыт Ривадавии, его реформаторская политика оказала большое влияние на другие либеральные правительства, хотя каждое из них, в зависимости от местных условий, на первый план выдвигало те или иные меры. В соседней Республике Чили герой освободительной войны Б. О'Хиггинс, а затем сменившие его президенты осуществили ряд реформ, действуя более осторожно, чем Ривадавия. Были отменены майораты, ограничена церковная собственность, шло дальнейшее перераспределение земельного фонда. Правительство организовало экспедицию с целью покорения индейцев-араукан, земли которых представляли немалую ценность и должны были пополнить земельный фонд государства, а в дальнейшем поступить в продажу. В Боливии и Перу также началось проведение реформ, в том числе наступление на позиции церкви, привлечение иностранного капитала в горнодобывающую сферу, но поскольку в этих республиках основную массу населения составляли индейцы, первоочередными задачами либералов стали ликвидация общинного землевладения и подушной подати.

В Колумбии еще при Боливаре появился декрет об упразднении общин и передаче земли в индивидуальную собственность индейцев, были изданы законы об отмене подушной подати и трудовой повинности индейского населения. Реформы, проводившиеся позднее Ф. Сантандером, основателем партии колумбийских либералов, напоминали преобразования Ривадавии, но в целом имели более умеренный характер и мало затрагивали интересы олигархических кругов. В 1834 г. его правительство обнародовало закон о передаче части государственных земель в руки двух сотен асендадо, выразивших желание производить экспортные культуры (кофе, какао, индиго). Это была попытка укрепить среднее землевладение и создать передовые хозяйства наподобие капиталистических фермерских хозяйств. Расширение и поддержка фермерства должны были способствовать увеличению экспорта сельскохозяйственной продукции, что позволило бы уменьшить вывоз из страны золота и серебра, запасы которых быстро таяли. Экономические трудности заставили правительство Сантандера восстановить отмененную ранее государственную табачную монополию, одновременно отдельные предприниматели и компании получили монопольные привилегии в некоторых отраслях производства. Это не соответствовало либеральным принципам, но отвечало, с точки зрения президента, интересам республики. Сантандер попытался ослабить влияние церкви, ограничив ее права в сфере образования, способствовал развитию просвещения и даже поощрял ввоз в страну новейших политических сочинений.

В Венесуэле с начала 30-х гг., когда ее первым президентом стал сподвижник Боливара Х.А. Паэс, не отличавшийся либерализмом в политических во-

просах, также проводились либеральные преобразования в экономической сфере, например, появились важные для экспортеров законы, в том числе касающиеся судьбы пустующих земель, которые были объявлены государственной собственностью и пущены в продажу. Правительство Паэса открыло для внешней торговли основные порты страны. При нем в Венесуэле был принят закон о «свободе контрактов», который усилил произвол торговых монополистов по отношению к основной массе сельскохозяйственных производителей. Паэс предоставил свободу детям рабов, правда, они должны были трудиться на хозяев своих родителей до 21 года. Позже он заявил о присоединении Венесуэлы к английской конвенции о запрете работорговли. По отношению к церкви политика Паэса оказалась весьма жесткой. В 1830 г. Национальный конгресс ратифицировал закон о патронате государства над церковью, была отменена десятина, а вскоре правительство объявило об отделении школы от церкви.

В Мексике после войны к власти пришли левые либералы. Сразу же были запрещены работорговля и ввоз рабов, а затем издан закон об их полном освобождении. Конституция 1824 г. напоминала конституцию США. В конце 20-х гг. было декретировано изгнание из страны испанцев и дан решительный отпор попыткам Испании развязать интервенцию. Либералы отменили закон о защите общинных земель индейцев, ликвидировали церковную десятину. Они выступали также за уничтожение фуэрос церкви и конфискацию ее имущества, но встретили такое мощное сопротивление со стороны консерваторов, что были вынуждены отступить. Наконец, горнорудная промышленность страны превратилась в сферу приложения иностранного капитала.

В Бразилии знаменем либералов длительное время оставался федерализм. Здесь эта идея оказалась даже более популярной, чем в Испанской Америке — либеральные круги полагали, что федеративное устройство страны может стать препятствием на пути установления абсолютной монархии, которая воспринималась как символ колониальной зависимости и деспотизма. В 20–30-е гг. на бразильских территориях не прекращались республиканско-федералистские восстания, причем либералы получили поддержку среди ремесленников, мелких торговцев и крестьян. Положение усугубилось в связи с попыткой императора Педру I и его окружения совершить государственный переворот, отменив конституцию 1824 г. В стране разразился политический кризис, и в 1831 г. монарх был вынужден отречься от престола в пользу малолетнего сына. Пытаясь смягчить ситуацию, парламент по настоянию умеренных монархистов объявил Бразилию федеральной монархией, были расширены права палаты представителей, в провинциях начали заседать местные законодательные ассамблеи, однако успокоить бразильцев этими уступками не удалось.

В 1835 г. в стране вспыхнуло самое массовое в ее истории выступление против центральной власти — восстание «фаррапус» (оборванцев) в Риу-Гранди-ду-Сул, которое продолжалось 10 лет. К лагерю восставших присоединились городские и сельские «низы», местная интеллигенция, землевладельцы, торговцы, требовавшие ликвидации монархии. На мятежной территории была провозглашена республика Риу-Гранди. Ее правительство гарантировало свободу рабам, вступившим в республиканскую армию, но и эта скромная мера вызвала панику среди плантаторов — как консерваторов, так и либералов, способствуя сближению их позиций. Восстание не привело к падению монархии, но нанесло удар по монархическим устоям Бразилии.

С точки зрения потребностей капиталистического развития реформы латиноамериканских либералов, безусловно, являлись мерами прогрессивными, однако нередко они негативно отражались на положении народных масс. Так, разрушение общинного землевладения лишало индейцев взаимной под-

держки, а также защиты со стороны государства от злоупотреблений латифундистов. Не случайно индейцы упорно сопротивлялись проведению этой реформы. В результате ликвидировать общинное землевладение, т.е. экспроприровать собственность индейцев и превратить их в наемных работников-пеонов, либералам удалось не сразу. Уничтожение подушной подати, казалось бы, облегчило положение индейских масс, но одновременно усилило замкнутость и натуральный характер крестьянских хозяйств (часть подати индейцы уплачивали деньгами, которые им приходилось зарабатывать, развивая промыслы, ремесло и торговлю). На время либеральным правительствам даже пришлось восстановить отмененную ими подушную подать там, где преобладало индейское население — в Перу, Боливии, Колумбии, Эквадоре.

Диктатура Франции в Парагвае. Уникальный политический режим сложился в Парагвайской республике, где почти четверть века правил Х.Г. Родригес де Франсия — высокообразованный человек, получивший степень доктора теологии в университете Кордовы. Он стал одним из руководителей борьбы за независимость Парагвая от Испании, а в 1816 г. Национальный конгресс провозгласил его пожизненным диктатором.

Чтобы оградить страну от возможной агрессии со стороны ла-платских провинций, Франсия прервал все связи с окружающим миром. Парагвай оказался в полной изоляции и существовал в условиях экономической автаркии, что способствовало оживлению промышленности и сельского хозяйства. Значительное количество земли принадлежало государству, примерно половина ее небольшими участками за умеренную плату сдавалась в аренду, остальное было отведено под создание крупных государственных хозяйств, которые снабжали продовольствием городское население и армию. Правительство контролировало не только производство, но и распределение материальных благ. Часть продовольствия и промышленных товаров продавалась на льготных условиях или бесплатно раздавалась беднякам, на основные продукты питания был установлен максимум цен.

Диктатор сократил численность государственного аппарата, очистил его от тех чиновников, которые были связаны с аристократией, и заменил их выходцами из народных «низов». Так же он поступил с «ненадежными» офицерами своей армии. Представители креольской верхушки, недовольные действиями Франсии, подвергались репрессиям — вплоть до смертной казни. Диктатор старался ограничить размеры собственности и влияние состоятельных людей, сократить разрыв между бедными и богатыми, оказывая помощь нуждающимся. В стране было введено бесплатное начальное образование, а учителя не только получали жалованье, но и за казенный счет обеспечивались питанием и одеждой. Правда, опасаясь появления оппозиции, Франсия препятствовал формированию национальной интеллигенции и ликвидировал систему высшего и среднего образования.

Парагвай времен Франсии не имел ни конституции, ни представительных органов, поскольку Конгресс не созывался, ни судебной системы (суд вершили местные власти и сам диктатор). Церковь утратила все свои права, а священники находились на положении государственных служащих. Централизация управления достигла такого уровня, что Франсия лично вникал во все, что происходило в стране. Но, несмотря на авторитарный характер его правления, диктатора обожали «низы», поддержка диктатуры была массовой, а число ее противников — невелико.

Политика Франсии диктовалась его мировоззрением — восприняв взгляды Ж.-Ж. Руссо, он попытался применить его учение на практике. Однако «казарменный коммунизм» не превратил Парагвай в экономически процветающее государство и законсервировал его отсталость.

«Цивилизация и варварство». С середины 40-х гг. в либеральных кругах большую популярность приобрела концепция «цивилизации и варварства», которую выдвинул известный аргентинский либерал и будущий президент страны Д. Ф. Сармьенто, автор книги «Факундо, или Цивилизация и варварство. Жизнь Хуана Факундо Кироги». История Аргентины и других латиноамериканских республик представлялась Сармьенто как постоянная борьба двух начал — темного, варварского и светлого, прогрессивного, отождествляемого с цивилизацией. Цитаделью варварства он считал отсталую провинцию с ее патриархальными традициями, а центрами цивилизации — города, где развивались капиталистические отношения. Носителями варварского начала были для Сармьенто невежественные аргентинские гаучо и провинциальные каудильо, использовавшие простой народ для достижения своих целей. Факундо Кирога — именно такой каудильо, причем вышедший из среды гаучо и достигший высокого положения в обществе. Восприняв идеи Ривадавии, Сармьенто мечтал о превращении Аргентины в государство, похожее на североамериканское, и отождествлял цивилизацию исключительно с США и развитыми странами Европы.

Либералы — последователи Сармьенто — относили к понятию «варварство» такие «пережитки прошлого», как сохранение влияния и богатства церкви, общинное землевладение, существование «диких» индейских племен, рабовладение. Большинство «пережитков» имело отношение к земельной собственности, которую латифундисты и предпринимательские круги стремились превратить в частную собственность, свободно отчуждаемую и продаваемую. Это касалось земель церковных, а также индейских, принадлежавших общинам либо кочевым племенам. Отобранные у индейцев земли не только продавались латифундистам, но и заселялись иммигрантами, причем исключительно из «цивилизованных» стран — Англии, Франции, Германии. Однако до 70-х гг. XIX в. иммиграция в Аргентину и другие страны Латинской Америки была невелика.

«Ультрالیберальные реформы» в Колумбии. Наиболее широкий размах либеральные преобразования приняли в Колумбии. Радикальное крыло колумбийских либералов, определявшее государственную политику, полагало, что их республике не обязательно развивать собственную промышленность, поскольку она богата сырьем и производит большое количество драгоценных металлов и сельскохозяйственной продукции. Все это следует поставлять на внешний рынок, а взамен получать необходимые товары из передовых государств Европы, где уже завершилась промышленная революция.

Под влиянием этой идеи правительство либералов полностью отказалось от политики протекционизма. Чтобы стимулировать импорт промышленных товаров, оно существенно снизило таможенные пошлины. В страну хлынул поток более дешевых изделий английских фабрик. Не выдержавшие конкуренции местные мануфактуры и ремесленные мастерские начали разоряться одна за другой, выбрасывая на улицу работников. Они пополняли ряды безработных или возвращались в деревню, где превращались в батраков. Огромное число нищих бродяг, ужасающая бедность городских и сельских низов — такова была плата за либеральную таможенную реформу.

В 1850 г. был издан закон, разрешавший индейцам продавать земли, переданные им государством. Это позволило латифундистам быстро прибрать к рукам индейскую собственность и превратить свободных тружеников в арендаторов или пеонов. В том же году было отменено рабство. Проблема нехватки рабочих рук обострилась, плантаторы превращали в пеонов все большее количество крестьян, терявших землю и пребывавших в постоянной нужде. Правительство либералов отменило также старый декрет об ограничении ростовщичества.

Либералы настояли и на проведении военной реформы. Профессиональная армия Колумбии комплектовалась в основном из малоимущих слоев населения, поэтому во время народных выступлений она представляла для «верхов» серьезную угрозу. В результате Национальный конгресс принял решение о свободной продаже колумбийцам оружия и боеприпасов, сокращении армии до 800 человек и упразднении генеральских званий.

В начале 60-х гг. в Колумбии началась эра «торжества либерализма». Правительство объявило о национализации огромных земельных владений церкви. Штаты обрели широкие права и отныне могли издавать собственные законы, свободно торговать оружием и даже объявлять друг другу войну. Были значительно расширены функции Конгресса, которому передавались некоторые полномочия президента, а президентский срок сокращался до 2 лет без права переизбрания. Эти меры ослабили центральную власть, республика была ввергнута в состояние полной анархии. Укрепились позиции провинциальных каудильо, установивших диктатуру в «своих» штатах. Экономическое единство страны было окончательно подорвано сохранением в каждом штате собственных таможен.

«Консервативная волна» 40–50-х гг. Политика либеральных правительств активизировала действия консерваторов, которые начали не только решительно защищать «традиции», а также личные и клановые интересы, но и добиваться политического лидерства, которое соответствовало бы их экономическому могуществу. На смену либералам 20–30-х гг. пришли консервативные правительства, и эта закономерность проявилась в большинстве республик региона. Межпартийная борьба сопровождалась вооруженными столкновениями между наиболее амбициозными и влиятельными каудильо.

Необычная ситуация сложилась в Аргентине, где каудильо Х. М. де Росас (1835–1852), достигший вершин власти, под видом поддержания в стране «порядка» начал систематически уничтожать оппозиционных ему либералов-унитариев, выдвинув демагогический лозунг «Федерация или смерть!». Унитарии казались ему врагами не потому, что выступали за единое государство, а в силу их антиклерикальных устремлений и намерений отказаться от традиций патриархального общества. Сам Росас так и не стал последовательным федералистом — он мыслил и действовал как унитарий. Увеличивая и вооружая собственную армию, Росас одновременно оказывал помощь губернаторам-федералистам других провинций, превращая их в своих союзников и обеспечивая гегемонию Буэнос-Айреса. Став президентом, он старался передать управление провинциями своим ставленникам, и в стране установился «деспотический мир». Росас считал церковь союзником государства, поэтому ей были возвращены привилегии, отнятые у нее при Ривадавии.

В тех республиках, где господствовали консервативные каудильистские режимы, обычно складывался политический блок латифундистов, торговцев-ростовщиков и военной верхушки. Такое положение наблюдалось не только в Аргентине, но и, например, в Венесуэле на протяжении 40–60-х гг. Торгово-латифундистская олигархия была заинтересована в длительном сохранении власти Паэса, поскольку он не только защищал ее привилегии, но и пользовался популярностью среди льянеро и многочисленных в этой стране мулатов и держал их в повиновении.

Консервативные правительства латиноамериканских стран проводили более взвешенную, чем либералы, экономическую политику, способствуя развитию национального производства. С помощью протекционистских мер они создавали необходимую для молодых республик промышленную базу, обеспечивали рост тех сельскохозяйственных отраслей, которые были ориентированы не

только на внешний, но и внутренний рынок, и таких примеров немало. Росас, поощряя внешнюю торговлю, старался учитывать положение местных предпринимателей, чьи изделия удовлетворяли потребности небогатого населения. В их интересах были повышены ввозные пошлины на промышленную и сельскохозяйственную продукцию, а импорт отдельных товаров вообще запрещен. Сочетая свободу торговли с протекционизмом, Росас сумел несколько сгладить остроту противоречий между олигархическими группировками Буэнос-Айреса и других провинций. Правительство Паэса в 1830 г. запретило импорт в Венесуэлу муки, табака, кофе, сахара, а чтобы добиться снижения цен на ряд продуктов, не разрешило в течение определенного периода экспортировать скот, какао, кофе, хлопок, пшеницу и другое продовольствие. К протекционистским мерам прибегали консерваторы разных стран — Д. Порталес в Чили, Л. Аламан в Мексике, А. де Санта-Крус и М.И. Бельсу в Боливии, Р. Каррера в Гватемале, Г. Гарсия Морено в Эквадоре и другие политические деятели.

Вместе с тем консерваторы принимали меры по укреплению крупного землевладения и, подобно своим политическим противникам, содействовали либерализации торговли, особенно внешней, которая по-прежнему составляла основу экономики стран Латинской Америки и оставалась главным источником пополнения их финансовых ресурсов. В результате плодами временной победы консерваторов над либералами воспользовались опять-таки богатые землевладельцы, а также торговцы столичных и портовых городов, доходы которых зависели от объема и условий экспорта местной продукции.

Политическая борьба в 50—60-е гг. Война за реформу в Мексике. В середине — второй половине XIX в. по Латинской Америке прокатилась волна гражданских войн между либералами и консерваторами. К ним относится такое известное событие, как Война за реформу в Мексике в 1857—1860 гг. Важные события произошли и в Бразилии, где в 60-е гг. вновь развернулось мощное движение за установление республики. Теперь одним из главных требований либералов-республиканцев стала ликвидация рабства. Политический климат в стране определялся борьбой аболиционистов — сторонников освобождения рабов, и приверженцев традиционных социально-экономических устоев.

Гражданские войны стали продолжением борьбы между олигархическими кланами, причем и либералы, и консерваторы стремились привлечь на свою сторону народ, однако не ставили своей целью социальное переустройство общества. Вражда «олигархов» по-прежнему основывалась на противоречиях личного, делового или регионального характера. Вместе с тем они были едины в своем стремлении сохранить власть в руках того узкого круга людей, к которому сами принадлежали. Кровавые вооруженные столкновения завершились поражением консерваторов и надолго привели к власти правительства либералов. Вновь утвердившись во главе республик, они в громадных масштабах увеличили влияние и собственность латифундистов, которые окончательно закрепили свои ведущие позиции в экономике и политической жизни латиноамериканских стран.

Среди новых либеральных лидеров были крупные земельные собственники и средней руки асендадо, производители промышленной продукции и владельцы горнодобывающих предприятий, а также представители интеллигенции. Всех их объединяло то, что они не принадлежали к привилегированной торгово-латифундистской олигархии и страдали от ее произвола, но в еще большей степени их беспокоили протекционистские меры консерваторов. Либералы «второй волны», как и их предшественники, говорили об обновлении общества и государственной власти путем проведения политических реформ, об ускоренном развитии промышленности, сокращении налогов, ликвидации

всевластия старых олигархических кланов, требовали соблюдения конституций и законов, проповедовали идеи полной свободы торговли и промышленности, однако эти планы, за исключением отмены протекционистских законов, так и не осуществились.

Либеральное движение середины века нашло поддержку в основном у тех слоев общества, которые стремительно теряли свои экономические позиции — ремесленников, крестьян, мелких торговцев. Либералы (как, впрочем, и консерваторы) часто выступали от имени народа и обосновывали необходимость тех или иных реформ таким образом, чтобы они выглядели привлекательными для масс. Уничтожая общинное землевладение, либеральные политики мотивировали это стремлением превратить крестьян в процветающих фермеров, которые, разбогатев, начнут в больших количествах покупать изделия местной промышленности и ремесла, а отнимая земли у церкви, они обнадеживали крестьян перспективой ее приобретения.

В Мексике либеральную революцию — Войну за реформу — возглавил Б.П. Хуарес, выходец из крестьянской семьи, по происхождению — индеец из племени сапотеков, по роду занятий — адвокат. Важнейшим завоеванием либералов, сумевших потеснить ненадолго пришедших к власти консерваторов, стала новая мексиканская конституция, принятая в 1857 г. Страна была объявлена демократической федеративной республикой, состоящей из штатов, пользующихся самостоятельностью в решении вопросов местного значения. Конституция запрещала рабство, декларировала демократические свободы и права личности, объявляла неприкосновенность собственности, отменяла наследственные титулы и привилегии, в том числе военных и церкви, вводила суд присяжных. Избирательное право предоставлялось всем лицам мужского пола, достигшим 21 года, а состоявшим в браке — с 18 лет. В ходе революции были изданы «Законы о реформе», которые лишали церковь принадлежавшего ей имущества, отделяли ее от государства, вводили свободу вероисповедания, государственную регистрацию актов гражданского состояния. Для Мексики, где позиции католической церкви были традиционно сильны, это стало принципиально важной для либералов победой.

Либералы во главе с Хуаресом полагали, что отсталость индейских общин явилась следствием отсутствия права частной собственности индейцев на землю. Это не позволяло индейскому крестьянству вписаться в капиталистическую систему хозяйства. Хуарес и его сторонники были уверены, что свободная продажа церковных угодий и передача крестьянам общинных земель (которые они обязаны были выкупать) создаст в Мексике класс средних собственников. Однако эти надежды не сбылись. Церковные и общинные земли перешли в основном в руки крупных латифундистов, зато возникла новая проблема — появилось огромное количество минифундий, т.е. крошечных земельных владений, на которых можно было вести лишь натуральное хозяйство. Многие из них в скором времени захватили те же богатые асендадо, а их бывшие владельцы превратились в пеонов. Либеральная революция закончилась в 1867 г., после падения власти императора Максимилиана Габсбурга, который был посажен на мексиканский престол благодаря совместным усилиям местных консерваторов и правительства Франции (таким способом французские банкиры стремились обеспечить возврат предоставленных Мексике займов и воспрепятствовать экспансии США на ее территорию).

Особенности экономического развития. Экономическая политика консервативных правительств, сочетавших либеральные меры и протекционизм, способствовала преодолению послереволюционного кризиса и привела к возрождению в латиноамериканских республиках хозяйственной жизни, к созданию

основ собственной промышленной базы. Открывались старые и появлялись новые мануфактуры и ремесленные мастерские, работавшие на местном сырье, пусть медленно, но все-таки росло фабричное производство в пищевой, текстильной, бумажной промышленности, развивалось горнорудное дело, строительной торговли, так и доставки экспортной продукции в порты. В целом политика консерваторов способствовала консолидации латиноамериканских наций и национальных государств.

В то же время даже в условиях оживления сельского хозяйства, промышленного производства и ремесла самым прибыльным делом оставалась внешняя торговля. Поэтому и при консервативных правительствах производимая в Латинской Америке сельскохозяйственная продукция и сырье в возрастающих объемах вывозились в Европу и США. Диспропорции в развитии экономики стран региона становились все более ощутимыми. Виноваты в этом были не столько консерваторы, сколько растущие потребности мирового рынка, которые чутко улавливались крупными латиноамериканскими производителями сырья и продовольствия.

В итоге уже к середине XIX в. последствия экспортной ориентации хозяйства республик Латинской Америки оказались тяжелыми — и для аграрного сектора населения региона. Агрэкспортные латифундии поглощали основную часть рабочей силы, в результате новые земли осваивались медленно. Огромные земельные массивы, находившиеся в частных руках, не обрабатывались, почти не увеличивались посевы зерновых, бобовых и других продовольственных культур. Между тем население региона росло, продуктов питания катастрофически не хватало, росла их стоимость. Из-за дороговизны продовольствия уровень потребления многих латиноамериканцев был крайне низок, их семьи голодали. Латифундисты вели хозяйство привычными методами, не требовавшими существенных затрат, и получали основную прибыль за счет дешевизны рабочей силы, как это было в колониальный период, причем степень эксплуатации работников стала намного выше. Крупные землевладельцы обладали теперь не только землей, но и властью, а отсутствие развитой промышленности вынуждало беднейшие слои населения оставаться в сельской местности и искать заработок в близлежащих поместьях.

К 70-м гг. экономика латиноамериканских стран приобрела ярко выраженный монокультурный характер. Так, в Бразилии, Венесуэле, Колумбии и малых республиках Центральной Америки, где большинство населения составляли индейцы и метисы, с середины века начался настоящий кофейный бум. Кофе стали выращивать даже мелкие землевладельцы и состоятельные горожане, обзаводившиеся кофейными плантациями. В Перу к 40-м гг. выяснилось, что государство может извлекать прибыль буквально «из грязи» и получать доход за счет экспорта птичьего помета — гуано, которое многометровым слоем покрывало острова Чинча и часть перуанского побережья. Оно служило прекрасным удобрением и пользовалось большим спросом у сельскохозяйственных производителей Европы. Продажа этого природного богатства, а затем и селитры, стала основой перуанской экономики в период с 1840 по 1880 г. Из «пастушеской страны» Аргентины вывозили продукцию животноводства, главным источником национального дохода Чили были сначала экспорт серебра и пшеницы, а затем — меди.

Поскольку темпы экономического роста латиноамериканских республик были низкими, обеспечить быстрый подъем даже ведущих отраслей хозяйства своими силами не удалось. В Латинскую Америку начал активно проникать ино-

странный капитал, так как из-за недостатка собственных средств даже крупные торговцы не могли самостоятельно заниматься экспортно-импортными операциями. Для их финансирования они вынуждены были брать кредиты, которые охотно предоставляли английские банки. Британский капитал устремился в сферу латиноамериканской внешней торговли и пытался не допустить в нее своих конкурентов — североамериканцев, французов, немцев. Иностранцы предпринимателей всегда интересовали и богатства недр, например, чилийская медь и мексиканское серебро. Промышленность стран Латинской Америки также развивалась медленно, в результате их внутренний рынок неизбежно стал заполняться иностранными товарами, импорт которых оказался очень выгодным для местных торговцев делом. Протекционистские запреты консерваторов начали ослабевать, и английские фабриканты через торговых посредников поставляли в регион многие виды своей продукции.

Когда к власти вернулись либералы, они начали добиваться «полной экономической свободы» и окончательно превратили Латинскую Америку в аграрно-сырьевой придаток индустриальных держав и сферу приложения их капитала. Латифундисты и торговая буржуазия не были заинтересованы в индустриализации собственных республик. На протяжении XIX в. промышленность Латинской Америки находилась, за редким исключением, на мануфактурной стадии развития, а немногочисленные и небольшие фабрики располагались лишь в крупных городах. Таким образом, была утрачена возможность изменить экспортно-импортную направленность латиноамериканской экономики, которая полностью зависела от колебаний мирового рынка.

Глава 24 МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В 20–60-е гг. XIX в.

Характерные черты развития международных отношений. Особенности развития международных отношений в XIX в. были связаны с теми фундаментальными изменениями, которые в это время происходили в жизни западного общества и государства. Промышленная революция, демократизация политической системы, демографический взрыв, транспортная революция, новое звучание социального вопроса, появление политических идеологий, возросший вес общественного мнения — все это самым существенным образом влияло на облик и характер международных отношений. Ведя свой отсчет от «дипломатии королей» Старого порядка и пройдя переходную стадию революционных и наполеоновских войн, международные отношения Нового времени отныне развиваются в совершенно иной исторической среде, в изменившемся мире XIX в.

В начинающуюся эпоху демократизации государство практически полностью теряет свою традиционную многовековую династическую подоплеку. В сфере международных отношений это проявилось, в частности, в исчезновении феномена войн «за наследство». С прогрессом секуляризации государство утрачивает и другую традиционную опору в лице божественной санкции. Потеряв старые опоры, государство крайне остро нуждалось в новых. В итоге этот кризис легитимации политического господства был преодолен с помощью ссылки на новый авторитет — нацию и политическое волеизъявление ее членов. Участие граждан в политической власти повлекло за собой развитие целого ряда политических институтов — конституции, парламента, избирательного права, партий, влиявших на выработку внешнеполитического курса. Уже в первой половине XIX в. ссылки на общественное мнение в качестве мотивировки внешнеполитических действий стали в дипломатической переписке таким же общим местом, каким в предыдущем столетии были ссылки на волю короля. Однако, с другой стороны, правящие круги во всех странах отныне прибегают к практике осознанного систематического воздействия на общественное мнение и превращения его в новый, современный инструмент внешней политики.

Определенным фактором влияния на международные отношения становятся идеологии. Отныне политика какого-либо государства на международной арене часто оценивалась еще и с точки зрения воплощаемых им идеологических ценностей. Такой подход был особенно заметным в первой половине века, когда явно наметилось противостояние «либеральных» Франции и Англии, с одной стороны, и «консервативных» России, Австрии и Пруссии — с другой.

Серьезное воздействие на международные отношения оказывал также национализм или, выражаясь языком эпохи, «принцип национальностей». С одной стороны, правящие элиты часто использовали национальную идею инструментально, в качестве средства достижения своих целей. Классический пример — это политика объединителей Германии и Италии Бисмарка и Кавура, которые, даже создавая единые государства и добиваясь ревизии существовавшей системы международных отношений, допускали лишь дозированную поддержку со стороны немецкого и итальянского национальных движений. Таким же инструментом в руках великих держав национальный фактор выступал в борьбе против многонациональных империй, когда практически каждая война сопровождалась попытками организовать волнения и даже вооруженные выступле-

ния недовольных народов — поляков против России, венгров против Австрии, сербов против Турции. Однако с другой стороны, взаимосвязь традиционной политики и национализма была и обратной. Пытаясь первоначально использовать национальную идею как своего рода политическую мимикрию, государство в действительности во все большей степени воспринимает содержательную сторону политической философии национализма.

Наконец, еще одним важным фактором, влиявшим на международные отношения, явилась промышленная революция. Если XVIII век был эпохой «династического интереса», то XIX век — во многом интереса «экономического». Произошла своеобразная «экономизация» межгосударственных отношений: экономика в значительно большей степени определяет цели внешней политики (сырье, рынки, защита интересов отечественных компаний); экономика дает новые средства для достижения этих целей («таможенные войны», займы, политика инвестиций), экономика рождает новые конфликты. Классическим примером осуществления внешнеполитических целей государства с помощью экономических инструментов может служить борьба между Пруссией и Австрией в середине XIX в., когда с помощью таможенной и торговой политики, по сути, решался вопрос о преобладании в Германии.

Эволюция «Венской системы». Созданная на Венском конгрессе 1814–1815 гг. новая система международных отношений в течение первых десятилетий вполне выполняла свое предназначение — не допустить крупных революционных потрясений, попыток установления гегемонии какой-либо державы, войн между крупными европейскими странами. С момента признания на Аахенском конгрессе 1822 г. равноправия Франции в качестве великой державы европейская система вновь приняла свой привычный облик «пентархии», лидерства пяти великих держав, со следующими подразумевавшимися внутренними подразделениями. Двумя великими державами первого класса были Англия и Россия, превосходившие всех других за счет выгод своего геополитического положения, потенциала государственной мощи и проведения эффективной внешней политики за пределами Европы. После Крымской войны на роль европейского лидера стала вновь претендовать Франция, в то время как находившиеся в уязвимом геополитическом положении Пруссия и Австрия, отягощенные к тому же взаимным соперничеством в германском вопросе, оставались слабейшими элементами «пентархии».

С середины XIX в. наступает кризис «Венской системы». У его истоков стояли события революции 1848 г. и Крымской войны 1853–1856 гг. «Венская система» имела монархическую легитимистскую основу и в первую очередь была направлена против повторения большой европейской войны. Недавний опыт говорил, что такая война могла корениться либо в революции, либо в стремлении одной из держав к гегемонии, либо в самом хаотичном характере прежней системы, построенной на балансе сил. Из общего стремления избежать войны вытекала идея «европейского концерта», идея относительного консенсуса, который был призван преодолеть анархический характер международных отношений.

События 1848 г. положили начало быстро развивавшейся в дальнейшем эрозии «Венской системы», поскольку они разорвали казавшуюся неразрывной связь между революцией и войной. Революция не породила войну — и сам этот факт ставил под сомнение необходимость солидарности держав, лишил систему ее важнейшей основы. Из опыта революции великие державы сделали вывод: на смену «европейскому концерту» пришла так называемая «реальная политика».

«Реальная политика» означала отказ от кооперации и компромиссов между великими державами в пользу реализации исключительно своих интересов, отрицание влияния на политику неополитических ценностей — морали, идеологии,

религии. Сочетание «принципа национальностей» и «реальной политики» привело к тому, что на практическую повестку дня вновь оказались поставленными те вопросы, которые творцы «Венской системы» обошли, либо ответили на них отрицательно — итальянский, германский, польский, восточный. Способом же разрешения большинства из них стало именно то, во избежание чего была во многом построена «Венская система» — война великих держав между собой.

Если события 1848 г. разрушили антиреволюционную солидарность держав, то Крымская война уничтожила существовавшее все годы после Венского конгресса своеобразное табу на применение силы в их взаимоотношениях между собой. Начался специфический, единственный в своем роде период в истории международных отношений, когда после нескольких десятилетий полного воздержания от войны все без исключения великие державы в течение полутора десятков лет воевали друг с другом, после чего на несколько десятилетий в Европе вновь воцарился мир. За Крымской войной 1853—1856 гг. с участием России, Англии и Франции последовала война Франции и Пьемонта против Австрии 1859 г., затем австро-пруско-итальянская война 1866 г. и, наконец, франко-германская война 1870—1871 гг. Войны между великими державами отрицали саму суть «европейского концерта», а их политические результаты, и в первую очередь образование единых Германии и Италии, практически означали крах созданного в Вене «порядка 1815 г.».

Великие державы по-разному относились к перспективам сохранения «Венской системы». Главным ее сторонником выступала монархия Габсбургов, поскольку заложенные в основу «Венской системы» отрицание «принципа национальностей» и легитимизм идеально сочетались с внутренней структурой Австрии, многочисленные национальности которой объединялись главным образом фигурой императора. Россия также относилась к одной из самых главных опор «Венской системы», однако ущемление позиций России в Европе в результате Крымской войны, так называемая «крымская система», заставило ее требовать ревизии существующего европейского порядка. Взяв на вооружение программу объединения под своей властью германских земель, от максимы сохранения «Венской системы» отказывается и традиционно верная ей Пруссия. Франция же с самого начала выступала как главный противник «порядка 1815 г.», поскольку считала его направленным в первую очередь против себя. После того как 1856 год привел к долгосрочному ослаблению России, являвшейся в глазах Лондона главным претендентом на европейскую гегемонию, Англия больше не видела смысла в тесных связях с континентом. Для нее началась эпоха так называемой «блестящей изоляции», наиболее характерной чертой которой был отказ от заключения любых долгосрочных союзов. Из-за подобной позиции великих держав кризис «Венской системы» продолжал углубляться.

Революционные движения 30-х гг. и международная система. Первым революционным вызовом «Венской системе» стали события 1830—1831 гг. Международная реакция на Июльскую революцию 1830 г. во Франции оказалась достаточно сдержанной и вылилась в признание нового французского короля Луи Филиппа. Вместе с тем Июльская революция означала первую брешь в решениях 1815 г., доказывала возможность перемен и тем самым создавала опасный для системы прецедент.

В последовавшей вскоре бельгийской революции впервые проявился конфликт между созданным в интересах великих держав международным порядком и национальными устремлениями отдельных народов. Объединение на Венском конгрессе Голландии и Бельгии оказалось нежизнеспособным в первую очередь потому, что с самого начала встречало протест бельгийцев, ущемлявшихся в правах по сравнению с голландцами в самых разных сферах. Под

воздействием Июльской революции в конце августа 1830 г. в Бельгии началась вооруженная борьба против голландских войск, и 4 октября была провозглашена независимость страны. Король Нидерландов призвал великие державы помочь ему справиться с этим вопиющим нарушением Генерального акта Венского конгресса. В итоге бельгийский вопрос был решен на конференции, созванной в ноябре 1830 г. в Лондоне и продолжавшейся с перерывами до 1839 г. Бельгия становилась нейтральным государством, что гарантировалось всеми пятью великими державами. Разрешение бельгийского кризиса стало одним из самых ярких достижений «европейского концерта», когда великие державы, несмотря на имевшиеся разногласия, смогли проявить основные принципы «концерта»: готовность к самоограничению, стремление к компромиссу, желание избежать прямого конфликта.

Прочие революционные движения начала 30-х гг. в Европе не имели большого значения для дальнейшего развития международных отношений. Наиболее крупное из них, польское восстание 1830—1831 гг., немедленно после его начала объявленное Николаем I внутренним делом России, таковым оставалось и в действительности. В двух параллельно развивавшихся международных проблемах, бельгийской и польской, произошел своеобразный обмен сфер влияния: Австрия и Россия не препятствовали Англии и Франции в бельгийском вопросе, а последние ограничились лишь отдельными словесными протестами в польском.

Не воздействуя на международные отношения прямо, польское восстание, как и другие события революционного 1830 г., оказали на них косвенное влияние, усилив момент идеологического размежевания. В итоге появилась тенденция к совершенно новому явлению в конфигурации международных отношений — к складыванию своего рода идеологических блоков. В 1833—1834 гг. дело дошло до заключения союзов между Англией и Францией, с одной стороны, и Россией, Австрией и Пруссией — с другой. Однако в реальности ни о каком перестроении системы международных отношений на идеологической основе не могло быть и речи. При той, скорее, вспомогательной функции, которую в XIX в. играла идеология в определении внешнеполитических интересов, идеологические альянсы могли существовать лишь до тех пор, пока интересы не сталкивались на какой-либо реальной почве. Часто такой почвой становился восточный вопрос.

Восточный вопрос в 20-е гг. XIX в. Имея первоначально облик турецкой угрозы, восточный вопрос в XIX в. превращается скорее в проблему турецкого «наследства», характеризующуюся двумя особенностями. Во-первых, огненные речи шла не о частичных территориальных потерях Турции, а о системном кризисе Османской империи с перспективой ее полного распада. Эта перспектива совершенно изменила масштаб и значимость проблемы, на целый век выдвинув ее на первый план международной политики, поскольку на повестке дня стояли не локальные сдвиги границ, а судьба гигантской империи, раскинувшейся на трех континентах от верховий Нила до Дуная, от Туниса до Междуречья.

Из этого обстоятельства вытекает и вторая особенность — интернационализация восточного вопроса. С момента своего появления восточный вопрос по большому счету был делом непосредственно затронутых им государств, в первую очередь, Австрии и Венеции, затем России. Показательно, что даже Венский конгресс обошел его молчанием. И только кризисы первой половины XIX в., один за другим потрясавшие Османскую империю, заставили европейских политиков всерьез задуматься о возможном крахе Турции и осознать связанные с этим колоссальные сложности. Не случайно сам термин «восточный вопрос» в европейском политическом лексиконе появляется лишь с этим

осознанием — в 1822 г., в связи с началом первого крупного восточного кризиса XIX в. — греческой борьбой за независимость.

Возникновение восточного вопроса как крупной международной проблемы XIX в. было связано с тремя комплексами проблем: обусловленное внутренними причинами ослабление Османской империи; усиление национальных, религиозных и партикуляристских движений, направленных против целостности турецкого государства; ужесточение борьбы великих держав за влияние в Турции. Все три комплекса взаимно влияли друг на друга — внутренний кризис Османской империи поощрял центробежные тенденции, которые, в свою очередь, усугубляли этот кризис и усиливали конкуренцию великих держав, приводившую к периодическим конфликтам.

На период до Крымской войны 1853—1856 гг. приходится три значительных кризиса Османской империи, повлекшие за собой вмешательство великих держав и дальнейшую интернационализацию восточного вопроса: греческое восстание 1821 г. и русско-турецкая война 1828—1829 гг., а также два турецко-египетских кризиса 1831—1833 и 1840—1841 гг.

Начавшееся в 1821 г. греческое восстание стало для «европейского концерта» серьезным испытанием. С одной стороны, столкнулись принципы легитимизма, освященного Венским конгрессом, и христианской солидарности, провозглашенной Священным союзом: греки восстали против своего законного государя, но этот государь был вынесен за скобки «Венской системы» и не являлся членом Священного союза. С другой стороны, столкнулись и реальные интересы. Опасаясь влияния греческого примера на собственные народы, Австрия выступила за сохранение Османской империи, Россия не решалась поддержать восстание против «законного государя», а Англия с помощью совместного давления хотела склонить турок к уступкам и тем самым предотвратить вооруженное вмешательство России. Весной 1826 г. Россия и Англия подписали в Петербурге протокол, предложив Турции даровать Греции автономию. Позднее к протоколу присоединилась и Франция. В августе 1827 г. совместная англо-русско-французская эскадра нанесла поражение турецкому флоту в знаменитом сражении при Наварине. Наконец, в апреле следующего года Россия объявила Турции войну и нанесла ей быстрое поражение. По Адрианопольскому миру 1829 г. Россия расширила свои территории в устье Дуная и в Закавказье. Сербия сохраняла свою автономию, Молдавия и Валахия ее расширяла, а Греция получила автономию впервые. На конференции, открывшейся в начале следующего года в Лондоне, было принято историческое решение: Греция провозглашалась независимым государством.

Значение греческого кризиса заключалось, в первую очередь, в том, что именно здесь впервые во всей полноте заявил о себе восточный вопрос. Кризис Османской империи достиг принципиально нового качества — от нее впервые отделилось совершенно независимое государство, отделилось в результате вооруженной борьбы, и можно было не сомневаться, что у этого примера найдутся многочисленные последователи.

Египетские кризисы и проблема проливов в 30—40-е гг. XIX в. Существенный вклад в нарастание кризисных явлений в Османской империи внесли разного рода сепаратистские движения, наиболее значительным из которых было египетское. Мехмед Али, наместник султана в Египте, в 1831 г. начал вторжение в Сирию и к концу следующего года создал угрозу Константинополю. Султан Махмуд II был вынужден обратиться за помощью к своему недавнему врагу — России. В Петербурге в затруднительном положении султана увидели возможность дипломатическим путем реализовать свои интересы в наиболее важной для России составляющей восточного вопроса — проблеме черноморских проливов.

Значение проливов Босфор и Дарданеллы заключалось в том, что только они связывали Черное море со Средиземным и соответственно с Мировым океаном. Вплоть до конца XVIII в. Черное море было, по сути, «турецким озером», его единственно прибрежной державой являлась Турция. По Кючук-Кайнарджийскому миру 1774 г. Россия получила выход к Черному морю и свободу торгового мореплавания в нем и проливах — с этого времени режим судоходства в проливах перестал быть внутренним делом Турции и превратился в объект международного права и международных отношений. Речь шла о стратегической дилемме: Россия стремилась обезопасить свое черноморское побережье, закрыв проход через проливы военным кораблям неприбрежных государств, но одновременно обеспечив свободу плавания своему военному флоту. С другой стороны, подобные же задачу-максимум и задачу-минимум выдвигали великие морские державы — Франция и особенно Англия: в идеале они хотели добиться свободы прохода через проливы своих военных кораблей и лишить этого права Россию, заперев ее в Черном море.

Первые три десятилетия XIX в. прошли в борьбе двух подходов — стремления России трактовать режим судоходства как проблему двусторонних отношений двух причерноморских стран и желания стран Запада интернационализировать этот вопрос. Египетский кризис позволил России добиться успеха: по Ункяр-Искелесийскому договору 1833 г. Турция в обмен на русскую военную помощь соглашалась на закрытие проливов для всех военных судов, кроме российских, что вызвало крайне негативную реакцию в Париже и Лондоне. Общность позиции по этому вопросу стала одной из основ складывания «идеологического» блока Англии и Франции, о котором шла речь выше.

Единство антирусских позиций Англии и Франции не исключало столкновения их интересов, что показал второй египетский кризис. В 30-е гг. Англия укрепила свое влияние в Турции, постаравшись перехватить у Петербурга миссию главного защитника султана от египетского сепаратизма, тем более что эта миссия вполне совпадала и с целями самих англичан, пытавшихся таким образом ослабить французское влияние в Египте. В 1838 г. был подписан торговый договор между Англией и Турцией, по которому не только открывался турецкий рынок, но и отменялись турецкие, а значит и египетские государственные монополии. Это был серьезный удар по экономическим позициям Мехмеда Али, большая часть доходов которого проистекала именно от монополий.

С подачи Англии султан в 1839 г. начал боевые действия против Мехмеда Али с целью вернуть утраченную в предыдущей войне Сирию. Однако Франция, которая в наибольшей степени была представлена в Египте экономически, перевооружала египетскую армию и ставила себе целью добиться преобладания во всей Северной Африке, высказалась за сохранение Сирии за Египтом. Началась новая стадия кризиса, на которой турецко-египетские противоречия переросли в противоречия великих держав. В июле 1840 г. Англия, Россия, Австрия и Пруссия предъявили Мехмеду Али ультиматум. В итоге египетские войска оставили Сирию, а Франция понесла тяжелое дипломатическое поражение.

Тем временем срок Ункяр-Искелесийского договора истекал, и в 1840—1841 гг. в Лондоне представителями пяти великих держав и Турцией были подписаны новые конвенции о проливах, провозглашавшие принцип их закрытия для всех нетурецких военных судов в мирное время. Лондонские конвенции как первые многосторонние соглашения по вопросу черноморских проливов стали одним из самых ярких свидетельств интернационализации восточного вопроса. Отныне режим судоходства в проливах перестал быть делом двусторонних отношений России и Турции, что означало существенное ослабление позиций России, приравненной к непричерноморским державам, не имевшим в

этом регионе столь очевидных и непосредственных интересов. Хотя иностранные военные корабли не могли войти в Черное море, но и русский флот оказался в нем запертым.

Готовность России идти на широкие уступки, включая отказ от преимуществ Ункяр-Искелесийского договора, была связана с идеей, которая овладела Николаем I, начиная со второй половины 30-х гг. — разорвать англо-французскую связь и попытаться решить восточный вопрос в согласии с Англией. Египетский кризис имел в этом смысле огромное значение, укрепив российского императора в двух роковых иллюзиях — о непреодолимости англо-французских противоречий и о возможности сотрудничества с Англией в восточном вопросе. Плоды этих иллюзий Николаю I пришлось пожать в Крымской войне.

Крымская война 1853—1856 гг. Крымскую войну иногда называют несостоявшейся Первой мировой. Действительно, за сто лет с 1815 по 1914 г. это была единственная война, в которой были прямо задействованы сразу три великие державы и косвенно — две других, не считая так или иначе вовлеченных в конфликт европейских стран второго эшелона. В основе войны лежали серьезные противоречия, в первую очередь, англо-русские и австро-русские. Она возникла на самой сложной и взрывоопасной почве международных отношений XIX в. — в восточном вопросе, чреватом цепной реакцией сразу на трех континентах. Благодаря английскому морскому преобладанию военные действия помимо Черного моря затронули и целый ряд других акваторий Мирового океана — Балтику, Белое море и даже Тихий океан.

Египетские кризисы, казавшиеся очевидным свидетельством скорого краха Османской империи, ввели Николая I в заблуждение относительно действительной прочности Турции. С другой стороны, в России ошибочно полагали, что Англия не станет противиться распаду Османской империи, Австрия за подавление венгерской революции сохранит к России вечную благодарность, а Франции помешают выступить обострившиеся англо-французские противоречия. В реальности в Англии ни в коем случае не хотели усиления России на Балканах, а Австрии перспектива распада Турции внушала ужас. Не привлекала Вену и идея раздела Балкан с Россией, поскольку это означало бы умножение количества славянских подданных, грозившее разрушить хрупкий национальный баланс внутри империи.

Прологом Крымской войны стала так называемая «ссора монахов» — конфликт между представителями православной и католической церковью по поводу контроля над «святыми местами» в Палестине, за которым стояло намерение России укрепить свои позиции на Балканах и, возможно, добиться прямого контроля над проливами. Весной 1853 г. Россия оккупировала вассальные Турции Дунайские княжества (Молдавию и Валахию). В октябре Турция потребовала вывести из них войска и после отказа России объявила ей войну. Турцию поддержали Англия и Франция, а также Сардинское королевство (Пьемонт), высадившие в 1854 г. десант в Крыму. Австрийское правительство предъявило России ультиматум, в результате которого Россия была вынуждена не только очистить Дунайские княжества, но и держать против Австрии значительные силы, опасаясь ее активного участия в войне.

Итоги войне, закончившейся полным поражением России, подвел Парижский конгресс 1856 г. Наиболее важным и самым тяжелым для России его решением стала «нейтрализация» Черного моря, запрещавшая иметь военный флот и крепости в его акватории. Несмотря на внешнее равенство условий для всех государств, Россия выступала главной проигравшей стороной, поскольку, во-первых, ее статус как причерноморского государства уравнивался со статусом нечерноморских европейских держав. Во-вторых, равенство с Османской

империей как вторым причерноморским государством также было кажущимся, поскольку Порты в реальности могла выполнить условие нейтрализации, просто переправив свои корабли из Черного моря в Средиземное. Кроме того, существовавшее с 1774 г. право покровительства турецким христианам от России перешло к «европейскому концерту». Наконец, уже вне рамок работы конгресса Англия, Австрия и Франция заключили между собой секретный договор, призванный гарантировать его решения. Создание механизма гарантий придавало новому положению вещей на Востоке долгосрочный характер, превращая его в своеобразную «крымскую систему» с ярко выраженной антирусской направленностью.

В результате Крымской войны Франция Наполеона III, решительного противника «Венской системы», вышла на лидирующие позиции в Европе, в то время как своеобразный фундамент «Венской системы» — существовавшая со времен Священного союза связь России, Австрии и Пруссии — оказался разрушенным. В свою очередь, вступление системы в фазу кризиса позволило коренным образом пересмотреть решения Венского конгресса по проблеме итальянского и германского объединения.

Объединение Италии и Германии. Помимо благоприятных общеевропейских обстоятельств объединению Италии способствовала и взвешенная политика К. Кавура, премьер-министра Пьемонта. Ценой участия Пьемонта в далекой от его интересов Крымской войне он смог заручиться поддержкой Наполеона III, и уже на Парижском конгрессе итальянский вопрос впервые был поставлен в европейскую повестку дня. На тайной встрече в 1858 г. Наполеон III и Кавур сошлись на формуле «Италия до Адриатики», подразумевавшей присоединение к Пьемонту австрийских Ломбардии и Венеции, причем Франция в качестве вознаграждения получала бы от Пьемонта Савойю и Ниццу. При этом французский император не предполагал создания сильного единого итальянского государства. Он вынашивал планы конфедерации государств под председательством папы, которой была бы уготована роль сателлита Франции. В начале 1859 г. был подписан договор о союзе Франции и Пьемонта с целью войны против Австрии.

Сама же Австрия подходила к войне в состоянии полной международной изоляции. Отношения с Россией были безнадежно испорчены Крымской войной, с Пруссией обострилось соперничество из-за германского вопроса. Изменилась и позиция Англии, долгое время являвшейся одним из важнейших стратегических партнеров монархии Габсбургов. В свете итогов Крымской войны и в связи с началом политики «блестящей изоляции» в Англии в принципе пересмотрели роль монархии Габсбургов в системе международных отношений — отныне она была нужна Лондону не как бдительный хранитель «порядка 1815 г.», а всего лишь как гарант статус-кво на востоке, сдерживавший как Россию, так и национальные движения балканских народов. С такой точки зрения итальянские владения Австрии в глазах англичан были лишь ненужной обузой, мешавшей выполнению этой задачи.

Начавшаяся в апреле 1859 г. война продлилась очень недолго — после решающих поражений австрийцев в июне 1859 г. при Мадженте и Сольферино Наполеон III неожиданно предложил перемирие. При этом он учитывал ситуацию в Германии. Итальянская война стала примером новой роли общественного мнения и национализма в международных отношениях. Несмотря на то, что Германский союз не имел формальных оснований для оказания помощи Австрии, сам факт того, что против германского государства выступила Франция — «наследственный враг» — превратил войну на далеких Апеннинских практически в немецкое национальное дело. Во всех странах Германского союза звучали требования

поддержать Австрию. Германские государства одно за другим проводили мобилизации, и Пруссия, не желавшая дискредитировать себя в глазах немецкого общественного мнения, в июне 1859 г. также провела мобилизацию. Наполеона не устраивала и слишком большая активность Кавура, вопреки договоренностям готовившего присоединение к Пьемонту Центральной Италии. К тому же, в случае дальнейшего продвижения к Австрии пришлось бы иметь дело с мощными приальпийскими крепостями, что неминуемо затянуло бы войну.

11 июля на встрече Наполеона III и Франца Иосифа было согласовано Виллафранкское перемирие, предусматривавшее создание Итальянской конфедерации под почетным председательством папы и отказ Австрии в пользу Франции от Ломбардии для дальнейшей передачи ее Пьемонту. На этой основе в ноябре 1859 г. был подписан Цюрихский мир. Однако в это время новую динамику итальянскому вопросу вновь придал национальный фактор, еще раз продемонстрировавший, что время «кабинетной политики», когда два государя, склонившись над картой Италии, могли решать ее судьбу, безвозвратно прошло. В Тоскане, Парме, Модене и папской Романье ширился национальный протест, поощряемый из Пьемонта. Кавур в январе 1860 г. провел там плебисциты о присоединении к Пьемонту, результаты которых ясно говорили, что выполнить условия Цюрихского мира без применения насилия будет невозможно. Вся Центральная Италия добровольно переходила в руки Пьемонта. В этих условиях Наполеону III оставалось только получить свою плату за «добрые услуги», оказанные итальянскому делу — по секретному договору с Пьемонтом (март 1860 г.) он получил Савойю и Ниццу и путем проведения плебисцита закрепил их принадлежность к Франции.

Поход «тысячи» Гарибальди в 1860 г. позволил присоединить к Пьемонту королевство Обеих Сицилий, а в марте 1861 г. было провозглашено королевство Италия. В результате союза с Пруссией в войне против Австрии в 1866 г. Италия получила также Венецию. Осенью 1870 г., воспользовавшись тем, что в связи с франко-германской войной охранявшие папу французские части были выведены из Рима, итальянские войска заняли город, который несколько месяцев спустя был провозглашен столицей Италии. Итальянское национальное объединение завершилось.

Крымская война создала существенные предпосылки не только для итальянского, но и для германского национального объединения. Она представляла собой вызов миру германских государств, поскольку от их позиции во многом зависело дальнейшее развитие ситуации в Германии и в Европе в целом. Австрия поддержала Францию и Англию, в то время как Пруссия использовала Крымскую войну как возможность лишней раз продемонстрировать Германии «ненемецкий характер» империи Габсбургов, грозившей втянуть немцев в чуждую для их интересов войну на Востоке. Зимой 1855 г. Пруссия отмечала первый политический успех — несмотря на предложение Австрии мобилизовать половину вооруженных сил Германского союза, большинство германских государств пошло за Пруссией и сохранили нейтралитет в Крымской войне. Однако окончательно международные условия для германского объединения сложились только после польского восстания 1863 г. В то время как Англия, Франция и Австрия заявляли протесты, Бисмарк поддержал Россию. Польское восстание стало настоящим яблоком раздора, накануне германского объединения рассорившим между собой главные европейские державы — хранительницу «Венской системы», в то время как Пруссия смогла заручиться русской дружбой. Россия соблюдала благожелательный для Пруссии нейтралитет в ходе ее войн с Данией в 1863 г. и Австрией в 1866 г., а во время франко-германской войны 1870—1871 гг. и вовсе гарантировала южные границы Пруссии от возмож-

ного вступления в войну стремящейся к реваншу Австрии. Договоренность об этом была достигнута еще в 1868 г.; взамен Пруссия обещала поддержку в ликвидации «нейтрализации» Черного моря. Сходство интересов Пруссии и России облегчило им достижение своих задач. Воспользовавшись тем, что Франция, ключевое звено «крымской системы», оказалась разгромленной, Россия в октябре 1870 г. провозгласила односторонний отказ от принципа нейтрализации Черного моря. Это сразу сместило внимание нейтральных Австрии и Англии с событий франко-германской войны на Восток, способствовал окончательной победе германских государств и созданию Германской империи.

Международные отношения в Западном полушарии. В первые десятилетия XIX в. в системе международных отношений происходит важное изменение — после обретения, след за США, независимости государствами Латинской Америки начинает складываться первая неевропейская система международных отношений — американская. Связи между составлявшими ее государствами были еще слабыми, неупорядоченными и, как следствие, конфликтными, однако с самых первых шагов страны Нового света четко отделяли свое политическое существование от Старого. В отличие от системы международных отношений в Европе, одной из главных пружин развития которой на протяжении веков был принцип равновесия, в Западном полушарии с самого начала выделился безусловный лидер, что определило главную долгосрочную тенденцию развития американской системы — становившуюся все более явной со временем гегемонию США.

Характерной чертой американской внешней политики было почти парадоксальное сочетание сугубо материальных экономических мотивов со значительной идеологической заряженностью. Считая свою страну главным бастионом свободы на Земном шаре, американцы, в частности, последовательно поддерживали все либеральные и освободительные движения в Европе — греческое восстание 1821 г., революции 1830 г., признали временное правительство во Франкфурте в 1848 г. и Третью республику во Франции в 1870 г. Однако в случае с соседними латиноамериканскими республиками подобные идеологические мотивы часто жертвовались реальным экономическим и политическим интересам США.

Вместе с тем в первые десятилетия существования США их главное внимание было обращено не столько к ближайшим соседям, сколько к великим европейским державам и, в частности, к проблеме разграничения владений на североамериканском континенте. Так, спорными являлись границы Орегона — огромной территории от Скалистых гор до Тихого океана с востока на запад и от испанских владений на юге до русской Аляски и английской Канады на севере. В 1819 г. Испании пришлось уступить американцам Флориду в обмен на невмешательство США в шедшую тогда полным ходом борьбу за независимость испанских колоний в Латинской Америке. Установление границы с русской Аляской произошло в 1824 г., с английской Канадой — в 1846 г. В 1867 г. Россия продала США Аляску.

Подобное разграничение являлось частным случаем более широкой проблемы взаимоотношений США и Европы, американское видение которой было предложено знаменитой доктриной Монро 1823 г., содержавшейся в ежегодном послании конгрессу президента США Д. Монро. Толчком к ее провозглашению стали опасения, что борьба испанских колоний за независимость приведет к интервенции в Латинскую Америку стран Священного союза. Доктрина Монро гласила, что отныне Северная и Южная Америка не могут рассматриваться как объекты колонизации и что США будут считать любую попытку изменить политические отношения в Западном полушарии «демонстрацией враж-

дебных намерений к США». Значение доктрины Монро, с формальной точки зрения являвшейся лишь односторонним заявлением, заключалось в том, что она превратилась в один из основополагающих принципов всей последующей американской внешней политики. Одновременно доктрина Монро представляла собой своеобразную декларацию о рождении, наряду со старой европейской, новой американской системы международных отношений.

Несмотря на обретение латиноамериканскими странами всей полноты государственного суверенитета, их реальный политический вес в международных отношениях в течение всего XIX в. был крайне незначительным из-за слабого экономического развития и хронической внутривнутриполитической нестабильности, которая дополнялась практически полным отсутствием кооперации между отдельными латиноамериканскими странами. Международные связи с крупнейшими иностранными государствами были развиты существенно лучше, чем с ближайшими соседями; сами же эти связи носили пассивный характер с выраженным преобладанием не столько политических, сколько торгово-экономических интересов. Самым существенным проявлением зависимости стран Латинской Америки от крупных иностранных государств была хроническая задолженность, в которой немедленно после обретения независимости оказались эти страны, а также случаи вмешательства во внутренние дела и применения силы. Так, например, в 1846—1848 гг. США доказали возможности агрессивного применения доктрины Монро, после двухлетней войны отторгнув у Мексики около половины ее территории — Техас, Калифорнию, Новую Мексику, Юту и Неваду.

Со стороны европейских государств самым ярким примером вмешательства во внутренние дела латиноамериканских стран стала интервенция в Мексику французского императора Наполеона III, поводом для которой стало решение Мексики отложить выплаты по зарубежным займам, от которого пострадали французские, английские и испанские кредиторы. Три этих страны в 1861 г. направили в Мексику экспедиционный корпус. В отличие от англичан и испанцев, видевших в финансовых претензиях истинную цель интервенции, ее подлинный вдохновитель Наполеон III преследовал более обширные замыслы. Он хотел закрепиться в Мексике с тем, чтобы сделать ее плацдармом для восстановления французской колониальной империи; одновременно он считал, что создаваемая им мексиканская империя послужит барьером для опасного расширения США. Однако из-за сопротивления местного населения в 1867 г. французские войска покинули территорию Мексики.

США не смогли воспрепятствовать мексиканской авантюре, поскольку именно в это время шла Гражданская война 1861—1865 гг., и без того чреватая осложнениями с европейскими странами. Так, Англия признала южан воюющей стороной, и вслед за Англией, к возмущению Вашингтона, это сделали и остальные европейские государства. В своих надеждах на их поддержку южане исходили в первую очередь из потребностей Франции и особенно Англии в хлопке, поскольку именно на сырье из южных штатов США главным образом работала английская и французская текстильная промышленность; с американским хлопком были так или иначе связаны доходы пятой части населения Англии. Однако эти расчеты не оправдались, в том числе благодаря появлению на хлопковом рынке новых поставщиков из Египта и Индии. В итоге государственную самостоятельность южной Конфедерации так и не признало ни одно государство. Поражение Наполеона III в Мексике и завершение Гражданской войны утвердили США в качестве единственной действительно значимой силы на американском континенте.

Колониальная экспансия в Азии и Африке. В основе усиления колониальной экспансии лежали два принципиально новых фактора — демографическая ре-

волюция и промышленная революция. Колоссальный рост и даже переизбыток населения создали первую и необходимую предпосылку для дальнейшей экспансии европейской цивилизации в глобальном масштабе. Промышленная революция и, в частности, новые средства транспорта и новые виды вооружения сделали переселение сотен тысяч европейцев и захваты новых территорий технически возможными. Но главное — промышленная революция решающим образом сказалась и на самих мотивах колониальной экспансии, поскольку она привела к качественному росту производства. В промышленности масштабах поглощая сырье и выдавая готовую продукцию, капиталистическая экономика европейских стран как никогда нуждалась в новых источниках сырья и широком рынке сбыта. Отныне колониальная активность имела целью не столько доступ к отдельным видам ценных и экзотических ресурсов, сколько экономическое открытие целых стран и регионов для нужд собственной экономики.

Некоторые изменения происходили и в методах управления колониями. В связи с ростом значения колоний для экономики окончательно уходит в прошлое практика торговли с ними посредством монопольных торговых компаний. Классический пример — увядание самой мощной и успешной среди них английской Ост-Индской компании. Два с лишним века распоряжаясь всей английской торговлей с Индией и другими государствами региона, она в 1813 г. теряет монополию на торговлю с Индией, в 1833 г. — с Китаем, а в 1858 г. и вовсе распускается.

Формы колониального господства становились более тонкими и разнообразными. В отличие от XVII—XVIII вв., когда европейские страны были представлены в неевропейском мире либо отдельными опорными пунктами, либо, напротив, прямо подчиняли себе целые регионы, в первые три четверти XIX в. предпочтение отдавалось косвенным методам, широкому экономическому присутствию и малозаметному политическому. Этому способствовало, в том числе, и то обстоятельство, что в фокусе внимания европейцев в эти годы оказались главным образом азиатские страны, традиции государственности которых часто далеко превосходили европейские. Поэтому типичной формой колониального господства становилось «открытие» какого-либо азиатского государства для экономического проникновения европейцев, выраженного в навязанных ими неравноправных договорах. В этих договорах, как правило, фиксировались не только выгодные европейским странам условия торговли, размер пошлин, но и право экстерриториальности и консульской юрисдикции, по которым иностранцы фактически изымались из сферы действия местного законодательства и могли быть судимы только по законам своей страны. Вместе с тем существовали и более явные, политические, формы колониального господства. Одной из них был протекторат, подразумевавший сохранение самостоятельности колонии лишь в ее внутренних делах, в то время как внешние дела и армия находились в подчинении метрополии. Таким был, например, установленный в 1863 г. протекторат Франции над Камбоджей. Продолжалась и практика прямого и полного политического подчинения колонии, как во французском Алжире. Достаточно распространенными были и методы, сочетавшие в себе прямой и косвенный контроль над зависимыми территориями, классическим примером чему может служить британское владычество в Индии.

Индия имела огромное значение для Великобритании как экономическое, так военное и стратегическое. Сохранив свою важность в качестве источника экзотических товаров и сырья — чая, индиго, пряностей, хлопка — в эпоху свершившейся промышленной революции Индия приобрела еще одну ценность — огромного, 150-миллионного рынка сбыта. Британские владения в

Индии в XIX в. расширились практически до естественных границ субконтинента. Помимо территорий, находившихся под прямым управлением англичан, существовало еще около 400–600 княжеств, каждое из которых подписало с Ост-Индской компанией особый вассальный договор. Однако управление Индией нуждалось в коренной реформе — и это стало очевидным после знаменитого восстания сипаев в 1857–1858 гг., наемных частей из представителей местного населения. После подавления восстания управление Индией возлагалось на вновь созданный пост вице-короля; усилились меры по прививанию индийцам английского языка и культуры.

Другим объектом европейской экспансии являлся Китай, причем в авангарде вновь шла Англия. Однако торговля с Китаем сталкивалась с серьезным препятствием — вывоза из Китая чай, фарфор, шелковые ткани, художественные изделия, Ост-Индская компания испытывала хронический дефицит платежных средств. Выход был найден неожиданный и беспрецедентный — с конца XVIII в. торговцы Ост-Индской компании стали продавать в Китае производившийся в Индии опиум. Наркотик поставлялся буквально тоннами — 300 тонн в 1810 г., 2600 тонн в 1839 г. Тем самым Ост-Индская компания получала средства для финансирования экспорта из Китая и Индии. В самом Китае потребление опиума приняло масштабы стихийного бедствия, а также вызвало значительный отток серебра, пагубно сказавшийся на китайской экономике. В ответ на попытку китайских властей ввести запрет на продажу опиума Англия развязала против него Первую опиумную войну 1840–1842 гг., добиваясь как легализации торговли опиумом в Китае, так и широкого открытия гигантского китайского рынка, поскольку до этого торговля с Китаем осуществлялась через единственный «договорной порт» Кантон. Легко разгромив Китай, англичане отторгли от него Гонконг, а также добились открытия новых «договорных портов» и выгодных условий торговли. Вторая опиумная война 1856–1860 гг. еще шире «открыла» Китай, причем неравноправные договоры с китайским правительством заключила не только Англия, но также Франция, Россия и США.

Сходным образом развивались отношения с Японией, также «закрывшейся» от внешнего мира. Вслед за США, насильственно «открывшими» Японию в 1854 г. и навязавшими ей неравноправный договор, последовали все европейские великие державы, заключившие с Японией сходные соглашения.

Центральная Азия также не избежала зависимости от европейских стран. Здесь решающую роль играло соперничество Англии и России, каждая из которых добивалась для себя тех же выгод в странах региона, которые смогла получить соперница. После русско-персидской войны 1826–1828 гг. Россия приобрела решающее преобладание в Персии (Иране), в том числе экономическое. Однако Англия в результате серии конфликтов с Персией в 40–50-х гг. приобрела для своей торговли те же выгоды, что и Россия. За Англией последовала и Франция. Другим объектом англо-русского соперничества являлся Афганистан. Борьба за преобладание в нем шла с переменным успехом и в 1873 г. завершилась своего рода перемирием — англо-русское соглашение объявляло Афганистан нейтральным.

Африка вплоть до последних десятилетий XIX века продолжала играть второстепенную роль в европейской экспансии. Значительные поселения европейцев существовали фактически лишь на Юге — в английской Капской колонии и в республиках Оранжевая и Трансвааль, населенных бурами — потомками выходцев из Голландии. Приток поселенцев из Европы усилился после открытия в 50–60-е гг. крупнейших месторождений золота и алмазов.

На Западе Африки европейцы по-прежнему были представлены отдельными опорными пунктами, территории вокруг которых постепенно расширялись.

В 50–70 гг. Англия завладела всеми голландскими и датскими колониями в этом регионе, а также захватила Золотой Берег в бассейне Нигера. В свою очередь, Франция постаралась закрепиться на Береге Слоновой кости. На Востоке Африки крупнейшей колонией являлся португальский Мозамбик, хотя в 60-е гг. Англия, Франция и даже Италия овладели рядом опорных пунктов в Эфиопии и Сомали. Главной же ареной европейской экспансии стал Север Африки из-за его первостепенного стратегического положения. Здесь самой активной была Франция, с 30-х гг. приступившая к завоеванию Алжира, а также соперничавшая с Испанией в Марокко и с Италией — в Тунисе. Особенно же ожесточенным являлось англо-французское соперничество в Египте, еще более обострившееся из-за исключительной экономической и стратегической важности Суэцкого канала, открытого в 1869 г. Однако решающий этап европейской экспансии в Африке начался только после 1880 г.

ЧАСТЬ II (НАЧ. 1870-х гг. — 1914)

Глава 25 ВЕЛИКОБРИТАНИЯ В 1870–1914 гг.

Экономика Британии в последней трети XIX — начале XX в. Социальные и демографические изменения. В последней трети XIX в. Британия утратила свое исключительное положение в мировой экономике. На первые позиции вышли динамично развивавшиеся США и Германия. Причиной потери мирового лидерства послужили не только внешние, но и внутренние факторы. В годы процветания британские товары не встречали серьезной конкуренции на мировых рынках. Отсутствовали стимулы модернизации производства, развития новых отраслей. Финансирование промышленности осуществлялось за счет собственных накоплений и кредитов провинциальных банков, что вело к снижению инвестиций, так как крупные банки ориентировались на заморскую торговлю и экспорт капитала. Усилилась зависимость производства и потребления от внешней торговли. Четвертая часть промышленной продукции шла на экспорт. Пятуую часть потребности в сырье и продовольствии удовлетворял импорт.

С 70-х гг. доля Великобритании в мировом промышленном производстве начинает падать. При этом развитие экономики неравномерно и носит скачкообразный характер. Годы бума сменялись периодами экономических кризисов, когда обострялась проблема рынков сбыта, источников сырья, сфер приложения капитала. Кризис, начавшийся в 1873 г., практически растянулся на два десятилетия. Он завершился депрессией, которую сменил новый кризис 1878–1880 гг. Оживление экономики в 1883 г. было непродолжительным и сменилось следующим кризисом, продолжавшимся до 1886 г. За ним последовал кризис 1890–1893 гг. В наибольшей мере в промышленном производстве пострадали старые отрасли. Тяжелый кризис переживало сельское хозяйство. Приток дешевого зерна и шерсти из Канады и Австралии привел к падению цен на эту продукцию на рынках Британии. Следствием стало сокращение посевных площадей, разорение мелких производителей, уменьшение доходов землевладельцев.

Тем не менее в начале XX в. Британия оставалась одной из ведущих индустриальных держав и являлась богатейшей страной мира, обладала самой крупной в истории человечества империей. По размерам национального богатства, которое составляло 16,5 млрд фунтов стерлингов, Великобритания превосходила Германию. Практически в пять раз возросли (за последнюю треть века) доходы от размещенных в других странах инвестиций. С утратой мирового промышленного превосходства возросла роль денежного рынка, Британия занимала первое место по экспорту капитала. Британский флот по-прежнему оставался крупнейшим в мире. Успешно развивались новые отрасли промышленности: газовая, электротехническая, автомобилестроение. Вплоть до 1914 г. страна сохраняла первенство в мире по объему внешней торговли. Прочные позиции Великобритании удерживала в некоторых отраслях экономики: судостроении, станкостроении, производстве шерстяных тканей, добыче и вывозе угля. Британские суда высоко ценились за их мореходные качества и объемы водоизмещения.

Даже конкуренты, такие как США и Франция, приобретали британские суда и широко использовали их для морских перевозок грузов.

В последней трети XIX в. в Британии происходили процессы монополизации в экономике, но более медленно, чем в США и Германии. Исключением являлись банковская сфера и колониальные монополии, созданные для освоения природных ресурсов Африки — «Колониальная компания реки Нигер» (1886), «Имперская компания Британской Восточной Африки» (1886), «Британская Южноафриканская компания» (1889) и др. Объединительные процессы наблюдались также в судостроении и металлургическом производстве, текстильной промышленности. С начала XX в. активно протекала монополизация в военно-промышленном секторе, где были созданы компании «Джон Браун», «Армстронг-Уитворт», «Виккерс».

В сельском хозяйстве Англии шел процесс модернизации производства: увеличилось применение машин (использовались косилки и молотилки), строились шоссейные дороги, которые связывали производство с ближайшими городами и железнодорожными станциями. Выдерживало конкуренцию с импортной продукцией собственное производство молока и сена. Тем не менее затяжная череда кризисов способствовала оттоку населения, уезжавшего в города (где рабочий день был меньше, а заработная плата выше) и колонии. На сельское хозяйство на рубеже веков приходилось чуть более 6% национального дохода.

Глубокие изменения происходили в ирландской экономике, которую подорвали Великий голод и резкое сокращение численности населения. Аграрный вопрос продолжал играть важную роль из-за сохранения крупного землевладения — лендлордизма. Между лендлордом и арендатором по-прежнему стояла длинная цепочка посредников — субарендаторов. Импорт дешевого зерна стал одной из причин сокращения собственного производства зерновых. Незасаенные площади послужили основой быстрого развития скотоводства. Ирландия переживала период огораживаний.

Население Великобритании к 1914 г. превысило 40 млн человек, при этом более 80% проживало в городах. Численность населения Лондона достигла 4,5 млн, с пригородами — 7,3 млн человек. Крупные промышленные центры насчитывали от полумиллиона и более жителей. В индустриально развитых областях шло объединение городов, резко возрастала численность их населения. Облик городов был различен. Там, где местные власти обладали достаточными средствами и имели энергичных сторонников, происходила перепланировка городского пространства, появлялись прямые улицы, площади, парки. Строились дома из кирпича. Тем не менее даже и в таких городах сохранялись районы, населенные беднотой, где в домах не было ни воды, ни канализации.

Демографические перемены сказались на структуре городского общества. Возрастала численность представителей так называемого среднего класса: мелких и средних собственников, торговцев, предпринимателей, а также людей интеллигентных профессий. Увеличился слой инженеров, учителей, врачей, журналистов. Значительная доля горожан трудилась в сфере услуг. Четверть населения всей страны составляли рабочие и члены их семей.

Еще в середине XIX в. буржуазия рассматривала себя как отдельный слой общества. В последней трети века богатые владельцы заводов, фабрик, торговцы и финансисты покупали поместья, по образу жизни сближаясь с аристократией и джентри. Титулованное дворянство активнее участвовало в предпринимательской деятельности, его представители входили в наблюдательные советы, возглавляли акционерные общества.

Ухудшение положения страны на мировом рынке и годы экономической депрессии отразились на жизни всех слоев населения. В наибольшей мере кри-

зисы сказались на положении трудящихся, они вели к снижению заработной платы, росту безработицы и усилению социальной напряженности. С середины 80-х годов оживилось рабочее и ирландское национальное движения. В Ирландии сгон крестьян с земли владельцами скота привел к актам открытого неповиновения. Созданная в 1850 г. в Дублине Лига защиты прав арендаторов выступила с требованием регулирования условий арендной платы, против произвола лендлордов. Национальная земельная лига выдвинула требование поэтапного решения аграрного вопроса вплоть до полного уничтожения лендлордизма. Новая социально-экономическая ситуация настоятельно требовала пересмотра существовавших политических теорий и поиска новых форм и методов осуществления внутри- и внешнеполитического курса, необходимых для упрочения положения страны и сохранения целостности империи.

Либеральная и Консервативная партии. Внутренняя политика. В 1870—1914 гг. государственно-политическое устройство Великобритании существенно отличалось от других стран. Властные полномочия королевы Виктории сохраняли ее положение в качестве важного звена законодательного процесса. Усилилась ее роль в конфликтных ситуациях при урегулировании взаимоотношений между партийными лидерами. Двухпартийная система, складывавшаяся со времени первой парламентской реформы, укрепилась. Периодически происходила смена правительств либералов (кабинеты У. Гладстона: 1868—1874, 1880—1885, 1886, 1892—1894; лорда Розбери: 1894—1895; Г. Кемпбелл-Баннермана: 1905—1908; Г. Асквита: 1908—1914) и консерваторов (кабинеты Б. Дизраэли: 1874—1880; Солсбери: 1885—1886, 1886—1892, 1895—1902; А. Бальфура: 1902—1905). В конце века длительное время у власти находились консерваторы, возглавляемые лордом Солсбери. Как Либеральная, так и Консервативная партии, сохраняя преемственность курса, продолжали проводить реформы социального, экономического и политического характера.

На рубеже 60—70 гг. либеральное правительство Гладстона осуществило важные преобразования. В 1869 г. принят закон об упразднении государственно-го статуса Англиканской церкви в Ирландии. Тем самым было ликвидировано уничижительное положение для католического населения острова. В 1870 г. аграрная реформа, сократив число субарендаторов, несколько улучшила положение крестьянства Ирландии.

В 1870 г. введено обязательное начальное образование. В стране создавались приходские школы, которые содержались за счет местных налогов и незначительного государственного финансирования. В том же году введен специальный экзамен для тех, кто поступал на службу в государственные учреждения. В 1871 г. отменена продажа патентов на получение офицерского чина в элитных частях и проведена реорганизация армии — сокращен срок службы с 12 до 6 лет. Эти законы способствовали повышению профессионального уровня чиновников, улучшению работы государственных органов, созданию резерва военнослужащих. Они изменили ситуацию в армии и флоте, где продвижение по службе перестало зависеть от финансового состояния кандидата.

В 1871 г. тред-юнионы (профсоюзы) получили статус юридического лица. Новый закон предоставлял профессиональным объединениям возможность открывать банковские счета и использовать судебное разбирательство конфликтов с предпринимателями, формально рабочие могли провести забастовку в целях улучшения условий труда и повышения заработной платы. При этом закон защищал штрейкбрехеров от враждебных акций со стороны бастовавших рабочих, а рабочие могли быть привлечены к суду за препятствие развитию промышленности.

В 1872 г. введено тайное голосование на выборах в парламент и местные органы власти. Этот закон стал важным шагом в борьбе со злоупотреблениями на выборах и подкупом избирателей.

Реформы Гладстона осуществили основные пункты либеральной программы демократизации общественных и государственных институтов, социального устройства Британии. Однако радикальные круги расценивали их как слишком умеренные, а консервативные слои, напротив, были обеспокоены решительностью перемен. К тому же популярность правительства заметно упала из-за неудачной попытки Гладстона ограничить употребление спиртного и, прежде всего, пива — популярного в стране напитка. Консерваторы благодаря резкой критике политики либералов завоевывали сердца избирателей.

Тем не менее пришедшее к власти в 1874 г., правительство Дизраэли продолжило курс преобразований, намеченный Гладстоном. По закону «О предпринимателях и рабочих» профсоюзы получили право на пикетирование стачек. Консерваторы направили усилия на улучшение жилищ и санитарной службы в городах. Разработаны также меры, направленные против загрязнения рек и водоемов. Принят закон об обществах взаимопомощи. Более многочисленные организации, чем профсоюзы, эти общества получили юридический статус и права. Консерваторы дополнили либеральный закон об образовании. Оно стало всеобщим для детей в возрасте до 10 лет, что отвечало потребностям времени. Контролем над исполнением закона наделялись специальные выборные комитеты городских и попечительских советов.

Таким образом, и либералы, и консерваторы проводили умеренные частичные преобразования, направленные на либерализацию государственного аппарата, улучшение условий жизни британцев. Однако каждая реформа вызвала недовольство в обществе. Деловые круги не устраивало вмешательство государства в предпринимательскую деятельность, расширение прав рабочих на забастовки. К тому же преобразования не меняли экономическую ситуацию и не несли быстрых перемен. И на следующих выборах находившаяся у власти партия терпела поражение. Этому способствовала и критика кабинета оппозиционной партией, стремившейся привлечь симпатии избирателя. Прислушиваясь к его настроениям, оппозиция вырабатывали программу действий на случай прихода к власти.

Озабоченные колебаниями в настроениях избирательного корпуса, ни либералы, ни консерваторы не затрагивали, однако, проблемы права голоса для женщин, которые уже выдвигали такое требование. Движение женщин за политические права именовалось суффражистским (от *suffrage* — избирательное право). Суффражистки создавали собственные организации, которые в 1868 г. объединились в Национальную федерацию суффражистских обществ. Они использовали традиционные для Британии методы борьбы (просветительская работа, митинги, выпуск газет, подача петиций в парламент). Существовали либеральные и консервативные организации. Они сотрудничали соответственно с Либеральной или Консервативной партиями. В последней трети века в суффражистском движении обозначилось два течения — конституционное, ориентированное на достижение цели через парламентское законодательство, и так называемое милитантское («воинствующее»). «Воинствующие» суффражистки избрали путь ненасильственных акций: устраивали демонстрации, приковывали себя к оградам и воротам, стояли с плакатами, а позднее перешли к более решительным действиям — разбивали стекла в домах и магазинах, нападали на политиков.

К 1880 г. консерваторы разочаровали избирателей не только умеренностью реформ, но и последствиями активной колониальной политики, направленной на расширение британских владений. Крупные траты на заморские экспеди-

ции привели к образованию дефицита в бюджете, что контрастировало с политикой Гладстона, направленной на сокращение государственных расходов. Недовольство вызвали и поражения англичан в войнах в Афганистане и Южной Африке. На выборах в парламент в 1880 г. консерваторы потерпели поражение. Приход либералов к власти объяснялся не только недовольством политической консерваторов, но и успешно проведенными мерами по укреплению партии и организационному строительству.

В 1877 г. создана Национальная федерация либеральных ассоциаций. Радикалы видели в Национальной федерации «подлинно народный парламент», который в большей мере выражал либеральное общественное мнение, чем заседавший в Вестминстере депутатский корпус. В задачи Федерации входил анализ политических настроений избирателей, а также осуществление пропагандистских функций. Федерация состояла из представителей от либеральных организаций, образованных в регионах. Значимую роль в их появлении и широком распространении по стране сыграл богатый промышленник из Бирмингема Джозеф Чемберлен, ставший первым президентом Федерации.

Радикал Джозеф Чемберлен являлся политиком новой формации. В 1869 г. он был избран в муниципальный совет Бирмингема. Чемберлен был сторонником обязательного, бесплатного светского образования и стал одним из основателей Общества образования, которое затем превратилось в Национальную лигу образования. В 1873 г. его избрали мэром города, в 1876 г. — в парламент. Чемберлен полагал, что радикалы должны выработать собственную программу и объединиться для ее претворения в жизнь. Программа Чемберлена состояла в обращении к социальным вопросам и содержала четыре пункта: свободная церковь, свободная школа, свободная земля и свободный труд. Она кардинально отличалась от традиционных основ либерализма (мир, дешевое государство и реформа).

Не сумев объединить радикалов в парламенте, Чемберлен занялся созданием массовой организации. Ее базой стала сеть местных организаций, ядром которых были районные ячейки сторонников Либеральной партии — так называемые кокусы. Впервые они были созданы в Бирмингеме, одном из центров металлургической промышленности. Кокусы объединял городской совет. Активная деятельность членов организаций и согласованное голосование приносили победу на местных и всеобщих выборах. Кокусы появились в других регионах страны, а их объединила Национальная федерация либеральных ассоциаций.

Поражению консерваторов на выборах 1880 г. способствовала и успешная предвыборная кампания либералов, сплотившая их ряды. Они резко критиковали политику правящей партии и ее внешнеполитический курс. Однако полноценная позитивная программа дальнейших действий не была выработана. В общих чертах она была сформулирована лидером партии. Во время поездки по северу страны Гладстон выступал на митингах. В его речах прозвучало обещание провести реформы избирательной системы, местного самоуправления, налогообложения и др. Он предлагал вернуться к основам либеральной политики — мир, дешевое государство, режим экономии, соблюдение принципов фритреда.

Новое правительство Гладстона провело дальнейшие парламентские реформы. Их отличием от предшествовавших реформ стало отсутствие общественного движения в их пользу вне стен парламента. В 1884 г. установлены равные права избирателей города и деревни, при этом сохранен невысокий имущественный ценз. Численность избирателей за счет снижения избирательного ценза для горожан удвоилась и достигла 5 млн человек (16% взрослого населения). В 1885 г. ликвидированы мелкие сельские избирательные округа, а остальные уравнены с городскими округами в соответствии с численностью населения, имевшего право голоса. Таким образом, правительство Гладстона осуще-

ствило основные пункты либеральной программы модернизации британской избирательной системы.

Хотя на выборах 1885 г. либералы вновь одержали победу, в условиях экономического кризиса число их сторонников уменьшилось в связи с уходом правого крыла избирателей в консервативный лагерь. Это привело к сокращению числа либералов в палате общин. Правительство Гладстона было заинтересовано в голосах ирландских депутатов в целях укрепления большинства в палате общин. Для привлечения их на свою сторону Гладстон в 1886 г. разработал законопроект о самоуправлении Ирландии — гомруле (home rule).

Законопроект предполагал создание в Дублине двухпалатного парламента, который ведал бы внутренними делами Ирландии, тогда как наиболее важные аспекты ее государственной жизни (вооруженные силы, финансы, внешняя политика) оставались бы в компетенции Лондона. Тем самым Гладстон намеревался удовлетворить требования Ирландской парламентской партии, которая добивалась осуществления гомруля законными методами, и снизить накал движения сторонников полного отделения Ирландии от Англии — фениев (Ирландское республиканское братство), рассчитывавших достигнуть этой цели путем вооруженной борьбы и восстания. Их организации были тайными и использовали тактику террора. С другой стороны, обстановку в Ирландии осложняли настроения компактно проживавшего в графствах Ольстера протестантского населения. Протестанты обладали более высоким социальным статусом и находились в лучшем экономическом положении по сравнению с ирландскими католиками. Они являлись сторонниками сохранения Унии с Англией и яркими противниками гомруля. Наконец, неспокойно было в ирландской деревне: сгоняемые с земли крестьяне прибегали к акциям бойкота, угону и порче скота, самовольным захватам земли.

Позиция Гладстона в отношении Ирландии не встретила поддержки и ряда его соратников, и консерваторов. Законопроект был отвергнут. В знак несогласия с политикой Гладстона Чемберлен, отстаивавший единство империи, вышел из правительства. Правительственную партию покинуло 93 депутата. Это привело к расколу Либеральной партии и выходу из нее сторонников сохранения Унии (*либерал-юнионистов*) с Дж. Чемберленом во главе.

Правительство, лишившись большинства в палате общин, было вынуждено уйти в отставку. От либералов отвернулись многие либеральные газеты и земельная аристократия. Именно от нее поступали средства на оплату нужд партии и избирательные кампании. Таким образом, либералы потеряли часть своих сторонников, влияние и деньги.

Когда в следующий раз либералы ненадолго вернулись к власти, Гладстон в 1892 г. вновь предложил билль о гомруле. С большим трудом после длительных прений он был одобрен палатой общин, но провален в верхней палате.

Политика Гладстона в отношении Ирландии обострила ситуацию в Либеральной партии и выявила серьезные разногласия в среде либералов по кардинальным вопросам стратегии и тактики. Если середина столетия — период процветания и мирового лидерства Англии — была отмечена расцветом либерализма, то в последние десятилетия века либеральная идеология переживала кризис. Теория либерализма, в основе которой лежала идея гармоничного экономического развития и процветания, а также политика невмешательства государства в предпринимательскую деятельность, не соответствовала новой ситуации в обществе в связи с экономическими трудностями. Это вело к потере авторитета в среде рабочего класса, мелкой и средней буржуазии, ожидавших от либералов решительных шагов по защите их интересов. Разочарование избирателей повлекло за собой ослабление Либеральной партии на политической арене.

Выборы 1895 г. она проиграла. Недовольство политикой Либеральной партии в обществе было столь велико, что поражение потерпели не только малоизвестные кандидаты, но и видные ее деятели.

В либеральных кругах развернулись дискуссии по таким проблемам, как назначение либерализма в изменившихся условиях, пути и средства сохранения авторитета у избирателей. Эти дискуссии отразили изменения в расстановке политических сил. Увеличение численности электората вовлекло в политическую жизнь средние слои общества и рабочий класс. В то же время реформы способствовали обновлению социального состава партий и формированию нового облика профессионального политика. Хотя большинство лидеров обеих партий и членов кабинетов являлись представителями аристократических кланов и крупной буржуазии, в среде рядовых парламентариев все более весомую роль играли представители буржуазии и люди интеллигентных профессий. В наибольшей мере приток новых сил ощущался в Либеральной партии. Именно они инициировали обсуждение наиболее острых вопросов.

Активно участвовало в полемике правое крыло либералов — *либерал-империалисты*. Они были сторонниками широкой колониальной экспансии и выступали за пересмотр социальной политики. Сущность позиции этого направления заключалась в придании либерализму формы подвижного учения, отвечающего потребностям быстро меняющегося времени, стремлении приспособить либеральную идеологию к новым экономическим, политическим и международным условиям. В отличие от традиционного либерализма, требовавшего пассивности государства, либерал-империалисты настаивали на его активном вмешательстве в дела гражданского общества. Это позволило бы укрепить социальную базу партии, пересмотреть ее позиции в решении социальных проблем и ирландского вопроса.

На рубеже веков Либеральная партия пережила очередной кризис, связанный с глубокими разногласиями в отношении англо-бурской войны. Группа либералов, названная «про-буры», выступила против войны. Лишь к 1905 г. либералы, пережив длительный внутрипартийный кризис, смогли объединиться, победить на выборах и вернуться к власти.

Лидеры консерваторов в последние десятилетия XIX в. также осуществили шаги по организационному оформлению структуры своей партии. Регистрационные общества вошли в Национальный союз консервативных и конституционных ассоциаций, что консолидировало их силы. Организационное строительство стало важным шагом на пути превращения и Консервативной, и Либеральной партий в партии современного типа, структура которых состояла из парламентской фракции, руководящего центра и разветвленной сети низовых организаций.

Активное участие в партийном строительстве принимали признанный лидер консерваторов Б. Дизраэли и молодой энергичный политик Рэндольф Черчилль. Социальным фундаментом партии оставались аристократия, крупные и средние землевладельцы, финансовые круги, англиканское духовенство, средние слои общества. После смерти Б. Дизраэли в 1881 г. главой консерваторов стал маркиз Солсбери, который трижды возглавлял правительства консерваторов. Солсбери продолжил курс на умеренные социальные преобразования и активную колониальную экспансию.

Консервативная партия оставалась более сплоченной, чем Либеральная, хотя и в ней обозначились разные течения. Идею Дизраэли о расширении электората консерваторов за счет привлечения на их сторону рабочих после его смерти отстаивали «молодые тори» — Рэндольф Черчилль и Артур Бальфур. Со своими немногочисленными сторонниками они в 1880 г. образовали в парламенте

группу под названием «четвертой партии», которая просуществовала до 1885 г. По вопросам внешней политики, Англиканской церкви и привилегий палаты лордов они занимали крайне консервативные позиции и выступали против любых перемен. В то же время они были сторонниками всеобщего права голоса и умеренных социальных реформ. Так, они предлагали строить жилища для рабочих на государственные средства. Программа жилищного строительства сыграла немаловажную роль для успеха консерваторов на выборах. Еще одно детище Черчилля — «Лига подснежника» — существует и по сей день. Эта организация была создана в целях налаживания и укрепления связей партии с избирателями.

С Консервативной партией сблизилась либерал-юнионисты. Их лидер Дж. Чемберлен входил в правительства консерваторов в 1895—1903 гг., занимая пост министра колоний. Для преодоления экономических трудностей Британии и предотвращения поступления на ее рынки дешевых товаров из других стран, прежде всего Германии, Чемберлен предлагал вернуться к протекционистской политике. Но эта идея не встретила поддержки в среде консерваторов.

Таким образом, с увеличением численности электората лидеры обеих партий были вынуждены в большей мере учитывать интересы и требования избирателей, от которых зависело достижение большинства в нижней палате и приход победившей партии к власти. Об усилении межпартийной борьбы свидетельствовало обострение противоборства партий во время предвыборных кампаний. А возглавив правительство, они были вынуждены частично осуществлять преобразования.

Рабочее движение. Профсоюзы. В начале XX в. численность рабочих и членов их семей превысила 10 млн человек. Уровень жизни английских рабочих был более высоким, чем работников других стран. Этому в немалой степени способствовал импорт дешевых продуктов питания и рост реальной заработной платы. «Рабочая аристократия» по-прежнему находилась в привилегированном положении, при этом возрастала ее численность.

В жизни рабочих важную роль играли экономические объединения: кассы взаимопомощи, страховые, ссудные товарищества. Они оказывали материальную поддержку тем, кто лишился работы или у кого возникали другие трудности. Активизировалось кооперативное движение в качестве действенного средства взаимной поддержки. Тред-юнионы, узкопрофессиональные союзы, объединяли высококвалифицированных рабочих. Они имели возможность платить большие взносы, а в непредвиденном случае могли рассчитывать на поддержку профсоюза. Долгое время тред-юнионы придерживались невмешательства в политику, а во взаимоотношениях между трудом и капиталом использовали путь переговоров и арбитража. Такая позиция объяснялась сложившимся представлением об общности интересов хозяина и работника. Свою цель профсоюзы видели в улучшении условий жизни и труда рабочих. В 1868 г. создан Британский конгресс тред-юнионов (БКТ), объединивший организации всей страны. Он стал высшим координирующим центром профсоюзного движения.

В 70—90-е гг. XIX в. возникли союзы неквалифицированных рабочих. Этот «новый юнионизм» привел к увеличению численности профессиональных организаций с 900 тыс. до 2 млн членов, положив начало массовому профсоюзному движению. К 1914 г. в профсоюзах насчитывалось 4 млн человек.

Распространенной формой борьбы за повышение заработной платы и улучшение условий труда оставались стачки. Продолжалась также и борьба за сокращение рабочего дня.

Правительство было вынуждено идти на уступки. С 1875 г. вступил в силу «Акт о фабриках», он установил рабочую неделю в 56,5 часа для всех рабочих.

В 1894 г. введена 48-часовая трудовая неделя для докеров и рабочих военных заводов. В 1872 г. приняты законы, регулировавшие труд в добывающей промышленности страны. Законы 1875, 1880, 1893 гг. ввели ответственность предпринимателей за производственный травматизм. В 1887 г. закон запретил выдачу заработной платы товарами.

Таким образом, рабочее движение носило преимущественно экономический характер и в этом направлении достигло определенных завоеваний. Вместе с тем у рабочих сохранялось стремление добиваться политических целей. Оно проявилось в борьбе за избрание в парламент рабочих депутатов. После парламентской реформы 1867 г. для продвижения рабочих в депутатский корпус создана Лига рабочего представительства. На выборах 1874 г. впервые были избраны два депутата от рабочих. Парламентарии не получали жалования, поэтому рабочие могли избираться лишь при финансовой поддержке Либеральной, как в данном случае, либо Консервативной партии, которые могли поддержать их материально на весь срок полномочий парламента. Это ставило рабочих депутатов в зависимость от партий.

Социалистические организации. Идеи марксизма не получили широкого распространения в Британии. В конце 1880-х гг. все социалистические организации насчитывали менее 2 тыс. человек, хотя впоследствии наметился значительный рост.

В 1881 г. образована Демократическая федерация. Через три года ее название было изменено на Социал-демократическую федерацию (СДФ). В целом к реформам социалисты относились негативно, полагая, что улучшение жизни работника лишь отодвинет наступление революции. В 1884 г. в Федерации произошел раскол, из нее вышла группа марксистов.

В 1886–1887 гг. СДФ поддержала движение безработных, надеясь на близкую революцию. Последовавшее оживление экономики привело к сокращению числа безработных и уменьшению социальной напряженности. Федерация отказалась от совместных действий с профсоюзами. Основной акцент в своей деятельности она сделала на пропаганду и направила усилия на увеличение собственных рядов.

Группа марксистов, покинувшая СДФ, в 1884 г. образовала Социалистическую лигу. Ее руководителем стал поэт и живописец Уильям Моррис. В Лиге достаточно сильно было представлено анархистское течение, отрицавшее политическую борьбу. На первый план Социалистическая лига выдвигала просветительскую, образовательную деятельность.

Первая попытка объединения разрозненных социалистических организаций существенно не изменила ситуацию. В 1890 г. на конференции, в работе которой принимали участие Центральный комитет по проведению дня 1 мая¹¹, ряд социалистических обществ, тред-юнионы и радикальные клубы, была учреждена «Лига борьбы за установленный законом 8-часовой рабочий день и международная рабочая лига». Участники конференции приняли устав новой организации. Лига стала, по сути, столичной организацией, а ее руководство видело главную цель в проведении первомайских выступлений.

Более заметную роль в жизни Британии сыграло созданное в 1884 г. Фабианское общество, именовавшееся так в память римского полководца Фабия Максима, прозванного Кунктатором (Медлителем): члены общества придерживались тактики медленного продвижения к намеченной цели. Через некоторое

¹¹ О событиях, в память которых 1 мая было признано социалистами международным днем борьбы за рабочее законодательство, см. в главах о США и международном социалистическом движении (*ред.*).

время в общество вступили начинающий литератор Джордж Бернард Шоу, который стал главным пропагандистом идей Общества, а также чиновник министерства колоний Сидней Вебб, его жена Беатриса, Герберт Уэльс. Вебб уделял основное внимание разработке теоретических вопросов. Социализм он понимал как длительное постепенное развитие уже наметившихся тенденций установления государственного или муниципального контроля над отраслями хозяйства. Процесс концентрации капитала и создание акционерных обществ он рассматривал как шаг на пути к социализму.

Фабианцы не приняли принципиальных постулатов марксизма. В противоположность К. Марксу они полагали, что борьба в обществе происходит не между трудом и капиталом, а между подавляющим большинством и горсткой тех, кто присваивает доходы (ренту). Исходя из этого постулата, они утверждали, что совместными силами надо отобрать ренту у богатей и предоставить ее в распоряжение всего общества, и это приведет к наступлению социализма.

В своей пропаганде фабианцы обращались к предпринимателям, торговцам и рабочим, страдавшим, по их мнению в равной мере, от земельной и капиталистической монополии. Они полагали, что никто в обществе не настроен против социализма, за исключением лендлордов и горстки буржуазии.

Особое место фабианцы отводили муниципалитетам. Городские органы власти должны были способствовать расцвету городских предприятий, увеличению общественной собственности. Тем самым будет решаться проблема «социализации промышленности». Позднее Вебб скорректировал это положение: коллективная собственность будет установлена там, где это целесообразно. Взгляды Вебба предопределили тактику фабианцев, которая состояла в «пропитывании» либералов и консерваторов социалистическими идеями. Они использовали традиционные для Британии методы пропаганды: выступления на митингах, чтение лекций, публикацию памфлетов, выпуск листовок и т.д. В конце 1880 — начале 1890-х гг. фабианизм переживал расцвет. Идеи муниципального социализма привлекли мелкую буржуазию и рабочих. В стране было создано более 70 отделений общества. Фабианцы выступали с проповедью «малых» дел, уделяя внимание образованию и просвещению.

С 1893 г. фабианцы отказались от тактики «пропитывания» и выступили с резкой критикой правительства Гладстона. Его поражение на парламентских выборах 1895 г. они восприняли как завершение истории Либеральной партии. С этого времени они приступили к проповеди «эволюционного социализма» в рабочей среде. Особое место в это время занимает проблема рабочих представителей в парламенте. Там, полагали фабианцы, они должны отстаивать интересы своего класса, прислушиваясь к мнению избирателей из среды среднего класса.

В январе 1893 г. образовалась Независимая рабочая партия (НРП). Ее создателем и лидером стал социалист Джеймс Кейр Гарди. Революцию он понимал как переворот в общественном сознании, а социализм как разновидность религии, вопрос этики и морали.

Развернутая программа НРП главной целью провозглашала установление коллективной собственности на средства производства, распределения и обмена. Партия ориентировалась на реформы. Ее программа содержала требования всеобщего избирательного права, оплаты предвыборных расходов кандидатов, сокращения срока полномочий парламента, ликвидации монархии и палаты лордов, проведения всенародных референдумов для решения важнейших вопросов. Деятельность НРП была направлена на борьбу за места в палате общин.

Создание Лейбористской партии. Разочарование в политике Либеральной партии обострило проблему самостоятельного представительства рабочих и учреждения их собственной партии.

В 1891 г. Гарди выступил с идеей создания материальной базы для рабочих-парламентариев в виде особого фонда, а затем и обособления независимой рабочей группы в парламенте. В 1892 г. в парламент были избраны три «независимых» кандидата. Одним из рабочих представителей был сам Гарди. Выходец из рабочей семьи, любознательный и трудолюбивый, он упорно занимался самообразованием, участвовал в работе профсоюза горняков, впоследствии издавал журнал. На выборах в парламент он обещал поднять самые «больные» вопросы для трудящихся: о безработице, низкой заработной плате, плохих жилищных условиях.

Поражение социалистов на выборах 1895 г. заставило их пересмотреть социальные разделы своих программ, включить в них требования улучшения жизни рабочих (сокращение продолжительности рабочего времени, строительство дешевых домов для рабочих семей, выплата пособий по безработице и по болезни). Таким образом они пытались привлечь на свою сторону основную массу избирателей — рабочих.

Особое место заняла проблема изменения тактики на парламентских выборах. Разрозненные партии выдвигали своих кандидатов, которые иногда вступали в избирательную борьбу друг с другом или же с представителем местных профсоюзов. Это создавало враждебность в их взаимоотношениях, усиливало разобщенность, вело к поражениям и потере авторитета у избирателя. Так на первый план вышел вопрос об объединении НРП, СДФ, других групп и обществ. Объединительный процесс стихийно осуществлялся в регионах, когда члены НРП и СДФ объединялись для участия в местных выборах.

Реальные действия по консолидации всех сил первым предпринял секретарь НРП Том Манн в 1895 г. Фабианцы одобрили идею. Однако объединению СДФ и НРП мешали теоретические разногласия и личная неприязнь лидеров. Возникавшие в округах избирательные объединения членов СДФ и НРП вынудили руководство предпринять шаги к сближению.

27 февраля 1900 г. в Лондоне состоялся учредительный съезд Комитета рабочих представителей (КРП). Комитет был создан на основе федеративного и индивидуального членства, что позволило преодолеть разногласия по идейным и стратегическим вопросам. Всего в КРП вошло более 370 тыс. членов. Задачей Комитета стало составление единого списка кандидатов для всех вошедших в КРП организаций.

На ближайших выборах от КРП участвовало 15 кандидатов, из которых прошло в парламент только 2. Эти результаты свидетельствовали о невысокой популярности новой организации. Ситуация стала меняться с наступлением на завоеванные права трудящихся. Начало положило «дело Таффской долины», когда суд обязал профсоюз оплатить убытки хозяев, понесенные ими в связи с забастовкой рабочих. Это «дело» убедило рабочих в необходимости иметь своих представителей в парламенте и самим влиять на социальную политику правительства.

В 1905 г. КРП переименован в Лейбористскую партию, которая сохранила структуру КРП. В 1906 г. в Лейбористскую партию входило более 900 тыс. человек, на выборах было выдвинуто 50 кандидатов, из которых 29 прошли в палату общин. В выборах 1910 г. участвовало 78 кандидатов, они получили 40 мест. Партия быстро превращалась в важный фактор политической жизни страны.

Великобритания в начале XX в. Конституционный кризис и реформа палаты лордов. В 1901 г. скончалась королева Виктория. Со смертью королевы завершилась длительная эпоха в истории страны, названная ее именем — «викторианская эпоха». На трон взошел ее шестидесятилетний сын Эдуард VII.

На рубеже веков у власти находилось коалиционное правительство консерваторов и либерал-юнионистов, которое возглавлял маркиз Солсбери. В 1902 г.

немолодой и больной Солсбери ушел в отставку. Его преемником стал лидер консерваторов, лорд казначейства Артур Бальфур. Правительство приняло новый закон об образовании, который передал школы в ведение органов местного самоуправления.

В 1903 г. коалиция консерваторов и либерал-юнионистов распалась. Причиной послужил вопрос о тарифной политике. Чемберлен настаивал на введении протекционистских пошлин для защиты рынков Британии и ее владений от проникновения дешевых товаров других европейских стран, в особенности Германии. Осуществление этой меры грозило повышением цен на продукты питания, а также могло спровоцировать недовольство мелких и средних предпринимателей. Отказ Бальфура вернуться к покровительственным пошлинам послужил причиной ухода из правительства Чемберлена. Вслед за ним консерваторы покинули сторонники Чемберлена. Это ослабило консервативное правительство. В 1905 г. Бальфур был вынужден подать в отставку.

Либеральная партия в начале XX в. сумела преодолеть кризис и консолидировать свои ряды вокруг либерал-империалистов, сторонников активной внешней и колониальной политики, а также социальных реформ. В 1905 г. она одержала внушительную победу на выборах. Либералы получили 400 из 670 мест в нижней палате. Они приступили к осуществлению преобразований социального характера, обещанных их предвыборной программой. Акт о конфликтах в промышленности 1906 г. предоставил тред-юнионам большую свободу в проведении забастовок. В том же году школьные управления получили возможность выдавать бесплатные завтраки детям. В 1907 г. введен надзор за состоянием здоровья школьников.

С 1908 г. кабинет возглавил либерал-империалист Герберт Генри Асквит. Он родился в 1852 г. в небогатой семье. Окончив Оксфорд, занялся адвокатской практикой. В парламент избирался с 1886 г. от Либеральной партии. В 1892—1995 гг. занимал посты министра внутренних дел, а затем министра финансов.

Важнейшими направлениями деятельности правительства Асквита стали подготовка к надвигающейся войне и продолжение политики социальных реформ. В 1908 г. установлены пенсии для рабочих, достигших 70 лет, и введен 8-часовой рабочий день для горняков. В 1909 г. министр финансов Дэвид Ллойд Джордж представил бюджет, обсуждение которого имело далеко идущие последствия.

Д. Ллойд Джордж — один из ярких политиков молодого поколения, имел репутацию бунтаря благодаря резкой критике лендлордов, требованию сокращения расходов королевской семьи, выступлениям против англо-бурской войны. Он родился в Уэльсе, рано потерял родителей, воспитывался дядей, который владел небольшой мастерской. Благодаря самостоятельному изучению юриспруденции сумел овладеть знаниями и поступить в адвокатскую контору. В 1890 г. впервые избран в парламент.

Бюджет Ллойда Джорджа, названный им «народным», предусматривал рост военных расходов и дальнейшие социальные преобразования. Предлагалось ввести государственное страхование рабочих от безработицы и по болезни. Осуществление новых расходов должно было идти за счет средств из взносов самих работников, предпринимателей и государства. Бюджет предусматривал также дальнейшее увеличение старых и введение новых налогов — в том числе на роскошь, на наследство и на пустующие земли лендлордов. Поначалу намечалось незначительное увеличение бюджета за счет поступлений от нововведений. Однако землевладельцы расценили эти статьи бюджета как покушение на основы существования землевладения. Верхняя палата отвергла бюджет, что и вызвало конституционный кризис.

Финансовые вопросы, в том числе и разработка бюджета, традиционно относились к компетенции палаты общин. С 1860 г. лорды не отклонили ни одного финансового билля. Их вмешательство спровоцировало обострение недовольства верхней палатой. Палата общин была распущена и объявлены выборы. Началась борьба за законодательное оформление исключительного права нижней палаты на решение финансовых вопросов и упразднение права верхней палаты отклонять любые законопроекты. Предвыборная кампания оказалась длительной и напряженной.

К этому времени либерал-юнионисты объединились с консерваторами по вопросу о реформе тарифов. Протекционистские меры они выдвинули в качестве альтернативы бюджету либералов. Бюджет Ллойд Джорджа они считали попыткой насадить социализм в стране. Достаточно успешно они использовали в своей кампании предполагавшееся повышение цен на продукты питания, удачно обыграли в предвыборной пропаганде появившиеся в прессе утверждения, будто Германия намерена разрушить Британскую империю.

Выборы в январе 1910 г. привели к существенному сокращению либерального большинства. Либералы получили 275 мест, а блок консерваторов и юнионистов — 273. В этой ситуации возрастала роль ирландских депутатов и лейбористов для сохранения либерального большинства в палате.

В разгар кризиса умер Эдуард VII, а трон перешел к его сыну Георгу V. Молодой, еще не имевший политического опыта монарх оказался в крайне затруднительном положении. Он попытался достичь примирения сторон, однако его усилия остались безрезультатными.

Партийные лидеры не смогли достичь компромисса по ключевым вопросам о палате лордов, тарифной реформе и обороне. Лорды также заняли непримиримую позицию в этих вопросах. Разлад в верхах способствовал разобщенности в стране и привел к усилению недовольства в обществе. В этот период нарастает забастовочное движение, активизируется крайнее направление движения женщин за избирательные права, обострится проблема Ольстера — протестантского анклава в католической Ирландии.

Новые выборы в декабре 1910 г. драматически осложнили соотношение политических сил в парламенте. Либералы и консерваторы получили равное число мест. Голоса ирландцев и представителей Лейбористской партии (соответственно 84 и 42) приобрели решающее значение. Либералы выдвинули программу реформирования верхней палаты и внесли соответствующий билль. В ответ консерваторы предложили проведение народного референдума в качестве единственного выхода из кризисной ситуации.

Вплоть до августа 1911 г. верхняя палата сопротивлялась принятию билля. Парламентские баталии сопровождались дальнейшим усилением напряженности в обществе, которое было расколото вопросом о реформе. По стране прокатилась волна забастовок и митингов.

Принятый в 1911 г. закон явился логическим итогом проведенных в XIX столетии преобразований и ознаменовал завершение демократизации британской политической системы нового времени. Верхняя палата была лишена права рассматривать финансовые билли, в отношении других законопроектов за ней сохранялось лишь задерживающее вето. В том случае, если на трех сессиях подряд законопроект одобрялся нижней палатой, но проваливался в верхней палате, он поступал на подпись к монарху, минуя палату лордов. Таким образом, палата лордов отныне могла лишь затормозить, отсрочить на непродолжительное время принятие законопроекта. Постепенное сокращение влияния палаты лордов, которое происходило с каждой парламентской реформой, привело к оформлению законом создавшегося положения в соотношении сил обеих па-

лат. Выборная нижняя палата добилась законодательного закрепления за ней важнейших функций, связанных с утверждением финансовых биллей. Кроме того, срок полномочий парламента был сокращен с 7 до 5 лет, а депутаты стали получать жалованье.

В 1912 г. в парламенте были рассмотрены законы об упразднении государственного статуса Англиканской церкви в Уэльсе и введении гомруля в Ирландии. В Ирландии предполагалось создать двухпалатный парламента, который должен был решать местные дела. Управление наиболее важными государственными делами по-прежнему оставалось бы в руках центра. Он также получал право вето на все акты, которые могли вызвать недовольство в Лондоне. При этом реформа не распространялась на графства Ольстера. Законопроект о гомруле верхняя палата отклонила. Однако он мог вступить в силу через три сессии в случае его одобрения нижней палатой. Предстоящие перемены негативно восприняли как сторонники полной независимости Ирландии, так и юнионисты, противники гомруля. И те и другие стали объединяться и вооружаться.

Итак, рубеж XIX—XX столетий и предвоенные годы ознаменовались важными сдвигами в политической сфере, которые подвели своеобразный итог политического развития Британии в Новое время. Прежде всего, необходимо отметить создание Лейбористской партии. Это событие отразило трансформацию представлений народа об избирательном праве, месте выборного представительного органа в его жизни. Отказ от насильственных методов борьбы за осуществление социальных преобразований, избрание пути парламентских реформ свидетельствовали о значительном углублении правового и гражданского сознания в британском обществе.

Не менее важным стало объединение либералов и их приход к власти, а затем и проведение важных социальных преобразований, что завершило на этом этапе истории страны трансформацию государственной власти, обретение ею социальных функций.

Как завершающий этап парламентских реформ XIX в. необходимо рассматривать и ограничение прав верхней палаты. Постепенное возвышение и усиление роли выборной палаты вылилось в реформу палаты лордов, потерявшей право вето.

Внешняя и колониальная политика. Обладание империей, которая раскинулась на четырех континентах, обусловило тесную взаимосвязь внешней и колониальной политики Великобритании.

В последние десятилетия XIX в. британская внешняя политика в Европе определялась принципом «блестящей изоляции», т.е. отказа от долговременных союзнических обязательств. Между тем активное вмешательство России в события на Балканах и ее продвижение в Средней Азии, а также столкновение интересов с Францией в Африке вызвали стремление Британии ослабить их влияние. Возникавшие в Европе кризисы правящие круги стремились использовать для укрепления позиций государства. Так был приобретен стратегически важный о-в Кипр в Средиземном море.

В пределах империи политика по-прежнему носила различный характер. В отношении переселенческих колоний возобладал курс на предоставление им самоуправления, утверждение принципа ответственности правительства перед местными выборными ассамблеями, т.е. постепенного превращения в доминионы. Военная реформа У. Гладстона 1871 г. коснулась и переселенческих владений. Реформа переложила заботу по охране колоний на плечи самих колонистов. Ее цель состояла в сокращении государственных расходов. Одновременно она была направлена на укрепление военно-морских сил, создание мобильного флота, способного нести охрану обширных владений.

В последней трети XIX в. Великобритания вела агрессивную политику в Азии и Африке, расширяла подвластные территории и сферу своего влияния. В 1875 г. по решению Б. Дизраэли у египетского правителя (хедива) куплены акции Суэцкого канала, что позволило полностью контролировать важнейший стратегический объект на путях в Индию. В конце 70-х гг. расширены владения на огромной территории в бассейне р. Нигер.

Правительство У. Гладстона, пришедшее к власти в 1880 г., завершило оккупацию Египта в 1882 г. и Сомали в 1884 г. В 90-е гг. англичане окончательно закрепились в Кении и Судане. Британская Южноафриканская компания и ее активный деятель Сесил Родс предприняли захват территорий к северу от Капской колонии, названных затем по его имени Родезией. Родс вынашивал план создания единого британского пространства от Каира до Кейптауна.

В Азии продолжалось дальнейшее расширение британских владений. В 1879 г. установлен протекторат над Афганистаном. В Китае британцы утвердились в бассейне р. Янцзы с Шанхаем, а также в провинции Гуандун и Кантоне. В 1885 г. в целях «обороны Индии» захвачена Верхняя Бирма, в 1893 г. — Западный Сиам. Одновременно захватывались многочисленные острова Тихого океана.

К концу века площадь владений Британии достигла 33 млн кв. км, а население составляло 370 млн человек — четверть жителей земного шара. Термин «Британская империя» стал употребляться официально.

Имперская проблема занимала весомое место не только во внешней политике, но и в общественно-политической жизни Англии. В 1876 г. королева Виктория провозглашена императрицей Индии. В 50-летнюю годовщину ее правления (1887) состоялась первая имперская конференция, в которой принимали участие представители доминионов. С 1897 г. они созывались регулярно на имперские конференции. В стране создавались общества по изучению различных аспектов колониальной проблематики: Лига имперской федерации (1884), Лига имперской торговли (1891), Британская имперская лига (1893) и др. Официальные круги, пресса и публицисты формировали общественное мнение в духе шовинизма, идей превосходства английской нации, ее «гуманности» по отношению к народам колоний. В то же время превозносились успехи экспансии, создавался образ сильной личности колонизатора.

Либеральная публицистика акцентировала внимание на морально-религиозных аспектах «цивилизаторской миссии» британцев. Консервативная пресса в обоснование необходимости расширения владений прибегала к экономическим и военно-политическим доводам. Политиками и учеными (Дж. Чемберлен, Дж. Фруд и др.) разрабатывалась идеология британского колониализма, одной из опор которой стал социал-дарвинизм, применивший биологическую теорию «борьбы за существование» к социальным процессам. Откровенная пропаганда привела к разжиганию шовинистических и имперских настроений в обществе, которое приветствовало «успехи» в Азии и Африке по захвату территорий.

Колониальная экспансия протекала в столкновениях интересов Англии и других стран в Азии и Африке. В Судане французы отступили из-за угрозы британского правительства объявить войну Франции, а вооруженные экспедиции Англии и Франции в Сиам завершились в 1896 г. разделом сфер влияния в этой стране. Соперничеством отличались и отношения Англии с Германией, которая приняла участие в разделе африканских земель. Англо-русские противоречия обострялись на Среднем Востоке. Таким образом, столкновения интересов вызывали ухудшение взаимоотношений с другими государствами и не всегда разрешались мирным путем. Попытка расширить владения в Южной Африке

привела к войне с республиками Трансвааль и Оранжевая (1899—1902), населенными потомками выходцев из Голландии — бурами. Затяжная, кровопролитная англо-бурская война дорого обошлась Британии, понесшей как людские потери, так и огромные финансовые затраты. В мире война вызвала всеобщее осуждение.

В новой международной обстановке дальнейшее проведение политики «блестящей изоляции» не отвечало интересам страны. Перед Британией вставал вопрос о поиске союзников.

С воцарением Эдуарда VII внешнеполитический курс Британии претерпел существенные изменения. Активно проводил новый курс А. Бальфур, который был инициатором заключения договора о союзе с Японией в 1902 г. По договору Британия оказала финансовую поддержку Японии, которую та использовала в борьбе против России, а также добилась нейтральной позиции Японии по отношению к усилению влияния британцев в Китае.

В 1904 г. подписано соглашение с Францией о разделе сфер влияния в Африке. Тем самым было достигнуто «сердечное согласие», которое урегулировало противоречия, осложнявшие отношения двух стран. В связи с возраставшей активностью Германии Франция и Великобритания в 1906 г. заключили договор о военном сотрудничестве.

В 1907 г. подписано соглашение с Россией о разделе сфер влияния в Персии и признании Афганистана сферой интересов Британии. Это соглашение завершило формирование союза, получившего название Антанта.

Глава 26 ФРАНЦИЯ 1870–1914 гг.

Революция 4 сентября 1870 г. и провозглашение Республики. Поражение Франции в войне с Пруссией и другими германскими государствами положило конец Второй Империи. Инициатором франко-прусской войны 1870–1871 гг. выступила Франция, которую беспокоила нарастающая мощь ее ближайшего соседа Пруссии. Вторая причина, побудившая бонапартистское правительство начать эту войну, была связана с надеждой на то, что, победив, оно сумеет избавиться от либерального правительства Э. Оливье, в котором было немало противников войны.

Франция вступила в войну гораздо хуже подготовленной, чем Пруссия. Первые ее поражения последовали вскоре после объявления войны (19 июля 1870 г.). 4 августа корпус маршала Мак-Магона был разбит в Верте, 6 августа — корпус Фроссара в Форбахе, и уже 8 августа в «Таймс» появилось сообщение о победе Пруссии. Правда, в районе Меца, где развернулись наиболее ожесточенные бои, 14 августа в сражении при Борни-Нуазвилле французам удалось потеснить врага. Удачно действовала 16–18 августа дивизия Сиссея в местечке Сен-Прива, но ее успех не сумел закрепить нерешительный командующий армией маршал Базен, предпочтя укрыться в Меце в ожидании прихода ему на выручку Мак-Магона. Впоследствии Базена судили за это решение, обвинив в предательстве. Между тем Мак-Магон 30 августа понес очередное поражение при Бомоне, а 1 сентября был разбит при Седане и сдался в плен с 82-тысячной армией. Среди пленников был и император Наполеон III. А 27 октября в Меце со 180-тысячной армией капитулировал Базен.

Узнав о пленении императора, 4 сентября 1870 г. в Париже депутаты парламента создали Временное правительство *национальной обороны*. «Люди 4 сентября» (либеральные республиканцы Араго, Кремье, Фавр, Гамбетта и др., социалист А.Рошфор) взяли курс на создание республики легальным путем. Пообещав командующему парижским военным гарнизоном генералу Трошию, что республика будет защищать собственность, семью и религию, члены Временного правительства заручились и его поддержкой.

Действовать правительству пришлось в условиях, когда враг вплотную приблизился к столице Франции, осадил ее и начал наносить бомбовые удары. Пытаясь спасти положение, 9 октября министр внутренних дел Гамбетта вылетел на воздушном шаре из осажденного Парижа в Тур (там он стал также министром обороны), чтобы сформировать Луарскую армию. Ему удалось сплотить под своими знаменами 4-тысячное войско, но усилия французоз не увенчались успехом (28–30 октября провалилась попытка прорвать блокаду Парижа под Бурже, 5 декабря пал Орлеан, 11–12 января 1871 г. французы были разбиты около города Ле Манн). В результате 28 января 1871 г. Временное правительство заключило в Париже перемирие с Германией, незадолго до этого объединившейся.

С правительством, которое считалось временным, Бисмарк не хотел подписывать мирный договор, поэтому правительство национальной обороны назначило парламентские выборы на 8 февраля 1871 г. Эти выборы, проходившие по департаментским партийным спискам, принесли поражение республиканцам, получившим 150 депутатских мест, в то время как большинство голосов и 400 депутатских кресел получили монархисты. Выявился парадоксальный факт: республиканцы создали режим, в управлении которым электорат им отказал.

Однако монархисты раскололись и не сумели воспользоваться плодами своей победы. Главной причиной их раскола был не столько личный мотив (легитимисты поддерживали кандидатуру представителя династической ветви Бурбонов — графа де Шамбора, которого хотели короновать под именем Генриха V, а орлеанисты — потомка Орлеанской ветви графа Парижского, под именем Филиппа VI), сколько расхождение по поводу сущности монархической власти. Легитимисты продолжали настаивать на признании ее божественного характера, как это было во времена Старого Порядка, что в новых реалиях было несовместимым с пропитавшей общественное сознание Франции идеей суверенитета нации. Орлеанисты выглядели более лояльными по отношению к идейному наследию революции 1789 г. и поддерживали принцип избрания «короля всех французов» как выразителя воли нации. В результате, не сумев договориться между собой, большинство монархистов пошло на компромисс с либеральными республиканцами, доверив власть А. Тьеру. Парламент (Национальная Ассамблея), собравшись на свое первое заседание 17 февраля 1871 г. в Бордо, присвоил ему титул «глава исполнительной власти Французской республики». Так во Франции возникла *республика консерваторов*, в которой еще не было поста президента и существовала гипотетическая возможность реставрации монархии. Заключив с парламентским большинством так называемый «пакт Бордо», Тьер пообещал сконцентрировать внимание на достижении мира с Германией, обеспечении порядка и подъема в стране и не начинать конституционных дебатов. Его правительство *национально-го единства* состояло из трех легитимистов, двух орлеанистов, одного бонапартиста и трех республиканцев (Ж. Фавр, Ж. Симон и Э. Пикар).

26 февраля в Версале Ж. Фавр и О. Бисмарк подписали предварительный мирный договор. По его условиям от Франции отторгались Лотарингия и Эльзас, за исключением городов Бельфор и Мозель. Она должна была выплатить Германии военную контрибуцию в размере 5 млрд франков золотом (но потом Тьер добился понижения суммы на один миллион). До выплаты контрибуции германские войска оставались на французской территории. 1 марта 30 тыс. солдат вошли в Париж и заняли часть города. Согласно декрету нового правительства от 10 марта, местопребыванием его, как и Национальной Ассамблеи, стал Версаль. Окончательно мирный договор по итогам войны был подписан во Франкфурте 10 мая 1871 г.

Парижская коммуна. «Республика консерваторов» (1871–1873 гг.). Рядовые жители Парижа из рабочих и мелкой буржуазии, на плечи которых легли тяготы войны и осады столицы, были крайне разочарованы политикой «людей 4 сентября» (Ж. Ферри, отвечавшего за материальное обеспечение столицы, прозвали «Голод Ферри»). Они были недовольны также и результатами выборов в Национальную Ассамблею. 8 февраля 1871 г. столица проголосовала за демократически настроенных республиканцев (Леона Гамбетту, Луи Блана, Виктора Гюго и Эдгара Кине). Представители «народного» Парижа вошли также в состав Центрального комитета национальной гвардии, избранного 10 марта. Опасаясь народных волнений, Тьер приказал изъять у национальной гвардии принадлежавшие ей пушки, собранные на высотах Монмартра. Правительственные войска попытались это сделать 18 марта. Но началось братание солдат с национальными гвардейцами. Солдаты не повиновались приказу генерала Леонта стрелять в толпу, а расстреляли его и генерала Тома.

Тьер поспешно вывел оставшиеся верными части, полицию, административных служащих из столицы в Версаль. А в Париже власть перешла в руки Центрального комитета национальной гвардии. 26 марта были проведены выборы в Совет Коммуны (из 78 человек), который стал одновременно и законодательным корпусом, и высшим правительственным органом. В состав Совета

вошли представители различных революционных течений: якобинцы, бланкисты (сам Бланки был арестован 17 марта в провинции), представители секций I Интернационала. Самыми выдающимися из них были ветераны революции 1848 г. Делеклюз и Пиа, а также социалисты Варлен, Э. Вайян, Малон и Франкель, бланкист Эд. В Совете состояли также живописец Курбе, известные революционные публицисты и агитаторы Валлес, Верморель, Флуранс.

Действия коммунаров во многом вдохновлялись идеями периода якобинской диктатуры 1793—1794 гг. Они вернули революционный язык, приняли красное знамя, снова попытались ввести республиканский календарь. Главным программным документом коммунаров стала «Декларация к французскому народу», принятая 19 апреля. В ней провозглашались такие положения, как создание демократической республики; прямые выборы правительства; ответственность депутатов перед избирателями; выборность чиновников; введение светского, бесплатного и обязательного образования, прогрессивного налога и отказ от постоянной армии.

Коммунары приняли ряд декретов по социальной политике. В частности, жителям столицы разрешалось не платить квартплату за период с октября 1870 по июль 1871 г., были отсрочены платежи по векселям, приостановлена продажа просроченных закладов в ломбард. Запрещались вычеты из заработной платы, ночная работа в пекарнях. Коммуна уравнила в правах законно- и незаконнорожденных детей, декретировала отделение церкви от государства, а церковные имущества объявила народной собственностью. Важный декрет был издан 16 апреля. Согласно ему, все промышленные предприятия, покинутые владельцами, передавались ассоциациям трудящихся (хотя за владельцами сохранялось право на вознаграждение). Однако сами коммунары не ставили своей целью свергнуть существующий во Франции строй, пытались придать легитимный характер своим действиям и обеспечить порядок. Они добивались освобождения Парижа от «опеки центральной власти» и превращения Франции в федерацию автономных коммун. Слабостью Коммуны было то, что среди членов ее Совета, кроме революционных агитаторов, не было ни даровитых военачальников, ни испытанных государственных деятелей. Кроме того, она не нашла поддержки со стороны провинции.

Тем не менее существование Парижской коммуны грозило Франции гражданской войной. Речь шла о войне между революционными и консервативными республиканцами за республику демократическую или консервативную, а образно говоря — за республику «красного или трехцветного знамени». Правительственные войска по приказу Тьера 21 мая пошли на штурм Парижа, учинив жестокую расправу над коммунарами. 30 тыс. защитников Коммуны было убито, 36 тыс. арестовано, тогда как со стороны правительственных войск насчитывалось 1 тыс. 200 убитых. Официально подавление Коммуны продолжалось до 28 мая, дня, когда над столицей вновь взвилось трехцветное знамя, но коммунары преследовались властями еще десять лет и были амнистированы лишь по закону от 11 июля 1880 г. Подавление Коммуны породило надежду на возможность укрепления во Франции консервативной республики.

От консервативной республики к «республике республиканцев» (1873—1879 гг.). Перегруппировка политических сил. После подавления Парижской коммуны в политической жизни Франции началась решающая схватка за власть между монархистами и республиканцами. При этом и те, и другие объединяли под своими знаменами носителей нескольких политических тенденций.

Республиканцев роднили требование политических свобод, антиклерикализм и вера в то, что в основе политической жизни должно быть волеизъявление народа. По другим вопросам они разделились на *демократов* (но и те не

были едины, а размежевались на два течения: *крайне левых*, сплотившихся вокруг Луи Блана и придававших первостепенное значение решению социальных вопросов, и *гамбеттистов*, объединенных в группу «*Республиканская левая*» под лозунгом сильной власти в якобинском духе) и *либералов* — приверженцев парламентской республики, составивших группу «*Республиканский союз*» во главе с Ж. Греви и Ж. Ферри.

Монархисты были представлены тремя «политическими семьями». К «*чистым монархистам*» (*роялистам*) относилось большинство сторонников Бурбонов или легитимистов, но и в их рядах уже появились готовые в принципе пойти на признание парламентского режима во Франции. Монархисты-орлеанисты готовы были принять также и республику правого толка. Особняком от них стояли *бонапартисты*, объединившиеся в 1872 г. в группу «*Призыв к народу*» во главе с Руэ.

Между этими республиканцами и монархистами находились политические группировки *центра* — *левого* и *правого*. Первый представляли сторонники Тьера — крупная буржуазия, готовая поддержать либо конституционную монархию, либо консервативную республику. Во втором, ведомом сначала Сен-Марком Жирарденом, а потом графом Одиффре-Паскье, находились те орлеанисты и легитимисты, которые не желали присоединиться к Республике. Таким образом, с первых шагов Третьей республики во Франции закладывались основы такой и по сей день не утратившей значения специфической черты ее политической структуры, как *многопартийность*.

Подавляющее большинство консервативных республиканцев ратовало за создание в стране конституционной монархии английского образца, поэтому Национальная Ассамблея в 1873 г. приняла закон Риве о введении для Тьера поста президента республики, но наделила его временными полномочиями. Он посчитал этот закон унижительным и подал в отставку. Вместо Тьера президентом был избран маршал Мак-Магон, сформировавший правительство «*общественного порядка*» из легитимистов, орлеанистов и одного бонапартиста. Роялисты воспрянули духом в надежде на реставрацию монархии, так как с избранием Мак-Магона началось наступление на республиканские завоевания. Республиканская пресса преследовалась, укреплялось влияние католической церкви. Мак-Магон всячески старался оттянуть конституционные дебаты в Национальной Ассамблее. В целях укрепления консервативного характера республики был создан Сенат.

Однако Франция все больше дрейфовала в сторону республики. 30 января 1875 г. Национальная Ассамблея проголосовала за избрание совместно с Сенатом президента республики. Этот день официально считается днем провозглашения во Франции Третьей республики. Но оставалась она еще *республикой консерваторов*. Между февралем — ноябрем 1875 г. парламент принял три закона, институционально закрепивших республиканский строй. Первый определял компетенцию президента в качестве наделенного широкими полномочиями главы исполнительной власти. Он назначал министров и возглавлял их Совет, мог распустить палату депутатов по согласованию с Сенатом, издавал законы и мог потребовать от палаты депутатов их повторного обсуждения, наконец, он обладал правом помилования и заключения международных договоров. Мак-Магон должен был оставаться на посту президента до 1880 г. Второй закон касался Сената. Во-первых, для сенаторов назначался возрастной ценз — 40 лет; во-вторых, вводилась квота 75 пожизненных сенаторов (первый раз их назначала Национальная Ассамблея, а затем они должны были кооптироваться Сенатом); в-третьих, 225 сенаторов избирались коллегией выборщиков на 9 лет с условием обновления каждые три года на треть. В эту коллегию входили от де-

парламентов депутаты, генеральные, окружные советники, а также представители от муниципальных советов. Третий закон определял полномочия Национальной Ассамблеи. Ее депутаты избирались прямым всеобщим голосованием на 4 года. Голосовать могли только мужчины, достигшие 21 года, при условии, что отслужили в армии и проживали во Франции минимум 6 месяцев. Депутатом можно было стать, начиная с 25 лет. Выборы в нижнюю палату Национальной Ассамблеи производились не по департаментским партийным спискам, а по одномандатным округам, в каждом из которых состязались разные кандидаты и депутатом от округа становился тот из них, кто получал наибольшее количество голосов.

Республиканцы начали стремительно набирать политический вес в стране. После выборов 1876 г. в Национальной Ассамблее они получили 360 мест против 150 оставшихся у консерваторов. В январе 1878 г. республиканцы выиграли муниципальные выборы, в январе 1879 г. — частичные выборы в Сенат. В верхней палате парламента у них стало 174 места против 126 у консерваторов. Наконец, в 1879 г. президентом был избран умеренный республиканец Ж. Гриви (поддержан 563 голосами из 705). В своем обращении к парламенту, получившем название «Конституция Гриви», он добровольно отказался от претензий исполнительной власти на преобладание над парламентом. Считается, что с этого момента, т.е. с 1879 г., Третья республика окончательно стала парламентской и *республикой республиканцев*. Правительственные органы снова вернулись в Париж, «Марсельезу» восстановили в правах в качестве государственного гимна, в 1880 г. в знак примирения всех граждан 14 июля сделали днем национального праздника, была объявлена политическая амнистия коммунарам.

Образование Третьей республики во Франции означало, что в ней, так же, как и в монархической Великобритании и США, сформировалась либеральная модель политической культуры. Однако ей была присуща своя специфика. Так как утверждалась она в условиях ожесточенной борьбы республиканцев (*левые*) с монархистами (*правые*), то на французской почве не сложилось практики чередования левых и правых у власти по английскому или американскому образцу. В массовом сознании граждан либеральная политическая культура долгое время ассоциировалась лишь с левыми (*республиканскими*) политическими силами. Ее базовые ценности покоились на трех главных принципах, уходящих своими корнями в европейскую историю XVII и XVIII вв. В философском плане принципиальное значение имела идея естественного равенства граждан и приоритета индивидуальной свободы человека над обществом. Из этого постулата вытекала вторая принцип — необходимость «социального контракта» в обществе, согласно которому политический режим должен не только отвечать за поддержание общественного порядка, но и гарантировать каждому гражданину право на самореализацию. Наконец, третий принцип питался просветительской и позитивистской верой в бесконечный прогресс науки и человеческого разума. Эта специфика во многом повлияла на ожесточенную борьбу республиканцев за светскость государства и образования.

С победой *республики республиканцев* произошла очередная перегруппировка политических сил. Либералы безоговорочно поддержали сложившуюся парламентскую систему и стали активно участвовать в правительствах. Их стали называть *оппортунистами* (или *республиканцами правительства* или *умеренными*). К выборам в палату депутатов 1881 г. лагерь оппортунистов пополнился за счет части *гамбеттистов*, что обеспечило республиканцам правительства 370 мест. Недовольные конституционным устройством Третьей республики и требовавшие упразднения Сената демократы стали называться *радикалами* (или *непримиримыми*). После выборов в Национальную Ассамблею 1876 г. они образовали

в ней группу *радикал-социалистов*. Оказавшись разобщенными, республиканцы (*левые*) не могли обеспечить стабильности правительств. Частая сменяемость министерских кабинетов составляет еще одну специфическую черту политической жизни Франции периода Третьей республики. С 1881 по 1896 г. в стране сменилось 14 правительств.

Самым продолжительным во времени и значимым с точки зрения окончательного оформления либерально-демократического синтеза в качестве базовой конституционной основы Третьей республики было правительство Ж. Ферри (1881—1885 гг.). При нем через серию законов окончательно закрепились демократические свободы. В 1881—1882 гг. был принят закон о свободе слова и собраний; в 1884 г. — о праве рабочих на создание профсоюзов и об упразднении института пожизненных сенаторов; в 1885 г. — о прямых всеобщих муниципальных выборах и об избрании мэров муниципальными советами. Ферри особенно выделяется борьбой против позиций церкви в образовании. Он повел ее еще в бытность в 1879 г. министром народного образования. В 1880 г. Ферри добился лишения права на преподавание и роспуска Ордена иезуитов (хотя тайно конгрегации иезуитов вернулись во Францию в 1890 г.), а в 1881—1882 гг. провел законы о бесплатном, обязательном и светском начальном образовании, дополненные в 1886 г. законом о светскости преподавательского состава. Более того, не отменяя свободы высшего образования и права создания католических институтов, дарованных Конституцией 1875 г., правительство Ферри исключило католиков из смешанных комиссий по присуждению ученых степеней. В экономике правительство Ферри руководствовалось принципами либерализма, защищая идею невмешательства государства в эту сферу, и не посягало на свободу предпринимательства и частную собственность.

Экономическое развитие в 1870—1914 гг. К концу Второй Империи Франция в экономическом отношении была на втором месте в мире после Великобритании. На 1872 г. 69% населения страны все еще было занято в сельском хозяйстве, причем преобладали мелкие собственники, обрабатывавшие землю своими силами. 76% хозяйев владели участками земли меньше 10 га, а доля тех, кому принадлежало свыше 40 га земли, составляла всего 4%.

В первое двадцатилетие Третьей республики прирост сельскохозяйственной продукции фактически остановился. На протяжении 1880-х — начала 1890-х гг. по многим экономическим показателям Францию обогнали новые индустриальные державы. По объемам базовых отраслей промышленного производства ее превосходили Германия и США. США, а также Канада, Россия, Аргентина составили серьезную конкуренцию Франции на мировом сельскохозяйственном рынке. Не облегчили положение введенные правительством в 1892 и 1897 гг. протекционистские меры. В результате к началу XX века в мировой экономической иерархии Франция опустилась со второго на четвертое место (после США, Германии и Великобритании). Тем не менее экономика Франции оставалась одной из ведущих в капиталистическом мире, сохраняя свою специфику.

Одной из особенностей французского капитализма, каким он сложился к началу Третьей республики, являлся солидный золотомонетный запас. Это позволило Франции быстро, к 1874 г., выплатить Германии денежную контрибуцию, наложенную по итогам франко-прусской войны (1 франк 1900 г. равен примерно 3 евро). В стране уже в годы Второй Империи существовала современная по тем меркам банковская система в виде анонимных акционерных обществ. Главным эмиссионным банком был частный «Банк де Франс» (возник в 1800 г., так называется с 1848 г.), который в 1897 г. открыл филиалы во всех департаментах страны и вел финансовые операции без комиссионных сборов.

Вплоть до 1936 г. Банком управлял административный «Регентский совет», состоявший из двухсот наиболее крупных акционеров.

С начала 1880-х гг. наступил новый этап в банковском деле, наметилась специализация банков на коммерческие и депозитные, и те и другие стали инвестировать в промышленность и торговлю. К «Большим банкам» Ротшильда, Оттингера, Мирабо и Нефлица, возникшим еще в XVIII — начале XIX в., в первые годы Третьей республики добавились такие коммерческие банки, как «Ипотечный кредитный банк» — в 1871 г.; после слияния двух банков — «Парижского» и «Нидерландского» — «Парижско-Нидерландский банк» — в 1872 г.; «Парижский банк» — в 1874 г. (в 1904 г. переименован в «Банк Парижского союза»); «Индокитайский банк» — в 1875, банк «Сосьете жeneralь» — в 1878 г. Главным держателем депозитных вкладов была «Национальная учетная контора Парижа», окончательно так названная в 1889 г. и имевшая к тому времени массу филиалов и агентств по стране. В 1882 г. возникла Национальная сберегательная касса, и французские граждане активно включились в процесс накопления капитала. Сберегательные кассы открывались при почтовых отделениях. В 1893 г. появились местные отделения сельскохозяйственного банка «Сельскохозяйственный кредит». В последней трети XIX века банки обросли солидной сетью крестьянских вкладов, значительная часть которых позднее пошла на так называемые «русские займы» Франции.

Еще одну отличительную черту французского капитализма периода Третьей республики составлял высокий удельный вес мелкого и среднего предпринимательства. В 1896 г. из 100% промышленных предприятий 83% насчитывали меньше 5 рабочих и лишь 1,3% — свыше 50. Однако эти мелкие предприятия составляли 40% необходимой для крупных монополистических предприятий продукции. По степени концентрации промышленности Франция отставала от Германии и Великобритании. В наибольшей степени она затронула такие отрасли, как черная, цветная металлургия, химическая и машиностроения.

Крупных монополистических династий насчитывалось не так уж много. В черной металлургии господствовал концерн «Крезо», созданный сыном лотарингского нотариуса Эженом Шнейдером. В 1875 г. он оставил в наследство капитал в размере 30 млн франков своему сыну Анри, еще больше, чем отец, приумножившему славу «Крезо». В сталелитейной промышленности доминировали предприятия братьев де Ванделей, в химической — компании «Сен-Гобэн», «Пешине» и «Кульман». Ряды промышленных монополистов пополнили представители аграрной индустрии. Так, братья Дековиль, крупные производители сахарной свеклы, с 1875 г. активно включились в операции с земельной собственностью, в городское строительство, в развитие термального и берегового туризма, а состояние сахарозаводчика Ж. Лебоди достигло в 1892 г. 220 млн франков. Наиболее индустриализированные районы Франции располагались на Севере, Северо-Востоке, в Центральном массиве и Парижском бассейне, и разделительная линия между ними и традиционной Францией проходила по оси Гавр-Марсель.

Главной заботой государства в Третьей республике было сохранение социально-экономического порядка, основанного на мелком и среднем предпринимательстве, и оно твердо следовало принципу свободы торговли и предпринимательства («laissez faire, laissez passer»). Первые скромные попытки вмешательства государства в экономику связаны с введением в 1872 г. налога на доходы акционерных обществ, полученные от обращения ценных бумаг, с началом государственного железнодорожного строительства в 1879 г. и с покупкой государством телефонной сети в 1889 г. В 1892 и 1897 гг. были приняты протекционистские тарифы.

В 1886—1897 гг. в капиталистическом мире начался экономический подъем. Он благоприятно отозвался во всех сферах французской экономики. Банки процветали: ежегодная прибыль коммерческих равнялась 35—60%, сберегательных — 11—16%. В 1912 г. три крупнейших депозитных банка насчитывали по стране 1500 окошек. Лидировал не только среди них, но и в Европе сбербанк «Креди Лионе», капитал которого составлял в 1912 г. 550 млрд франков, а количество открытых в нем счетов в 1914 г. достигло цифры 693 288. Затем по уровню значимости депозитных вкладов следовали банки «Сосьете жeneralь», «Национальная учетная контора», «Промышленный и коммерческий кредит», «Марсельское кредитное общество», «Лионский депозитный банк». Коммерческие банки привлекали для инвестиций капиталы крупных собственников. Так, «Банк Парижского союза» инвестировал в социальное обеспечение, в общественные службы, за рубеж. С 1905 г. он участвовал в размещении «русских займов», а после слияния с концерном Шнейдера — в эксплуатации шахт Донбасса, Урала и в металлургическом производстве Путиловского завода в Санкт-Петербурге. «Парижско-Нидерландский» вел инвестиционную политику в Марокко и Италии, вкладывал в новейшие отрасли французской промышленности. В 1901 г. «Сосьете жeneralь» и «Парижско-Нидерландский» образовали «Французский банк для торговли и промышленности».

Французы предпочитали иметь фиксированный доход на свой вложенный капитал, поэтому охотно участвовали в государственной политике экспорта капитала в виде представления займов другим государствам, что и вызвало появление у современников характеристики Франции как «государства-рантье» или государства «ростовщического империализма». В этом деле французские банки оказались вторыми в мире после Великобритании. В 1914 г. Франция поместила за рубежом капитала на сумму 45 млрд франков. Львиная доля его — $\frac{3}{4}$ от всех вывозимых за границу вложений — приходилась на Россию. В 1912 г. на 1200 млн франков, инвестированных в «русские займы», Франция получила доход в 194 млн франков. Другой крупной получательницей французской финансовой помощи была Турция. Когда у Франции не было напряженных отношений с Германией, она предоставляла займы также и ей.

На мировом рынке позиции Франции выглядели неплохо в торговле одеждой, книгами, алкогольными и табачными изделиями, автомобилями, велосипедами и проч., но были весьма скромными в деле продажи оборудования, сельскохозяйственной техники, электротоваров, и совсем она отставала по линии торговли изделиями химической промышленности и станкостроения. Своеобразной компенсацией от растущего по этой причине внешнеторгового дефицита служили доходы, получаемые страной за счет туризма и сервисных услуг. Настоящая революция произошла во внутренней торговле, ее инициаторами выступили большие магазины — Лувр, Самаритэн, Бон-Марше, Галери Лафайет, которые открыли многочисленные филиалы по всей стране.

Улучшение мировой экономической конъюнктуры существенным образом отражалось на промышленном росте Франции. Промышленность стала главным источником национального богатства. На ее долю в национальном доходе страны приходилось 36%. Промышленные инвестиции в 1905—1910 гг. были отмечены самыми высокими годовыми темпами роста — 4,57%. Перебегающими темпами развивались новые отрасли, порожденные второй промышленной революцией: электроэнергетическая, химическая, автомобиль- и авиастроение.

С образованием в 1898 г. «Компани жeneralь д'электрисите» связаны электрификация городов и развитие трамвайной сети. Ежегодный рост потребления электроэнергии в стране с 1900 по 1913 г. оставался на отметке 11%. Телефонная и радиосвязь в технологическом плане сильно зависели от зарубежных

компаний «Эриксон» и «Вестерн Электрик». Телефонная связь с 1889 г. находилась полностью в руках государства. Первая автоматическая радиостанция была сооружена в Ницце лишь в 1913 г., и тогда как во Франции на то время на 1 тыс. жителей приходилось 7 телефонных линий, в Великобритании и Германии их насчитывалось 16, в Швеции — 49, а в США — 90.

Другими отраслями промышленности, где Франции удалось добиться определенных успехов, стали: алюминиевая (в 1913 г. она заняла второе место в мире); химическая (там господствовали пять концернов: «Сен-Гобэн», «Сольвей», «Малетра», «Пешине» и «Кульман»); фармацевтическая (лидировала компания «Пуленк»). До 1904 г. (с этого момента ее обогнали США) Франция лидировала в деле производства автомобилей. С 1890 г. датируют свою деятельность заводы «Пежо» и «Панар», с 1898 г. — «Рено». В этот период начал свою деятельность известный производитель резины и шин Мишлен, который к тому же в 1900 г. выпустил свой первый гид-путеводитель, не утративший популярности до наших дней. Массовую популярность автомобильному транспорту обеспечивали гоночные соревнования. Первое — Версаль-Руан — было чисто французским и проводилось в 1894 г.; второе (1895 г.) — Бордо-Париж — приобрело статус мирового, но проходило на территории Франции; наконец, третье — Париж-Амстердам, организованное в 1898 г., стало поистине интернациональным, и тогда же в Париже открылся первый автосалон. С 1895 г. во Франции действует Автомобильный клуб, а в 1900 г. увидел свет первый номер ежедневника «Авто», тираж которого к 1913 г. достиг 125 тыс. экземпляров. Безусловным стимулом для развития автомобильного транспорта служило строительство дорог, которое велось как на национальном, так и департаментском уровне. С 1903 г., после катастрофы во время автогонки Париж-Мадрид, повлекшей за собой 7 человеческих жертв, во Франции начали покрывать дороги гудроном. И если в 1816 г. путь из Парижа в Лион занимал 4 дня, то в 1914 г. — всего 8 часов.

Что касается железнодорожного транспорта, то к 1914 г. во Франции строительство его сети было завершено, и французский железнодорожный трафик считался самым интенсивным в Европе.

До 1914 г. Франция сохраняла почти монопольное господство в авиационной промышленности, связанной с фамилиями трех главных производителей: Блерио, Фармана и Вуазена. Луи Блерио первым пересек на аэроплане Ла Манш 25 июля 1909 г., а Ролан Гарос — Средиземное море 23 сентября 1913 г. Пока в 1908 г. аэропланы не привлекли внимание военных, их производство считалось роскошью, но позднее развитию авиационной промышленности был дан мощный стимул.

Франция занимала лидирующее положение в мире в области киноиндустрии. Родоначальники кино — французские граждане братья Люмьер. Состояние их компании оценивалось в 3 млн франков. Помимо Люмьеров, продвигали в развитии французскую кинопромышленность, используя инновационные технологии, компании «Пате» и «Гомон».

Традиционные отрасли промышленности, господствовавшие в экономике еще со времени первой промышленной революции, такие как текстильная, строительная и металлургическая — также, хотя и в разной степени, ощущали на себе влияние благоприятной экономической конъюнктуры. Ведущими монополистами в металлургии по-прежнему оставались две семейных династии — де Ванделей и Шнейдеров.

Аграрный сектор страны утратил свою первостепенную роль в структуре хозяйства и принесил не более 35% в национальный доход. Рост его производительности шел довольно медленно. С 1830 по 1910 г. его продукция увеличилась на 124%. Медленными темпами шла модернизация сельского хозяйства.

Объем инвестиций в сельское хозяйство после 1900 г. не превышал 2% от общего уровня, а темпы его роста в 1900—1913 гг. равнялись в среднем 1% в год. По-прежнему главными производителями аграрного сектора оставались мелкие собственники. В 1905 г. доля владельцев земли площадью меньше 10 га составляла 85%, тогда как 12% сельских хозяев имели участки свыше 10 га и всего 3% — свыше 50 га. Сохранялись региональные контрасты, и более развитым аграрный сектор был на Северо-Востоке страны, там, где более успешно развивалось и промышленное производство, тогда как регионы Юга и Юго-Запада оставались зоной традиционного хозяйства.

Политические кризисы Третьей республики. До 1914 г. Третья республика прошла через полосу политических кризисов и скандалов. Первый, *буланжистский кризис*, возник в конце 1880-х гг. Он был вызван недовольством в стране в первую очередь политикой «оппортунистов» в условиях экономического кризиса (на парламентских выборах 1885 г. они получили лишь $\frac{1}{3}$ голосов). Вдобавок к этому, в 1887 г. был вынужден досрочно покинуть свой пост президент Ж. Греви, оказавшись скомпрометированным коррупционным скандалом из-за собственного зятя Вильсона, раздававшего за взятки от имени своего тестя награды из Елисейского дворца. «Оппортунисты» долго не могли договориться между собой о новой кандидатуре на президентский пост и фактически раскололись. В этот момент и появилась на политическом горизонте фигура генерала Буланже.

Одним из главных лозунгов Буланже стал призыв к реваншу над Германией, обеспечивший ему прозвище «генерал Реванш». Под знаменами Буланже сгруппировалась разношерстная политическая коалиция из всех противников парламентского строя Третьей республики: бланкистов, радикалов, националистов, монархистов, бонапартистов. Буланже, выдвинув довольно туманный лозунг «Роспуск правительства и Учредительное собрание по выборам в открытую, либеральную и демократическую республику», вел свою игру. На деле он желал установления в стране республики консульского типа, с сильной исполнительной властью. За такую республику охотно проголосовало бы большинство консерваторов и правых противников парламентского режима. Практически сразу же, в 1888 г., на сторону Буланже перешли бонапартисты. Поддержала его действия «Лига патриотов», созданная экс-гамбеттистом Дерулемом в 1883 г., чтобы добиться реванша над Германией, предварительно установив для этого сильную власть. Образованная в 1889 г. Дрюмоном и Гереном «Антисемитская лига» также заявила о приверженности генералу, который сам не был антисемитом.

В 1887—1889 г. Буланже начал участвовать во всех частичных выборах, причем в 1889 г. добился внушительных результатов в департаментах Севр, Сомм и Нижняя Шаранта, а в Париже вообще собрал 57% голосов. Страх перед буланжизмом заставил сплотиться всех республиканцев — «оппортунистов» и радикалов — в блок «*Республиканской концентрации*». В результате на парламентских выборах сентября-октября 1889 г. буланжисты потерпели крах, получив лишь 35 депутатских мест. «Республика республиканцев» пережила свой первый шок, а сам Буланже, опасаясь ареста, скрылся в Брюсселе, где и застрелился 30 сентября 1891 г. на могиле любовницы.

Буланжистский кризис имел несколько последствий для «республики республиканцев». Во-первых, на его волне начала происходить метаморфоза французского национализма. Считавшийся со времен Революции органически присущим левой политической идеологии, национализм со времен буланжизма постепенно начал дрейфовать в сторону правой идейной платформы, породившись впоследствии в крайне правое политическое течение. Во-вторых, кризис продемонстрировал способность республики себя защищать. В-третьих,

его угроза заставила радикалов несколько умерить свою непримиримость (она сохранялась лишь по отношению к клерикализму) и более лояльно относиться к «оппортунистам». В-четвертых, кризис ускорил структурирование французского социализма, ослабив, в частности, бланкистов.

В 1892 г. во Франции разразился *Панамский скандал*. Предыстория скандала такова: в 1889 г. французская «Панамская Компания», испытывавшая финансовые трудности, подкупила некоторых депутатов с тем, чтобы те проголосовали за закон, позволявший ей выпустить «выигрышные облигации». В 1889 г. Компания рухнула, а газеты антисемита Дрюмона «Свободное слово» и буланжистов «Кокарда» повели разоблачительную кампанию против «продажных политиков», которая вылилась в критику парламентского режима, к тому же с антисемитским уклоном. После газетных публикаций правительство вынуждено было провести расследование, за которым последовали многочисленные отставки, пятеро депутатов даже предстали перед судом, но осудили лишь одного. Главным итогом Панамского скандала было появление на политической арене нового поколения республиканцев, не принадлежащих к «отцам-основателям» Третьей республики. Это Ш. Дюпюи, Р. Пуанкаре, Л. Барту, Ж. Лейг, Т. Делькасе.

В конце XIX в. создалась угроза республике слева. По стране прокатилась волна террористических актов, организованных анархистами, решившими «разрушить буржуазное государство пропагандой делом». Первые покушения начались в 1891 г. и были направлены против юристов. В 1892 г. за организацию взрыва в ресторане был гильотинирован анархист Равашоль. В декабре того же года Эмиль Анри подложил бомбу в штаб-квартиру Горного управления, а когда его везли в полицейский участок, убил 5 человек. 5 декабря 1893 г. анархист А. Вайян подложил бомбу в зал заседаний палаты депутатов, после взрыва которой 55 человек было легко ранено, в том числе 18 депутатов. В 1894 г. Эмиль Анри бросил бомбу в кафе вокзала Сен-Лазар, в результате чего один человек погиб. 22 мая было совершено покушение на аббата Гарнье, а 24 июня пал жертвой президент Сади Карно, зарезанный ножом итальянским анархистом Казерио за отказ помиловать Вайяна. (17 января 1895 г. президентом стал Ф. Фор.)

На волне политических кризисов и скандалов произошла очередная перегруппировка политических сил среди республиканцев. После призыва в 1893 г. Римского папы Льва XIII к французским католикам о присоединении к республике, чтобы бороться с ее антиклерикальной политикой изнутри, так поступило немало католиков. Они создали в парламенте группу «*Республиканская правая*» (их называли *присоединившиеся*).

В политической жизни страны «присоединившиеся» действовали заодно с «оппортунистами», поэтому вскоре их вместе стали называть *прогрессистами* (или *умеренными*), чтобы отличать их от *радикалов*, остававшихся рьяными антиклерикалами. Главной заботой прогрессистов оставалась борьба против «социалистической опасности». Все же им пришлось провести некоторые социальные законы: в 1890 г. были отменены трудовые книжки рабочих; в 1892 г. сокращен рабочий день женщин моложе 18 лет и подростков от 13 до 16 лет; в 1895 г. введены пенсии для шахтеров и началось строительство дешевого жилья.

Парламентские выборы 1893 г. принесли внушительную победу прогрессистам, получившим 250 депутатских мест. 140 мест досталось радикалам, 49 — социалистам. Выборы в Сенат в 1896 г. также прошли успешно для «республиканцев правительства». 220 сенаторов принадлежали к «умеренным» республиканцам, 45 — к радикалам и 30 — к консерваторам.

Самым глубоким кризисом, имевшим далеко выходящие за рамки Третьей республики последствия, стало *дело Дрейфуса*.

Общая канва событий, связанных с этим делом, приходится на 1894—1900 гг., но фактически оно распадается на три этапа. Первый длился с 1894 по 1897 г. и не имел особого резонанса во французском обществе, затронув в основном армию и суд в виде шпиономании. На втором этапе, с конца 1897 г., дело приобрело настоящий размах, охватив всю страну и расколов ее граждан на два враждебных лагеря, столкнувшихся в непримиримой идейной борьбе по вопросам религии, взаимоотношений отдельного гражданина с судебными органами, армией и государством, причем сопровождалась эта борьба разгулом антисемитизма, так как Дрейфус был по национальности евреем. Наконец, на третьем этапе, с 1899 по 1900 г., на национальном уровне к делу в очередной раз примешался вопрос о судьбе Республики.

Основанием для возбуждения дела послужила перехваченная в германском посольстве в Париже анонимная записка («бордеро» по-французски) на имя военного атташе Шварцкоппена, в которой разглашалась секретная информация. Армейским руководством была наспех проведена графологическая экспертиза, на основании которой было предъявлено обвинение стажеру Генштаба капитану Альфреду Дрейфусу. Таким же скоропалительным стал суд над Дрейфусом, длившийся со 2 ноября по 22 декабря 1894 г. Дрейфуса приговорили к пожизненному заключению в тюрьме на острове Дьявола во Французской Гвиане, куда он и отправился 21 февраля 1895 г.

Первоначально осуждение Дрейфуса, который на протяжении всей тяжбы настойчиво отрицал свою вину, не вызвало никаких сомнений и подозрений во французском обществе. Лишь два человека свято верили в его невиновность и добились пересмотра судебного решения — жена Люси и брат Матье. Семья Дрейфуса поручила журналисту Б. Лазару провести собственное расследование дела. Б. Лазар издал в Брюсселе брошюру под названием «Судебная ошибка. Правда о деле Дрейфуса». Параллельным путем в 1895 г. к выводу о невиновности Дрейфуса пришел полковник французской разведслужбы Ж. Пикар. Он обнаружил сходство текста «бордеро» с почерком майора французской пехоты Эстергази на одной из телеграмм из германского посольства. Пикар доложил о своем открытии в Генштаб, но там предпочли замять дело, отказались пересмотреть дело Дрейфуса и во избежание скандала решили перевести Пикара по службе в Тунис. Более того, чтобы пресечь попытки продолжить начатое Пикаром, из его же службы в конце октября майором Анри была подготовлена и направлена в Генштаб фальшивка (хотя поначалу об этом никто не знал) с уличающим Дрейфуса в измене текстом. Но в 1897 г. случайно обнаружился факт, который соединил усилия Лазара и Пикара. Биржевой маклер Де Кастро, читая публикацию Б. Лазара, в которой приводилась копия «бордеро», обнаружил сходство ее почерка с тем, которым были написаны сохранившиеся у него письма одного из клиентов — Эстергази — и поведал о своем открытии брату Дрейфуса. Тот предал это известие гласности, действуя через друзей в Сенате. Пришли в движение депутаты парламента, потребовав действий от председателя Совета министров Ж. Мелина. Новость подхватили журналисты, и семья сомнений в справедливости судебного решения по делу Дрейфуса было посеяно во французском обществе. Число сторонников пересмотра процесса — «ревизионистов» — росло. В газете «Орор» ее главный редактор Ж. Клемансо, прозванный «крушителем министерств», задавался вопросом: «Кто покровительствует Эстергази?».

Так в ноябре 1897 г., в деле Дрейфуса начался второй этап. Из журналистов, писателей, политиков сложилось «ядро ревизионистов», или дрейфусаров. В их первых рядах значились такие видные фигуры, как Б. Лазар, Шерер-Кестнер, Ж. Клемансо, Ж. Жорес, Э. Золя. Среди университетской молодежи активны-

ми дрейфусарами стали будущие лидеры социалистов Ш. Пеги и Л. Блюм. Эффект разорвавшейся бомбы вызвало напечатанное 13 января 1898 г. в «Орор» открытое письмо Э. Золя президенту Ф. Фору под названием «Я обвиняю...» (название статье придумал Клемансо), в котором известный писатель разоблачил судебную ошибку. В действительности публикация «Я обвиняю...» сделала историю с осуждением Дрейфуса делом публичным, в буквальном смысле разделившим всю Францию на два враждебных лагеря: дрейфусаров и антидрейфусаров. Палата депутатов уже не могла не реагировать, ибо в письме Золя открыто была задета честь армии. Большинство депутатов (312 голосов «за» и 122 «против») приняли резолюцию с требованием прекратить порочить армию, что грозило судебным преследованием Э. Золя. Тогда 15 января уже многие газеты солидаризировались с «Орор» в требовании ревизии дела Дрейфуса, напечатав петицию, под которой подписались многие тогдашние знаменитости: А. Франс, Э. Дюркгейм, К. Моне, М. Пруст и др.

Публикация этой петиции ознаменовалась еще и тем, что с ее появлением во Франции окончательно утвердилось понятие об «интеллектуалах» как о горячих защитниках своих идей. Первым употребил это слово Клемансо в «Орор» 23 января 1898 г. Говорили даже о «партии интеллектуалов» с центром в Университете Парижа. Другой влиятельной силой среди дрейфусаров стала созданная в феврале 1898 г. «Лига прав человека и гражданина», провозгласившая своей целью защиту идеалов Революции и Просвещения и действовавшая главным образом в университетской среде, а в плане партийной принадлежности — среди радикалов и социалистов. Особую роль в лагере дрейфусаров сыграли масонские ложи. Функцию главного руководящего органа республиканской защиты взяла на себя строго иерархизированная и действовавшая в национальном масштабе ложа «Великий Восток».

Антидрейфусары, среди которых также было немало именитых писателей (П. Валери, Ф. Копе, Ж. Лорэн, Ш. Моррас), журналистов и представителей политической элиты, группировались вокруг созданной Морисом Барресом 31 декабря 1898 г. «Лиги французской Родины». Кроме того, к ним примкнула созданная экс-гангбеттистом П. Деруледом для борьбы с парламентской республикой в годы буланжизма «Лига патриотов», которая была запрещена в 1889 г., но с делом Дрейфуса обрела второе дыхание. Как и «Лига патриотов», возродилась и влилась в ряды антидрейфусаров «Антисемитская лига». Взгляды антидрейфусаров разделяло большинство католиков (хотя официальная церковь оставалась во время событий нейтральной) и армейских кругов. Таким образом, антидрейфусизм как идеология оказался сильно пропитан антисемитизмом, антипарламентаризмом и национализмом.

Постепенно борьба между дрейфусарами и антидрейфусарами захватила всех французов. Весь январь 1898 г. прошел под знаком манифестаций под разными знаменами и зачастую заканчивавшихся потасовками, в том числе и в палате депутатов. Окончательно враждующие стороны оформились во время судов над Э. Золя, состоявшихся в феврале и апреле 1898 г., где его обвинили и приговорили к году тюрьмы и 3 тыс. франков денежного штрафа. Золя вынужден был бежать в Англию. А в августе в деле Дрейфуса обнаружился очередной факт в пользу дрейфусаров. Подполковник Анри признал факт фальсификации в деле Дрейфуса, ему грозил арест, но накануне он покончил с собой. Самоубийство Анри, подтвердившее ответственность армии за сокрытие правды, делало неминуемым исправление судебной ошибки. Последовали отставки в высшем армейском руководстве, а 29 октября Кассационный суд принял прошение Люси Дрейфус о пересмотре дела ее мужа. В ответ на это 23 января 1899 г. Дерулед попытался совершить государственный переворот, чтобы

положить конец парламентской республике, и направил на захват Елисейского дворца военных под командованием генерала Роже. Путч провалился, став для защитников парламентского строя поводом сплотить свои ряды перед угрозой республике со стороны национализма. Премьер-министр Вальдек-Руссо, ознакомившись с делом Дрейфуса, пришел к выводу о невинности капитана и попросил президента Лубе подписать указ о помиловании Дрейфуса. Помилование было дано 19 сентября 1899 г.

Дело Дрейфуса вступило в свою заключительную третью фазу. Если до этого борьба между дрейфусарами и антидрейфусарами шла за пересмотр судебного приговора, то отныне она вылилась в борьбу против антидрейфусаров как националистов, подозреваемых в «монархическом заговоре». 14 июля 1900 г. в Париже с огромным успехом прошла грандиозная манифестация всех республиканцев. В ходе этой борьбы самого А. Дрейфуса уже почти не вспоминали. Его судьбу Кассационный суд решил 12 июля 1906 г., полностью его оправдав и восстановив в армии в чине майора. Пикар тоже был реабилитирован, получил чин генерала, а возглавивший в тот же год Совет министров Клемансо сделал его министром обороны.

Главным итогом баталий дрейфусаров и антидрейфусаров стало укрепление базовых идейных ценностей Третьей республики. Отныне в ней четко утвердился идейный комплекс, сводившийся к защите прав человека, отторжению антисемитизма, стремлению к солидарности в обществе, приверженности светскому характеру государства и парламентаризму. В это время наметилась и политическая линия «республиканского социализма», тяготевшего к парламентской тактике борьбы. Оригинальность французской республиканской культуры состояла также в том, что она оказалась способной объединять все левые силы в случае кризиса и в то же время совершенно исключала политический консенсус, что, в свою очередь, делало невозможным в стране чередование власти. Вне этой политической культуры оставалась значительная часть французов, представленная католиками и приверженцами монархической или авторитарной власти. «Республиканская идентичность правых политических сил» оказалась дискредитированной вплоть до прихода Пятой республики в 1958 г.

Другим важным последствием дела Дрейфуса стала трансформация французского национализма. На смену национализму республиканскому, уходящему корнями в эпоху Просвещения и Революции 1789 г. и основанному на представлении о французской исключительности и цивилизаторской миссии для человечества, пришел «национализм националистов», зародившийся еще во времена буланжизма и возведенный в теорию Э. Дрюмоном, М. Барресом и Ш. Моррасом. Главными постулатами этого национализма были, во-первых, идея врага нации, причем не только внешнего — германского, но и внутреннего — в лице всех тех, кто выступает против католической веры. Вторым важным пунктом провозглашалась идея борьбы против парламентской республики и четырех врагов, которые при ней процветают. По Моррасу, это протестанты, евреи, франк-масоны и метеки, как он называл «пришлых» или иммигрантов. Французский национализм не был единым. В нем выделяются два типа: популистский, базирующийся на противопоставлении хранителя национальных ценностей народа классу олигархических и коррумпированных политиков, и экстремистский («интегральный»), имеющий целью силовое восстановление монархии и отстаиваемый Моррасом. Объединяло оба эти типа убеждение в том, что промышленная революция конца XIX в. вместе с либеральными идеями плюрализма в обществе не принесли ему ничего, кроме регресса. Националисты ностальгировали по общественному порядку, скрепленному единой верой, отсюда возник их союз с большинством католиков.

Наконец, дело Дрейфуса ускорило процесс формирования политических партий в современном их понимании.

Образование политических партий. Толчком к официальному созданию политических партий послужил закон правительства Вальдека-Руссо от 1 июля 1901 г., разрешавший свободно создавать ассоциации. К моменту его выхода в той или иной форме, в том числе и политической, во Франции уже действовало около 40 тыс. ассоциаций — в том числе масонские ложи, литературные клубы, торгово-промышленные и рабочие союзы, объединения рабочих-католиков, общества взаимопомощи и благотворительности, Лига прав человека, Лига преподавателей, разнообразные общества свободомыслия и кооперативы и т.п. Еще одним толчком для образования партий послужили надвигавшиеся в 1902 г. парламентские выборы.

Первыми создали единую партию *радикалы*. Немалая заслуга в их «собрании» принадлежит главе «Великого Востока» Ф. Демону. По его инициативе 21 июня 1901 г. собрался съезд *республиканской партии радикалов* под председательством трех бывших председателей Совета министров радикалов Рене Гобле, Анри Бриссона и Леона Буржуа (двое последних были масонами). На этом съезде из 1132 делегатов собралось 78 сенаторов, 210 депутатов парламента, представители 476 разных комитетов, 155 масонских лож, 215 газет, генеральных, окружных советов, муниципалитетов и других общественных организаций. Такая пестрота представительства свидетельствует о том, что для основателей первой партии главным было не исключить ни одной республиканской тенденции и сделать ее структуру как можно более гибкой. Отсюда возникло на съезде и сложносоставное название этой партии — *Республиканская партия радикалов и радикал-социалистов*.

Такой же всеобъемлющей и гибкой была принятая на съезде программа партии, согласно которой она провозглашалась «республиканской, светской, демократической и социальной». Идеиной доктриной партии радикалов стала теория *солидаризма*, сформулированная Леоном Буржуа (1 ноября 1895 г. — 23 апреля 1896 г. он возглавлял однородное по составу правительство радикалов) в книге с одноименным названием. Эта книга глубоко пропитала своими идеями республиканское сознание французов. Она неоднократно переиздавалась, не утратила актуальности и до наших дней, а высказанные в ней мысли вносят дополнительный штрих в специфику либерально-демократической модели политической культуры Франции. В теоретическом плане «солидаризм» исходил из представления об обществе как живом организме и претендовал на то, чтобы стать его «светской моралью». В практическом плане доктрина «солидаризма» предполагает возможность преодоления антагонизма между либерализмом и социализмом с помощью третьего/среднего пути республиканского развития, когда между «свободными и равными гражданами» устанавливается так называемый «квазиконтракт», синтезирующий индивидуальные права и социальный долг. Политическая доктрина «солидаризма» требовала вмешательства государства в общественную жизнь и сделала антиклерикализм главной темой политической стратегии радикалов. По своим идейным установкам «солидаризм» вполне отвечал интересам средних слоев, а радикалы, как его политические представители, превращались в традиционную партию центра.

Соответствовала программе и структура партии. Ее федерации сохраняли полную автономию. Их контакты с руководящим центром — исполнительным комитетом — сводились в основном к уплате взносов. Столь размытая структура у радикалов оставалась до 1907 г. Мэр Лиона Э. Эррио в 1907 г. выступил с докладом о новой программе на съезде в Нанси. Отныне партия провозглашалась «защитницей республиканских институтов, прогрессивного реформизма, соци-

альной солидарности, патриотизма, направленного как против воинствующих националистов, так и антимилиитаристов из числа некоторых синдикалистов и социалистов». Но аморфность ее структуры не исчезла. Накануне Первой мировой войны в партии радикалов насчитывалось 250 тыс. членов. Только в 1911 г. ее членам была запрещена двойная партийная принадлежность. До 1913 г. депутаты и сенаторы-радикалы состояли в разных фракциях. Лишь в 1913 г. единая парламентская группа радикал-социалистов достигла 172 человек и стала самой многочисленной в палате депутатов. Радикалы имели прочные позиции в сельской местности, особенно в районах Центра, Юго-Запада и в Бургундии.

Первые попытки структурирования исходили от *социалистов*, хотя их разобщенность не позволила им первыми в стране создать единую политическую партию. К концу XIX в. у социалистов насчитывалось *пять организаций*. Начало одной положил марсельский съезд синдикатов (профсоюзов) 1879 г., на котором под руководством Жюлья Геда возникла *Федерация трудящихся социалистов Франции*. Федерация сразу встала на марксистскую платформу, прочно укрепилась в текстильных и металлургических районах Севера и Центра страны. Но в 1883 г., после неудачи на выборах 1881 г., она раскололась. Часть социалистов во главе с Полем Брусом вышла из нее, объединившись под названием *Федерация трудящихся социалистов*. Эта Федерация была близка по духу к радикалам с их идеей эволюционного движения к социализму, поэтому ее членов стали называть *поссибилистами* (от французского слова *possible* — возможный). Партия Геда, или *гедисты* в 1893 г. была переименована во *Французскую рабочую партию*. На 1898 г. в ней насчитывалось 16 тыс. членов, а ее электорат немного не дотягивал до 300 тыс.

Однако поссибилисты недолго оставались едины. В 1890 г. из их рядов вышла самостоятельная партия, созданная под влиянием пропаганды типографского рабочего Жана Аллемана, недовольного чрезмерным сближением поссибилистов с радикалами и считавшего, что вообще не партии, а синдикаты должны играть главную роль в борьбе за социальные преобразования. Эту партию, *Революционную рабочую социалистическую*, иначе стали называть *аллеманистами*, выступала она под лозунгами антипарламентаризма, антимилиитаризма и антиклерикализма. Но и аллеманисты раскололись в 1897 г. Сам Аллеман вывел из рядов этой партии *Союз коммунистов-революционеров*.

Четвертую партию — *Центральный революционный комитет* — создали после амнистии коммунарам бланкисты, взявшие курс на революционное свержение буржуазной республики. Однако эта партия серьезно скомпрометировала себя во время буланжистского кризиса, поддержав Буланже, поэтому смогла восстановиться под именем *Революционная социалистическая партия* во главе с Э. Вайяном лишь к 1898 г. Тогда же она сблизилась с гедистами.

Наконец, своеобразную пятую партию социалистов представляли так называемые независимые. Они формально не принадлежали ни к одной из вышеупомянутых четырех партий, но были влиятельными политическими лидерами, зачастую журналистами, или занимались другим интеллектуальным трудом. Среди них были Жан Жорес, Александр Мильеран, Бенуа Малон (основатель журнала «Ревю сосьялиста»). В идейном плане этих социалистов очень привлекала платформа реформистского крыла немецкой социал-демократии.

Все социалистические партии сталкивались в борьбе за влияние на местах и электорат, в то время как рядовые граждане, симпатизировавшие социалистам, зачастую не ощущали различия между ними, а во время выборов нередко отдавали свои голоса то одной, то другой. Первая попытка объединить всех социалистов наметилась в разгар дела Дрейфуса, когда в конце октября 1898 г. из пяти социалистических партий возник Комитет бдительности. Спустя ровно

ской жизни католиками и националистами — с другой, в тех случаях, когда политическая ось Третьей республики сдвигалась вправо.

Католики, присоединившиеся к республике, создали 17 мая 1902 г. свою партию *Народно-либеральное действие*. Учитывая антиклерикализм «партий правительства», эта партия не заявляла открыто о своей конфессиональной направленности, чем вызвала недовольство папства в Риме. В отличие от других правых партий партия католиков имела строго иерархизированную структуру во главе с центральным комитетом. Лидерами ее были А. де Мун и Ж. Пиу, первый председатель партии. Католическая партия прочно укоренилась на политической почве за счет многочисленных ассоциаций католиков. На 1906 г. в ней состояло 250 тыс. французов, и она пополняла ряды правых политических сил. Народно-либеральное действие никогда не имело большого количества депутатов. Пик его успеха — это 40 депутатов после выборов 1910 г. После выборов 1914 г. их осталось лишь 28. К тому же в недрах этой партии вокруг Марка Санье в созданной им в 1911 г. *Лиге молодой Республики* зародилось христианско-демократическое течение. В его программных установках появилась социальная направленность, и установки лидеров партии молодым католикам казались ретроградными.

Крайне правые, экстремистские силы, составлявшие «партию антидрейфусаров и националистов» и открыто выступавшие за свержение республики в рамках различных лиг во времена дела Дрейфуса, к началу XX в. тоже создали свою партию — *«Аксьон франсез» (Французское действие)*. Идеологом ее стал Шарль Моррас — партия избрала в качестве доктрины провозглашенный им «интегральный национализм». Согласно этой доктрине, республика должна быть заменена монархией, а переход к ней предстояло обеспечить путем ликвидации демократии, усиления роли государства в жизни общества, бюрократической централизации и замены их общественным порядком, в основе которого будет лежать семья, провинция и корпоративизм. Партия находила поддержку у тех, кто был недоволен победой дрейфусаров, у католической верхушки и среди рядовых католиков-традиционалистов, у консервативных либералов и части молодежи, а также в женских аристократических и буржуазных организациях, судебных инстанциях и армии.

Своей тактикой Аксьон франсез избрала силовые методы, для чего в 1908 г. в ее рамках была создана боевая организация *Королевские молодчики*.

Таким образом, между 1900 и 1914 гг. многопартийность окончательно оформилась как особенность партийно-политической структуры Третьей республики.

Время «бель эпок»: 1896–1914 гг. Период в истории Франции с конца XIX в. и до начала Первой мировой войны принято называть «бель эпок» (в переводе на русский — *прекрасная пора*). Начало ей положило правительство прогрессиста Ж. Мелина (у власти с 29 апреля 1896 по 15 июня 1898 г.), правившее под девизом «ни революции, ни реакции». Однако настоящий расцвет *бель эпок* связан с именем другого прогрессиста — Вальдека-Руссо, сформировавшего в 1899 г. правительство *Республиканской защиты* для борьбы с националистами на заключительном этапе дела Дрейфуса и приведшего в 1902 г. к победе на парламентских выборах в союзе с радикалами и социалистами коалицию *Левый блок*. Коалиции досталось в парламенте 350 мест против 250 у оппозиции. Внутри блока большинство депутатов оказалось у радикалов, на втором месте был Демократический альянс, а на третьем — социалисты. В таких условиях Вальдеку-Руссо пришлось уступить премьерское кресло радикалу Эмилю Комбу (оставался на этом посту до 18 января 1905 г.).

Правление Комба утвердило в политическом лексиконе Третьей республики понятие *комбизм*. Одним из его проявлений было твердое намерение покон-

чить с врагами республики. Заручившись поддержкой своих соратников — радикалов, социалистов-жоресистов, членов Демократического альянса (хотя и не столь выраженной), масонских лож, левых муниципалитетов и генеральных советов, Комб провел чистку в административных органах, в армии, в судах, удаляя из этих властных структур всех нелояльных по отношению к республике чиновников. Однако главной характеристикой комбизма является его непримиримый антиклерикализм.

Правительство Комба повело решительную борьбу за отделение церкви от школы и государства. Сначала декретом от 27 июня 1902 г. было закрыто 125 религиозных школ, открытых согласно закону правительства Вальдека-Руссо о свободе ассоциаций, затем закрылось еще 3000 школ, созданных без специального разрешения до принятия этого закона, после — с марта по июль 1903 г. — парламент проголосовал за закрытие еще 2500 школ. В 1904 г. правительство провело через парламент закон о полном запрете конгрегациям преподавать в школах, обязав их в течение 10 лет окончательно покинуть все учебные заведения. Такое наступление на церковь вызвало недовольство, в первую очередь, союзников Комба по Левому блоку из Демократического альянса. Вальдек-Руссо обвинял Комба в нарушении его закона о свободе ассоциаций. Социалисты со своей стороны упрекали Комба в том, что, прикрываясь борьбой с клерикализмом, он уклоняется от решения социальных вопросов. Антиклерикализм Комба привел Францию к разрыву дипломатических отношений с Ватиканом 30 июля 1904 г. В ноябре того же года он представил на обсуждение парламента закон об отделении церкви от государства. Окончательно этот закон был принят в декабре 1905 г., после падения кабинета Комба.

На очередных парламентских выборах 1906 г. Левый блок вторично одержал внушительную победу. Успех опять сопутствовал партии радикалов, завоевавших 247 депутатских мест. Тогда за Третьей республикой даже утвердилось название «республика радикалов». Умеренным республиканцам досталось 90 мест, объединенным социалистам — 54 и еще 20 — социалистам «независимым». При таком раскладе у радикалов и их союзников в палате депутатов сложилось абсолютное большинство. Председателем Совета министров стал 65-летний Жорж Клемансо, представитель старшего поколения радикалов, «крушитель министерств» и один из лидеров дрейфусизма, получивший в 1906 г. политическое прозвище «Тигр».

Правительство Клемансо по меркам Третьей республики было долговечным, просуществовав неполных 3 года, до 20 июля 1909 г. (всего с 1905 по 1914 г. сменилось 15 министерств). Клемансо, взяв на себя одновременно функции министра внутренних дел, выдвинул программу реформ, предполагавшую введение 8-часового рабочего дня, заключение трудовых договоров с рабочими, предоставление статуса государственных служащих чиновникам, введение прогрессивного подоходного налога. Вместе с тем правительство Клемансо довольно жестоко расправлялось с забастовками рабочих, на подавление которых в 1907–1909 гг. неоднократно направлялись войска, и арестовывало профсоюзных активистов. В 1907 г. произошло мощное столкновение правительства с виноделами юга Франции, урожай которых серьезно пострадал от заболевания виноградных лоз. В Нарбонне, Безьере, Монпелье проходили массовые выступления с требованием помощи со стороны правительства, количество участников которых колебалось от 80 до 500 тыс. Клемансо приказал войскам стрелять по манифестантам, были убитые. В результате народные массы отвернулись от него. К его прозвищам прибавились «душитель забастовок» и «жандарм». СФИО тоже дистанцировалась от правительства. Жорес назвал события 1907 г. «самым крупным социальным движением за последние 35 лет».

Некоторые реформы Клемансо удалось провести. Так, в 1908 г. государство выкупило железные дороги на западе страны у испытывавших серьезные финансовые трудности частных компаний. В январе 1907 г. вышел закон, нацеленный на ослабление конфронтации с церковью. Церкви передавались права на управление прихожанами и на проведение месс, но она оставалась в подчинении министерства по культурам. Мессы получили курьезное название: «публичные культовые собрания».

Начиная с 1907 г. в течение 2 лет Клемансо и его соратник по партии министр финансов Жозеф Кайо вели борьбу в парламенте за принятие закона о прогрессивном подоходном налоге. В марте 1909 г. палата депутатов его одобрила, но Сенат отклонил. Идея этого налога не нравилась ни консерваторам, усматривавшим в нем покушение на собственность, ни социалистам, считавшим, что он выгоден богатым, а не наемным работникам, которые прежде налогов на доходы не платили. Поводом для свержения «Тигра» стало голосование в парламенте в июле 1909 г. по вопросу об ассигнованиях на флот, во время которого от него отвернулась даже часть радикалов (212 депутатов против 175 не оказали доверия правительству).

Падение правительства Клемансо положило конец относительной министерской стабильности Третьей республики. После него до начала Первой мировой войны во Франции сменилось 11 министерств. Вплоть до 1912 г. на фоне министерской чехарды шла перегруппировка политических сил, которая привела Левый блок к распаду. К власти вернулись партии умеренных республиканцев, что означало сдвиг вправо в политическом курсе Третьей республики.

Конец *бель эпок* в общественно-политической жизни страны был неразрывно связан с именем Раймона Пуанкаре, который в январе 1912 г. возглавил правительство *Национального единения*, а в январе 1913 г. был избран президентом республики. Патристически настроенный уроженец Лотарингии, дрейфусар и не воинствующий антиклерикал, академик Р. Пуанкаре производил впечатление руководителя нового типа. В своей программной речи при вступлении на пост главы правительства он пообещал французам «не оставить Францию беззащитной перед лицом иностранных государств» и «обеспечить в стране национальное спокойствие». Решительный стиль правления Р. Пуанкаре свидетельствовал о явном усилении исполнительной власти. Кроме того, он много ездил по провинции, чтобы поднять моральный дух нации и ослабить социальную напряженность в условиях нарастающей военной тревоги, а также чтобы заручиться поддержкой граждан при проведении своей политики.

Во внутренней политике правительство *Национального единения* сконцентрировало свое внимание на принятии законов об увеличении срока военной службы с 2-х до 3-х лет и о введении прогрессивного подоходного налога. Первый закон, внесенный на обсуждение в палату депутатов правительством А. Бриана 6 марта 1913 г., вызвал резкие протесты со стороны СФИО, которая с самого начала находилась в оппозиции к правительству. Социалисты, ведомые Ж. Жоресом, уверяли французам, что этот закон служит лишь интересам военных промышленников. Против этого закона также выступила ВКТ, стоявшая в то время на позиции «война войне», призывая к проведению всеобщей забастовки для свержения буржуазного правительства в случае развязывания войны между империалистическими государствами. Солдатскую массу тоже не устраивало увеличение срока военной службы, поэтому солдаты наряду с социалистами и профсоюзами участвовали в забастовках протеста в момент обсуждения закона в парламенте. Тем не менее закон об увеличении срока военной службы до 3-х лет был принят 19 июля 1913 г. палатой депутатов, а 7 августа его одобрил Сенат.

Закон о прогрессивном подоходном налоге палата депутатов Третьей республики обсуждала в новом составе. Парламентские выборы 26 апреля и 26 мая 1914 г. принесли безусловный успех СФИО, которая увеличила свое представительство с 68 до 104 депутатов. Наибольшее число мест в парламенте по-прежнему сохраняла партия радикалов, имевшая 172 депутата. Таким образом, страной продолжали управлять левые партии. Назначенный председателем Совета министров социалист Вивиани в июне 1914 г. добился одобрения Сенатом закона о прогрессивном подоходном налоге, который предполагалось ввести с 1916 г. Спустя две недели после создания правительства Вивиани произошло Сараевское убийство, которое станет прологом Первой мировой войны, положившей конец *бель эпок*.

Внешняя политика 1870—1914 гг. Во внешней политике Франции можно выделить два главных направления: *европейское* и *колониальное*. Действия правящих кругов на обоих были устремлены к одной цели — восстановлению влияния в мире Франции, ослабленной после поражения во франко-прусской войне и потери Эльзаса и Лотарингии.

Несмотря на то, что в сентябре 1873 г. германские войска покинули территорию Франции, причем даже несколько раньше предусмотренного срока, о натянутости франко-германских отношений свидетельствовали многие признаки. Например, Германия не была представлена на Всемирной выставке в Париже в 1889 г., а в 1891 г. палата депутатов и пресса с негодованием отвергли возможность разговора президента Карно с императором Вильгельмом II в Брюсселе во время торжеств по случаю празднования юбилея бельгийского короля. В том же 1891 г. Министерство иностранных дел, учитывая общественные протесты, вынуждено было отказаться от отправки французских артистов на фестиваль в Берлин. Особенно возросли реваншистские настроения французам в дни буланжистского кризиса.

Обострение франко-германских отношений вызвало в Европе в 1875—1877 гг. «военную тревогу» — кризис, к урегулированию которого подключились все великие державы, т.е. помимо Франции и Германии, Англия, Австро-Венгрия и Россия. В результате очередной войны между Францией и Германией удалось избежать. Явным победителем из «военной тревоги» на ближайшее десятилетие вышел Бисмарк, который начал с успехом создавать в Европе сеть разных межгосударственных коалиций. В 1883 и 1885 гг. Бисмарк попытался заигрывать с французскими правящими кругами. Он предлагал сначала Ж. Ферри, а потом и его преемнику на посту председателя Совета министров радикалу Бриссону вариант налаживания взаимоотношений, предусматривающий отказ навсегда Франции от Эльзаса и Лотарингии в обмен на благожелательное отношение Германии к ее колониальной экспансии. При этом Бисмарк втайне рассчитывал на неминуемое обострение франко-британских отношений из-за колоний. Однако французские политики решительно отклонили германские предложения, и разрядка между «двумя наследственными врагами» не состоялась.

Важным событием *европейской* политики Третьей республики стало заключение франко-русского союза. Особая заслуга в деле сближения с Россией принадлежит Теофилю Делькасе, бессменному министру иностранных дел Франции с 1898 по 1905 г. В августе 1890 г. начальник Генштаба французской армии генерал Буадефр был приглашен в Россию на большие военные маневры. В июле 1891 г. французская эскадра посетила Кронштадт. Запоминающимся фактом во время этого визита было то, что российский император Александр III выслушал революционный французский гимн «Марсельезу», сняв головной убор. 27 августа правительства обеих стран обменялись секретными посланиями, в которых брали обязательства совещаться по поводу любых событий, угрожа-

ющих миру или их собственной безопасности. По сути, для Франции этот обмен был первым соглашением, заключенным после 1871 г. Следующим шагом на пути достижения франко-русского «сердечного согласия» стало подписание 17 августа 1892 г. по инициативе Франции секретной военной конвенции. За ней в июне 1893 г. последовало подписание торгового договора. В октябре 1893 г. русская эскадра нанесла ответный визит в Тулон, и ее прибытие вызвало буквально ликование французов. Наконец, договор о франко-русском союзе Александр III ратифицировал 27 декабря 1893 г., а французское правительство — 4 января 1894 г.

Заключение франко-русского союза стало большим дипломатическим успехом Третьей республики. Хотя договор формулировался как чисто оборонительный и не допускал реваншистских поползновений Франции в сторону возвращения Эльзаса и Лотарингии, он открыл ей выход из изоляции, навязанной Бисмарком. В 1896 и 1901 гг. с визитами во Францию побывал русский царь Николай II, а в 1897 г. состоялся первый визит французского президента Ф. Фора в Россию. 9 августа 1899 г. Делькасе подписал с русской стороной еще один секретный договор, направленный на скрепление «сердечного согласия». В нем стороны обязались заботиться не только о поддержании мира, но и о равновесии в Европе. Союз объявлялся бессрочным. В 1900—1901 гг. французский и русский главнокомандующие договорились о том, как и при каких условиях стороны будут оказывать друг другу военную поддержку.

Почти одновременно с созданием союза с Россией Франция сумела наладить отношения с Великобританией. В 1899 г. начало этому процессу положило урегулирование колониальных споров. В мае 1903 г. Францию с визитом посетил новый английский король Эдуард VII. В июле с ответным визитом в Лондоне побывали Делькасе и президент Лубе. Намотившееся после этих визитов потепление во взаимоотношениях между двумя странами завершилось подписанием в 1904 г. франко-английского договора о «сердечном согласии».

Кроме того, в 1902 г. Франции удалось заключить секретный политический договор с Италией, по которому та обещала остаться нейтральной в случае, если французы будут атакованы Германией. В октябре 1903 г. в Париже побывал король Италии Виктор Эммануил III, а в апреле 1904 г. Рим посетил Э. Лубе. В 1904 г., разрешив колониальные споры с Испанией, французским правителям удалось наладить отношения и с этой страной.

Таким образом, благодаря серии договоров к 1904 г. положение Франции на международной арене выглядело довольно солидным, несмотря на то, что она не была центральным звеном в системе союзов.

Правительство Клемансо в 1906—1909 гг. предприняло еще ряд мер по укреплению союза с Россией и Великобританией. Во-первых, при нем в 1907 г. был создан франко-русско-английский альянс «Тройственное согласие», или «Антанта», окончательно оформивший военную коалицию против Германии и ее союзников в Первой мировой войне. Во-вторых, в 1908 г. Франция добилась от Великобритании обещания дополнительных поставок военных сил на континент в случае войны. Продолжил начатое Р. Пуанкаре. В 1912 г. была подписана франко-английская морская конвенция о разграничении сфер военных действий. Французскому флоту отводилось Средиземное море, а английскому — Атлантика и северные моря. Летом 1912 г. Р. Пуанкаре посетил Россию.

Правительству Третьей республики удалось преуспеть в области колониальной политики. С 1876 г. и до начала XX в. площадь колониальных владений Франции увеличилась с 900 тыс. до 10 млн кв. км, а население возросло с 6 до 55 млн жителей. В 1894 г. впервые было создано Министерство по делам колоний (до этого колонии находились в ведении государственного секретариата).

Накануне Первой мировой войны Франция имела статус второй в мире колониальной империи после Великобритании. В 1913 г. на ее колонии приходилось 12% от внешнеторгового обмена метрополии.

Значительных размеров достигли за это время колониальные владения Франции в Северной и Черной Африке. В 1871 г. Франция присоединила к себе Алжир. В 1881—1883 гг. был установлен французский протекторат в Тунисе. С 1878 по 1889 г. шло завоевание Судана, в 1882—1899 гг. — Конго. В 1893—1894 гг. были завоеваны Гвинея и Дагомея (ныне Бенин). В 1884—1896 гг. французское влияние распространилось в части Сомали. За 1885—1896 гг. стал французским Мадагаскар. В 1900 г. был окончательно завоеван Чад, в 1911 г. французской стала Мавритания. В целом колониальная экспансия в Африке завершилась с образованием протектората в Марокко в 1912 г.

Другим важным регионом французской колониальной экспансии стал Индокитай. Здесь еще со времен Второй Империи Франции принадлежали Камбоджа и Кохинхина, а в 1883—1885 гг. Франция присоединила к своим владениям Аннам и Тонкин. В 1887—1893 гг. она проникла на часть территории Лаоса, установив там свой протекторат.

Наконец, Франции принадлежало несколько колониальных владений в других концах Земли. В 1871 г. она аннексировала Гамбийские острова в Полинезии, в 1878 г. — Новую Каледонию, в 1880 г. — Таити, в 1886—1887 гг. — острова Уоллис и Футуна в южной части Тихого океана, в 1887 г. создала condominium с Великобританией на Новых Гебридах. В Западном полушарии Франция в 1877 г. выкупила у Швеции Антильские острова, а в 1891 и 1900 гг. часть Гвианы у Голландии и Бразилии соответственно. В Индийском океане в 1912 г. она превратила в колонию Коморские острова.

Официальный курс французских властей по отношению к колониям строился по принципу ассимиляции, так как они считались «продолжением Франции». Париж практиковал прямое управление колониями, опираясь на губернаторов, резидентов и администрацию. Так называемые «Южные территории Африки» — Чад и район Сахары, где сохранялась напряженная атмосфера, подчинялись военному командованию. Французской Западной (входили: Сенегал, Гвинея, Кот-д'Ивуар, Верхний Сенегал-и-Нигер, Мавритания) и Экваториальной (входили: Габон, Средний Конго и Убанги-Шари) Африкой, а также Мадагаскаром, Кохинхиной и Тонкином правила гражданская администрация. Индокитай был поделен на три протектората — Аннам, Лаос, Камбоджа, один полупротекторат — Тонкин и одну колонию — Кохинхину. В Северной Африке Тунис и Марокко были протекторатами, а Алжир, поделенный на три департамента (Оран, Алжир и Константину), вообще считался частью Франции и находился в ведении Министерства внутренних дел.

Колониальная экспансия представлялась французским правителям необходимым инструментом для восстановления былой мощи, утраченной после поражения во франко-прусской войне. С ее помощью правительства надеялись стереть из памяти французов унижение от этой войны и возродить в них чувство национальной гордости. Более того, колониальные проблемы нередко экстраполировались французскими политиками на европейские дела и становились разменной монетой при заключении договоров и союзов в Европе.

Первым, кто в самом начале Третьей республики обосновал необходимость колониальной экспансии ради обретения Францией «достойного места в мире», был Л. Гамбетта. Но подлинным теоретиком французского колониализма считается Ж. Ферри. Он дополнил колониальную стратегию соображениями экономического характера, назвав обладание колониями «предохранительным клапаном» от кризисов для индустриальных стран. С другой стороны, Ферри видел

в колониальных завоеваниях «гуманитарную миссию», утверждая, что Франция как «страна прав человека» несет «низшим расам» знания и свободу. Будучи дважды председателем Совета министров — в 1880—1881 и 1883—1885 гг. — Ферри предпринял широкомасштабные завоевания в Индокитае (в Тонкине и Аннаме), в Северной Африке (в Тунисе) и в Черной Африке (в Конго).

В 1892 г. колониальное лобби создало свою группу в палате депутатов во главе с гамбеттистом Эженом Этьеном. На 1902 г. к этой группе примыкало 200 депутатов из числа «умеренных» и некоторых радикалов. В 1898 г. группа колониалистов образовалась в Сенате. Колониалисты опирались на многочисленные ассоциации, в которых в 1913 г. состояло 15 тыс. французов.

Однако тогда же в среде политиков появились и антиколониалисты, представленные социалистами, съезды которых начиная с 1895 г. всякий раз осуждали колониальную политику, и частью радикалов. Трибунами их выступали Ж. Жорес и Ж. Клемансо. Революционные профсоюзы, ведомые Гюставом Эрве, также подвергали критике колониальную политику властей. Активно вела антиколониалистскую пропаганду «Лига прав человека».

Колониальная экспансия Франции зачастую сопровождалась различного рода кризисами. Во-первых, она нередко вызывала острые дискуссии в парламенте, итогом которых становилась отставка правительств. Так, в 1885 г. из-за нескольких военных неудач и столкновений с Китаем в Тонкине, названных прессой «тонкинской авантюрой», пало правительство Ж. Ферри, а его самого французы прозвали «Ферри-тонкинец». В 1911—1912 гг. недовольство колониальной политикой лишило кресла председателя Совета министров Ж. Кайо. Конфликт в палате депутатов и Сенате возник в связи с тем, что Кайо пошел на компромисс с колониальными притязаниями Германии. Он согласился удовлетворить требование Германии передать ей часть французского Конго в обмен на часть немецкого Камеруна и обязался не распространять без совещания с Германией французское влияние на всю территорию Конго в случае, если бельгийский король добровольно откажется от своей доли. По сути Кайо поступил как реалист, понимая, что Франция еще не готова к открытым военным столкновениям с Германией, морская канонерка которой под именем «Пантера» 1 июля 1911 г. появилась в порту Агадир в сопровождении ограниченного сухопутного контингента. Однако подобные действия в накалявшейся атмосфере кануна Первой мировой войны задели национальные чувства французов. Пресса запестрела «разоблачениями» Кайо, обвиняя его в прогерманских симпатиях. В Сенате развернул бурную деятельность возглавлявший в то время комиссию по иностранным делам Клемансо, действия которого фактически и спровоцировали отставку Кайо.

Во-вторых, втянувшись в колониальные аннексии, Франция превратилась в одного из активных акторов международных кризисов кануна Первой мировой войны. Одним из таких стал Фашодский кризис 1898—1899 гг., столкнувший ее с Великобританией.

Одержимая стремлением создать «магрибинский ансамбль» из своих владений, Франция попыталась утвердиться в верховьях Нила, отправив туда в июле 1896 г. экспедиционный корпус капитана Маршана, который занял там местечко Фашода. Однако это продвижение французов очень не понравилось англичанам, владевшим с 1882 г. Египтом. В обеих империях нагнеталась обстановка, усилилась взаимная вражда в общественных настроениях, зазвучали призывы к войне. Все же руководству обеих стран хватило здравого смысла, чтобы пойти на компромисс. 3 ноября 1898 г. Маршан получил приказ об эвакуации, а 21 марта 1899 г. Англия и Франция подписали договор, по которому разграничили свои владения в Африке между Конго и Нилом. Урегулирование Фашод-

ского кризиса послужило отправной точкой в процессе продвижения к франко-английскому «сердечному согласию».

Гораздо более серьезными для международных отношений как прелюдия Первой мировой войны с точки зрения участия в нем великих держав были два марокканских кризиса. Первый произошел в 1905 г. Начался он в связи с намерением Франции установить в Марокко свой протекторат. Установив с помощью «Парижско-Нидерландского банка» финансовый контроль над султаном Марокко в 1904 г., год спустя Франция предложила ему план реформ, ведущих к протекторату. Предварительно французы получили одобрение своих действий у англичан, итальянцев и испанцев. Однако Германия отреагировала на них крайне негативно. 31 марта 1905 г. Вильгельм II лично прибыл в Танжер, чтобы заявить султану о своих претензиях. Параллельно Германии удалось добиться отставки с поста министра иностранных дел Делькассе, настроенного на решительный отпор немецкой стороне. 1 апреля султан Марокко попросил созыва международной конференции для разрешения возникшего конфликта. Конференция проходила с 14 января по 7 апреля 1906 г. в городе Альхесирас (Испания). Участвовало в ней 11 стран, в том числе и США. В заключительной декларации провозглашалась территориальная целостность Марокко, подтверждалась власть султана и объявлялась свобода торговли на территории страны. Между тем Франция добилась для себя некоторых выгод. Прибрежная полиция была французской и испанской, и государственный банк остался в руках Франции и ее союзников. Второй марокканский кризис разразился в 1911 г. Он был вызван двумя причинами. С одной стороны, усилением военных действий французов по захвату марокканской территории (Франция в 1907 г. захватила Касабланку, а в 1911 г. — Фес и Мекнес). С другой стороны, новый кризис создало противодействие со стороны Франции экономическому проникновению Германии в Марокко. С 1910 г. Франция начала чинить препятствия свободной деятельности немецких промышленников и финансистов в Марокко. На компромисс с Германией пошло правительство Кайо, но именно из-за него оно и было свергнуто.

Глава 27 ГЕРМАНИЯ В 1871–1914 гг.

Возникновение Германской империи означало коренное изменение политических реалий как в масштабах всей Европы, так и для самих немцев. Принципиальное значение имели обстоятельства возникновения немецкого национального государства, а именно его связь с войной. Война и разбуженный ею национализм привели к повороту в настроениях населения южногерманских государств и тем самым облегчили их вхождение в империю. В более долгосрочной перспективе связь с войной во многом определяла само понимание нового государства — его «мифом основания» явилось не волеизъявление нации, а военная победа; главным национальным праздником стало не принятие общегерманской конституции, а «день Седана» — ежегодные торжества в честь разгрома французской армии 2 сентября 1870 г.

Наиболее значимой проблемой Германии после объединения являлась внутренняя консолидация. Требовалось согласовать друг с другом разнообразные политические и экономические интересы, интегрировать в общество обособленные социальные, конфессиональные и национальные группы, учесть различные политические традиции земель, составлявших отныне единую Германию. Первым шагом на этом пути стала конституция.

Конституция Германской империи. Принятая 16 апреля 1871 г. конституция Германской империи по своему характеру представляла собой компромисс между лидерством Пруссии и традициями исторического федерализма, с одной стороны, и между монархиями и национально-либеральным движением — с другой. Этот компромиссный характер проявился даже в самом титуле главы империи: дабы не ущемить самолюбие прочих династий, Вильгельм I стал именоваться не «кайзер Германии», как ему хотелось, а «германский кайзер».

Несмотря на содержащийся в этом титуле смысл «первого среди равных», в действительности одной из главных характерных черт политического устройства Германской империи было преобладание Пруссии. Столицей империи объявлялся Берлин, лишь король Пруссии мог быть императором, и именно ему принадлежала ключевая роль во всей политической системе страны. Он назначал главу исполнительной власти — канцлера, а также других имперских чиновников, командовал армией и флотом, созывал и распускал парламент, утверждал или отклонял законопроекты.

Канцлер был подотчетен исключительно императору и не нес парламентской ответственности. На практике канцлером чаще всего являлся прусский премьер-министр. Ему подчинялись государственные секретари — имперские министры. Канцлер председательствовал в высшем органе власти Германской империи — Бундесрате (Союзнном совете), в который входили представители отдельных субъектов империи, назначенные их главами. Преобладавшее влияние в бундесрате имела Пруссия, которая располагала 17 голосами из 58 и к тому же могла быть уверена в безоговорочной поддержке малых северогерманских государств. Бундесрат обладал правом законодательной инициативы и мог с согласия кайзера распустить парламент — рейхстаг. Фактически бундесрат с годами стал утрачивать свое влияние в пользу рейхстага.

Депутаты рейхстага избирались на три года (с 1888 г. — на пять) на основе всеобщих, равных, тайных и прямых выборов для мужчин старше 25 лет, за исключением военных. Его главными прерогативами являлись принятие законов и утверждение бюджета. Вплоть до 1906 г. депутаты не получали денежного

вознаграждения за свою работу, что создавало дополнительные трудности для выходцев из небогатых слоев населения. К тому же власти умышленно сохраняли старое распределение избирательных округов по закону 1869 г., который не учитывал стремительную урбанизацию и тем самым отдавал предпочтение деревне перед городом — главным источником голосов для социал-демократов.

С точки зрения государственного устройства Германская империя представляла собой федерацию из 25 политических единиц: четырех королевств (Пруссии, Баварии, Саксонии и Вюртемберга), 18 малых государств и трех «вольных городов» — Гамбурга, Любека и Бремена. На особых правах находилась «имперская земля» Эльзас-Лотарингия, которая управлялась наместником, подчинявшимся непосредственно императору. В ведении местных властей оставались образование, полиция, суд, часть финансовой системы. Кроме того, южногерманские государства имели особые права: они содержали собственные дипломатические представительства; баварский король в мирное время командовал своей армией; Бавария и Вюртемберг сохранили контроль над почтой и железными дорогами. В каждой из земель действовали свои собственные органы законодательной власти, степень демократизации которых могла различаться весьма существенно. Так, крайним консерватизмом отличался прусский ландтаг, выборы в который продолжали производиться по «трехклассной системе» 1850 г., предоставлявшей $\frac{2}{3}$ мест наиболее зажиточным 15% населения.

Современник событий, известный историк Т. Моммзен назвал устроенную Бисмарком политическую систему «псевдоконституционным абсолютизмом». Имелся в виду авторитарный характер создания империи, сохранение у власти традиционных монархических элит и особенно — практически полное отсутствие парламентской ответственности исполнительной власти. Помимо этого, из-под контроля парламента фактически изымались важнейшие сферы государственной деятельности. Внешняя политика оставалась прерогативой императора и назначавшихся им чиновников, а военный бюджет чаще всего принимался сразу на несколько лет вперед, что затрудняло парламентский контроль за действиями военных.

Национальные и либеральные силы, горячо выступавшие за создание единого государства, были отчасти разочарованы: в конституции империи говорилось о союзе германских монархов и даже не упоминалось слово «нация»; отсутствовал и перечень основных гражданских прав. Однако все недостатки политического устройства компенсировались, на их взгляд, самим фактом возникновения единого государства. Как выразился о только что созданной империи Э. Ласкер, один из лидеров немецкого либерализма, «девица уродлива, но жениться придется».

Германское общество. Некоторым контрастом по сравнению с отставанием от стран Западной Европы в парламентско-либеральном развитии выглядела ситуация в социально-экономической сфере, где Германия стала воплощением целого ряда самых современных тенденций.

Принципиальным фактором всего внутреннего развития Германской империи был огромный рост населения. В 1871 г. в Германии насчитывалось 41 млн человек, в 1913 г. — 67 млн. Ежегодный прирост населения составлял 600–800 тыс. человек, в 1906 г. достигнув пика в 910 тыс. Этот небывалый демографический подъем оказывал влияние на самые разные процессы. Недостаток земли стимулировал внутреннюю миграцию и урбанизацию, а также ставил проблему снабжения населения продовольствием. Быстрое увеличение населения вносило свой вклад в то ощущение постоянного роста и собственной мощи, с которым жили немцы конца XIX в., однако одновременно внушало опасения перенаселения и голода. Не случайно именно на немецкой почве родился те-

зис о «жизненном пространстве» одного из основоположников геополитики Ф. Ратцеля (1844—1904).

Стремительно шла урбанизация. Если в 1871 г. в деревне проживала половина населения, то в начале XX в. — треть. Особенно быстро росли крупные города. За тот же период количество жителей городов с населением свыше 100 тыс. увеличилось с 5 до 21%. С 1880 по 1910 г. население Берлина выросло с 1 млн 100 тыс. до 3 млн 700 тыс., Гамбурга — с 290 до 932 тыс., промышленного Эссена — с 57 до 295 тыс. В некоторых промышленных регионах, в частности, в Руре, сельскохозяйственное население исчезло практически полностью, и города располагались почти вплотную.

Исход из деревни в город достиг таких масштабов, что начала ощущаться нехватка сельских работников. Выходом стало привлечение сезонных рабочих из других регионов и даже стран. На рубеже веков на немецких полях ежегодно трудилось не менее 400 тыс. поляков.

Эмиграция была развита на порядок слабее внутренних миграций. Ее пик пришелся на 80-е гг., когда в США ежегодно выезжало около 100 тыс. немцев. Однако с середины 90-х гг. этот поток сократился вчетверо в связи с улучшением экономической конъюнктуры в Германии и исчезновением «фронта» в США.

Главным изменением в социальной структуре стал огромный рост численности фабричных рабочих. В 1860 г. их насчитывалось 2 млн 800 тыс., в 1880 г. — 5 млн, в 1907 г. — 10 млн 600 тыс. В силу своего относительно позднего появления и особенностей немецкой промышленной структуры немецкий рабочий класс был самым современным в Европе. Он сосредотачивался в крупных промышленных центрах и на заводах с большим количеством занятых, отличаясь развитым самосознанием. Происходил постепенный рост зарплат, особенно у квалифицированных рабочих и в новых отраслях — в 90-е гг. на 25%. Если в 1871 г. рабочий день составлял от 12 до 16 ч, то к 1913 г. снизился до 9,5 ч. Защитой рабочих занималась Генеральная комиссия свободных профсоюзов, в которые в 90-е гг. входило около 250 тыс., а к 1914 г. — 2,5 млн человек. Несмотря на постепенное улучшение жизни рабочих, именно рабочий вопрос продолжал оставаться главной социальной проблемой в Германии.

Невзирая на сдвиги в пропорциях в пользу городского населения, особое место в германской социальной и политической структуре продолжали занимать юнкеры. Высокий социальный престиж юнкеров делал их земельные владения привлекательными для покупки представителями буржуазии, которые немедленно начинали воспроизводить стиль жизни прежних хозяев поместий и с помощью браков стремились к включению в юнкерскую среду. Из-за сохранения «трехклассной» избирательной системы в Пруссии и особого места последней в структуре Германской империи, а также благодаря близости юнкерской аристократии к правящей династии юнкерство играло непропорционально большую роль в политической жизни страны, влияя на принятие важных решений и поставляя канцлеров и министров.

Хотя подавляющее большинство населения Германии составляли немцы, в ней жили также значительные национальные меньшинства — датчане, чехи, французы. Самую крупную национальную группу, более чем в 2 млн человек, образовывали поляки, проживавшие преимущественно в Познани. К концу XIX в. в отношении их усилились тенденции германизации, орудиями которой являлись как государственная школа, так и деятельность отдельных организаций, среди которых выделялось Общество германской Восточной марки (1894 г.). Все это вело к обострению отношений между немцами и поляками.

Главным фактором в конфессиональных отношениях после возникновения Германской империи стало преобладание протестантов, составлявших око-

ло ²/₃ населения. Это обстоятельство вынуждало католиков к оборонительной позиции, которая проявлялась не только в деятельности партии Центра, но и в неприятии «протестантской» социал-демократии, в создании собственных профсоюзов. Крупным религиозным меньшинством были иудеи, община которых насчитывала около 600 тыс. человек. Несмотря на то, что в их среде существовала сильная тенденция к ассимиляции и интеграции в немецкое общество, именно в Германии отчетливо заявил о себе политический антисемитизм, представители которого в 1887 г. впервые попали в рейхстаг.

Экономическое развитие. Развитие сельского хозяйства определялось противоречивыми тенденциями. Рост городского населения и повышение его жизненного уровня вели к увеличению спроса на сельскохозяйственную продукцию, производство которой практически удвоилось. Вместе с тем начавшийся с середины 70-х гг. мировой аграрный кризис затронул и Германию. За последнюю треть века транспортные расходы на доставку дешевого заокеанского зерна снизились в три раза, а также увеличился его экспорт из России и Румынии. Все это вызывало падение цен. На этот вызов аграрии Германии ответили двояким образом. С одной стороны, происходила рационализация и модернизация сельского хозяйства, особенно на западе страны. Здесь наглядно сказывались лидерство Германии в новейших промышленных отраслях — электротехнической и химической. Широкое применение находили электромоторы, а использование химических удобрений с 1890 по 1913 г. увеличилось в 6 раз. С другой стороны, во многом по настоянию аграриев Восточной Эльбы правительство приняло протекционистские меры. В результате повышения таможенных тарифов в 1879, 1885 и 1887 гг. цены на зерно в Германии поднялись в 5 раз. Свою роль в этих мерах играли и стратегические соображения, а именно опасения слишком большой продовольственной зависимости страны в случае войны.

Однако далеко не сельское хозяйство определяло экономический облик Германии в эти годы. Внимание современников, причем не только в Германии, обращали на себя огромные успехи ее промышленности. Уже с 1872 г. по объемам промышленного производства Германия стала обгонять Францию. Еще более показательными были немецкие успехи по сравнению с бывшей «мастерской мира» — Англией. С 1870 г. по 1913 г. промышленное производство в Великобритании выросло в 2, а в Германии в 5 раз. На рубеже веков Германия обогнала Англию в экономически и стратегически важнейших отраслях: с 1893 г. — по стали, с 1903 г. — по железу. Заполонившие английские магазины товары с «роковой надписью» «Made in Germany» вызывали в Англии панические настроения.

Первоначально областями роста выступали традиционные отрасли — железнодорожное строительство и металлургия. Последняя получила дополнительный импульс в связи с изобретением в конце 70-х гг. метода томасования, сделавшего возможным промышленное использование фосфатистых железных руд аннексированной у Франции Лотарингии. Около половины производимого железа в 1850—1890 гг. потребляла железная дорога. На нее же приходилась четверть всех инвестиций. Если к 1882 г. было построено 22 тыс. км железных дорог, то к 1905 г. — 32 тыс. Однако еще более важным для немецких производителей становился даже не внутренний, а внешний рынок. Уже в 80-е гг. около 70% продукции металлургических предприятий Круппа уходило за границу.

Если не самой важной, то самой заметной частью этого экспорта являлись вооружения, особенно знаменитые пушки Круппа, гигантский размер которых был призван не только продемонстрировать всему миру новую немецкую промышленную и военную мощь, но и производить сенсацию, служа своеобразной рекламой и средством проникновения на новые рынки. Так, уже процесс доставки по территории США 120-тонной пушки на Всемирную выставку в Чи-

каго 1893 г. вызвал огромный общественный интерес; «самая большая пушка в истории» привлекала основное внимание посетителей и на самой выставке.

Тем не менее на первые места в мировом промышленном производстве Германия вышла даже не столько благодаря ускоренному развитию традиционных отраслей промышленности, сколько вследствие лидерства в новых. Вместе с США Германия стала главной движущей силой «второй промышленной революции». «Сименс» и возникшая в 1882 г. «АЭГ» (Всеобщая электрическая компания) производили практически все мыслимые электротехнические приборы и конструкции, от генераторов электростанций до бытовых приборов — утюгов, водонагревателей, телефонов; уже в 1879 г. на предприятиях В. Сименса (1816—1892) был создан первый электровоз. Немцам принадлежало мировое лидерство в оптической промышленности. Продукция химических предприятий занимала до 90% мирового рынка, особенно что касалось удобрений, красителей и лекарств (аспирин, новокаин). Если изобретенный немцами К. Бенцем, Г. Даймлером и В. Майбахом в 1884—1889 гг. автомобиль нашел более широкое развитие в США, то другое немецкое изобретение — дизельный двигатель (1893 г.) — быстрыми темпами завоевывало позиции в Германии.

Стремительное развитие экономики Германии объяснялось целым рядом причин. Благодаря объединению впервые в германской истории возник столь емкий единый внутренний рынок, отныне полностью лишенный любых межгосударственных преград. Его формальные рамки по-прежнему образовывал Таможенный союз, вне которого до 1888 г. оставались лишь Бремен и Гамбург. С повсеместным введением в 1872 г. метрической системы окончательно завершился многовековой германский разнобой мер и весов. Еще большее значение имело введение в 1871 г. новой единой общей валюты — имперской марки, основанной на золотом стандарте.

Помимо процессов унификации экономической сферы решающее значение имела специфика германской инвестиционной политики. Немецкие банки охотно вкладывали средства в долгосрочные проекты в промышленности, чему помогали государственные гарантии. Особенно выделялась в этом отношении четверка возникших в 50—70-е гг. «Д»-банков — Дармштадского, Дрезденского, Дисконтного и Дойче банк. В отличие от Англии и Франции, инвестиции в гораздо меньшей степени уходили за рубеж, стимулируя собственную экономику. К 1914 г. Германия с 13% занимала третье место по зарубежным инвестициям в мире после 43% у Англии и 20% у Франции, однако в отличие от них немцы вкладывали деньги почти исключительно в европейские страны с их высоким платежеспособным спросом, особенно в Австро-Венгрию.

Ключевым же являлось то обстоятельство, что немцы смогли обратить свое мировое лидерство в естественных науках в практические успехи. Важную роль в этом играло государство. Так, финансирование прусских университетов за 1871—1908 гг. выросло в 4 раза; был основан ведущий центр фундаментальных естественнонаучных исследований — Общество кайзера Вильгельма. Соединение науки и производства стало главной причиной лидерства Германии в самых современных отраслях промышленности.

«Грюндерство» и его последствия. Значительное место в германских экономических успехах занимала наложенная на Францию контрибуция в 5 млрд франков, насытившая финансовую систему деньгами и давшая возможность получения «легких» кредитов. Более половины контрибуции ушло на выплату государственного долга, что вызвало рост частных капиталов, искавших себе сферу приложения. Ею оказалось «грюндерство» (от нем. *gründen* — основывать) — лихорадочное создание новых фирм и предприятий, облегчавшееся к тому же либерализацией законодательства, касавшегося учреждения акционерных об-

ществ. В 1871—1873 гг. возникла почти тысяча акционерных обществ; до 1875 г. появились две с половиной сотни новых банков. Многие из банков и предприятий существовали фактически только на бумаге, а их акции являлись предметом активных спекуляций. С другой стороны, имели место сверхинвестиции в производство без учета реальной емкости рынка. В мае 1873 г. крах Венской биржи возвестил о начале кризиса, который приобрел всемирный размах и особенно был ощутим в Германии. Хотя падение производства было относительно незначительным, произошло падение цен на промышленную продукцию, множество акционеров разорилось; одновременно снизились зарплаты рабочих.

Кризис и начавшаяся вслед за ним депрессия привели к серьезным экономическим и политическим последствиям. В промышленности и банковской сфере существенно ускорились процессы концентрации, поскольку кризис показал большую устойчивость к потрясениям крупных предприятий и к тому же упростил задачу поглощения ими мелких. Та же тенденция укреплялась и начавшейся «второй промышленной революцией», в отраслях которой концентрация производства и капитала диктовалась самими производственными потребностями. В результате, например, Рейнско-Вестфальский синдикат сосредоточил в своих руках до 80% производства угля. Количество картелей возросло с 4 в 1875 г. до 385 в 1905 г. Однако многие из них являлись лишь временными соглашениями, и в целом монополизированный сектор не превышал 25% от всего промышленного производства. Не случайно в Германии не отмечалось общественной реакции на процессы концентрации производства, подобной антистретовскому движению в США. Имперский суд в 1897 г. признал их законными и нормальными.

Другим ответом на кризис стало изменение экономической политики государства, а именно переход от фритреда к протекционизму. В значительной степени он свершался под давлением различных организаций, представлявших интересы определенных аграрных и промышленных групп под лозунгом «защиты национального труда». Наиболее крупным объединением такого рода являлось Центральное объединение немецких промышленников (1876 г.), к которому позднее присоединились Союз промышленников (1895 г.) и Союз сельских хозяйств (1893 г.). Главным их требованием было введение протекционистских таможенных тарифов на продукцию представляемых ими отраслей.

В свою очередь, правительство искало дополнительные источники для компенсации снижения доходов от налогов вследствие кризиса. К тому же пошлины не контролировались рейхстагом, что было важно Бисмарку как главе имперского правительства. Кроме того, в пользу перехода к протекционизму говорили и некоторые внешнеполитические соображения, а именно желание оказать давление на Россию, в которой после Берлинского конгресса 1878 г. выросли антигерманские настроения. Своими действиями в экономической сфере Бисмарк хотел продемонстрировать России зависимость от Германии и подтолкнуть ее к вступлению в планировавшийся Союз трех императоров вместе с Австро-Венгрией и самой Германией. Для Бисмарка речь шла о своеобразном способе доказать России важность германской дружбы, хотя, с другой стороны, подобные акции являлись и некоторым реверансом в сторону антирусского общественного мнения. Между тем обе страны были заинтересованы в рынках друг друга: Германия — для своей промышленности, Россия — для своего сельского хозяйства. В итоге в 1894 г. уже после отставки Бисмарка, они заключили новый компромиссный торговый договор, по которому обязались снизить пошлины и предоставить друг другу режим наибольшего благоприятствования.

«Культуркампф» и «второе основание империи». Все существование Германской империи до Первой мировой войны с точки зрения ее внутренней поли-

тики распадается на два почти равных периода — время канцлерства Бисмарка с 1871 по 1890 г. и последующие годы, определяющей фигурой в которых был кайзер Вильгельм II (1889—1918). В свою очередь, эпоха Бисмарка также подразделялась на два периода, рубежом между которыми являлось так называемое «второе основание империи» в конце 70-х гг. — консолидация консервативных сил, ставших основной политической опорой Бисмарка.

В первые годы после возникновения Германской империи он пользовался поддержкой Национал-либеральной партии во главе с Р. Беннигсенем, обладавшей в начале 70-х г. самой крупной фракцией в рейхстаге и следовавшей за Бисмарком из-за его роли в объединении Германии. На повестке дня стояла внутренняя консолидация империи, включавшая в себя как позитивные, так и негативные задачи. В рамках решения первых требовалось принятие законов, превращавших Германию во внутренне единое государство и касавшихся создания общеимперских органов власти, выработки новых политических и правовых норм. Решение вторых задач подразумевало борьбу против любых видов обособления — регионального, политического, конфессионального, воспринимавшегося Бисмарком и национал-либералами как угроза вновь созданному единству.

Распространенный на Юге Германии политический католицизм казался Бисмарку основным носителем партикуляристских настроений, к тому же Католическая партия Центра во главе с Л. Виндхорстом (1812—1891) являлась его важнейшим оппонентом в рейхстаге. Открывая против нее кампанию, по заглавию одного из памфлетов получившую название «культуркампф» («борьба за культуру»), Бисмарк мог твердо рассчитывать на поддержку национал-либералов, поскольку борьба против клерикализма, и без того входившая в программные требования либералов по всей Европе, усилилась в связи с провозглашением Ватиканом в 1870 г. догмата о непогрешимости Папы.

В отличие от своих либеральных союзников, Бисмарк, выступая против католицизма и Папы, в большей степени преследовал не идеологические, а политические цели. Провозгласив, что «мы не пойдем в Каноссу», канцлер не только перетолковывал в «национальном» смысле древнюю историю борьбы Империи и Папства, но и косвенным образом наносил удар по Франции, поскольку находившиеся тогда у власти монархисты Папу поддерживали. Одновременно «культуркампф» служил своеобразным общим знаменателем, позволявшим в случае необходимости подвергать давлению потенциальных носителей партикуляризма внутри Германии, пользуясь их католическим вероисповеданием — южных немцев, поляков, жителей Эльзас-Лотарингии.

В 1872 г. вместо церковного был введен государственный надзор за школами, а также так называемый «кафедра́льный параграф», под страхом уголовной ответственности запрещавший священникам возглашать с церковной кафедры враждебные государству идеи. Также на территории Германии запрещался орден иезуитов. В последующие годы были приняты законы об обязательном обучении католических священников в немецких университетах, о контроле государства за назначениями на церковные должности и о прекращении государственных дотаций католической церкви. В 1875 г. закрывались все монастыри, кроме занимавшихся лечением и призрением.

Подобные меры по всей Германии вызывали сопротивление католиков, которые активно их саботировали. В 1874 г. один рабочий-католик даже совершил неудачное покушение на Бисмарка. С политической точки зрения гонения на католиков вызвали противоположный эффект: партия Центра удвоила места в рейхстаге. Неожиданно для Бисмарка проявила себя конфессиональная солидарность — консервативные протестантские круги оказали давление на двор с целью прекращения гонений за веру. Наконец, часть либералов увидела в дей-

ствиях Бисмарка нарушение одного из своих основополагающих принципов — свободы совести. В итоге с 1880 г. антикатолические законы были смягчены, и практически в силе остались лишь «кафедра́льный параграф», запрет иезуитов и гражданская регистрация брака.

Либералы оказались для Бисмарка не только не очень надежным, но и слишком требовательным союзником, желавшим за сотрудничество министерских постов и прочих уступок. К тому же сама близость с либералами изначально диктовалась лишь политическим расчетом и была внутренне чужда такому глубоко консервативному по убеждениям политику, как Бисмарк.

Однако главным толчком к перемене Бисмарком внутривнутриполитического курса стала постепенная потеря либералами влияния в обществе. Важную роль сыграла в этом экономический кризис 1873 г. и последовавшая за ним депрессия: свобода торговли и не оправдавший себя оптимизм ассоциировались с либералами, в то время как общественные настроения приобретали скорее пессимистический характер, и повсеместно выдвигались требования «защиты национального труда». Кроме того, основные положения либеральной программы, такие как национальное объединение и гражданские свободы, были уже осуществлены и перестали являться актуальными и привлекательными.

Консервативные силы, напротив, укреплялись. В 1876 г. возникла Немецкая консервативная партия во главе с О. Хельддорфом (1833—1908), опиравшаяся преимущественно на юнкерство Восточной Пруссии, но имевшая также массовую поддержку в лице Союза сельских хозяев, крестьянских членов которого связывали с юнкерами общие аграрные интересы. Вместе с промышленниками Немецкой имперской партии они образовывали своеобразный «союз ржи и стали», на который с конца 70-х гг. стал опираться Бисмарк, постепенно привлекая к сотрудничеству и своих недавних противников — партию Центра. Новая конфигурация политических сил заслужила название «второго основания империи» потому что, в отличие от прежнего союза с либералами, она была больше, чем просто тактическим парламентским маневром. Старая аграрная элита вступила в прочную связь с самыми современными элитами тяжелой индустрии, что закрепило общий консервативный характер Германской империи, заданный уже обстоятельствами ее создания и ее конституцией. Этот поворот к консерватизму больше всего почувствовали на себе социал-демократы.

От «исключительного закона» против социалистов до отставки Бисмарка. Принесенное кризисом ухудшение общего экономического положения способствовало «ужесточению классовых фронтов». Консолидировалось и рабочее движение. В 1875 г. в результате объединения «лассальянцев» с Социал-демократической рабочей партией возникла единая Социал-демократическая партия Германии, принявшая компромиссную Готскую программу. Уже на выборах 1877 г. она доказала свое превращение в серьезную политическую силу, завоевав 9% голосов. Между тем для Бисмарка социал-демократы являлись «врагами империи» еще со времени открытия заявленной их лидерами А. Бебелем (1840—1913) и В. Либкнехтом (1826—1900) поддержки Парижской коммуны. Преувеличивая исходящую от них революционную опасность, Бисмарк одновременно разжигал страхи перед «красной угрозой», чтобы оправдать в глазах общественного мнения консервативный поворот, происходивший в его политике.

Воспользовавшись двумя неудачными покушениями на Вильгельма I весной и летом 1878 г., Бисмарк распустил парламент, противившийся принятию закона против социалистов. Новый состав рейхстага, избранный в условиях агрессивной антисоциалистической кампании в октябре 1878 г., принял «Закон против общественно опасных устремлений социал-демократии». Согласно ему, запрещалась Социал-демократическая партия Германии как организация, а так-

же ее любая политическая деятельность вне парламента. Запрещались собрания, шествия и печать социалистов; партийные функционеры могли быть высланы; в крупных промышленных городах в случае необходимости вводилось «малое осадное положение».

Вместе с тем главной цели — уничтожения социал-демократов как политической силы — Бисмарку добиться не удалось. С запретом партийной организации функции руководства партией приняла на себя фракция социал-демократов в рейхстаге, а газета «Социал-демократ», их главный печатный орган, издавалась за границей и нелегально доставлялась в Германию. Более того, как и в случае с партией Центра, гонения вызвали противоположный эффект — укрепление и консолидацию партии. Если к моменту введения «исключительного закона» насчитывалось около 400 тыс. членов партии, то к моменту его вынужденной отмены в 1890 г. — 1,5 млн. Преследования способствовали радикализации настроений членов партии, что выразилось в окончательной победе марксизма как ее идеологической основы, зафиксированной принятием Эрфуртской программы 1891 г.

Одновременно с репрессиями против социалистов Бисмарк решил выбить почву у них из-под ног с помощью «энергичной социальной политики». Были приняты законы, не имевшие аналогов в мире: в 1883 г. о страховании по болезни, в 1884 г. — от несчастного случая, в 1889 г. — по старости и инвалидности. Тем самым был заложен вектор развития в сторону современного социального государства, однако лишить социал-демократов посредством этих уступок поддержки рабочих и сделать последних лояльными государству Бисмарку не удалось. Рабочие в массе своей считали подобные меры вынужденными уступками со стороны государства и плодами их борьбы.

Во второй половине 80-х гг. главной опорой Бисмарка в рейхстаге стал так называемый «картель» — правое крыло национал-либералов в союзе с консервативными партиями, а одной из ведущих оппозиционных сил являлось левое крыло национал-либералов, которое вместе с Прогрессивной партией в 1884 г. образовало новую политическую силу — Германскую партию свободомыслящих. Постоянным источником трений в рейхстаге было вотирование военного бюджета. Военные и Бисмарк требовали фиксирования рейхстагом расходов на военные нужды «навечно», что фактически выводило бы армию из-под контроля парламента, в то время как либералы выступали за ежегодное вотирование этих сумм, тем более что они составляли свыше $\frac{2}{3}$ государственного бюджета. Определенным компромиссом стал введенный в 1880 г. так называемый «септеннат» — вотирование военных расходов на 7 лет вперед. Однако по истечении этого срока в 1887 г. лишь «удивительно кстати подвернувшийся», по словам Бисмарка, кризис вокруг реваншизма французского военного министра Буланже позволил продлить «септеннат» на следующий срок.

С кончиной в 1888 г. императора Вильгельма I Бисмарк потерял одну из своих важнейших внутриполитических опор. После продлившегося лишь 99 дней царствования смертельно больного кайзера Фридриха III в том же году на германский престол вступил новый император Вильгельм II, с которым у Бисмарка немедленно возникли разногласия по целому ряду вопросов внутренней и внешней политики. К тому же в 1889 г. распался проправительственный «картель» в рейхстаге. 18 марта 1890 г. еще недавно всесильный канцлер был отправлен в отставку.

«Новый курс» Каприви (1890—1894). Период от отставки Бисмарка до Первой мировой войны получил название «вильгельмовской эпохи», поскольку как внутренняя, так и внешняя политика Германии этого времени в значительной степени носила на себе отпечаток его личного влияния. Взойдя на престол в

29 лет и не обладая достаточным опытом, новый кайзер отличался импульсивностью и непредсказуемостью. Он был твердо убежден, что Германия не занимает в мире подобающего ей места и собирался это исправить.

Преемник Бисмарка Л. Каприви (1890—1894) провозгласил «новый курс», заключающийся в отказе от конфликтной политики времен Бисмарка и попытках сгладить внутреннюю напряженность. Действие «исключительного закона» против социалистов не было продлено, а социальные реформы получили продолжение в виде запрета в 1891 г. работы в воскресные дни, ограничения применения женского и детского труда, усовершенствования системы фабричной инспекции. Кроме того, была проведена налоговая реформа, основанная на принципе прогрессивного налогообложения, что отчасти облегчило положение бедных слоев населения.

Особенно важным оказался отход от аграрного протекционизма времен Бисмарка. Новые торговые договоры 1891—1894 гг. с Австро-Венгрией, Италией, Швейцарией и Россией снизили ввозные пошлины на зерно и способствовали открытию рынков этих стран для немецкой промышленной продукции, что сыграло свою роль в превращении Германии в ведущую индустриальную державу Европы. Следствием этих мер стало также снижение цен на продукты питания, что вполне соответствовало стремлениям Каприви сделать рабочих более лояльными по отношению к государству и ослабить влияние социал-демократов. Однако подобная политика вызвала активное сопротивление аграриев Восточной Эльбы, орудием которого являлся Союз сельских хозяев. Проходя на выборах по спискам различных партий, сторонники Союза образовали в рейхстаге группу Экономическое объединение, из года в год включавшую в себя около 100 человек и занимавшуюся лоббированием интересов аграриев.

Роковым для Каприви оказалось все большее расхождение политических курсов ведомого им общепрусского правительства и Пруссии, вынудившее его даже отказаться от поста прусского премьер-министра, который он первоначально занимал. Прусский ландтаг все более превращался в оппозиционную силу не только из-за недовольства таможенной политикой, но и потому, что продолжал традиции бисмарковского «картеля», в то время как в рейхстаге Каприви старался проводить политику «открытости» для всех партий и особенно опирался на левых либералов и партию Центра. Следствием всех этих трений стала отставка Каприви с поста канцлера в октябре 1894 г.

«Эра Бюлова» и «личное правление» Вильгельма II. Еще одной причиной отставки Каприви являлось все усиливавшееся недовольство им со стороны императора, который стремился к более прямому управлению страной. «Монарх должен иметь последнее слово, но Его Величество хочет иметь первое, и это кардинальная ошибка», — так отзывался о кайзере его собственный министр иностранных дел. Поставив у власти престарелого «переходного канцлера» Х. Гогенлоэ (1894—1900), Вильгельм II занялся подбором личных советников и единомышленников, с помощью которых он собирался круто изменить курс Германии. В 1897 г. главной внешнеполитической ведомств стал Б. Бюлов (1849—1929), военно-морские силы возглавил адмирал А. Тирпиц (1849—1930), должность статс-секретаря внутренних дел получил А. Посадовский (1845—1932). В 1900 г. Бюлов сменил потерявшего влияние Гогенлоэ на посту канцлера.

Предложенный кайзером и новым руководством Германии политический курс заключался в консервативном повороте внутри страны и переходе к «мировой политике» вовне. Внутри страны проводилась «политика сосредоточения» всех «конструктивных» сил против социал-демократов. Активизация внешней политики и ускоренное строительство флота виделись не только как средство достижения Германией «места под солнцем», но и в качестве интегрирующего

фактора. Реализация принятых в 1898 г. и 1900 г. законов об ускоренном строительстве военно-морского флота превращала Германию в мощнейшую военно-морскую державу и одновременно, на взгляд их авторов, выполняла функцию внутренней консолидации и отвлечения от классово-борьбы. В частности, Тирпиц считал, что «в новой великой национальной задаче... содержится сильный паллиатив против образованных и необразованных социал-демократов». Действительно, идея превращения Германии в великую морскую державу была встречена с огромным энтузиазмом. Основанный в 1898 г. Флотский союз в среднем каждую неделю увеличивался на 3 тыс. членов и к 1914 г. достиг численности в 1 млн человек.

Наряду с интегрирующим воздействием национализма «политика сосредоточения» подразумевала также учет экономических интересов различных слоев буржуазии города и аграриев. В 1897 г. в интересах мелких производителей были учреждены Ремесленные палаты, получившие возможность представительства в органах власти. Традиционные трения вокруг таможенных пошлин на аграрную и промышленную продукцию Бюлов попытался преодолеть путем привлечения заинтересованных сторон к обсуждению новых торговых договоров взамен заключенных во времена Каприви и уже истекших. Итогом стал компромиссный «тариф Бюлова» 1902 г., устроивший почти все стороны, но приведший к росту цен на продукты питания. На выборы 1903 г. социал-демократы пошли под лозунгом «Долой хлебных ростовщиков!» и по их результатам превратились во вторую по численности фракцию рейхстага после партии Центра. Сама же партия Центра к этому моменту оказывала поддержку правительству в рейхстаге, получив взамен отмену одного из последних законов времен «культуркампа» — запрещение деятельности иезуитов.

Успехи социал-демократов на выборах поставили под вопрос эффективность «политики сосредоточения», и правительство вернулось к умеренным социальным реформам: был ограничен детский труд, сокращен рабочий день на шахтах. Подобные меры являлись не только реакцией на деятельность социал-демократов и усиление стачечной борьбы, но и находили поддержку партии Центра, в которой было сильно христианско-социальное течение. Однако уступки в социальном вопросе вызвали недовольство консервативного окружения кайзера. Последним толчком к разрыву стало восстание готтентотов и гереро в германской колонии Юго-Западная Африка в 1904 г. Депутаты партии Центра возмущались чудовищной жестокостью, проявленной при его подавлении, и вместе с социал-демократами воспротивились трате дополнительных средств на подобные цели. В результате осенью 1906 г. рейхстаг был распущен.

Состоявшиеся в 1907 г. внеочередные выборы получили название «готтентотских», поскольку проводились в обстановке националистической кампании против «предательской» позиции партии Центра и социал-демократов в колониальных вопросах. Победу на выборах одержал «блок Бюлова», в который сплотились все либеральные и консервативные партии. Вместе с тем их объединяло лишь общее видение внешней политики, в то время как во внутренней сохранялись значительные разногласия. Практически единственным внутриполитическим успехом «блока Бюлова» стал новый закон о собраниях и союзах 1908 г., отменявший многие прежние ограничения, но, по настоянию восточно-прусских консерваторов, сохранявший их в отношении сельских работников. Однако противоречия между консерваторами и либералами по вопросам демократизации политической системы Германии, в частности, отмене «трехклассной» избирательной системы в Пруссии, оказались непреодолимыми.

«Личное правление» Вильгельма II проявляло себя в эти годы как в облике непосредственного вмешательства кайзера в конкретные вопросы внутренней

политики, так и в практике назначения на государственные посты путем единоличных решений. Ярче и нагляднее всего бесконтрольность, а часто и безответственность кайзера проявлялись в его громких внешнеполитических заявлениях, нередко вызывавших международные скандалы. Наиболее известным скандалом такого рода стало «дело Дейли телеграф». Опубликованные в английской газете «Дейли телеграф» в октябре 1908 г. неосторожные высказывания Вильгельма II о характере англо-германских отношений и роли Германии в англо-бурской войне были восприняты в Англии как оскорбление, а в Германии — как выражение полной бесконтрольности кайзера. Все фракции рейхстага сплотились в «коалицию возмущения», но дальше эмоций дело не пошло. Конституция 1871 г. не давала никаких возможностей повлиять на позицию императора, а инициатива социал-демократов и партии Центра об ее изменении была провалена партиями «блока Бюлова».

Сам этот блок развалился уже в следующем году по вопросу финансовой реформы. Для покрытия дефицита правительство предложило повышение косвенных налогов на товары повседневного спроса, а также налогов на наследство для прямых наследников. Однако консервативные партии «блока Бюлова» отказались поддержать налог на наследство, найдя в этом поддержку партии Центра. Утратив опору в рейхстаге, Бюлов летом 1909 г. подал в отставку. Это был первый случай в истории Германской империи, когда канцлер покинул свой пост в результате потери парламентского доверия. Роль рейхстага в политической системе в целом возросла, в то время как случаи самовольного вмешательства кайзера в политический процесс стали более редкими. Вместе с тем дальнейшее развитие парламентаризма, как и вся внутриполитическая жизнь Германии, во все большей степени оказывались в тени надвигающейся войны.

Германия накануне войны. Стремясь нивелировать возросшее значение рейхстага, новый канцлер Т. Бетман Гольвег (1909—1917) опирался не столько на устойчивый блок проправительственных партий, сколько на менявшееся парламентское большинство либо правил внепарламентскими методами. Неудачей закончилась его попытка несколько демократизировать избирательное право в Пруссии, поскольку консерваторы ни в коем случае не хотели отдавать свой главный оплот, а для левых партий предложения правительства оказались слишком умеренными. С другой стороны, был достигнут определенный прогресс в социальном страховании, теперь распространявшемся и на служащих. В 1911 г. вводились конституция и представительные органы в Эльзас-Лотарингии, до того не имевшей собственного ландтага. Тем самым «имперская земля» стала практически полноправным субъектом империи, что, впрочем, никак не изменило преобладавших в ней антигерманских настроений.

Выборы в рейхстаг 1912 г. осложнили политическую ситуацию, поскольку на них социал-демократы достигли пика своих довоенных успехов, превратившись в крупнейшую фракцию рейхстага. Вместе с тем им не удалось составить парламентское большинство из-за взаимного с буржуазными партиями нежелания идти на коалицию. Сказывались и внутрипартийные противоречия. Если правое реформистское крыло во главе с Э. Бернштейном (1850—1932) и председателем баварского отделения СДПГ Г. Фольмаром (1850—1922) выступало за конкретные реформы и сотрудничество с либералами, то левые с их вождями Р. Люксембург (1870—1919) и К. Либкнехтом (1871—1919) отрицали возможность такого сотрудничества и требовали подготовки всеобщей стачки, которая стала бы преддверием революции. Большинство в партии разделяло «центристскую» точку зрения ее главного теоретика К. Каутского (1854—1938) об «ожидании» краха существующей системы. А. Бебель, многолетний харизматичный лидер партии, в своей практической парламентской деятельнос-

ти старался совместить революционную риторику и конкретные социальные реформы.

Не имея устойчивой опоры в парламенте, правительство Бетмана Гольвега перешло к «политике диагонали», т.е. не к проведению некой средней линии между правыми и левыми, а лавированию между ними в зависимости от ситуации и в надежде выиграть время. Используя колебания правительства, рейхстаг попытался упрочить свои позиции в политической системе. Депутаты изменили парламентский порядок таким образом, что после официального запроса канцлеру и министру могло последовать голосование о доверии им. В 1913 г. Бетман Гольвег получил вотум недоверия в связи с «цабернским инцидентом» — неправомерными действиями немецкого военного командования в эльзасском городке Цаберн. Однако в силу особенностей германской конституции, никаких политических последствий это голосование не имело.

Если речь не шла о прерогативах рейхстага как такового, то противостояние правых и левых в нем сохранялось, хотя существовала одна проблема, по которой правительству не стоило никакого труда добиться поддержки парламента — усиление армии и флота. В 1912 г. рейхстаг успешно прошел очередной закон об ускоренном строительстве флота, спустя год последовало решение о самом крупном увеличении армии со времени основания империи. Принимая подобные решения, парламентарии действовали в полном согласии с настроениями в обществе, которые во все большей степени определялись ростом национализма и преклонением перед военными.

Германское общество начала XX в. было гораздо более политизированным, чем ко времени завершения объединения. Если в 1866 г. выходило около 1600 газет, то в 1914 г. — 4200. В 1871 г. в первых выборах в рейхстаг приняло участие лишь 51% имевших право голоса, в последних перед войной выборах 1912 г. — около 85%. Наряду с партиями, газетами, школой и армией главным инструментом политизации выступали самодеятельные организации — ферейны. Разветвленная культура ферейнов по-прежнему являлась социокультурной спецификой немецкого общества, будучи представленной на разных локальных уровнях и отличаясь огромным тематическим разнообразием. Новым на рубеже XIX—XX вв. стал стремительный рост ферейнов милитаристской и националистической направленности. Только в Пруссии к 1910 г. насчитывалось 16 500 локальных военных ферейнов с общей численностью в 1 млн 500 тыс. человек. Подобные мелкие организации объединялись в общегерманские — Немецкий союз воинов (1 млн 700 тыс. человек) и Союз Киффгейзера (2 млн 500 тыс. человек). Помимо них развивались многочисленные националистические объединения местного и общегерманского характера, среди которых выделялись Германское колониальное общество (1887 г.), Пангерманский союз (1891 г.), Союз немецкой Восточной марки, Флотский союз. Общая численность такого рода объединений к началу войны составляла свыше 5 млн человек, т.е. около 1/6 от всего мужского населения Германии.

В силу исторической раздробленности государственной территории Пруссии армия как гарант ее существования всегда пользовалась в ней особым авторитетом. После 1871 г. преклонение перед армией распространилось на другие земли и приобрело характер настоящего культа благодаря тому, что именно она смогла реализовать на практике мечту о национальном объединении. Культ армии выражался не только во все увеличивавшихся цифрах членства в военных ферейнах, но и в том колоссальном общественном престиже, которым пользовались офицеры. Получение звания офицера резерва было самой высокой мечтой не только для рядовых буржуа, но даже для преподавателей гимназий и университетских профессоров. Специфическая военная этика и кодекс

поведения трактовалась в обществе как образец, критика военных не приветствовалась и считалась антипатриотичной. Даже рабочие, несмотря на антимилиитаристскую риторику СДПГ, охотно шли служить в армию, поскольку всеобщая военная обязанность с трехлетним сроком службы воспринималась не как груз, а как социальный шанс. Собственно, и сама эта риторика являлась неопосредованной. Например, лидер партии А. Бебель — «кайзер Август», культовая фигура среди рабочих — постоянно выступал с лозунгом защиты отечества, и его слова о готовности «взять ружье на плечо», если речь пойдет о войне с Россией, «врагом всякой культуры и всех угнетенных», знал каждый рабочий. Подобные настроения учитывались правительством — не случайно война впоследствии была объявлена именно России: «иначе мне не заполучить социал-демократов», — заявил канцлер Бетман Гольвег.

Милитаризация общества проявлялась даже в моде — так, детей массово одевали в матросские костюмчики, подобие военной униформы. Огромная популярность детских матросок одновременно являлась одним из выражений тех изменений, которые претерпел немецкий национализм после объединения Германии — он разворачивался вовне под знаком «мировой политики» и строительства флота. С объединением Германии многолетняя цель немецкого национализма оказалась достигнутой, и, выражаясь словами известного историка и националиста Г. Трейчке (1834—1896), появившийся на свет «молодой великан» стал искать себе новых великих задач. Теперь речь шла не о национальном государстве немцев, а об их месте в мире. Точнее всех широко распространены в обществе настроения выражают знаменитые слова Бюлова из его выступления в рейхстаге в 1897 г.: «Прошли те времена, когда немцы отдавали одному из своих соседей землю, другому море, а себе оставляли лишь небо... мы требуем и наше место под солнцем».

Ощущение несправедливой обделенности немецкой нации в начале XX в. было дополнено новым представлением — об «окружении» Германии. У его истоков стояли предвоенные международные кризисы, заставившие немцев опасаться, что Англия, Франция и Россия проводят стратегию сознательного и планомерного «окружения» Германии. В ноябре 1906 г. Бюлов, выступая в рейхстаге, впервые заявил, что Германию хотят окружить, «как зверя в лесу». Вплоть до Первой мировой войны «окружение» оставалось самым массовым политическим представлением в Германии, которое местами имело черты коллективной фобии и оказывало мощное мобилизующее и интегрирующее воздействие.

Наряду с внешними врагами существовал иной вариант своеобразной «негативной интеграции» немецкой нации — мобилизация против врагов внутренних. Выступив в этой роли во времена Бисмарка, католики в дальнейшем перестали ее играть, в то время как социал-демократы в глазах буржуазной публики носили на себе клеймо «врагов империи» вплоть до Первой мировой войны. С рубежа веков к ним добавились евреи, причем, в отличие от традиционного антииудаизма, новый вариант антисемитизма в значительной степени имел не религиозный, а расовый характер и был гораздо более организованным.

Тем не менее преобладающей и более эффективной оказалась не стратегия интеграции посредством противопоставления нации каким-либо меньшинствам в ней, а социал-дарвинистское представление о немцах как об органическом единстве, борющемся за собственное существование в «мире, полном врагов». Перед этим представлением в конечном счете отступали социальные противоречия, идеологические разногласия и даже принципы морали. Это доказали те настроения и чувства, с которыми немцы встретили Первую мировую войну.

Глава 28 АВСТРО-ВЕНГРИЯ В 1871–1914 гг.

В последние десятилетия XIX в. монархия Габсбургов представляла собой аграрно-индустриальную страну с умеренными темпами экономического роста, существенными диспропорциями в социально-экономическом и политическом развитии отдельных регионов и неразрешенными национальными проблемами, которые налагали решающий отпечаток на всю ее внутреннюю жизнь.

Социально-экономическое развитие и дуализм. Как и в других европейских странах, важным фактором социально-экономического развития являлся быстрый рост населения, особенно в восточных районах страны. Он значительно ускорился в связи с начавшимся в 70-х гг. «демографическим переходом», когда на фоне сохранявшейся высокой рождаемости смертность существенно сократилась. В 1869 г. население монархии составляло 35 млн человек, в 1910 г. — 51 млн с учетом аннексированных в 1908 г. Боснии и Герцеговины.

Не обошел Австро-Венгрию стороной и другой важнейший социальный процесс — урбанизация. Если в 1880 г. в населенных пунктах численностью менее 2000 человек жили 68% населения, то в 1910 — 54%, т.е. аграрное население по-прежнему преобладало, но значительно уменьшилось. Быстрее всего росли столицы. Количество жителей Вены в 1890–1910 гг. увеличилось с 827 тыс. до 2,2 млн человек, Будапешт, возникший в 1873 г. из соединения Буды, Пешта и Обуды, вырос с 270 до 880 тыс. Все больше жителей насчитывали промышленные центры. Так, население столицы Верхней Австрии Линца с середины до конца века умножилось в три с лишним раза. Однако вместе с тем Австро-Венгрия отставала от Германии не только по темпам урбанизации, но и по ее качеству. Если в основе германской урбанизации лежал преимущественно промышленный рост, то та же Вена во многом была обязана ростом населения своей роли политического и культурного центра, а также развитию сферы услуг. Растущая промышленность оказалась тем не менее не способной поглотить всех вчерашних крестьян, выходом для многих из которых стала эмиграция. Свыше 90% эмигрантов уезжали в США. Если мощный промышленный рост Германии с 90-х гг. привел к резкому уменьшению эмиграции, то из Австро-Венгрии она с этого же времени увеличилась, давая вплоть до войны не менее 20% от всех американских иммигрантов.

В некоторых случаях к эмиграции побуждало национальное угнетение, однако чаще всего люди решались искать лучшей доли за океаном по экономическим причинам. Аграрный кризис конца XIX в. больно затронул страну, $\frac{2}{3}$ национального дохода которой по-прежнему приходилось на сельское хозяйство. Падение цен на пшеницу с 1879 по 1903 г. составило свыше 40%. Однако помимо общей для всей Европы проблемы конкуренции дешевого заокеанского зерна, сельские производители Австро-Венгрии столкнулись и со специфическими трудностями, вытекавшими из особенностей аграрных структур отдельных регионов и самой системы дуализма.

Так, крестьянам Цислейтании пришлось иметь дело с конкуренцией не только американского, но и дешевого венгерского зерна и другой сельскохозяйственной продукции, все больше завоевывавшей рынок западной половины монархии. Здесь преобладали средние и мелкие крестьянские хозяйства, которые не имели достаточных ресурсов для необходимой в этих условиях модернизации — введения машин, закупки химических удобрений. Лишь постепенно на-

чался процесс трансформации, которому помог закон 1883 г., разрешивший собирать воедино разбросанные крестьянские наделы, что позволяло более рационально их использовать и даже вводить машинную технику. Часть альпийских хозяйств стала специализироваться на высокогорном скотоводстве по примеру соседней Швейцарии. Наконец, особенную роль сыграло развитие кооперативного движения. С конца века в альпийских провинциях Цислейтании распространились кооперативные идеи немецкого социального реформатора Ф.В. Райфайзена, предусматривавшие создание кредитных и потребительских кооперативов, выдачу «зеленых кредитов» зерном и удобрениями с последующей расплатой урожаем. Однако не все крестьянские хозяйства Цислейтании смогли пережить кризис.

Аграрная структура венгерской части монархии была отмечена гигантскими диспропорциями: около половины земли находилась в руках 9 тыс. дворянских семей, причем 2 тыс. крупных землевладельцев располагали четвертью всей пахотной земли. В то же время на долю свыше, чем 2 млн мелких крестьянских хозяйств приходилось лишь 5,8% земель. Аграрный кризис ударил по последним особенно больно, приводя к дальнейшей пролетаризации, вынуждая уходить в город либо эмигрировать.

Различие интересов между промышленно развитой Цислейтаньей и аграрной Транслейтаньей нередко приводило к конфликтам в таможенной политике. Австрийские промышленники выступали за защитные таможенные меры против конкуренции германской промышленности, в то время как венгерские землевладельцы первоначально требовали свободной торговли. Однако по мере того, как в связи с аграрным кризисом возможности вывоза сужались, венгерские аграрии также становились сторонниками протекционизма. За сравнительно скромным протекционистским тарифом 1878 г. последовал тариф 1882 г., значительно увеличивший пошлины на ввоз сельскохозяйственной продукции. Та же тенденция была продолжена тарифом 1906 г. В целом аграрный протекционизм не шел на пользу австрийской промышленности, т.к. он приводил к удорожанию продуктов питания и, соответственно, стоимости рабочей силы и снижению конкурентоспособности австрийской промышленной продукции. К тому же балканские соседи — основные экспортеры сельскохозяйственной продукции — ответили повышением пошлин на австрийские промышленные товары. Так, с 1882 г. возникла таможенная война с Румынией. Начало же в 1906 г. «свиной войны» с Сербией не только вызвало удорожание мяса и демонстрации австрийских рабочих, но и имело тяжелые внешнеполитические последствия. Однако австрийские промышленники мало что могли противопоставить мощной и сплоченной позиции венгров. Если первые обладали довольно скромными позициями в рейхсрате и выражали свои интересы лишь через посредство организаций, подобных «Центральному союзу промышленников Австрии» (1892 г.) или «Союзу австрийских промышленников» (1897 г.), то позицию венгерских аграриев отстаивали парламент и правительство Венгрии, практически полностью состоявшие из тех же землевладельцев.

Вместе с тем существовало не только различие интересов, но и их близость, поскольку австрийская промышленность и венгерское сельское хозяйство дополняли друг друга, именно в противоположных половинах монархии имея свои основные рынки. Впрочем, и родство интересов в большей степени также устраивало Венгрию, т.к. в начале XX в. через Лейту отправлялись $\frac{3}{4}$ ее аграрной продукции, в то время как половине изделий австрийской промышленности требовался внешний сбыт.

Экономические проблемы дуализма не ограничивались лишь периодической борьбой промышленных и аграрных интересов. Из-за необходимости пос-

тоянно продлевать экономическую часть Соглашения 1867 г. система дуализма каждые 10 лет фактически проходила испытание на прочность. В целом квоты Цислейтании и Транслейтании в общий бюджет, первоначально определенные как 70% к 30%, изменялись в пользу австрийской половины империи, составив в 1877 г. 68,6% к 31,4% и в 1907 г. — 63,4% к 36,6%. Однако практически каждое такое продление сопровождалось уступками венграм в иных вопросах.

Наконец, на экономическом развитии отражалась и общая острота национальной проблемы в эпоху дуализма. Так, при принятии решений, касавшихся экономики, правительства в Вене и Будапеште часто должны были учитывать их последствия для той или иной национальности. Периодически возникали общественные движения, призывавшие к потреблению исключительно своей национальной продукции, такие как чешское «свой к своему» или венгерское «движение тюльпанов». В то же время гораздо большее значение для экономики имели общие тенденции развития экономики индустриальной эпохи.

Кризис 1873 г. и экономическое развитие до начала XX в. Именно в Австро-Венгрии начался первый всемирный кризис этой эпохи. Взяв старт в Германии, лихорадка «грюндерства» распространилась и на Австро-Венгрию, тем более что на рубеже 60-х и 70-х гг. значительно либерализировались законы, касавшиеся создания акционерных обществ. Только в 1872 г. возникло свыше тысячи новых акционерных обществ, часть из которых фактически не существовала. К тому же в Вене должна была пройти очередная Всемирная выставка, которую приурочили к 25-летнему юбилею правления Франца Иосифа в 1873 г. Подготовка к ней вызвала большую инвестиционную активность, спекуляции с землей под строительство и общий рост цен. В ожидании миллионов посетителей тысячи предпринимателей брали кредиты и готовились к прибылям.

1 мая 1873 г. состоялось открытие Выставки, но уже 9-го случилась знаменитая «черная пятница» — крах Венской биржи, цепная реакция от которого затронула практически весь западный мир, а само слово «крах» именно с этого времени вошло во многие европейские языки. Вдобавок Выставка с экономической точки зрения не окупилась, поскольку один из посетителей принес в Вену холеру. Начавшаяся эпидемия, от которой вскоре погибло свыше 400 тыс. человек, вынудила гостей срочно покидать Выставку.

Последующие годы были отмечены падением почти вдвое в основных промышленных отраслях — в текстильном производстве, машиностроении, строительстве. Если в 1873 г. в Вене насчитывалось 72 акционерных банка, то к 1879 г. их осталось лишь 14.

Кризис имел весьма серьезные последствия. Он повлиял на экономическое поведение частных лиц, сделав его намного более консервативным: напуганные кризисом люди предпочитали не вкладывать, а копить. Более важным являлось усиление роли государства в экономике. С конца 70-х гг. не только берется курс на протекционизм, но и осуществляется огосударствление некоторых предприятий, особенно инфраструктурных. Так, в 1882 г. государство приобрело Вестбан — железную дорогу, соединявшую Вену с западными регионами страны. В дальнейшем эта тенденция была продолжена приобретением в 1907 г. Нордбана.

Параллельно государство предпринимало усилия для вывода экономики из депрессии — были изменены законы о бирже и акционерных обществах, выдавались субсидии для ключевых предприятий, новое строительство освобождалось от налогов. Большое значение имело оздоровление финансов, связанное с переходом на золотой стандарт и введением в 1892 г. новой валюты — кроны, постепенно сменившей привязанный к серебру гульден. С 1896 г. начался новый экономический подъем, продолжавшийся вплоть до Первой мировой войны.

Тем не менее развитие промышленности оставалось неравномерным. По существу она по-прежнему сосредоточивалась в Нижней Австрии и Штирии, а также в землях «короны св. Вацлава» — Богемии, Моравии и Силезии, причем именно в чешские области неуклонно смещался центр тяжести промышленности. Этому в том числе способствовал метод томасования, позволивший с 1879 г. разрабатывать фосфатистые месторождения железной руды у Кладно и Теплице. К 1914 г. на чешские земли приходилось 60% металлургической и 75% химической промышленности. Чешские земли стали также главным центром машиностроения. В 70—80-е гг. начался подъем предприятий Э. Шкоды — «чешского Круппа», военный завод которого в Пльзене превратился в одного из крупнейших в Европе экспортеров оружия. Чешские земли входили в число мировых лидеров по изготовлению изделий из стекла, в них же главным образом сосредоточивалось производство сахара — важной статьи австрийского экспорта.

Нижняя Австрия и особенно Вена сохраняли позиции в производстве предметов роскоши, от дорогого белья и шоколада до роялей и экипажей. Европейской славой продолжали пользоваться венские мужские портные. В 1890 г. в этой сфере было занято около 100 тыс. человек, т.е. 15% трудового населения столицы.

Вместе с тем наблюдалось явное отставание в отраслях «второй промышленной революции». Продукция электротехнической и химической промышленности поставлялась из Германии либо была делом местных германских филиалов. Первый австрийский автомобиль был собран в 1898 г., однако автомобилестроение не получило в Австро-Венгрии серьезного развития, хотя именно здесь начинал свой путь знаменитый конструктор Ф. Порше, в 1900 г. предявивший публике первый в мире автомобиль с гибридным двигателем. Значительной была зависимость австрийской промышленности от иностранных капиталов, особенно германских. Около половины всех внешних инвестиций Германии приходилось на Австро-Венгрию.

Как и другим странам, Австро-Венгрии на рубеже веков были присущи процессы концентрации производства и капитала, что также отчасти являлось одной из форм ответа на кризис 1873 г. и следовавшую затем депрессию. Картели возникали преимущественно в сфере металлургии и металлообработки; в 90-е гг. появился «сахарный картель». Если в 1890 г. насчитывалось 18 картелей, то в 1900 г. — 57, а в 1912 г. — свыше 200. Однако, как и в случае Германии, речь шла по преимуществу о временных соглашениях, и к тому же большинство картелей имели региональный характер.

В финансовой сфере восемь наиболее крупных банков к 1914 г. контролировали $\frac{2}{3}$ банковских капиталов Цислейтании. Наряду с Веной во второй по значимости финансовый центр превращалась Прага, в то время как крупнейший банк Венгрии являлся лишь, по сути, дочерним предприятием одного из венских банков.

При всей важности результатов кризиса 1873 г. для дальнейшего развития экономики не менее существенными были и его политические последствия, в частности, дискредитация либерализма.

Эра Тааффе. С момента заключения Соглашения 1867 г. именно либеральные партии задавали тон в политике по обеим сторонам Лейты. С 1871 по 1879 г. у власти в Вене находилось правительство либерального аристократа А. Ауэршперга. Поводом для отставки правительства стало его несогласие с оккупацией Боснии и Герцеговины в 1878 г., поскольку она приводила к увеличению численности славянского населения монархии. Однако задолго до этого либеральная партия Конституции начала терять доверие избирателей, так как в их глазах она ассоциировалась со вседозволенностью рынка и крахом 1873 г.

В отличие от германских партий с их четкой идеологической подоплекой, в Австро-Венгрии идеологические принципы всегда действовали лишь в сочетании с национальными. В стране не было ни одной партии, которая действовала бы поверх национальных границ в масштабах всего государства, опираясь лишь на общность социальных или идеологических интересов. Сами партии представляли собой в 70-е гг. скорее парламентские клубы и отражали позиции верхних слоев общества. До избирательной реформы 1873 г. вместо прямых выборов в рейхсрат избирались члены местных сословных ландтагов.

1879 г. принес конец прежнему преобладанию либералов. Они потерпели поражение на выборах, и Франц Иосиф назначил новым премьер-министром своего друга юности, консервативного богемского аристократа Э. Тааффе (1879—1893). Это привело к расколу в стане либералов и радикализации настроений части из них, что выразилось в Линцской программе 1882 г. Она сочетала в себе социальные (реформа налоговой системы, защита фабричного труда), демократические (расширение избирательного права) и националистические (усиление позиций немцев путем отделения от Цислейтании Далмации, Галиции и Буковины, превращение связи с Венгрией в личную унию) требования. Позднее националистический элемент вышел на первый план под непосредственным влиянием Г. Шенерера (1842—1921) — убежденного пангерманиста и антисемита. В 1885 г. он добавил к Линцской программе так называемый «арийский параграф», требовавший устранения влияния евреев во всех сферах общественной жизни. В рейхсрате прежние либералы раскололись на шенерианский «Немецкий клуб» и «Немецко-австрийский клуб», стоявший на позициях сохранения дуализма и многонационального характера монархии Габсбургов.

Усиление националистических настроений в немецкой среде не в последнюю очередь было вызвано характером правления Тааффе. Ему удалось вернуть в рейхсрат чехов, бойкотировавших парламент со времен отмены Фундаментальных статей 1871 г. Славянские депутаты Чешского и Польского клубов, а также католики и разного рода консерваторы составили надежную парламентскую опору премьеру — так называемое «железное кольцо». Понимая всю хрупкость национальной ситуации в Цислейтании, Тааффе практиковал «политику мелких шагов», которая, однако, приводила к значительным результатам. В 1882 г. с 10 до 5 гульденов был снижен имущественный ценз, что на треть увеличило количество избирателей за счет мелкой буржуазии и крестьянства; соответственно ослабли позиции немецких либералов и националистов, опиравшихся на более зажиточные слои.

Особенно важными являлись социальные реформы. С 1883 по 1889 г. вводилось страхование от несчастного случая (90% взноса вносил хозяин предприятия, 10% рабочий) и болезни ($\frac{1}{3}$ суммы приходилась на хозяина, $\frac{2}{3}$ на рабочего), рабочий день ограничивался 11 часами, создавалась фабричная инспекция. В отличие от Бисмарка, использовавшего подобные реформы в значительной степени как средство борьбы против социал-демократии, в данном случае существенную роль сыграли идеи христианско-социального учения.

Одним из последствий расширения при Тааффе избирательного права оказалась укрепление позиций политического католицизма, располагавшего массовой поддержкой католического населения. В 1887 г. возникло Христианско-социальное объединение, первоначально выступавшее в защиту крестьян и ремесленников, но постепенно все больше включавшее в свою программу «рабочий вопрос». Харизматичным лидером движения являлся К. Люэгер (1844—1910), из тактических соображений соединивший в своей радикальной антилиберальной риторике самые разные положения, вплоть до антисемитизма.

Еще одной партией, потенциально выигрывавшей от расширения избирательного права, являлись социал-демократы. В 1888 г. на съезде в Гайнфельде

произошло объединение отдельных социал-демократических групп в Австрийскую социал-демократическую рабочую партию. Ее лидером на долгие годы стал В. Адлер (1852—1918), недавний сторонник Шенерера, отошедший от него из-за его антисемитизма. Адлер был автором первой программы партии, провозгласившей в качестве главной цели приобретение пролетариатом политической власти, однако не посредством революции и диктатуры пролетариата, а путем завоевания парламентского большинства. Австрийская социал-демократия получила прозвище «кайзеровско-королевской», поскольку она отказалась от конфронтации с существующим государством и противопоставляла интернационализм национализмам различных народов, раздиравшим государство. В действительности партия носила преимущественно немецкий характер, поскольку идейно и организационно она была тесно связана с СДПГ, а ее массовую базу составляли рабочие промышленно развитых альпийских регионов. На своих первых выборах 1891 г. социал-демократы потерпели неудачу, т.к. расширение избирательного права мало затронуло их потенциальных сторонников, однако в будущем эта тенденция укрепила их позиции.

Между тем Тааффе продолжал рассматривать расширение избирательного права как удар по либералам, которых он считал носителями национализма и тем самым главной угрозой империи. Однако неудача направленного на это законопроект вынудила его в 1893 г. уйти в отставку.

Национальная проблема в Цислейтании и «кризис Бадени». В основе обострения национальной ситуации лежали изменения не количественные, а качественные. Численное соотношение национальностей в Цислейтании менялось незначительно. На протяжении почти полувека до 1914 г. немцы составляли 35—36% населения, чехи — 23—24%, русины — около 12%, словенцы — около 5%, итальянцы — около 3%. Лишь количество поляков возросло с 14 до 17%. В то же время благодаря продолжавшимся процессам политизации масс и росту образования национальная идея распространяется, затрагивая более широкие круги народа. На первый план в это время выходит проблема использования языков в национально смешанных регионах. Главной болевой точкой становится Богемия.

Если в первые годы дуализма чехи протестовали против привилегированного положения венгров и выступали за «триализм» со своим участием, то в 80—90 гг. все их внимание было сосредоточено на национальной борьбе с немцами непосредственно в Богемии. Оттесняя с ведущих позиций «старошек» с их консервативным характером, опорой на крупных землевладельцев и «богемским патриотизмом», на первый план в национальном движении выходили «младочехи», опиравшиеся скорее на буржуазию и выступавшие с позиций чешского либерального национализма.

Немецко-чешские отношения обострились с начала 80-х гг., когда Тааффе, нуждаясь в чехах как в парламентской опоре, пошел им на некоторые уступки. В 1880 г. он обязал чиновников давать ответы населению на том языке, на котором к ним обращались с запросами. При этом внутренний язык администрации оставался немецким. В 1882 г. конфликты в Пражском университете с его немецкой профессурой и все растущим количеством чешских студентов привели к разделу одного из старейших университетов Европы по национальному принципу. Культурно-языковое противостояние имело и иные проявления. Чехи основали собственные Академию наук и Технический институт, открыли Национальный музей. Практически каждая из подобных мер находила ответ немецкой стороны. Так, на создание чешского Национального театра немцы ответили учреждением в 1888 г. немецкого Национального театра.

Особенностью этого этапа национальной борьбы являлась апелляция к массам, приобретение ею более широкого и организованного характера. С 80-х гг.

стали регулярно проводиться общенациональные слеты возникшего в 60-е гг. массового национально-спортивного движения «Сокол». В 1880 г. была основана массовая организация «Немецкий школьный союз», призванная отстаивать интересы немцев в школьном деле; в эти же годы каждый десятый немец Цислейтании являлся членом национально окрашенного «Общества стрелков».

В условиях роста чешско-немецкого противостояния решительные шаги нового премьер-министра польского аристократа К. Бадени (1895—1897) в богемском вопросе привели к глубокому кризису. Сразу после своего назначения в 1895 г. он провел избирательную реформу, увеличившую количество избирателей сразу на 5 млн человек: сохранив 4 прежние курии — землевладельческую, городскую, торгово-ремесленную и сельских общин, он понизил их ценз до 4 гульденов, а также добавил к ним пятую, в которой могли принимать участие все мужчины старше 24 лет с шестимесячным цензом оседлости.

В результате соотношение сил в рейхсрате существенно изменилось. После выборов 1897 г. немцы составляли меньше половины его состава, причем либералы понесли очередные потери, в то время как в выигрыше оказались массовые партии — Христианско-социальная, а также впервые пробившиеся в парламент социал-демократы.

Эта реформа и последующие события показывают взаимосвязь между состоянием национального вопроса в Цислейтании и системой дуализма. Изменения в избирательной системе в значительной степени были связаны с тем, что правительство нуждалось в надежном парламентском большинстве для предстоящего в 1897 г. очередного продления экономического соглашения с Венгрией. Продолжая этот курс и стремясь заручиться поддержкой католиков, Бадени посоветовал Францу Иосифу утвердить в качестве бургомистра Вены Люэгера, который три года подряд избирался на этот пост, но сталкивался с отказом императора. В свою очередь, уступки укрепившимся в рейхсрате «младочехам» должны были не только привлечь их голоса, но и в целом смягчить их враждебное отношение к системе дуализма. Однако попытка осуществить эти уступки привела к жесточайшему кризису.

Указами апреля 1897 г. Бадени ввел обязательное административное двуязычие в Богемии, касавшееся в том числе внутреннего делопроизводства. Все чиновники до 1901 г. должны были соответствующим образом увеличить свои языковые познания. На практике этот закон давал односторонние преимущества чешским чиновникам, каждый из которых и без того владел немецким. Кроме того, немцы опасались открывавшейся возможности «чехизации» чисто немецких округов. Большую роль в восприятии языковых распоряжений играли не только рациональные доводы, но и соображения национального престижа.

Указы Бадени встретили крайне резкую реакцию немецкого населения Богемии вплоть до уличных беспорядков. Рейхсрат стал практически недееспособен из-за постоянных обструкций немецких депутатов, для пресечения которых приходилось вызывать полицию, что лишь усиливало уличные протесты. Свою роль сыграло и давление из Германии: сотни профессоров из ведущих германских университетов подписали письмо протеста, а посол Германии выразил свою озабоченность ущемлениями прав немцев лично Францу Иосифу. В ноябре 1897 г. Бадени был отправлен в отставку.

Цислейтания в начале XX в. Кризис не остался без последствий. Теперь настала очередь чехов выражать свое недовольство, так что в Праге было даже введено осадное положение. В более широкой перспективе кризис привел к дальнейшему ухудшению чешско-немецких отношений и пересмотру рядом чешских политиков своих взглядов на Австро-Венгрию. Так, лидер «младочехов» К. Крамарж (1860—1937) выступил с требованием покончить с преобладани-

ем немцев в Цислейтании, отказаться от Тройственного союза и сблизиться с Россией. С другой стороны, в среде немцев усилились радикальные и пангерманистские настроения. Довольно значительное распространение получило начатое шенерианцами движение «Прочь от Рима!», сторонники которого демонстративно переходили в более «национальное» протестантство в знак протеста против частичной поддержки католическими партиями реформ Бадени.

Борьба за применение национальных языков в администрации и школе шла также между немцами и словенцами в Штирии, словенцами и итальянцами в Триесте. Сложной была ситуация в Галиции, где численно немалого уступавшие полякам русины низводились до незначительного меньшинства в местном ландтаге и в рейхсрате с помощью цензов и распределения избирательных округов. Официальным языком администрации и образования являлся польский.

На рубеже веков усилились поиски решения национальной проблемы в Цислейтании. Успехом стало соглашение 1905 г., урегулировавшее отношения чехов и немцев в Моравии: выборы в ней проводились по национальным куриям с твердым количеством мандатов для немцев и чехов, создавались однопольные школьные округа, язык администрации определялся в зависимости от преобладающего населения. По образцу моравского компромисса было разработано соглашение 1910 г. для Буковины, а в 1914 г. готовилось аналогичное соглашение для Галиции. Однако в большинстве других случаев подобные решения были не реализуемы из-за смешанного состава населения и его мобильности. Понимая это, ведущие теоретики австрийской социал-демократии К. Реннер (1870—1950) и О. Бауэр (1881—1938) предложили программу «персональной автономии»: следовало отделить национально-культурные вопросы от территориальных и позволить любому гражданину, в какой бы части монархии он ни находился, регистрироваться и голосовать в качестве представителя своей национальной общины. Вместе с тем официальная позиция партии по национальному вопросу была выражена в Брюннской программе 1899 г. и заключалась в идее территориальной автономии отдельных национальных групп.

Одной из наиболее острых внутренних проблем рубежа веков становится антисемитизм. В значительной степени он был связан с активным переселением евреев из Галиции в центральные области страны и особенно в столицы. К 1914 г. евреи составляли почти 10% населения Вены и около четверти населения Будапешта. Антисемитизм не был целостным явлением и представлял собой смесь социального протеста, католического консерватизма и национализма. Так, если для Люэгера евреи воплощали собой капитализм, то для консервативно-буржуазных кругов они олицетворяли социал-демократию, в то время как антисемитизм Шенерера не имел идеологических отсылок и носил расистский характер. Отличительной чертой антисемитизма этого времени стал его более организованный характер. Антисемитские положения включались в программы различных партий, а в Венгрии в 1883 г. даже возникла специальная «Антисемитская партия».

Одним из способов разрядить остроту национальных противоречий в рейхсрате правительство по-прежнему считало демократизацию избирательного права, которая позволила бы уменьшить влияние национал-либералов различных оттенков за счет массовых партий, для которых национализм не являлся первым пунктом политической программы — конфессиональных и социалистических. Эта тенденция получила толчок извне в виде русской революции 1905—1907 гг., которую социал-демократы использовали для организации давления на правительство с помощью многотысячных демонстраций в надежде добиться реализации своей важнейшей цели — введения всеобщего избирательного права. Последним препятствием вновь стал национализм: немцы тре-

бовали учесть их положение главных налогоплательщиков (на 35% немецкого населения приходилось свыше 60% общей суммы налогов), которое прежде обеспечивало им широкое представительство в рейхсрате. В результате был достигнут компромисс — путем перераспределения избирательных округов на немцев приходилось 43% мест.

Введенное в 1906—1907 гг. всеобщее избирательное право для мужчин старше 24 лет на выборах 1907 г. принесло победу социал-демократам, которые из-за противоречий между собственными национальными фракциями не смогли воспользоваться ее плодами. Ведущим стал блок Христианско-социальной партии с Католической народной партией и тирольскими консерваторами. Национально-либеральные партии оказались в числе проигравших, однако сохранили свои позиции в ландтагах, выборы в которые происходили по прежней системе.

В целом к началу Первой мировой войны степень национальной напряженности в Цислейтании оставалась высокой, однако она не угрожала целостности монархии. Поляки и итальянцы, не делавшие большой тайны из своего стремления воссоединиться с соплеменниками по ту сторону австрийских границ, прекрасно понимали, что для этого отсутствуют всякие международные условия. Шенерианцы с их пангерманизмом теряли избирателей. Позицию же чехов в 1909 г. лучше всего выразил один из их новых лидеров Т. Масарик (1850—1937): «Мы хотим федеративную Австрию. Мы не хотим быть независимыми вне Австрии — рядом с мощной Германией и немцами на нашей территории». Политика по отношению к отдельным национальностям во все большей степени строилась не на национальном угнетении, а на поисках компромиссов. Совершенно иной была ситуация в Венгрии.

Национальная проблема в Венгрии. Главными внутриполитическими проблемами Венгрии вплоть до Первой мировой войны являлись взаимоотношения мадьяр с другими национальностями «земель короны св. Иштвана», а также постоянные дебаты о системе дуализма и месте в ней Венгрии.

Ведущей политической силой Венгрии на долгие годы стала Либеральная партия, возникшая в 1875 г. в результате слияния «партии Деака» и «левого центра». Ее возглавил бывший лидер «левого центра» К. Тиса (1830—1902), вплоть до 1890 г. занимавший пост премьер-министра. Главным оппонентом правящей партии традиционно выступала Партия независимости, требовавшая сведение дуализма лишь до личной унии Австрии и Венгрии. В 90-е гг. сформировались новые партии — Социал-демократическая партия Венгрии (1890), консервативная Национальная партия (1892), Католическая народная партия (1895), однако они не пользовались серьезным политическим влиянием.

Несмотря на название, далеко не все мероприятия правящей партии заслуживали обозначения «либеральных». К таковым относились разве что введение в 1895 г. обязательной регистрации гражданского брака и разрешение межрелигиозных и межконфессиональных браков. В целом же венгерский либерализм отчасти сохранял характерный для него дворянский характер, представляя интересы землевладельцев и отличаясь умеренностью в экономических и социальных вопросах. Главной его отличительной чертой являлась национальная нетерпимость, проявлявшаяся практически во всех областях — избирательной системе, администрации, образовании и культуре. В выборах в Государственное собрание вплоть до 1914 г. участвовало лишь 6—7% населения, причем избирательная система гарантировала венграм, составлявшим немногим менее половины населения, около 90% парламентских мест. Несмотря на то, что невенгерские национальности численно преобладали приблизительно в 100 избирательных округах, избирательный закон 1874 г. с его образовательным и высоким имущественным цензом отсекал неграмотное крестьянское население националь-

ных окраин, а также часть собственного крестьянства, сводя избирателей к узкому кругу землевладельцев.

Правление Тисы и его преемников было отмечено усилением политики мадьяризации. Последовательно сворачивалась деятельность национальных и культурно-просветительских организаций иных национальностей. В 1875 г. подверглась запрету словацкая организация «Матица словенска», год спустя саксы Трансильвании потеряли их прежние автономные права. По закону 1898 г. каждый населенный пункт мог носить только одно название, что на практике означало мадьяризацию названий городов и сел невенгерских областей. Согласно одному из распоряжений, даже надгробия должны были иметь венгерские надписи.

Особенно болезненной являлась мадьяризация школьного дела. Вопреки закону о национальностях 1868 г., допускавшему местные школы на национальных языках, законы 1879, 1883 и 1891 гг. делали венгерский язык обязательным в преподавании и обязывали к его знанию всех учителей. Большое возмущение вызвал «закон Аппоньи» 1907 г., предписывавший обеспечить знание венгерского языка к четвертому году обучения. Большинство партий Цислейтании осуждали политику мадьяризации, и в том же 1907 г. рейхсрат единогласно принял резолюцию с протестом против нее.

Сопротивление политике мадьяризации со стороны самих невенгерских народов часто носило довольно умеренный и неорганизованный характер. У некоторых народов это было связано с узостью слоя буржуазии и образованной элиты, которые могли бы возглавить национальный протест. К тому же попытки такого рода протестов часто подавлялись полицейскими мерами. Так, члены возникшей в Трансильвании в 1881 г. румынской Национальной партии были арестованы и приговорены к многолетним тюремным срокам лишь за предпринятую в 1892 г. попытку направить Францу Иосифу петицию о своих нуждах.

Национальной дискриминации подвергались также словаки, что толкало многих из них к эмиграции. Их избирательные права были ограничены настолько, что, составляя в 1910 г. около 10% населения Венгрии, они смогли получить лишь три депутатских места в парламенте из 413.

Несколько иначе складывалась ситуация с югославянами, постепенно превращавшаяся в главную национальную проблему Австро-Венгрии. Крупнейшими югославянскими народами являлись хорваты, населявшие Хорватию в восточной половине монархии и Далмацию в западной, а также сербы, проживавшие в Южной Венгрии и составлявшие около четверти населения Хорватии. Кроме того, сербы и хорваты населяли оккупированную Боснию и Герцеговину, которая из-за опасений чрезмерного увеличения югославянского населения так и не была присоединена ни к одной из половин империи и управлялась общим министерством финансов.

В Хорватии осуществлялась политика мадьяризации, достигшая своего апогея в начавшееся с 1883 г. 20-летнее правление бана К. Куэна-Хедервари (1849—1918), куэна К. Тисы. Вопреки венгерско-хорватскому соглашению 1868 г. он ввел венгерский язык в качестве административного, урезал избирательные права и всячески поощрял сербско-хорватскую рознь. Все это способствовало росту антивенгерских и антидуалистических настроений.

Разбросанность югославян по разным провинциям обеих половин монархии и за ее пределами открывала самые разные возможности решения югославянского вопроса. Так, Партия права А. Старчевича (1823—1896) стремилась к созданию самостоятельного хорватского государства с включением в него всех населенных хорватами областей, в том числе Боснии и Герцеговины. В 90-е гг. от нее откололась группировка, выступавшая за триалистическое переустрой-

ство монархии, в котором наряду с Цислейтанией и Венгрией возник бы югославянский комплекс под хорватским руководством. Эти планы поддерживал и наследник престола эрцгерцог Франц Фердинанд (1863—1914).

Решающий поворот произошел в 1905 г., когда в результате ряда встреч сербы и хорваты из разных провинций монархии смогли договориться об организации сербско-хорватской коалиции на основах равноправия. Тем самым был сделан важный шаг в развитии идеи югославизма, подразумевавшей создание единого государства для всех югославянских народов.

Понимая, что подобное развитие событий несет в себе угрозу самому существованию Австро-Венгрии, власти преследовали членов сербско-хорватской коалиции, вплоть до организации против них в 1908—1909 гг. показательных судебных процессов. Однако из-за сфабрикованных доказательств эти процессы закончились оправданием обвиняемых и лишь еще больше подорвали авторитет государства среди югославянских народов.

Кризис дуализма. Наряду с политикой мадьяризации в отношении невенгерских национальностей другой стороной венгерского национализма являлись постоянные попытки пересмотреть характер дуализма, предпринимавшиеся оппозицией и находившие поддержку как в обществе, так и в рядах самой правящей партии.

На протяжении десятилетий после заключения Соглашения 1867 г. венгры добивались все большего влияния на казавшиеся всей монархии так называемые «общие дела». До 1914 г. венгры нередко становились министрами иностранных дел и общими министрами финансов, они составляли около трети состава дипломатического корпуса и возглавляли секции в общих министерствах; австрийский Национальный банк был превращен в австро-венгерский. Однако в третьем из «общих дел» — военном ведомстве, а также в армии венгерское влияние было ограниченным. На протяжении многих лет это обстоятельство являлось мишенью для критики со стороны оппозиции, и любой касавшийся армии законопроект проходил венгерское Государственное собрание с большим трудом. Так, военный закон 1889 г. удалось провести только в обмен на уступку, по которой применительно к армии следовало использовать не сокращение «К.К.» («кайзеровско-королевская»), а «К. и. К.» («кайзеровская и королевская»). За этим стояли многолетние дебаты о статусе Венгрии — должна ли она считаться автономным или суверенным государством в составе Австро-Венгрии: союз «и» создавал «королевству Венгрии» большую дистанцию от «Австро-Венгерской империи».

В 1903 г. военное министерство выступило с проектом увеличения численности армии на 25%, однако Партия независимости в качестве ответной уступки потребовала введения венгерского в качестве командного языка в венгерских частях общей армии. Франц Иосиф отказался идти на эту меру, которую он считал разрушительной для единства армии. В ответ к Партии независимости присоединилась Национальная партия и часть Либеральной, парламент потерял дееспособность и был распущен. На выборах 1905 г. победила оппозиция, нанеся поражение Либеральной партии, на протяжении 30 лет являвшейся опорой дуализма. Параллельно по всей Венгрии проходили акции гражданского неповиновения, люди бойкотировали правительственные распоряжения, отказывались платить налоги и поставлять рекрутов. Назначенный из Вены внепарламентский премьер Г. Фейервари не мог спасти положение, и военные даже стали разрабатывать план вторжения в Венгрию. Однако прибегать к силе оружия не понадобилось.

Более эффективной оказалась та стратегия, которую Вена успешно применяла и в Цислейтании, а именно использование против национализма демо-

кратизации избирательного права. Франц Иосиф пригрозил ввести в Венгрии всеобщее избирательное право, причем шедшая тогда подготовка к его введению в Цислейтании была призвана подчеркнуть серьезность угрозы. Реализация этой меры привела бы к крушению не только национального, но, возможно, и социального господства венгерской верхушки. Невенгерские национальности оказались бы в большинстве, позиции дворянства были бы потеснены в пользу горожан, крестьянства, мелкой буржуазии. В итоге оппозиция развалилась.

Несмотря на то, что парламентские выборы 1910 г. привели к власти сына К. Тисы И. Тису (1861—1918), сумевшего добиться некоторой внутренней стабилизации, кризис показал, что система дуализма не обладала достаточной внутренней прочностью не только потому, что не устраивала непривилегированные народы монархии, но и в силу ненадежности одного из ее несущих столпов. Вместе с тем национальная ситуация в Австро-Венгрии не была тупиковой, реформы в этом направлении оставались возможными, однако дальнейшее развитие страны было прервано войной.

Глава 29 ИТАЛИЯ В 1870–1914 гг.

Политическая система. «Правая» и «левая». Присоединением Рима в 1870 г. закончилось объединение Италии. «Мы в Риме и там останемся», — заявил король Виктор Эммануил II. В 1871 г. Рим стал столицей Итальянского королевства.

Объединенная Италия являлась конституционной монархией с двухпалатным парламентом. В ней правила Савойская династия и действовала сохранившаяся в Пьемонте с 1848 г. конституция — Альбертинский статут. В конституции провозглашались гарантия свободы личности, неприкосновенность жилища и основные гражданские права — свобода печати, собраний, равенство всех уроженцев страны перед законом. Но парламенту отводилась подчиненная по отношению к монарху роль. Законодательную власть он делил с королем. Выборной была только нижняя палата парламента (палата депутатов), верхняя же (сенат) формировалась по назначению короля. Король назначал и увольнял в отставку министров. Ответственность министров перед парламентом стала входить в традицию, но не была четко оговорена как конституционный принцип.

Круг лиц с правом голоса на парламентских выборах вплоть до начала 80-х гг. был крайне узок (около 2% от всего населения страны). К участию в выборах допускались лишь мужчины старше 25 лет, грамотные и платившие не менее 40 лир прямых налогов в год или же принадлежавшие к определенным профессиональным категориям (чиновники, служащие и т.д.).

В Италии долгое время не было политических партий, их заменяли довольно расплывчатые группировки, не имевшие определенных программ и прочной организации. До 1876 г. у власти находилась так называемая «правая», преимущественно связанная с умеренным крылом национально-объединительного движения. Ее сменила «левая», куда вошла тяготевавшая влево часть умеренных и те демократы, которые в отличие от непреклонного республиканца Мадзини примирились с существованием монархии. В подобной эволюции проявилась характерная для итальянской политической жизни особенность, получившая название трансформизма. Этим понятием стали обозначать постоянный процесс «смены вех» в рядах оппозиции, представители которой, сближаясь с правящей группировкой, в конце концов включались в ее состав.

Приверженность либерализму была общей и для «правой» и для «левой», но с различиями в оттенках. Их поддерживал один и тот же блок социальных сил, в котором, однако, соотношение между отдельными составляющими (торговая, финансовая, землевладельческая, промышленная буржуазия) постепенно менялось.

«Правая» проводила политику свободы торговли, которая была выгодна в первую очередь землевладельческим слоям, заинтересованным в экспорте сельскохозяйственной продукции. До определенного момента она устраивала и промышленников, т.к. позволяла ввозить оборудование для предприятий (его в Италии тогда почти не производили) и дефицитные виды сырья. Но по мере укрепления своих позиций промышленные круги начинали добиваться мер по защите от иностранной конкуренции, надеясь, что их осуществит «левая».

В то же время «правая» активно использовала государственные рычаги для воздействия на определенные экономические процессы. Это в особенности касалось развития железнодорожного транспорта. Частные компании получали щедрые субсидии из государственных средств на строительство и эксплуа-

тацию железных дорог. С 1873 г. железные дороги начали выкупаться государством, которое постепенно становилось собственником большинства линий.

«Левая» в принципе стремилась свести вмешательство государства в хозяйственную жизнь к минимуму. В 1876 г. она нанесла «правой» поражение в парламенте и пришла к власти, провалив правительственный законопроект о государственной эксплуатации железных дорог. Принадлежавшие государству железные дороги были в 1885 г. переданы в эксплуатацию трем компаниям, связанным с несколькими крупными банками.

Но, одержав верх над «правой» под флагом более либеральной экономической политики, «левая» в вопросе о протекционистских пошлинах уступила нажиму промышленников и стала постепенно вводить их. Более того, в условиях аграрного кризиса 80-х гг. система промышленного протекционизма была дополнена введением высоких ввозных пошлин на зерно. Это отвечало прежде всего интересам латифундистов Юга, стремившихся закрыть доступ на внутренний рынок дешевому заокеанскому зерну, и окончательно скрепило их союз с новым правящим классом Италии, который начал складываться на заключительном этапе Рисорджименто.

«Правая» в бытность у власти проводила жесткий курс на административную централизацию, реорганизуя административную деятельность во всей стране по образцу Пьемонта и с использованием пьемонтского управленческого персонала. Это вызывало недовольство населения других перешедших под власть Савойской династии областей (особенно южных), новые порядки воспринимались там как нечто чуждое, навязанное «королевским завоеванием». «Левая» учитывала отрицательные последствия подобной политики и выступала за большую самостоятельность местной администрации по отношению к центральной власти.

В правление «левой» был сделан первый шаг к демократизации системы выборов в палату депутатов. Проведенная в 1882 г. избирательная реформа увеличила число лиц, имеющих право голоса, более чем в три раза — за счет снижения возрастного ценза (21 год вместо 25), уменьшения примерно вдвое имущественного ценза и его возможной замены цензом образовательным (экзамен в объеме программы начальной школы, посещение которой было обязательным).

В целом «левая» по сравнению с «правой» стояла на позициях более последовательного либерализма — экономического и политического.

Церковь и государство. Новое итальянское государство сразу же оказалось в состоянии острого конфликта с папским престолом. Папа Пий IX, возглавлявший римскую церковь с 1846 г., не только осуждал принципы и всю систему ценностей либерализма, но именно в результате объединения Италии лишился своей светской власти. После занятия итальянскими войсками Рима Пий IX отлучил от церкви всех, кто прямо или косвенно способствовал «узурпации» его владений, и подтвердил провозглашенный еще в 1867 г. принцип «*non expedit*» («не подобает» — лат.) — запрет на участие итальянских католиков в парламентских выборах.

С другой стороны, правящие круги Италии в ответ на явную враждебность высшей католической иерархии объединительному движению проводили уже в 60-е гг. довольно решительную антиклерикальную политику (частичная секуляризация церковной собственности, роспуск многих религиозных конгрегаций). За присоединением Рима последовало принятие так называемого «закона о гарантиях» (март 1871 г.), по которому итальянское государство предоставляло Папе свободу осуществления его духовной власти, признавало за ним право на дипломатические сношения с иностранными державами, обязывалось ежегодно отпускать свыше 3 млн лир на содержание папского двора, освобождало

итальянских епископов от присяги на верность королю — но при ограничении территориальных владений Папы лишь Ватиканским и Латеранским дворцами в Риме и загородной виллой. Иными словами, упразднение светской власти Папы считалось окончательным.

Однако Пий IX не собирался отказываться от притязаний на Рим и другие ранее входившие в Папскую область территории. Он отверг статус, предусмотренный «законом о гарантиях», и объявил себя «ватиканским узником», т.е. пленником итальянского государства.

В 1878 г. после смерти Пия IX его преемником стал Лев XIII. У власти в Италии в это время уже находилась «левая». В годы понтификата Льва XIII (1878—1903) отношения между папским престолом и итальянским государством не улучшились, тем более что «левая» предприняла новое наступление на клерикализм. Обязательному начальному образованию по закону 1877 г. придавался светский характер (закон божий мог преподаваться лишь факультативно), в 1878 г. была введена гражданская регистрация браков.

Подобного рода антиклерикальные меры не были чем-то исключительным на фоне других стран. Но в Италии в силу названных выше причин отношения между государством и католической церковью складывались драматичнее, чем где-либо. Их конфликтный характер дополнительно усиливал отчуждение от либерального государства массы населения, вызванное отказом как умеренных, так и демократов увязать патриотические цели с решением аграрного вопроса в пользу крестьян.

Экономическое развитие. Южный вопрос. Объединение Италии ускорило эволюцию ее экономики в буржуазном направлении. Оживлению товарооборота между отдельными областями способствовало уничтожение таможенных барьеров на старых границах, введение единой денежной системы, а в особенности — широко развернувшееся железнодорожное строительство. Как образно выразился один из политических деятелей того времени, железные дороги должны были стать «нитями, которые сошьют итальянский сапог». Их общая протяженность составила к 1900 г. почти 16 тыс. км (в 1862 г. — около 3 тыс.), после чего новых линий уже не строили — потребности в этом больше не было.

Накопление капитала активнее всего шло в кредитно-финансовой сфере. За 1861—1881 гг. она дала рост дохода на 1000%, что во много раз превышало показатели по другим секторам экономики. В частности, этому способствовала острейшая нужда в средствах, которую испытывало государство: помимо обычных затрат, ему пришлось покрывать «издержки по объединению» (военные расходы — в 1861—1871 гг. свыше 25% бюджетных ассигнований, пенсии чиновникам прежних режимов). Государственный долг Итальянского королевства за первые полтора десятилетия вырос более чем в 3,5 раза и в 1876 г. вместе с процентами в 8 с лишним раз превосходил размер доходной части бюджета. Бюджет до 1875 г. неизменно сводился с дефицитом.

В этой ситуации казна не могла обойтись без широких финансовых заимствований. Главным кредитором государства стал Национальный банк, которому в 1866 г. была за это предоставлена привилегия в виде так называемого принудительного курса на его банкноты, просуществовавшего до 1883 г. Банкноты Национального банка, курс которых поддерживался искусственно, были освобождены от обязательного размена на металлические деньги, получили хождение наравне с государственными казначейскими билетами и по существу вытеснили их, превратившись в основное платежное средство внутри страны.

Другим важнейшим средством пополнения государственных финансов была жесткая налоговая политика. Усиление нажима на налогоплательщиков шло особенно интенсивно при «правой». На протяжении 1862—1876 гг. общая сум-

ма поступлений в казну по основным налогам выросла в 2,5 раза, а их доля в составе доходной части бюджета — с 76 до 81%. При подобной фискальной политике масштабы накопления в производственных секторах экономики были весьма ограниченными, а темпы их роста — более медленными по сравнению с секторами торговли, транспорта и услуг.

При нехватке в Италии собственных капиталов значительным был их приток извне — прежде всего в наиболее прибыльные сферы приложения. С участием сначала французского и английского, а позже германского капитала создавалась итальянская банковская система. Частный капитал, вкладывавшийся в строительство железных дорог, в 60-е гг. был преимущественно иностранного происхождения. Иностранцам принадлежало в 1865 г. более 1/3 стоимости ценных бумаг, выпущенных в счет обязательств по государственному долгу Италии.

Благодаря расширению рынка до общенациональных масштабов и развитию новых средств сообщения ускорилось отделение промышленности от земледелия и переход от ремесла и мануфактуры к фабрике. Но фабричное машинное производство стало господствующим не раньше 90-х гг. За первые два десятилетия после объединения (1861—1881) чистый продукт обрабатывающей промышленности вырос лишь на 27%, а доля промышленного сектора в создании национального дохода даже сократилась с 20,3 до 17%.

Италия по-прежнему оставалась преимущественно аграрной страной. На долю сельского хозяйства в создании национального дохода приходилось в последней трети XIX в. почти 58% и примерно такой же процент самостоятельно населения.

В ходе национального объединения произошло существенное перераспределение земельной собственности, но всецело в интересах буржуазии, без посягательства на крупное землевладение и в ущерб крестьянству. Новое государство легализовало захват буржуазными собственниками общинных земель из той их части, которая находилась в совместном пользовании крестьян-общинников. Продаваемые ради пополнения казны земли из государственного фонда и бывшие церковные земли также приобретались главным образом состоятельными буржуа.

Сельское хозяйство вовлекалось в ускорившееся развитие товарных отношений и капиталистического производства при сохранении возникших много раньше региональных различий. На Севере (Пьемонт, Ломбардия, а также расположенная в нижнем течении р. По Эмилия) аграрная экономика быстро перестраивалась на буржуазный лад. В Центральной Италии (особенно в Тоскане) продолжала господствовать система испольщины, сложившаяся еще в XV в. как переходная от феодальных к раннекапиталистическим отношениям, но с тех пор как бы законсервировавшаяся и почти непроницаемая для нововведений собственно буржуазного характера. Наконец, южная часть континентальной Италии и острова Сицилия и Сардиния остались зонами латифундий, простиравшихся порой на тысячи гектаров. Между владельцем такой латифундии и крестьянами обычно стоял крупный арендатор-посредник, не заинтересованный в вольнонаемных рабочих и каких-либо вложениях в хозяйство при наличии массы безземельных крестьян, обрабатывавших предоставляемый им в субаренду участок своим примитивным инвентарем. Тот же способ хозяйствования воспринимался на Юге и землевладельцами буржуазного происхождения.

К моменту объединения Италии Юг, несомненно, уступал Северу по уровню экономического развития. Это отставание не было катастрофическим и могло бы быть преодолено, если бы новая власть целенаправленно действова-

ла соответствующим образом. Но произошло обратное: либеральная буржуазия сделала выбор в пользу такой политики, которая независимо от субъективных намерений тех, кто ее проводил, закрепляла и усугубляла экономическую, социальную, культурную отсталость Юга. Этот выбор был предопределен тем, что начинавшаяся на Юге с приходом Гарибальди массовая борьба крестьян за землю повергла в страх и местных крупных землевладельцев, и вставших у руля Итальянского королевства либералов, побудив их стать союзниками.

Тяжесть налогового бремени ощущалась на Юге гораздо сильнее, чем в других частях страны. Унификация налоговой системы была проведена на основе налоговых ставок, действовавших в Пьемонте и оказавшихся для Юга непомерно высокими. Некоторых налогов, установленных после объединения, здесь прежде вообще не было. По налоговым каналам и без того скудные на Юге свободные капиталы выкачивались практически полностью.

Капитализм проникал на Юг главным образом «извне», в формах, напоминавших его развитие в колониальных и зависимых странах. Огромные масштабы приобрело ростовщичество (ростовщиком часто был тот же арендатор-посредник). Гнет латифундиста и ростовщика вынуждал крестьян покидать родные места, но на самом Юге отсутствовала промышленность, которая могла бы поглотить поток мигрантов: ремесленно-мануфактурное производство гибло под ударами конкуренции из-за рубежа и со стороны начинавшего индустриализоваться Севера, а для создания фабричных предприятий не было капиталов. Становилась массовой эмиграция из Южной Италии, которая отличалась от эмиграции из северных областей, имевшей временный характер и направлявшейся в европейские страны. Эмигранты с Юга устремлялись главным образом в США и оседали там окончательно. В 1901—1909 гг. их среднегодовое число приблизилось к 300 тыс., увеличившись почти в 10 раз по сравнению с 1876—1886 гг.

Постоянная социальная напряженность на Юге толкала центральную власть к широкому использованию в этом регионе репрессивных мер (карательные экспедиции, введение осадного положения), в плохом вязавшихся с либеральной «имиджем» нового единого государства. В условиях цензовой избирательной системы Юг с его бедным и в огромном большинстве неграмотным населением оказывался ущемленным и в своем праве на политическое представительство в парламенте: в 60-е гг. участвовать в выборах мог на Севере каждый 12-й, а на Юге — лишь каждый 38-й житель.

Так в Италии возник целый комплекс проблем, обобщенно именуемый «южным вопросом».

Становление социалистического движения. После национального объединения в Италии становились все очевиднее социальные последствия набиравшего силу развития капитализма. Углублялся раскол общества на богатых и бедных. Об этом не могли не задумываться те, кто мечтал о будущей единой Италии как о царстве социальной справедливости. Ранее самостоятельные ремесленники превращались в наемных рабочих, по мере развертывания промышленного переворота начинал формироваться фабрично-заводской пролетариат. Стихийно возникавшие забастовки были первыми, подчас весьма бурными проявлениями борьбы между трудом и капиталом.

К концу 60-х гг. влияние в рабочей среде идей Мадзини начало ослабевать. Италия уже почти объединилась, но политические ожидания его сторонников не сбылись. Социальная программа Мадзини, рассчитанная на сотрудничество классов, не давала ответа на новые злободневные вопросы. От Мадзини стала отходить наиболее радикальная часть демократов — разночинная молодежь, активно участвовавшая в походах Гарибальди. В Италию проникали первые све-

дения о деятельности основанного в 1864 г. Международного товарищества рабочих (I Интернационала).

Намечавшиеся сдвиги в этом направлении были ускорены воздействием Парижской Коммуны. Резко отрицательное отношение к Коммуне Мадзини окончательно подорвало его влияние в рабочих обществах взаимопомощи и оттолкнуло от него радикально настроенную молодежь. Организации, примыкавшие к I Интернационалу, стали создаваться во множестве. Но большинство из них знакомилось с платформой Интернационала в анархистской интерпретации М.А. Бакунина и вскоре оказалось на его позициях. Этому способствовало личное знакомство и общение симпатизировавших Интернационалу молодых людей с Бакуниным, в 1864—1867 гг. жившим в Италии.

Анархистские идеи Бакунина (уничтожение государственной власти, воздержание от любых действий политического характера) получили распространение преимущественно в Центральной и особенно Южной Италии, где в массе населения остро ощущалось отчуждение от новой политической системы, проявлялась враждебность ко всему, что исходило от государства, и нередко возникали принимавшие бунтарскую форму крестьянские волнения. Влияние бакунинского анархизма преобладало в итальянском социалистическом движении вплоть до середины 70-х гг.

К началу 80-х гг. с анархизмом порвал Андреа Коста (1851—1910) — в прошлом наиболее авторитетный лидер итальянских бакунистов. Основанная им Революционно-социалистическая партия Романьи отказалась от анархистского принципа неучастия в политической борьбе. После избирательной реформы 1882 г. Коста первым среди социалистов стал депутатом парламента.

В Ломбардии возникла другая организация — Рабочая партия. По сравнению с Революционно-социалистической партией она приобрела более массовый характер, но допускала в свои ряды только работников физического труда и своей главной задачей считала борьбу за экономические требования рабочих.

На итальянский язык начали в 80-е гг. переводиться теоретические произведения К. Маркса и Ф. Энгельса. В результате длительной идейной эволюции к марксизму пришел философ и историк, профессор Римского университета Антонио Лабриола (1843—1904). Он завязал переписку с Энгельсом и сам стал видным теоретиком-марксистом. Марксизм стремились освоить и пропагандировать основатели Миланской социалистической лиги Филиппо Турати (1857—1932) и эмигрантка из России Анна Кулишова (1857—1925), имевшая контакты с плехановской группой «Освобождение труда».

Турати и Кулишова предполагали создать партию, которая объединила бы все течения, представленные в итальянском социалистическом движении, за исключением анархистов. Съезд, положивший начало существованию такой партии, состоялся в Генуе в 1892 г. Новая партия называлась Партией итальянских трудящихся, а в дальнейшем приняла название Итальянской социалистической партии (ИСП).

С образованием ИСП завершился процесс становления в Италии политической партии рабочего класса. В то же время она стала первой в своей стране политической партией в собственном смысле слова, центром притяжения левых оппозиционных сил и уже в 90-е гг. приобрела значительное влияние.

Внешняя политика Италии в 1870—1880-е гг. В первое время после объединения Италия не проявляла значительной активности на международной арене. Внимание правящих кругов было всецело поглощено сложными внутривнутриполитическими проблемами.

Тем не менее уже в 70-е гг. начало определяться место Италии в раскладе сил в Европе после франко-прусской войны. Ее нейтралитет во время вой-

ны был благожелательным по отношению к Пруссии. Объединившаяся Германия, которая после разгрома Франции претендовала на гегемонию в Европе, рассматривалась как весьма желательный партнер (король Виктор-Эммануил II в 1873 г. нанес визит в Берлин). Отношения с Францией, наоборот, были напряженными. В начале 70-х гг. казалась реальной угроза французской интервенции с целью восстановления светской власти Папы: во Франции эту идею поднимали на щит клерикалы, а из ближайшего к Риму итальянского порта Чивитавеккья не спешил уходить посланный еще Наполеоном III крейсер «Ориноко».

Империя Габсбургов в недавнем прошлом была главным внешним врагом объединения Италии. В середине 70-х гг. возникло политическое течение, которое считало национальное объединение еще не завершенным, поскольку в составе Австро-Венгрии остались территории с итальянским населением (Триест, южная часть Тироля). Сторонников присоединения к Италии этих «неискупленных земель» (*terre irredente*) стали называть ирредентистами. Ирредентистская агитация еще больше осложняла итало-австрийские отношения.

К концу 70-х гг. Италия начала проявлять заинтересованность в приобретении колоний. Ее привлекал прежде всего Тунис, но на него одновременно претендовала Франция. Итало-французское соперничество из-за Туниса подогревалось Германией, которая стремилась возможно больше ухудшить отношения между «латинскими сестрами». Захват Туниса Францией (1881) усилил в Италии стремление сблизиться с Германией в расчете также и на ее поддержку в борьбе за колонии.

Однако Германия, уже связанная к этому времени союзными отношениями с Австро-Венгрией, дала Италии понять, что «путь в Берлин лежит через Вену». Ради союза с Германией Италии пришлось смириться с перспективой стать также и союзницей своего вчерашнего врага. В 1882 г. австро-германский союз превратился в Тройственный союз с участием Италии. Но у Италии продолжали существовать противоречия с Австро-Венгрией, неизменно осложнявшие ее положение внутри этого блока.

Свою колониальную экспансию Италия после неудачи в Тунисе попыталась продолжить в Восточной Африке. Завладев опорными пунктами на побережье Красного моря, она задалась целью подчинить себе территории, населенные эфиопскими племенами. Но в начале 1887 г. итальянский экспедиционный корпус потерпел поражение при Догали, и Италии пришлось временно отказаться от этих планов.

90-е гг.: «кровавое десятилетие». В 1887 г. очередной кабинет сформировал Франческо Криспи (1818—1901). В прошлом активный сподвижник Гарибальди, он стал затем видным деятелем «левой». Но к моменту, когда Криспи занял пост премьера, «левая» как правящая сила практически уже исчерпала себя и сами прежние политические разграничения, постепенно стиравшиеся под воздействием трансформизма, утратили былое значение. Криспи выдвинулся на авансцену именно благодаря своей готовности действовать, не считаясь с традициями и условностями политического обихода, и добиваться поставленных целей любыми средствами. Образцом, которому он стремился следовать как политик, был «железный канцлер» Бисмарк в Германии.

Прогерманская внешнеполитическая ориентация Италии при Криспи усилилась. В 1888 г. с Германией была подписана военная конвенция, определявшая конкретные обязательства Италии в случае войны с Францией и Россией ее партнеров по Тройственному союзу. Итало-французские отношения с конца 80-х гг. дополнительно осложнились разгоревшейся между двумя странами таможенной войной.

Во внутренней политике Криспи с самого начала встал на путь усиления правительственной власти в ущерб власти парламента. В нарушение традиции он занял в правительстве сразу три важнейших поста (премьера, министра иностранных дел и министра внутренних дел), а при формировании нового кабинета после выборов 1889 г. стал премьером без утверждения его кандидатуры парламентом. Началось наступление на гражданские свободы: закон 1889 г. ограничил конституционное право собраний, поставив его осуществление в зависимость от санкции префектов и полицейских властей. По отношению к рабочему и социалистическому движению стал проводиться откровенно репрессивный курс (оружие против стачечников, аннулирование мандата и судебное преследование депутата-социалиста Косты).

Второй кабинет Криспи продержался до февраля 1891 г. Его преемником на посту премьера стал Антонио Рудини, а затем Джованни Джолитти (1842—1928) — политический деятель с большим будущим, который тогда лишь начинал приобретать известность. Он был родом из Пьемонта и на государственную службу поступил в 19 лет — сразу же после создания Итальянского королевства. На всех выборах в парламент он неизменно избирался от одного и того же округа в своей родной провинции Кунео. Возникшую угрозу социальных потрясений Джолитти надеялся отвести проведением налоговой реформы и улучшением законодательства об охране труда.

Но именно при кабинете Джолитти на Сицилии развернулось массовое крестьянское движение, направленное против латифундистов и сельских муниципалитетов. Участники этого движения объединились в Союзы трудящихся, в которых активную роль играли социалисты. Созданная на их базе Сицилийская социалистическая федерация насчитывала около 50 тыс. членов. Действия полиции против крестьянских союзов все больше накаляли обстановку. К тому же стали достоянием гласности скандальные аферы Римского банка и коррупционные связи с ним видных политиков, включая министров. Сам Джолитти повинен в коррупции не был и в конце 1893 г. настоял на отставке скомпрометированного этой «итальянской Панамой» правительства. Новый кабинет опять возглавил Криспи.

Возвращение Криспи к власти ознаменовалось жестоким подавлением сицилийского движения. На Сицилии было введено осадное положение, туда были посланы воинские подкрепления, солдаты и полиция неоднократно пускали в ход оружие против бунтующих крестьян (жертвы этих расправ исчислялись десятками). Крестьянские союзы были распущены, их руководители преданы суду военного трибунала и приговорены к длительным срокам тюремного заключения.

Затем последовал итальянский вариант исключительного закона против социалистов. Используя как предлог участвовавшие террористические акты анархистов, Криспи летом 1894 г. добился принятия парламентом закона о чрезвычайных мерах по охране общественной безопасности. Вскоре этот закон был дополнен министерским декретом, согласно которому все существующие в Италии рабочие организации квалифицировались как анархистские и запрещались. Удар был направлен прежде всего против социалистической партии. На легальном уровне она сохранила лишь свою фракцию в парламенте из 6 депутатов.

Одновременно Криспи активизировал захватническую политику Италии в Восточной Африке. Итальянские владения на побережье Красного моря (Ассаб и Масауа) были в 1890 г. объединены в колонию Эритрея, которая стала опорной базой для начатой в 1895 г. новой агрессии против эфиопских племен. Вождь одного из них Менелик к этому времени сумел объединить их и провозгласил себя негусом (королем королей, императором) Эфиопии. В марте 1896 г.

армия Менелика в сражении при Адуа разгромила итальянский экспедиционный корпус численностью в 17 тыс. чел., который потерял убитыми, ранеными и пленными более 45% личного состава, всю артиллерию и обоз.

Сокрушительное поражение в Африке вызвало отставку Криспи и его окончательный уход из политики. При новом кабинете, который вторично возглавил Рудини, правительственный курс на некоторое время смягчился. Была объявлена амнистия осужденным участникам крестьянского движения на Сицилии, подписан мир с Эфиопией на условиях полного признания ее независимости. Возобновилась легальная деятельность социалистической партии, которая на парламентских выборах 1897 г. завоевала уже 15 мест в палате депутатов.

Но политическая передышка оказалась недолгой. В правящем лагере продолжала существовать сильная тенденция в пользу ограничения гражданских свобод и прерогатив парламента. Вновь резко обострилась социальная напряженность. К весне 1898 г. всю страну охватили массовые выступления в связи с дороговизной продуктов питания. В Милане в первые числа мая столкновения между рабочими и полицией переросли в продолжавшееся пять дней восстание с баррикадными боями.

Милан был объявлен на осадном положении, против восставших рабочих использовались пехотные и кавалерийские воинские части и артиллерия. При этом, согласно официальным данным, были убиты 80 и ранены 450 человек (к «силам порядка» из пострадавших принадлежали только двое). Начались массовые репрессии. Аресты в Милане и других городах исчислялись сотнями, среди арестованных были и три социалистических депутата. Перестало выходить множество газет, вновь, как в 1894 г., стали действовать военные суды, а социалистическая партия и другие рабочие организации повторно подверглись роспуску.

В парламент были внесены законопроекты, предусматривавшие право исполнительной власти использовать для защиты «общественного порядка» законы военного времени, усиление санкций против печати, обязательное представление в полицию списка членов любой общественной организации и другие антидемократические меры. Но предложившее их правительство Рудини не смогло удержаться у власти. Ему на смену в июне 1898 г. пришел кабинет генерала Л. Пеллу.

Правительство Пеллу продолжило атаку на демократию, внося в парламент проекты новой серии чрезвычайных законов (в числе прочего имелись в виду милитаризация персонала железных дорог и ведомства связи, а также дальнейшие ограничения свободы печати, союзов, собраний). Одновременно, как при Криспи, была предпринята попытка активизировать колониальную экспансию — на этот раз в виде участия Италии в борьбе за сферы влияния в Китае (военная демонстрация в заливе Саньмыньвань). Но она вызвала дипломатический скандал, а затем и отставку кабинета (май 1899 г.). Впрочем, король Умберто I (на престоле с 1878 г.) тут же поручил Пеллу формирование нового кабинета.

При втором кабинете Пеллу в парламенте сложилась широкая оппозиционная коалиция, развернувшая борьбу против правительственных проектов чрезвычайных законов. В нее вошли образовавшие блок «Крайняя левая» социалисты, республиканцы, радикалы, а также часть либеральных депутатов во главе с Дзанарделли и Джолитти.

Республиканцы и радикалы считались партиями, но как политические течения существовали лишь на парламентском уровне. Исторически те и другие были связаны с республиканской традицией Рисорджименто, но после объединения Италии разошлись между собой по вопросу об участии в парламенте монархического государства (радикалы признали его допустимость уже в первой поло-

вине 70-х гг., республиканцы — лишь позднее). Не были партией и либералы — их представляли в парламенте разные группировки, имевшие своих лидеров.

Оппозиция действовала с помощью обструкции, всячески затягивая обсуждение законопроектов. Правительство попыталось придать им силу закона в обход парламента — посредством королевского декрета, но Кассационная палата официально признала его противоречащим конституции и не имеющим юридической силы. Ввиду невозможности принять законопроекты при данном составе палаты депутатов Пеллу добился от короля назначения новых выборов.

Парламентские выборы состоялись в июне 1900 г. и принесли оппозиции победу над правительственным лагерем (одна лишь социалистическая фракция в палате выросла до 33 депутатов). Потерпели поражение не только антидемократические замыслы Пеллу, но целое направление, преобладавшее в правительственной политике начиная с Криспи.

Сделав ставку на авторитарные методы в сочетании с агрессивной внешней политикой, правящий блок пытался форсированным путем нагнать отстаивание поздно объединившейся Италии от более передовых стран и найти выход из наложившихся друг на друга старых и новых социальных противоречий. Завоевание колоний рассматривалось не только как вопрос национального престижа: безземельным крестьянам (в особенности на Юге) вносились, что в колониях они смогут получить желанную землю, в которой им было отказано в самой Италии. Страх перед быстро выросшим рабочим и социалистическим движением питал стремление покончить с ним средствами лобовой атаки. Но действовать в подобном духе мешала существовавшая система конституционных гарантий, что неминуемо направляло удары реакции против демократических свобод как таковых.

Вскоре после выборов 1900 г. в результате анархистского покушения был убит король Умберто I, как бы олицетворявший эти реакционные тенденции. Его преемник Виктор-Эммануил III, которому предстояло править до 1944 г., при вступлении на престол заявил о нерушимости конституционных принципов и намерении посвятить свои усилия «защите свободы».

«Либеральная эра» Джолитти. «Кровавое десятилетие» 90-х гг. закончилось в Италии поражением политических сил, пытавшихся урезать конституционные свободы и перейти к авторитарно-диктаторским методам управления. С началом нового века в правящем лагере взяла верх противоположная тенденция — в сторону дальнейшей либерализации политического курса. Этот поворот связан прежде всего с именем Джолитти. В 1901 г. он занял пост министра внутренних дел в правительстве Джузеппе Дзанарделли, а с 1903 г. и до кануна Первой мировой войны неоднократно возглавлял кабинет. Прошедший под знаком его реформаторской деятельности предвоенный период итальянской истории обычно называют «либеральной эрой».

Джолитти, в конце 90-х гг. сыгравший видную роль в противодействии натиску реакции, яснее чем кто-либо другой из итальянских политических деятелей видел, что курс Криспи — Пеллу не только не дал желаемых результатов, но привел к опасным для самих правящих классов потрясениям. Осуществленный им политический поворот объяснялся, однако, не только этим. В итальянском обществе к началу XX в. созрели и выявились важные изменения. В правящем блоке буржуазии и крупных землевладельцев влияние наиболее консервативной его части (латифундистов Юга) постепенно слабело. На первый план выдвинулись динамичные предпринимательские круги, стремившиеся взять на вооружение новейшие достижения в области техники и технологии производства, а отношения с рабочими строить под флагом классового сотрудничества. Такой подход диктовался тем, что рабочий класс к этому времени уже не

был аморфной, склонной к слепому бунтарству массой — он превратился в организованную на политическом и профессиональном уровне силу, с которой нельзя было не считаться.

Джолитти был противником таких действий, которые толкают на враждебные государству позиции «классы, составляющие огромное большинство населения». Он выступил за признание законного характера деятельности профсоюзов и свободы стачек, провозгласив принцип невмешательства государства в трудовые конфликты между рабочими и предпринимателями. Последнее означало, что против стачечников, выдвигающих экономические требования, не должна использоваться вооруженная сила государства (полиция, воинские части). Более высокий уровень зарплаты — доказывал Джолитти, ссылаясь на опыт передовых индустриальных стран — не противоречит, а вполне соответствует интересам промышленного прогресса.

На протяжении 1901—1904 гг. последовал ряд предложенных Джолитти социальных реформ. Был повышен минимальный возраст детей, допускаемых к работе на промышленных предприятиях (12 лет вместо 9) и в шахтах (14 лет вместо 10). На детей в возрасте до 12 лет было распространено обязательное школьное обучение в объеме 6 классов (вместо 2—4 классов по закону 1877 г.). Был дополнительно ограничен рабочий день женщин, вводились льготы по беременности, а женский труд в шахтах запрещался полностью. Был подтвержден обязательный характер страхования рабочих по случаю производственных травм (на этот счет существовал закон 1898 г., но он не соблюдался предпринимателями). Курс на социальное реформаторство выразился и в создании при правительстве таких органов, как Бюро труда (под руководством одного из социалистов), Высший совет труда (с участием представителей профсоюзов, рабочих кооперативов и обществ взаимопомощи) и Комиссариат по делам эмигрантов.

Проведение подобной политики имело целью общее снижение социальной напряженности и прежде всего обеспечение классового мира в промышленности, в котором были заинтересованы новые, выдвинутые ускорившимся индустриальным развитием слои буржуазии. Именно к началу XX в. в Италии сложилась передовая по тому времени крупная промышленность, по темпам роста продукции (в 1896—1908 гг. — в среднем на 6,7% в год) занимавшая одно из первых мест в Европе. За 1901—1913 гг. объем промышленного производства по Европе в целом увеличился на 56%, в Италии же — на 87%.

Качественный скачок в развитии итальянской промышленности был достигнут прежде всего за счет новых отраслей. Одной из них (особенно важной для Италии при ее ограниченных запасах других энергетических ресурсов) было производство электроэнергии, выросшее за 1900—1908 гг. более чем в 7 раз. Итальянские электростанции использовали двигательную силу воды и в начале XX в. считались самыми крупными и лучшими по уровню в Европе. Исключительно быстро развивалось производство автомобилей (всего 6 автомашин в 1900 г. и 1283 — в 1907 г.). В этой области Италия успешно конкурировала с другими странами. Модернизировалась черная металлургия. За 1898—1907 гг. увеличилась в 4 раза выплавка стали — в частности, благодаря использованию железного лома.

В условиях промышленного подъема среди акционерных обществ стали выделяться крупнейшие, претендующие на монопольное положение — «Фиат» в автомобилестроении, «Эдисон» в электроэнергетической отрасли, «Пирелли» в производстве резины, «Ильва» в черной металлургии и др. Государство в годы «либеральной эры» активно поощряло процесс монополизации с помощью протекционистских тарифов на соответствующие виды товаров, предоставления ведущим компаниям льготных условий добычи сырья или выгодных правительст-

венных заказов. Либерал в политике, Джолитти отнюдь не был приверженцем либеральной доктрины невмешательства государства в экономическую жизнь. С таким курсом вполне согласовывалась и его установка на широкое государственное регулирование трудовых отношений.

Джолитти стремился сделать опорой правительственной политики те фракции парламента, которые в конце 1890-х гг. совместно выступили против чрезвычайных мер кабинета Пеллу, в том числе «Крайнюю левую» (республиканцы, радикалы, социалисты). В 1901 г. именно их голосами получил вотум доверия кабинет Дзанарделли. Но когда Джолитти, став в 1903 г. премьером, попытался пойти дальше и предложил представителям радикалов и лидеру ИСП Ф. Турати вступить в правительство, то получил отказ. Тем не менее участие в парламентской поддержке кабинета левых партий, до социалистов включительно, было важным политическим новшеством «либеральной эры».

Однако либеральные реформы Джолитти, ощутимо продвигая вперед приближающуюся к уровню передовых стран Северную Италию с ее динамично развивавшейся промышленностью и сильными рабочими организациями, не затрагивали (особенно на начальном их этапе) все более отставший в своем развитии Юг. Для Юга имела пагубные последствия экономическая политика Джолитти (государственное покровительство промышленным магнатам Севера, выгодный им таможенный протекционизм). Провозглашенный Джолитти отказ от использования вооруженной силы в классовых конфликтах и сам по себе не был безусловным (представителям исполнительной власти на местах вменялось в обязанность пресекать действия забастовщиков, нарушающие «свободу труда» штрейкбрехеров), а на стихийные выступления южноитальянских крестьян и батраков вообще не распространялся. На Юге и в годы «либеральной эры» сохранялось засилье латифундистов, отношения типа клиентелы (личной зависимости от влиятельных персон), всевластие отдельных кланов, нередко связанных с мафией и другими преступными сообществами. Самая резкая критика взятого Джолитти курса исходила именно от поборников экономического и культурного возрождения Юга — так называемых меридионалистов (Meridione — Юг).

Да и на главном направлении своей внутренней политики (расширение социальной опоры государства путем создания «промышленного блока», т. е. привлечение к сотрудничеству с новой промышленной буржуазией организованного рабочего класса Севера) Джолитти в какой-то мере получал результаты, обратные желаемым. Более либеральный подход к стачкам и деятельности профсоюзов стимулировал быстрый рост профсоюзного движения. «Замирения» между рабочими и предпринимателями не последовало: число стачек и их участников в начале XX в. выросло в несколько раз по сравнению с предыдущим десятилетием.

В сентябре 1904 г. в Италии произошла всеобщая политическая стачка, объявленная в ответ на кровавую расправу с бастующими рабочими-горняками Сардинии и сицилийскими батраками. С нее началась цепь событий, которые приведут к перерыву в правительственной деятельности Джолитти.

Стачка вызвала усиление в обществе консервативных настроений и обострение разногласий между партиями «Крайней левой». Джолитти в расчете на создание более умеренного большинства в поддержку правительства добился проведения досрочных парламентских выборов. Партия «Крайней левой» выступила на этих выборах порознь и понесла потери. С другой стороны, впервые после объединения Италии папский престол без формальной отмены принципа «non expedit» допустил участие в выборах католиков. Папа Пий X (годы понтификата 1903—1914) разрешил им поступать в отношении выборов «согласно

своей совести», а епископам дал право самим определять, какую позицию рекомендовать пастве. Голоса католиков были отданы кандидатам консервативной ориентации.

После выборов кабинет Джолитти оказался в парламенте под сильным давлением справа. В феврале 1905 г. правительство ввиду истечения срока конвенций с частными железнодорожными компаниями внесло в парламент законопроект, предусматривавший полное огосударствление железных дорог, а для их персонала — фактическое запрещение стачек (суровые санкции за «нарушение нормальной работы транспорта»). Железнодорожники вступили в борьбу за свое право на стачку, используя своеобразный метод: они вышли на рабочие места, но настолько скрупулезно выполняли все должностные инструкции, что это вызвало полную дезорганизацию движения (такую «работу по правилам» стали называть «итальянской забастовкой»). Джолитти не захотел компрометировать себя применением против железнодорожников силы (на чем настаивало парламентское большинство) и подал в отставку. Но ставший премьером А. Фортис внес в парламент лишь немного смягченный законопроект и добился его одобрения.

Возвращение Джолитти к власти произошло весной 1906 г., когда было создано его «долгое министерство» (1906—1909). В этот период новым моментом в его политике стало большее внимание к проблемам Юга. В 1906 г. были образованы специальные парламентские комиссии для обследования положения на Юге (включая Сицилию и Сардинию), год спустя они опубликовали результаты своей работы. Был принят ряд законов, относившихся к отдельным областям Юга и предусматривавших прокладку дорог, строительство портов, сооружение системы водоснабжения в Апулии, развитие промышленности в Неаполе и т.д., выделены средства на оказание помощи населению в связи с постигшими Юг стихийными бедствиями (землетрясение в Калабрии в 1905 г., извержение Везувия в 1906 г., мессинское землетрясение 1908 г.). Но подобные частичные меры были несоизмеримы с тем, в чем действительно нуждалась эта «внутренняя колония» Италии.

Реформы в области трудового законодательства были продолжены введением в 1907 г. еженедельного воскресного отдыха для рабочих. В то же время «долгое министерство» Джолитти расширило сферу, в которой действовал запрет на стачки. В 1907 г. он был специальным законом подтвержден для персонала железных дорог, а по закону 1908 г. о государственных служащих распространен на все их категории, хотя тем же законом признавалось право госслужащих на профессиональную организацию.

Новая отставка Джолитти в конце 1909 г. была связана с оппозицией в парламенте некоторым правительственным законопроектам, а его последний предвоенный кабинет находился у власти с марта 1911 по март 1914 г. Из реформ, проведенных в это время, наиболее важными были две: принятие в 1912 г. закона о государственной монополии страхования жизни (с обращением доходов от нее в фонд пенсий по старости и инвалидности) и значительная демократизация избирательной системы. По избирательному закону 1912 г. мужчины в возрасте с 21 до 30 лет получали право голоса, если были грамотными или отслужили действительную службу в армии, а после 30 лет — без этих ограничений. В результате избирательный корпус увеличился с 3,5 до 8 млн чел. Тем же законом было установлено жалование депутатам парламента.

Первые выборы по новому избирательному закону прошли в 1913 г. при существенно изменившейся расстановке политических сил. При формировании правительства в 1911 г. Джолитти не удалось склонить к участию в нем представителя ИСП Л. Биссолати, но парламентская фракция социалистов поддержа-

ла правительственную программу. Однако вскоре политическому сотрудничеству Джолитти с социалистами положила конец итало-турецкая война 1911—1912 гг., которую ИСП осудила. Возглавляемый Джолитти либеральный лагерь стремился поэтому не допустить, чтобы ставшее практически всеобщим избирательное право сработало в пользу социалистов, и нашел союзников против них в лице католиков, которые могли рассчитывать на голоса впервые допущенных к выборам неграмотных крестьян.

Выборы не привели к ослаблению позиций социалистов (они получили в палате депутатов 80 мест — почти вдвое больше, чем в предыдущем составе), но создание предвыборного блока либералов и католиков на антисоциалистической основе было многозначительным фактом. Оно свидетельствовало, с одной стороны, о постепенном смягчении конфликта между этими силами, восходившего к периоду объединения Италии, а с другой — о том, что в итальянском обществе нарастала поляризация по линии глубинных классовых интересов, которой не могла сдержать или преодолеть либеральная политика Джолитти.

Общественная атмосфера, культура и искусство. Когда в 1911 г. отмечалось 50-летие Итальянского королевства, было очевидно, что ставшая единым государством Италия за это время сильно изменилась. Но происшедшие изменения были неоднозначны и в различных частях общества ощущались по-разному. Преобладали и окрашивали повседневную жизнь настроения разочарования, порожденные несбывшимися ожиданиями и сменой напряженной борьбы за высокие идеалы будничной реальностью. Множеству людей жилось хуже, чем раньше — они потеряли свой привычный статус, для них к прежним тяготам добавились новые. Постепенно сходило со сцены поколение, совершившее национальную революцию, и на смену ему шло другое, более прагматичное, с иными ценностями. В литературе и искусстве былая романтическая приподнятость уступала место новому направлению — так называемому веризму (*vero* — истинный, правдивый), настаивавшему на изображении реальности в неприкрашенном виде, включая и ее темные, неприглядные стороны. Веристы часто обращались к сюжетам из жизни Юга, среди них самих было немало южан. Наиболее значительные представители веристской традиции — Джованни Верга (1840—1922) в литературе, Пьетро Масканы (1863—1945) и Руджеро Леонкавалло (1857—1919) в оперной музыке; в той или иной степени влияние веризма испытали прозаик и драматург Луиджи Пиранделло (1867—1936), композитор Джакомо Пуччини (1858—1924).

Веризму с его натуралистической эстетикой противостояло распространившееся с конца XIX в. декадентство, культивировавшее эстетическую утонченность, интерес к подсознательному, мистические мотивы. Перед Первой мировой войной именно в Италии зародился и активно проявил себя в поэзии и изобразительном искусстве футуризм — течение, претендовавшее на роль провозвестника будущего (*futuro*). Устами своего идеолога Филиппо Томмазо Маринетти (1876—1944) футуристы предлагали выбросить как ненужный хлам культурное наследие прошлого, славить скорость, новые средства передвижения, индустриальный облик городов, напор и агрессию всякого рода — в том числе войну.

В области гуманитарных наук с конца XIX в. стало развиваться изучение отношений власти и общества, т.е. политическая социология. Два ее корифея — Гаэтано Моска (1858—1941) и Вильфредо Парето (1848—1923) — получили международную известность. В философском отношении эта новая область исследований находилась в орбите позитивизма. Но в других сферах позитивизм к началу XX столетия встретился с сильным противником в лице неогегельянства, поколебавшего его былую культурно-философскую гегемонию в Италии. Два разных направления в неогегельянстве представляли Бенедетто Кроче

(1866—1952) и Джованни Джентиле (1875—1944). Кроче с 1903 г. издавал влиятельный среди интеллигенции журнал «Критика», в котором освещались проблемы философии, истории, литературоведения и т.д. (автором большинства публикаций был он сам).

Традиционная народная культура сохранила такой отпечаток позднего национального объединения, как множественность местных диалектов, иногда очень сильно различавшихся между собой. Диалекты не только оставались важнейшим средством повседневного общения: в сфере театрального искусства наряду с театром на литературном итальянском языке существовал диалектальный театр, преемственно связанный с комедией масок. Это специфически итальянское явление, чего-либо подобного в других странах не было. Исполнители на уличных подмостках нередко импровизировали на злободневные темы, придавая представлениям сатирическую окраску. Яркое зрелище подобного рода было непременной частью карнавалов и других народных праздников. На гастролях за пределами Италии диалектальный театр пользовался неизменным успехом.

Внешняя политика Италии в начале XX в. Период от начала XX в. до Первой мировой войны ознаменован постепенным изменением внешнеполитической ориентации Италии и активизацией ее экспансионистских устремлений.

В 1902 г. Италия в четвертый раз подтвердила свое участие в Тройственном союзе, но все больше тяготилась союзническими отношениями с Австро-Венгрией. Ирредентисты использовали любой повод для напоминания о «неискупленных землях», что иной раз приводило к дипломатическим инцидентам. Италия становилась соперницей Австро-Венгрии в экономическом проникновении на Балканы — особенно в железнодорожном строительстве. Совершенная в 1908 г. Австро-Венгрией аннексия Боснии и Герцеговины вызвала со стороны Италии резкий протест, сопровождавшийся требованием территориальных компенсаций. Но Австро-Венгрия заявила, что условия Тройственного союза не обязывают ее к этому.

Усилия Германии были направлены к тому, чтобы по возможности сгладить противоречия между двумя ее союзницами. Но и в отношениях Италии с Германией наступило известное охлаждение. На международной конференции, созванной в 1906 г. в связи с угрозой франко-германского конфликта из-за Марокко, Италия поддержала не Германию, а Францию.

Такая позиция Италии не была случайностью. Ее отношения с Францией после признания в конце 90-х гг. французского протектората над Тунисом и прекращения таможенной войны существенно улучшились. В 1901—1902 гг. между двумя странами были заключены два важных соглашения. Первое из них касалось колониальных проблем: Италия обязалась поддерживать Францию в захвате Марокко и в обмен на это заручилась поддержкой с ее стороны своих притязаний на североафриканские владения Турции — Триполитанию и Киренаику. По условиям второго Италия обещала Франции свой нейтралитет в случае, если та подвергнется нападению или «вследствие прямого вызова» сама начнет войну. В качестве противника Франции подразумевалась, конечно, Германия, так что фактически этим соглашением перечеркивались обязательства Италии перед Германией по Тройственному союзу.

Параллельно шло сближение Италии с Англией и Россией, уже формировавшимися вместе с Францией блок, который противостоял Тройственному союзу. С Англией в 1904 г. была подписана конвенция о разграничении колониальных владений в Восточной Африке — на полуострове Сомали. В российскую столицу Виктор-Эммануил III нанес свой первый официальный визит после вступления на престол. Ответный визит Николая II намечался на 1903 г., но был отложен, т.к. в Италии началась организованная социалистами и поддержанная

другими партиями «Крайней левой» кампания протеста против приезда царя и его могли встретить враждебными манифестациями¹². Этот визит состоялся лишь в 1909 г. Свидание двух монархов произошло не в Риме, а в замке Ракконджи (Пьемонт) — летней королевской резиденции. Его результатом стало соглашение, по которому Италия и Россия обязались проводить общую линию в политике на Балканах и в отношениях с Австро-Венгрией, а также обещали друг другу поддержку соответственно в вопросах об оккупации Триполитании и о черноморских проливах.

Италия, таким образом, обеспечила себе благожелательную позицию и Франции, и России в отношении своих колониалистских планов в Северной Африке. С другой стороны, еще в 1902 г. о своем намерении не препятствовать действиям Италии в Триполитании и Киренаике заявила Австро-Венгрия. В самой Италии ширилось распространение великодержавных экспансионистских идей. Они пропагандировались некоторыми влиятельными журналами, циркулировали в сфере литературы и искусства (ими было пронизано, например, творчество известного писателя-декадента Габриэле Д'Аннунцио — 1863—1938), стали знаменем движения националистов, которое в 1910 г. оформилось в Националистическую ассоциацию. Создавался психологический климат, благоприятный для войны с Турцией за новые африканские колонии.

Война началась в октябре 1911 г. и продолжалась ровно год. Италия официально мотивировала оккупацию Триполитании и Киренаики необходимостью «охраны своего достоинства и интересов», а также стремлением вывести эти области «из состояния беспорядка и заброшенности». Нанеся (хотя и ценой большого напряжения) военное поражение Турции, Италия аннексировала Триполитанию и Киренаику и объявила их своей колонией под названием Ливия (поэтому итало-турецкую войну 1911—1912 гг. именуют еще Ливийской). Но ей не удалось закрепить за собой по мирному договору оккупированные в ходе войны Додеканезские острова в Эгейском море, хотя обязательство очистить их Италия, воспользовавшись новыми осложнениями на Балканах, так и не выполнила.

Воздействие войны на внутривитическую ситуацию в Италии проявилось по разным направлениям. Правительство Джолитти, пожинавшее плоды победы над Турцией, на какое-то время получило небывалую поддержку охваченной шовинистическими настроениями части общества, но с другой стороны лишилось возможности рассчитывать на сотрудничество с влиятельнейшей левой партией — социалистами. Главное же, война подхлестнула великодержавные амбиции и выдвинула на авансцену политической жизни такие фракции правящего класса, которые были готовы на безоглядные и самые жесткие действия во имя дальнейшей экспансии. Их уже не устраивал Джолитти с его осторожностью, умением маневрировать и идти на компромиссы. В марте 1914 г. Джолитти ушел в отставку, а пост премьера занял правый либерал Антонио Саландра (1853—1931).

Социалистическое движение. «Красная неделя» 1914 г. В начале XX в. социалистическая партия и другие рабочие организации Италии, еще недавно подвергавшиеся ожесточенным преследованиям, получили широкие возможности для легальной деятельности. Проводимый Джолитти либеральный курс способствовал усилению внутри ИСП реформистского крыла, к которому принадлежал и сам лидер партии Ф. Турати.

¹² Незадолго до этого итальянская общественность успешно воспротивилась требованию о выдаче царскому правительству арестованного под его нажимом политэмигранта М. Гоца и протестные настроения еще не остыли.

Единомышленники Турати еще в период совместной с левыми либералами борьбы против чрезвычайных законов Пеллу увидели в Джолитти политика, с которым возможно далеко идущее сотрудничество. Необходимостью сохранять блок с леволиберальными кругами в защиту демократии против возможного возрождения угрозы справа обосновывалось и беспрецедентное для ИСП голосование ее парламентской фракции (состоявшей преимущественно из реформистов) за доверие правительству Дзанарделли — Джолитти. Проводимые Джолитти социальные реформы поддерживались социалистами-реформистами в соответствии с представлением о социализме как продукте длительного эволюционного развития и о реформах как реальных шагах по пути к нему.

Придавая главное, если не исключительное значение парламентской деятельности, реформисты настороженно относились к массовым действиям любого, а в особенности политического характера. Имея сильные позиции в профсоюзах, они обычно стремились ограничить размах стачек с экономическими требованиями и по возможности склонить стороны к компромиссу. Факты вооруженного насилия над участниками массовых выступлений вызывали со стороны реформистов протест в парламенте и временный отказ правительству в поддержке, но они лишь неохотно и во многом декларативно солидаризировались со всеобщей политической стачкой 1904 г., объявленной в ответ на очередное кровопролитие.

Сотрудничая с правительством Джолитти на парламентском уровне, реформисты тем не менее не хотели участвовать в нем и дважды (в 1903 и 1911 гг.) отклоняли подобные предложения. В конечном счете это объяснялось опасениями, что принятие социалистическими лидерами министерских постов дискредитирует их в глазах рядовых членов партии.

О том, что такие опасения не были беспочвенны, свидетельствовали оппозиционные реформизму настроения в ИСП, первым выразителем которых стало сложившееся к 1904 г. синдикалистское течение. Его идеологами были социалисты-южане во главе с Артуро Лабриолой (1873—1959, не путать с Антонио Лабриолой).

Итальянские синдикалисты многое восприняли от родоначальника французского анархо-синдикализма Жоржа Сореля, но не во всем разделяли его позиции. В частности, они не были сторонниками полного отказа от политической борьбы. Их критика направлялась против политического действия по-реформистски — чисто парламентского, пронизанного идеей сотрудничества во имя демократии с прогрессивными фракциями буржуазии. Синдикалисты противопоставляли этому классовую непримиримость и прямое массовое действие в экономической и политической сферах. Именно по их инициативе была начата всеобщая стачка 1904 г., в которую включились и другие левые политические силы. Значительную активность итальянские синдикалисты проявляли и в стачках экономического характера и профсоюзном движении. Но стачки они рассматривали не столько как средство достижения каких-то конкретных целей, сколько как своего рода «революционную гимнастику», а потому зачастую вступали в борьбу безрассудно, не взвешивая шансы на успех и не задумываясь о цене поражения.

Являясь первоначально течением внутри ИСП, синдикалисты в 1908 г. были исключены из нее. Но питавшие синдикализм настроения (стихийное неприятие реформизма, склонность к бескомпромиссным, решительным действиям) на низовом партийном уровне продолжали существовать и теперь искали себе другое выражение. На этой основе в ИСП возникла так называемая «революционная фракция», имевшая свой центральный комитет и печатный орган.

Борьба течений в ИСП особенно обострилась в связи с итало-турецкой войной. Произошло размежевание внутри реформистского течения, которое разделилось на правых и левых реформистов. Правые реформисты во главе с Л. Биссолати и И. Бономи поддержали войну против Турции, тогда как возглавляемые Турати левые реформисты ее осудили, обосновывая свою позицию доводами пацифистского характера. Решительно выступила против войны «революционная фракция». По ее настоянию в октябре 1911 г. в г. Модена был созван чрезвычайный съезд ИСП, принявший большинством голосов антивоенную резолюцию. Тем временем в рядах «революционной фракции» стал выдвигаться на авансцену новый лидер — Бенито Муссолини (1883—1945).

Этот человек, который всего через несколько лет станет основателем фашистского движения, а затем первым фашистским диктатором, начинал свою политическую деятельность в рядах социалистической партии и притом на ее левом крыле. Он был родом из области Романья, где сохранились сильные анархистские традиции. К анархизму был близок и его отец, кузнец по профессии, участник социалистического движения. Взгляды Муссолини не отличались систематичностью и последовательностью. Он был довольно поверхностно знаком с идеями Маркса, Сореля, Ницше, Шопенгауэра, анархистских теоретиков (Бакунин, Штирнер, Кропоткин) и эклектически сочетал те их элементы, которые находил пригодными для собственных целей. А его цели определялись неумным честолюбием, стремлением к самоутверждению и к власти над людьми. Во имя этого Муссолини мог круто менять свои политические позиции. Первоначальную известность он снискал публикациями в социалистической печати и своим ораторским искусством: на малоискусшенную аудиторию безотказно действовали его грозно звучащие «революционные» фразы, грубая лексика, специфические жесты и другие актерские приемы. В ИСП он увлек за собой многих из тех, кто раньше поддерживал синдикалистов, в особенности же стал популярен среди социалистической молодежи.

На съезде ИСП в г. Реджо-Эмилия (май 1912 г.) Муссолини оказался уже центральной политической фигурой. По его предложению из партии за поддержку войны с Турцией были исключены лидеры правых реформистов (Биссолати, Бономи и некоторые другие). Самого Муссолини съезд назначил главным редактором центрального партийного органа — газеты «Аванти!» («Вперед!»).

Антивоенное движение в Италии активизировалось по мере того, как за цепью локальных конфликтов все яснее просматривалась надвигающаяся на Европу угроза мировой войны. В нем участвовала не только социалистическая партия, но и синдикалисты, анархисты, республиканцы. Намеченные на 7 июня 1914 г. антивоенные митинги и демонстрации были запрещены правительством А. Саландры и разогнаны силой там, где они все же состоялись (в г. Анкона при этом были жертвы среди манифестантов). В ответ была объявлена общенациональная стачка протеста, положившая начало событиям так называемой «Красной недели». В ряде местностей дело не ограничивалось стачками, митингами, шествиями: воздвигались баррикады, происходили столкновения рабочих с полицией и войсками, а в двух областях Центральной Италии (Романья и Марке) движение приняло антимонархический характер и были провозглашены республики.

К порогу мировой войны Италия подошла в условиях глубокого политического кризиса, проявлениями которого были как этот невиданный по масштабам взлет массового движения, так и наступивший незадолго до того конец «либеральной эры» Джолитти.

Глава 30 ИСПАНИЯ В 1875—1914 гг.

Политическая система Реставрации. Касикизм. Период испанской истории с 1875 по 1923 г. принято называть «эпохой Реставрации», так как в результате государственного переворота 30—31 декабря 1874 г. была восстановлена монархия, королем был провозглашен Альфонсо XII, сын Изабеллы II, свергнутой в 1868 г. Правительственные войска нанесли поражение карлистам и в феврале 1876 г. завершилась продолжавшаяся четыре года гражданская война. В 1880 г. победой Испании закончилась колониальная война на Кубе.

«Архитектором» политической системы Реставрации стал Антонио Каноас дель Кастильо (1828—1897), крупнейший государственный деятель Испании конца XIX в., неоднократно возглавлявший правительство. Его политические взгляды стали основой принятой кортесами в 1876 г. конституции. Каноас был сторонником конституционной монархии, считая ее единственной гарантией социального и политического порядка. Власть должна была принадлежать монархическим партиям, другие политические силы не следовало допускать к управлению государством. Каноас выступал за ограничение избирательного права имущественным цензом. Признавая католическую церковь одной из основ испанского общества, Каноас в то же время не допускал ее вмешательства в политическую жизнь страны. Он также считал, что армия должна быть отстранена от политической борьбы. Каноас был убежденным противником федерализма и автономии, полагая, что они ведут к распаду единого государства.

По конституции 1876 г. законодательная власть принадлежала кортесам и королю. Нижняя палата кортесов — Конгресс депутатов — избиралась. В Сенате (верхней палате) часть корпуса избиралась, другая часть назначалась королем, еще одна часть мест была предоставлена грандам, представителям знатнейших аристократических семей. Высокий имущественный ценз приводил к тому, что в выборах в конце 70—80-х гг. могли участвовать 4—6% населения страны. (Такое положение сохранялось вплоть до 1890 г., когда было введено всеобщее избирательное право для мужчин.) Король обладал законодательной инициативой, назначал и смещал правительство, мог распустить кортесы с обязательным назначением новых выборов. Конституция устанавливала единообразный порядок управления страной; в 1876 г. в Стране Басков и Наварре были окончательно отменены средневековые «вольности» — фуэрос. Католицизм являлся государственной религией, но преследование граждан по религиозным мотивам запрещалось. В 1876 г. Каноас подписал циркуляр, запрещающий военным участвовать в политической деятельности.

В середине 70-х — начале 80-х гг. возникла двухпартийная система. Консервативная партия, руководимая Каноасом, сложилась в 1875—1876 гг. Либеральная партия, чьим лидером стал Матео Сагаста, оформилась к началу 80-х гг. Ни консервативная, ни либеральная партия не имели вплоть до начала XX в. каких-либо программных документов, позиции обеих партий содержались в речах и статьях их лидеров. В экономической сфере партии разделяли подход к таможенной политике. Консерваторы выступали за установление протекционизма, что обеспечивало им поддержку хозяев металлургических заводов и текстильных фабрик, а также тех крупных землевладельцев, которые выращивали зерновые культуры и были заинтересованы в защите внутреннего рынка от ввоза американского зерна. Либералы отстаивали низкие таможенные пошлины, что отвечало интересам торговой буржуазии, производителей экспортной сельско-

хозяйственной продукции — вина, оливкового масла, фруктов; владельцев рудников, где добывалась железная руда и руды цветных металлов, вывозившиеся за пределы страны. Либералы, в отличие от консерваторов, заявляли о необходимости расширения демократических прав и свобод граждан, требовали введения всеобщего избирательного права для мужчин.

Важной вехой в истории двухпартийной системы стала середина 80-х гг. В 1885 г. умер Альфонс XII, в 1886 г. королем был провозглашен Альфонс XIII, родившийся через полгода после смерти отца (в 1886—1902 гг., вплоть до совершеннолетия Альфонса XIII, регентшей при малолетнем короле была его мать — Мария-Кристина). Боясь, что династическими осложнениями могут воспользоваться карлисты, либо республиканцы, Каноас и Сагаста заключили неофициальное соглашение («Пакто дель Пардо»). Оно предусматривало поддержку правящей династии, мирный переход власти от одной партии к другой по взаимному соглашению, признание партией, пришедшей к власти, тех преобразований, которые провела ее предшественница; отказ консерваторов и либералов от сотрудничества с «третьими партиями». Система политического партнерства, установленная «Пакто дель Пардо», в целом сохранялась вплоть до 1923 г.

В конце XIX — начале XX в. решения по важнейшим вопросам принимали лидеры консерваторов и либералов. Мария-Кристина, а с 1902 г. — Альфонс XIII, лишь подписывали предложенные документы. Смена партий у власти происходила следующим образом. Руководители консерваторов и либералов договаривались о передаче власти, по их рекомендации монарх смещал старое правительство и назначал новое, а затем сразу же распускал кортесы и объявлял новые выборы. Далее лидеры двух партий договаривались о распределении депутатских мандатов таким образом, чтобы большинство в парламенте принадлежало той партии, которая сформировала правительство. После этого министерство внутренних дел направляло в избирательные округа инструкции с именами «желательных» кандидатов. Поставленную задачу выполняли касики. Так в Испании во второй половине XIX — начале XX в. называли неформальных политических лидеров, которые обеспечивали нужный результат выборов с помощью давления на избирателей и разнообразных фальсификаций. Этот метод безотказно работал в деревне, так как касики всегда опирались на поддержку местных властей и латифундистов, в чьих руках находилась судьба батраков и арендаторов. В городах влияние касиков было меньшим, но городские избирательные округа составляли менее четверти всех округов. Эта политическая практика получила название касикизма. Политическая система, сложившаяся в последней четверти XIX в. в Испании, обеспечивала монополию на власть двух правящих партий и политическое представительство различных фракций олигархии, гарантировала сохранение установленного порядка.

На протяжении последней четверти XIX в. происходило чередование у власти консервативной и либеральной партий, шесть раз пост главы правительства занимал Каноас и четыре раза — Сагаста.

Вплоть до начала 90-х гг. в Испании сохранялись низкие таможенные пошлины, что соответствовало взглядам либералов, но в 1891 г. правительство Каноаса провело протекционистский тариф, ставший крупной победой консервативной партии. В свою очередь либералы на протяжении 80-х гг. провели закон о печати (1883), закон об ассоциациях (1887), открывший возможности для легальной деятельности профсоюзов, и, наконец, избирательный закон 1890 г., вводивший всеобщее избирательное право для мужчин старше 25 лет. В 1883 г. правительство Сагасты учредило Комиссию социальных реформ, которая должна была изучать положение низших слоев населения и предлагать проекты реформ.

И консервативные, и либеральные кабинеты проводили политику «равноудаленности» от великих европейских держав, стремясь не допустить втягивания страны в конфликты, не затрагивавшие национальные интересы. Испания занимала нейтральную позицию в отношении кризисов во франко-германских отношениях и в отношении событий на Балканском полуострове, не вступала в союзы, создававшиеся европейскими державами на протяжении 70—90-х гг. XIX в. Важнейшим направлением внешней политики была защита колониальных владений от посягательств более сильных держав. В 1885 г. Испания, используя дипломатические методы, смогла отстоять Каролинские острова, на которые претендовала Германия. В начале 90-х гг. Испании удалось не допустить изменения границ своих колониальных владений на побережье Гвинейского залива в пользу Франции. Однако наибольшую угрозу для испанских колоний в конце XIX в. представляли США, заявлявшие о своих притязаниях на Кубу и Пуэрто-Рико.

Надежной опорой режима Реставрации оставалась католическая церковь. Численность духовенства в начале XX в. превышала 100 тысяч человек. В период буржуазных революций церковь утратила большую часть своих земель, но после окончания революционных потрясений государство частично компенсировало эти потери бумагами государственного долга. В конце XIX — начале XX в. церковь участвовала в предпринимательской деятельности. Хотя конституция 1876 г. запрещала духовным лицам баллотироваться в Конгресс депутатов, но в той части Сената, которая назначалась королем, 10 мест было предоставлено верхушке духовенства. В социально-политическом плане церковь занимала крайне консервативные позиции, полностью поддерживала курс правящих кругов, что способствовало распространению антиклерикальных настроений в испанском обществе.

В годы Реставрации резко снизилась политическая активность армии, что объяснялось стремлением господствующих классов к политической стабилизации. Восстания в армии с политическими целями, столь характерные для эпохи буржуазных революций, прекратились. Несмотря на попытки карлистов и части республиканцев вовлечь военных в борьбу за власть, армия сохраняла лояльность в отношении трона и правящих партий. Среди сенаторов, назначенных королем, было немало генералов и адмиралов, что давало возможность военным лоббировать свои корпоративные интересы.

Оппозиционные силы. В эпоху Реставрации сохранялось такое политическое течение, как карлизм: в каждом составе кортесов имелось несколько депутатов-карлистов, избранных в Наварре и Стране Басков. Однако поражение карлистов в гражданской войне 1872—1876 гг. подорвало силы испанской реакции. Попытки создать в стране самостоятельную католическую партию закончились неудачей: в начале 80-х гг. сторонники этой идеи влились в состав консервативной партии.

Республиканское движение было расколото: существовали четыре группировки, которые действовали самостоятельно, не сотрудничая между собой. На правом фланге находилась группа Эмилио Кастелара, выступавшая за установление республики и всеобщего избирательного права. После того как либеральная партия провела в 1890 г. закон о всеобщем избирательном праве, группировка Кастелара сближается с либералами. Еще одно течение в республиканском движении было связано с именем Николаса Сальмерона. Его сторонники категорически отвергали сотрудничество с монархистами. Сальмерон неоднократно пытался объединить республиканцев, однако эти попытки заканчивались неудачей. Кастелар и Сальмерон призывали бороться за установление республики политическими методами. Радикальная республиканская партия, чьим лидером был М. Руис Сорилья, предлагала иной путь — пронунсиамьенто, вос-

стане в армии. Республиканская федералистская партия, которую возглавлял Франсиско Пи-и-Маргаль, заявляла, что будущая испанская республика должна стать федерацией народов Испании. Эта партия была единственной республиканской группировкой, у которой имелся такой документ, как программа. Республиканцы-федералисты большое внимание уделяли социальной проблематике: они требовали легализации забастовок, создания арбитража для разрешения трудовых конфликтов, связывали улучшение положения трудящихся с развитием кооперативного движения.

Республиканцы принимали участие в выборах и иногда добивались избрания своих кандидатов в городских округах, где влияние касикизма было не столь сильным, но небольшая республиканская фракция в Конгрессе депутатов не могла противостоять монархическому большинству. Главной объединяющей силой для всех республиканских группировок была фигура избранным лидером; когда в конце XIX — начале XX в. ушли из жизни Кастелар, Сальмерон, Руис Сорилья и Пи-и-Маргаль, возглавляемые ими партии прекратили свое существование.

В конце XIX в. формируются национальные движения в Каталонии, Стране Басков и Галисии. В Каталонии и Стране Басков этот процесс был связан не только с ярко выраженным этническим своеобразием, но и с быстрым ростом промышленности. Здесь возникла экономически влиятельная национальная буржуазия, которая заявила о своих притязаниях на политическую власть. В Каталонии в 1892 г. националисты приняли программный документ — «Основы Манресы», в котором заявляли о необходимости автономии и о провозглашении каталанского языка официальным на территории области. «Отцом баскского национализма» стал Сабино Арана, крайне враждебно относившийся к Испании и испанцам. Арана призывал восстановить старинные баскские вольности — «фуэрос», конечной целью он считал создание независимого баскского государства, в котором полноправными гражданами будут только «чистокровные баски». Идеи Араны легли в основу возникшей в 1894—1895 гг. Баскской националистической партии (БНП). В отличие от каталонского национализма, имевшего светский характер, БНП была тесно связана с церковью и баскским духовенством. В 1897 г. была образована Галисийская лига, выступавшая в защиту галисийского языка и культуры. Важнейшей задачей эта партия считала преодоление экономической отсталости Галисии, одного из самых бедных аграрных районов Испании.

Огромную роль в распространении антиклерикальных и республиканских идей играл Свободный институт просвещения, основанный свободомыслящими деятелями науки и культуры в 1876 г. Его целью было создание новой системы образования, независимой от католической церкви. Выполнить эту задачу не удалось, однако просветительская деятельность Свободного института оказала огромное влияние на формирование целого поколения демократической интеллигенции. Частью общественно-политической жизни в крупных городах стали своеобразные «политические клубы». В помещениях городских кафе происходили регулярные встречи представителей интеллигенции; на этих собраниях обсуждались злободневные политические вопросы, новости науки, литературы и искусства.

Социально-экономическое развитие Испании в 1875—1914 гг. Окончание революции (1874 г.) и гражданской войны (1876 г.) благотворно повлияло на экономическую жизнь страны. Темпы экономического роста увеличились, однако Испания продолжала отставать от промышленно развитых стран Западной Европы.

Быстрее всего росла добыча полезных ископаемых. С 1880 по 1900 г. добыча угля увеличилась в 2,5 раза, с 1875 по 1913 г. добыча железной руды увеличи-

лась в 14 раз. Испания превратилась в крупного экспортера железной руды и руд цветных металлов; в этот период в Англию отправлялось от 60 до 80% железной руды. Центрами черной металлургии стали Астурия и баскская провинция Бискайя, предприятия цветной металлургии располагались на юге страны. В техническом отношении испанская металлургия значительно отставала от ведущих стран Западной Европы: например, бессемеровский метод выплавки стали был применен в Испании только в 80-е гг., через 30 лет после его изобретения. Крупнейшим производителем тканей оставалась Каталония. Успешно развивалось судостроение, на северном побережье располагались верфи, где строились суда с паровым двигателем и металлическим корпусом. Возникают и новые отрасли — в 70-е гг. появились первые предприятия химической промышленности, началось строительство тепловых электростанций, в 1890 г. вступила в строй первая ГЭС. К началу XX в. завершилось создание железнодорожной сети, протяженность железных дорог достигла 13 тыс. км. Слабым местом испанской экономики оставалось машиностроение, большая часть машин и оборудования ввозилась из-за рубежа.

Продолжался процесс концентрации капитала, о чем свидетельствовал быстрый рост численности акционерных обществ. В начале XX в. появились первые монополии. В 1902 г. в результате слияния трех крупнейших металлургических компаний образовалась монополия «Альто орнос де Бискайя». В 1907 г. был создан картель, объединивший предприятия, производившие около 80% испанского текстиля. В 1900–1902 гг. возникли три банка («Банко испано-американо», «Банко де Бискайя», «Банко эспаньол де кредито»), которые сразу заняли ведущее место в финансовой системе страны. В то же время в отраслях легкой промышленности преобладали мелкие и средние предприятия.

Усилился приток иностранного капитала, преимущественно британского, французского и бельгийского. Иностраный капитал направлялся, в основном, в предприятия горнодобывающей промышленности, железнодорожные компании, банки и страховые общества. В начале XX в. некоторые монополии были созданы при участии иностранного капитала.

В конце XIX — начале XX в. возникла проблема неравномерности регионального экономического развития. Промышленный потенциал был сосредоточен в нескольких областях — Каталонии, Бискайе, Астурии, а также в Мадриде. На остальной территории доминировало сельское хозяйство, на побережье важную роль продолжало играть рыболовство.

В аграрном секторе возросло производство экспортной продукции — вина, оливкового масла и фруктов за счет увеличения площадей, занятых виноградниками, оливковыми рощами и садами, при этом произошло сокращение зернового клина и пастбищ. Аграрные преобразования буржуазных революций привели к дальнейшему распространению латифундизма: крупные землевладельцы-дворяне и городские буржуа скупали церковные и общинные земли.

В южных и центральных районах страны крупные землевладельцы вели хозяйство, используя дешевый труд батраков — безземельных и малоземельных крестьян. В некоторых районах Андалусии батраки составляли до $\frac{2}{3}$ сельского населения. Производительность труда в таких имениях была низкой; латифундисты обеспечивали высокий доход за счет жесточайшей эксплуатации поденщиков, их заработки были в 2–3 раза ниже зарплаты промышленных рабочих. В северных районах преобладали хозяйства крестьян-арендаторов и крестьян-собственников. Подобная структура земельной собственности препятствовала модернизации: у крестьян не было средств для улучшения своего хозяйства, а латифундисты не вкладывали капитал в производство, предпочитая сельскохозяйственной технике дешевый труд батраков. Спрос на промыш-

ленные товары в деревне был низким, что сдерживало развитие промышленности. Сочетание латифундизма и крестьянского малоземелья делало развитие капитализма в испанской деревне крайне болезненным для большинства сельского населения.

Вплоть до испано-американской войны 1898 г. важную роль в экономике играли колонии — Куба и Филиппины. Испанские промышленные товары, вино, оливковое масло поставлялись в колонии, Испания торговала колониальными товарами.

Роль государства в экономической жизни была сведена к минимуму — установлению налогов и таможенных пошлин. С 1869 по 1891 г. таможенные пошлины были низкими, в 1891 г. был принят протекционистский тариф.

В системе мирохозяйственных связей Испания заняла место поставщика полезных ископаемых и разнообразной сельскохозяйственной продукции — вина, оливкового масла, фруктов, шерсти.

Население Испании с 1877 по 1910 г. увеличилось с 16,6 млн до 19,99 млн человек. При этом демографический рост сдерживали эпидемии (в середине 80-х гг. от холеры погибли около 120 тыс. человек), потери в колониальных войнах на Кубе и Филиппинах, а также растущая эмиграция в страны Латинской Америки. В 80-е гг. Испанию ежегодно покидали около 11 тыс. чел., в 90-е гг. — около 23 тыс. человек.

В конце XIX — начале XX в. численность промышленного пролетариата увеличивалась за счет сокращения числа ремесленников. Массового переселения сельских жителей в города в этот период еще не было: темпы роста промышленности были еще недостаточно высоки для того, чтобы обеспечить работой выходцев из деревни. В 1877 г. в промышленности и ремесленном производстве было занято 14,4% активного населения, в 1910 — 15,8%. Доля занятых в сельском хозяйстве и в 1877 г., и в 1910 г. составляла 66%.

Меняется облик многих испанских городов. В 60-х гг. в Барселоне началось разрушение крепостных стен, рядом со старыми районами вырос построенный по единому плану (автором его был выдающийся теоретик градостроения И. Серда) «Новый город», состоявший из однотипных квадратных кварталов. В конце XIX — начале XX в. в Барселоне работала целая плеяда талантливых архитекторов (А. Гауди, Л. Доменек-и-Монтанер, Ж. Пуиг-и-Кадафалк), строивших здания в стиле «модерн». В Мадриде в 80-х гг. была снесена часть старой застройки и на ее месте проложена магистраль Гран Вия, ставшая деловым центром столицы.

В эпоху Реставрации аристократия сохранила свои экономические позиции, гранды продолжали оставаться крупнейшими землевладельцами. Вместе с тем росло влияние торгово-промышленной буржуазии, укреплялись ее связи с аристократией, в частности, путем аноблирования.

Крестьянское и рабочее движение. В последней четверти XIX в. все большую роль в жизни общества начало играть крестьянское и рабочее движение.

Наибольшей остроты крестьянский вопрос достиг на юге страны, в Андалусии. Безземельные и малоземельные крестьяне жили в ужасающей нищете, страдали от произвола латифундистов и не могли защитить свои интересы законным путем, так как крупные землевладельцы и их ставленники — касики полностью контролировали местные органы власти и суды. Андалусские землевладельцы, «сеньоритос», культивировали особый стиль поведения, относясь к крестьянам как к «низшим существам». Варварские формы эксплуатации и произвола порождали столь же варварские формы социального протеста. Широко распространение в Андалусии получил так называемый «аграрный бандитизм», проявлявшийся в нападениях на «сеньоритос» и их управляющих,

поджогах помещичьего имущества, грабежах на дорогах. Несмотря на постоянные облавы, полиция не могла покончить с «аграрным бандитизмом». Бунтарские настроения подготовили почву для распространения анархистских идей в крестьянской среде. В начале 80-х гг. в сельских районах на юге страны появились анархистские организации, некоторые из них призывали к террористическим действиям.

Анархизм был преобладающим течением и в рабочем движении. Лозунги «прямого действия» и «пропаганды действием» привлекали самую обездоленную часть промышленных рабочих и ремесленников своей кажущейся простотой и радикальностью. Беззастенчивая фальсификация выборов дискредитировала саму идею парламентаризма, отвращала людей от участия в выборах и косвенным образом способствовала распространению анархистского тезиса об отказе от политической борьбы. В конце XIX в. анархистские группировки неоднократно пытались создать единую общенациональную организацию, однако такие объединения оказывались непрочными и вскоре распадались. В конце 80-х — начале 90-х гг. в анархистском движении происходит раскол между «чистыми анархистами», последователями М.А. Бакунина, и анархо-синдикалистами, которые считали, что добиться освобождения трудящихся можно с помощью «всеобщей революционной забастовки». Анархисты нередко прибегали к методам индивидуального террора, в 1897 г. их жертвой стал лидер консерваторов А. Кановас дель Кастильо. Сложился своего рода «порочный круг»: террористические акты влекли за собой репрессии, за которыми следовали новые выстрелы и взрывы.

Другое течение в рабочем движении представляли социалисты. В 1879 г. группа сторонников марксизма во главе с Пабло Иглесиасом создала Испанскую социалистическую рабочую партию (ИСРП). В 1880 г. социалисты приняли программу, в которой были сформулированы как конечные цели (завоевание пролетариатом политической власти и установление общественной собственности на средства производства), так и текущие задачи (национализация шахт и железных дорог, введение трудового законодательства, признание права на забастовку, введение бесплатного среднего образования). У ИСРП не было особой программы по аграрному вопросу, поэтому ее влияние в деревне было очень слабым. В 1888 г. социалисты основали профсоюз — Всеобщий союз трудящихся (ВСТ). После введения в 1890 г. всеобщего избирательного права для мужчин ИСРП начала участвовать в выборах, но вплоть до 1910 г. ей не удавалось провести ни одного своего кандидата в кортесы. Это объяснялось как агитацией анархистов, призывавших не участвовать в выборах, так и отказом ИСРП от сотрудничества с республиканцами, которых социалисты считали выразителями интересов буржуазии.

Катастрофа 1898 г. и ее последствия. В середине 90-х гг. вновь обострилась колониальная проблема. В 1895 г. на Кубе началась война за независимость, в 1896 г. вспыхнуло восстание против испанского колониального господства на Филиппинах. Обе правящие партии заявили о своей готовности защищать испанские колониальные владения «до последней капли крови и до последней песеты». Большинство республиканцев (за исключением Республиканской федералистской партии) также поддержали колониальную войну. Анархисты и социалисты призывали предоставить Кубе свободу, но не смогли организовать крупные антивоенные выступления, поскольку большинство испанцев, несмотря на огромные жертвы, понесенные Испанией в ходе войны, продолжало воспринимать Кубу как неотъемлемую часть Испании.

Жестокие репрессии, предпринятые испанскими властями против кубинских повстанцев, не смогли подавить борьбу за независимость, революционное

движение охватило весь остров. Вмешательство США в испано-кубинский конфликт привело к тому, что 23 апреля 1898 г. Испания объявила войну США. Уже 1 мая 1898 г. испанский флот был разгромлен в Манильской бухте, а 3 июля была уничтожена испанская эскадра на рейде Сантьяго-де-Куба. Испания предложила США мирные переговоры, которые прошли без участия представителей Кубы и Филиппин. По мирному договору, подписанному в Париже 10 декабря 1898 г., Испания отказывалась от прав на Кубу, передавала США Филиппинские острова, получив за них компенсацию в 20 млн долларов, о. Пуэрто-Рико и о. Гуам. Вслед за этим Германия потребовала у Испании продать Каролинские и Марианские о-ва; Испания вынуждена была подчиниться.

Проигранная война и потеря последних колоний в Новом Свете были восприняты в Испании как национальная катастрофа и положили начало тяжелому политическому кризису.

Потеря Кубы и Филиппин лишила испанскую экономику гарантированного колониального рынка (особенно пострадала текстильная промышленность), обострилась борьба за внутренний рынок, государство потеряло налоговые и таможенные поступления. В то же время после 1898 г. происходит «репатриация капитала», возвращение в Испанию капиталов, вложенных в экономику бывших колоний, так как дальнейшая деятельность испанских предпринимателей там стала невозможна.

Вся ответственность за поражение легла на две правящие партии, которые управляли страной на протяжении последней четверти XIX в. Политический кризис конца XIX — начала XX в. проявился в правительственной неустойчивости: с 1899 по 1906 г. сменилось 12 кабинетов, положение стабилизировалось только в 1907 г., с приходом к власти консервативного правительства Антонио Мауры. Кроме того, рост разногласий внутри как консервативной, так и либеральной партии, привел к их дроблению на многочисленные фракции. Пытаясь восстановить свой авторитет, обе правящие партии разрабатывают программные документы. Для консерваторов первоочередной задачей было строительство нового военно-морского флота; либералы заявили о необходимости разработки трудового законодательства. Вместе с тем правящие партии не решились поставить вопрос о преобразованиях в области аграрных отношений, поскольку и консерваторы, и либералы опирались на поддержку крупных землевладельцев. В 1903 г. А. Маура, занимавший тогда пост министра внутренних дел, попытался провести «честные выборы» в кортесы, но эта попытка борьбы с касикизмом провалилась. Впоследствии ни консерваторы, ни либералы не возвращались к идее реформы политической системы. «Катастрофа 1898 года» пошатнула, но не разрушила политическую систему Реставрации, отлаженный механизм касикизма помог правящим партиям сохранить власть.

Под давлением рабочего движения правящие круги пошли на проведение реформ в области трудовых отношений, причем политику социального реформизма осуществляли как либеральные, так и консервативные кабинеты. В 1899–1913 гг. была заложена основа трудового законодательства: запрещен труд детей младше 10 лет, введен 6-часовой рабочий день для подростков, установлен 9-часовой рабочий день для шахтеров и металлургов, 10-часовой рабочий день для трудящихся текстильной промышленности. Был принят закон о воскресном отдыхе, запрещены фабричные лавки. В 1903 г. правительство учредило Институт социальных реформ, который должен был изучать положение трудящихся и готовить проекты социального законодательства. В апреле 1909 г. консервативное правительство А. Мауры провело закон о забастовках, который, несмотря на многочисленные оговорки, признавал право рабочих на экономическую забастовку.

Потеря старых колоний привела к активизации колониальной политики в Северной Африке, Испания вступила в борьбу за раздел Марокко. По франко-испанскому соглашению 1904 г. Марокко было разделено между Францией и Испанией на сферы влияния, доля Испании составила около 5% территории Марокко. Испанская сфера влияния представляла собой полосу средиземноморского побережья от Гибралтарского пролива до г. Мелильи. В ходе борьбы за Марокко происходит сближение (на антигерманской основе) между Испанией, с одной стороны, и Великобританией и Францией, с другой. В то же время Испания по-прежнему не вступала в военно-политические блоки.

Политическая борьба и рабочее движение в 1898—1909 гг. В начале XX в. произошла перегруппировка в лагере республиканцев. Республиканские партии конца XIX в. сошли с политической арены, их место заняли новые. Наибольшим влиянием пользовалась Радикальная партия, чьим лидером был Алахандро Леррус. Визитной карточкой радикалов был антиклерикализм. Критика католической церкви и духовенства зачастую переходила в грубые нападки, оскорблявшие чувства верующих и провоцировавшие нетерпимость в отношении католиков. Радикалы вели активную агитационную работу, стремясь обрести поддержку интеллигенции, средних слоев, рабочих. Реформистская республиканская партия выступала за демократизацию политической жизни и углубление трудового законодательства.

Усилилось влияние националистических сил Каталонии и Страны Басков. Недовольство политикой Мадрида, давно зревшее в каталонском обществе, усилилось с потерей колониального рынка в результате «катастрофы 1898 года». В 1901 г. была образована Каталонская регионалистская лига, опиравшаяся на поддержку промышленной буржуазии и провозгласившая своей целью автономию. На парламентских выборах 1907 г., несмотря на касикизм, Лига одержала победу в Каталонии, оттеснив обе правящие партии. Баскская националистическая партия отказалась от наиболее радикальных идей С. Араны и перешла к борьбе за автономию.

Характерной чертой политической жизни Испании начала XX в. было обострение борьбы между сторонниками церкви и антиклерикалами. Знаменем церкви в эти годы стали идеи выдающегося историка М. Менендеса Пелáйо, в трудах которого католицизм выступал как духовная основа испанской нации. С критикой церкви выступали самые разные силы — от либералов до анархистов. Социально-политический консерватизм церкви, безразличие высшего духовенства к нуждам простых людей, безоговорочная поддержка существующего строя подрывали ее авторитет. В городской среде церковь часто воспринималась как главный оплот реакции.

Ареной борьбы между сторонниками и противниками церкви стала школа. В начале XX в. в Испании насчитывалось около 25 тысяч государственных школ, в которых катехизис был обязательным предметом, и примерно 5 тысяч церковных школ. Им противостояло около сотни частных светских школ, организованных Свободным институтом просвещения. Еще одна попытка создать альтернативную систему школьного образования была связана с именем крупного педагога, идеолога испанского анархизма Ф. Феррера. В начале XX в. в стране работали более 30 школ, основанных Феррером и его учениками.

«Катастрофа 1898 года» стала величайшим потрясением для испанской интеллигенции. Насаждаемые официальной прессой иллюзии относительно величия и процветания страны сменились глубоким разочарованием. Настроения, охватившие испанское общество, были сформулированы «поколением 1898 года» — так стали называть группу молодых литераторов и общественных деятелей, выступивших на рубеже веков с серией разоблачительных публи-

каций. К «поколению 1898 года» принадлежали такие крупные деятели культуры, как М. де Унамуно, П. Бароха, А. Мачадо, Х. Ортега-и-Гассет. В своих очерках они писали об экономической отсталости страны, о нищенской жизни крестьян, резко критиковали политику правящих кругов, псевдodemократическую политическую систему. Лейтмотивом этой публицистики стала крылатая фраза Мигеля де Унамуно: «У меня болит Испания!». Но конкретной программы преобразований у «поколения 1898 года» не было, участники этого движения ограничивались призывами к модернизации экономики, использованию европейского политического опыта, демократизации политической жизни. Голос «поколения» не был услышан правящими партиями, но оказал сильнейшее влияние на общественное мнение.

Особое место в публицистике этого периода заняла небольшая книга Х. Коста «Олигархия и касикизм как современная форма правления в Испании». Коста писал о том, что в Испании нет правового государства, что власть находится в руках олигархии. Корень зла Коста видел в частной собственности на землю и считал необходимым передел земли, ее передачу крестьянам в вечное и неотчуждаемое пользование.

В начале XX в. все более частыми становятся забастовки в Каталонии, Астурии, Бискайе, Мадриде. В 1903 г. на юге страны прошла первая забастовка бабтраков. Постоянное соперничество анархистов и социалистов существенно ограничивало потенциал рабочего движения. Анархисты и социалисты, как правило, не сотрудничали. Так, в 1902 г., когда анархо-синдикалисты организовали всеобщую забастовку в Барселоне, требуя установления 9-часового рабочего дня, руководители ИСРП отказались поддержать ее, хотя одним из программных требований ИСРП было введение 8-часового рабочего дня.

В анархистской среде усилилось влияние анархо-синдикалистов, считавших своей главной задачей организацию забастовок, которые должны были привести к «всеобщей революционной забастовке». Они энергично вели агитационную и просветительскую работу. В то же время продолжали сохраняться группы сторонников «чистого анархизма», делавшие ставку на «прямое действие». В 1906 г. было организовано неудавшееся покушение на короля Альфонсо XIII. В руководстве ИСРП и ее профсоюза ВСТ постепенно все более заметными становятся реформистские тенденции.

«Трагическая неделя» в Барселоне. В июле 1909 г. правительство А. Мауры ввело войска на территорию испанской зоны влияния в Марокко, обвинив местные племена в нападении на железную дорогу, которую строила испанская компания, добывавшая железную руду. Испанская армия не была готова к войне и в конце июля в столкновениях с марокканцами потеряла около 1200 человек. Колониальная война в Марокко привела к появлению мощного антивоенного движения. Подавляющее большинство населения восприняло военные действия в Марокко как «войну банкиров», отвечающую интересам олигархии. Распоряжение правительства о призыве на воинскую службу резервистов еще более накалило обстановку, по всей стране проводились массовые антивоенные митинги и демонстрации. В этой ситуации ИСРП призвала к всеобщей антивоенной забастовке.

Наибольшего размаха антивоенное движение достигло в Каталонии. В Барселоне 24 июля был создан забастовочный комитет, в состав которого вошли на этот раз не только социалисты, но и анархисты. В Барселоне и ее промышленном поясе 26 июля остановились предприятия, закрылись магазины. Вскоре события вышли из-под контроля забастовочного комитета. Участники забастовки захватывали оружие, началось строительство баррикад и перестрелки с полицией. Антивоенная забастовка превратилась в народный бунт. В некоторых

городах промышленного пояса Барселоне восставшие провозглашали республику. В Барселоне бунт принял антиклерикальный характер — толпа громила и поджигала храмы и монастыри, церковные школы. Армия восстановила порядок в городе 30—31 июля, 2 августа забастовка закончилась. В течение недели погибло более ста человек. Эти события стали называть «трагической неделей» или «кровавой неделей» в Барселоне. «Трагическая неделя» продемонстрировала не только силу антивоенных и антиклерикальных настроений, но и опасную степень социальной напряженности в испанском обществе.

Правительство Мауры провело массовые аресты. Военный трибунал приговорил пятерых обвиняемых к смертной казни. Одним из казненных был Ф. Феррер. Казнь Феррера, который был свидетелем, но не участником событий в Барселоне, была воспринята как расправа Мауры, ненавидевшего анархистов, над политическим противником. Лозунг «Мауре — нет!» объединил самые разные политические силы — от либералов до анархистов. В октябре 1909 г. правительство Мауры ушло в отставку. Впервые после заключения «Пакто дель Пардо» правительство ушло в отставку не в результате закулисной договоренности лидеров правящих партий, а под давлением массового протестного движения.

События июля — октября 1909 г. привели к многообразным политическим последствиям. Обострились противоречия между политическими партнерами — консерваторами и либералами, поскольку либералы вступили в сотрудничество с «третьими партиями», нарушив тем самым «Пакто дель Пардо». Пытаясь расширить политическую базу режима Реставрации путем привлечения Каталонской регионалистской лиги, Мадрид в 1913 г. предоставил ограниченную автономию Каталонии.

Совместная борьба против правительства Мауры побудила испанских социалистов изменить свое отношение к республиканцам. В октябре 1909 г. было заключено предвыборное соглашение между республиканцами и социалистами, благодаря этому в Конгрессе появился первый депутат-социалист — П. Иглесиас. События 1909 г. подтолкнули анархо-синдикалистов к объединению: в 1910—1911 гг. образовалась Национальная конфедерация труда (НКТ). Хотя до 1914 г. НКТ вынуждена была действовать нелегально, она сразу же стала крупнейшим профсоюзом Испании. Часть анархистов продолжала террористическую деятельность — в 1912 г. был убит лидер либералов Х. Каналехас. В 1910—1913 гг. прошел целый ряд крупных забастовок, самой мощной была забастовка железнодорожников в 1912 г.

Поражение испанской армии в Марокко и массовое антивоенное движение приостановили проникновение Испании в Марокко, но не заставили правящие круги отказаться от продолжения экспансии. В 1911 г. Испания вновь ввела войска на территорию Марокко. В 1912 г. Франция и Испания подписали конвенцию о создании в Марокко двух протекторатов — французского и испанского.

Период 1875—1914 гг. в Испании характеризовался относительно высокой степенью политической стабильности. Политические кризисы 1898 г. и 1909 г. расшатывали, но не разрушили режим Реставрации, опиравшийся на поддержку олигархии. Важную роль в сохранении существующего порядка играло взаимодействие двух правящих партий, система касикизма, а также раздробленность оппозиции. Реформистская политика в области трудовых отношений сочеталась с стремлением сохранить аграрный строй, основанный на крупном землевладении, и политическое господство олигархии. Постепенное накопление нерешенных проблем вело к росту напряженности, чреватой социальным взрывом.

Глава 31 США В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Особенности индустриальной модернизации. Период между Гражданской и Первой мировой войнами принято считать временем формирования индустриальной Америки. Его характерными чертами было бурное развитие тяжелой промышленности и инфраструктуры на основе достижений науки и техники, небывалый рост городов, изменение социальной структуры общества. Переход США от аграрной к индустриальной стадии развития, именуемой в научной литературе модернизацией, осуществлялся в общем русле социокультурной традиции передовых стран Запада. Его технологическую основу, как в Европе, составляли индустриализация и урбанизация, но трансформация общественных устоев проходила синхронно, затронув одновременно политику, культуру, социальную сферу и повседневную жизнь людей. Особенности американской модернизации определяли также сжатые сроки — за полвека США прошли путь, на который ведущим странам Запада потребовалось значительно больше времени. Высокие темпы и комплексный характер преобразований, происходивших во всех ключевых областях американского общества, позволяют охарактеризовать этот процесс как полную, или всеобщую модернизацию.

США, как страна догоняющего развития, вступили на путь индустриальной эволюции позже ведущих европейских держав, но намного раньше других государств американского континента. Быстро оправившись от разрушительных последствий Гражданской войны, аграрная держава всего за несколько десятилетий превратилась в мощное индустриальное государство, которое, обогнав Великобританию, Францию и Германию, вышло на первое место в мире по объему производства промышленной продукции (35,8%).

Говоря об особенностях индустриальной модернизации в США, следует подчеркнуть следующее:

во-первых, бурные темпы экономического развития стали возможны благодаря богатым естественным ресурсам (плодородным землям, многочисленным рекам, обширным лесам и прериям), залежам полезных ископаемых (угля, железа, нефти, меди). Немаловажное значение имели темпы прироста населения, вызванные, с одной стороны, высоким уровнем рождаемости, а с другой — непрерывным притоком переселенцев из стран Юго-Восточной Европы и Азии. Численность американцев с 1870 по 1910 г. увеличилась почти в 2,5 раза (с 40 до 92 млн чел.), из которых 20,5 млн составляли иммигранты. Динамично шел процесс урбанизации: с 1870 по 1910 г. число горожан выросло вдвое (с 25,7% до 45,6%), а в 1920 г. превысило долю сельского населения.

Во-вторых, основу экономического могущества США заложили высокотехнические (сталелитейная, нефтедобывающая, химическая, алюминиевая, электротехническая, автомобильная) отрасли промышленности, применявшие дешевую энергию газа, нефти и электричества. За период 1860—1900 гг. производство чугуна выросло в 17 раз, стали — в 150 раз, а нефти — в 32 тыс. раз. Форсированная индустриализация была напрямую связана с внедрением научно-технических новшеств, совокупность которых можно определить как технологическую революцию. Выдающиеся изобретения создали Н. Тесла, первый в мире запатентовавший радиоприемник, А. Белл, сконструировавший телефон, Т. Эдисон, создавший телеграф, фонограф и кинескоп, братья У. и О. Райт, построившие пилотируемый самолет, Дж. Истмен, поставивший на поток произ-

водство фотоаппаратов «Кодак», М. Спенглер, соорудивший пылесос, К. Жилет, наладивший выпуск безопасных бритв, и т.д.

В-третьих, огромные капиталовложения для модернизационного рывка были найдены за счет не только внутренних, но и внешних источников финансирования. Американское «экономическое чудо» выросло на дрожжах иностранных инвестиций, доля которых на протяжении полувека не опускалась ниже 20% ВНП. Накануне Первой мировой войны их объем в американской экономике составил 7,1 млрд долл., при этом самые крупные вложения сделали англичане (4,25 млрд долл.), немцы (1,25 млрд долл.) и французы (1 млрд долл.). Иностранное кредитование шло преимущественно на технологическое переоснащение предприятий тяжелой индустрии, средств связи и транспорта, куда поощрялось 80% всех инвестиций.

В-четвертых, в процессе модернизации американского общества особое значение придавалось наращиванию количества и качества человеческих ресурсов, за счет чего формировалось до $\frac{1}{3}$ прироста национального дохода. Речь шла об улучшении показателей рождаемости, сокращении смертности, росте средней продолжительности жизни (с 44 до 52 лет), а также введении обязательного бесплатного обучения в начальной и средней школе, что способствовало сокращению доли неграмотных с 20 до 6%. Накануне Первой мировой войны США возглавили список стран с самым высоким уровнем жизни: с 1870 по 1920 г. доход ВВП на душу населения вырос более чем в два раза, составив 5,3 тыс. долл.

Особенности промышленного развития. В США масштабная реструктуризация экономики началась с бурного строительства железных дорог, создавших в короткий срок развитый общенациональный рынок. Их постройка осуществлялась на базе передовой технологии — обновлении паровозного и вагонного парков, замене чугунных рельс на стальные, возведении новых мостов и вокзалов. Весомую роль в развитии железнодорожного транспорта сыграли льготные займы и налоговые скидки, выделяемые властями штатов строительным компаниям. Щедрыми были государственные земельные пожертвования железнодорожным корпорациям, достигшие 9% общенационального земельного фонда. В 1869 г. была построена первая трансконтинентальная магистраль «Юнион Пасифик», протянувшаяся от Калифорнии до атлантического побережья, а к началу 1900 г. введены в действие три новые магистральные линии. Накануне Первой мировой войны протяженность американских железных дорог превысила $\frac{1}{2}$ железнодорожной сети мира.

Основу формировавшейся индустриальной экономики составили обрабатывающая, металлургическая, горная и строительная отрасли индустрии, отличавшиеся высокой степенью механизации. Бурно развивались нефтеперерабатывающая, сталелитейная, алюминиевая, электротехническая и химическая отрасли промышленности, определявшие вектор научно-технического прогресса. Набирало темпы станкостроение, создававшее оборудование для текстильного, деревообрабатывающего, кузнечно-прессового и литейного производства. На всемирной выставке, проходившей в 1876 г. в Филадельфии, американцы впервые продемонстрировали уникальные образцы машин и механизмов, среди которых выделялись пишущие и швейные машинки, телефонный аппарат А. Белла и электроосветительные приборы Т. Эдисона. Центром экспозиции стали новинки сельскохозяйственного машиностроения, позволившие США экспортировать техники больше, чем остальные страны мира вместе взятые.

В ходе структурной перестройки народного хозяйства были внесены существенные изменения в организацию производства. Если на протяжении XIX в. рост экономики определяли факторы экстенсивного характера, обусловленные количественным увеличением затрат труда и капитала, то после Граждан-

ской войны более 80% ВВП формировалось путем совершенствования систем управления и производственных технологий. Вместо небольших предприятий индустриальные гиганты, на которых были заняты десятки тысяч рабочих и инженеров, а сложнейшие технологические процессы базировались на последних достижениях научно-технической мысли. Работой таких огромных предприятий управляли профессиональные администраторы (менеджеры), отвечавшие за эффективное управление людьми и материальными ресурсами. Отделение функций собственника от оперативного руководства производством, получившее название «корпоративной революции», вело к изменению соотношения индивидуальной и ассоциированной частной собственности, ее более тесной связи с общественным интересом. Школы научного менеджмента, основоположником которого принято считать инженера Ф.У. Тейлора, разрабатывали схемы рационализации труда и механизации производственных процессов. Их применение создало условия для перехода к технологии серийного и массового производства, в результате которого товары изготавливались быстрее, дешевле и в больших объемах. В конце XIX в. себестоимость продукции на сталелитейных заводах Э. Карнеги сократилась почти в 6 раз, а на фабриках М. Харвестера по производству сельскохозяйственных машин — в 3 раза.

Бурное развитие тяжелой индустрии стало возможным благодаря беспрецедентному по масштабам трансферту в США технологий и изобретений из Европы. Американское общество, относившее к инновационному типу развития, существенно преуспело от ускоренного внедрения заимствованного в зарубежных странах опыта. Разнообразные технические усовершенствования, вроде широкомасштабной замены парового двигателя электромотором или создания охладительных систем при транспортировке мяса, стали основой для развертывания на рубеже XIX—XX вв. «второй промышленной революции». Научно-технический прогресс затронул быт миллионов рядовых американцев. Именно тогда они сменили конку на трамвай, спустились в метро на эскалаторе, поднялись в воздух на дирижаблях. На службу обществу были поставлены передовые для своего времени средства сообщения — телеграф, телефон и радио (беспроволочная телеграфия). В практику строительства вошли дома из стали и железобетона — первые небоскребы, оборудованные по последнему слову техники (лифтом, центральным отоплением, канализацией, газо- и водоснабжением). Множество технических изобретений (автомобиль, линотип, арифмометр, кассовый аппарат, фонограф) меняло повседневную жизнь людей, формируя в США не только единое экономическое, но и технологическое пространство.

Рождение «большого» бизнеса. Ускоренное развитие экономики активизировало процессы концентрации и централизации капитала — основы для появления монополий. На смену индивидуальному владению предприятием пришла коллективная собственность, для владельцев которой реальный капитал выражался в ценных бумагах, прежде всего, акциях. Первые союзы акционерных обществ, заключавшие временные соглашения об единых ценах и тарифах, стали создаваться с конца 1860-х гг. на железнодорожном транспорте. Деятельность пулов (от англ. *pool* — общий котел) носила краткосрочный характер, они быстро исчезли, подготовив почву для более сложных форм интеграции. Такие популярные в Западной Европе монополистические объединения, как картели и синдикаты, не получили распространения в США, где основной формой организации бизнеса стали тресты (от англ. *trust* — доверительная собственность). Акционеры, входившие в их состав, теряли свою производственную и коммерческую самостоятельность, передавая контрольный пакет акций совету директоров и получая прибыль согласно долевою участию. США стали

страной трестов, которые преобладали не только в высокомеханизированных отраслях, но и традиционных сферах промышленности (производстве сахара, соли, масла, стекла, бумаги).

В зависимости от экономических условий и характера интеграции выделялись горизонтальные и вертикальные монополистические объединения: в первом случае речь шла о предприятиях, осуществлявших одни и те же виды деятельности, а во втором — о кампаниях с разнообразными функциями, от добычи сырья до реализации готовой продукции. Одним из примеров горизонтальной интеграции стала компания Дж. Рокфеллера «Стандарт ойл», созданная в 1870-х гг. путем поглощения 40 однотипных предприятий. Первоначально на ее долю приходилось всего 4% добычи нефти, но уже в 1880-х гг. Рокфеллер сосредоточил в своих руках 90% нефтедобывающего сектора экономики. По его стопам последовали ведущие производители других отраслей: виски-трест контролировал производство алкоголя, сахарный трест — переработку рафинада и т.д. Подобный тип так называемых «чистых» монополий, известных как олигополия, являлся редким явлением в экономике европейских стран, в то время как в США 78 корпораций контролировали от 25 до 50% национального производства, а 8 мегагигантов являлись монополистами в своей сфере. Некоронванным «королем» нефтедобычи стал Дж. Рокфеллер, сахароварения — Г. Хэвмейер, производства стали — Э. Карнеги. Американская экономика носила ярко выраженный рестрированный характер, достигнув более высокой степени монополизации, чем в Европе.

Создание гигантских корпораций было невозможно без инвестиционной активности банков, увеличения их капиталовложений в промышленность и сопутствовавшую инфраструктуру. Слияние банковского и промышленного капиталов, ускорив их концентрацию и централизацию, способствовало формированию финансовой олигархии. Именно тогда возник банкирский дом Дж.П. Моргана, контролировавший сеть страховых и инвестиционных банков, транспортных и промышленных компаний. Сам Морган, являясь создателем крупнейшей финансовой империи мира, играл главенствующую роль в сталелитейной, электрической и телеграфной отраслях промышленности. Его состояние в начале XX в. оценивалось в 1 млрд долл. В финансово-промышленной олигархии безраздельно господствовали Морганы, Рокфеллеры, Меллоны и Вандербилды, называемые современниками «поколением гигантов».

Деятельность корпоративного капитала, нарушавшая основы рыночной экономики, вызвала широкий протест в разных слоях общества, поэтому законодатели были вынуждены принять ответные меры. Государственное вмешательство в дела бизнеса стало юридически узаконенным актом в 1890 г. после принятия закона, названного в честь одного из его инициаторов сенатора Дж. Шермана. Он объявлял незаконным всякое объединение в форме треста, направленное на ограничение торговли между штатами. К нарушителям применялись разные виды наказания (тюремное заключение сроком до трех лет и штраф до 5 тыс. долл.). Отсутствие в законе четких определений «монополия» определило путь легализации капиталистических объединений. Принятый в 1889 г. в Нью-Джерси закон о корпорациях, получивший название «мельницы миллионеров», позволил их преобразовывать в гигантские холдинги (от англ. *holding* — консолидированные корпорации), владевшие контрольными пакетами акций других предприятий.

Одним из первых законодательной лазейкой воспользовался трест Рокфеллера «Стандарт ойл». После решения Верховного суда штата Огайо о его расформировании владелец перерегистрировал монополию в Нью-Джерси под новым названием. В 1898–1901 гг. на пике преобразования монополистиче-

ских объединений только в этом штате было зарегистрировано 183 холдинговые компании с капитализацией в 4 млрд долл. (1/20 национального богатства страны). Именно тогда возникла консолидированная корпорация «Юнайтед стейтс стил», созданная Дж.П. Морганом на базе приобретенного в 1901 г. сталльного треста Э. Карнеги и в итоге поглотившая 60% мощностей сталелитейного сектора. Со временем таким гигантским монополиям стало тесно в рамках собственных технологических границ, поэтому они устремились за рубеж, создав первые транснациональные корпорации. Ряд из них принял участие в экономическом разделе мира: «Юнайтед стейтс стил» вошла в мировой рельсовый картель, «Дженерал электрик» поделила рынок электроэнергетики с немецкой «АЭГ», а «Американская папиросная компания» и английская «Империал тобаккоу» заключили союз о разделе сфер влияния. Триумф корпоративной экономики составил одну из главных тенденций общественно-исторической эволюции США.

Развитие сельского хозяйства на Западе. Успешное освоение малозаселенных земель Запада стало возможно, благодаря гомстед-акту. К 1900 г. 600 тыс. семей получили более 81 млн га земли, что способствовало росту числа независимых фермеров. Победа фермерского пути в развитии сельского хозяйства стала основой интенсивного развития экономики, осуществляемого в рамках региональной специализации. На Среднем Западе выращивали в основном пшеницу и кукурузу, на Дальнем Западе — фрукты, на Юге — хлопок, а штаты Новой Англии в процессе адаптации к последствиям урбанизации переключились на производство повседневной молочной продукции, пользовавшейся спросом в быстро растущих городах. Производственная специализация в рамках так называемых «пшеничного», «кукурузного» и «хлопкового» поясов способствовала быстрому росту производительности труда в аграрном секторе.

В процессе внутренней хозяйственной колонизации произошел захват территорий, на которых проживали индейцы. Прокатившаяся в 1870–1880-х гг. серия индейских войн послужила толчком к пересмотру политики правительства по отношению к коренному населению. В 1887 г. конгресс издал закон о разделе резервационных земель на индивидуальные участки по 160 акров для каждой индейской семьи, а оставшиеся после этого излишки подлежали аукционной продаже среди белых поселенцев. Индейцам было разрешено владеть землей, но у них отсутствовали навыки к самостоятельному ведению хозяйства из-за традиционной приверженности к общинному землепользованию. Полученное ими по закону 1891 г. право сдачи участков в аренду привело к катастрофическому уменьшению площадей резерваций уже в течение первого десятилетия, когда индейцами было распродано 86 млн акров (62%) принадлежавшей им земли.

Одним из важнейших факторов развития фермерского хозяйства стало широкое внедрение машинной техники и использование минеральных удобрений. Массовое применение получили усовершенствованные культиваторы, сеялки, плуги, жатки и молотилки. На полях страны появились первые паровые тракторы, а с 1907 г. — с двигателями внутреннего сгорания. Техническое оснащение американского сельского хозяйства превосходило уровень европейских стран, обеспечив ему преимущество в мировом сельскохозяйственном производстве. В целом валовой сбор пшеницы вырос в 3,5 раза, кукурузы — в 3 раза, хлопка — в 2,5 раза, а поголовье скота увеличилось вдвое. Перед Первой мировой войной США вошли в группу стран с высокой урожайностью зерновых и высокоразвитым животноводством, позволявшим не только досыта накормить местное население продуктами питания, но и вывозить излишки за границу.

Особенности развития Юга. Гражданская война и Реконструкция (1861–1877 гг.) создали предпосылки для существенных изменений в поземельных отношениях. Верхушку южного общества, как и ранее, составляла узкая прослойка бывших плантаторов, к которым относилось не более 1,2% землевладельцев, владевших участками свыше 1000 акров. Если в довоенный период структура их доходов базировалась исключительно на земельной монополии, то в послевоенные годы южная аристократия все активнее занималась бизнесом, становясь владельцами лесопилок и текстильных фабрик. К ней тесно примыкали собственники крупных земельных участков от 1000 акров, но их число (около 2,7%) было невелико. Более 1/3 составляла доля владельцев средних земельных наделов от 100 до 500 акров, которые, сдавая землю в аренду, активно втягивались в рыночные отношения.

После отмены рабовладения плантаторы, хотя и продолжали владеть большей частью земельной собственностью, лишились даровой рабочей силы, а бывшие рабы, получив личную свободу, остались без средств существования. Перед ними вырисовывались два пути развития аграрного сектора: первый предполагал модернизацию сельского хозяйства на основе механизации, а второй — консервацию прежней системы плантационного хозяйства. Для владельцев, привыкших жить исключительно за счет земельной ренты, второй путь представлялся более предпочтительным. Освобожденные рабы вернулись к прежней работе с той лишь разницей, что теперь за тот же самый труд, который раньше для хозяина был бесплатным, они получали вознаграждение в денежной или натуральной форме. Прослойка лиц, арендовавших землю за фиксированную плату, составляла не более 1/3 нанимателей. Наибольшее распространение получила издольщина, при которой съемщики платили за аренду земли, сельскохозяйственных орудий и рабочего скота более 1/2 собранного урожая. В результате негры превратились в нищих кропперов (от англ. *to crop* — собирать урожай), полностью зависевших от плантаторов. Система кропперства, распространившаяся в районах выращивания хлопчатника, надолго законсервировала экономическую отсталость Юга.

Буржуазия региона была малочисленной, ее интересы ограничивались преимущественно сферой судного капитала, созданной вокруг хлопковой биржи. Существовавшие островки промышленности сохраняли черты, присущие слабо развитым странам: местные капиталы направлялись в основном в текстильную промышленность, основы которой были заложены еще в довоенный период, а большинство рабочих было занято в отраслях по первичной обработке сырья. К началу XX в. на Юге было сосредоточено 8% промышленных мощностей и 13% рабочей силы.

Изменение социальной структуры американского общества. Бурно протекавшая индустриальная модернизация внесла существенные коррективы в структуру американского общества. В ходе Гражданской войны позиции рабовладельческой аристократии были существенно подорваны, ее место заняла верхушка корпоративной элиты, представлявшая бурно развивавшиеся отрасли тяжелой индустрии. Ее численность не превышала 1% населения, но она владела 70% активов промышленности. Типичным «капитаном индустрии» считался Э. Карнеги, превратившийся в течение нескольких десятилетий из бедного шотландского иммигранта в сталелитейного магната. На самом деле его судьба была исключением из общих правил: в составе представителей корпоративного капитала число выходцев из низших слоев не превышало 3%.

Старая экономическая элита, сколотившая состояние на торговле, отличалась англосаксонским происхождением и аристократической клановостью. Ее доходы, по сравнению с финансово-промышленной аристократией, были во

много раз ниже. Так, состояние семьи Асторов, крупнейшего владельца недвижимости Нью-Йорка, составляло в конце 1860-х гг. 20 млн долл. Предприниматели средней и мелкой руки представляли традиционные отрасли (текстильную, деревообрабатывающую, кожевенную, швейную и обувную) промышленности, где уровень конкуренции оставался высоким.

Диверсификация экономики способствовала росту среднего класса, численность которого накануне Первой мировой войны достигла 20% населения. Его формирование началось в конце XVIII в., но обособление в социальный слой произошло столетием позже, когда усилилась потребность в офисных и инженерно-технических кадрах. Основную массу «среднего класса» традиционно составляли люди свободных профессий (врачи, издатели, журналисты, учителя), но по мере формирования индустриального общества множились бюрократия муниципальных и штатных учреждений, росла численность персонала полицейских, пожарных и почтовых служб. Эти слои выделялись из общей массы трудового населения по уровню образования и величине доходов, превышавшим в несколько раз достаток лиц, занятых физическим трудом.

Значительную эволюцию претерпели сельские слои населения: число средних и мелких хозяйств, носивших товарный характер, возросло более чем в два раза (с 2,7 до 6,4 млн), оставаясь таким вплоть до Второй мировой войны. Начавшаяся механизация труда обусловила высвобождение и отток рабочей силы из деревень в города. Если в 1870 г. фермеры составляли 1/2, то в 1910 г. — только 1/3 рабочей силы.

Накануне Первой мировой войны в рядах фабрично-заводского пролетариата насчитывалось 40 млн чел., но его состав был неоднороден. Особое место отводилось прослойке конторских и инженерно-технических служащих, получивших название «белые воротнички». По целому ряду характеристик (англосаксонскому происхождению, величине дохода, уровню образования и квалификации) они представляли настоящую «рабочую аристократию», численность которой в разных отраслях промышленности достигала 14–18%. Сравнительно небольшой была доля квалифицированных и соответственно высокооплачиваемых рабочих (печатников, плотников, машинистов паровозов), представлявших преимущественно коренных рабочих, имевших высокие производственные навыки. Быстрыми темпами росла численность лиц, занятых неквалифицированным трудом (чернорабочих, поденщиков и т.п.), большинство которых составляли иммигранты. Рабочий класс находился в состоянии обновления, его структура постоянного менялась из-за наплыва переселенцев из Азии и Юго-Восточной Европы, численность которых накануне Первой мировой войны составляла более 1/2 лиц, занятых по найму.

Эволюция политической системы. Бурное развитие индустриального общества, начавшееся после Гражданской войны, требовало внесения кардинальных изменений в политическую систему. Из трех рычагов власти наибольший вес приобрела законодательная ветвь. Необходимость принятия целой серии законов, предполагавших реализацию более активной роли государства в социально-экономической сфере, делала конгресс ключевым звеном в механизме политической власти. Недаром в правоведческой литературе конец XIX в. назван эпохой «правления конгресса». Расширение полномочий законодательного органа сопровождалось увеличением его численного состава по мере принятия в федеральный союз новых штатов (Колорадо в 1876 г.; Монтаны, Вашингтона, Северной и Южной Дакоты в 1889 г.; Айдахо и Вайоминга в 1890 г.; Юты в 1896 г.; Оклахомы в 1907 г.; Аризоны и Нью-Мексико в 1912 г.). С 1913 г. менялся порядок избрания членов верхней палаты конгресса: если ранее сенаторы избирались законодательными собраниями штатов, то согласно XVII по-

правке к Конституции — прямым голосованием избирателей. Большую часть депутатов (2/3) представляли адвокаты, остальные — высокопоставленные менеджеры и назначенцы корпораций. Политика и бизнес оказались тесно взаимосвязанными друг с другом в федеральном собрании, но наиболее притягательным местом для финансово-промышленной олигархии стал сенат, названный «клубом миллионеров».

Одновременно в механизме разделения властей возросла роль судебной власти, которой по Конституции вверялся контроль над действиями законодательных и исполнительных органов. Верховный суд США, взяв на себя роль высшего арбитра в определении степени допустимого уровня вмешательства государства в социально-экономические отношения, активно вмешивался в компетенцию властных структур, объявляя недействительными законы федерального и штатного назначения. В частности, руководствуясь американским вариантом либерализма, основу которого определяли индивидуализм, равенство возможностей и свобода конкуренции, он оспорил правомочность введения антитрестовского законодательства, прогрессивного подоходного налогообложения, предоставления афроамериканцам гражданских прав, не говоря уже о социальном законодательстве, регулировавшем продолжительность рабочего дня. В целом Верховный суд являлся самым консервативным звеном политической системы.

Роль исполнительной власти после Гражданской войны была невелика, что свидетельствовало о снижении престижа института президентства. Потребности общества в регулирующих функциях были еще не столь велики и разноплановы, как это случилось в XX в., поэтому большинство возникших в жизни людей проблем решалось органами правосудия. Политическая философия классического либерализма ограничивала деятельность президентов исключительно административными функциями: им предписывалось выполнять директивы конгресса, а не разрабатывать законы. Исполнительной власти отводился узкий круг полномочий, которые решали 4 ведомства — дипломатическое, военное, финансовое и внутренних дел. После принятия в мае 1862 г. гомстед-акта было создано министерство сельского хозяйства, а вслед за ним в 1870 г. — министерство юстиции, но они также не считали нужным вмешиваться в частно-собственнические отношения.

Тем не менее все президенты конца XIX в. стремились к укреплению вертикали власти посредством отделения политики от организационно-управленческой функции, осуществлять которую были призваны компетентные, но политически нейтральные чиновники. Ротацию гражданской службы со временем президента Э. Джексона определял патронаж: победившая на выборах партия брала в качестве «приза» весь административный аппарат (федеральные министерства, таможни, почтовые ведомства и пр.) и раздавала своим сторонникам сотни тысяч должностей на региональном и муниципальном уровнях. В условиях, когда государственная служба не имела законодательно-правовой базы, система «дележа добычи» партийной элитой становилась главным препятствием на пути усиления президентской власти. Убийство президента Дж. Гарфилда в 1881 г. отчаявшимся претендентом на вакантную должность ускорило процедуру принятия закона о реформе гражданской службы, названного по имени его автора Дж. Пендлтона. Новый порядок комплектования правительственного аппарата вводил конкурсные экзамены для претендентов на замещение вакантных должностей, запрет увольнений по политическим мотивам и порядок работы комиссии гражданской службы, ответственной за аттестацию чиновников. Их классификация осуществлялась постепенно, путем издания президентом исполнительных указов. Действие закона первоначально распростра-

нилось на 10% из 132 тыс. служащих, достигнув 77% к 1920 г. Начавшееся реформирование государственной службы, заложившее основу формирования «имперской» модели президентства, позволило вывести ее из-под влияния партийной элиты и подчинить федеральному центру.

В институте сильного президентства, традиционно связываемого с деятельностью Т. Рузвельта (1901—1909) и В. Вильсона (1913—1921), особое место отведено У. Маккинли (1896—1901). Если ранее американские историки считали его «игрушкой в руках большого бизнеса», то теперь о нем чаще пишут как об умном и дальновидном политике. Добившись от конгресса расширения полномочий в ходе испано-американской войны 1898 г., он взял на себя руководство внешней политикой, совместив в одном лице не только главу государства и правительства, но и главнокомандующего вооруженными силами. Маккинли стал президентом переходного типа, на долю которого выпала трудная задача по реформированию политики и экономики в эпоху перехода к индустриальному обществу.

Становление двухпартийной системы современного типа. С конца XIX в. на политической арене неизменно господствовали две главные партии — республиканцы и демократы. Бывшие по разные стороны баррикад в годы Гражданской войны, они стали союзниками в мирное время. Для этого республиканцам пришлось отказаться от собственных планов по реконструкции южных штатов, а демократам признать итоги XIII, XIV, XV поправок к Конституции. В нормализации межпартийных отношений важную роль сыграл так называемый «великий компромисс» 1876—1877 гг. Это тайное соглашение между руководством республиканской и демократической партий завершило политический кризис, возникший в ходе президентских выборов 1876 г., когда кандидату демократов С. Тилдену, набравшему 184 голоса выборщиков, не хватило для победы всего одного голоса. Республиканцы, не желавшие уступать власть оппонентам, оспорили точность подсчета голосов в четырех штатах (Орегон, Южная Каролина, Луизиана и Флорида). Разобраться в нарушениях избирательной процедуры предстояло созданной в январе 1877 г. комиссии, включавшей по 5 представителей от каждой палаты конгресса и Верховного суда.

В ходе секретных переговоров между доверенными лицами партийного руководства была достигнута устная договоренность о том, что кандидат республиканцев Р. Хейс в обмен на спорные голоса без промедления выведет федеральные войска из южных штатов и передаст в руки демократов контроль над патронажем. В феврале 1877 г. избирательная комиссия преимущественно в один голос объявила о победе на выборах республиканца Хейса. 3 марта 1877 г. он был приведен к присяге в качестве президента. «Джентльменское» соглашение, официально завершившее программу Реконструкции Юга, устранило последнее препятствие на пути сближения партий, скрепив их в целостную и слаженно функционирующую систему. Приходившие к власти правительства, вне зависимости от партийной принадлежности, были единодушны в признании сложившихся после Гражданской войны социально-экономических реалий. Однако программные установки республиканцев носили более жесткий, социал-дарвинистский характер в духе «борьбы за существование» и «выживания сильнейших», а в платформах демократов присутствовал отчетливый антимонополистический подтекст.

Рубеж XIX—XX в. традиционно считается эпохой «партийного правления», где главным партиям принадлежала монополия на процесс выдвижения и избрания кандидатов во все государственные учреждения. Именно из их представителей избирались президенты, губернаторы, обе палаты конгресса, законодательные и исполнительные органы всех уровней. На протяжении полувека по-

сле Гражданской войны республиканцы представляли главную партию власти. На президентских выборах они лишь дважды уступили демократам — Гр. Кливленду (1885—1889, 1893—1897) и В. Вильсону (1912—1920 гг.).

Социальный состав главных партий носил разношерстный характер. Господствовавший в советской американистике стереотип о том, что республиканская партия опиралась исключительно на крупный капитал, а оплотом демократов оставались бывшие плантаторы, не выдержал испытания временем. Современные исследования показали, что партии, первоначально ориентированные на определенные классы, неуклонно превращались во «всеохватные» (catch-all-party) организации, ориентированные на поддержку всех слоев населения. Уподобляемые огромным зонтам, они стремились привлечь на свою сторону выходцев из разных социальных слоев, поощряя их участие в партийной жизни в самых разнообразных формах — в качестве активистов, членов групп поддержки или просто сочувствующих лиц. Электоральная стратегия правящих партий, сфокусированная в лозунге «хватать всех», носила вынужденный характер, так как голоса избирателей делились между ними практически поровну. Например, победа Дж. Гарфилда в 1880 г., одержанная большинством в 0,4%, свидетельствовала о почти равном размежевании социальных сил.

Двухпартийная система, основанная на патронажной системе вознаграждения, носила самофинансируемый характер. От чиновников, получивших должности по партийной линии, требовалось отчислять в партийную кассу особый взнос, размер которого определялся циркуляром национального комитета. Его сумма официально не превышала 3%, но в действительности поборы достигали пятой части заработка. Принятие закона Пендлтона, освободившего чиновников от увольнений по политическим мотивам и, следовательно, от платежей в партийную кассу, кардинально меняло источники финансирования двухпартийной системы, тесно привязав ее в финансовом отношении к корпоративному капиталу. Альянс с ним складывался более удачно у республиканцев, которые традиционно сотрудничали с представителями «большого» бизнеса. Однако и среди демократов было немало известных предпринимателей, таких как сталелитейный магнат А. Хевитт, владелец автомобильного гиганта Г. Форд или финансист Дж.П. Морган.

Несмотря на присущую партиям разнородность массовой базы, более развитые в промышленном отношении регионы в большей степени поддерживали республиканцев, а экономическая периферия возлагала надежды на демократов. Границы их избирательных корпусов определяли преимущественно социокультурные различия, имевшие наиболее острый характер на Северо-Востоке, где традиционно проживала основная масса протестантов, а с конца XIX в. обосновалось более 70% католиков. Основу коалиции республиканской партии, взявшей на себя роль коллективного защитника протестантизма, составляли преимущественно коренные жители «с примесью крови янки» (квакеры, баптисты, конгрегационалисты, методисты, пресвитериане). К демократам тяготели иммигранты из Италии, Польши и других стран Юго-Восточной Европы. Приверженность этнокультурной традиции позволяла избирателю делать свой выбор, особо не вникая в детали партийных программ.

Подобные партии без фиксированного членства с легкой руки французского политолога М. Дюверже стали называть «кадровыми». Эта организационная особенность двухпартийной системы ярко проявилась в разрастании сети городских партийных организаций, или по терминологии тех лет «партийных машин». Обладая жесткой иерархической структурой, они контролировали все аспекты электорального процесса — от порядка регистрации избирателей до подсчета их голосов. Сильные партийные машины действовали в индустриальных

центрах Северо-Востока. Их классическим примером являлась партийная организация демократов «Таммани-Холл» со штаб-квартирой в Нью-Йорке. Во главе ее стоял совет («ринг»), избиравший «великого предводителя», которым долгие годы являлся У. Твид. Ответственные решения принимались руководством единолично, а затем навязывались рядовым членам посредством жесткой дисциплины.

С конца XIX в. партийные организации взяли на себя ряд полномочий, определяемые как «скрытые» или «латентные». Паразитируя на существовании разрыва между потребностями быстро растущих городов и возможностями старых административных структур, они занялись вопросами функционирования и развития жилищно-коммунального хозяйства. Партийным организациям были присущи патерналистско-клиентелистские методы работы с избирателями, но в их деятельности существовало определенное разделение труда. Республиканцы, находившиеся большей частью у власти, работали в основном с представителями деловых кругов, обеспечивая их субсидиями, налоговыми льготами и выгодными контрактами по строительству объектов жилья, транспорта и связи. В составе высшего эшелона исполнительной власти непрерывно росло число представителей бизнеса: если в период правления президента Р. Хейса они составили 75%, то У. Гаррисона — 91,7% назначений. Демократы, социальная база которых была ослаблена в северных штатах в годы Гражданской войны, проявляли максимум изобретательности по привлечению на свою сторону иммигрантов. Они помогали им не только в трудоустройстве, обеспечении жильем и получении вида на жительство, но и осуществляли разнообразную социально-благотворительную деятельность (от организации свадеб до покупки гроба умершему родственнику). Нехватка профессиональных кадров в муниципалитетах способствовала формированию особого класса политиков, успешно сочетавших партийную деятельность с работой в государственных учреждениях.

Главный вопрос внутрипартийных дискуссий касался протекционизма, направленного на защиту внутреннего рынка от иностранной конкуренции. Республиканская партия, традиционно защищавшая интересы промышленного Северо-Востока, выступала за высокие таможенные ставки, а демократическая партия, опиравшаяся на аграрные слои, требовала их резкого снижения, а в ряде случаев — перехода на беспощадную торговлю. Межпартийный консенсус был найден в принятом в 1890 г. тарифном законе, названного в честь его инициатора У. Маккинли. В нем соединились две трудно увязываемые идеи: с одной стороны, взвозные пошлины возросли до 49,5%, а с другой, президент получил особые полномочия по предоставлению отдельным латиноамериканским странам льготных тарифов на основе взаимных уступок. В результате в список ввозимых в США беспощадных товаров попали многие виды сырья (сахар, чай и кофе), а латиноамериканские рынки оказались затоваренными излишками американских промышленных товаров. Следующее повышение таможенных ставок до 57% произошло в 1897 г. после принятия суперпротекционистского закона. Несмотря на попытки демократов гармонизировать внешнеэкономические связи, первое со времен Гражданской войны существенное снижение тарифов было осуществлено только накануне Первой мировой войны. Несмотря на намеченную тенденцию к либерализации торговли, протекционизм оставался важным элементом экономической политики США на всем протяжении первой половины XX в.

Предметом нескончаемых споров между демократами и республиканцами была судьба бумажных денег — «гринбеков» (от англ. *greenbacks* — зеленая вишнетка на оборотной стороне ассигнации), которых федеральное правительство выпустило в годы Гражданской войны на сумму 450 млн долл. Республиканцы,

защищая интересы финансовой и торговой буржуазии, требовали ограничения объема обесцененных бумажных денег, а демократы, позиционируя себя в качестве защитников фермеров и мелких предпринимателей, являвшихся в своей массе должниками, ратовали за их увеличение. Первоначально в этой борьбе верх взяли республиканцы, которые в 1875 г. добились принятия закона о постепенном изъятии из обращения гринбеков и переходе с 1 января 1879 г. на рельсы золотомонетного стандарта. Ситуация существенно изменилась, когда с конца 1870-х гг. движение за «дешевые деньги» получило поддержку со стороны владельцев серебряных рудников в западных штатах. Обе партии, имея в своих рядах «серебряные» группировки, были вынуждены идти на постоянные компромиссы. В 1878 г. был принят закон, обязавший казначейство ежемесячно закупать серебряные слитки на сумму от 2 до 4 млн долл. и чеканить из них стандартные доллары. В 1890 г. сумма федеральных средств на закупку серебра была увеличена вдвое, поэтому в казначействе скопились его огромные запасы, обусловив резкое обесценивание доллара (его соотношение к золоту упало до 31:1). В 1893 г., в самый разгар экономического кризиса, конгресс отменил закупку серебра, но окончательную победу сторонники монометаллизма одержали только после принятия в 1900 г. закона о золотом стандарте, при котором единица национальной валюты свободно обменивалась на золото по фиксированной цене. Жесткое привязывание американского доллара к золоту, обеспечив его конвертируемость за пределами национальных границ, дало мощный толчок для развития национальной экономики.

Более сплоченно обе партии выступали в вопросе об ограничении иммиграции, при этом республиканцы осуждали ее с морально-этических позиций как носителя чуждых для американцев общественных ценностей, а демократы делали упор на защиту экономических интересов коренных рабочих от дешевой иностранной силы. В 1882 г. конгресс, уступив давлению западных штатов, где скопилась основная масса китайцев, принял закон, приостанавливавший китайскую иммиграцию на 10 лет. В дальнейшем этот закон не раз продлевался, пока в 1904 г. не стал бессрочным. В 1885 г. по закону Форана, пролоббированному рабочими организациями, был запрещен законтрактованный труд из стран Юго-Восточной Европы. С 1906 г. был наложен запрет на иммиграцию из Японии и Кореи. В основу государственной политики был впервые положен принцип расово-национальной селекции, регулировавший качественный состав иммиграции и законодательно обозначивший группу «чуждых» для американцев наций.

Массовые движения социального протеста в конце XIX в. Переход от аграрного к индустриальному обществу, повлекший за собой изменение жизненного уклада и привычного образа жизни американцев, вызвал разнообразные формы социального протеста (петиции, референдумы, демонстрации, стачки, создание третьих партий). В протестном движении особую роль играли городские средние слои, представлявшие интеллектуальную элиту Новой Англии. Это были известные писатели, журналисты, деятели науки и культуры, которые оказывали сильное воздействие на общественное мнение, прежде всего, через прессу. Их взгляды базировались на критической оценке окружающей действительности, но особое неприятие вызывала коммерциализация морально-нравственных устоев общества и совокупность социальных последствий индустриализации — углубление межклассовых конфликтов, рост рабочего движения, наплыв иммигрантов, распространение социализма. Все эти явления рассматривались в качестве взаимосвязанных элементов разрушения традиционных американских ценностей, необходимых для сохранения республиканской формы правления. Общий вывод, характерный для социальных критиков, сформу-

лировал гарвардский профессор истории искусств Ч. Нортон, заявивший, что «Америка надолго взяла ошибочный и неверный курс».

Под огнем критики реформаторов оказались преимущественно негативные явления в политической сфере общества. Выдвинув лозунг «очищения политики» от коррупционеров, они требовали модифицировать политическую систему изнутри на основе почитаемых ими демократических идеалов. Главными средствами оздоровления общественно-политической жизни считалось введение народного референдума, тайного голосования, прямых выборов сенаторов и формирование профессионального чиновничьего аппарата, свободного от партийного диктата. На выборах 1884 г. реформаторы, традиционно голосовавшие за республиканскую партию, демонстративно поддержали ставленника демократов Г. Кливленда, выступив, тем самым, против выдвижения на пост президента Дж. Блейна, главы партийной организации штата Мэн, сколотившего себе состояние на спекуляциях с акциями железнодорожных компаний. С тех пор независимых республиканцев стали называть «магвампами», что на языке индейцев означало «вожди». С их помощью демократическая партия одержала победу на выборах с минимальным перевесом в 25 тыс. голосов, большая часть которых была получена в Новой Англии, где позиции независимых республиканцев были особенно сильны.

В отличие от просвещенной элиты, рабочие усматривали корень наиболее вопиющих пороков «позолоченного века» в области социально-экономических отношений. Центром их активности являлись Новая Англия и Средний Запад — регионы, в которых социальные последствия индустриализации сказались в наибольшей степени. Борьба рабочих за повышение заработной платы и улучшение условий труда носила упорный характер: с 1881 по 1905 г. 7 млн чел. приняли участие в 37 тыс. стачек. Кульминацией трудовых конфликтов стали события в Чикаго, где 4 мая 1886 г. в ходе митинга на площади Хеймаркет бомбой, брошенной в полицейский отряд, было убито несколько человек, а стражи порядка открыли огонь по демонстрантам. Это событие послужило поводом для ареста рабочих лидеров, четверо из которых по приговору суда были повешены 11 ноября 1887 г. В память о них Парижский конгресс II Интернационала (1889 г.) объявил первое мая международным днем пролетарской солидарности и борьбы за 8-часовой рабочий день.

Благодаря мощному росту экономики, абсолютного ухудшения в положении американских рабочих не произошло. В период с 1870 по 1920 г. их заработная плата выросла вдвое, но эта победа досталась ценой семидневной рабочей недели, сопровождаемой самым высоким в мире уровнем травматизма и системой штрафов, налагаемых за малейшие провинности (опоздание, разговоры в рабочее время, перекур и проч.). Существенным был разброс в доходах по отдельным отраслям производства и профессиям, зависевший от квалификации, возраста и пола работников. Например, неквалифицированные рабочие получали в день около 1 долл., а квалифицированные — в 3—4 раза больше. В целом только 45% рабочих зарабатывали больше суммы в 500 долл., составлявшей демаркационную черту бедности, а доход основной массы рабочих колебался от 200 до 400 долл. в год.

Мощный подъем стачечной борьбы требовал объединения рабочих в общенациональном масштабе. Первым в 1869 г. возник «Орден рыцарей труда», как социально однородная организация для лиц физического труда. Согласно его уставу каждая низовая ячейка должна была состоять не менее чем на $\frac{2}{3}$ из рабочих. Местные ассамблеи, организованные по территориальному принципу, допускали членство работников разных квалификаций и профессий, в том числе женщин и негров. Включение лиц, живущих собственным трудом, в разряд

«производящих классов», определяло особое видение рабочими антагонизма между трудом и капиталом. Стратегия организации предусматривала достижение программных целей преимущественно законодательным путем. От властей штатов рабочие требовали введения 8-часового рабочего дня, выплаты компенсаций за производственные травмы, запрета труда малолетних детей и учреждения бюро статистики труда. Среди целей общенационального назначения назывались передача в федеральную собственность железных дорог, телефонной и телеграфной связи, создание национальной денежной системы без посредства частных банков и запрещение законтрактованного труда иммигрантов. Стачки считались одним из действенных средств защиты интересов рабочего класса, но к ним прибегали в крайних случаях. Главное значение придавалось развитию потребительской кооперации для сбыта производимой продукции. В период пика активности Ордена, во главе которого с 1879 по 1893 г. бесшумно стоял машинист Т. Паудерли в нем насчитывалось более 750 тыс. чел.

Прогрессистское движение. В начале XX в. движение за реформы приняло общенациональный характер, его массовую базу составили разные слои населения (мелкие предприниматели, служащие, рабочие, фермеры, представители среднего и крупного бизнеса), но главенствующую роль играл городской «средний класс». Такой симбиоз социальных сил сложился стихийно и даже вопреки их желаниям, но угроза, исходящая от всевластия корпоративного капитала, объединила все американское общество. Перечень реформ, предлагаемых реформаторами, был широк и касался демократизации политического строя, антимонополистического и рабочего законодательства, охраны семьи и детства, экологии и пр. Идеал американской нации, несмотря на то, что векторы его поиска велись по разным направлениям, воплощался в формуле «общественного прогресса».

Визитной карточкой прогрессизма стала деятельность плеяды талантливых писателей и журналистов, которых президент Рузвельт презрительно называл «разгребателями» грязи». Стремясь искоренить из жизни негативные явления, они выносили на суд общественности беспрецедентные по своим масштабам случаи коррупции и взяточничества в государственных структурах, жульнических махинаций трестов, производства и продажи недоброкачественных продуктов, эксплуатации детского труда. Например, И. Тарбелл поведала американцам скандальную историю обогащения Дж. Рокфеллера, Л. Стеффенс описал механизм подкупа крупным капиталом местных властей, Р.Х. Дэвис поведала о тайном производстве виски, а Дж. Риис познакомил читателей с жизнью бедняков в Нью-Йоркских трущобах. Благодаря серии сенсационных разоблачений, американская журналистика приобрела черты «четвертой власти», взявшей на себя функции публичного контроля над деятельностью властных структур. Поднятый ею критический вал побуждал правительство к действию. В частности, президент Рузвельт, находясь под сильным впечатлением от романа Э. Синклера «Джунгли», где была живописно показана царящая на чикагских скотобойнях вопиющая антисанитария, распорядился провести общенациональную проверку мясоперерабатывающих предприятий. По ее итогам конгресс в 1906 и 1907 гг. принял законы о государственном контроле над качеством продовольствия и медикаментов, которые впервые установили санитарные нормы по защите здоровья граждан.

На муниципальном уровне значительное влияние приобрело движение за демократизацию политической системы, оформившееся в рядах обеих партий. Если журналисты стремились передать гласности те или иные правонарушения, то представители либеральной фронды ратовали за реформы, направленные на искоренение коррупции и взяточничества в муниципалитетах, на основе кото-

рых множились игорные и публичные дома, а «отцы» городов наживались на спекуляциях земельными участками и искусственном вздувании цен на городском транспорте. Энтузиасты-реформаторы пытались личным примером доказать возможность искоренения коррупции в отдельно взятом городе или даже регионе. Ими были не только разработаны, но и апробированы новые формы местного управления. Речь шла, в частности, о выборной комиссии (от 3 до 5 чел.), члены которой в нарушении принципа разделения властей являлись одновременно законодателями и администраторами, а также муниципальном устройстве типа «совет-менеджер», где законодательные функции передавались всенародно избранному совету, а исполнительная власть — в руки наемного управляющего, обладавшего административным опытом.

Внутренняя политика начала XX в. Принятие прогрессивных реформ было невозможно без поддержки просвещенной политической элитой, вынужденной идти на существенные уступки широким слоям населения ради сохранения стабильности в обществе. Эпоху прогрессизма открыло правление республиканца Т. Рузвельта (1901—1909 гг.), ставшего президентом после убийства У. Маккинли анархистом Л. Чолгошем. При нем окончательно завершилась эра правления конгресса. Если его предшественники считали себя исполнителями воли федерального собрания, то Рузвельт, заявив, что сильная исполнительная власть является подотчетной не конгрессу, а непосредственно народу, пересмотрел представление об ограниченной роли президента в механизме разделения властей. Усиление полномочий федерального центра отвечало его идеалу сильного государственного деятеля, свободного в выборе политической стратегии.

Реализуя на практике концепцию позитивного лидерства, Рузвельт развернул вызвавшую огромный общественный резонанс кампанию против всевластия трестов. Его внимание привлекли, прежде всего, махинации Дж.П. Моргана и Дж. Хилла в связи с слиянием в 1901 г. двух конкурировавших железных дорог, в результате чего в руках новообразованной корпорации «Норзен Секьюритис» оказался железнодорожный транспорт Северо-Востока. Обвинив финансовых воротил в монополизации транспортных услуг, правительство инициировало против них судебный процесс. В 1904 г. Верховный суд признал компанию виновной в нарушении закона Шермана и предписал разделить ее на две части. Позже состоялись еще 44 судебных тяжбы против проштрафившихся монополий, которые доставили Рузвельту славу «разрушителя трестов». На самом деле речь шла не об уничтожении, а о регулировании правительством деятельности «плохих» монополий, в отношении которых применялись разные меры наказаний.

Репутацию Рузвельта в обществе упрочил принятый в 1903 г. закон Элкинса, запрещавший железнодорожным компаниям допускать отклонения от опубликованных тарифов и договариваться о скидках с грузоотправителями. Тогда же было создано министерство торговли и труда, в котором особая роль отводилась бюро корпораций для расследования случаев незаконного предпринимательства. В 1906 г. президент поддержал закон Хепберна, позволявший межштатной торговой комиссии, созданной еще в 1887 г., законодательно устанавливать максимальный предел на размеры железнодорожных тарифов.

Придя к власти в разгар прогрессистского движения, Рузвельт заявил о готовности проводить «честный курс», быть беспристрастным арбитром в конфликтах между трудом и капиталом. Он неоднократно вмешивался в забастовки, а порой вставал на сторону бастующих. Так, в ходе длительной стачки шахтеров 1902 г. в Пенсильвании, требовавших повышения на 20% заработной платы и сокращения до 8 часов рабочего дня, он предложил прибегнуть к помощи арбитражной комиссии. Хотя ее решение принесло рабочим скромное удовлет-

ворение (увеличение зарплаты на 10% и сокращение рабочего дня до 9 часов), оно создало прецедент мирного урегулирования трудовых конфликтов. Апелляция к беспристрастности во взаимоотношениях с трудящимися, не мешала Рузвельту не раз применять силу против забастовщиков, как это случилось в 1903 г. в Моренси (Аризона), когда по просьбе губернатора туда были посланы федеральные войска на усмирение бастующих шахтеров.

К прогрессивным реформам следует отнести политику Рузвельта по защите окружающей среды. Его деятельность по «консервации» естественных ресурсов шла по двум направлениям: рациональному использованию водных путей и охране общественных земель посредством отчуждения их в государственный фонд. По его инициативе в 1902 г. был принят закон о контроле государства над ирригационными работами, являвший собой широкомасштабный план орошения засушливых земель Запада. Встав на защиту лесов от хищнического разграбления, Рузвельт, прибегнув к прерогативам исполнительной власти, издал ряд предписаний о создании лесных резерваций. Созданная не без его участия национальная комиссия по охране природных ресурсов изъяла в государственный фонд 125 млн акров земли. Главные реки и озера страны стали охраняться государством, а в отношении лиц, наносящих им ущерб, предусматривались уголовные санкции. Заслуга Рузвельта состояла в том, что он не только поднял вопросы экологии до общенационального уровня, но и способствовал созданию 51 заповедника и 5 национальных парков. По закону 1906 г. к ним были присоединены 16 национальных памятников природы, таких как вечнозеленые муаровые леса Калифорнии.

Рузвельт ушел в отставку в 1909 г., передав бразды правления У. Тафту, занимавшему в его кабинете пост военного министра. Находясь в тени великого предшественника, тот предпочитал руководствоваться принципом «лучше мириться с несправедливостью, чем осуществлять разрушительные перемены». В исполнение предвыборных обещаний о снижении тарифов он первым делом поспешил осуществить давно назревшую тарифную реформу. Однако республиканское большинство конгресса его не поддержало: по закону Пейна-Олдрича 1909 г. таможенные ставки были сокращены в среднем до 37%, но при этом сохранены высокие тарифы на 500 наименований импорта. В качестве источника пополнения государственной казны Тафт, базирясь на конституционном праве конгресса устанавливать налоги и пошлины, инициировал введение прогрессивного подоходного налога. В июле 1909 г. конгресс принял XVI поправку к Конституции, которая после ее одобрения $\frac{2}{3}$ штатов в 1913 г. установила монополию федерального центра на сбор налогов.

Тафт продолжил политическую линию предшественника по «разгрому» трестов. В 1910 г. был принят закон Манна-Элкинса, разрешавший междуштатной комиссии расследовать случаи увеличения тарифных ставок не только железнодорожными, но также телефонными, телеграфными и кабельными компаниями. В этих целях создавался специализированный торговый суд, взявший на себя функции арбитра во время конфликтов с владельцами железных дорог. В судах было проведено около 90 антимонопольных процессов, в том числе против корпораций «Стандард ойл» Рокфеллера и «Ю. Эс. Стил» Моргана, которые по решению Верховного суда 1911 г. были принудительно раздроблены, что повлекло сокращение их доли в общенациональном бизнесе. В ходе судебных разбирательств высшая судебная инстанция обосновала принцип оценки деятельности «хороших» и «вредных» корпораций в зависимости от их вклада в общественный прогресс, названный впоследствии «правилом разумности». Монополия в рамках антитрестовского права уже не считалась незаконной, под запретом оказались выходящие за неформальные рамки методы кон-

курентной борьбы. В итоге тенденция к монополизации пошла на спад. Новые корпорации продолжали создаваться, но ни одна из них не смогла достичь того влияния, которые имели в конце XIX в. так называемые «олигополии». К началу Первой мировой войны, когда реструктуризация основных отраслей народного хозяйства была завершена, удельный вес корпоративного сектора экономики не превышал 30%.

Внешняя политика рубежа XIX — начала XX в. Завершение к началу 1890 г. хозяйственного освоения всей территории США заставило правящую элиту открывать и осваивать рынки сбыта за рубежом. В пропаганде внешнеполитической экспансии приняли участие ученые, военные, священники, общественные и политические деятели. Используя доктрины «предопределения судьбы», «превосходства англосаксонской расы» и «американской миссии», они доказывали, что экспансия для США является законом развития, поэтому настало время борьбы за мировое господство. Идеологи так называемых «империалистов» (Дж. Фиске, Дж. Барджесс, Дж. Стронг, адмирал А. Мэхэн и др.) выдвигали в качестве первоочередных целей создание военно-морских баз в странах Латинской Америки и строительство Панамского канала, соединявшего Тихий и Атлантический океаны. Первая попытка обосновать приоритетную роль Вашингтона в латиноамериканском регионе была предпринята государственным секретарем Р. Одни в 1895 г., когда США вмешались в затянувшийся спор между Британской Гвианой и Венесуэлой по поводу границы. В ноте английскому правительству высокопоставленный дипломат сформулировал принцип обязательного арбитража Вашингтона в спорах латиноамериканских государств с европейскими державами. С тех пор доктрина Одни была легализована в качестве дополнения к доктрине Монро.

Важным шагом на пути создания «Рах-Americana» стало противостояние США одряхлевшей испанской империи, имевшей колонии в Новом свете. Поводом к войне послужило вспыхнувшее в 1895 г. освободительное восстание на Кубе, где американскому капиталу принадлежала большая часть железных дорог, шахт и рудников. Для их охраны на остров был послан американский крейсер «Мэн», который неожиданно взорвался 15 февраля 1898 г., унеся жизни 266 моряков. Хотя причина взрыва не была установлена, Белый дом, обвинив Испанию в преднамеренной диверсии, 25 апреля 1898 г. объявили ей войну. Испано-американская война, длившаяся 133 дня, разворачивалась главным образом у побережья Кубы и Филиппин. Первая из решающих битв произошла 1 мая на рейде Манилы, где тихоокеанская эскадра Дж. Дьюи потопила армаду испанских кораблей, а 3 июля в гавани Сантьяго-де-Куба американская флотилия полностью уничтожила ВМФ Испании, взяв в плен адмирала Сервера. В сухопутных операциях американский десант победной поступью прошел по островам Пуэрто-Рико и Филиппины, и только на Кубе долго не мог сломить сопротивление испанских войск.

10 декабря 1898 г. в Париже был подписан мирный договор, по которому к США перешел ряд испанских островов — Гуам и Пуэрто-Рико, а Филиппины были куплены за 20 млн долл. Куба до 1901 г. была оккупирована американскими войсками, отозванными только после одобрения местным учредительным собранием поправки к Конституции, предложенной американским сенатором О. Платтом. Ее цель — ограничение национального суверенитета Кубы, включая запрет заключать без согласия США договоры с иностранными державами и получать от них займы. В 1903 г. было подписано соглашение о бессрочной аренде США бухты Гуантанамо и земель в районе Баия-онда для создания военно-морской базы. Доставшиеся США в ходе испано-американской войны острова в Тихом океане (Самоа, Уэйк, Мидуэй и Уилкес) послужили удоб-

ным плацдармом для дальнейшей экспансии в Восточную Азию, прежде всего, Китай.

Запоздав к дележу Цинской империи на сферы влияния, американцы стремились наверстать упущенное увеличением торговли, рассчитывая, что промышленная мощь позволит им одержать верх над соперниками и прибрать к рукам богатый китайский рынок. В этих целях в 1899 г. государственный секретарь Дж. Хэй в ноте иностранным правительствам сформулировал принцип «открытых дверей и равных возможностей», предполагавший уравнивание тарифов за портовые сборы и железнодорожные перевозки для всех заинтересованных стран, вне зависимости от сферы их влияния. Ответные ноты великих держав носили уклончивый характер и содержали ряд оговорок относительно предоставления Вашингтону режима наибольшего благоприятствования. Летом того же года американские войска в составе коалиционных сил участвовали в подавлении народного восстания ихэтуаней, вызванного грубым вмешательством иностранцев во внутреннюю политику страны. Вместе с европейскими державами они навязали Китаю кабальный договор, предусматривавший не только жестокое наказание повстанцев, но и выплату контрибуции, из которой доля США составляла 24,5 млн долл. Впоследствии, заигрывая с Цинским двором, президент Рузвельт от нее отказался, передав все средства на обучение китайской молодежи в американских университетах.

Плащатая экспансионизма являлась республиканская партия, провозглашавшая необходимость активной борьбы за латиноамериканские, тихоокеанские и азиатские рынки. Ее главной задачей было закрепление успеха испано-американской войны, тесно увязываемое со строительством межконтинентального канала на Панамском перешейке, сокращавшего расстояние из Атлантики в Тихий океан более чем в 2 раза. В ноябре 1901 г. правительство Рузвельта заключило с Англией договор Хэй-Паунсфорта, по которому США получили исключительное право на сооружение и эксплуатацию канала через Панамский перешеек. В январе 1903 г. оно добилось от властей Колумбии подписания договора Хэй-Эррана, передававшего Вашингтону монопольное право на строительство и эксплуатацию канала сроком на 100 лет при условии получения единовременной компенсации в 10 млн долл. и ежегодных выплат в 250 тыс. долл. Когда колумбийский сенат отказался от его ратификации, администрация Рузвельта, направив к Панамскому перешейку военные корабли, спровоцировала выступление сторонников отделения части территории Колумбии в виде независимого государства. По договору Хэй-Бюно-Варильи, заключенному в ноябре 1903 г. правительством новообразованной Панамы, к Вашингтону перешел полный контроль над межконтинентальным каналом, строительство которого было завершено в 1914 г.

Рузвельт стал первым из президентов, осознавшим, что ему предстоит действовать как лидеру молодой, но великой державы. Его честолюбивые замыслы, сказались, прежде всего, во взаимоотношениях с латиноамериканскими странами. В послании конгрессу в декабре 1904 г. президент выступил с обоснованием новой трактовки доктрины Монро, вошедшей в дипломатические анналы как «королларий» (*corollary* — вывод, заключение). В нем он заявил о том, что США берут на себя «выполнение международных полицейских функций» во всем Западном полушарии, в том числе с применением военной силы. С тех пор карикатурный образ Рузвельта никогда не расставался с огромной палкой, обыгрывая оброненную им сакраментальную фразу «разговаривай мягко, но держи наготове большую дубину». Американские войска неоднократно участвовали в крупномасштабных военных операциях в соседних странах — в Колумбии (1901—1902 гг.), Гондурасе (1903—1907 гг.), Доминиканской Респуб-

ке (1903—1904 гг.) и Кубе (1906—1909 гг.) Они не раз осуществляли вторжения в Никарагуа, Гаити, Панаму, Гватемалу и Коста-Рику.

Политика «большой дубинки» (*big stick policy*) ярко проявилась в решении вопроса о задолженности латиноамериканских стран европейским кредиторам. В 1902 г., когда Германия, Англия и Италия блокировали венесуэльские порты за неуплату долгов, Рузвельт, сосредоточив американский флот в Карибском море, заставил их пойти на компромисс, пообещав возместить убытки путем передачи части доходов от таможенных сборов должника. В дальнейшем, чтобы не допустить подобных инцидентов, администрация Рузвельта по соглашению 1907 г. с правительством Доминиканской республики оговорила для себя право взимания до 50% протекционистских тарифов, идущих на погашение иностранных долгов. Со временем 11 из 20 латиноамериканских стран оказались в положении финансовых протекторов США.

В европейской политике Рузвельт пытался примерить на себя роль беспристрастного арбитра, исходя из сформулированной им теории баланса сил мировых держав в кризисных регионах. Ход рассуждений его был таков: международная жизнь — есть борьба, в которой побеждает сильнейший, поэтому естественный порядок в мире, регулируемый посредством силы, находит выражение в разделе сфер влияния между европейскими странами как главными игроками мировой политики. США, располагавшие колоссальной экономической мощью, должны иметь адекватную долю влияния в международных делах. Посредничество Рузвельта в окончании русско-японской войны 1904—1905 гг. и споре европейских держав из-за Марокко в 1905 г. часто использовалось им для получения собственных выгод. Например, 31 июля 1905 г. во время секретной беседы между американским военным министром У. Тафтом и японским премьером Кацура была достигнута устная договоренность о разграничении сфер влияния в Восточной Азии: Япония заявила о неприкосновенности Филиппин, находившихся под контролем властей США, давших, в свою очередь, согласие на установление японского протектората над Кореей. Устная договоренность была подтверждена в 1908 г. обменом официальных нот государственного секретаря И. Рута и японского посла в Вашингтоне Такахира, которые договорились о взаимном признании территориальных владений: американское правительство подтвердило правомерность японской экспансии в Корею и Китае, а Япония — права США на Филиппины, Гавайи и Восточное Самоа.

С приходом в Белый дом президента Тафта, заявившего о смене внешнеполитического ориентира, главный упор был сделан на экономическую экспансию, названную «дипломатией доллара». За период его президентства инвестиции в Латинскую Америку возросли в 4 раза. К 1913 г. США установили контроль над оловянной промышленностью в Боливии, медными рудниками — в Чили и Перу, золотыми приисками в Никарагуа. Финансовые группы Дж.П. Моргана и У. Грейса стали владельцами Чилийско-Андыской железной дороги. Вооруженное вмешательство во внутренние дела соседних стран было подчинено сформулированной Тафтом основой внешнеполитической стратегии. Например, поводом к широкомасштабной интервенции в Никарагуа в 1912 г. послужил курс президента Х.С. Селайи, направленный на ограничение американского вмешательства в общественно-политическую жизнь страны. Прибывшие для наведения порядка морские пехотинцы быстро установили контроль над местными финансами и средствами сообщения, уготовав Никарагуа участь очередного американского протектората вплоть до 1925 г.

Вера Тафта в возможность решения внешнеполитических задач посредством совершенствования норм международного права воплотилась в создании постоянно действовавших межамериканских организаций, ставящих целью

объединение народов Западного полушария под главенством США. Международное бюро американских республик было преобразовано в 1910 г. в Панамериканский союз, а для оказания финансовой помощи латиноамериканским странам создан межамериканский банк. Тем не менее долго вынашиваемый в Белом доме замысел политического объединения американских государств под эгидой США не был реализован. Делегаты IV панамериканской конференции, собравшиеся в 1910 г. в Буэнос-Айресе, отказались подчиниться политическому диктату Вашингтона, намереваясь создать собственный союз в качестве противовеса растущему американскому влиянию на континенте.

Провалом завершились попытки правительства Тафта укрепить позиции американского бизнеса в Китае с помощью политики «открытых дверей». С этой целью государственным секретарем Ф. Ноксом в 1909 г. был разработан план «интернационализации» железных дорог в Маньчжурии посредством выкупа китайским правительством принадлежащих иностранцам железных дорог на средства международного займа. Изъятые дороги должны были перейти в собственность китайского правительства, а управление ими — в руки объединенной международной комиссии из участниц займа. В январе 1910 г. инициатива Белого дома была отвергнута Россией и Японией, к которым присоединились Франция и Англия. Открыть двери в поднебесную империю президенту Тафту, как и его предшественникам, не удалось.

В. Вильсон, ставший родоначальником «морально-миссионерской» дипломатии, выступил с идеей нового мирового порядка. В его основе, утверждал он, должны лежать не материальные интересы, а духовный союз людей. Опираясь на принципы международного права, дополненные постулатами «предопределения судьбы», президент заявил, что США готовы играть ведущую роль в продвижении идеалов демократии во всем мире, при этом «если мир действительно хочет мира, он должен следовать моральным предписаниям Америки». В декларации принципов, озвученных Вильсоном в марте 1913 г., говорилось о желании доказать латиноамериканским странам свои дружеские намерения. В частности, в ходе переговоров 1914 г. с Колумбией с целью урегулирования конфликта, вызванного отсечением от нее Панамы, правительство выразило «искреннее сожаление» по поводу событий 1903 г. При пересмотре условий договора Хэя-Эррана пострадавшей стороне в качестве моральной компенсации разрешили пользоваться Панамским каналом и увеличили сумму вознаграждений до 25 млн долл. Поступок великой нации, принесшей публичные извинения маленькой стране, нашел горячий отклик в Латинской Америке.

Между тем администрация Вильсона четко осознавала собственные национальные интересы. Например, при возникновении угрозы строительства европейским конкурентом нового канала, в качестве альтернативы панамериканскому, Вильсон незамедлительно ввел войска в Никарагуа и навязал ее народу неравноправный договор Брайана-Чаморро 1913 г., который предоставлял США исключительное право на сооружение на ее территории всех межокееанских магистралей. Желание продемонстрировать всему свету, как следует избирать «хороших людей» в органы власти, привело Белый дом к вмешательству во внутренние дела соседних стран в таких масштабах, о которых Америка ранее не помышляла. В 1915—1917 гг. американские войска под предлогом наведения порядка оккупировали Кубу, Гаити и Доминиканскую республики, заставив местные парламенты избрать угодных Вашингтону правителей. В разгар мексиканской революции Вильсон, узнав о планах местных властей о национализации нефтеносных земель, находившихся в собственности американских владельцев, дважды (в 1914 и 1916—1917 гг.) санкционировал интервенцию в соседнюю страну, пытаясь урегулировать возникшие разногласия.

Накануне Первой мировой войны Вильсон, желая гармонизировать систему международных отношений, выдвинул идею коллективной безопасности, способной избавить человечество от войн. По его мнению, любые международные трения требовали от мирового сообщества коллективных и согласованных действий по выбору политико-правовых средств, способных в корне погасить региональные конфликты. Одним из них он считал международный арбитраж. Стремясь возложить на Америку особую миссию миротворца, Вильсон поддержал выдвинутый государственным секретарем У. Брайаном план двусторонних «охлаждающих» договоров (cool-off treaties), отводивший на разбирательство претензий конфликтующих сторон годичный срок, способный остудить взаимный накал страстей. И хотя в 1913—1914 гг. его ратифицировали в общей сложности 22 страны, включая Англию, Францию и Италию, мир неминуемо катился в пропасть Первой мировой войны. Пытаясь позиционировать себя в качестве «беспристрастного арбитра», Вильсон не раз посылал с посреднической миссией в европейские столицы доверенных лиц. После того как Европа дружно отказалась от дипломатической помощи Вашингтона, администрация Вильсона заняла выжидательную позицию, а после начала Первой мировой войны объявила о своем нейтралитете.

Глава 32 СТРАНЫ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ В 1870–1914 гг.

К последней трети XIX в. в странах Латинской Америки возникла необходимость модернизации всех сфер жизни общества, сохранявшего традиционные социально-экономические и политические структуры, экономическую и культурную отсталость. Стабильному развитию латиноамериканских государств мешала растущая зависимость от мирового рынка и иностранных инвестиций, негативные последствия имело и обострение внутренних противоречий — между олигархическими кругами и представителями других социальных слоев, сторонниками нововведений и приверженцами «вековых традиций», национальными и иностранными интересами. Все это осложнялось разногласиями политическими, семейно-клановыми и расово-этническими. Поэтому многие процессы, происходившие в регионе, сложно объяснить исходя из исторического опыта стран Европы или США.

В начале XX в., когда в Латинской Америке были ликвидированы последние анклавы испанской колониальной империи, здесь насчитывалось 20 политически независимых государств, а общее количество населения превысило 60 млн человек. На долю Бразилии, Мексики и Аргентины приходилось почти 60% жителей региона. В его границах, в основном в Карибском бассейне, сохранялось более двух десятков колониальных владений Великобритании, Франции, Нидерландов, США, в которых проживало лишь 4,5% латиноамериканцев.

Социально-экономическое развитие. Начало промышленного переворота. На рубеже XIX–XX вв. экономика латиноамериканских государств сохраняла монокультурный характер, когда от производства двух-трех, а иногда и одного экспортного продукта зависела жизнь страны. Латинская Америка давно уже включилась в мировое капиталистическое хозяйство в качестве его периферийного звена — поставщика агросырьевой продукции для индустриально развитых стран, одновременно превратившись в потребителя их промышленных товаров. Экспортная модель развития обусловила деформацию национальных экономик, привела к появлению «кофейных» (Бразилия, Колумбия), «банановых» (Эквадор, государства Центральной Америки), а впоследствии и «нефтяных» (Венесуэла, Мексика) республик.

По сравнению с Европой Латинская Америка поздно вступила на путь капиталистической трансформации, традиционные формы хозяйствования (мелкотоварное производство, натуральное хозяйство, использование подневольного труда) постепенно дополнялись новыми. Сохранение старых структур в рамках новых придавало латиноамериканскому капитализму специфические черты, вело к укоренению многоукладности и преобладанию консервативных вариантов развития.

В сельской местности основными центрами производства оставались ориентированные на экспорт латифундии. В руках латифундистов сосредоточились огромные земельные владения, в таких поместьях трудилось население всей округи, не имевшее собственной земли или владевшее крошечными участками. По-прежнему работники-пеоны могли получить в пользование надел или попросить у хозяина помощь, расплачиваясь своим трудом и попадая в долговую зависимость. В то же время в латифундиях и на плантациях, наиболее интегрированных в мировой рынок, кабальные формы найма сочетались с капиталистическими, особенно в прибрежных провинциях Аргентины, Уругвае, а на плантациях сахарного тростника на Кубе и кофейных плантациях Бразилии

к концу XIX в. преобладал наемный труд. К 70-м гг. в большинстве латиноамериканских стран было отменено рабство, однако на Кубе оно существовало до 1886 г., а в Бразилии — до 1888 г.

К рубежу веков усилилась неравномерность развития стран региона. В самых отсталых из них — Боливии, Парагвае, республиках Центральной Америки промышленность практически отсутствовала, подавляющее большинство населения проживало в сельской местности. Положение в Венесуэле, Колумбии и на Кубе оказалась почти таким же. Наибольших успехов в продвижении по капиталистическому пути достигла Аргентина, где увеличилось производство зерна, росло количество голов скота, появились культурные пастбища, засеянные кормовыми травами, началась селекционная работа по выращиванию племенных животных. В 80-е гг. возникла новая отрасль пищевой промышленности — мясохладобойная, строились «фригорифико» — предприятия по производству замороженного и консервированного мяса. Успешно развивались Уругвай, где также производились мясо и зерно, Чили, чье благополучие базировалось главным образом на добыче селитры. Заметного экономического роста добились два крупнейших государства региона — Бразилия и Мексика, обладавшие значительными природными и людскими ресурсами. В 70–80-е гг. страны-лидеры вступили в фазу промышленного переворота, в городах наряду с множеством мелких кустарных предприятий существовало быстро растущее фабричное производство, особенно в легкой и пищевой промышленности, сформировались промышленная буржуазия и рабочий класс. В Аргентине, Уругвае и Чили около половины населения уже проживало в городах, хотя в целом по региону преобладали сельские жители.

Существенные демографические изменения в относительно развитых странах были обусловлены не только внутренними хозяйственными сдвигами, но и массовой иммиграцией, в основном из Старого Света. За период с 1880 по 1914 г. в Латинскую Америку на постоянное жительство выехало примерно 12 млн европейцев, которых особенно привлекали Аргентина, Чили, Бразилия и Уругвай. Правительства этих государств восприняли идею «переселенческого капитализма», активно стимулировали иммиграцию. Большинство людей покидало Европу по экономическим причинам, особенно жители бедных славянских стран и Италии. Среди переселенцев встречались квалифицированные рабочие и земледельцы, но особую группу составляли политические эмигранты. Они прибывали за океан из Франции, пережившей Парижскую Коммуну, из Германии, где был принят «Исключительный закон против социалистов», из Испании, поскольку отсутствие языкового барьера давало испанским анархистам надежду на успешное распространение их идей.

Неравномерность развития проявлялась не только в различиях между странами, но и на уровне отдельных районов, причем многое зависело от этнического состава населения. Там, где проживало большое количество индейцев (Мексика, Гватемала, Боливия, Перу, Эквадор, Парагвай), сохранялись общинное устройство и натуральное хозяйство. Негры и мулаты, которые, подобно индейцам, сберегли общинные традиции, составляли около трети жителей Бразилии и Кубы, а в Гаити, Доминиканской республике и островных колониальных владениях они численно преобладали. В Мексике, Чили, Венесуэле, Колумбии, Центральной Америке значительную часть населения составляли метисы, причем среди них было много бедных крестьян и представителей городских «низов». В Бразилии, особенно в бассейне Амазонки, и на других труднодоступных территориях Латинской Америки «дикие» племена пребывали в состоянии первобытности. Во всех странах, включая наиболее развитые, густонаселенные экономические центры соседствовали с безлюдными, слабо освоенными районами.

Развитие агроэкспортного производства стимулировало рост внешней торговли, активизацию финансовой деятельности, расширение транспортной сети. Растущий спрос на аграрно-сырьевую продукцию на мировом рынке, благоприятные природно-климатические условия, дешевая рабочая сила обеспечивали латифундистам высокие доходы при скромных капиталовложениях. Сформировавшаяся на протяжении XIX в. торгово-финансовая буржуазия тесно взаимодействовала с крупными земельными собственниками. Вместе они составили буржуазно-землевладельческую олигархию, которая совместно с иностранным капиталом захватила ключевые экономические позиции и контролировала политическую власть.

Намного медленнее, чем внешняя, развивалась внутренняя торговля, слабо росло производство продовольствия для внутреннего потребления. Доходность этих отраслей была гораздо ниже, чем агроэкспортных. Монополия латифундистов на землю порождала нищету сельских тружеников, консервировала патриархальные отношения в деревне и создавала непреодолимую пропасть между богатой верхушкой и бедными «низами», углубляя социальные противоречия. Наиболее высокого уровня концентрация земельной собственности достигла в Мексике, Бразилии, Аргентине и Чили. В этих странах свыше 80% земли принадлежало крупным землевладельцам.

Важнейшей особенностью развития экономики стран региона стал широкий приток иностранного капитала. Привлечение зарубежных инвестиций в виде займов и концессий началось вскоре после освобождения от колониальной зависимости, а к концу XIX в. иностранные компании утвердились во многих отраслях производства и инфраструктуры: добывающей промышленности, сельском хозяйстве, торговле, финансовой сфере, железнодорожном строительстве, оборудовании морских портов. Это способствовало техническому прогрессу латиноамериканских государств, однако усиливало их экономическую зависимость сначала от передовых стран Европы, а затем США, причем и тем и другим было выгодно сохранение Латинской Америки в качестве аграрно-сырьевого звена мирового рынка.

Экспансия европейских держав и США. Национально-освободительное движение. Испанские власти длительное время отказывались признавать независимые латиноамериканские республики. С 1835 по 1850 г. Испанией было признано лишь 6 государств, включая Мексику, Чили и Венесуэлу, остальные удостоились этого лишь во второй половине века (Колумбия — в 1881 г.).

Потеряв американские колонии, за исключением островов Куба и Пуэрто-Рико, бывшая метрополия стала предпринимать отчаянные попытки вернуть хотя бы часть утраченных владений. С начала 60-х гг. Испания активизировала свои действия в Новом Свете — была оккупирована, хотя и ненадолго, Доминиканская республика, организована совместная с Англией и Францией интервенция в Мексику. В 1864—1866 гг. произошла первая Тихоокеанская война (велась в водах Тихого океана у побережья Южной Америки), когда с помощью военного флота испанцы попытались отобрать у Перу острова Чинча, богатые залежами гуано, а затем вступили в вооруженный конфликт с Чили. Все эти авантюры закончились провалом.

Потерпев фиаско в континентальной Америке, Испания сосредоточила усилия на другом направлении, стремясь любой ценой сохранить острова, особенно Кубу, где развернулось национально-освободительное движение. В 1868—1878 гг. кубинцы вели упорную, кровопролитную борьбу за независимость, которая унесла множество жизней не только повстанцев, но и испанских солдат и офицеров (Десятилетняя война). Выступление против метрополии произошло в тяжелый для нее момент — в сентябре 1868 г. в Испании началась пятая буржуазная революция. Справившись с внутренними проблемами, испанское

правительство бросило все силы на подавление мятежа в колонии, где уже была провозглашена Кубинская республика и принята конституция. Противоречия в революционном лагере привели к кризису новой власти. Война завершилась компромиссным договором с Испанией, которой пришлось пойти на частичные, но очень важные для Кубы уступки, в том числе гарантировать ее представительство в испанских кортесах.

В период восстания на острове власти США, занятые решением внутренних проблем после тяжелых сражений Гражданской войны, открыто не вмешивались в конфликт между Кубой и Испанией, не оспаривали прав последней и не поддерживали идею независимости Кубы. После Десятилетней войны, ослабившей испанский колониальный режим, экономическое проникновение США на Кубу усилилось. Почти вся кубинская продукция (сахар, сигары, кофе, ром) находила сбыт на североамериканском рынке, взамен остров получал промышленные товары и некоторые виды продовольствия.

Проигранная война не погасила в кубинском народе стремления к свободе, напротив, она открыла новый этап борьбы за независимость, привела к более широкому распространению на Кубе революционно-освободительной идеологии. В годы войны началась деятельность молодого поэта-патриота, революционного мыслителя Х. Марти, который предвидел, что испанское господство над островом может смениться полным господством США, причем вслед за Кубой в зависимость попадет вся Латинская Америка. Марти призывал латиноамериканцев не допустить нового порабощения их республик. Он погиб в начале следующей войны за независимость Кубы (1895—1898), а его предсказание начало сбываться. В 1898 г. в новый конфликт вмешался могущественный сосед, война переросла в испано-американскую и продолжалась всего три с половиной месяца. Испанская колониальная империя потерпела полный крах, Куба и Пуэрто-Рико обрели независимость, но быстро попали под влияние своих «освободителей». США предоставили независимость Кубе лишь после того, как в дополнение к Кубинской конституции 1901 г. была принята «Поправка Платта» (по имени предложившего ее сенатора), согласно которой Куба не имела права заключать договоры с другими странами и получать иностранные займы, если с точки зрения США они наносили ущерб экономике и независимости Кубы.

Экспансия США в страны Латинской Америки не ограничивалась установлением контроля над их экономикой, происходили и прямые территориальные захваты. Еще в 1845 г. после двухлетнего вооруженного противостояния, имевшего крайне ожесточенный характер, мексиканское правительство вынуждено было уступить США Техас, Новую Мексику, Верхнюю Калифорнию и некоторые другие районы — в общей сложности 55% территории Мексики, которая лишилась плодородных земель с богатыми природными ресурсами.

Расширяя свое присутствие в Латинской Америке и постепенно продвигаясь с севера на юг, США были вынуждены вступить в жесткую конкуренцию с европейскими державами, обострившуюся к концу XIX в. Так, в 1895 г. разгорелся конфликт между Венесуэлой и Великобританией. В колониальный период не существовало четко установленной границы между венесуэльской и британской Гвианой, что давало англичанам удобный повод для проникновения в дельту р. Ориноко, считавшуюся владением Венесуэлы. Однако ранее североамериканские компании уже получили от венесуэльского правительства концессию на освоение этого района и исключительное право судоходства по реке. Правительство США вмешалось в англо-венесуэльский конфликт, и с помощью международного арбитража спорные территории были разделены: большая часть западной Гвианы отошла к Великобритании, а дельта Ориноко, где хозяйничали североамериканские монополии, осталась за Венесуэлой.

Если в середине — второй половине XIX в. национально-освободительная борьба латиноамериканцев имела в основном антииспанский характер, то к концу столетия положение изменилось. Активная экспансия ведущих держав в страны региона привела к зарождению национально-освободительного движения антиимпериалистической направленности — за равноправное партнерство в экономических, политических и торговых отношениях.

Ярким тому примером стали события в той же Венесуэле, на положении которой тяжело отразился мировой экономический кризис начала XX в. Финансовое положение страны стало катастрофическим, внешняя задолженность росла. Иностранные кредиторы требовали немедленной выплаты долгов, концессионеры предъявляли правительству во главе с президентом С. Кастро (1899—1908) иски о возмещении ущерба, нанесенного им в ходе вооруженных конфликтов между сторонниками и противниками Кастро. Венесуэльское правительство отклонило большую часть претензий и согласилось удовлетворить лишь часть исков, а рассмотрение остальных откладывалось на неопределенный срок. Кастро попытался также ограничить права иностранных предпринимателей и пересмотреть несправедливые условия некоторых контрактов, заключенных ранее в ущерб национальным интересам. Это привело к конфликту с ведущими европейскими государствами, местные банкиры и торговцы, связанные с иностранными компаниями, бурно выражали недовольство политикой президента.

В декабре 1902 г. английские и немецкие корабли блокировали венесуэльское побережье с целью принудить правительство Кастро выплатить долги, затем к этим действиям присоединилась Италия. Начался обстрел прибрежных населенных пунктов, в Пуэрто-Кабельо высадился немецкий десант. Кастро призвал венесуэльцев к борьбе с агрессией, привлек к сотрудничеству представителей оппозиции, объявил амнистию участникам антиправительственных выступлений, готовым встать на защиту республики. В ответ на этот призыв страну охватил патриотический подъем, началось создание добровольческих военных отрядов, способных дать отпор интервентам.

Венесуэльский кризис был разрешен при посредничестве правительства США, которое признало справедливость требований кредиторов, но не могло допустить, чтобы европейские державы установили над Венесуэлой финансовый контроль. Дело было передано в международный арбитраж, блокада венесуэльского побережья прекратилась, но стране было отказано в праве требовать возмещения убытков от иностранной агрессии. Арбитражные комиссии рассмотрели предъявленные Венесуэле иски, определили их обоснованность и реальные размеры долгов. Было принято решение о том, что 30% таможенных пошлин с портов Ла-Гуайра и Пуэрто-Кабельо должно отчисляться государствам-кредиторам в счет погашения долгов.

В 1903—1905 гг. правительство Кастро попыталось обезопасить страну от возможного иностранного вмешательства в будущем. Были аннулированы контракты с двумя крупнейшими зарубежными фирмами — североамериканской и французской, начался пересмотр контрактов с компаниями, развернувшими деятельность в прибрежных зонах Ориноко. Смелые действия Кастро вызвали осложнение отношений с США и едва не привели к новой иностранной интервенции. В 1908 г. североамериканцы способствовали свержению строптивного президента, поддержав незаконные действия нового претендента на этот пост.

В начале XX в., когда колумбийское правительство отвергло план строительства межконтинентального Панамского канала, США добились отделения Панамы от Колумбии. В результате инспирированной ими «революции 1903 г.» Панама получила «независимость», а США — возможность построить канал, причем его зону они навечно выкупили у Панамы, обеспечивая собственные экономиче-

ские и стратегические интересы. Основываясь на «доктрине Монро», правительство Т. Рузвельта (1901—1909) перешло к политике «большой дубинки», дополненной впоследствии «дипломатией доллара». США окончательно утвердились в Центральной Америке и Карибском бассейне, заняв прочные позиции в экономике не только Кубы и Панамы, но и Доминиканской республики, Гаити, Никарагуа. Влияние США в странах Южной Америки еще оставалось слабым, там по-прежнему доминировала Великобритания. Накануне Первой мировой войны североамериканские капиталовложения в Латинской Америке превысили 1,2 млрд долларов, вчетверо уступая британским. В целом иностранные инвестиции в регионе в 1914 г. превысили 9 млрд долларов.

Международные отношения. На протяжении XIX в. (начиная с 20-х гг.) между латиноамериканскими государствами произошла серия войн, имевших как двусторонний, так и коалиционный характер. Напряженность во взаимоотношениях стран региона была вызвана рядом причин: соперничеством двух крупнейших государств — Бразилии и Аргентины за роль регионального лидера, нерешенностью территориальных проблем, уходящих корнями в колониальное прошлое. Наконец, важным фактором нестабильности стала обострившаяся конкуренция между США и европейскими державами за сферы влияния на американском континенте.

Еще в 1825—1828 гг. произошла аргентино-бразильская война, вызванная стремлением Бразилии овладеть Уругваем, входившим в состав Объединенных провинций Ла-Платы. С аргентинской стороны военные действия велись в основном силами провинции Буэнос-Айрес и сопровождались огромными материальными затратами и многочисленными жертвами. Блокада побережья бразильским флотом прервала морскую торговлю, жизненно важную для Буэнос-Айреса, и нанесла ущерб торговым интересам Англии. Не желая допустить усиления ни одной из воюющих сторон, английское правительство выступило за признание независимости Восточной провинции, как тогда называли Уругвай. Аргентина и Бразилия вынуждены были согласиться и подписали соответствующий договор.

В 1836—1838 гг. вспыхнул вооруженный конфликт между Чили, с одной стороны, Перу и Боливией — с другой. С 20-х гг. Чили и Перу вели ожесточенную таможенную войну, которая стала одной из форм борьбы за преобладание на Тихоокеанском побережье Южной Америки. В дальнейшем враждебность между этими двумя государствами нарастала и достигла пика, когда в 1836 г. было провозглашено создание Перуано-Боливийской конфедерации. В ответ чилийцы начали военные действия на море и суше. После двухлетней кампании их войска заняли столицу Перу г. Лиму. Конфедерация распалась, позиции Чили в регионе окрепли.

С конца 30-х гг. начал набирать силу аргентино-уругвайский конфликт, когда президент Аргентины Х.М. Росас вмешался во внутренние дела Уругвая, поддержав одну из двух враждующих политических группировок. Он предоставил ей военную силу и в 1843 г. объявил блокаду уругвайской столицы г. Монтевидео, продолжавшуюся девять лет. В обороне города участвовали иммигранты, входившие в состав аргентинского, французского и итальянского батальонов, последним командовал молодой Дж. Гарibaldi. Конфликт стал следствием соперничества Буэнос-Айреса и Монтевидео — двух крупнейших портов и экономических центров на Ла-Плате и завершился с падением диктатуры Росаса в 1852 г. Ее свержение произошло при активном участии Бразилии и Парагвая, заключивших союз с Уругваем.

После изгнания Росаса Бразилия не сумела добиться основной цели — удерживать в орбите своего влияния Уругвай. Потерпев неудачу, бразильское прави-

тельство попыталось отторгнуть некоторые территории более слабой республике Парагвай и занять господствующие позиции на речных путях Ла-Платы. В это время обострились и аргентино-парагвайские отношения. В результате против Парагвая образовалась коалиция государств — Бразилии, Аргентины и Уругвая, и в 1864—1870 гг. произошла кровопролитная война, которая особенно тяжело отразилась на положении парагвайского населения. Парагвайцы отчаянно сопротивлялись, но силы были неравны. Потери в сражениях, террор оккупантов, болезни и голод унесли около половины жителей страны, а среди уцелевших (примерно 220 тыс.) преобладали женщины и дети. Половина парагвайской территории отошла к Бразилии и Аргентине, на побежденных была наложена огромная контрибуция. Парагвай окончательно превратился в одну из самых бедных и малонаселенных стран Латинской Америки.

В 1879—1884 гг. в прибрежных районах Тихого океана вновь вспыхнули военные действия (вторая Тихоокеанская война, известная как «Селитряная»). Война велась между Чили, с одной стороны, Перу и Боливией — с другой. Чилийские правящие круги в интересах местной предпринимательской элиты выдвинули претензии на богатые залежами селитры пограничные районы пустыни Атакама. Поводом к войне стали действия боливийских властей, конфисковавших в 1879 г. имущество действовавшей в Боливии «Чилийской селитряной компании». На стороне Боливии выступило Перу, так как между двумя странами существовал договор о военном союзе, а чилийское правительство получило поддержку Великобритании. На море силы противников оказались примерно равными, сухопутная армия Чили уступала по численности объединенным армиям Перу и Боливии, но была лучше подготовлена, в том числе благодаря английской помощи, экономический потенциал Чили также позволял рассчитывать на успех. Одержав победы на море и суше, чилийцы выиграли войну, однако мирные переговоры между сторонами затянулись по причине вмешательства Великобритании и США, стремившихся упрочить свои позиции в Южной Америке.

Результатом «Селитряной войны» стал переход под контроль Чили наиболее богатых районов пустыни Атакама (где впоследствии были найдены и залежи медной руды), принадлежавших Перу и Боливии, которые лишились важного источника доходов для восстановления своей экономики, а Боливия была еще и отрезана от моря. В Чили, напротив, ускорилось развитие добывающей промышленности, ориентированной на экспорт, что стимулировало экономический рост. В то же время чилийские власти вынуждены были идти на новые уступки английскому капиталу, тогда как правящие круги Перу начали ориентироваться на США, открыв им доступ в экономику страны.

Особенности политического развития. Массовые движения. Формирование латиноамериканских наций на основе соединения различных расово-этнических компонентов привело не только к смешению различных культур, традиций, ментальности, но и укоренению специфического социального и бытового поведения латиноамериканцев. Эмоциональность, проявление буйного темперамента, слабая самодисциплина и одновременно готовность следовать за сильным лидером — все это отражалось на характере политической борьбы в странах региона. Положение осложнялось отсутствием демократических традиций, развитых политических институтов и доминирующим положением олигархии.

Все независимые государства формально являлись президентскими республиками. С момента обретения независимости в них существовали представительные органы, конституции, во многом похожие на западноевропейские и североамериканскую. В действительности во власти и политической жизни господствовали олигархические кланы, сохранялись каудильистские тради-

ции, вертикальные социальные связи, когда массы в большинстве своем неграмотного населения слепо поддерживали того или иного «вождя», обещавшего «справедливый порядок». В подобных условиях установление представительной демократии было в принципе невозможно, а конституции и законы имели декларативный характер и служили ширмой для «элитарных демократий» либо авторитарных режимов во главе с представителями военной верхушки, связанными с олигархическими кругами. В борьбе за власть лидеры различных группировок апеллировали к народным массам, используя их недовольство в своих интересах. Тем самым у «низов» создавалась иллюзия участия в решении судьбы страны и собственных проблем, однако эти наивные представления не имели ничего общего с реальностью. Основная масса населения была отстранена от политики, а «верхи» по «праву сильного» действовали вне рамок конституций и законов. Насилие и бесчисленные государственные перевороты стали характерной чертой общественно-политической жизни стран региона.

На протяжении XIX в. соперничество партий либералов и консерваторов не прекращалось, часто выливаясь в вооруженные конфликты, прямые захваты власти, убийства политических соперников, жестокие репрессии. Эти партии длительное время походили на аморфные группировки, не имевшие организационной структуры, устойчивой социальной базы и внятных программ. Семейные и клановые связи, личные отношения лидеров с представителями буржуазно-землевладельческой олигархии во многом определяли партийную деятельность, выборы в представительные органы власти оставались фикцией, так как в них могла принять участие лишь небольшая часть населения (существовал ценз грамотности и другие ограничения), а результаты нередко подтасовывались.

В последней трети XIX в. борьба между консерваторами и либералами все более стала отражать не только противоречия между олигархическими группировками, но и различное видение будущего стран региона, пути их развития, причем непримиримых разногласий по этому вопросу не наблюдалось. И те и другие не отрицали необходимости прогрессивных преобразований с учетом традиционной хозяйственной системы, хотя определенные концептуальные различия, безусловно, существовали. Либералы больше ориентировались на опыт европейских стран, восприняв либеральные идеи Старого Света, в их среде по-прежнему были популярны идеи Д.Ф. Сармьенто о столкновении «цивилизации» и «варварства», о европеизации латиноамериканских народов как основе их успешного развития. Консерваторы, в свою очередь, намеревались совместить стремление к общественному прогрессу с сохранением «креольских традиций», в том числе сложившейся социальной иерархии и вертикальных связей, привычного образа жизни, патриархального быта, особенно если речь шла о народных массах. Наконец, заметная роль в латиноамериканских странах принадлежала католической церкви — главной опоре консерватизма. Она активно участвовала в процессе формирования общества, основной поток иммиграции в страны региона шел из католических государств Европы, традициями католицизма было проникнуто народное сознание. Отношение к церкви и характер ее взаимоотношений с государством также становились предметом споров между консерваторами и либералами.

К началу XX в., когда набирал темпы промышленный переворот, росло количество иммигрантов и объем иностранных инвестиций, европеизация стала подрывать традиционные жизненные устои. Эти процессы сопровождался ростом эксплуатации, быстрым разорением многочисленных сельских и городских «низов», не сумевших приспособиться к непривычным для них условиям существования. Не случайно на рубеже веков повсеместно наблюдался всплеск «народного консерватизма», т.е. стремления сохранить патриархальный уклад

жизни как защитной реакции недовольных своим положением масс, что расширяло социальную базу консервативных партий и течений.

Народные движения, особенно крестьянские восстания, хотя и становились инструментом борьбы консерваторов и либералов, часто носили стихийный характер. В 90-е гг. мощные выступления крестьян, переросшие в настоящую войну, произошли в засушливых малопродуктивных степях северо-востока Бразилии. В районе поселка Канудос (штат Баян) была создана община, в которой осуществились коммунистические принципы, народная мечта о «справедливом порядке». Частная собственность отвергалась как «преступная», все члены общины должны были сообща трудиться, земля, орудия труда, скот стали общими, воровство и употребление алкоголя строго наказывались. Окружное население потянулось к Канудосу, где скопилось около 30 тыс. «мятежников». Три военных экспедиции, направленные в район восстания, потерпели неудачу, и только с четвертой попытки летом 1897 г. удалось сломить отчаянное сопротивление повстанцев, многие из которых погибли в бою. Новый подъем крестьянского движения в Бразилии начался накануне Первой мировой войны, и вновь правительству пришлось вести длительную борьбу с восставшими. Массовые выступления крестьян-индейцев не раз вспыхивали в Перу и Мексике, причем движение мексиканского крестьянства, начавшееся в 1910 г., переросло в революцию.

Европейская иммиграция способствовала проникновению в Латинскую Америку социалистических идей — сначала французских социалистов, а затем и марксизма. В Аргентине в 70-е гг. действовали секции I Интернационала, основу которых составили рабочие-эмигранты. В этот период начался рост стачечной борьбы, широко развернувшейся в первое десятилетие XX в., когда возникли профсоюзы и общенациональные профцентры. Наибольшую активность проявляли рабочие, трудившиеся на промышленных предприятиях Аргентины, Уругвая, Чили, Бразилии. Их требования носили экономический характер — повышение заработной платы, улучшение условий труда, сокращение рабочего дня. Важным направлением деятельности профсоюзов стала борьба за принятие трудового и социального законодательства, в результате в странах региона впервые появились законы, регулирующие трудовые отношения. В то же время забастовки жестоко подавлялись, часто для этого использовались войска, жертвы порой исчислялись тысячами, как это было в декабре 1907 г. в Чили при расстреле забастовщиков на селитряных рудниках.

В рабочем движении начала XX в. ярко проявились бунтарские настроения, значительная часть профсоюзных лидеров разделяла идеи анархизма и анархо-синдикализма, что было характерно и для стран Южной Европы. В Аргентине и Уругвае, где поселилось немало эмигрантов-социалистов, в том числе из Германии, значительное влияние в рабочей среде приобрели сторонники марксизма, к которым примкнула и часть интеллигенции. Первоначально они создавали небольшие кружки, на основе которых в 1896 г. возникла Социалистическая партия Аргентины, вошедшая во II Интернационал. Одним из идеологов партии стал Х. Б. Хусто, который более 30 лет оставался ее руководителем. Взгляды Хусто, полагавшего, что возможен переход от капитализма к социализму с помощью демократических реформ, совпадали с позицией Э. Бернштейна, основателя ревизионистского направления в марксизме. Партийное руководство во главе с Хусто отстаивало интересы рабочих, стремилось вовлечь их в политическую борьбу, а с начала XX в. социалисты активно участвовали в парламентских выборах. В 1913 г. они получили 7 депутатских мандатов, в основном за счет поддержки избирателей столичного округа. Социалистические партии возникли в Уругвае (1910), Чили (1912), росло влияние социалистических идей в Бразилии и на Кубе.

В последней трети XIX — начале XX в. в государствах Латинской Америки, при сохранении общих черт их социально-экономического уклада и внутривнутриполитического развития, существовали политические режимы различного типа — в зависимости от особенностей исторического пути того или иного государства, состава населения, положения в экономике, остроты социальных противоречий и других факторов. В странах, наиболее пострадавших в годы Войны за независимость и переживших тяжелейший послевоенный экономический кризис, сопровождавшийся политической анархией, возобладала авторитарные тенденции — так, в Венесуэле и Мексике установились диктаторские режимы, причем между ними также существовали различия. Для тех стран, где шло успешное развитие капиталистических отношений и значительную часть населения составляли эмигранты из европейских государств — Аргентины, Чили, Бразилии была характерна система «элитарной демократии» или ее черты. Небольшая, но быстро развивающаяся республика Уругвай, также притягательная для европейцев, в политическом отношении шагнула далеко вперед. Здесь эпоха гражданских войн завершилась лишь в начале XX в., однако в период с 1903 по 1915 г. благодаря усилиям президента Х. Балье-и-Ордобьеса в стране существовал стабильный конституционный режим и проводились реформы, благодаря которым Уругвай стали называть «латиноамериканской Швейцарией». В республике был создан значительный государственный сектор в экономике, в том числе за счет национализации иностранной собственности, принят ряд социальных законов, введших восьмичасовой рабочий день, пенсионное обеспечение, пособия по безработице, бесплатное образование. Избирательная система стала более демократичной, чем в других государствах региона, расширились полномочия Национального конгресса, была отменена смертная казнь.

«Элитарная демократия» в Аргентине и Чили. В Аргентине президентские выборы 1868 г. принесли победу лидеру либералов Д.Ф. Сармьенто, который в раздираемой внутренними конфликтами стране выдвинул лозунг «Мир, порядок, свобода». Его избрание стало следствием наметившегося компромисса между олигархическими кланами Буэнос-Айрес, занимавшими монопольное положение во власти и экономической жизни, и олигархий внутренних провинций. К середине XIX в. буэнос-айресский порт за счет сбора таможенных пошлин и иных налогов обеспечивал 75% доходов государственной казны. Буэнос-Айрес превратился в единственного посредника между провинциями и внешним рынком, и «портеньо» мало считались с интересами остальных территорий. Сармьенто был родом из провинции Кордова, пост вице-президента занял губернатор Буэнос-Айреса.

Идеалом Сармьенто была демократическая республика с развитой промышленностью, сельским хозяйством, торговлей. «Индийское начало» аргентинской нации он считал малосущественным, поэтому поддерживал идею вытеснения «диких» индейцев с их земель и расширения иммиграции из развитых стран Европы. В 1874 г. преемником Сармьенто на посту президента стал либерал Н. Авельянеда. Его правительство, вслед за консерватором Х.М. Росасом, продолжило «завоевание пустыни», в течение одного года состоялось более двух десятков экспедиций с целью ликвидации остатков «варварства». Индейские племена в Пампе и Патагонии были почти полностью истреблены, огромные массивы плодородной земли перешли в руки латифундистов, военной верхушки, иностранных предпринимателей.

Окрепшая буржуазно-землевладельческая элита, тесно связанная с британским капиталом, охотно заимствовала лозунги европейского либерализма, включая идею демократического конституционного государства. В стране действовала конституция 1853 г., похожая на североамериканскую — закреплялась

федеративное устройство, сильная центральная власть сочеталась с широкой автономией провинций, созывался двухпалатный Национальный конгресс, провозглашались демократические свободы. Президент избирался на шестилетний срок без права переизбрания на два срока подряд. Все эти атрибуты правового государства не ограничивали свободу действий олигархических кланов, сохранявших доминирующее положение в стране. Утвердившийся с 80-х гг. XIX в. режим «элитарной демократии» стал результатом необходимого и окончательного компромисса между различными группировками элиты — буэнос-айресскими и провинциальными, из прибрежных провинций и внутренних, буржуазными и аристократическими, причем все они получили возможность участвовать во власти, образовав единый консервативный блок. Национальный конгресс и особенно партии имели «карманный характер». «Элитарная демократия» способствовала укреплению единства страны, прекращению гражданских войн, установлению политической стабильности, предосторожно замкнутой и сепаратизма провинций. У истоков этого режима стоял генерал Х.А. Рбка, занимавший в 80—90-е гг. лидирующее положение на политической сцене Аргентины.

Постепенно консолидировалась и оппозиция. Сформировавшаяся на рубеже 80—90-х гг. партия Радикальный гражданский союз во главе с популярным лидером И. Иригбйеном сумела сплотить многих сограждан, недовольных господством олигархии. В начале XX в. все большую политическую активность стали проявлять представители промышленных кругов, среднего класса, интеллигенции, численно вырос и заявил о себе рабочий класс. В обществе ширилось движение за демократизацию, к которому примкнула даже часть консерваторов (так называемые «обновленцы»). По их инициативе и под общественным давлением в 1912 г. был принят закон о введении всеобщего избирательного права (для мужчин — граждан Аргентины с постоянным местом жительства). Несмотря на ограничения, этот закон позволил участвовать в избирательном процессе сотням тысяч аргентинцев и ознаменовал начало перехода от режима «элитарной демократии» к демократии представительной.

Черты «элитарной демократии» были характерны и для политического режима Чили. В 70—80-е гг. власть в стране удерживали либералы, среди которых видная роль принадлежала лидеру их левого крыла президенту Х.М. Бальмаседе (1886—1891). Его политика была направлена на развитие национальной экономики и ограничение влияния иностранного капитала. Под лозунгом «Чили — чилийцам!» он попытался национализировать важнейшую для Чили отрасль добывающей промышленности — селитрянную, что привело к серьезному конфликту с британской компанией-владельцем. В период президентства Бальмаседы в стране развернулись общественные работы по строительству различных зданий, особенно школ и училищ для подготовки учителей, возводились мосты через основные реки, прокладывались железные дороги. В ходе реформы образования был основан Педагогический институт, открыты первые государственные школы для девочек и новые начальные школы.

Бальмаседа был убежденным сторонником модернизации страны, причем ведущую роль в этом процессе он отводил сильному государству с твердой властью президента. В результате возник конфликт между сторонниками президентской и парламентской форм правления. За парламентскую республику выступали олигархические круги, как либеральные, так и консервативные, мотивируя свою позицию стремлением к большей «свободе выбора». Политический кризис в стране совпал с кризисом экономическим, вызвавшим сокращение производства, рост безработицы, падение курса национальной валюты. При поддержке иностранных держав, особенно Англии, против правительства Бальмаседы был организован мятеж, закончившийся победой его противни-

ков. В дальнейшем полномочия президента были ограничены в пользу Национального конгресса, и в Чили наступил период «парламентской республики» (до 1924 г.). Власть сосредоточилась в руках представителей буржуазно-землевладельческой элиты, ее опорой стали консерваторы и умеренные либералы, имевшие крупные фракции в конгрессе.

В отличие от Аргентины и других республик Латинской Америки, в Чили сложилась развитая партийно-политическая структура. Помимо либеральной и консервативной партий в стране действовали основанная группой бывших либералов Радикальная партия (с 1863 г.), отделившаяся от нее в 1887 г. Демократическая партия, занимавшая левые позиции и выступавшая за демократические и социальные преобразования, Социалистическая рабочая партия (с 1912 г.). Благодаря многопартийной системе значительная часть населения была вовлечена в политическую борьбу, в обществе нарастал протест против олигархического правления, что подрывало основы режима «элитарной демократии».

Бразилия: от монархии к республике. «Порядок и прогресс». К концу 80-х гг. XIX в. население Бразилии составило около 40% всего населения Южной Америки, и к 20-м гг. следующего столетия в стране проживало более 30 млн человек.

С середины XIX в. наблюдался заметный рост бразильской экономики. Кофе стал основной статьей экспорта, потеснив сахар и другие «колониальные товары» (в 50-е гг. начали плодоносить миллионы посаженных ранее кофейных деревьев). С 1850 по 1918 г. экспорт бразильского кофе вырос в 5 раз и составил к концу этого периода $\frac{1}{3}$ от мирового экспорта. К 1914 г. он приносил более 60% доходов страны от внешней торговли. Владельцы латифундий из штатов Сан-Паулу, Минас-Жераис и Риу-ди-Жанейру, важнейших зон кофейного производства, могли с полным основанием считать себя хозяевами Бразилии, полностью зависевшей от экспорта кофе. Они постоянно оказывали давление на правительство, вынуждая его скупать у плантаторов излишки кофе за счет казны. С помощью этой меры искусственно поддерживались высокие цены на этот продукт, и плантаторы не страдали от падения цен на мировом рынке.

Доходы от продажи кофе способствовали развитию других отраслей хозяйства. В стране велось интенсивное железнодорожное строительство, развернулся промышленный переворот, который накануне Первой мировой войны вступил в завершающую стадию. Наиболее успешно шло развитие бразильского юга. Местные предприниматели использовали паровые машины, механические станки, наемный труд, хотя промышленники не пользовались такой государственной поддержкой, как производители кофе. В экономику Бразилии ускоренными темпами проникал иностранный капитал, главным образом английский, устремившийся в сферу внешней торговли, добычу золота и алмазов, строительство железных дорог.

Экономический рост страны способствовал укреплению позиций местной буржуазии, которую не устраивал монархический режим, казавшийся ей препятствием на пути прогресса Бразилии. В 60-е гг. в Бразильской империи вновь разразилось движение за установление республики, причем одним из главных требований республиканцев стала отмена рабства. Политический климат в стране определялся борьбой аболиционистов — сторонников освобождения рабов, и приверженцев традиционных устоев. Оппозиционные настроения в бразильском обществе подогревались экономическими и финансовыми трудностями, вызванными затяжной войной (1864—1870), которая велась коалицией трех государств — Бразилии, Аргентины и Уругвая против соседней республики Парагвай. В годы войны на политической арене страны появилась Республиканская партия, которой удалось привлечь на свою сторону многих бразильцев,

особенно образованную часть населения. После войны аболиционистское и республиканское движение приобрели еще больший размах.

Император Педру II и его окружение уже не могли игнорировать мнение большинства общества о необходимости ликвидации рабства. Оно пало без вооруженного столкновения, в результате законодательного процесса. В 1871 г. «Закон о свободном рождении» предоставил свободу детям рабов, а в 1888 г. был издан полностью отменявший рабство «Золотой закон». Рабы объявлялись свободными людьми без выплаты компенсаций владельцам. Свободу обрели 750 тыс. невольников.

Следующим шагом на пути модернизации Бразилии стало свержение монархии, в оппозицию к которой перешла и часть консерваторов, недовольных «Золотым законом». Вновь сумев избежать кровопролития, в ноябре 1889 г. бразильцы низложили Педру II и мирным путем установили республиканский строй. В свержении монархии значительную роль сыграли перешедшие в лагерь республиканцев молодые офицеры во главе с маршалом Д. да Фонсека, губернатором провинции Риу-Гранди-ду-Сул, известным своими выступлениями против рабства. На флаге Бразильской республики был помещен девиз: «Порядок и прогресс».

Смена формы правления не сопровождалась глубокими изменениями в экономике и социальной структуре общества. Бразилия оставалась аграрной страной с преобладанием сельского населения (около 70%), патриархальными традициями, обширными латифундиями, где трудились наемные работники из числа бедного сельского населения и бывшие рабы, подвергавшиеся беспощадной эксплуатации. Плантации кофе были расположены в давно освоенных районах, страдавших от аграрного перенаселения, причем все удобные земли находились в руках плантаторов.

После свержения монархии в Бразилии утвердился политический режим, имевший сходство с аргентинской «элитарной демократией». Республиканское правительство возглавляемое маршалом Фонсека обнародовало важные декреты. Все грамотные мужчины, достигшие 21 года, получили избирательные права, но $\frac{2}{3}$ населения Бразилии по причине неграмотности так и не обрело возможности участвовать в избирательном процессе. Церковь отделилась от государства, устанавливалось равенство всех вероисповеданий. В феврале 1891 г. была принята новая бразильская конституция, разработанная с учетом опыта североамериканцев. Государство стало именоваться Соединенные Штаты Бразилии и строилось на принципах федерализма, что отвечало интересам крупных землевладельцев и торговцев, контролировавших местные органы власти (латифундисты имели даже собственную полицию и суд). В состав республики вошли 20 штатов, каждый из которых обладал широкой автономией, и Федеральный округ. Парламент состоял из Сената и Палаты депутатов, наделенной правом законодательной инициативы в таких ключевых вопросах, как финансы и оборона. Функции центрального правительства и штатов были разделены. В ведении столичного Риу-ди-Жанейру находились внешняя политика, оборона страны, денежная эмиссия, средства связи, общегосударственная таможня. Штаты контролировали основные налоги, имели собственные таможни и взимали пошлины за вывоз товаров за границу. Конституция зафиксировала важные изменения в жизни бразильского общества, однако ее демократические установления сводились на нет реальным положением дел. Контроль над выборами в федеральный парламент и тем более в законодательные палаты штатов оставался в руках местной земельной аристократии.

Маршал Фонсека стал первым конституционным президентом Соединенных Штатов Бразилии, причем назначил губернаторами ряда штатов предста-

вителей военной верхушки и разрешил военным участвовать в политической жизни республики. Новая власть не имела четкой программы развития страны и вскоре стала объектом критики со стороны землевладельцев и торгово-промышленных кругов.

Первая половина 90-х гг. стала кризисным периодом бразильской истории. Начертанный на знамени страны девиз оказался невыполнимым. Один за другим следовали внутренние конфликты. После провозглашения республики в Бразилии окончательно оформились два основных политических течения (общенациональных партий еще не сложилось) — либералы и консерваторы. Первые опирались на буржуазные круги, средние слои, часть интеллигенции, вторые в основном выражали интересы латифундистов, банкиров, высших чиновников. Представители некоторых аристократических семей, в прошлом тесно связанные с императорским двором, не потеряли надежду на реставрацию монархии. Они участвовали в заговорах против республиканского правительства и поддерживали авантюристов из числа высокопоставленных военных, готовых выступить против республики. Умеренные монархисты предавались ностальгии по временам империи, однако выступали против насильственного восстановления монархической формы правления, опасаясь революционных потрясений.

В начале XX в. монархические иллюзии окончательно развеялись, однако продолжалась борьба за власть между могущественными буржуазно-землевладельческими кланами штатов Сан-Паулу (здесь производилось 60% бразильского кофе) и Минас-Жераис. В 1898 и в 1902 г. на президентский пост избирались «паулисты», в 1906 г. президентом стал выходец из Минас-Жераис. В своей внутренней политике и те и другие исходили из интересов крупных производителей кофе, а финансовые трудности страны пытались решать либо за счет остального населения, увеличивая налоги, либо при помощи иностранных займов. Олигархические кланы других штатов были практически отстранены от участия в управлении страной.

«Либеральный каудильизм» в Венесуэле. Иной вариант политического развития продемонстрировала Венесуэла. После окончания Войны за независимость на протяжении сорока лет в республике существовали правительства, возглавляемые президентами-генералами, политика которых в разных соотношениях сочетала элементы консерватизма и либерализма. Общей чертой этих режимов был их авторитарный характер, персонализм, воплощенный в фигуре верховного правителя.

С 70-х гг. XIX в. у власти окончательно утвердились либералы, заявившие о необходимости «европеизации» страны, однако методы управления государством не претерпели больших изменений. В то же время были проведены важные реформы, особенно в годы правления А. Гусмана Бланко (занимал пост президента, с небольшими перерывами, с 1870 по 1887 г.). Лидер Либеральной партии сосредоточил в своих руках все рычаги государственного управления и с помощью военной силы сумел покончить с региональным сепаратизмом. В 70—80-е гг. произошло оздоровление финансовой системы — появилась новая денежная единица (боливар), была создана «Компания де кредито», в которую вошли представители деловых кругов, появились другие кредитно-финансовые учреждения, в том числе Венесуэльский банк. Президент разработал план развития страны, согласно которому строились шоссе и железные дороги, шахты и рудники, реконструировались порты.

Гусман Бланко выступал против монополии церкви на образование и вмешательства священнослужителей в политическую жизнь. При нем закрылись духовные семинарии, монастыри, началась государственная регистрация брака, рождения и смерти, земли церкви распродавались с аукциона, духовенст-

во перешло под юрисдикцию гражданских судов. Начальное образование стало обязательным и бесплатным, появились новые школы, профессиональные колледжи, педагогические училища, в Каракасе, облик которого заметно изменился, открылась Национальная библиотека, началось издание документов периода Войны за независимость.

Реформы Гусмана Бланко способствовали экономическому и культурному прогрессу страны, однако не были решены ее социальные проблемы — уровень жизни большинства населения оставался низким, собственность сосредоточилась в руках «либеральной олигархии». Политика, направленная на упрочение личной власти президента и напоминая о каудильистских режимах прошлого, чудовищная коррупция вызывали недовольство в рядах и консерваторов, и либералов, часть которых не поддерживала политику своего лидера, в том числе и по отношению к иностранному капиталу, получившему в Венесуэле значительные привилегии. Как и его предшественники во власти, Гусман Бланко использовал пребывание на высоком посту в целях собственного обогащения, то же можно сказать о его преемниках. Все они оставались «алчными землевладельцами», завладевшими крупной собственностью различного происхождения, в том числе отобранной у политических противников, церкви, университетов или изъятой у государства. В конце 70-х гг. только в Лондонском банке на счету Гусмана Бланко находилось 10 млн долл. США — огромная по тем временам сумма. Вместе с тем после С. Боливара он оставил наиболее глубокий след в истории Венесуэлы. Сохранив авторитарные традиции прошлого, Гусман Бланко добился немалых успехов в модернизации страны. Его реформы затронули не только экономическую, но и культурно-образовательную сферу, при нем действовала, хотя и с ограничениями, оппозиция, политические репрессии не приняли широкого масштаба.

В 90-е гг. у власти по-прежнему находились президенты-либералы, причем период 1888—1898 гг. венесуэльцы называли «счастливым десятилетием» — в стране была ослаблена цензура, дальнейшее развитие получили наука, литература, система образования, однако глубоких реформ не проводилось. Выборы 1898 г., когда на пост президента было выдвинуто 27 кандидатов, продемонстрировали падение престижа Либеральной партии. Оживились консерваторы, в лагере либералов произошел окончательный раскол. Страна вновь оказалась на пороге гражданской войны.

В мае 1899 г. из андского штата Тачира выступил вооруженный отряд численностью 60 человек под командованием С. Кастро, среднего асендадо, бывшего губернатора Тачиры. Его девизом стало «возрождение либерализма», хотя четкой программы действий движение Кастро не имело. Это выступление походило на восстание очередного провинциального каудильо. Впервые «андино» (представители штатов, расположенных в Андах) вмешались в борьбу за власть, которая прежде находилась в руках выходцев из прибрежных и центральных районов Венесуэлы. Лозунги Кастро — «новые люди», «новые идеи», «новые методы» встретили широкую поддержку у населения страны, которое, не вникая в тонкости политической борьбы, интуитивно чувствовало необходимость перемен. Через пять месяцев после начала кампании Кастро победителем вошел в Каракас. В 1908 г. он был вынужден уступить власть другому «андино», генералу Х.В. Томесу (правил до декабря 1935 г.). «Либеральный каудильизм» сменился консервативным режимом, представлявшим собой жесткую диктатуру.

Правление Гусмана Бланко стало самым ярким примером режима «личной власти», имевшего авторитарный характер, но взявшего на вооружение либеральные идеи для проведения важных реформ. Подобное явление было характерно для Колумбии, Перу и некоторых других стран Латинской Америки.

Диктатура Порфирио Диаса в Мексике. Мексиканская революция. Вооруженные конфликты времен «войны за реформу» и борьба с французскими интервентами привели к разорению страны, истощению ее финансов. После краха в 1867 г. Мексиканской империи и казни Максимилиана Габсбурга либералы вернули свои позиции, однако неожиданная смерть «самого великого либерала Мексики» Б. Хуареса, последовавшая летом 1872 г., привела к обострению соперничества за власть. В 1876 г. ожесточенное противоборство различных группировок завершилось победой генерала П. Диаса. В Мексике начался длительный период жесточайшей диктатуры, когда гражданские свободы были поправны, политическая деятельность свелась к установлению личных контактов с президентом, который превратился в «верховного каудильо» Мексики и крепко держал в руках бразды правления. В прошлом Диас был соратником Хуареса и формально сохранил завоевания «либеральной революции»: в стране действовала конституция 1857 г., но ее статьи систематически нарушались, выборы проводились регулярно, но на деле превратились в фарс, Национальный конгресс созывался, но состоял исключительно из «порфиристов». В лице Диаса к власти пришли помещичье-буржуазная олигархия и военная верхушка.

Экономическая политика диктатора отвечала «либеральному духу» в специфическом понимании его «порфиристами». Диас окружил себя людьми, которых называли «сьентификос» (ученые). В их число входили представители деловых кругов, правительственные чиновники, известные юристы — люди, совершенно оторванные от основной массы населения. Они постоянно твердили об отсталости мексиканской экономики и призывали широко открыть двери иностранному капиталу, что преподносилось как единственно возможный путь преобразования страны. В Мексике начался экономический рост, который не сопровождался изменениями в социальной сфере — проблемы основной части населения мало интересовали представителей власти.

В аграрном секторе экономики господствовал латифундизм, сохранялись отсталые методы ведения хозяйства. За исключением привилегированной олигархии правительство не оказывало финансовой поддержки местным производителям, одновременно предоставив широкие права иностранным инвесторам. В северных районах Мексики возникли крупные скотоводческие хозяйства, принадлежавшие североамериканским предпринимателям. В руки иностранцев перешли огромные земельные массивы и на юге страны. Многие мексиканские асендадо, особенно средние, заинтересованные в переходе на новые методы хозяйствования, страдали от нехватки средств. Иностранный капитал, в основном британский и североамериканский, контролировал динамично развивающиеся отрасли производства, в том числе нефтедобычу и железнодорожное строительство, а местная элита — аграрный сектор и часть горнодобывающих предприятий. Благополучие мексиканской экономики полностью зависело от внешнего рынка.

До 1910 г. Диас постоянно переизбирался на президентский пост, губернаторы штатов также десятилетиями оставались при своих должностях. Культ диктатора принял невиданный размах благодаря стараниям сьентификос, официальной пропаганды и прессы. Сохранение режима Диаса объявлялось необходимым условием, гарантией успешного развития Мексики. Диктатура рассматривалась как «необходимый деспотизм» с целью «наведения порядка», как закономерный этап политической эволюции страны на пути к демократии. Народные выступления беспощадно подавлялись, оппозиция безжалостно уничтожалась, арестованных нередко убивали «при попытке к бегству».

Проведение модернизации на основе иностранных капиталовложений не превратило Мексику в индустриальную державу, страна оставалась аграрной, в

городах в начале XX в. проживала лишь пятая часть мексиканцев. Крупные латифундисты еще более укрепили свои позиции, концентрация земельной собственности приобрела невиданные размеры. К концу диктатуры Диаса примерно 1% собственников владел 97% обрабатываемой земли, $\frac{2}{3}$ населения страны составляли батраки-пеоны. Правительство проводило экспроприацию земель крестьян и индейских племен, передавая их в руки новых владельцев, а затем эти угодья перепахивались под плантации или превращались в зоны нефтедобычи. Безземельные крестьяне, в основном метисы и индейцы, составляли около 95% сельского населения, 84% мексиканцев были неграмотны. Все социальные проблемы Латинской Америки того времени нашли свое «концентрированное выражение» в Мексике, что стало причиной буржуазно-демократической революции 1910—1917 гг.

Революции предшествовал экономический кризис, поразивший прежде всего те отрасли производства, где преобладал национальный капитал. Усилилось недовольство правительством Диаса со стороны местной буржуазии, против него выступили студенты, представители интеллигенции, рабочие, которые начали создавать свои организации. В стране росла оппозиция антинациональной политике режима, в рядах которой объединились сторонники уничтожения «порфирьято». Идеология «сьентификос» подверглась резкой критике со стороны лидеров созданной в 1905 г. Либеральной партии.

Одним из идеологов революции стал Ф. Мадеро, богатый и влиятельный асендадо и предприниматель, в прошлом — сторонник Диаса, который разочаровался в его политике и выступил с требованием свободы предпринимательства для мексиканских производителей и модернизации сельского хозяйства. В октябре 1910 г. был обнародован План Сан-Луис-Потоси (План Мадеро) — первый революционный документ. В нем говорилось о необходимости решения главной политической проблемы страны — запрете переизбрания Диаса на пост президента. Вскоре План был дополнен требованием улучшить положение крестьянства, вернуть ему землю, отобранную во время правления Диаса. Мадеро призвал мексиканцев к всеобщему восстанию.

В ноябре 1910 г. начались вооруженные выступления против диктатуры. В северных районах Мексики действовали отряды П. Ороско и П. Вильи. На юге развернулось крестьянское движение под руководством Э. Сапаты. В мае 1911 г. правительство Диаса было свергнуто. Осенью президентом страны стал Мадеро, который полагал, что революция завершилась, однако ее основной вопрос — вопрос о земле решен не был. Крестьянство отказалось разоружаться, и против повстанческих отрядов были брошены правительственные войска. На борьбу с силами Сапаты Мадеро направил армию под командованием сторонника Диаса В. Уэрты, которому не удалось сломить сопротивление восставших.

Центром повстанческого движения стал южный штат Морелос, где была создана революционная хунта во главе с Сапатой. Она выдвинула программу, которая называлась «План Аяла». Главным требованием восставших было проведение аграрной реформы в пользу крестьянства, страдавшего от безземелья. Слабость правительства Мадеро, не способного справиться с революционным движением, явилась причиной организации заговора, в котором принял участие Уэрта и другие генералы. Заговорщики заручились поддержкой со стороны США, и в феврале 1913 г. Мадеро был свергнут. В Мексике установилась диктатура Уэрты.

Приход к власти нового диктатора не остановил революционного движения. Вильи и Сапата продолжали командовать крестьянскими отрядами, однако во главе революции оказался В. Карранса, представитель ее буржуазно-либерального крыла, крупный асендадо. Его войска объединились с крестьянской арми-

ей, и в июле 1914 г. под натиском революционных сил режим Уэрты пал. К власти пришло правительство во главе с Каррансой (просуществовало до 1920 г.).

Мексиканские крестьяне решительно настаивали на разделе латифундий и сами захватывали помещичьи земли. Их отряды контролировали большую часть территории страны, а в конце 1914 г. заняли столицу. Между тем Карранса уклонялся от решения аграрного вопроса, предложив крестьянам вместо раздела земель латифундистов подавать прошения о предоставлении земельных участков. Выиграв время, он собрал силы для решающего удара по армиям Вильи и Сапаты и нанес им сокрушительное поражение. Следующий, завершающий этап революции принял более мирный характер.

В конце 1916 г. в г. Керетаро открылось Учредительное собрание, одобрившее новую конституцию 1917 г. Она провозглашала неприкосновенность частной собственности, которая, однако, должна была выполнять «социальные функции», т.е. способствовать прогрессу всех слоев общества. Богатства недр объявлялись собственностью мексиканской нации. Расширились права рабочих, им разрешалось проводить забастовки и заключать коллективные договоры с предпринимателями, устанавливался минимум заработной платы и 8-часовой рабочий день, предусматривался раздел крупных поместий, независимо от их принадлежности мексиканским или иностранным владельцам, ликвидировалась система долгового рабства и пеонажа, церковь отделялась от государства, а ее собственность национализировалась.

Конституция устанавливала республиканскую форму правления. Президент избирался прямым голосованием сроком на 4 года. Законодательная власть была представлена двухпалатным конгрессом, судебная — Верховным судом и судами других инстанций. Избирательное право получали мужчины, достигшие 21 года и имевшие доходы от законных видов деятельности. Общественная мексиканская революция 1910—1917 гг. стала величайшим событием в истории Мексики и всей Латинской Америки. Она вовлекла в борьбу за демократические и социальные преобразования широкие слои населения, особенно крестьянство, поставила в повестку дня такие важнейшие вопросы, как ликвидация диктаторских режимов, проведение аграрной реформы, защита национального суверенитета, преодоление экономической отсталости, установление социальной справедливости.

Глава 33 МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ С 70-х гг. XIX в. ПО 1914 г.

Европа в 1871—1875 гг. Как методы, так и результаты создания итальянского и германского национальных государств по существу означали крах политических и международно-правовых основ «Венской системы». Не «европейский концерт» с коллективной ответственностью за мир, а агрессивные локальные войны изменили облик Европы; результаты этих войн находились в очевидном противоречии с духом и буквой Венского конгресса, но даже постфактум не санкционировались конгрессом или конференцией великих держав.

Ликвидировался Германский союз, своеобразная система безопасности в центре Европы и одно из главных творений Венского конгресса. С появлением на его месте Германской империи возникла совершенно новая ситуация — вместо аморфного нагромождения государств Европе предстояло иметь дело с мощной державой в самой своей середине.

Сдвиги в европейской расстановке сил первыми почувствовали на себе все великие державы. Франция претерпела серьезное падение статуса и веса в международных делах. Возник острый франко-германский антагонизм, который сохранялся до Первой мировой войны и стал одной из важных ее причин.

Не выступив на полях сражений 1870—1871 гг., с политической точки зрения Австро-Венгрия также оказалась в проигрыше. Утрата итальянских земель и создание Германской империи оставили монархии Габсбургов практически единственное возможное направление ее внешней политики — Балканы, что почти программировало усиление австро-русских противоречий и толкало ее в объятия Германии.

России за отмену статьи о нейтрализации Черного моря пришлось заплатить высокую цену — она потеряла свое прежнее влияние в Центральной Европе. Отныне вместо Пруссии, с которой Россия по выражению Бисмарка, иногда могла себе позволить вести себя «как со слугой, который недостаточно быстро является на звонок», нужно было иметь дело с мощной державой на собственных границах.

В краткосрочной перспективе менее всех задетой последними европейскими событиями оказалась Англия, которая даже выиграла от того, что ослабленная Франция не могла составить ей прежней конкуренции в Египте и Леванте. Однако уже тогда Б. Дизраэли, лидер консервативной оппозиции и будущий премьер, заявил, что отныне европейское равновесие разрушено и что державой, которая пострадает от этого больше всего, будет Англия.

В Берлине же стремились в первую очередь закрепить свое новое положение в Европе и были настроены на сотрудничество со всеми великими державами за исключением Франции. Бисмарк исходил из непреодолимости франко-германских противоречий и добивался изоляции Франции. Учитывая подчеркнутую незаинтересованность Англии в континентальных проблемах и малый вес Италии в европейских делах, искомая Бисмарком форма кооперации в послевоенной Европе вновь на первых порах свелась к традиционному сотрудничеству с Россией и Австро-Венгрией. В 1873 г. три страны подписали соглашение, предусматривавшее взаимные консултации в случае внешней агрессии. Вместе с тем соотношение сил внутри триады «восточных монархий» изменилось: если раньше Россия выступала посредником и третейским судьей между Пруссией и Австрией, то теперь на эту роль претендовал Бисмарк. С этого времени и на годы вперед его излюбленной тактикой станет поддержание контролиру-

емой напряженности между Россией и Австро-Венгрией на Балканах, что позволяло Германии играть роль арбитра между ними.

В то же время Бисмарк не ограничивался лишь демонстрацией дипломатической изоляции Франции, но и оказывал на нее прямое давление, устроив в 1875 г. «военную тревогу» в связи с французским законом об увеличении численности войск, не исключавшую превентивной войны. Однако, столкнувшись с сопротивлением России и Англии, не желавших дальнейшего ослабления Франции, Бисмарк отступил.

Восточный вопрос в 60—70-е гг. XIX в. Наряду с объединением Германии и Италии новая расстановка сил в Европе складывалась под влиянием восточного вопроса, развитие которого после 1856 г. определялось тремя основными факторами. С одной стороны, продолжала слабеть Османская империя, попадавшая во все большую зависимость от европейских государств. С другой — не прекращалась борьба за независимость и становление государственности балканских народов. Если Крымская война была столкновением великих держав, в котором национальные устремления народов Балкан не играли практической роли, то во второй половине XIX в., как и в других частях Европы, именно национализм стал тем ферментом, который разлагающе воздействовал на существующие международные отношения — и в дальнейшем эта тенденция на Балканах только усилится. Однако главное влияние на развитие восточного вопроса в указанный период оказывало наличие антирусской «крымской системы» (см. с. 262—267).

В целом в развитии восточного вопроса после Крымской войны выделяют три этапа. Первый из них пришелся на период от окончания войны до начала 60-х гг. и был связан с борьбой Сербии, Черногории и Дунайских княжеств за расширение своей самостоятельности. Дипломатическую поддержку этим стремлениям оказывали Россия и Франция, переживавшие тогда фазу сближения. Второй период начался Критским восстанием 1866—1869 гг., обострившим ситуацию на Балканах в целом. Наконец, третий этап включал в себя большой Восточный кризис 1875—1878 гг.

Международное положение Дунайских княжеств регулировалось соответствующими статьями Парижского трактата 1856 г., сохранившими турецкий сюзеренитет и принципы автономии и сепарации, т.е. раздельного существования княжеств Молдовы и Валахии. Против последнего принципа выступила Франция, стремившаяся укрепить свое влияние в Дунайских княжествах в противовес полному преобладанию англичан в Константинополе. В свою очередь Англия не хотела объединения княжеств, рассматривая его как нарушение Парижского трактата 1856 г. Со своей стороны, Россия, в принципе не заинтересованная в возникновении крупного государства на пороге Балкан, согласилась с его созданием именно потому, что увидела в этом желательный для себя прецедент нарушения Парижского трактата. Австро-Венгрия считала объединение княжеств усилением буфера против России. В итоге в 1861 г. произошло фактическое слияние органов власти двух княжеств, которые отныне стали официально называться «Соединенными княжествами Молдовы и Валахии», или просто Румынией.

В 1866—1869 гг. шло Критское восстание, воспринятое и балканскими народами, и великими державами как провозвестник возможного скорого краха Османской империи. На его фоне была сделана попытка антитурецкого сближения христианских народов — создан Первый Балканский союз с участием Сербии, Черногории, Греции и Румынии. Однако все попытки выступлений против Османской империи закончились неудачей, пока в середине 70-х гг. не разразился очередной балканский кризис.

На восстание в турецкой провинции Герцеговина летом 1875 г. европейская дипломатия отреагировала предложениями реформ, призванных устранить произвол при взимании налогов и закрепить свободу вероисповедания. Неудачи этих попыток привели к расширению кризиса. В апреле 1876 г. вспыхнуло восстание в Болгарии, в июне войну Турции объявила Сербия. Последней попыткой европейской дипломатии разрешить кризис мирным путем стал созыв конференции держав в Константинополе на рубеже 1876 и 1877 гг. Ее участники предложили план создания трех христианских провинций, одну из которых составила бы объединенная Босния и Герцеговина, а две других — поделенная на восточную и западную части Болгария. Несмотря на предъявленный в январе 1877 г. коллективный ультиматум европейских стран, содержащий угрозу отзыва их послов, султан, втайне поддерживаемый Англией, отказался от предложений, выработанных конференцией. В апреле 1878 г. Россия объявила Турции войну, предварительно договорившись с Австро-Венгрией о ее будущих результатах, сводившихся к разделу Балкан на австрийскую и русскую сферы влияния.

Война завершилась подписанием 3 марта 1878 г. прелиминарного мирного договора в предместье Константинополя Сан-Стефано, по которому создавалась огромная автономная Болгария от Дуная до Эгейского моря, признавалась полная независимость и увеличение территорий Сербии, Черногории и Румынии; Россия возвращала себе Южную Бессарабию и крепости Ардаган, Карс, Баязет и Батум в Закавказье.

Сан-Стефанский договор вызвал бурю возмущения не только в заинтересованных великих державах, но и в самих балканских государствах. Австро-Венгрия была возмущена нарушениями довоенных договоренностей с Россией, поскольку в лице Болгарии создавалось крупное славянское государство, а интересы Австро-Венгрии в Боснии и Герцеговине не получили никакого отражения. Англию совершенно не устраивало то обстоятельство, что через Болгарию Россия могла получить выход к Эгейскому морю и плацдарм для дальнейшего движения на Константинополь. Сербия чувствовала себя незаслуженно обойденной и протестовала против включения в Болгарию Македонии. Недовольными Сан-Стефанским договором были и греки, также претендовавшие на Македонию. Наконец, многих румынских политиков не устраивала передача России Южной Бессарабии. В результате Россия, истощившая свои силы в неожиданно тяжелой войне, решила избежать дальнейшей конфронтации с Англией и Австро-Венгрией и согласилась на проведение в июне 1878 г. в Берлине европейского конгресса — одного из последних отголосков «Венской системы».

По его итогам иначе регулировался болгарский вопрос: севернее Балканского хребта создавалось автономное княжество, связанное с Турцией уплатой дани; князь выбирался населением не из числа европейских правящих династий и утверждался Портой с согласия великих держав; к югу от Балканского хребта учреждалась провинция Восточная Румелия с губернатором из христиан, обладавшая административной автономией под властью султана. Греции было обещано получение части Эпира и Фессалии. Одним из самых важных и чреватых последствиями положений Берлинского трактата была статья 25, дававшая Австро-Венгрии право на неопределенный срок оккупировать Боснию и Герцеговину и содержать свои гарнизоны в разделявшем Сербию и Черногорию Ново-Базарском санджаке. Независимость и некоторые территориальные приращения получали Черногория и Сербия; Румыния также официально признавалась независимой, она уступала России Бессарабию и приобретала Добруджу. Россия присоединяла Ардаган, Карс и Батум.

Для Балкан Берлинский конгресс стал точкой отсчета для всего их последующего развития, вплоть до Балканских войн 1912–1913 гг. Несмотря на до-

стижение независимости, ни одно из балканских государств не было удовлетворено итогами кризиса. Территориальные противоречия и безудержный национализм постепенно превращали Балканы в «пороховой погреб Европы».

Парадоксальным образом из великих европейских держав едва ли не в главном проигрыше оказалась победившая Россия, которая, по выражению современника, «прибыла в Берлин, чтобы извиниться за свою победу». Общественное мнение России, которое активно подталкивало царя на войну, теперь чувствовало себя обманутым. Ответственным за неудачу считали Бисмарка, не отблагодарившего Россию ответной услугой за ее помощь в 1870 г.

Австро-Венгрия также могла себя поздравить разве что с тем, что кризис обошел стороной ее собственных славян и румын. В реальности Босния и Герцеговина стали «троянским конем», еще глубже вовлекшим Австро-Венгрию в балканские проблемы и, в конце концов, приведшим ее к полному краху.

Исход Восточного кризиса могли записать себе в актив лишь Англия, Германия и отчасти Франция. Англия в очередной раз не допустила полного краха Османской империи и предотвратила появление России на Босфоре. К тому же вырванное у Турции право на оккупацию Кипра предоставило в ее распоряжение важнейший опорный пункт в восточном Средиземноморье. Очередное обострение восточного вопроса благотворным образом сказалось на положении Германии: начало Восточного кризиса совпало с дипломатическим поражением в «военной тревоге» 1875 г.; в конце кризиса Бисмарк председательствовал на европейском ареопаге, осаждаемый просьбами о поддержке; проблема франко-германского антагонизма отошла на второй план.

Все это имело далеко идущие последствия для последующей расстановки сил в Европе. С отчуждением России от Германии и Австро-Венгрии на международной арене наметилась новая конфигурация сил, когда враждебность России подталкивала австрийских политиков к сближению с Берлином, а на место нового друга России все активнее претендовала Франция.

Система союзов Бисмарка до середины 80-х гг. XIX в. Если новое положение вещей на Балканах было закреплено совместными решениями всех заинтересованных сторон на Берлинском конгрессе, то изменения в остальной Европе по-прежнему определялись лишь результатами войн за объединение Италии и Германии, без какой бы то ни было общеевропейской санкции. Роль и место новых государств в Европе и — шире — проблема обеспечения стабильности системы в ту эпоху, когда «европейский концерт» практически прекратил свое существование, — вот что стояло на европейской повестке дня. В качестве решения этих проблем Бисмарк предложил нечто совершенно новое — создание системы долговременных союзов.

Речь шла о смене целых эпох в истории международных отношений: «Венская система» сменила международные отношения Старого порядка с их верой в естественный автоматизм равновесия, с их анархией и высокой степенью конфликтности; к последним десятилетиям XIX в. исчерпала себя и сама «Венская система» с ее антиреволюционной и антинациональной направленностью, с ее стремлением к консенсусу и коллективному действию. Внешнюю политику во все большей степени стал определять «священный эгоизм» национальных государств. Однако возвращения к анархии конкурирующих между собой государств не произошло, поскольку система получила новую международно-правовую и фактическую основу в лице долговременных союзов, начало которым положил Бисмарк.

С помощью системы союзов Бисмарк хотел не только изолировать Францию, но и обеспечить мир и стабильность в Европе, ведущее место в которой он отводил Германии. Следовало превратить Германию в самого желанного партнера прочих великих держав, поощряя и одновременно сдерживая их противо-

речия — России и Англии, России и Австро-Венгрии, Франции и Англии. Первый шаг по реализации этой концепции был сделан в 1879 г. путем заключения Двойственного австро-германского союза, дополнительным толчком к которому явилось ухудшение отношений обеих стран с Россией после Берлинского конгресса. Кроме того, союз с монархией Габсбургов означал и укрепление ее позиций на Балканах, а Бисмарк в рамках своей стратегии отвлечения великих держав от франко-германского конфликта считал необходимым, по собственному выражению, «держать восточный гнойник открытым». Это позволяло ему не только выступать в роли арбитра между занятыми на Балканах Австро-Венгрией и Россией, но и косвенным образом вовлекать в создаваемую им систему Англию, традиционно заинтересованную в противостоянии России в этом регионе. Наконец, третьим соображением, подтолкнувшим Бисмарка к заключению имевшего антирусскую направленность австро-германского союза, было, как это ни парадоксально, стремление привлечь Россию к союзу с Германией. Сближение с Россией являлось императивом внешней политики Бисмарка по двум основным соображениям: во-первых, он считал войну с ней губительной и бесперспективной, и, во-вторых, именно франко-русский союз казался ему наиболее опасной комбинацией для Германии. Союз с Австро-Венгрией должен был, по мысли Бисмарка, продемонстрировать России угрозу политической изоляции и заставить ее обратиться в Берлин.

Подписанный 7 октября 1879 г. австро-германский договор предусматривал, что в случае нападения России на одну из сторон другая выступит на помощь всеми вооруженными силами; если же одна сторона подвергнется нападению какой-либо иной державы, другая сторона будет соблюдать благожелательный нейтралитет; если нападающего поддержит Россия, то союзник придет на помощь. Договор заключался на 5 лет и впоследствии продлевался вплоть до Первой мировой войны.

Хотя договор имел очевидную антирусскую и антифранцузскую направленность, он носил в целом оборонительный характер, однако его значение простиралось гораздо шире. Объективно австро-германский союз положил начало новой эпохе раскола Европы на противостоящие блоки. Но для самого Бисмарка Двойственный союз мыслился как фундамент, на котором он начал возводить сложное здание европейских союзов.

Следующим шагом стал заключенный между Германией, Россией и Австро-Венгрией Союз трех императоров 1881 г., в действительности представлявший собой не союз, а пакт о нейтралитете, который стороны обязывались соблюдать в случае войны одной из них с четвертой державой, за исключением Турции. Все три страны обещали сохранять статус-кво и уважать интересы друг друга на Балканах. Договор провозглашал обязательность принципа закрытия проливов. По дополнительным протоколам, Австро-Венгрия получала право аннексировать Боснию и Герцеговину в любой подходящий для себя момент; допускалась возможность объединения Болгарии и Восточной Румелии.

По сути, договор представлял собой устраивающий всех компромисс. Фактически Австро-Венгрия приобретала преобладающее влияние на западе Балкан, а Россия — на востоке. Бисмарк же добился обеих своих целей — не дал приблизиться России к Франции и занял место своеобразного арбитра между Австро-Венгрией и Россией.

Если Союз трех императоров вовлек в орбиту влияния Германии Россию, то Тройственный союз 1882 г. — Италию. Несмотря на претензии Италии на все еще остававшиеся в руках Габсбургов земли с итальянским населением и австро-итальянские трения за западе Балкан, Бисмарку удалось подключить Италию к союзу Австро-Венгрии и Германии, использовав итало-французские ко-

лонияльные противоречия. В 1879—1881 гг. шло ожесточенное соперничество между Францией и Италией за концессии в Тунисе. Со своей стороны, Бисмарк видел в Тунисе в первую очередь возможность «отвратить взгляды Франции от Страсбурга и Меца». В январе 1879 г. он обратил внимание французского посла на то, что «тунисская груша созрела, и сейчас время ее проглотить», практически одновременно давая такие же советы итальянцам. В 1881 г. Франция оккупировала Тунис и, по сути, тем самым бросила Италию в объятия Бисмарка.

По условиям Тройственного союза, в случае неспровоцированного нападения Франции на Италию Германия и Австро-Венгрия должны были прийти ей на помощь со всеми своими силами; в случае нападения Франции на Германию помощь последней оказывала только Италия, а Австро-Венгрия сохраняла нейтралитет до момента вступления России в войну на стороне Франции. В случае войны одного из участников с иной великой державой (кроме Франции) два других обязывались соблюдать благожелательный нейтралитет; если же одна из договаривающихся сторон оказывалась вовлеченной в неспровоцированный военный конфликт с двумя великими державами, две другие предоставляли ей военную помощь. После подписания договора Австро-Венгрия и Германия приняли к сведению заявление Италии об ее отказе предоставлять военную помощь союзникам в случае войны с Англией — при протяженности итальянской береговой линии такая война сделала бы Италию чрезвычайно уязвимой.

В результате заключения Тройственного союза оба младших партнера Германии, Австро-Венгрия и Италия, могли быть удовлетворенными. Австро-Венгрия получала спокойный тыл в случае войны с Россией и надежду на смягчение ирредентистской угрозы. Италия вышла из состояния внешнеполитической изоляции, а признание ее «союзоспособности» укрепило ее престиж как великой державы. В выигрыше оказалась и Германия. Отныне Франция имела на своих юго-восточных границах враждебное себе государство.

В целом Союз трех императоров и Тройственный союз составили ядро системы Бисмарка. Германия оказалась в центре двойной системы союзов, которые пересекались и даже противоречили друг другу. С одной стороны, это Союз трех императоров с его ошутимой антианглийской тенденцией, с другой — Двойственный и Тройственный союзы антирусской и антифранцузской направленности, заключенные при молчаливом одобрении Англии. Все эти союзы, несмотря на то, что в их текстах говорилось о военных обязательствах, в реальности не готовили войну, а предотвращали ее, поскольку смысл каждого из них состоял в сохранении статус-кво и сдерживании динамики великих держав: Двойственный союз сдерживал Россию, Тройственный — Францию, Союз трех императоров — Англию и Австро-Венгрию. Благодаря наличию противоречий между своими партнерами в каждом из союзов Бисмарк не столько сотрудничал, сколько контролировал их, обеспечивая Германии, по сути, полугегемониальное положение в континентальной Европе. К тому же Германия получила косвенный контроль над политикой балканских государств через союзные договоры Австро-Венгрии с Сербией (1881 г.) и Румынией (1883 г.).

Кризисы 80-х гг. и отставка Бисмарка. Тщательно выстроенная система союзов потребовала модификации в связи с двумя кризисами, почти одновременно вспыхнувшими на Западе и на Востоке. В 1885—1887 гг. произошел болгарский кризис, завершившийся фактическим объединением созданных Берлинским конгрессом «двух Болгарий». В Болгарии укрепилось австрийское влияние, в отношениях же с Россией началось «время разрыва». В то же самое время «буланжистский кризис» 1886—1887 г., связанный с реваншистским курсом французского военного министра Ж. Буланже, вновь поставил Францию и Германию на грань войны.

Чрезвычайно опасное для европейского мира сочетание кризисов на Рейне и на Дунае не привело к войне прежде всего потому, что Бисмарку удалось разрядить кризисную ситуацию. На Западе соединением давления и быстрых уступок он сдержал французский реваншизм; на Востоке он оказал поддержку России и, главное, охладил Австро-Венгрию, которая, чувствуя за собой германский тыл, своей активностью создала угрозу войны на Балканах.

Несмотря на благополучное разрешение, непосредственным результатом кризисов явилось общее ухудшение политического климата в Европе. На Балканах были посеяны семена будущих противоречий между едва появившейся на политической карте Болгарией и Сербией, а также между Болгарией и Грецией. Наиболее значимым и чреватым последствиями изменением стал крах Союза трех императоров — после болгарских событий дальнейшее австро-русское сотрудничество оказалось невозможным. В результате в 1887 г. Россия и Германия подписали так называемый «договор о перестраховке», обязывавший их соблюдать нейтралитет в случае войны одной из них с третьей страной, кроме Франции и Австро-Венгрии; признавались «исторические права» России на Балканском полуострове и особенно ее влияние в Болгарии; не допускались территориальные изменения на Балканах без предварительного согласования между собой; предусматривалась поддержка Германией России в вопросе проливов.

Несмотря на кажущиеся значительные уступки России, договор не столько поощрял ее внешнеполитическую активность, сколько сдерживал ее. Договор восстанавливал русско-германскую связь, которую Бисмарк считал вопросом существования Германии; препятствовал сближению Петербурга и Парижа; избавлял Германию от слишком тесной привязанности к Австро-Венгрии. С другой стороны, он должен был предотвратить всякое нападение России на Австро-Венгрию. Обещания же поддержки России в Болгарии и проливах служили средством завлечь ее, говоря словами Бисмарка, в «восточный тупик». Всякое продвижение России к проливам было, по мнению германского канцлера, бесперспективным, поскольку немедленно встречало бы противодействие Англии и Австро-Венгрии. Более того, Бисмарк постарался обеспечить это противодействие с помощью так называемой Средиземноморской Антанты 1887 г., объединившей Англию, Италию и Австро-Венгрию общей целью сохранения статус-кво в бассейне Средиземного моря, включая черноморские проливы.

Условия Средиземноморской Антанты и Тройственного союза, с одной стороны, и «договора о перестраховке», с другой, очевидно противоречили друг другу: если смыслом первых было сохранение статус-кво, в частности, на Балканах, то второй поощрял Россию к его изменению. Это была именно та ситуация, к которой стремился Бисмарк.

В 80-е гг. Россия проводила на Балканах оборонительную политику, а Англия также сосредоточивалась скорее не на них, а на своих колониальных интересах. Между тем для Бисмарка было важно сохранить англо-русские противоречия, потому что в противном случае Англия политически еще больше отдалась бы от континента, Россия перестала бы в такой степени нуждаться в помощи Германии, и возникла бы реальная угроза ее союзу с Францией. Поэтому Бисмарк поддерживал политику России на Балканах, но одновременно сдерживал ее союзами.

Во многом в этом заключалась суть стратегии Бисмарка: он сдерживал противоречия — но для этого они должны были продолжаться существовать. Он поддерживал напряжение между Англией и Россией, между Россией и Австро-Венгрией — и одновременно разряжал его, обеспечивая Германии значительную долю независимости.

Однако принципиальная проблема системы Бисмарка состояла в том, что великие державы не были просто орудиями в его руках, они развивались, их ин-

тересы менялись и все труднее укладывались в ограничивающие рамки союзов. К тому же в Берлине все громче заявляли о себе иные взгляды на внешнюю политику. Новый кайзер Германии Вильгельм II (1888—1918) видел в сближении с Англией альтернативу курсу Бисмарка на сотрудничество с Россией. 18 марта 1890 г. Бисмарк был вынужден уйти в отставку.

Русско-французский союз и «мировая политика» 1890—1904 гг. Еще в середине 80-х гг. русско-французский союз казался маловероятным: русско-французские экономические связи были относительно слабыми; идеологически Франция подчеркнуто выступала как антипод «деспотической России» и играла роль главного защитника «польской свободы»; возглавляемая Францией «крымская коалиция» была еще свежа в памяти. Однако в 1887—1889 гг. происходит перемещение русского рынка ценных бумаг из Берлина в Париж. Само по себе укрепление экономических связей способствовало сближению между Россией и Францией, но не являлось достаточным для возникновения союза. В июне 1890 г. истек срок «договора о перестраховке», и Россия, несмотря на уже полученный первый французский заем, по-прежнему стремилась к его продлению. Отставка Бисмарка все изменила — в Берлине заявили, что не намерены продлевать русско-германский договор. В этих условиях сближение с Францией представляло собой единственно возможную и потому во многом вынужденную меру.

Заинтересованность России в союзе заключалась в том, чтобы гарантировать себя от изоляции и обеспечить спокойный тыл в Европе, необходимый для осуществления активной политики на Дальнем Востоке, вышедшей к этому времени на первый план. В Париже видели смысл сближения в военном сотрудничестве с ярко выраженной антигерманской основой. В 1891 г. было подписано политическое соглашение о консультациях «по каждому вопросу, способному угрожать всеобщему миру». Спустя год соглашение дополнилось военной конвенцией: Россия должна была задействовать все возможные войска для нападения на Германию в случае, если Франция подвергнется нападению Германии или Италии, поддержанной Германией; аналогичным образом должна была поступить Франция в случае нападения на Россию Германии или Австрии, поддержанной Германией; в случае мобилизации войск Тройственного союза или одной из входящих в него держав Россия и Франция немедленно мобилизуют все свои силы и двинут их к своим границам.

На первый взгляд конвенция представляла собой победу точки зрения Франции, согласно которой Россия должна была выступить против Германии вне зависимости от того, поддержит ее Австро-Венгрия или нет, одновременно позволяя французам не ввязываться в войну России против Австро-Венгрии, если последнюю не поддержит Германия. Однако само обязательство мобилизоваться фактически было равносильно обязательству вступить в войну, поскольку в условиях конца XIX в. успех или поражение в ней во многом определялись скоростью мобилизации. Таким образом, будучи в первую очередь направленным против Германии, русско-французский союз содержал в себе механизм превращения любой войны союзников против Германии или Австро-Венгрии в европейскую.

Формально вступивший в силу после ратификации Россией и Францией в декабре 1893 г., франко-русский союз представлял собой значительную веху в истории международных отношений. Вслед за Тройственным русско-французский союз был также заключен в мирное время и как совершенно осознанный антипод Тройственному союзу. Показательно — и беспрецедентно — формулировался срок действия русско-французской военной конвенции: «В течение того же срока, что и Тройственный союз». Сам факт очевидного противостояния двух цен-

тров создавал новую среду, в которой предстояло прожить поколению до начала Первой мировой войны и которая определяющим образом влияла на деятельность политиков, состояние общественного мнения, стратегическое планирование.

Все эти тенденции еще больше укрепились в связи с зарождением англо-германского антагонизма, который возник под воздействием поворота Германии к «мировой политике», совершившегося во второй половине 90-х гг.: в осознанном противопоставлении к проводившейся Бисмарком «континентальной политике», т.е. подчеркнутому сосредоточению исключительно на европейских делах, Вильгельм II и его окружение настаивали на том, что интересы Германии распространяются на весь земной шар и она отныне желает быть «мировой державой». Тем самым Германия заявляла о своем намерении подвергнуть ревизии существовавший за океанами порядок вещей, вступала на курс конфронтации с главными европейскими колониальными державами — Англией и Францией.

Следствием нового германского курса стало усиленное военно-морское строительство, поскольку флот мыслился в Берлине как важнейшая предпосылка «мировой политики». Прежние военно-морские планы исходили из представления о Германии как о преимущественно сухопутной державе, обладавшей флотом по преимуществу для обороны собственных берегов. Новый глава морского ведомства А. Тирпиц предложил создание качественного нового флота, который должен был вывести Германию на просторы Мирового океана. Весной 1898 г. рейхстаг принял первый морской закон, по которому, с одной стороны, почти в пять раз увеличивалось количество крейсеров как главной морской силы в колониальных операциях, с другой — строились тяжелые суда, броненосцы и линкоры, чьей задачей была не только оборона собственных берегов, но и нападение. Второй морской закон 1900 г. ставил целью достижение по кораблям соотношения 2:3 с английским флотом. Гонка морских вооружений еще более усилилась после появления в 1906 г. нового класса линкоров — «дредноутов», своей мощью в значительной степени обесценивших прежние броненосцы. Теперь военно-морское соперничество измерялось в «дредноутах».

Для Англии переход Германии к «мировой политике» и особенно германская морская программа означали серьезный вызов. Сосредоточение мощного германского флота в Северном море прямо напротив английских берегов представляло собой прямую угрозу безопасности страны; одновременно возникала угроза даже не отдельным британским колониям, а самому имперскому положению Англии, основанному на беспрепятственных колониальных и торговых связях.

Восточный вопрос на рубеже XIX—XX вв. В развитии восточного вопроса в 90-е гг. XIX в. произошли некоторые изменения. Во-первых, он не занимал прежнего первостепенного места во внешней политике европейских держав, приоритеты которых в это время смещаются в Африку и на Дальний Восток. Во-вторых, в нем существенно усилился экономический фактор наряду с традиционно важными национальным и стратегическим. К концу XIX в. экономика Османской империи попала под почти полный контроль европейских держав. Ярче всего эта зависимость проявилась в деятельности созданной Мухаремским эдиктом 1881 г. «Администрации оттоманского общественного долга», состоявшей из экспертов семи европейских стран, взявших на себя управление турецкими долгами.

Политика отдельных государств в восточном вопросе также претерпела значительные изменения. Сместив свои приоритеты на Дальний Восток, тактики сохранения Турции и в целом статус-кво на Балканах придерживалась Россия. Балканская активность Австро-Венгрии на рубеже XIX—XX вв. была скована внутренними национальными проблемами. Внимание Англии сосредоточивалось на более острых проблемах — войне с бурами, противоречиях с Францией

в Африке и с Россией — на Дальнем Востоке. Кроме того, Балканы как таковые все больше уступали Египту — как стратегически, поскольку в защите путей в Индию главную роль английские политики отводили уже не столько Дарданеллам, сколько Суэцкому каналу, так и экономически — к 1914 г. английские инвестиции в Египте составили 45 млн фунтов против 24 млн в Турцию. Франция как основной кредитор Турции не хотела, как выразился министр иностранных дел Г. Аното, «подвергать опасности треснувшее здание» Османской империи.

С 90-х гг. и далее отчетливо начинает заявлять о себе еще один важный фактор восточного вопроса — все более самостоятельная политика самих балканских государств. В результате переворота 1903 г. и прихода к власти династии Карагеоргиевичей Сербия окончательно повернулась от Австро-Венгрии к России. В 1895—1896 гг. завершилось и «время разрыва» в русско-болгарских отношениях. Общим в положении балканских государств было то, что они становились в большей степени независимыми в проведении внешней политики, чем в предшествовавшие десятилетия.

Сама же Османская империя в 90-е гг. XIX в. переживала очередной кризис в связи с восстанием на Крите и греко-турецкой войной 1897 г., а также из-за ситуации в Македонии с ее этнически пестрым населением, представлявшей собой арену не прекращавшейся борьбы христиан с турками и между собой.

Если ситуации на Крите, получившем автономию, разрядилась в результате коллективного вмешательства всех великих держав, то македонский вопрос стал той почвой, на которой на рубеже XIX—XX вв. начало происходить сближение между Россией и Австро-Венгрией, равно заинтересованных в сохранении здесь статус-кво. В 1903 г. они подписали Мюрцштегское соглашение о программе реформ в Македонии.

Кризисные очаги на Балканах удалось таким образом погасить, однако общая пассивность традиционно заинтересованных в восточном вопросе Англии, Австро-Венгрии и России создала благоприятные условия для проникновения на Балканы Германии. В 80-е гг. Германия начинает оказывать помощь Турции в реорганизации ее армии. Стратегия немцев заключалась в «мирном проникновении» в Турцию, в усилении своего экономического, политического и культурного влияния. Главным успехом подобной политики стало получение в 1899—1903 гг. концессии на строительство Багдадской железной дороги, посредством которой немцы надеялись открыть азиатские рынки для своих промышленных товаров. Колоссальным было также и стратегическое значение железной дороги. В случае ее успешного доведения до Багдада и Басры немецкие экономические, политические и военные интересы могли быть представлены там, где они прежде были непредставимыми — в Междуречье, на границах Персии, на подступах к Закавказью, на пороге Индийского океана.

Вдохновлявшая немцев перспектива загрузить немецкие товары (а в случае необходимости — и солдат) в Берлине и выгрузить их на берегах Евфрата вызвала в Лондоне и Петербурге противоположные чувства. В целом Багдадская железная дорога, угрожавшая английской торговле и приводившая немцев почти к границам Индии, стала еще одним важным источником англо-германского антагонизма.

Европейская система союзов в начале XX в. Нарастание противоречий отдельных стран с Германией лежало в основе тех изменений, которые претерпела европейская система союзов: во-первых, в качестве антипода и противовеса Тройственному союзу появился второй блок — Сердечное согласие, или Антанты; во-вторых, неуклонно росла военная составляющая союзов в ущерб политической.

Рост англо-германских противоречий, с одной стороны, и ослабление традиционного англо-французского соперничества в колониальных вопросах —

с другой, сделали возможным установление тесной политической связи между Англией и Францией.

4 апреля 1904 г. было подписано англо-французское соглашение, положившее начало складыванию Антанты. Франция отказалась от монопольных прав на рыболовство у берегов Ньюфаундленда, получила свободу плавания по р. Гамбия и территориальные уступки в Нигерии. Декларация о Сиаме разделяла его на две части — английскую западную и французскую восточную. Важнейшей частью соглашения была декларация о Египте и Марокко, признававшая их зоной исключительного влияния, соответственно, Англии и Франции. Однако области вокруг Мелильи и Сеуты, лежащие на марокканском берегу Гибралтарского пролива, должны были перейти к Испании. Отдавая тем самым французские марокканские владения от Гибралтара, Англия сохраняла контроль над «ключом к Средиземному морю».

Являясь по форме колониальным соглашением, англо-французский договор по сути означал создание так называемой Антанты. Термином Антанта («соглашение» — фр.) с середины XIX в. обычно обозначали дружественные отношения между странами, которые не были связаны либо были связаны лишь частично официальными договорными обязательствами.

В Тройственном союзе наиболее существенным являлось изменение положения Италии. Итальянские экономические круги выступали за сближение с Францией, страдая от ее таможенных ограничений и испытывая необходимость в займах. Решающим же условием для сближения вновь оказался раздел сфер влияния в колониях — по договору 1900 г. Италия признала за Францией преимущественные права на Марокко, а Франция — итальянские права на Триполитанию. В июне 1902 г. итальянцами был в очередной раз продлен договор о Тройственном союзе. Однако не успели высохнуть его чернила, как Франция и Италия подписали секретный договор, по которому в случае франко-германской войны Италия сохраняла нейтралитет, даже если Франция, будучи косвенно спровоцированной, сама нападет на Германию.

Важным событием в развитии союзов и международной ситуации в целом стал первый Марокканский кризис 1905 г. Заручившись поддержкой своих интересов в Марокко со стороны Англии и Италии, Франция начала стремиться к овладению им. В 1905 г. она попыталась навязать марокканскому султану требования, реализация которых постепенно превратила бы страну во французский протекторат. Это вызвало сильное недовольство Германии. Марокко являлось одной из последних не поделенных территорий в Африке, и Германия старалась не допустить того, чтобы его судьба решилась без ее участия. Военные шли еще дальше и предлагали спровоцировать кризис, чтобы, воспользовавшись слабостью России из-за русско-японской войны, разгромить Францию в превентивной войне. Политическое же руководство Германии стремилось ослабить только что созданную Антанту, показав Франции, что Англия не окажет ей достаточной помощи. Одновременно Берлин предпринял попытки сближения с Россией на антианглийской основе. Однако подписанный двумя императорами Бьеркского договора 1905 г. о взаимной поддержке в случае нападения третьей европейской державы так и не вступил в силу.

Марокканский кризис завершился Альхесирасской конференцией 1906 г., по решениям которой формально провозглашались принцип «открытых дверей» в Марокко и независимость страны. Однако, несмотря на внешний успех, Марокканский кризис явился дипломатическим поражением для Германии, поскольку ей не удалось выполнить главной задачи — ослабить англо-французскую Антанту и оторвать Россию от Франции. В свою очередь, неудача попытки сближения с Германией подтолкнула Россию к Англии.

Заключение англо-русского соглашения 1907 г. стало одним из самых радикальных поворотов в развитии международных отношений накануне Первой мировой войны. Традиционно английские интересы сталкивались с русскими в трех основных регионах — в черноморских проливах, в Центральной Азии и на Дальнем Востоке. К началу XX в., как уже отмечалось, Балканы потеряли для Лондона прежнее первостепенное значение. Англо-русские противоречия на Дальнем Востоке, наиболее острые и болезненные, были разрешены японскими руками. Оставалось лишь урегулировать противоречия в Центральной Азии. Эта задача облегчалась новым поворотом в российской внешней политике — неудача на Дальнем Востоке заставила вернуться на Балканы. Подобно тому, как активизация на азиатском направлении вынудила Россию временно примириться со своим главным балканским противником, Австро-Венгрией, так перемещение приоритетов в Европу подталкивало к примирению с главным соперником в Азии — Англией. Важным побудительным мотивом к сближению и для Англии, и для России выступали их отношения с Германией. В первом случае, подогреваемые гонкой морских вооружений, они становились все более враждебными, в то время как Россия сталкивалась с «мстостью» Германии за неудачу Бьеркского договора, как, например, при заключении торгового договора в 1905—1906 гг., когда, пользуясь слабостью России после революции и войны, немцы навязали ей невыгодные условия.

18 августа 1907 г. было подписано англо-русское соглашение по делам Ирана, Афганистана и Тибета. Зоной английских интересов признавался Юго-Восточный Иран, Россия получила преимущественные права в Северном Иране, а зона между ними объявлялась нейтральной. Подобное разделение в целом соответствовало действительному положению России и Англии в Иране и устраивало обе стороны. В отношении Афганистана российской дипломатии пришлось пойти на серьезные уступки: почти полвека оспариваемый Россией и Англией, он отныне признавался сферой исключительного английского влияния. Касательно Тибета был достигнут компромисс: объявлялась неприкосновенность его территории, уважение суверенитета Китая в отношении Тибета и невмешательство в его дела.

Соглашение 1907 г. привело к складыванию Тройственного соглашения, или Антанты Англии, России и Франции — важнейшему событию в международных отношениях накануне Первой мировой войны.

Европа на пути к войне 1907—1914 гг. В обострении международной ситуации накануне войны значительную роль сыграла гонка вооружений небывалых ранее масштабов. Материальную основу гонки вооружения составили успехи промышленной революции и огромный демографический рост, сделавшие возможным содержание и перемещение миллионных армий.

Характерной чертой международных отношений накануне Первой мировой войны было возрастание влияния на политические решения военных. Специфика современной войны как войны массовых армий, новых возможностей транспорта и качественно новых вооружений привела к феномену долгосрочного и тщательного планирования военных действий. Особенно заметным влияние военных становилось в моменты международных кризисов, почти непрерывной цепью продолжавшихся вплоть до войны.

Важным звеном этой цепи явился Боснийский кризис 1908—1909 гг. Возвращение России на Балканы привело к росту напряженности в ее отношениях с Австро-Венгрией. Однако главным очагом напряженности на Балканах были взаимоотношения Австро-Венгрии и Сербии. На антиавстрийский курс, взятый Сербией после 1903 г., Австро-Венгрия ответила «свиной войной» — попыткой вернуть Сербию в кильватер своей политики с помощью фактической экономической блокады страны, поставившей львиную долю сельскохозяйственной продукции, главным образом, на австрийский рынок.

В свете австро-сербского противостояния особое значение приобретала проблема Боснии и Герцеговины. Оккупированные австрийцами еще в 1878 г., эти турецкие провинции не были формально включены в состав Австро-Венгрии из-за сопротивления венгров, опасавшихся нарушения баланса между западной и восточной половинами империи Габсбургов, а также в связи с нежеланием политиков в обеих половинах империи увеличивать удельный вес ее югославянского населения. Однако после выхода Сербии из-под австрийского влияния ситуация в корне переменялась. Босния и Герцеговина были одной из главных целей сербского правительства, достижение которой привело бы к образованию крупного югославянского государства, граничившего с югославянскими провинциями Австро-Венгрии. В этих условиях в Вене решили предпочесть меньшее зло большему и аннексировать Боснию и Герцеговину.

Дополнительным толчком к обострению ситуации на Балканах стала младотурецкая революция лета 1908 г., отрешившая от власти султана Абдул Гамида. Возникли опасения, что внутренний кризис Турции может послужить сигналом для национальных движений балканских народов с непредсказуемыми последствиями. С другой стороны, младотурки заявляли о необходимости вернуть Боснию и Герцеговину в состав турецкого государства. В этих условиях Австро-Венгрия и Россия, две самые заинтересованные стороны, решили договориться между собой для обеспечения своих интересов. На встрече с австрийским министром иностранных дел А. Эренталем в сентябре 1908 г. русский министр иностранных дел А.П. Извольский согласился на аннексию Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины в обмен на обещание поддержать «русскую формулу» режима проливов — свободный проход военных судов России и других причерноморских стран.

7 октября 1908 г. Австро-Венгрия объявила об аннексии Боснии и Герцеговины, ставшей полной неожиданностью для Извольского, который надеялся на то, что Австро-Венгрия и Россия заявят о своих претензиях одновременно. Сербия выступила с протестом, начала подготовку к военным действиям и обратилась за помощью к России. Собственная слабость и неготовность союзников идти на войну с Германией вынудили Россию признать аннексию; под австрийским давлением это сделала и Сербия. Кризис закончился, однако его последствия были весьма значительными.

Монархии Габсбургов за внешний успех в Боснийском кризисе пришлось заплатить высокую цену — цену непримиримой вражды Сербии, обострения югославянского вопроса внутри Австро-Венгрии и необратимого ухудшения отношений с Россией. Другим последствием стала внутренняя консолидация блока. Германия заверила Австро-Венгрию в своей поддержке даже в том случае, если та нападет на Сербию и это вызовет вмешательство России. Подобное изменение противоречило духу и букве австро-германского союза 1879 г. и явилось точным предвосхищением событий июльского кризиса 1914 г. Еще одним последствием Боснийского кризиса явился очередной шаг Италии по направлению к Антанте. Возмущенная аннексией Боснии и Герцеговины Италия, сама претендовавшая на западные Балканы, подписала с Россией в 1909 г. соглашение в Ракониджи о совместном противодействии Австро-Венгрии на Балканском полуострове.

Отчасти схожим по последствиям стал Агадирский, или второй Марокканский кризис. В июле 1911 г. Германия направила в марокканский порт Агадир канонерскую лодку «Пантера», чтобы выторговать себе компенсации за некоторые нарушения Францией Альхесирасских соглашений. И вновь ожидания Германии на сдержанную позицию Великобритании и ослабление Антанты оказались обманутыми. Англичане ни в коем случае не хотели допустить появ-

ления немцев по соседству с Гибралтаром и лишиться союзника в лице Франции. В итоге был подписан договор, по которому Германия согласилась с провозглашением протектората Франции над Марокко в обмен на уступку ей приграничных Камеруну участков Французского Конго.

Кризис подтолкнул гонку вооружений и военное сотрудничество отдельных блоков. Его непосредственным результатом стало военное-морское соглашение 1912 г. между Францией и Англией, согласно которому английский средиземноморский флот перебазировался в Северное море, к германским берегам, а защиту английских интересов в Средиземном море брали на себя французы. Агадирский кризис положил начало новому обострению международной ситуации в бассейне Средиземного моря, главным действующим лицом в котором выступила Италия.

Расположение Италии фактически между двумя блоками предопределило успех ее попытки захватить лежащие напротив итальянских берегов по ту сторону Средиземного моря Триполитанию и Киренаику, находившиеся под сюзеренитетом турецкого султана: страны Антанты поддержали Италию, стремясь в ее лице приобрести нового союзника, а Германия и Австро-Венгрия — надеясь не потерять старого. Результатом итало-турецкой войны 1911—1912 гг. было не только приобретение Италией новых колоний, но и следующий виток кризисов, эпицентром которых вновь стали Балканы.

Воспользовавшись ослаблением Османской империи, Сербия, Черногория, Болгария и Греция организовали между собой союз и в 1912 г. развязали против нее Первую балканскую войну с целью раздела между собой турецких территорий. По Лондонскому договору 30 мая 1913 г. Османская империя лишилась всех своих европейских владений севернее линии Эннос — Мидия, а также о. Крита, который передавался Греции. Пятивековая история турецкого преобладания на Балканах закончилась, однако практически каждый из победителей чувствовал себя обделенным в дележе добычи. В итоге Болгария в июне 1913 г. напала на Сербию и Грецию, развязав, таким образом, Вторую балканскую войну. В июле в войну против Болгарии вступила Румыния; более того, воспользовавшись ситуацией, в тыл болгарам ударила только что побежденная Турция. Болгария срочно запросила мира.

10 августа 1913 г. был подписан Бухарестский мир Болгарии с Сербией, Грецией, Черногорией и Румынией. Болгария потеряла почти все приобретения в Македонии по предыдущей войне. Сербия получила северную и центральную часть Македонии, а Греция — южную с портом Салоники. В пользу Румынии от Болгарии отторгалась Южная Добруджа. В конце сентября 1913 г. Болгария подписала Константинопольский мир с Турцией, по которому та вернула себе Восточную Фракию с Адрианополем.

Балканские войны привели к коренному изменению ситуации в регионе. Сербия, увеличив свою территорию почти в два раза, заявила о себе как о региональном лидере и с тем большей настойчивостью выдвигала претензии на роль объединителя югославянских земель. Болгария превратилась в главную ревизионистскую страну региона и в потенциальную союзницу государств австро-германского блока.

Значение цепочки кризисов, предшествовавших Первой мировой войне, было весьма велико. Каждый предыдущий кризис уменьшал шансы на успешное разрешение следующего, создавая тяжелый международный климат, возбуждая националистическое общественное мнение, подстегивая гонку вооружения, позволяя генералам говорить громче дипломатов и, что особенно важно, укрепляя противостоящие блоки. В итоге выхода из июльского кризиса 1914 г. найти уже не удалось.

Характерные черты колониальной экспансии в 80—90-е гг. XIX в. С 1881—1882 гг., с захвата Францией Туниса и Англией Египта, начался новый период в истории европейского колониализма. За два последних десятилетия XIX в. колониальная экспансия ведущих европейских государств испытала огромный рост, который был связан с изменившимся весом колониальных интересов в их внешней политике.

С одной стороны, как и в прежние времена, речь шла о стремлении к конкретным экономическим выгодам — золото и алмазы Южной Африки, кофе и каучук Южной Америки, защита интересов европейских держателей акций в Египте и т.д. С другой стороны, в связи с промышленным развитием гораздо более острой стала нужда в рынках сырья, спрос на которое из-за появления новых отраслей отныне был к тому же более разнообразным. Рост производства требовал и увеличения рынков сбыта. Проблему сбыта, до завершения промышленной революции никогда не стоявшую так остро, наглядно продемонстрировала «великая депрессия», начавшаяся в 1873 г. и продлившаяся до середины 90-х. Во-первых, затоваренные вследствие кризиса склады толкали к лихорадочному поиску новых рынков за океаном. Во-вторых, стремясь защитить свои собственные рынки, европейские государства с конца 70-х гг. одно за другим переходят к протекционизму. Возникшие в связи с этим трудности со сбытом своих товаров в других странах опять-таки заставили искать новые рынки в колониях.

В значительной мере усилению колониальной активности способствовал тот факт, что к концу XIX в. стали видны ее пределы. Свободного пространства за океаном оставалось все меньше, политики в самых разных странах стремились опередить конкурентов, панически боясь не успеть. Резко возросшая в этих условиях конкуренция сама по себе являлась мощнейшим мотором колониальной экспансии.

Эта конкуренция еще более усиливалась благодаря широкому распространению в обществе идей социал-дарвинизма и национализма, представлений о том, что захваты колоний являются важнейшей частью «борьбы за существование» отдельных наций.

К усилению колониальной активности побуждали и особенности демографического и социального развития. Достигнутый к концу XIX в. пик демографического роста в ряде европейских стран поставил проблему избыточного населения и вызвал к жизни мальтузианские страхи, опасения, что скоро станет ощущаться нехватка продовольствия. Выход в этих условиях многими виделся в создании переселенческих колоний за океаном. На фоне усиления к концу века социальных противоречий, роста рабочего и социалистического движения в ряде стран возникло течение так называемого «социального империализма», ожидавшего от колониальной активности прежде всего решения социальных проблем.

Важной технической предпосылкой для роста колониальной экспансии были успехи науки, особенно связи, кораблестроительной техники и вооружения. Винт вместо колеса и меньшая осадка пароходов обеспечили продвижение дальше по рекам, что способствовало перенесению колониальной активности европейцев вглубь осваиваемых территорий. Прогресс вооружений и, в частности, появление пулеметов позволяли сломить любое, даже самое ожесточенное сопротивление местных народов.

В целом активизация колониальной политики приводила к существенным сдвигам в международной ситуации. Изменялось само представление о статусе

се великой державы — отныне действительно великой могла считаться только та держава, которая обладала колониями. Само положение держав в Европе отчасти определялось через их положение в колониальном мире.

Менялись и формы колониального господства. До начала 80-х гг. простиралась эпоха так называемого «неформального империализма», т.е. косвенного и в первую очередь экономического контроля над заокеанскими территориями, в частности, с помощью торговых договоров, что вполне соответствовало преобладавшей тогда доктрине свободной торговли. Напротив, в новую эпоху стремлению развитых государств с помощью протекционизма защитить свой внутренний рынок соответствовало желание огородить свои внешние рынки в колониях путем перехода к «формальному империализму», т.е. устанавливая прямой политический и военный контроль.

На рубеже веков продолжали существовать три основных типа колониального господства: прямой политический контроль (Индия, некоторые африканские колонии), косвенный (Египет), а также создание полукolonий, сохранявших свою самостоятельность прежде всего благодаря проникновению в них двух (Иран) или нескольких конкурентов (Китай, Османская империя). Иногда, наоборот, самостоятельность сохранялась в силу слабости конкурентов. Например, ощущая способность справиться с европейской конкуренцией, США, за редким исключением, не чувствовали потребности переходить к прямым формам контроля над странами Латинской Америки.

Особенности колониальной политики ведущих держав. В английском колониализме особенно сильными были экономические и стратегические мотивы. К началу XX в. колонии потребляли 38% английского экспорта, и к этому же времени в английских руках оказались, по выражению главы военно-морского ведомства адмирала Фишера, «пять стратегических ключей, на которые замыкается земной шар Дувр, Гибралтар, мыс Доброй Надежды, Александрия и Сингапур». Важнейшей колонией Англии по-прежнему оставалась Индия, фигурировавшая одновременно как широкий рынок сырья и сбыта, а также как основа английской сухопутной армии. Белые колонии постепенно получали больше прав самоуправления, становясь, таким образом, доминионами (от лат. *dominium* — владение): в 1867 г. — Канада, в 1901 г. — Австралия, в 1907 г. — Новая Зеландия.

Франция, некогда главная колониальная соперница Англии, к началу 80-х гг. XIX в. по площади колониальных владений уступала ей в четырнадцать раз. Однако именно с этого времени началось быстрое возрождение французской колониальной империи с ее двумя основными центрами тяжести в Африке и в Юго-Восточной Азии. Огромную роль во французской колониальной экспансии сыграло поражение во франко-германской войне (1870—1871 гг.), которое сказалось двояким образом. С одной стороны, всегда чувствуя за своей спиной Германию, Франция никогда не была так свободна в осуществлении колониальной экспансии, как та же Англия. Это обстоятельство привело к отсутствию внутреннего консенсуса по вопросам колониальной стратегии. Значительная часть политиков и общественности считали ее «предательством национального дела», поскольку она отвлекала от «священной задачи» возвращения Эльзаса и Лотарингии. С другой стороны, унижающее поражение во франко-германской войне нанесло сильнейший удар национальному престижу — и именно колониальная политика стала главным средством его восстановления. Особую роль при этом играли и разного рода идеологические мотивы, согласно которым Франция несла в джунгли и пустыни других материков свет цивилизации и свободы. Один из главных колонизаторов Африки П.С. де Бразза говорил о французском триколоре: «Везде, где вы видите это знамя, рабы получают сво-

буду». Экономические выгоды от обладания колониями во французском случае, напротив, были весьма скромными. На рубеже XIX—XX вв. доля колоний составляла лишь 9,8% французского экспорта и 7,8% импорта.

Многие особенности германской колониальной политики вытекали из того факта, что она началась очень поздно. Поскольку в отличие от других европейских стран, в Германии не было вековых колониальных традиций и серьезной экономической заинтересованности в колониях, огромную роль в приобретении Германией к заокеанской активности сыграла колониальная пропаганда отдельных публицистов, а также деятельность специальных обществ, наиболее крупным из которых было «Германское колониальное общество» (1887). Первая фаза германской колониальной политики началась в середине 80-х гг. при Бисмарке и продлилась недолго. Создание им первых германских колоний в Африке было подчинено задачам европейской политики и рассматривалось Бисмарком главным образом как средство давления на Англию. Однако последствия его шага оказались огромными — у Германии появились колониальные интересы. Вместе с тем в разительном контрасте с громкими требованиями «места под солнцем» колонии в экономическом смысле были скорее обузой: в 1913 г. из требовавшихся на их содержание 150 млн марок лишь треть покрывалась их собственными доходами. В военном и стратегическом отношении они также не оправдали надежд: в отличие от английских и французских, германские колонии не стали ни важными опорными пунктами, ни источником для создания колониальной армии.

Колониальная стратегия Англии, Франции и Германии содержала в себе все те элементы, которые присутствовали в политике других стран, хотя и в разных пропорциях. Так, американская колониальная политика находилась в очевидном родстве с английской благодаря особому весу в ней экономических и стратегических факторов; подобными же мотивами объяснялось движение России на Дальний Восток; для Италии, как и для Германии, особое значение имел внешнеполитический престиж.

Несмотря на всю свою ожесточенность, колониальное соперничество в конце XIX — начале XX в. далеко не всегда приводило к прямым конфликтам. Предпринимались и попытки предотвратить возможные конфликты, установив некоторые общие принципы колониальной активности. В частности, Берлинская конференция по Конго (1884—1885 г.) заявила о принципе так называемой «эффективной оккупации» как условии международного признания приобретения новой колонии: она считается приобретенной лишь в том случае, если европейская страна не только официально заявит об этом, но и осуществляет в ней управление.

К рубежу веков, когда на карте почти не осталось неподеленных участков и сфер влияния, колониальное соперничество значительно обострилось. С этого момента существовали лишь два пути получения колоний мирным путем — либо коллективный раздел, как в Китае в 1897—1898 гг., либо приобретение колонии одной державой с согласия всех остальных. Едва ли не единственной иллюстрацией последней возможности служит приобретение Италией Ливии в 1911 г.

Во всех остальных случаях колониальные противоречия приводили к конфликтам. Далеко не каждый из них завершался войной. Напротив, войны из-за колоний и сфер влияния были скорее редкостью; по сути, их перечень исчерпывается испано-американской войной (1898 г.) и русско-японской войной (1904—1905 гг.). Типичным способом разрешения конфликтов в это время являлись колониальные соглашения.

«Схватка за Африку». Открыв в XV в. историю европейского колониализма, Африка в конце XIX в. по существу ее завершила, став последним континентом,

поделенным европейцами. С 1881—1882 гг. началась так называемая «схватка за Африку». За исключением незначительных английских, французских и португальских поселений на западном берегу Африки к концу 70-х гг. XIX в. на континенте существовали лишь два крупных европейских владения — французский Алжир на севере и английская Капская колония на юге. К 1914 г., напротив, только два африканских государства сохранили свою самостоятельность — Эфиопия, поскольку на нее покушалась самая слабая из великих держав — Италия, и Либерия, пользовавшаяся поддержкой США. Весь остальной огромный континент оказался поделенным без остатка в острейшей конкурентной борьбе.

Конкуренция, национальные амбиции, соображения престижа были едва ли не самыми важными мотивами «схватки за Африку». Экономическое же ее значение значительно различалось от региона к региону, где наряду с богатыми Египтом и Южной Африкой существовали огромные области непроходимых джунглей и пустынь. К 1913 г. хлопок, шерсть, каучук, маис, пальмовое масло и какао составляли только 20,2% африканского экспорта, в то время как 55,9% приходилось на золото, алмазы и чугун, т.е. с экономической точки зрения Африка представляла собой «колонию-шахту».

В колониальном освоении Африки этого времени выделяются два периода, рубежом между которыми служит Берлинская конференция по Конго (1884—1885 гг.). Если сначала европейцы осваивали по преимуществу прибрежные регионы Африки, то отныне они двинулись вглубь континента. С другой стороны, благодаря принципу «эффективной оккупации» изменилась международно-правовая основа колониальной экспансии — у африканских владений европейских государств появились границы. Только теперь стал возможным настоящий раздел.

Начало «битвы за Африку» было положено захватами Туниса и Египта. Тунис с 60-х гг. находился в экономической зависимости от Франции, Англии и Италии. Воспользовавшись в качестве предлога нападениями некоторых тунисских племен на границы Алжира, французское правительство в апреле 1881 г. ввело в Тунис свои войска и установило над ним протекторат.

С момента учреждения в 1876 г. Кассы египетского государственного долга над Египтом фактически был учрежден англо-французский кондоминиум. Английский и французский генеральные представители в Кассе египетского долга контролировали финансы страны; в 1878 г. было создано новое правительство Египта, в котором многие министерские посты заняли европейцы. Все это в 1882 г. привело к восстанию против чужеземцев. В июле 1882 г. бомбардировкой Александрии с английских кораблей началось вторжение англичан в Египет, которое через несколько месяцев закончилось полной оккупацией страны, хотя формально Египет оставался автономной частью Османской империи. Положению Франции в Египте был тем самым нанесен тяжелый удар. Борьба между Англией и Францией в этой стране продолжилась вплоть до начала XX в. и составила важнейшую часть англо-французского антагонизма.

В Северо-Восточной Африке главными объектами европейского интереса являлись Сомали, Эфиопия и Судан. Сомали поделили между собой Англия, Франция и Италия, последняя же стала основной силой проникновения в Эфиопию. Дело дошло до итало-эфиопской войны (1894—1896 гг.), которая закончилась катастрофическим разгромом итальянской армии в битве при Адуа в марте 1896 г. Италия была вынуждена признать независимость Эфиопии.

Судан находился в вассальной зависимости от Египта; с 60-х гг. туда началось проникновение англичан. Однако в 1885 г. в Судане утвердилось теократическое исламское государство во главе с «пророком» Махди. В 1896—1898 гг. в Судан отправился крупный отряд генерала Китчера, который в решающей

битве при Омдурмане 1898 г. разгромил главные силы махдистов. По договору 1899 г. Англии с египетским хедивом, Судан объявлялся кондоминиумом, совместным владением Англии и Египта, в реальности — очередной колонией Англии. Но окончательному решению суданского вопроса предшествовал один из самых острых колониальных конфликтов XIX в. — Фашодский кризис.

Франция не оставляла планов оспорить у Англии обладание Египтом. С этой целью в Париже решили предпринять попытку укрепиться на Верхнем Ниле, в Судане. Французский отряд под командованием капитана Маршана, отправившись из французских владений в Конго, в июле 1898 г. прибыл в суданское местечко Фашоду. Месяц спустя там же появился отряд генерала Китчера. Так начался фашодский кризис, ставший апогеем англо-французского колониального соперничества в XIX в. В конце концов перед лицом ультимативных требований английского кабинета и угрозы войны Франции пришлось уступить.

Причины уступчивости Франции коренились в ее стратегической и военно-политической слабости. Война в колониях была обречена на неудачу из-за превосходства английского флота, война в Европе — из-за антагонизма с Германией. В марте 1899 г. было подписано англо-французское соглашение, разграничивавшее английский Судан и французскую Экваториальную Африку и ставшее моделью урегулирования других колониальных противоречий.

Если в Северо-Восточной Африке свои условия диктовали англичане, то первое место в колониальной экспансии в Северо-Западной Африке принадлежало французам. Их главной целью был бассейн Нигера, к которому они продвигались от уже существовавших колоний сразу с трех направлений: из Сенегала — на восток, из Берега Слоновой кости — на север, из Алжира — на юг. Параллельно французы быстрыми темпами увеличивали свои владения и в прибрежных территориях Западной Африки, постепенно превращая колонии других держав — английские Гамбию и Сьерра-Леоне, португальскую Гвинею, а также независимую Либерию — в небольшие анклавные внутри возникавшего монолита французских земель от Сенегала до Берега Слоновой кости — Французской Гвинеи. В целом к началу XX в. Франции удалось создать огромный сплошной комплекс своих колоний в Северо-Западной Африке от Средиземного моря до Гвинейского залива, от Атлантического побережья до границ англо-египетских владений в Судане.

В Центральной Африке проявляли активность главным образом Франция, Германия и Бельгия. Предприимчивый бельгийский король Леопольд II (1865—1909) нанял на службу известного путешественника Г. Стенли, который подчинил Леопольду II гигантские территории среднего и верхнего Конго, вплоть до истоков Нила. Это вызвало недовольство англичан и французов. В итоге споры были урегулированы на Берлинской конференции по Конго (1884—1885 гг.). Германия же закрепила за собой колонии Того, Камерун и Германскую Юго-Западную Африку.

Основными действующими лицами в Восточной Африке были Англия, Германия и Португалия. В 1884—1885 гг. Общество германской колонизации путем договоров с местными племенами и государственными образованиями овладело значительными территориями на побережье Индийского океана южнее Сомали. В 1886 г. было заключено англо-германское соглашение, по которому области к северо-востоку от озера Виктория достались англичанам (Кения), а земли, расположенные южнее, — немцам (Танганьика). В 1890 г. по договору «Гельголанд — Занзибар» Германия получила выгодные исправления границ в Того и в Германской Юго-Западной Африке, береговую полосу напротив острова Занзибар, но главное — остров Гельголанд в Северном море, будущее стратегическое значение которого тогда не осознавалось англичанами, в 1890 г. не

предполагавшими, что немцы решаться бросить им вызов на морях. Взамен на «кусочек мокрой скалы» Германия отказывалась от претензий на расширение в сторону Уганды и долины Нила. Вместе с тем немецкая колония Германская Восточная Африка в буквальном и переносном смысле слова преграждала путь наиболее амбициозному плану англичан — строительству железной дороги и линии телеграфа, которые связали бы Каир и Кейптаун через все разделявшие их 9435 километров.

В Южной Африке ведущую роль в колониальной экспансии играли англичане и, в частности, созданная в 1889 г. Британская Южно-Африканская компания во главе с С. Родсом, самым горячим сторонником проекта Каир — Кейптаун. В своем продвижении на север англичане в 1879—1879 гг. уничтожили мощное государство зулусов, однако столкнулись с упорным сопротивлением двух бурских республик — Трансвааля и Оранжевой. В октябре 1899 г. началась англо-бурская война. Очевидное неравенство сил в итоге привело к победе англичан. В 1902 г. был заключен мир, по которому Трансвааль и Оранжевая включались в состав британских владений.

Далекая англо-бурская война имела чрезвычайно широкий отклик в европейском общественном мнении. Симпатии к маленькому свободолюбивому народу буров усилили антианглийские настроения во многих европейских странах, но особенно сильными они оказались в Германии. Приобретение Англией новых территорий в Африке усиливало у немцев чувство несправедливой обделенности в колониальном, к тому же буры считались родственным «германским» народом. Эти настроения стали составной частью складывавшегося англо-германского антагонизма.

Колониальная экспансия в Азии. В Азии, в отличие от Африки в течение веков бывшей главным объектом европейской экспансии, к концу XIX в. сохранялись лишь отдельные регионы, за которые европейские державы продолжали вести соперничество.

Персия и Афганистан оставались сферой борьбы интересов России и Англии вплоть до начала XX в., однако главной ареной противостояния двух государств все более становился Дальний Восток и, в частности, Китай.

Старт новому этапу борьбы за влияние в Китае был дан японо-китайской войной 1894—1895 гг., окончившейся победой японцев. После войны началась так называемая «битва за концессии», в ходе которой каждая из великих держав стремилась выгородить себе преимущественные зоны влияния. В марте 1898 г. Китай передал порт Киаочао Германии в аренду на 99 лет с правом строительства железных дорог и поиска полезных ископаемых. В том же месяце Россия заключила договор с Китаем о безвозмездной аренде Liaodunского полуострова с Порт-Артуром на 25 лет. В апреле примеру Германии и России последовала Франция, арендовавшая бухту Гуанчжоувань на юго-востоке Китая, неподалеку от своих индокитайских владений. Летом 1898 г. Англия на 99 лет взяла в аренду прилегавшие к ее колонии Гонконг участки полуострова Цзюлун, а также приобрела порт Вэйхайвэй на Шаньдунском полуострове неподалеку от Порт-Артура.

Несмотря на соперничество великих держав в Китае, конкуренция здесь не имела столь высокого накала, как в Африке. Это было связано с тем, что за исключением России и Японии ни одна из держав не претендовала на какие-то значимые территориальные приобретения, выступая скорее за получение экономических выгод. С другой стороны, сами размеры Китая и численность его жителей не только не позволяли державам истощать свои силы в борьбе друг с другом, но и временами приводили их к сотрудничеству. Самым ярким примером такого сотрудничества стала политика европейских держав во время «боксерского восстания».

В 1900 г. в Китае вспыхнуло народное восстание «ихэтуань», направленное против засилья чужеземцев и названное европейцами «боксерским» за эмблему восставших — сжатый кулак. Восставшие нападали на европейцев, осадили европейские посольства и убили немецкого посланника. В сентябре 1901 г. державы навязали Китаю «боксерский протокол» с чрезвычайно тяжелыми условиями. Вплоть до 1940 г. он должен был определенными долями выплачивать державам астрономическую контрибуцию; из послов великих держав создавался своеобразное теневое «правительство» — абсолютная кульминация превращения Китая в полуколонию.

Фактическая оккупация Россией Маньчжурии в ходе «боксерского восстания» не могла не вызвать раздражение у заинтересованных стран, прежде всего Англии и Японии. Еще в январе 1902 г. был подписан англо-японский союзный договор, по которому Англия обязывалась оказать помощи Японии в войне с Россией, если ту поддержит какая-либо третья держава. Русско-японская война (1904—1905 гг.) закончилась тяжелым поражением России, вынудившим ее вернуться в Европу и пересмотреть свои отношения с Англией.

На 80-е гг. XIX в. пришлось решающие шаги в подчинении Индокитаю. К 1885 г. в руках Франции оказались все три части Вьетнама — южная (Кохинхина), центральная (Аннам) и северная (Тонкин). В 1887 г. они вместе с Камбоджей были объединены в Индокитайский союз, во главе которого стоял французский генерал-губернатор. В 1893 г. Франция вынудила королевство Сиам передать ей Лаос, пять лет спустя также присоединенный к Индокитайскому союзу.

Традиционным соперником Франции в Индокитае выступала Англия. Если французы двигались с востока, от побережья Южно-Китайского моря, то англичане с запада, из Бирмы и с юга — от Малаккского полуострова. В 80—90-е гг. англичанам удалось подчинить своему влиянию ряд султанатов южной части Малаккского полуострова, в 1896 г. объединенных в Малайский британский протекторат.

После овладения англичанами в 1886 г. Бирмой вновь столкнулись два вектора колонизации — движение Франции из Вьетнама на запад и движение Англии из Бирмы на восток. Точкой их пересечения стал Сиам, который по англо-французскому соглашению 1896 г. сохранил независимость и должен был служить буфером, разделявшим владения в Индокитае Англии и Франции.

В итоге резкого усиления колониальной экспансии к началу XX в. в Восточном полушарии почти не осталось не затронутых ею мест. Несколько иначе складывалась ситуация на американском континенте.

Международные отношения в Западном полушарии с 70-х гг. XIX по 1914 г. Отличительной чертой международных отношений в Западном полушарии оставалось безусловное преобладание США, для которых страны Латинской Америки выступали как объект экспансии, по-прежнему имевшей по преимуществу косвенные формы экономического проникновения. Вместе с тем США, как и другие государства, также оказались затронутыми общей тенденцией перехода от «неформального» к «формальному» империализму. Рубежом в этом смысле стала испано-американская война 1898 г., в результате которой США, с момента своего возникновения рекламировавшие себя как оплот свободы и антиколониализма, сами приобрели колонии. С другой стороны, даже формы косвенного вмешательства получают более агрессивный характер, часто сопровождаясь прямым применением военной силы. В первую очередь для обеспечения экспансионистских интересов США в конце XIX в. осуществлялось масштабное военно-морское строительство, результатом которого было создание мощных морских сил, так называемого «большого белого флота».

К 1914 г. зарубежные инвестиции в Латинскую Америку превысили вложения держав в Азию и Африку, причем 80% приходилось на европейские стра-

ны и 20% — на США, которые, тем не менее, занимали второе место после Англии, опережая Францию и Германию. Связав со странами Латинской Америки столь серьезные материальные интересы, европейские государства и США добивались их обеспечения не только дипломатическими, но и военными методами. Конец XIX — начало XX в. были отмечены многочисленными случаями грубого нарушения суверенитета латиноамериканских государств разного рода военными акциями, пик которых пришелся на 1910—1919 гг., когда вооруженная сила применялась 136 раз.

Международные позиции стран Латинской Америки страдали и от того характера взаимоотношений, который установился между ними. Вся вторая половина XIX в. изобиловала многочисленными территориальными спорами, пограничными конфликтами и даже войнами. В этих условиях оппозицию США пытались составить не столько сами латиноамериканские страны, сколько европейские державы, постепенно все более сдававшие свои позиции под давлением американцев.

В основе усиления экспансии США в Латинскую Америку лежало желание добиться лидерства на рынках этих стран для своей быстро растущей промышленности и вытеснить преобладавшие там английские товары. С этой целью американцы использовали двойную стратегию. С одной стороны, с помощью новой доктрины панамериканизма они противопоставляли европейским странам солидарность государств обеих Америк, с другой, пользуясь реальным отсутствием этой солидарности, США стремились подчинить каждое из государств этого региона своему влиянию.

Если раньше, во времена Боливара, под панамериканизмом понимались планы по созданию федерации государств Латинской Америки без участия США, то заявленный Вашингтоном новый панамериканизм имел целью открыть рынки латиноамериканских стран для американских товаров.

На повестке дня первой Панамериканской конференции, состоявшейся в 1889—1890 гг. в Вашингтоне и собравшей представителей 18 стран, стояло создание таможенного союза. Учитывая экономическую мощь США, реализация подобных планов означала бы полное подчинение экономики латиноамериканских государств, поэтому их представители не пошли на американские предложения. Фактически единственным реальным результатом работы конференции стало учреждение постоянно действующего органа панамериканского сотрудничества — Коммерческого бюро, задачей которого был сбор информации, по преимуществу экономической.

Панамериканизм являлся важным, но далеко не единственным средством доминирования США в западном полушарии. Типичным стало вмешательство во внутренние дела латиноамериканских стран в связи с осложнением их внутренней ситуации. Так, США поддерживали одну из сторон в чилийской революции 1891 г.; во время бразильской революции (1893—1894 гг.) американская эскадра, действуя в интересах компании «Стандарт ойл» и американских продавцов каучука, фактически предопределила исход борьбы, сняв блокаду Риу-ди-Жанейру сторонниками свергнутого императора. Еще более активным было вмешательство американцев в мексиканскую революцию (1910—1917 гг.).

Одной из основных целей американской внешней политики продолжала оставаться Куба, планы по фактическому овладению которой были реализованы в ходе «блестящей маленькой войны» 1898 г. с Испанией. В результате войны США получили всеобщее признание в качестве новой — первой неевропейской — великой державы. Их главные материальные приобретения от войны заключались в установлении контроля как над Карибским бассейном, так и над центральной частью Тихого океана. Отныне непрерывная цепь остров-

ных опорных пунктов приводила США на порог Азии и обеспечивала им полное преобладание в зоне предполагаемого канала, который должен был связать два океана. Одновременно США нанесли серьезные удары по латиноамериканским позициям европейских держав, воспользовавшись для этого венесуэльскими кризисами 1895—1896 гг. и 1902—1904 гг. Возникшая в связи с этим «поправка Рузвельта» к «доктрине Монро» представляла собой беспрецедентный в международных отношениях случай, когда один из их участников сам себя наделял правом покровительствовать, судить и наказывать в масштабах целого полушария. Американцы присваивали себе то самое право интервенции, под лозунгом защиты от которой, собственно, и возникла «доктрина Монро». В 1912 г. сенатор Г.К. Лодж выступил с предложением запретить любую продажу земли в Западной полушарии неамериканским государствам или предприятиям, которые способствовали бы усилению влияния этих государств. «Поправка Лоджа» подвела определенный итог развитию «доктрины Монро» до Первой мировой войны. Ее начало в корне изменило не только положение США, но и международную ситуацию во всем мире.

Глава 34 МЕЖДУНАРОДНОЕ РАБОЧЕЕ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ (1864—1914 гг.)

Данная тема в учебной литературе советского времени занимала непропорционально много места. В ее освещении особенно сильно сказалось влияние господствовавших тогда упрощенных, догматических представлений о марксизме и марксистском подходе к истории. Изложение материала в основном сводилось к пересказу давних споров по вопросам, значимость которых трудно понять современному читателю-студенту, впитавшему совершенно иные идеи. Но какие-то из этих вопросов в свете позднейшего опыта приобретают новую актуальность, требуют переосмысления — при строгом соблюдении принципа историзма в оценке действующих лиц и их позиций.

Международное Товарищество Рабочих (I Интернационал). Социалистическое движение как новая общественная сила, выступающая от имени рабочего класса, выходит на историческую сцену в последней трети XIX в. Ремесленники, городской пролетариат, первые поколения собственно пролетариев активно участвовали в буржуазных революциях, но слитно с общедемократическим движением, не выделяясь внутри него ни организационно, ни политически. Накопление исторического опыта — особенно в ходе европейских революций 1848—1849 гг. — подготовило отделение рабочего движения от мелкобуржуазной демократии. Важную роль в этом процессе сыграла деятельность основанного в 1864 г. Международного Товарищества Рабочих (I Интернационала).

Прибежищем революционной эмиграции после поражения революций 1848—1849 гг. стала Англия и в частности Лондон. Здесь оказались многие активные участники революций, в том числе и рабочие. Среди них были приверженцы различных социалистических школ — от сторонников мирного реформаторства в духе П.-Ж. Прудона до членов самораспустившегося в 1852 г. Союза коммунистов. В Англии обособились К. Маркс и Ф. Энгельс — авторы программно-политического документа Союза «Манифест Коммунистической партии», который завершался призывом к единению пролетариев всех стран.

К началу 60-х гг. связанная с наступлением реакции полоса отлива рабочего движения сменилась новым его оживлением. Становились более частыми и интенсивными контакты между рабочими разных стран, способствовавшие осознанию ими общности своих интересов. Эти контакты стимулировались и активным участием рабочих (особенно английских и французских) в кампании поддержки европейской демократией польского восстания 1863 г. В июле 1863 г. в Лондоне состоялся митинг с участием английских рабочих, а также делегации рабочих Франции. Созванный для выражения солидарности с польским восстанием, он высказался за создание интернациональной рабочей организации и стал первым шагом к состоявшемуся год спустя (28 сентября 1864 г.) основанию Международного Товарищества Рабочих (МТР).

Сразу же после создания новой организации стал разрабатываться ее устав. Возглавившему ее Центральному совету было предложено взять за основу устав итальянских рабочих обществ, составленный в духе идей Мадзини. Но с критикой этого документа выступил входивший в состав совета Маркс, и в итоге совет поручил ему доработку проекта устава. Текст устава Маркс написал в сущности заново, а также дополнил другим документом — Учредительным манифестом Товарищества. Оба представленных Марксом документа были единогласно приняты Центральным советом.

Вводная часть устава и Учредительный манифест носили программный характер. Изложенные в них принципы были сформулированы так, что их могли принять (безотносительно к тем или другим специфическим взглядам) любые организации, ставившие своей задачей «защиту, развитие и полное освобождение рабочего класса». Преамбула устава открывалась указанием на то, что свое освобождение рабочий класс должен завоевать собственными силами. Но в чем оно состоит и каким образом может быть достигнуто — об этом пока говорилось лишь в самом общем виде. Именно такой подход позволил Товариществу избежать сектантства и стать первой в истории рабочего движения массовой международной организацией.

Вступать в МТР могли и различные уже существующие организации, и отдельные лица. Основой его организационной структуры стали секции, которые в масштабе страны могли объединяться в федерации. Ежегодно в начале сентября должен был созываться общий конгресс. В промежутках между конгрессами руководство текущей деятельностью осуществлял находившийся в Лондоне орган, который сначала назывался Центральным, а позднее Генеральным советом. По его поручению связи с местными организациями осуществлялись секретарями-корреспондентами для соответствующих стран.

На протяжении 60-х гг. прошло четыре конгресса — в Женеве (1866), Лозанне (1867), Брюсселе (1868), Базеле (1869). Большое место на этих конгрессах МТР заняло обсуждение различных аспектов положения рабочих в условиях промышленного переворота (последствия применения машин, женский и детский труд и т.д.) и в особенности выяснение роли таких организаций, как профсоюзы и кооперативы (в чем их практическая польза? могут ли они помочь добиться конкретных улучшений, которых требовали участники стачек? достижима ли их усилиями цель экономического освобождения пролетариата?).

К концу 60-х — началу 70-х гг. идеи МТР получили значительное распространение. Его секции существовали во Франции (только в Парижской федерации — 25), Бельгии, Нидерландах, Дании, Ирландии, Швейцарии, Испании, начали создаваться в Италии, в Германии к нему присоединилась основанная в 1869 г. на съезде в Эйзенахе Социал-демократическая рабочая партия. Авторитету Товарищества среди рабочих способствовала активная поддержка им стачечного движения — организация сбора средств в пользу стачечников, кампании против ввоза штрейкбрехеров из других стран и т.д. О нем заговорила пресса, в общественном мнении оно снискало репутацию «седьмой великой державы». Начались и преследования со стороны властей. Во Франции в 1870 г. состоялся уже третий по счету судебный процесс против членов МТР.

Идейные разногласия внутри МТР в той или иной мере преодолевались в ходе практической деятельности и дискуссий, не ставя под вопрос его организационное единство. Положение изменилось после того, как в него вошло новое течение во главе с М.А. Бакуниным (1814–1876).

Взгляды этого русского революционера, окончательно сложившиеся во второй половине 60-х гг., представляли собой бунтарскую разновидность анархизма. Бакунин был сторонником революции, которую мыслил как взрыв недовольства всех обездоленных и угнетенных — в том числе и рабочих, но в первую очередь крестьян и тех, кого сейчас называют «маргиналами», т.е. людей, выбитых из колеи и утративших привычный социальный статус. Такую революцию он считал возможной в любой момент, не требующей подготовки или заранее выработанной позитивной программы, а организацией революционеров отводил лишь роль «коллективного Стеньки Разина». Главную задачу революции Бакунин видел в уничтожении государства как источника всех других общественных зол. Борьбе за реформы существующих политических институтов

он не придавал какого-либо значения, признавая политическое действие исключительно в форме разрушения государства как такового.

Создав в 1868 г. организацию под названием Международный альянс социалистической демократии, Бакунин обратился в Генеральный совет с просьбой о приеме ее в МТР. Но Генеральный совет по инициативе Маркса отклонил ее, сославшись на то, что организационная структура Альянса фактически дублирует структуру Товарищества и это может стать опасным для его единства. Тогда Бакунин объявил о роспуске Альянса, а Генеральный совет в начале 1869 г. согласился принять его членов в Товарищество в индивидуальном порядке. Но Альянс помимо открытой организации имел тайное ядро, которое распущено не было и продолжало действовать внутри МТР. Об этом Генеральному совету стало известно лишь позднее.

На Базельском конгрессе впервые обозначилось противостояние сторонников Бакунина и Маркса — но по вопросам сравнительно второстепенным (отмена права наследования, местонахождение Генерального совета). Главный предмет их разногласий (проблема государства) вышел на первый план после Парижской Коммуны 1871 г. Маркс в манифесте Генерального совета «Гражданская война во Франции» назвал Коммуну «правительством рабочего класса, ...открытой, наконец, политической формой, при которой могло совершиться экономическое освобождение труда». Бакунин же истолковал Коммуну как упразднение самого института государства.

Выводом из опыта Коммуны стала резолюция конференции МТР в Лондоне (сентябрь 1871 г.) о политическом действии рабочего класса, указавшая на необходимость завоевания им политической власти и его организации в самостоятельную политическую партию. Год спустя на очередном конгрессе в Гааге эта резолюция была включена в программную преамбулу устава МТР.

В связи с выявившимся к этому времени фактом существования внутри МТР тайной организации бакунистов сам Бакунин и один из его сподвижников в Швейцарии были исключены из Интернационала. Генеральный совет было решено перенести из Лондона в Нью-Йорк.

После Гаагского конгресса в МТР усилились расхождения и произошел раскол. Решения конгресса не были признаны организациями романских стран Европы, где преобладало влияние Бакунина. Генеральный совет в соответствии со своими новыми полномочиями объявил их стоящими вне Товарищества, но его деятельность в США постепенно замирала. В 1876 г. созданная им конференция в Филадельфии приняла решение о роспуске Международного Товарищества Рабочих.

Возникновение социал-демократии. Прекращение существования МТР было связано прежде всего с тем, что оно постепенно выросло из своих первоначальных рамок организации с широкой платформой, где сравнительно мирно сотрудничали разные социалистические течения, и эволюционировало в сторону большей идейной определенности. Назрела новая задача — создание политических партий рабочего класса в отдельных странах, и главным результатом деятельности МТР было то, что оно подготовило почву для этого.

Такие партии, в разных странах называвшиеся по-разному (социал-демократическая, социалистическая, рабочая и т.д.), охватываются общим понятием «социал-демократия». Процесс их формирования развернулся начиная со второй половины 1870-х гг. В Германии, США, Португалии, Франции, Испании, Бельгии они создавались при активном участии людей, прошедших школу МТР и являвшихся живыми носителями его традиций и опыта.

В организационном отношении эти партии строились иногда на базе индивидуального членства, иногда — как федерации с коллективным членством,

иногда — сочетая тот и другой принципы. Но их важнейшим общим качеством было то, что они принципиально отличали себя от партий имущих классов, искавшие свою опору в рабочем классе и стремились быть выразителями его интересов.

В 70-е гг. немарксистские социалистические течения в значительной мере утратили свой быллой вес. Одновременно рос авторитет марксизма. Произведения Маркса и Энгельса стали переводиться на различные языки, их идеи пропагандировались в социалистической печати, появились написанные разными авторами популярные изложения марксистской теории. К концу 70-х — началу 80-х гг. марксизм уже не был лишь одним из многочисленных социалистических течений, но отводил себе среди них ведущую, главенствующую роль.

В этих условиях становление социал-демократических партий происходило именно на марксистской идейной основе. Их лидеры осознанно стремились руководствоваться теоретическими принципами марксизма. Но процесс освоения марксизма социал-демократией и его распространения «вширь» (выражение В.И. Ленина) протекал отнюдь не просто.

Взгляды самих основоположников марксизма прошли значительный путь развития с того времени, когда они впервые изложили свое учение. С другой стороны, в первом поколении социал-демократических лидеров никто не являлся приверженцем марксизма изначально, все они шли к этому от каких-то иных позиций — будь то вожди эйзенахцев В. Либкнехт и А. Бебель в Германии, основатели Французской рабочей партии П. Лафарг и Ж. Гед, Ф. Турати и А. Кулишова в Италии или же Г.В. Плеханов и другие члены русской группы «Освобождение труда». Марксистские воззрения в подобных случаях складывались в результате нелегко дававшегося пересмотра прежних взглядов и нередко сохраняли их отпечаток.

Социал-демократические партии отводили важное место пропаганде марксистских идей. Но при этом для читательской аудитории социалистических газет или членов рабочих кружков многое излагалось упрощенно, слишком прямолинейно, пояснялось с помощью не всегда правомерных аналогий.

Таким образом, марксизм на пути к утверждению своей идейной гегемонии в социалистическом движении не только преодолевал влияние других течений, но и сам испытывал его, а также подвергался определенной вульгаризации. При этом могли возникать острые коллизии — как, например, в связи с Готской программой, принятой в 1875 г. при объединении эйзенахцев с лассальянцами, которым завершилось становление германской социал-демократии.

Проект этой программы, опубликованный перед объединительным съездом, содержал целый ряд специфически лассальянских положений. В то же время в нем были формулировки, которые восходили к идеям программных документов МТР и «Манифеста Коммунистической партии», но передавали их весьма приблизительно и неточно. Все это вызвало резкую критику Маркса и Энгельса как отступление от идейных позиций, которые они считали уже завоеванными.

Но теоретический уровень Готской программы как раз и отражал сложности и противоречия, которыми было отмечено приобщение к марксизму социал-демократии того времени. Даже те социал-демократические деятели, которые были в наибольшей степени знакомы с марксизмом, восприняли его — как выяснилось — во многом поверхностно. Эклектичное сочетание в Готской программе марксистских и немарксистских идей — лишь наиболее известный случай в ряду подобных явлений, порождавшихся самим процессом развития социалистического движения.

Политические рабочие партии складывались в условиях уже упрочившегося в странах Запада конституционного строя, что позволяло им действовать легально — участвовать в избирательной борьбе, издавать свои газеты, добивать-

ся влияния на различные массовые организации (профсоюзы, кооперативы и др.). Легальность их существования могла быть поставлена под удар мерой типа исключительного закона против социалистов в Германии, на двенадцать лет (1878–1890) загнавшего социал-демократию в подполье. Однако подобные ситуации возникали редко, и легальные возможности успешно использовались социал-демократическими партиями для укрепления своих позиций.

Все эти партии в своих первых программных документах в той или иной форме заявляли, что их цель — установление социалистического строя. Но их ближайшие задачи были связаны с борьбой за реформы в рамках капитализма (фабричное законодательство, социальное страхование для рабочих, демократизация избирательных систем и т.д.). Внутри социал-демократических партий уже в конце 70-х — начале 80-х гг. стали обнаруживаться разногласия по поводу того, как соотносятся между собой цели одного и другого порядка и какие средства применимы для их достижения. Еще одна линия расхождений по этим вопросам пролегла между социал-демократией и анархистским течением, которое (хотя и в ослабленном виде) продолжало существовать и проявлять активность на международной арене.

После Парижской Коммуны революционные бури, которыми была так богата предшествующая история Европы, на долгое время утихли. Маркс и Энгельс выступали против проявившейся в социалистическом движении тенденции к тому, чтобы вообще исключить из арсенала социал-демократии восстание, баррикадную борьбу и т.п. средства, применяемые в условиях революции, и ограничить ее деятельность только борьбой за реформы в рамках законности (позднее эта тенденция получит название реформизма). Это не значит, что сами они возводили в принцип насильственный путь революционного переустройства или отрицали пользу и необходимость борьбы за реформы при капитализме. Маркс считал, что в Англии или США существующие политические институты допускают возможность мирного завоевания власти рабочим классом, для большинства же стран европейского континента при данной ситуации наиболее вероятно насильственная революция.

Между тем реформистские веяния отмечались с конца 70-х гг. в социалистическом движении различных стран. Во Франции в 1882 г. от Рабочей партии откололось течение во главе с Б. Маломом и П. Бруссом, которое стали называть POSSIBILISTAMI (от французского *possible* — возможный): они практически ограничивали всю деятельность социалистов борьбой за реформы, возможные в рамках буржуазного общества. В Англии реформизм задолго до первых попыток создания социалистических организаций укоренился в тред-юнионах, а в собственном социалистическом движении был представлен прежде всего идеями Фабианского общества. «Фабианский социализм» имел в основе представление о том, что естественный ход общественного развития есть эволюционный процесс, революционные же скачки лишь нарушают его. Заклучая отсюда, что и переход к социализму должен совершиться эволюционным путем, фабианцы считали, что сами правящие классы уже начали его своими реформами.

Реформизму, склонному ограничиваться лишь возможным в условиях буржуазного общества и осуществимым в рамках законности, противостояла в социалистическом движении другая крайность — анархизм. В идейном отношении анархизм 80-х гг. не представлял собой единого течения. Часть анархистов сохранила приверженность постулатам Бакунина — веру в возможность начать революцию практически в любой момент. Идеологом особого направления в анархизме стал П.А. Кропоткин (1842–1921). В отличие от Бакунина он настаивал на подготовке к революции, на том, что революция не может быть чисто разрушительным актом и нуждается в позитивной, созидательной программе.

Образование и начало деятельности II Интернационала (1889—1896). На протяжении 80-х гг. стали чаще предприниматься исходившие с разных сторон попытки создать интернациональную социалистическую организацию, подобную МТР или являющуюся его преемницей. Но прежняя форма такой организации изжила себя, а новая была бы возможна лишь на основе рабочих партий отдельных стран. К концу десятилетия, когда в основных странах Европы политические рабочие партии уже существовали, идея нового Интернационала стала претворяться в жизнь. Предлагалось с этой целью провести в Париже международный конгресс социалистов. Мандат на его созыв получили и POSSИБИЛИСТЫ, и марксистское крыло французского социалистического движения.

Несколько попыток как-то договориться о совместных действиях не дали результатов — этому противились POSSИБИЛИСТЫ. В итоге 14 июля 1889 г. — в 100-летнюю годовщину взятия Бастилии — в Париже открылась два конгресса. Конгресс, созванный марксистами, стали называть Конгрессом объединенных социалистов. На нем было представлено около 300 организаций из 20 стран (практически всех европейских, а из Нового Света — США и Аргентины). Среди делегатов этого конгресса большинство принадлежало к марксистскому течению, но были также реформисты и анархисты. На POSSИБИЛИСТСКОМ конгрессе присутствовали делегаты из 14 стран, однако большинство его участников составляли сами POSSИБИЛИСТЫ.

Конгресс объединенных социалистов постановил, что впредь международные социалистические конгрессы должны созываться регулярно. В такой форме было положено начало новой международной организации — II Интернационалу. От I Интернационала он отличался тем, что опирался на действующие в отдельных странах партии, а потому не нуждался в столь же строгой централизации и существовании органа, подобного по своим функциям Генеральному совету МТР.

Оба конгресса имели в повестке дня вопрос о международном трудовом законодательстве, на обоих были приняты резолюции с требованием 8-часового рабочего дня. Марксистский конгресс по предложению американского делегата отдельно принял решение о международном дне борьбы за рабочее законодательство — 1 мая. Этот день был выбран в память о начавшихся 1 мая 1886 г. и имевших трагический исход массовых выступлениях под лозунгом 8-часового рабочего дня в Чикаго.

На первых четырех конгрессах II Интернационала (1889 — Париж, 1891 — Брюссель, 1893 — Цюрих, 1896 — Лондон) в оппозиции к большинству неизменно оказывались анархисты. II Интернационал унаследовал от МТР проблему «выяснения отношений» с анархизмом. Как и тогда, в фокусе идейной борьбы с этим течением оказался вопрос о политическом действии рабочего класса, но в более конкретной постановке — не только в общепринципиальном, но и в тактическом плане. II Интернационал в этом вопросе встал на марксистские позиции, причем уже на начальном этапе своей деятельности пришел и к организационному размежеванию с анархистами, исключив их из своих рядов.

Еще одно стержневое направление деятельности II Интернационала не только в первые годы, но и позднее — это выработка позиции социалистического движения по вопросу о милитаризме, военной опасности и путях борьбы с ней. Он был весьма актуален уже в конце XIX в. в свете «вооруженного мира» в Европе, начавшегося разделения великих держав на два враждебных блока и охватившей европейские страны лихорадки колониальных приобретений. Эти явления вызывали озабоченность не только социалистов, но и демократической общественности, что нашло выражение в развитии пацифистского движения (первый международный конгресс пацифистов состоялся, как и учредительный конгресс II Интернационала, в Париже в 1889 г.).

Отправной точкой антивоенных установок II Интернационала стало подтвержденное при его основании давнее демократическое требование замены постоянной армии всеобщим вооружением народа. Но уже Брюссельский конгресс пошел дальше, указав на то, что войны коренятся в самой природе капиталистических общественных отношений. На Цюрихском конгрессе была принята первая практическая рекомендация в области антивоенной тактики социалистов: социалистическим парламентариям вменялось в обязанность голосовать против всяких кредитов на войну, добиваться сокращения расходов на постоянные армии и постепенной их ликвидации. Лондонский конгресс высказался в поддержку выдвинутого пацифистами требования третейских судов для мирного разрешения международных конфликтов, но добавил к этому, что в случае отказа правительств подчиниться вердикту такого суда вопрос о войне и мире должен решаться самими народами.

На Лондонском конгрессе II Интернационал впервые определил свое отношение к национальному вопросу и колониальной политике. В специальных пунктах резолюции о политической борьбе конгресс высказался за «полное право самоопределения всех наций» и подчеркнул, что «под каким бы предлогом — религиозным или цивилизаторским — ни осуществлялась колониальная политика, она всегда имеет целью лишь расширение сферы капиталистической эксплуатации в исключительных интересах класса капиталистов».

Рабочий класс к началу XX в.: изменения в составе, положении, сознании. По сравнению с периодом деятельности МТР рабочий класс вступал в новое столетие с иным обликом, неизмеримо возросшей численностью, немаловажными завоеваниями. Но среди жизненно важных для него проблем были как порожденные изменившейся действительностью, так и оставшиеся от прошлого.

Формирование класса наемных рабочих к этому времени вышло далеко за первоначальные географические рамки Западной Европы и США. Этот процесс охватил страны, находившиеся в разных частях мира и имевшие разный политический статус, в том числе некоторые колонии. Различные его стадии проходили Канада, Австралия, Новая Зеландия, из азиатских стран — Турция, Япония, Китай, Индия, из стран Латинской Америки — в первую очередь Аргентина, Чили, Бразилия, Мексика. На африканском материке, тогда почти полностью поделенном между европейскими колонизаторами, коренное население внутренних областей жило еще в условиях традиционной экономики и докапиталистических отношений. Но в Египте и на крайнем юге Африки возникли капиталистические предприятия с использованием наемного труда.

Численность рабочего класса в глобальном масштабе росла не только за счет новых его отрядов, возникавших в результате развития капитализма вообще. Она быстро увеличивалась и там, где капиталистические отношения давно господствовали. В восьми главных капиталистических странах общее количество лиц наемного труда возросло за первое десятилетие XX в. с 89,6 млн до 114 млн, из которых около 100 млн (45—46% самодеятельного населения) приходилось на долю рабочего класса в собственном смысле слова.

В рядах рабочего класса этого региона происходила дифференциация. Подобно тому, что уже раньше отмечалось в Англии, также и в других ведущих капиталистических странах появился такой слой рабочих, который стали называть «рабочей аристократией». В Англии его удельный вес колебался в пределах 10—15% от общего числа рабочих, в Германии к 1907—1908 гг. составил примерно 9%, но его абсолютная численность на протяжении 1898—1910 гг. выросла в 5 раз.

К этому слою принадлежали рабочие квалифицированных, лучше оплачиваемых профессий. Но то, что ставило их в привилегированное положение по отношению к основной массе рабочих, не сводилось к естественному при

квалификационных различиях более высокому уровню заработков. До начала XX в. почти исключительно квалифицированным рабочим было доступно членство в профсоюзах, которые раньше всего укоренились в их среде и именно на них ориентировались при определении размера взносов. А значит, фактически только верхний слой рабочих выигрывал от достигнутых к этому времени благодаря профессиональной организации социальных завоеваний (практика коллективных трудовых соглашений, система пособий, дополнявшая страхование в формах, установленных законом). Находившиеся на жалованье профсоюзные функционеры различных рангов также входили в состав «рабочей аристократии» и во многом формировали характерный для нее стиль социального поведения. Ей была свойственна склонность защищать лишь собственные узкогрупповые интересы, по возможности избегая конфликтов с предпринимателями, приверженность ценностям и образу мысли господствующего класса. В лице «рабочей аристократии» часть рабочего класса начинала, таким образом, интегрироваться в капиталистическое общество.

Но эту часть нельзя полностью отождествлять с квалифицированными рабочими как таковыми. Последние далеко не всегда и не везде проявляли характерную для «рабочей аристократии» тенденцию к корпоративной замкнутости, отрыву от собственно пролетарской среды и сотрудничеству с предпринимателями. В таких странах, как Франция или Италия, квалифицированные рабочие в начале XX в. отличались, наоборот, развитым чувством классовой солидарности и активным участием в стачечном движении.

В тех отраслях промышленности, где внедрялась технология поточного производства, удельный вес квалифицированных рабочих снижался. Для обслуживания конвейера или автоматизированных линий станков требовалось лишь небольшое число рабочих высокой квалификации (наладчики, механики по ремонту оборудования), а в основном работники, предназначенные выполнять немногочисленные, простые, строго определенные операции.

Отмечавшийся в последней трети XIX в. в развитых странах рост реальной заработной платы с середины 90-х гг. замедлился или приостановился, а в США и Англии она в начале нового столетия несколько снизилась. Вопросы заработной платы сохраняли в это время жгучую остроту для основной массы рабочих: из-за них возникало абсолютное большинство стачек в Англии, Франции, Бельгии, Италии, а в некоторые годы также и в Германии.

Отличительной чертой рынка труда в США был массовый и продолжавший нарастать поток иммигрантов — в особенности из Восточной Европы (за 1906—1914 гг. — 2 млн чел. против 455 тыс. в 1891—1895 гг.) и стран Средиземноморья (соответственно 2320 тыс. против 640 тыс.). По большей части они оставались в США на постоянное жительство. Недавно прибывшие иммигранты «без языка» соглашались на любую работу за самую низкую плату. Постоянный избыток дешевой рабочей силы иммигрантов (по-современному — «гастарбайтеров») вынуждал также и местных рабочих неквалифицированных профессий быть уступчивее перед лицом хозяйского нажима и питал в их среде недоброжелательство к приезжим.

В европейских странах взаимоотношения между рабочими разных национальностей складывались неодинаково. В Венгрии, входившей в состав двуединой монархии Габсбургов, рабочий класс изначально формировался как многонациональный. В начале XX в. на уровне массового сознания рабочих здесь не наблюдалось сколько-нибудь значительных националистических тенденций. Иначе обстояло дело в странах с постоянной иммиграцией иностранных рабочих — например, во Франции, где в промышленности было занято немало итальянцев (на юге) и бельгийцев (на севере). Еще в конце XIX в. со сторо-

ны рабочих-французов нередко проявлялась ксенофобия — вплоть до вспышек насилия против итальянских иммигрантов. Но постепенно пробивало себе дорогу сочувствие к иммигрантам, понимание их специфических проблем и мотивов поведения, стремление помочь им.

В европейских странах в начале XX в. продолжала расширяться система законодательных мер в области охраны труда и социального страхования рабочих. В Испании были введены первые законы, ограничивавшие применение женского и детского труда, а также длительность рабочего дня металлургов, шахтеров, текстильщиков. Законом был установлен еженедельный воскресный отдых для рабочих (Италия, Испания). В Бельгии, Англии, Франции, Нидерландах, Швеции рабочие стали получать пенсии по старости. Англия, а также Норвегия и Швейцария приняли законы о страховании рабочих на случай болезни или инвалидности (в Германии, Франции и ряде других стран подобные законы были приняты раньше). С 1911 г. в Англии начали выплачиваться за счет государства пособия по безработице (до этого страхование по безработице с участием государства существовало, но не являлось обязательным во Франции, Норвегии, Дании).

Более либеральным стало законодательство о рабочих организациях и стачках. Законом 1901 г. об ассоциациях было окончательно легализовано существование профсоюзов во Франции. В Италии была признана свобода стачек и провозглашен принцип невмешательства государства в трудовые конфликты. В Англии тред-юнионы получили право вести внутри предприятия мирную агитацию за стачку, а предпринимателям было запрещено требовать через суд возмещения убытков, причиненных стачками. В Испании стачки экономического характера были разрешены специальным законом 1909 г. В США принятый в 1914 г. закон Клейтона покончил с подведением профсоюзов и фермерских организаций под действие антитрестовского законодательства.

Между тем размах стачечного движения продолжал шириться. Среднегодовое число стачек и их участников в 1901—1913 гг. по сравнению с 90-ми гг. XIX в. увеличилось в Италии — соответственно более чем в пять и более чем в четыре раза, в США — более чем в два и более чем в полтора раза, во Франции — более чем вдвое по обоим показателям.

Стачки в огромном большинстве случаев возникали по таким поводам, как уровень заработной платы, продолжительность рабочего дня, условия труда на предприятиях. Но там, где деятельность рабочих организаций все еще наталкивалась на какие-то ограничения, немалое число стачек возникало в связи с так называемыми профсоюзными вопросами, т.е. было направлено на защиту и расширение прав профсоюзов.

При известной тенденции к смягчению законодательства о трудовых конфликтах власть предпринимательского класса над производством оставалась неограниченной и на государственном уровне охранялась с помощью самых жестких методов. Начали практиковаться массовые увольнения за участие в стачке, иногда они сочетались с локаутом — временным закрытием предприятия с целью принудить рабочих к покорности (вновь к работе допускали далеко не всех). В США предприниматели широко использовали против рабочих частный сыск, собственную полицию, услуги гангстеров.

Там, где массовые выступления рабочих приобретали политическую окраску (во Франции в 1905—1906 гг., в Испании в 1909 г., в Германии в 1910 г., в Италии в 1914 г.), против них по-прежнему пускалась в ход и вооруженная сила государства.

Профсоюзы и другие массовые организации. В начале XX в. качественно изменился уровень профессиональной организованности рабочего класса стран

Запада. Рядом с численно небольшими, замкнутыми в узкоцеховых рамках профсоюзными традиционного типа стали возникать новые, рассчитанные на вовлечение неквалифицированных рабочих (в США — профсоюзы ИРМ в отличие от профсоюзов АФТ) или объединявшие работников разных специальностей в масштабе целой отрасли производства (отраслевые профсоюзные федерации в Италии). К 1912—1914 гг. по сравнению с концом 80-х — началом 90-х гг. процент членов профсоюзов от общего числа занятых в промышленности увеличился в Германии и Франции в шесть с лишним раз, в Англии и США — более чем втрое.

В профсоюзном движении существовали различные течения. К наиболее значительному из них относились профсоюзы, так или иначе связанные с рабочими партиями. Они имели свое интернациональное объединение, первоначально именовавшееся Международным секретариатом профсоюзов, а затем — Международной профсоюзной федерацией (к 1913 г. в нее входили 19 национальных профцентров с общей численностью 7,7 млн членов). К этому объединению до 1909 г. примыкали и анархо-синдикалистские профсоюзы. Затем они попытались создать свой собственный интернациональный центр, но до Первой мировой войны не смогли сделать это. В 80—90-е гг. XIX в. начали возникать христианские профсоюзы (католические — во Франции, Италии, Австро-Венгрии, Швейцарии, католические и евангелические — в Германии). Католическое профдвижение стало развиваться в особенности после энциклики Папы Льва XIII *Rerum novarum* (1891), провозгласившей основные принципы социальной доктрины католицизма. Общая численность христианских профсоюзов к 1914 г. составляла немногим более 0,5 млн членов. Некоторое распространение получили (например, во Франции) и так называемые «желтые» профсоюзы, специально создававшиеся предпринимателями для отвлечения рабочих от классовых профсоюзных организаций.

Профсоюзы занимались прежде всего вопросами, составлявшими содержание экономической борьбы рабочих. Они поддерживали стачки с требованиями экономического характера, вели от имени рабочих переговоры об этих требованиях с хозяевами — как в ходе трудовых конфликтов, так и при заключении «коллективных сделок» с предпринимательскими объединениями. Практика «коллективных сделок», до начала XX в. известная главным образом в Англии, теперь стала распространяться и в других европейских странах.

Для своих членов профсоюзы были и своеобразной службой социального страхования, при необходимости предоставляя им пособия по болезни, по случаю потери работы, на оплату жилья или другие срочные нужды. Нередко отделения профсоюзов становились очагами культурной жизни рабочих — при них создавались библиотеки, клубы, различного рода курсы и т.д.

На рубеже XIX—XX вв. в некоторых странах (США, Англия, Франция, Италия) рабочие начали нащупывать новые формы организации, отвечавшие их стремлению к контролю над производством: на предприятиях стали избираться рабочие делегаты или органы типа фабричных комиссий. Эти представительные институты заключали в себе возможности развития в разных направлениях, их сущность истолковывалась и осмысливалась по-разному. Реформаторски настроенные буржуазные политики и социалисты-реформисты рассматривали их как инструмент полюбовного разрешения трудовых споров, т.е. стремились направить их деятельность в русло сотрудничества классов. Такой подход нашел отражение, например, в проекте закона о регламентации стачек, предложенном в 1900 г. А. Мильераном, тогда министром в правительстве Вальдека-Руссо во Франции. Левому же крылу рабочего движения была близка смутно выражаемая подобным образом идея рабочего контроля и шире — реальной власти про-

изводителя над производством в новой системе экономических отношений, которая заменит капитализм (ее оформил в концепцию индустриальной организации рабочего класса американский социалистический теоретик Д.де Леон).

Такие организации, как кооперативы, охватывали не только рабочих, но действовали при их активном и массовом участии. Рабочие вступали прежде всего в потребительские кооперативные общества. Кооперативы, руководимые социалистами (куда входили преимущественно рабочие), перед мировой войной насчитывали в Европе около 9 млн членов.

С конца XIX в. широкое развитие в рабочей среде, особенно в Германии, получили самые разнообразные добровольные ассоциации, иногда имевшие социал-демократическую или профсоюзную окраску, иногда же нейтральные в идеологическом отношении. Это были всякого рода объединения «по интересам», которые становились формой организации внепроизводственной социальной жизни рабочих, способствовали проявлению их самостоятельной активности в сфере культуры, искусства, спорта, давали выход их потребностям в отдыхе и развлечениях.

Массовые рабочие организации различного характера ни по своим методам, ни по выполняемым ими функциям не были только инструментом классовой борьбы, хотя защита специфических интересов рабочего класса служила важнейшим импульсом к их возникновению. Поскольку они создавались по собственной инициативе рабочих, сами вырабатывали нормы своей внутренней жизни и управляли ею — постольку они действовали как институты гражданского общества и в начале XX в. играли уже заметную роль в этом качестве.

Социалистическое движение (организационные аспекты). К моменту основания II Интернационала уже сложившиеся социалистические партии существовали почти исключительно в Западной Европе. В конце XIX в. и в годы перед Первой мировой войной процесс создания таких партий продолжался, охватывая все новые страны и регионы — Россию, Японию, Турцию, балканские государства, Латинскую Америку (Аргентина, Бразилия, Куба, Уругвай, Чили). К концу 1912 г. во II Интернационал входили 27 партий от 22 стран. За полтора предвоенных десятилетия он провел пять общих конгрессов (1900 г. — Париж, 1904 г. — Амстердам, 1907 г. — Штутгарт, 1910 г. — Копенгаген, 1912 г. — Базель).

В странах с политической системой, дававшей достаточно широкий простор легальной деятельности социалистов, социал-демократия стала в начале XX в. значительной силой. Общая численность социал-демократических, социалистических, рабочих партий за 1900—1914 гг. выросла в 14 раз — с 300 тыс. до 4200 тыс. членов, а число избирателей, проголосовавших за них на последних перед войной парламентских выборах, достигло в совокупности примерно 12 млн (рост почти вдвое по сравнению с 1904 г.). В парламентах 24 стран насчитывалось к 1914 г. около 700 депутатов-социалистов.

Наиболее крупной и влиятельной из партий II Интернационала была Социал-демократическая партия Германии — СДПГ (название принято в 1890 г.): накануне войны она насчитывала 1085 тыс. членов и собрала на выборах 1912 г. в рейхстаг 38,5% всех поданных голосов. Среди французских социалистов из-за расхождений по поводу вступления А. Мильерана в правительство («казус Мильерана») на рубеже XIX—XX вв. образовались две партии: Французская социалистическая партия во главе с Ж. Жоресом и Социалистическая партия Франции во главе с Ж. Гедом. В 1905 г. в соответствии с решением Амстердамского конгресса II Интернационала, рекомендовавшим, чтобы в каждой стране была только одна социалистическая партия, эти две партии слились во Французскую секцию рабочего Интернационала (*Section française de l'Internationale ouvrière* — СФИО). В США помимо Социалистической рабочей партии, ли-

дером которой стал в 90-е гг. Д. де Леон, с 1901 г. существовала возглавляемая Ю. Дебсом Социалистическая партия. В двуединой Австро-Венгрии социал-демократы Цислейтании и Транслейтании были организованы в две отдельные партии. Социал-демократическая рабочая партия Австрии (СДРПА) в 1897 г. была преобразована в федерацию шести национальных партий (австронемецкая, чешская, польская, украинская, южнославянская, итальянская). Тенденция к разделению по национальному признаку проявлялась и внутри Социал-демократической партии Венгрии (СДПВ), но более слабо.

Первой попыткой создать политическую рабочую партию в Англии было основание в 1893 г. Независимой рабочей партии (НРП). В начале 90-х гг. обозначился поворот в отношении к политической деятельности английских тред-юнионов, выразившийся в создании Комитета рабочих представителей. Он имел целью борьбу за проведение в парламент депутатов-рабочих и в 1905 г. был преобразован в Рабочую (лейбористскую) партию. Эта партия строилась на началах коллективного членства, включая в себя тред-юнионы, НРП, а также некоторые социалистические организации. Вхождение в состав лейбористской партии тред-юнионов придало ей массовый характер. От рабочих партий других стран ее отличало отсутствие в ее платформе социалистических принципов и неопределенность позиции в отношении классово-рабочей борьбы.

В 1900 г. по решению Парижского конгресса было создано Международное социалистическое бюро (МСБ) — орган для связи между партиями отдельных стран в промежутках между конгрессами. МСБ находилось в Брюсселе. Оно состояло из представителей отдельных национальных секций, имело исполком и секретариат, собиралось (обычно раз в год) на пленарные заседания и первоначально было наделено главным образом корреспондентскими функциями. Но постепенно рамки его деятельности расширились. МСБ заявляло о позиции социалистического движения по поводу важнейших политических событий (в частности, на протяжении 1905—1906 гг. оно 14 раз выступало в поддержку революции в России, а также организовало сбор средств в помощь русским революционерам), разработало проект принятого в 1907 г. устава II Интернационала, решало вопросы, связанные с приемом в него новых организаций, предварительно обсуждало повестку дня общих конгрессов. В 1911—1913 гг. в условиях нарастающей взрывоопасности международной обстановки МСБ поддерживало и координировало действия европейских социал-демократических партий по организации массовых антивоенных выступлений. Экстренное заседание МСБ состоялось перед самым началом Мировой войны — 29—30 июля 1914 г.

Итак, с точки зрения организационной социалистическое движение в начале XX в. достигло больших успехов. Оно начало проникать и за пределы наиболее развитых капиталистических стран, а во многих из этих стран завоевало поддержку значительной части электората и сильные позиции в парламентах и муниципальных органах. Во II Интернационале не было какой-то системы жестко регламентированных связей социалистических партий с массовыми рабочими организациями, однако в ряде стран социалисты активно участвовали в их деятельности и оказывали на нее существенное влияние.

Но в новое столетие социалистическое движение вступало с серьезными внутренними проблемами, связанными с состоянием его идейной оснащенности.

Бернштейнизм и ревизия марксизма. За полвека, прошедшие после возникновения марксизма, мир существенно изменился. Социал-демократические лидеры не могли не задаваться вопросом о том, в какой мере эти изменения учитывались основоположниками марксистского учения и отвечали их прогнозам. С другой стороны, в истолковании марксизма успели сложиться и получить хождение определенные стереотипы, придававшие тем или иным теоретиче-

ским положениям отпечаток упрощения, вульгаризации. Вскоре после смерти Энгельса (1895) в социалистическом движении началась острая дискуссия по программным и тактическим вопросам, застрельщиком которой стал живший тогда в Англии немецкий социал-демократ Эдуард Бернштейн (1850—1932).

Бернштейн был известен в социалистических кругах как один из ближайших друзей Энгельса и его литературный душеприказчик, т.е. лицо, ответственное за последующую публикацию произведений и самого Энгельса, и Маркса. Его голос звучал весомо и авторитетно, и это способствовало широкому резонансу сначала его статей, появившихся в 1896 и 1898 гг. в теоретическом журнале СДПГ, а затем написанной на их основе книги «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии» (1899).

Главная мысль этих и других публикаций Бернштейна заключалась в том, что исторический опыт не подтвердил кардинальных положений учения Маркса, лежащих в основе программы СДПГ (речь шла о программе, принятой в 1891 г. на съезде в Эрфурте взамен Готской программы 1875 г.). Эти положения он считал необходимым подвергнуть критике, а партийную программу — пересмотру (ревизии; отсюда — возникший в связи с выступлениями Бернштейна термин «ревизионизм»).

Объектом критики Бернштейна стала, в частности, так называемая «теория краха». Этим понятием он обозначал распространенное в социал-демократическом движении представление, что капитализм рухнет в результате неизбежно предстоящего гигантского экономического кризиса. Ссылаясь на данные об экономическом развитии конца XIX в., Бернштейн считал, что реальный его ход не согласуется с ожиданиями Маркса и в совокупности свидетельствует о постепенном смягчении свойственных капитализму противоречий. Отсюда он делал вывод, что социал-демократии следует отказаться от тактики, «основанной на ожидании катастроф», отбросить революционную фразеологию и открыто стать тем, чем она на деле и является: демократически-социалистической партией реформ. Из классовой пролетарской партии она должна превратиться в широкое объединение всех сторонников демократических реформ.

В условиях демократии, как представлялось Бернштейну, классы как таковые не перестанут существовать, но классовое господство исчезнет, т.к. ни один класс не будет пользоваться политическими привилегиями по отношению ко всему обществу. Подобный взгляд на демократию по сути исключал идею завоевания рабочим классом политической власти. К тому же Бернштейн полагал, что рабочий класс не созрел и еще очень долго не созреет для этого. Не отбрасывая саму идею социалистического переустройства общества, Бернштейн мыслил социализм как результат постепенной, очень длительной эволюции и слишком отдаленную перспективу, чтобы черпать в ней импульс для реальной практической деятельности социал-демократии. Это, а не что-либо другое означало его утверждение: «Я открыто признаю, что не вижу большого смысла и крайне мало интересуюсь тем, что обычно понимают под «конечной целью социализма». Эта цель — что бы она ни означала — для меня ничто, движение же — все».

Бернштейн нашел немало единомышленников как в СДПГ и других рабочих партиях, так и в кругах либеральной интеллигенции, заговорившей в связи с его выступлениями о кризисе марксизма (Б. Кроче в Италии, Т. Масарик в Австро-Венгрии, «легальные марксисты» в России). Но в социал-демократической среде преобладало несогласие с тем, как ответил Бернштейн на поставленные временем вопросы. С критикой его идей выступили в печати или на партийных съездах социалистические лидеры и теоретики как старшего, так и более молодого поколения: А. Бебель, В. Либкнехт, К. Каутский, К. Цеткин, Р. Люксембург (Германия), Ж. Гед, П. Лафарг (Франция), Антонио Лабриола

(Италия), Г.В. Плеханов, В.И. Ленин (Россия). СДПГ подтвердила свою приверженность принципам Эрфуртской программы и отказалась пересмотреть ее в предложенном Бернштейном направлении. Из партий II Интернационала такой пересмотр осуществила (в 1901 г.) только австрийская социал-демократия.

Оппоненты Бернштейна справедливо обратили внимание на шаткость многих доводов, которыми он обосновывал свою позицию. Но тонкости теоретической полемики с Бернштейном вряд ли воспринимались теми, кто составлял массовую базу социалистического движения в Германии и других европейских странах. Для рядовых социал-демократов главное заключалась в том, сохранит ли их партия самостоятельную политическую роль или откажется от нее. Поэтому на низовом уровне находили поддержку прежде всего призывы социал-демократических лидеров (таких как Бебель) к верности партийным традициям и принципам классовой борьбы.

Позиции обеих сторон в дискуссии между ревизионистами и их противниками сегодня следует оценивать с учетом как условий того времени, так и позднейшего исторического опыта. И та и другая опирались на реальные, но разнонаправленные тенденции, которые начали проявляться на стыке двух столетий.

Так, изменения в положении рабочего класса носили неоднозначный характер: верхний его слой интегрировался в капиталистическую систему, основной же массе рабочих по-прежнему приходилось добиваться отвечающего возросшим потребностям улучшения условий своего труда и жизни в упорной борьбе с хозяевами, испытывать болезненные последствия капиталистической рационализации производства, лишения, связанные с безработицей, и т.д. В странах Запада наблюдался прогресс в осуществлении реформ и развитии демократических институтов, но считать его необратимым и делать отсюда чисто эволюционистские выводы было по меньшей мере преждевременным. По-разному в разных странах складывалась судьба мелкого производства в земледелии, которому ревизионисты приписывали не предвиденную Марксом устойчивость. Подобным же образом и по другим вопросам, оказавшимся на пороге XX в. в центре споров в социалистическом движении, каждая из сторон могла найти в тогдашней действительности доводы в пользу собственной точки зрения.

Лишь в более длительной исторической перспективе могло выявиться, какие из наметившихся тенденций возобладают и закрепятся. Многие утверждения Бернштейна не были адекватны реальности начала XX в., но в чем-то обогнали время, предвосхитив определенные черты другой, более поздней эпохи. Тот эволюционный путь общественного развития, который Бернштейн считал магистральным для стран Запада, как таковой утвердился в Западной Европе преимущественно во второй половине XX столетия. Однако это произойдет после затронувших также и Запад исторических потрясений огромного масштаба, которые не вписывались в эволюционистские прогнозы.

II Интернационал и проблемы войны, мира, борьбы против милитаризма (1900—1914). Дискуссия вокруг поставленных Бернштейном проблем имела продолжение в спорах на конгрессах о тактике социалистов, ее принципиальных основах и конкретных способах осуществления. Главные же расхождения в социалистическом движении начала XX в. проявлялись в понимании задач, связанных с ростом военной угрозы.

К вопросу о войнах и средствах противодействия им II Интернационал обращался постоянно с самого своего основания. Но особую актуальность это направление его деятельности приобрело в XX в., начавшемся под знаком резкого усиления международной напряженности.

Парижский конгресс собрался в момент, когда лишь недавно закончилась испано-американская и еще продолжалась англо-бурская война, а буквально

перед самым конгрессом совместными усилиями великих держав было подавлено антиимпериалистическое восстание в Китае. Этими событиями подкаждывалось обсуждение на конгрессе двух взаимосвязанных вопросов: о мире между народами, о милитаризме и о постоянных армиях (докладчик Р. Люксембург) и о колониальной политике капиталистических государств (докладчик Г. Ван-Кол).

Резолюция по докладу Р. Люксембург была принята единогласно. В ней говорилось о необходимости «перейти от более или менее платонических демонстраций интернациональной солидарности в политической области к энергичному международному действию, к совместной борьбе против милитаризма и мировой политики». Рекомендовалось вести систематическую антимилиитаристскую пропаганду среди молодежи. От социалистов-парламентариев резолюция требовала голосовать против расходов на любые военные нужды, включая колониальные экспедиции. В резолюции по докладу Ван-Кола указывалось на связь конфликтов между правительствами, шовинизма и милитаризма с колониальной экспансией, против которой конгресс призвал бороться всеми средствами, имеющимися в распоряжении организованного пролетариата.

На Амстердамском конгрессе, проходившем во время русско-японской войны, она была единодушно осуждена как война правительств, а не народов двух стран. Символическим выражением этой интернационалистской позиции стало избрание вице-председателями конгресса Г.В. Плеханова и японского социалиста Сен Катаямы и их рукопожатие, встреченное бурной овацией делегатов.

Однако со стороны реформистского течения уже тогда стали проявляться идущие вразрез с принципами интернационализма великодержавные, националистические тенденции. В повестке дня и Амстердамского, и следующего — Штутгартского конгресса (1907) вновь значился вопрос о колониальной политике. Докладчиком в обоих случаях опять был Ван-Кол, но теперь он говорил не только о зверствах колонизаторов, ограблении «туземцев» и т.п. Все более отчетливо у него звучала мысль, что колонии не готовы к самоуправлению, что даже при социализме их немедленное освобождение невозможно, что и сам победивший рабочий класс не сможет обойтись без них.

В разработанном при участии Ван-Кола проекте резолюции Штутгартского конгресса было сказано, что конгресс «не отвергает в принципе и на все времена всякую колониальную политику; при социалистическом режиме она может оказать цивилизующее воздействие». В комиссии этот проект поддержало большинство ее членов (в том числе Бернштейн), но на пленарном заседании он был принят с поправкой, перечеркнувшей положение о совместимости колониализма с социалистическим строем.

Еще раз интернационализм подвергся испытанию на прочность при обсуждении на Штутгартском конгрессе вопроса об эмиграции и иммиграции. Реформисты из стран, куда направлялся значительный поток иммигрантов (США, Австралия), под флагом защиты интересов коренных рабочих требовали запрещения или ограничения иммиграции — прежде всего из Азии. Нечто подобное можно услышать и в начале XXI в. из уст политиков, подыгрывающих в условиях глобализации ксенофобским или великодержавным настроениям. Но тогда большинство делегатов социалистического конгресса отвергло эту позицию. Принятая резолюция осуждала всякую дискриминацию иммигрантов по национальному или расовому признаку, требовала повсеместно обеспечить им неограниченный доступ в профсоюзы, обязывала социал-демократические партии бороться в защиту их прав и заботиться об их нуждах.

Главное место на Штутгартском конгрессе занял вопрос о борьбе с милитаризмом и военной опасностью (докладчик А. Бебель). При его обсуждении обнаружился особенно большой разброс мнений, дискуссия была продолжи-

тельнее и острее, чем когда-либо раньше. На этот раз в нее вместе с Р. Люксембург и другими западноевропейскими левыми активно включился В.И. Ленин, с 1905 г. являвшийся представителем РСДРП в МСБ и впервые участвовавший в конгрессе II Интернационала.

В комиссию, где первоначально обсуждался доклад Бебеля, были представлены четыре проекта резолюции — самим Бебелем, Жоресом и Вайяном (от большинства СФИО), Гедом (от ее меньшинства) и Г. Эрве — французским делегатом, близким к анархо-синдикализму. Проект Бебеля был наиболее обстоятельным, он давал марксистское теоретическое обоснование антивоенной позиции социалистов, но лишь в самой общей форме говорил о том, как эта позиция должна преломляться в практической деятельности: в случае угрозы войны «употребить все самые действенные средства к тому, чтобы воспрепятствовать ее возникновению, а если война все же разразится — стремиться к быстрому ее окончанию». По этому пункту Бебелю наиболее резко возражал Эрве, настаивавший на активных антивоенных действиях, но понимаемых в духе его ультралевого взглядов (ответить на всякое объявление войны массовым отказом от явки на призывные пункты и восстанием). Проект Жореса — Вайяна обязывал социалистов бороться против милитаризма и военной угрозы, добиваясь радикальной демократизации армии (замена постоянной армии всеобщим вооружением народа), а в случае возникновения войны солидаризироваться со страной, подвергшейся нападению. Наконец, проект Геда был близок к проекту Бебеля, но связь между капитализмом и войнами трактовал более прямолинейно и с фаталистическим оттенком (пока существует порождающий войны капитализм — социалисты могут добиваться лишь ослабления военной опасности с помощью частичных мер в духе прежних решений II Интернационала).

При рассмотрении этих проектов в комиссии предметом острых споров стал вопрос об отношении социалистов к защите отечества, о том, совместима ли интернационалистская антивоенная позиция с патриотизмом. На фоне целой серии локальных войн и международных кризисов было уже очевидно, что надвигается война, не похожая на предыдущие, что к ней готовятся все великие державы, что одной из сильнейших пружин, толкающих к войне, является их соперничество в борьбе за господство над колониями. В социалистическом движении уже имели хождение такие понятия, как «империализм» (в общеупотребительном тогда смысле, связанном с колониальной экспансией), «империалистическая война». Но и Бебель, и в особенности Жорес оценивали предстоящую войну лишь с точки зрения того, кто ее начнет, будет ли она оборонительной или наступательной. Из этих посылок представитель правого крыла СДПГ Г.Фольмар сделал вывод, что в случае объявления войны немецкие социал-демократы должны защищать свое отечество от нападения и проявить себя «хорошими немцами». Противоположной крайностью была позиция Эрве. Он считал (ссылаясь на «Манифест Коммунистической партии»), что для рабочего класса лишено смысла само понятие отечества, и поскольку для пролетариев безразлично, в какой стране и при каком политическом строе они живут, их ответ на любую войну должен быть повсюду одинаковым.

Делегаты конгресса от российской социал-демократии, германских и польских левых совместно выработали четыре поправки к проекту Бебеля, которые были представлены в комиссию Лениным, Ю.О. Мартовым и Р. Люксембург. В конечном счете поправки были приняты комиссией. В них указывалось на то, что проповедь национализма отвлекает рабочий класс от долга международной классовой солидарности, на необходимости социалистической пропаганды среди молодежи и военнослужащих, а главное — конкретизировалась чересчур абстрактная заключительная часть проекта Бебеля. В отношении мер,

которые надлежит принять в ответ на грозящее объявление войны, было сказано, что они, «естественно, изменяются и усиливаются соответственно обострению классовой борьбы и общей политической обстановке». И, наконец, в случае, если война все же начнется, рабочим вовлеченных в нее стран и их представителям в парламентах вменялось в обязанность не только выступать за быстрое ее окончание, но и «всеми силами стремиться использовать порождаемый войной экономический и политический кризис для того, чтобы пробудить политическое сознание народных масс и ускорить крушение господства класса капиталистов».

Дополненный поправками проект Бебеля был принят в качестве резолюции Штутгартского конгресса. По сравнению с предыдущими документами II Интернационала по вопросам антивоенной борьбы она отличалась гораздо большим радикализмом. В ней была выдвинута более широкая программа действий, направленных на предотвращение войны, и впервые намечена перспектива революционного выхода из войны в случае, если предотвратит ее не удастся.

На Копенгагенском конгрессе (1910) правое крыло в лице немецкой и австрийской делегаций попыталось усилить в антивоенных установках Интернационала крен в сторону чисто парламентских средств борьбы, а часть французских и английских делегатов отстаивала как наиболее эффективное средство для предотвращения войны всеобщую стачку (особенно в отраслях производства, работающих на военные нужды). Но в итоге были подтверждены основные тактические положения штутгартской резолюции — с дополнением, обязывавшим социалистические партии и их представителей в парламентах добиваться от правительств сокращения вооружений и разрешения межгосударственных конфликтов третейским судом.

Вскоре после Копенгагенского конгресса международная напряженность снова усилилась: возник чреватый франко-германским столкновением второй марокканский кризис, началась итало-турецкая война, вот-вот мог вспыхнуть пожар на Балканах. В ответ на это в Европе стало развертываться массовое, являвшееся ярким выражением интернационалистских чувств антивоенное движение — собрания, митинги, встречи рабочих сопредельных стран в приграничных местностях и т.д. Крупнейшие из таких антивоенных манифестаций охватывали десятки тысяч человек, перед собравшимися выступали лучшие социалистические ораторы, иногда — из разных стран. МСБ призывало все социалистические партии возглавить и усилить движение протеста против военной угрозы.

После начала первой Балканской войны был созван чрезвычайный конгресс II Интернационала в Базеле. Он занимался единственным вопросом: международное положение и объединение действий против войны. Речь шла не только о прекращении войны на Балканах, но и о том, как предотвратить ее расширение до общеевропейского масштаба.

К этому времени в социалистическом движении помимо уже определившихся раньше взглядов на войну и антивоенную деятельность выявилась еще одна позиция, которую отстаивал К.Каутский и некоторые другие деятели СДПГ. Они считали, что гонка вооружений разорительна для самих господствующих классов и это, в конце концов, заставит правительства договориться между собой и предпochет войне мирное соглашение. Антивоенную деятельность социалистов Каутский предлагал ограничить чисто пропагандистской кампанией, отвергая массовые действия как обреченные на неудачу и пагубные по возможным последствиям (особенно во время войны, если она все же начнется).

Но на конгрессе возобладал другой настрой. Вмешавший несколько тысяч человек собор, где предполагалось провести связанный с конгрессом митинг, оказался слишком тесен, рядом на площади пришлось организовать второй ми-

тинг, собравший около 15 тыс. участников. Все выступавшие — а это были представители разных течений — говорили о нависшей над миром небывалой опасности, о всемирном масштабе надвигающейся войны, об ее империалистическом, захватническом характере, о том, что отвратить эту угрозу могут только объединенные усилия рабочих всех стран.

Итоговым документом Базельского конгресса стал единодушно принятый манифест, который содержал именно такую оценку войны, подготовляемой господствующими классами. В смысле тактических рекомендаций он вобрал в себя все, что было закреплено в предшествующих решениях II Интернационала, в том числе и на случай, если дело дойдет до войны. Напоминая о том, что в свое время франко-прусская война способствовала возникновению Парижской Коммуны, а русско-японская война — началу революции в России, манифест предупреждал: «Если правящие власти, уничтожая всякую возможность нормального развития, тем самым толкнут пролетариат на отчаянные шаги, то они сами понесут ответственность за последствия вызванного ими кризиса».

Начавшаяся летом 1914 г. Мировая война станет для международной социал-демократии решающей проверкой практической готовности следовать взятым на себя обязательствам. В сущности, с войной завершится деятельность II Интернационала в его прежнем виде, «эпоха II Интернационала» в международном социалистическом движении.

С началом Мировой войны официальное руководство большинства социал-демократических партий отказалось от совместно выработанной интернационалистской антивоенной платформы и встало на позиции защиты отечества и гражданского мира с буржуазией собственной страны. Современная социал-демократия (и не только она) обычно трактует это как отражение перелома в настроениях масс, как торжество реалистического, политически ответственного подхода над нежизнеспособной утопией. Сегодня, когда национальный престиж зачастую измеряется позициями на международном рынке вооружений и успехами в создании их новейших видов, дискуссии вековой давности о предотвращении войн могут показаться не заслуживающими внимания. Но они почетельны хотя бы для суждения о том, как изменились с тех пор внедряемые в сознание общества идеалы и ценности.

Глава 35 КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ

Общие черты. Культура и общественное сознание любой эпохи содержат в себе черты старого и нового, традиции и перемен. XIX в. не стал исключением, однако беспрецедентная скорость и глубина изменений в обществе привели к тому, что и в духовной сфере перемены часто носили драматичный характер. Новое вторгалось в привычный мир как никогда мощно, воздействуя на сознание людей, заставляя творцов искусства откликаться на него все новыми формами. В отличие от Раннего нового времени, в XIX в. не было периодов безусловного преобладания какого-либо одного стиля в масштабах всей культуры: в разных ее отраслях они были представлены по-разному; появление все новых стилей и художественных форм приводило к их соседству и взаимовлиянию. Новый динамизм, многостилье и плюрализм культуры стали одними из самых ярких ее черт.

В центре культуры и духовной жизни XIX в. стоит человеческая личность. Интерес к ней был характерен и для предыдущих эпох, однако теперь меняется сам образ человека — в науке, литературе и искусстве; субъективное начало как никогда прежде начинает проявлять себя и в художественно сфере, и в повседневном поведении людей. Не случайно известный французский мыслитель А. де Токвиль, фиксируя в середине века индивидуализм в качестве одной из главных тенденций своей эпохи, назвал его «новым явлением».

Индивидуализм как важная черта развития культуры и общественного сознания находился в сложном диалектическом отношении с другой, не менее важной их чертой — демократизацией. Она проявлялась по-разному и в самых разных сферах — в большей доступности культурных достижений, изменении их форм и содержательной стороны. Однако одновременно демократизация заставляла опасаться культурного «диктата масс» — и эта проблема стала одной из магистральных к концу века.

Изменение форм и характера культурных потребностей народных масс являлось важной составляющей развития культуры и общественного сознания в XIX в. С одной стороны, традиционная народная культура неуклонно теряла позиции по мере того, как с ускоряющейся урбанизацией постепенно уходила в прошлое ее главная питательная почва — деревня, сельский мир. С другой стороны, к последним десятилетиям века все громче стал заявлять о себе совершенно новый феномен — массовая культура, предлагавшая простые сюжеты с сильными эмоциями и тесно связанная с коммерческой выгодой.

Расширению культурной самостоятельности масс способствовал их выход из-под опеки церкви в русле продолжавшейся секуляризации, которая в XIX в. достигла нового качества. Критике подвергались не только церковь и религия, но и сама потребность человека в религиозном чувстве. Критика религии часто велась с новых общественно-политических позиций (так, например, К. Маркс доказывал, что она является орудием угнетения народных масс) и как никогда опиралась на науку. Главное же заключалось в том, что и фактически религия начинала уходить из повседневной жизни. В 70-е гг. во французских городах лишь четверть браков заключалась в церкви; в крупных английских городах только треть населения были практикующими христианами. В самом начале XIX в. Гегель писал о «смерти Бога», имея в виду лишь ослабление собственно религиозного чувства; к 80-м гг. Ф. Ницше констатировал «смерть Бога» уже

как крах всей прежней системы ценностей христианской культуры. Отступление религии открывало больше свободы творческому самовыражению, стимулировало поиск новых форм, однако одновременно оно означало утрату единой основы и целостности культуры, потерю твердых ориентиров, несло духовный дискомфорт, остро ощущавшийся как деятели культуры, так и обычными людьми. Не случайно преобладавшей тенденции секуляризации противостояли многочисленные попытки «воскресить Бога» в различных движениях религиозного возрождения, особенно сильных в Германии первой и Франции второй половины века, а также в США (так называемые «великие пробуждения»).

Еще одной особенностью культуры XIX в. было утверждение в ней принципа национального, теоретически обоснованного немецким философом И.Г. Гердером еще в конце XVIII в. в противовес представлениям об универсальной, наднациональной культуре эпохи Просвещения. Зримым свидетельством этому стало появление национальных музыкальных школ, национальных театров и музеев и т.д.

Наконец, XIX в. отличался в ряду прочих усилившейся саморефлексией. Как никогда настойчивыми были попытки понять свое собственное время и включить его в исторический процесс как отдельную эпоху. Французский романист Г. Флобер писал, что «ведущая черта нашего столетия — это его историческое сознание». Историзм буквально пронизывал всю культуру столетия, приобретая самые разные облики и выражения: в искусстве — от подражания прошлому в различных «неостилиях» до попыток романтизма проникнуть в его глубинную суть, в науках — от всемирно-исторических концепций развития общества в духе Гегеля и Маркса до историзации самой природы благодаря учению Дарвина, открытию законов генетики и т.д. Всюду подчеркивая эволюционность и преемственность, при всей своей кажущейся антиреволюционности, историзм вместе с тем нес в себе почти революционный заряд с точки зрения развития культуры и общественного сознания. Он утверждал, что все существующее существует только во времени, нет ничего вечного, универсального и надвременного. Казавшиеся вечными культурные ценности и нормы морали стали историческими, т.е. преходящими. Все это еще более усилило интеллектуальное брожение и поиски новых ориентиров в быстро менявшемся мире XIX в.

Грамотность и образование. Принципиально важным фактором развития культуры и общественного сознания являлся качественный прогресс образования. Особенное значение имело широкое распространение грамотности. На протяжении многих веков грамотность оставалась феноменом элиты, поскольку являлась инструментом власти, с одной стороны, и была мало востребована низами — с другой. Реформация, подтолкнувшая людей к самостоятельному чтению религиозных текстов, и затем Просвещение, изменившее социальные установки по отношению к знанию, стали важнейшими вехами, однако качественный поворот в развитии грамотности произошел именно в XIX в. — она приобрела массовый характер.

Причины лежали в глубочайших изменениях, которые претерпевало традиционное общество: в эпоху фабрик и городов грамотность приобрела до тех пор небывалую практическую ценность; в мире рушившихся социальных и религиозных устоев чтение давало новые ориентиры; печатное слово в эпоху демократизации получило невиданный ранее политический вес; менявшиеся общественные представления превращали грамотность в значимую социальную цель и, в конечном счете, в норму. Прогресс грамотности отличался очень значительной степенью неравномерности, как хронологически, резко ускорившись во второй половине века, так и географически, демонстрируя большие контрасты по странам и даже регионам внутри них.

Главным инструментом распространения грамотности являлись школы. Ситуация с начальным школьным образованием — наличием соответствующей системы, ее доступностью и фактической востребованностью — показывала очень существенные различия по странам. Так, в ряде германских государств, в том числе в Пруссии и немецкой части Австрии, обязательное начальное образование было введено еще в конце XVIII в., в Швеции и Швейцарии — в середине XIX в. Во многих штатах США уже с первых десятилетий существовало бесплатное начальное школьное образование, как правило, необязательное. В то же время во Франции начальное образование оставалось в руках церкви и местных общин, вследствие чего к 1850 г. неграмотными оставалось почти 40% мужского населения. В большинстве стран решающие перемены произошли в последней трети XIX в.: начальное школьное образование повсеместно становилось светским, обязательным и бесплатным (в Италии в 1878 г., во Франции в 1882, в Англии — благодаря законам 1870, 1880 и 1891 гг.).

Среднее образование было доступно лишь незначительной части населения, во-первых, потому, что оно было платным, во-вторых, из-за долгих сроков обучения — большинство просто не могло себе позволить так долго кормить неработающего члена семьи. Еще более элитарными были университеты.

В результате успехов начального школьного образования количество грамотных в течение века неуклонно увеличивалось. Так, если в 1800 г. лишь 25% взрослых немцев были грамотными, то в 1840 г. — 40%, а к началу XX в. — 90%. Особенно быстрыми темпами распространение грамотности шло в США, поскольку для вновь прибывших иммигрантов скорейшее овладение английским языком являлось необходимым условием американизации. Уже к 1865 г. количество грамотных в штатах Новой Англии достигло беспрецедентных 95%, причем не только среди мужчин, но и среди женщин. Южные штаты отставали из-за поголовной неграмотности негритянского населения, однако после отмены рабства стремительный рост грамотности отмечался и здесь — к 1890 г. грамотными были уже 39% негров, а к 1910 г. — 89%.

В Европе также отмечалась значительная неравномерность в распространении грамотности между странами и регионами. К 1910 г. фактически полная грамотность населения была достигнута лишь в Англии, Германии и Нидерландах, к ним приближалась Франция с 87% грамотных, в то время как в Испании таковых насчитывалось 50, а в Португалии — 25%. Внутри отдельных стран также существовали значительные региональные различия — так, в западных провинциях Австро-Венгрии неграмотных к 1900 г. было лишь около 1%, в то время как в некоторых восточных регионах доходило до 70%.

Сочетание роста грамотности и достижений промышленной революции (появление наборных и ротационных машин) превратило XIX в. в самое читающее столетие. Произошла так называемая «вторая читательская революция»: если первая пришлось на Раннее новое время и заключалась в секуляризации чтения, то вторая означала его демократизацию, превращение в массовый феномен. Неуклонно возрастало предложение книжной продукции: в конце 10-х гг. в Германии и Франции было выпущено, соответственно, 3864 и 4126 названий книг, в середине века — 9053 и 9891, в 1911 г. — 32 998 и 32 834. Во многих странах с последних десятилетий века приступают к выпуску массовыми тиражами дешевых книг для народа. Доступности книг содействовали также их печать в дешевых приложениях к газетам, практика чтения вслух в семьях и читательских кружках и особенно быстрое развитие библиотек.

Еще более доступным чтением являлась пресса. Ее развитию способствовали изменения в скорости и инфраструктуре распространения информации, ставшие возможными в результате «транспортной революции» и появления те-

леграфа. Возникли первые новостные агентства — французское «Тавас» (1835), американское «Ассошиэйтед пресс» (1848), немецкое «Вольф» (1849). Быстрое развитие рекламного бизнеса укрепило финансовое положение газет. Доходы от рекламных объявлений делали позиции газет более независимыми и одновременно позволяли снижать их цену, расширяя круг читателей. Решающим же политическим условием явилось неуклонное ослабление цензуры, вплоть до ее полного исчезновения. В результате всего этого пресса переживала настоящий «золотой век».

Ведущие позиции занимали солидные буржуазные газеты, такие как появившиеся еще в конце XVIII в. лондонская «Таймс» и аугсбургская «Альгеймайне цайтунг». Вместе с этим в XIX в. возникают и завоевывают позиции такие лидеры печатного рынка, как французская «Фигаро» (1826), американская «Нью-Йорк таймс» (1851), английская «Дейли телеграф» (1855), итальянская «Коррьере делла сера» (1876). Поскольку в отличие от сегодняшнего дня, в XIX в. именно печатное слово являлось главным источником информации и важным способом развлечения, ко второй половине века возник чрезвычайно пестрый и насыщенный мир газет и периодики, рассчитанной на самые разные вкусы и потребности. Бульварная пресса в духе американской «Сан» (1833), готовой ради привлечения читателей вести репортажи об обитателях Луны, соседствовала с высшими стандартами таких интеллектуальных журналов, как шотландское «Эдинбург ревью» (1802) и французское «Ревю де де монд» (1829); сатирические журналы охватывали спектр от низкопробных комиксов до парижского «Шаривари», с которым сотрудничали такие крупные художники, как О. Домье и Г. Доре; невообразимое множество политических, профессиональных, религиозных, развлекательных изданий отражало тончайшие нюансы и одновременно формировало духовную жизнь эпохи.

Чтение позволяло отдельному человеку участвовать в надрегиональных коммуникационных сообществах, формируя общественность и общественное мнение на национальном уровне. Однако одновременно оно давало правительствам небывалые ранее возможности воздействия, манипулирования общественным сознанием в первую очередь посредством газет, для чего во многих странах создавались специальные фонды. Вместе с тем чтение облегчало ориентирование в быстро менявшемся мире, благодаря ему все большее количество людей оказывало в состоянии воспринимать искусство и знакомилось с достижениями науки.

Развитие науки. В XIX в. наука претерпевает значительные количественные и качественные изменения, радикально меняется ее роль в обществе и экономике.

Важнейшими процессами являлись дифференциация, профессионализация и институционализация науки. Дифференциация и специализация науки привели к оформлению отдельных ее отраслей в самостоятельные отрасли знания, с четко выраженным предметом и методом — например, именно в XIX в. термины «биология», «физика» стали использоваться в качестве наименования научных дисциплин. Если прежде занятия наукой, как правило, не знали четких методических ограничений и часто имели оттенок любительства, то теперь ею занимались ученые-профессионалы, для которых исследование конкретной отрасли знания являлось основным жизненным предназначением.

В XIX в. появляется множество научных обществ и организаций, однако важнейшим научным институтом становится университет, сама концепция которого существенным образом меняется: его главная функция заключается отныне не столько в сохранении и упорядочении существующего знания, сколько в производстве знания нового. Отныне преподаватель университета был одновременно исследователем, а само преподавание связывалось с результа-

тами его изысканий. Именно университетский преподаватель являлся типичным ученым XIX в. Соответственно новому характеру университета менялись и формы преподавания: откликаясь на продолжавшуюся дифференциацию науки, возникают новые факультеты и кафедры; непосредственная связь с исследованиями приводит к появлению таких практических форм учебной деятельности, как лаборатории и клиники в естественных науках и семинары в гуманитарных. В организационном отношении университеты повсеместно выходят из-под контроля церкви и достаточно четко подразделяются на государственные и частные. Особенно быстро становление новой университетской системы шло в Германии, где основанный в 1810 г. Берлинский университет стал первым воплощением и образцом новой концепции исследовательского университета, а также во Франции. В то же время университеты в Италии, Испании и Англии сохраняли многие архаические черты, например, ограничения на доступ в Оксфорд и Кембридж по конфессиональному принципу.

Наука в XIX в. начала играть небывало важную роль в развитии экономики и в общественной жизни, что объяснялось такими ее новыми чертами, как непосредственная связь с практикой и востребованность в качестве мировоззренческой инстанции. Многие открытия прямо облегчали жизнь людей, делали ее комфортнее и даже продлевали ее. Так, работы Л. Пастера (1822—1895) и Р. Коха (1843—1910) не только положили теоретическое начало микробиологии, но и способствовали развитию медицины и пищевой промышленности; практическим последствием исследования электромагнетизма М. Фарадеем (1791—1867), Дж. Максвеллом (1831—1879) и Г. Герцем (1857—1894) стало использование электричества, а позднее — изобретение радио и открытие рентгеновских волн; в химии работы Ю. Либиха (1803—1873) привели к началу использования искусственных удобрений, повысивших урожайность, а изобретенный им хлороформ избавил людей от страданий во время операций.

Но не только подобные открытия способствовали тому колоссальному авторитету, который приобрела наука в XIX в. С прогрессом секуляризации наука в значительной степени перенимает у церкви функции толкования окружающего мира. Успехи образования, наступление «века чтения» как никогда прежде стимулировали любознательность, стремление познать окружающий мир, на которые наука часто могла ответить точнее и полнее религии.

Наука была востребована не только в своей описывающей, но и в объясняющей функции. Ведущим подходом являлся историзм, объяснявший происхождение человека и мира вокруг него. Настоящий переворот не только в биологии, но и в общественном сознании произвело эволюционное учение Ч. Дарвина (1809—1882) — самая широко известная и социально значимая научная теория XIX в. Происхождение человека от животных предков и включение его в бесконечный процесс эволюции в самой основе подрывало христианское видение человеческой истории, а перенесение движущей силы этого процесса — «борьбы за существование» на человеческое общество, так называемый социал-дарвинизм, стал одной из ведущих моделей для описания социальных, национальных, расовых отношений, а также экономической конкуренции и политики на международной арене.

Исторический подход утвердился и в других науках, получая все новые и новые подтверждения. Открытия Ж. Кювье (1769—1832) и Ж.-Б. Ламарка (1744—1829) положили начало палеонтологии и продлили известное ранее прошлое в доисторическую эпоху. Успехи археологии на многие тысячелетия углубили историю человечества и продемонстрировали этапы восхождения человека от примитивных форм до его современного облика. Историзм торжествовал практически во всех гуманитарных науках: в филологии утвердился сравнитель-

но-исторический метод, одним из родоначальников которого был В. Гумбольдт (1767—1835); в юриспруденции выделялась немецкая «историческая школа права», связавшая его с этапами развития «народного духа»; ведущим направлением в философии первой половины века стало учение Ф.В. Гегеля (1770—1831), который считал историю результатом развития «мирового духа», проявлявшего себя в закономерной смене исторических эпох, движимых диалектической борьбой противоположностей. Своей кульминации историзм достиг в сочинениях немецкого историка Л. Ранке (1795—1886), утверждавшего, что любое явление есть плод «органического» исторического развития и может быть понято только как таковое.

Успехи науки предопределили ее высочайший престиж и утверждали в общественном сознании оптимизм в отношении будущего. Однако вместе с тем развитие науки несло в себе и противоположные тенденции. Углублявшаяся специализация науки, предпочтение анализа синтезу, дробление картины мира на бесконечное множество явлений приводили к тому, что терялось ощущение целого, мир становился все менее понятным, а непонятное могло восприниматься как угроза. Все более прочные позиции в науке завоевывал позитивизм, основоположник которого О. Конт (1798—1857) призывал отказаться от обобщений в пользу исследования и описания отдельных явлений и фактов. В целом наука, с ее безусловными конкретными успехами и все менее понятным общим ходом развития, вносила свой вклад в противоречивое самосознание эпохи, в равной степени допускавшее и оптимистичное, и пессимистичное видение будущего.

То же касалось идеи прогресса. Рожденная Просвещением, эта идея именно в XIX в. приобретает всеобщее признание, превратившись в ведущую черту мировоззрения, в своего рода символ веры нового века. Абстрактные построения просветителей отныне находили подтверждение не только в материальных изменениях, принесенных промышленным переворотом, но и в науке, исторический подход которой в самых разных отраслях показывал движение от низшего к высшему, от примитивного к более развитому. Однако вместе с этим нарастал и скепсис в отношении неизвестных и непредвидимых результатов бесконечного прогресса. Как писал немецкий философ Ф.В. Шеллинг (1775—1854), «идея непрекращающегося прогресса есть идея бесцельного прогресса, а то, что не имеет цели, не имеет смысла; следовательно, бесконечный прогресс — это самая пустая и мрачная мысль». Ранее всего подобные настроения проявили себя в художественной культуре и, в первую очередь, в романтизме.

От классицизма к романтизму. Классицизм вошел в культуру XIX в. не как его собственное порождение, а в качестве наследия предыдущего столетия, Века разума, Просвещения. В его основе лежал специфический образ мира и человека, ведущей чертой которого был рационализм, представление о разумном устройстве мира и исправлении его несовершенств силой человеческого разума. Создавая оптимистичный образ человека как в первую очередь разумного существа, просветители часто идеализировали его, превращая в абстрактного человека «как такового». Эстетика классицизма требовала служения прекрасному, что одновременно подразумевало важную моральную функцию: показывая достойный подражания идеал, побуждать к добродетели. Сам же этот идеал казался раз и навсегда достигнутым в шедеврах античности.

Подобные представления вполне разделялись многими деятелями искусства и в XIX в. Так, француз Ж.-О.Д. Энгр (1780—1867), крупнейший представитель классицизма в живописи первой половины столетия, заявлял, что «искусство должно быть только прекрасным и учить нас красоте». Классицизм долго сохранял свое влияние в изобразительном искусстве во многом благодаря деятельности Академий художеств, по всей Европе обучавших новые поколения худож-

ников канонам классицизма, а также поддержке властей, поощрявших консерватизм в искусстве. Укреплению его позиций отчасти способствовала и волна «эллинофильства», поднявшаяся в Европе в связи с греческой борьбой за независимость в 20-е гг. В Баварии известный своим эллинофильством король Людвиг I (1786—1868) перестроил в стиле классицизма исторический центр Мюнхена. Многие творения в духе классицизма принадлежали к вершинам искусства XIX в.: в живописи работы французского художника Ж.-Л. Давида (1748—1825) и его школы, в скульптуре — произведения итальянца А. Кановы (1757—1822), датчанина Б. Торвальдсена (1770—1844), немца И.Г. Шадова (1765—1850), создателя знаменитой квадриги на Бранденбургских воротах в Берлине. Выдающимися архитекторами своего времени являлись К.Ф. Шинкель (1781—1841), придавший классицистский облик центру Берлина, Дж. Нэш (1752—1835), автор многочисленных ансамблей, в том числе Букингемского дворца и комплекса Трафальгарской площади; французы Ш. Персье (1764—1838) и П. Фонтен (1762—1853) стали фактически создателями стиля ампир, своеобразного имперского варианта классицизма. В литературе непревзойденными оставались достижения «веймарского классицизма» — произведений И.В. Гете (1749—1832) и Ф. Шиллера (1759—1805), хотя труд всей жизни Гете «Фауст» (1831) не укладывался в строго классицистские рамки.

Для произведений классицизма было характерно совершенство формы и композиции, в частности, в живописи фигуры людей изображались с безукоризненной, почти анатомической точностью. Однако в целом языка классицизма уже не хватало, чтобы ответить на те вопросы, которые задавал себе XIX в. — как писал Стендаль, в совершенстве изображая тела, искусство классицизма не способно передать душу. Именно попыткой проникнуть вглубь человеческой души характеризуется в первую очередь новый художественный и мировоззренческий феномен — романтизм.

В отличие от классицизма, романтизм был подлинным порождением своего века. Являясь отчасти реакцией на художественные методы классицизма, романтизм в еще большей степени представлял собой попытку осмысления на глазах менявшегося мира — разрушения традиционного общества, начала «века машин» и городской жизни, революций и национальных движений. Человек перед лицом стремительных изменений окружавшего его мира — вот что стало главной проблемой романтизма. Романтикам было очевидно, что классицизм с его статичностью, стилистическими ограничениями и застывшими канонами не способен отреагировать на быстрое и полномасштабное изменение форм жизни, необходим поиск нового художественного языка. В теоретических работах немецких философов (Шеллинга, братьев А.В. и Ф. Шлегелей), в сочинениях писателей-романтиков отвергалась холодная «пустыня разума» классицизма и его абстрактное видение человека. Отрицая жанровые и тематические ограничения, романтики стремились показать жизнь во всем ее многообразии, выделяя не только типическое, но и индивидуальное, не покой и гармонию, а движение и изменения. Однако именно эта новая концепция творчества, не знающего никаких ограничений, предопределила чрезвычайную пестроту и расплывчатость романтизма как художественного феномена, отсутствие в нем единой стилистической структуры.

Обращаясь к личности человека, романтики заново открыли мир человеческих чувств, мир фантазии и воображаемого. Чувства, интуиция должны были помочь проникнуть в суть вещей, доискаться до истин, не постигаемых разумом. Типичной чертой романтизма стало двоемирие, подразумевавшее противопоставление неприглядной действительности и мира, рожденного фантазией художника и отделенного от реальности временем и пространством путем

перемещения действия в далекое прошлое или экзотические страны. Помещая героя в исключительные обстоятельства, романтики добивались более яркого, концентрированного выражения его чувств, показывали глубины человеческой души. Не случайно В. Гюго (1802—1885), крупнейший представитель французского романтизма, сравнил искусство не с простым, а с концентрирующим зеркалом. Чувства литературных героев, цвета и пластика в живописи, музыкальные образы в романтической опере — все это достигает крайней степени интенсивности. Одновременно романтизм порывает с классицистской традицией идеализации человека, показывая не только его «светлую» сторону, но и всю сложную природу человеческого «я» — зло, низменные чувства, иррациональное. Одним из первых подобное изменение взглядов на человека отразил в своем творчестве Ф. Гойя (1746—1828), в частности, в циклах «Капричос», «Бедствия войны» и в так называемой «черной живописи». Излюбленным мотивом романтиков становится ночь как метафора всего таинственного, а также сон, трактованный как раскрепощение души. Если в традиции классицизма ночь воплощала собой зло, а восход солнца и день означали победу над ним, то романтики воспевали сумерки и ночь. «Ты тоже благоволишь к нам, сумрачная Ночь? Что ты скрываешь под мантией своей, властно трогая мне душу?», — писал в «Гимнах к ночи» один из основоположников романтизма немецкий поэт и философ Новалис (1772—1801). Ночь вдохновила композиторов на создание нового жанра музыкального романтизма — ноктюрна (фр. *nocturne* — ночной), которому отдали дань Ф. Шопен (1810—1849), Р. Шуман (1810—1856), Ф. Лист (1811—1886); в живописи романтизма темы ночи и сна нашли бесчисленные отображения, начиная от мечтательных изображений лунной ночи до ужасов ночных кошмаров («Сон разума» Ф. Гойи, «Ночной кошмар» И.Г. Фюсли). Пристрастие романтиков ко всему странному и таинственному в противоположность ясности и рациональности классицизма послужило основанием к известному высказыванию Гете о том, что классическое — это здоровое, а романтическое — большое.

Тема индивидуализма, взаимоотношений личности и общества, магистральная для культуры XIX в., нашла в романтизме одно из самых полных своих проявлений. Центральной фигурой многих произведений являлся романтический герой — одинокий, гордый и непонятый. Разрушение традиционного общества и порожденный этим социальный и духовный дискомфорт художественно преломлялись в сложном комплексе чувств, названном французским писателем-романтиком А. де Мюссе (1810—1857) «болезнью века» (*mal du siècle*), а у его немецкого коллеги Жана Поля (1763—1825) получившем наименование «мировой скорби» (*Weltschmerz*): разочарование в мире, пессимизм, печаль во всех возможных проявлениях, от «счастья быть грустным» до отчаянья, утрата связи с окружающим миром. Романтический герой бросает вызов обществу, однако не пытается его изменить, выступая чаще всего не как борец, а как погруженный в свой собственный внутренний мир эгоист, не признающий общепринятых правил и морали. Таков Чайльд-Гарольд Дж. Г. Байрона (1788—1824), ставший своеобразным архетипом романтического героя, Рене из одноименной повести Ф.Р. Шатобриана (1768—1848), Октав из «Исповеди сына века» А. де Мюссе и многие другие.

Развитие романтизма в странах Европы и в США. Основываясь на общих идейных и эстетических подходах, романтизм имел свои особенности в отдельных странах. Так, в появившемся уже в конце XVIII в. немецком романтизме особенно сильно звучала тема глубокого, почти экзистенциального одиночества. Проходя красной нитью через лирическую музыку Шумана и Шуберта, отражаясь в поэзии Л. Тика (1773—1853), она достигла своего апогея в полот-

нах К.Д. Фридриха (1774—1840), картину которого «Странник над морем тумана» можно считать самым полным воплощением образа романтического героя в живописи. Одинокие фигуры на фоне природы символизируют встречу человека с неизвестным миром, часто несущем угрозу и хаос. Немецкий романтизм пронизывало острое чувство несовершенства мира, но вместе с тем — надежда на его исцеление, символом которого являлся загадочный Голубой цветок, а его поиск означал стремление к восстановлению утраченной мировой гармонии. Творчество немецких романтиков мало затрагивало реалии Германии начала XIX в., хотя их обращение к прошлому, воспевание «народного духа» в творчестве К. Брентано (1778—1842) и Г. Клейста (1777—1811) способствовали развитию немецкого национального самосознания. Однако к 40-м гг. подобная оторванность от общественно-политической жизни стала подвергаться критике писателей-демократов объединения «Молодая Германия», а также со стороны Г. Гейне (1797—1856), творчество которого озаменовало собой одновременно кульминацию и завершение эпохи романтизма в Германии. Ее финалом стал бидермайер — «комнатный романтизм», противопоставлявший неприглядной действительности уже не иные миры, а лишь уют собственного дома, интимность частной жизни.

Наряду с Германией романтизм ранее всего заявил о себе в Англии. В отличие от немецкого, английский романтизм не поднимался на отвлеченные метафизические высоты. Исключение составляло творчество У. Блейка (1757—1827), художника и поэта, мощь фантазии которого достигала поистине космических масштабов. Одной же из самых востребованных стала проблема взаимоотношения человека и природы. В пейзажной лирике поэтов «озерной школы» — У. Вордсворта (1770—1850), С.Т. Колриджа (1772—1834) и Р. Саути (1774—1843), в романтических пейзажах Дж. Констебла (1776—1837) и У. Тернера (1775—1851) художественно отобразились реалии Англии начала XIX в. — промышленного переворота, тесноты городов, в противовес которым поэты и художники создавали идеализированные образы природы, сельской жизни, простых человеческих чувств. Вместе с тем в поэзии Байрона и П.Б. Шелли (1792—1822) полностью отразились мотивы свободы, как личной, так и народов, борющихся за национальное освобождение, в первую очередь, греков. Английских романтиков также увлекала национальная история, что ярче всего выразилось в творчестве В. Скотта (1771—1832), создателя жанра исторического романа.

Французский романтизм появился несколько позже, чем немецкий и английский, что было связано с кратковременным укреплением позиций классицизма, в облике ампира ставшего фактически официальным искусством наполеоновской эпохи. Революция 1789 г. и порожденный ею общественный раскол предопределили глубокую неоднородность французского романтизма. С одной стороны, в нем были сильны христианско-консервативные мотивы, отмеченные ностальгией по прошлому и неприятием настоящего, в котором, по словам одного из героев Шатобриана, «все снизилось, все пало: возвышенность духа, почтение к вере, строгость нравов сменились изворотливостью ума, неверием и испорченностью». Таковы произведения Шатобриана и А. де Виньи (1797—1863). С другой стороны, именно французскому романтизму были особенно присущи бунтарские настроения, проявлявшиеся в произведениях Гюго и Б. Констан (1767—1830), Ж. Санд (1804—1876), лирике А. Ламартина (1790—1869). Мотивы свободы ярко заявили о себе и в романтической живописи, основоположником которой стал Т. Жерико (1791—1824). Его картина «Плот «Медуза», повествовавшая о брошенных капитаном после кораблекрушения людях, затерянных в океане на небольшом плоту, не только поднимала типичную для романтизма проблему противостояния человека и стихии, но

и была воспринята современниками как критика власти и даже как «корабле-крушение Франции», как аллегория положения страны после краха Наполеона. Ведущим же представителем французского и европейского романтизма в живописи являлся Э. Делакруа (1798—1863), картина которого «Свобода, ведущая народ» стала наиболее полным отражением бунтарских и героических мотивов французского романтизма.

В Италии романтизм получил менее широкое развитие в том числе из-за чрезвычайно сильных позиций классицизма, особенно в живописи. Одной из ведущих тем итальянского литературного романтизма являлась борьба за национальную независимость и единство Италии, получившие отражение в лирике «итальянского Байрона» Д. Леопарди (1798—1837) и творчестве А. Мандзони (1785—1873), в частности, в его знаменитом романе «Обрученные».

Эпоха американского романтизма началась позже европейского, приблизительно с 20-х гг. и продлилась существенно дольше, вплоть до Гражданской войны 1861—1865 гг. Типичное для романтизма двоемирие здесь имело свою специфику. В силу исторических особенностей развития США американские романтики были лишены возможности противопоставить реальности миры средневековья и древних легенд, поэтому эту роль часто выполняло изображение идеализированной патриархальной жизни индейцев, как в романах Ф. Купера (1789—1851) и «Песни о Гайавате» Г.У. Лонгфелло (1807—1882). Произведения первого поколения романтиков были полны оптимизма и стремления к художественному открытию огромной страны, что отразилось в творчестве Купера, В. Ирвинга (1783—1859), а также в произведениях художников-пейзажистов «школы реки Гудзон» и ее основателя Т. Коула (1801—1848). В то же время творчество писателей-романтиков Э. По (1809—1849) и Г. Мелвилла (1819—1891) передавало ощущения неудовлетворенности действительностью, трактовало зло как неотъемлемую часть человеческой и социальной природы.

Развитие романтизма не только имело специфику в отдельных странах, но также с разной степенью интенсивности проявляло себя в различных отраслях культуры и искусства. Наименее затронутой им оказалась архитектура в силу присущей ей функции репрезентации, для выполнения которой лучше всего подошла ссылка на уже известные, утвердившиеся в сознании общества формы, а не новаторство и эпатаж. Секуляризация и демократизация как одни из ведущих тенденций эпохи проявились в том, что храм и дворец больше не являлись вершиной творческих устремлений архитекторов. Репрезентационный потенциал архитектуры задействовался для демонстрации нового облика эпохи, отражавшегося скорее не в них, а в зданиях вокзалов и парламентов, с одной стороны, и в частных особняках буржуазии — с другой, а главным художественным средством становились «неостили» — неоклассицизм, неоготика, необарокко.

Влияние романтизма в архитектуре первых десятилетий XIX в. проявилось в популярности «готического» стиля, рассматривавшегося в ряде стран как своеобразное выражение «национального духа» и противопоставлявшегося универсальным формам классицизма. Увлечение готикой сказалось двояко — в завершении строительства либо реставрации подлинных памятников средневековья, а также в создании новых произведений в стиле неоготики. Писатели-романтики не только возвели готическую архитектуру до уровня «национальной», но иногда их произведения прямо влияли на судьбу отдельных памятников. Так, знаменитый роман Гюго «Собор Парижской богородицы» (1831) пробудил общественный интерес к сохранению пришедшего в упадок здания и в итоге привел к его реставрации в 40—60-е гг. Благодаря целой программе восстановления памятников под руководством архитектора Э. Виолле-ле-Дюка (1814—1879) были реставрированы и достроены такие шедевры готической архитекту-

ры, как соборы в Реймсе и Амьене и др. В Германии самым крупным проектом подобного рода стало завершение строительства Кельнского собора, толчком к которому послужил подъем немецкого национализма в связи с выдвинутыми Францией в начале 40-х гг. претензиями на «естественные границы» по Рейну. Возобновление строительства собора — «твердыни на Рейне», многие века стоявшего незавершенным, поддерживалось массовыми движениями по всей Германии и трактовалось не только как своеобразный архитектурный отпор Франции, но и как символ движения за объединение Германии.

Неоготика также распространилась в Германии весьма широко. Однако главным центром неоготики в Европе стала Англия — здесь она появилась раньше всего, дала наиболее крупные и значимые образцы (Английский парламент Ч. Берри, Тауэр-бридж Дж. Вольф-Берри) и получила широкое теоретическое обоснование, в частности, в работах теоретика искусства Дж. Рескина (1819—1890). Английское «готическое возрождение» оказало существенное влияние на архитектуру в других странах, например, Венгрии (здание Венгерского парламента И. Штейндля), США (Собор Св. Патрика в Нью-Йорке Дж. Ренвика, деревянная «плотницкая готика») и др.

Наряду с неоготикой в середине XIX в. стало развиваться необарокко как часть «стиля Второй империи» — архитектуры времен Наполеона III, самым ярким примером которой является здание Оперы Ш. Гарнье. В Германии наиболее значительным образцом необарокко было сооруженное П. Валлотом здание Рейхстага.

В целом ко второй половине XIX в. на архитектуру влиял уже не столько романтизм или иная художественная программа, сколько потребности репрезентации и вкус заказчиков, что привело к господству в ней эклектики.

В музыке романтизм занимал более прочные позиции, оставаясь господствующим стилем на протяжении почти всего столетия. Как и в других видах искусства, романтизм в музыке делал акцент на человеческих чувствах, принеся большую эмоциональную выразительность. Стремление к точной передаче различных оттенков эмоциональных состояний человека привело к расцвету тех жанров камерной музыки, которые в эпоху классицизма находились на вторых ролях — лирической песни и множества видов одноактных фортепианных произведений — ноктюрнов, этюдов, экспромтов, непревзойденным мастером которых был, в частности, Ф. Шуберт (1797—1828).

Новое звучание приобрела и симфоническая музыка. Уже позднее творчество Л. Бетховена (1770—1827) отличалось необычайной эмоциональной насыщенностью и поиском новых музыкальных средств, что особенно заметно в его знаменитой Девятой симфонии. Однако оптимизм, чувство гармонии с окружающим миром, присущие музыке Бетховена, отделяют ее от творчества композиторов-романтиков с их мотивами одиночества, затерянности человека в незнакомом и тревожном мире. Яркой чертой симфонической музыки эпохи романтизма являлась ее программность. В отличие от «чистой» музыки классицизма, как правило, не имевшей никакого внемузыкального содержания, романтики музыкальными средствами обрисовывали события и характеры, запечатленные другими видами искусств, чаще всего литературой и живописью. Самым ярким представителем программной музыки был французский композитор Г. Берлиоз (1803—1869). Солирующий альт в его симфонии «Гарольд в Италии» стал настоящим музыкальным воплощением образа одинокого и мятущегося романтического героя, навеянного произведениями Байрона. В программной музыке отразилась характерная для романтизма идея синтеза различных искусств, с помощью которого романтики стремились как можно полнее отобразить действительность, преодолевая односторонность отдельных

видов искусства. Вершиной подобных стремлений стала концепция «совокупного произведения искусства» немецкого композитора Р. Вагнера (1813–1883), подразумевавшая синтез музыки, поэзии и театрального действия, воплощенная в его операх цикла «Кольцо Нибелунга».

Опера, основными центрами которой в XIX в. являлись Италия, Германия и Франция, стала из самых ярких выражений музыкального романтизма. Практически исчезает популярный в предыдущем столетии жанр комической оперы, одними из последних шедевров которой явились «Севильский цирюльник» и «Золушка» Дж. Россини (1792–1868). Преобладает так называемая «большая опера» на героико-романтические или исторические сюжеты, в которой драматические судьбы главных героев разворачиваются на фоне крупных исторических событий. Композиторы, как, например, К. М. Вебер (1786–1826) в «Вольном стрелке» активно используют народные мелодии и сюжеты легенд, рисуют картины далекого прошлого, чаще всего опираясь на произведения представителей литературного романтизма. Например, сюжеты опер «Пуритане» В. Беллини (1801–1835) и «Лючия ди Ламмермур» Г. Доницетти (1797–1848) основывались на произведениях В. Скотта. Мотивы бунта, героического стремления к свободе были представлены в операх этого времени настолько сильно, что часто взывали зрителей не только к эмоциональному сопереживанию, но и к непосредственному действию. Так, сигналом к началу революции в Бельгии в 1830 г. послужила постановка оперы «Немая из Портичи» французского композитора Д.-Ф.-Э. Обера. Дж. Верди (1813–1901), крупнейший оперный композитор своего времени, заслужил славу «маэстро итальянской революции», поскольку его оперы несли в себе призыв к борьбе как против иностранного владычества («Набукко»), так и против деспотизма и произвола («Риголетто»).

Под знаком реализма. Популярное в середине XIX в. слово «реальный» как нельзя лучше передает одно из преобладавших в обществе настроений — стоять на почве фактов и вещественности, отвергая разного рода иллюзии и идеализм. «Реальным», т. е. практически полезным естественнонаучным предметам обучали в реальных гимназиях; с 50-х гг. начинает свое победное шествие концепция «реальной политики», призывавшая исходить исключительно из данностей и интересов; все больше людей стремятся к «реальным» жизненным идеалам.

Подобные настроения отчасти соответствовали историческим условиям второй половины века, когда материальное, экономическое все больше приобретало в значении в связи с успехами промышленной революции и двумя десятилетиями лет благоприятной экономической конъюнктуры. Все «идеальное», напротив, теряло общественную привлекательность: религия подвергалась все более острой критике, вплоть до провозглашения ее немецким философом Л. Фейербахом (1804–1872) человеческой выдумкой; в политике разочарования в революции 1848 г. вылились в отрицание «идеализма», «нереалистичности» предшествовавших ей настроений и действий. «Реализм», понимаемый как стремление жить здесь и сейчас, широко распространился в буржуазной среде, найдя свое классическое воплощение в викторианской Англии и во Франции Второй империи. В искусстве главным отражением подобных настроений стала салонная живопись, «реализм» которой выражался в фотографически точной передаче отображаемого и безупречной технике, что соответствовало представлениям буржуазных заказчиков о добротности и качестве.

Вместе с тем уже с 30-х гг. XIX в. о себе заявил реализм совсем иного рода — новый художественный метод, поставивший себе задачу «полного отображения своего времени», как выразился один из его создателей О. де Бальзак (1799–1850). Если романтизм был уходом от действительности, то реализм являлся возвращением к ней. В отличие и от классицизма, и от романтизма, сторонники

реализма стремились к отображению действительного мира, к «правде жизни» и именно в этом видели ценность искусства. Если романтизм во многом представлял собой реакцию на рождение нового мира, мира XIX в., то реализм пытался осмыслить его как данность, стараясь как можно шире и глубже отобразить социальную действительность. Эта задача ни в коем случае не подразумевала лишь точное воспроизведение окружающего мира: «Задача искусства не в том, чтобы копировать природу, но чтобы ее выразить... Нам должно схватывать душу, смысл, характерный облик вещей и существ», — такую программу реализма выразил Бальзак устами художника, героя новеллы «Неведомый шедевр».

Важной чертой литературы и искусства реализма являлся его демократизм, о котором свидетельствовал уже сам выбор сюжетов. Если в классицизме изображалось только достойное изображения, а романтизм, за редким исключением, не опускался до прозаической действительности, то реализм заявлял о себе как о демократическом искусстве, отрицающая любые иерархии. Темы «маленького человека», бедности, тяжелого рабочего и крестьянского труда, социальных пороков находили в творчестве реалистов самое широкое отражение, часто вызывая неприятие публики и критики. Выбор подобных тем часто заявлялся как осознанная позиция, со свойственной художникам XIX в. саморефлексией, чутьем к собственной эпохе: «Живя в XIX в., в эпоху всеобщего голосования, демократии, либерализма, мы задали себе вопрос: могут ли так называемые “низкие классы” не имеют права на роман?», — задавались вопросом популярные французские писатели братья Гонкуры. Демократизм выражался и в социально-критической позиции, которую нередко занимали реалисты. Ч. Диккенс (1812–1870) в романе «Домби и сын», Бальзак в «Гобсеке», Домье в своих карикатурах изображали поглощенных жаждой наживы дельцов, не знающих жалости и сострадания; романы У. Теккерея (1811–1864) и Флобера показывали пошлость, лицемерие и моральную нечистоплотность, скрывавшуюся под блестящей поверхностью буржуазного общества.

Ранее всего реализм заявил о себе во Франции. Уже с 30-х гг. художники «барбизонской школы» начали рисовать реалистические пейзажи, однако определяющими для нового направления стали 50-е гг., связанные с творчеством Г. Курбе (1819–1877) — ключевой фигуры французского и европейского реализма. В 1855 г. он бросил вызов салонному искусству, открыв в противовес официальной выставке свой знаменитый «Павильон реализма», каталог к которому явился манифестом реализма с его лозунгом «творить живое искусство», отказываясь и от идеализации человека классицизмом, и от фантазий романтизма. В «Похоронах в Орнани», «Дробильщикам камней» Курбе, «Собирающих колосьев» Ж.-Ф. Милле (1814–1875), пейзажах К. Коро (1796–1875), «фабричных» произведениях А. Менцеля (1815–1905) действительность предстает без всяких прикрас.

Писателей-реалистов, как и романтиков, интересовали взаимоотношения личности и общества, однако акцент во многом смещался с первого на второе: литераторы старались всесторонне исследовать современное им общество как среду, оказывающую определяющее влияние на формирование личности, создающую определенные типы людей, подобно тому, как природная среда воздействует на формирование животных видов. Особенно ярко подобный подход, в котором явственно ощущается влияние успехов естественных наук, проявился в цикле «Человеческая комедия» Бальзака. С другой стороны, от современных им историков (О. Тьерри, Ф. Гизо, Ж. Мишле) писатели-реалисты восприняли представление о сложном социальном составе общества, что также помогло им в его анализе. В отличие от романтизма, больше склонявшегося к лирике и малой прозе, главным литературным жанром реализма был большой роман,

поскольку он позволял, пользуясь словами американского писателя Г. Джеймса (1843—1916), «обозреть все поле целиком», представить полноценную панораму общественной жизни.

Реализм имел множество форм и национальных особенностей. Так, в американском реализме, начавшем свой отчет позже европейского, часто осмысливалась тема рабства, а посвященный ей роман Г. Бичер-Стоу (1811—1896) «Хижина дяди Тома» стал одним из мировых бестселлеров XIX в. Французский реализм испытал на себе особенно заметное влияние романтизма, ярче всего проявившееся в таких романах М.-А. Стендаля (1783—1842), как «Пармская обитель» и «Красное и черное». Глубоким психологизмом отмечены произведения Т. Фонтане (1819—1898) как самого крупного представителя немецкого «поэтического реализма».

Исследуя современное им общество, писатели-реалисты не могли не почувствовать одну из самых важных черт возникавшего нового индустриального мира — его механистичности и обезличенности: «То был город машин и высоких труб... Он состоял из нескольких больших улиц, очень похожих одна на другую, множества маленьких улиц, еще больше похожих одна на другую, населенных людьми, которые точно так же были похожи один на другого, входили и выходили в одни и те же часы... для одной и той же работы», — писал Диккенс в «Тяжелых временах». Однако противоречивое самосознание эпохи было таково, что то же самое превращение людей в безликую массу, которое вызывало возмущение Диккенса, заставляло других авторов опасаться скорее последствий этого процесса для судеб культуры.

Искусство для искусства. Если реалисты видели главный смысл искусства в постижении окружающей действительности, то сторонники идеи «чистого искусства» отвергали ее, искусство образовывало для них противоположный полюс реальности. Возникшая буржуазная цивилизация с ее прагматичной безжалостностью, бездушное механическое производство, растущие города, наполненные обезличенными толпами — все то, что побуждало реалистов к социально-критической позиции, одновременно служило почвой для возникновения концепции «искусства для искусства». Она провозглашала самоценность искусства, его полную независимость от окружающих социальных и политических условий, целью искусства объявлялось служение красоте. «Искусство для искусства» отчасти являлось реакцией на «школу безобразного» — реализм с его чрезмерным стремлением показать «изнанку общества», а также на материалистический дух своего времени с его преклонением перед всем «реальным», полезным и практичным. В противовес этому французский писатель Т. Гюлье (1811—1872), одна из ключевых фигур «чистого искусства», декларировал подчеркнута «беспользней» идеал красоты: «подлинно прекрасно лишь то, что не может приносить никакой пользы, все полезное — безобразно». Эстетизм, провозглашавший прекрасное высшей ценностью, а целью искусства — служение красоте ради нее самой, у некоторых сторонников «чистого искусства» носил элитарный характер, в разительном отличии от демократизма реалистов. Возникает образ «башни из слоновой кости», в которой художник, возвышаясь над толпой и суеютой повседневности, творит высокое искусство.

В литературе идея «искусства для искусства» самое яркое воплощение получила во Франции. Отмежевываясь не только от приземленности реализма, но и от романтиков с их кипением страстей, поэты-«парнасцы» (по названию поэтического сборника «Современный Парнас» 1866 г.) — Гюлье, Ш. Леконт де Лилль (1819—1894), а также будущие основатели символизма П. Верлен (1844—1896) и С. Малларме (1842—1898), заявляли о себе как о бесстрастных творцах высокой холодной красоты, мастерах формы, «словесной живописи».

В живописи позиции «чистого искусства» были более всего близки прерафаэлитам — объединению молодых художников вокруг Д. Г. Россетти, У. Х. Ханта и Дж. Э. Милле, возникшему в 1848 г. в Лондоне. Посреди промышленной Англии с ее буржуазной викторианской моралью появилось движение, которое стилистически ориентировалось на раннее Возрождение «до Рафаэля», а эстетически понимало себя как наследника английского поэта-романтика Дж. Китса (1795—1821), одним из первых подчеркнувшего самостоятельную эстетическую ценность искусства. Чувственные, отчасти мистические образы, тщательная проработка каждой детали, декоративизм произведений художников-прерафаэлитов позднее оказали влияние на возникновение стиля модерн, а также стали вехой в истории дизайна благодаря деятельности Дж. Морриса (1834—1896), основавшего движение «Искусство и ремесла» с программой возрождения ручного ремесленного труда, противопоставлявшегося безликой машинной продукции.

Особый взгляд на соотношение искусства и реальности был представлен импрессионизмом. К его появлению привела не только внутренняя логика развития искусства, постоянно требовавшая создания нового языка для осмысления окружающего мира, но также и технический прогресс, в частности, триумф фотографии в последние десятилетия XIX в. Развитие фотографии представляло собой вызов художнику, поскольку ставило под вопрос общепризнанно важнейшую часть его ремесла — умение добиться сходства. Фотография подтолкнула художников на поиски иных возможностей видения и передачи реальности. Самой успешной и значимой попыткой такого рода стал импрессионизм как новый художественный метод, заявленный знаменитой выставкой 1874 г. в Париже с участием К. Писсарро (1830—1903), К. Моне (1840—1926), П.-О. Ренуара (1841—1919), Э. Дега (1834—1917) и др.

Противопоставляя себя академизму как выбором сюжетов из текущей реальности, так и своей революционной техникой, импрессионисты вместе с тем выражали сходное с ним мироощущение благополучия и оптимизма, далекое от эмоций, которые будили картины художников-реалистов. Не создавая, подобно романтикам, фантастических миров и работая на натуре, они, тем не менее, отказались от основополагающего принципа реализма — стремления передавать «характерный облик вещей и существ». На место типизации приходит ее противоположность — единичное, уникальное, рожденное «случайностью взгляда». Однако не поднимая больших сюжетов и не стремясь исследовать современную им эпоху, творчество импрессионистов стало значительным рубежом в истории искусства, фактически заявив о начале рождения искусства современного. Во-первых, специфическая техника импрессионистов разрушала предметность отображаемого объекта (в частности, искажала его цвет), указывая путь к абстрактному искусству. Во-вторых, в импрессионизме проявилась черта, очень важная для искусства зарождавшегося XX в. — перенос акцента с реальности на собственные ощущения. Не совершенные формы классицизма, не туманный идеал романтизма, не «правда жизни» реализма, а собственное «я» становится главным для художников. Они все чаще задаются вопросом не «что я вижу?», а «как я вижу?». Субъективное начало, столь важное для культуры XIX в., впервые с такой отчетливостью заявило о себе в искусстве и уже через считанные десятилетия станет одной из магистральных линий его развития. Те же черты были присущи музыкальному импрессионизму, главным представителем которого стал К. Дебюсси (1862—1918).

Пытаясь в буквальном смысле слова запечатлеть мгновение, импрессионисты в опосредованной искусством форме передавали то ощущение постоянно менявшегося мира, которое было характерно для настроений в обществе, усиливаясь от начала века к его концу.

Пространство и время. Глубокие перемены в обществе лежали в основе принципиальных изменений в восприятии окружающего мира, в том числе таких его казавшихся незыблемыми основ, как пространство и время.

Главной причиной изменившихся ощущений пространства стала «транспортная революция», сделавшая далекое близким. То, что раньше занимало месяцы, отныне измерялось днями, а дни путешествий превращались в часы. Например, пересечь территорию США от океана до океана в первой половине века можно было приблизительно за 3 месяца, во второй — за 7 дней; путь от Парижа до Марселя сократился с 4,5 дней до 14 часов. Эти изменения были не только глубокими, но и очень быстрыми, а ощущения от них, в силу существенно возросшей мобильности населения, урбанизации и миграций — всеобщими.

Не менее важным было и духовное освоение пространства. Школьное образование распространяло географические знания и представления о различных регионах земли; газеты наполняли их актуальным политическим содержанием, а приключенческие романы, например, бестселлеры Ж. Верна (1828—1905) будили эмоции; к концу века во многих домах имелись глобусы и карты, которые делали виртуальное освоение пространства предметным — на них, например, переставляли национальные флажки, отмечая колониальные успехи своей страны. В целом на протяжении жизни буквально 1-2 поколений пространство переставало быть непреодолимым и враждебным, оставляя то ощущение, которое образно выразил Гейне: «Железные дороги убивают пространство, и теперь нам остается только время».

В действительности со временем происходили еще более важные перемены. Ни в одну предыдущую эпоху время не играло такой роли в общественном сознании и в жизни отдельного человека. Перемены в значительной степени были связаны с техническим прогрессом, одним из самых ощущаемых следствий которого стало отступление сумерек. Веками хозяйственная и частная жизнь диктовалась световым днем, после окончания которого все замирало, и наступала почти полная темнота. Жилища едва освещались лучинами и пламенем очага, на улицах царил мрак. С XIX в. началась эпоха света. В 20-е гг. были изобретены дешевые и яркие стеариновые свечи, в 50-е гг. — керосин и керосиновая лампа. На улицах появляется постоянное газовое освещение — в 1807 г. в Лондоне, в 1815 г. в Париже, в 1826 г. в Берлине. С последних десятилетий XIX в. стремительно распространяется электрическое освещение. Искусственное освещение не только изменило традиционное восприятие сменяемости времен суток, но и имело важные экономические последствия и привело к большому разнообразию форм досуга.

Изменилась точность измерения времени. На смену солнцу как главному ориентиру приходят часы, которые из украшения городской ратуши и атрибута богатства частных лиц превращаются в повсеместно распространенный и необходимый инструмент измерения времени. Став типичной чертой городского пейзажа, часы к тому же находят массовое распространение: если в конце XVIII в. ежегодное мировое производство часов составляло 350—400 тыс. штук, то в 1875 г. — 2,5 млн. Происходит унификация времени, главной движущей силой которой было развитие железнодорожного транспорта. Если в начале века существовали тысячи локальных исчислений времени, то ко второй половине века потребности железнодорожного расписания приводят к необходимости его синхронизации, а изобретение телеграфа делает это технически возможным. Дальнейшее развитие экономики довело этот процесс до логического завершения, и в 1884 г. было установлено единое мировое время.

Все это свидетельствовало о том, что время в несравненно большей степени, чем прежде, определяло жизнь человека. В доиндустриальном обществе

течение времени отмечалось естественными индикаторами — сменяемостью времен года и времени суток, очередностью сельскохозяйственных работ, потребностями скота. Теперь на их место приходит абстрактно измеряемое время — часы, заводской гудок, разного рода расписания. Умение с ним обходиться стало важной составляющей социального дисциплинирования — процесса, шедшего на протяжении всего Нового времени и в XIX в. вступившего в свой решающий этап. Спонтанность действий и решений подавлялась в пользу рациональности — способности планировать, распределять по времени свои доходы, приходить вовремя. Понадобились целые десятилетия наказаний и штрафов, чтобы, в частности, добиться точной явки на завод, однако к концу века пунктуальность уже безусловно считалась важным принципом западной цивилизации, а отсутствие таковой — свидетельством нецивилизованности.

Изменились также ритм и темп жизни. В аграрном обществе ритм жизни подчинялся естественным сменам времен года и сезонных работ и был изменчив; ритм наемного труда в городе не менялся в течение года, подчиняясь движению машин и делая жизнь более монотонной. Вместе с тем постоянным ощущением жизни к концу века стало чувство ускорения ее темпа. Это было связано с объективным усложнением социальной жизни, увеличением ролей, в которых должен был выступать человек. Ощущение ускорения рождал и тот поток новостей, событий политической и культурной жизни, новшеств в быту, с которым имел дело человек конца XIX в. и который рождал ощущение, что постоянно «что-то происходит».

Однако главным изменением в восприятии времени стала его связь с трудом. В доиндустриальном обществе не существовало четкого разделения между часами труда и часами досуга. Для крестьянина нормальной была работа от пробуждения до отхода ко сну, прерываемая произвольными паузами на отдых. Противоположностью работе являлся не столько четко очерченный досуг, сколько праздник или воскресенье. Подобного разделения не знали также ни праздные верхи, ни средние слои, работа которых тоже не была четко привязана ко времени.

Наемный труд XIX в. привел к отчетливому разведению часов труда и часов отдыха, к появлению досуга в собственном смысле этого слова. В первой половине века досуг был фактически номинальным из-за чрезвычайно продолжительного рабочего дня. При 14—16-часовом рабочем дне часов вне фабрики едва хватало на физическое восстановление, необходимое для возобновления работы на следующий день. Однако постепенно свободное время увеличивалось, превращаясь в противоположный работе полюс.

Во всех изменениях, связанных с пространством и временем, крайне важным был личностный, индивидуализирующий момент. В отличие от ситуации в доиндустриальном обществе, работа и дом, семья оказались пространственно разведены; внутри дома члены семьи стремились к получению личного пространства, зримым свидетельством чему являлась чрезвычайная популярность ширм; появившийся досуг каждый мог использовать на свое личное усмотрение. Все это стимулировало индивидуализм и субъективное начало как ведущие тенденции развития общественного сознания в XIX в.

Индивидуализм и коллективное сознание. Общественное развитие в XIX в. подчеркивало и стимулировало индивидуальное начало в человеке многократно и с разных сторон. Особенно важными были социальные изменения — разрушение традиционных социальных групп, возросшая пространственная и социальная мобильность. Капиталистический рынок стимулировал личную конкуренцию. В политике безусловно главным был вектор на расширение личных политических и гражданских прав. Наконец, сам феномен города, становив-

шегося средой обитания для все большего числа людей, давал гораздо больше личной свободы, чем сельская жизнь у всех на виду.

Проявления этого нового индивидуализма были также многообразными. Поведение человека в обществе и семье все чаще диктуется личными субъективными установками: он сам принимает решения о работе и карьере; он сам выбирает себе жену; он сам, а не священник и не старший среди родственников, дает имя своему ребенку, в связи с чем увеличивается разнообразие личных имен и появляется мода на некоторые из них. Чувство личной идентичности проявлялось и в росте внимания к самому себе, зримым свидетельством чему стало распространение зеркал. Прежнее предубеждение против них в народной среде, связанное с их хрупкостью, дороговизной и приписываемыми зеркалам свойствами (поощрение порока из-за возможности увидеть собственную наготу и развития кокетства; разбить — дурная примета) сменяется их массовой популярностью. Тому же содействует и распространение фотографии, дававшей возможность не только увидеть себя, но и представить себя таким, каким хочется. Индивидуализму способствовала и новая интеллектуальная ситуация: беспрецедентное многообразие политических, научных, художественных идей и взглядов заставляло человека занимать по отношению к ним какую-то позицию, что также стимулировало в нем субъективное начало.

Вместе с тем существовала и противоположная тенденция — парадоксальный образом все те же процессы, которые способствовали развитию индивидуального начала в человеке, вели к его превращению в почти безликую частицу анонимных городских масс. Именно индивидуализм, новое положение человека в обществе, его исключение из прежнего более тесного социального контекста, необходимость постоянно принимать решения самому приводили к чувству неуверенности и стремлению к надежному социальному ориентирам. Таким ориентиром стало желание быть «как все», не выбиваться из общей массы, поступать как другие, что избавляло от социального дискомфорта.

Превращение людей в безликую городскую массу остро ощущалось в художественной среде и зачастую вело к протестам, заключавшимся в демонстративном подчеркивании собственной индивидуальности и принимавшим различные формы. В искусстве «ненавистное единообразие» массовой культуры способствовало развитию субъективизма и описанных выше усложненных художественных концепций. В повседневной жизни протест против «диктата масс» часто выражался в экстравагантности и эпатаже, а также в таких общественных типах, как божественный «гений в мансарде» и культивирующий свою внешность денди. Появившись еще в первые десятилетия XIX в., во второй его половине оба типа оказались востребованными в качестве символов индивидуального начала вопреки «власти толпы». Именно так трактовал дендизм один из родоначальников французского символизма Ш. Бодлер (1821—1867): «Дендизм подобен закату солнца: как и гаснущее светило, он великолепен, лишен тепла и исполнен меланхолии. Но увы! Наступающий прилив демократии, заливающий все кругом и все уравнивающий, постепенно смыкается над головой последних носителей человеческой гордости».

Проблема деградации человеческой личности и ее нивелирования в наступающий «век масс» стала одной из ключевых в том кратком, но чрезвычайно ярком периоде развития культуры, который начался с рубежа веков. Вместе с тем для него был характерен еще ряд особенностей.

Характерные черты развития культуры рубежа XIX—XX вв. Четверть века до начала Первой мировой войны представляла собой единственный в своем роде период в развитии культуры стран Запада. Все отмеченные выше особенности культуры XIX в. — ее двойственный переходный характер, плюрализм и дина-

мизм — проявились здесь в концентрированной и чрезвычайно яркой форме. Начинаясь XX в. принес с собой новый образ мира и человека, новые виды искусства, которые вступали в конфликт с устоявшимися представлениями. Культура этого периода развивалась в своеобразном силовом поле между старым и новым, в состоянии постоянного напряжения, что рождало огромное стиливое многообразие в искусстве и исключительно противоречивое самосознание эпохи.

Последнее стало особенно явным, когда сам ход времени усилил свойственные XIX в. историзм и саморефлексию: век кончился, следовало подводить итоги. Оценки уходящему веку колебались между двумя полюсами. Вера в прогресс, гордость за достигнутую европейской цивилизацией небывалую мощь, оптимизм в отношении будущего выражались уже в названиях газет и журналов — «Новый век», «Новое время», «Будущее», появившихся по всей Европе. С другой стороны, распространялись ощущения упадка и кризиса. Как писал в 1912 г. Дж. Б. Шоу, «первая половина века считала себя величайшей из всех столетий. Вторая открыла, что она — самая проклятая из всех веков».

«Расколдование мира» (М. Вебер), т. е. процесс секуляризации и рационализации мышления и поведения человека, достигло своего апогея, однако ответом на него стали не только утверждение прагматизма и материализма, но также усиление иррациональных тенденций и уход в субъективизм, особенно заметные в гуманитарных науках и художественной культуре.

Характерной чертой развития культуры этого времени являлась исключительно высокая скорость международного культурного трансфера, распространения и взаимовлияния различных стиливых и художественных новшеств, объяснявшаяся как возросшими техническими возможностями коммуникации, так и сходными чертами социальной реальности и потребностью в их осмыслении. Лидирующие позиции сохраняла Европа, от которой исходили главные культурные импульсы, в то время как культ материального потребления в США периода «позолоченного века» мало способствовал достижению духовных вершин. «Мы создали огромное тело, в котором нет или почти нет духа», — писал выдающийся американский поэт У. Уитмен.

Художественная культура рубежа веков несла в себе противоречивые тенденции. С одной стороны, сохранялись традиционные стили, прежде всего, реализм, с другой — появлялись все новые направления, которые объединялись как раз желанием противопоставить себя всякой традиции или даже порвать с ней. Два десятилетия перед войной были наполнены напряженными поисками и экспериментами, приводившими к объединению сторонников схожих взглядов в неформальные группы, которые часто стремились пояснить свое видение искусства с помощью программ и манифестов. В отличие от прежних десятилетий, ни один стиль не являлся преобладающим; различные направления существовали и влияли друг на друга, размывая жанровые и стиливые границы.

Одной из наиболее важных сторон развития культуры на рубеже веков являлась фрагментация взгляда на мир: науки и искусство больше не описывали его как целостность. Изобилие нередко конкурировавших между собой художественных концепций, углублявшаяся специализация точных наук и субъективизация научного подхода в гуманитарных не позволяли увидеть мир в его единстве и взаимосвязях. Потому как никогда остро стали звучать классические вопросы о реальности окружающего мира, о человеческом познании. Ответы на них попытались дать наука.

Революция в науке. Наука в этот период не только сохраняет, но и упрочивает свой общественный престиж, основанный на ее очевидной практической пользе и важности как для производства, так и роста качества жизни людей. Связанные с наукой огромные ожидания превращают ее едва ли не в предмет

культы. Учреждение в 1901 г. Нобелевской премии также способствовало привлечению общественного интереса к достижениям науки и росту ее престижа. Однако в то же самое время усложнение научного знания делало науку менее убедительной в роли мировоззренческой инстанции.

На рубеж веков пришлось складывание новой научной картины мира, менялись представления о фундаментальных основах — материи, пространстве, времени, самом человеке. Решающее значение имела революция в физике, подвергнувшая сомнению традиционную ньютоновскую картину мира. Открытие в 1895 г. немецким физиком В. Рентгеном (1845—1923) знаменитых «икс-лучей» послужило толчком к изучению радиоактивности. В 1898 г. французские ученые супруги П. Кюри и М. Склодовская-Кюри открыли радиоактивные химические элементы радий и полоний. Исследование радиоактивности заложило основы проникновения в мир элементарных частиц и появления ядерной физики. На рубеже веков английский физик Дж. Томсон (1856—1940) открыл электрон и предложил так называемую «пудинговую модель атома», за которой последовали «планетарная модель» его соотечественника Дж. Резерфорда (1871—1937) и модель датского физика Н. Бора (1885—1962). Одновременно немецкий ученый М. Планк (1858—1947) заложил основы квантовой физики. Один из решающих вкладов в революцию в физике начала XX в. внес А. Эйнштейн (1879—1955), разработавший общую и специальную теории относительности.

Результатом этой революции стала новая физическая картина мира, гораздо более сложная, чем ньютоновская. Мир состоял отныне не только из силы, массы и ускорения, но и из атомов, электронов, электромагнитных волн; к классической механике добавились квантовая и релятивистская. Квантовая теория Планка подорвала представления о непрерывности природных процессов, доказав, что энергия распространяется дискретно. Эйнштейн лишил время и пространство их абсолютности, добавив к трем физическим измерениям четвертое — время. Благодаря этим открытиям наука совершила скачок вперед, но одновременно становилась все менее наглядной и согласующейся с обыденным опытом. Главный вывод, который делали для себя современники-неспециалисты, — мир чрезвычайно сложен и не таков, каким он нам кажется.

Проблема познаваемости мира традиционно относилась к числу важнейших в философии, однако сама она со времени упадка в середине XIX в. немецкого идеализма как ведущей философской школы находилась в состоянии кризиса. К этому внутреннему кризису добавилось снижение общественного престижа, поскольку умозрительные построения философов блекли в сравнении с успехами эмпирических наук и плохо сочетались с общественным запросом на все «реальное» и «практичное». Однако к рубежу веков революционные изменения в науке и художественной культуре вновь потребовали от философии выполнения ее классических задач — объяснения этого мира и места человека в нем.

С одной стороны, происходит модификация традиционных философских направлений, представленная деятельностью неокантианцев Марбургской и Баденской школ (Э. Кассирер, В. Виндельбанд, Г. Риккерт), а также неогегельянцев (Р. Коллингвуд, Б. Кроче). С другой стороны, возникают новые направления, критиковавшие старую философию, в частности, прагматизм (Ч. Пирс, У. Джемс), распространившийся главным образом в США и решавший проблему познаваемости мира путем провозглашения критерием истинности знания его полезность. Намного более глубоким и многогранным явлением стала «философия жизни» в лице ее виднейших представителей А. Бергсона (1859—1941), В. Дильтея (1833—1911) и Ф. Ницше (1844—1900). Представителей этого течения объединяло отрицательное отношение к рационализму классической философии и позитивизма. Они полагали, что разум представляет собой лишь один

из инструментов познания; не менее важны чувство, интуиция, переживание. Ницше был также ведущим выразителем настроений «культурного пессимизма», сделав кризис культуры главной темой своих трудов. По мнению Ницше, культуре угрожали принесенные победившей буржуазной цивилизацией усредненность, материализм и конформизм. Бездумной толпе — «песку человечества» — он противопоставлял «сверхчеловека», наделенного «волей к власти», вкладывая в эти понятия не политический, а философский смысл: не власть над другими, а власть над собой, самопреодоление, стремление «стать чем-то большим».

Иррациональность «философии жизни» находила соответствия и в других науках. Если биология и особенно социал-дарвинизм подчеркивали животное начало в человеке, то появившаяся в последние десятилетия XIX в. психология все больше отказывала ему в праве считаться в полной мере разумным существом. Обнаружилось, что он подвержен аффектам, что рациональное сосуществует в нем с иррациональным и эмоциональным. В психоанализе З. Фрейда (1856—1939) разум и вовсе был оттеснен бессознательным. Другая новая наука — социология, возникшая как ответ на глубокие изменения социальной структуры общества и связанная с именами Э. Дюркгейма (1858—1917), Г. Зиммеля (1858—1918), М. Вебера (1864—1920), также не испытывала особого пиетета перед человеческой личностью; человек интересовал ее не столько сам по себе, сколько в качестве члена какой-либо социальной группы.

В целом образ человека изменился разительно. Прежний «венец творения», наделенный разумом и нравственным чувством, низводился до размеров безликой статистической величины либо изображался движимым страстями и инстинктами. Вместе с тем научные новшества были лишь частью более общей переоценки традиционных ценностей.

Новое художественное видение. Проблема восприятия реальности особым образом отразилась в живописи. Если импрессионизм отчасти возник как реакция на чрезмерную вещественность реализма, то следующие поколения художников во многом воспринимали себя как оппозицию импрессионизму. Уже неоимпрессионисты Ж. Сера и П. Синьяк заявили о своем намерении не удовлетворяться лишь поверхностным впечатлением от изображаемого предмета, а проникнуть в его суть, «быть не глазом, но мозгом». Вполне в духе своего времени они обратились к науке и изучали теории цвета и восприятия. На место импульсивного мазка, фиксирующего мгновение, они предложили тщательно рассчитанный цветовой контраст точек («пуантилизм»), лишенный всякой спонтанности.

Отказ от «случайности взгляда» объединял и постимпрессионистов — В. Ван Гога (1853—1890), П. Гогена (1848—1903) и П. Сезанна (1839—1906). Ван Гог утверждал, что «подлинный рисунок есть моделирование цветом». Именно цвет и его контрасты являлись для него тем средством, с помощью которого он пытался выразить свое отношение к миру, предвосхищая этим экспрессионизм. Гоген сделал следующий шаг от предметности изображаемого, призывая «не рисовать слишком точно с природы» и работая с упрощенными формами, призванными подчеркнуть не видимое, а суть предмета. Сезанн называет «отцом современного искусства», поскольку он последовательнее других заявил о его автономии: «Искусство — это гармония, параллельная природе». Объектом рефлексии художника становится не предмет, а собственное видение предмета. Соответственно, картина — это автономное явление, которое должно оцениваться исходя не из его сходства с действительностью, а по своей внутренней истинности. Наряду с цветом особое значение Сезанн придавал объемам и структуре предметов, выступив предшественником кубизма.

Стилистические направления в живописи начала XX в. также отличались в первую очередь стремлением с помощью экспериментов с формой и цветом

перенести акцент «из мира глаз в мир духа». Существенное влияние на эти поиски оказала «философия жизни» с ее установкой на проникновение в суть вещей с помощью интуиции и чувствования. Так, представители авангардистского течения фовизма во главе с А. Матиссом (1869—1954) и Ж. Руо (1871—1958) являлись поклонниками А. Бергсона, в то время как немецкие экспрессионисты испытали на себе большое воздействие философии Ницше. Сам же экспрессионизм стал наиболее широким из авангардистских течений начала XX в., ставивших себе задачу создания нового искусства. Особенно выделяются такие творческие объединения, как дрезденский «Мост» во главе с Э. Кирхнером и мюнхенский «Синий всадник», ведущими представителями которого являлись Ф. Марк и В. Кандинский. Цвет в картинах экспрессионистов полностью освободился от своей традиционной описывающей задачи — отныне он только выражал (лат. *expressio* — выражение). Грубые штрихи и яркие цветовые контрасты служили средством выражения субъективных ощущений. Предметность же все более отступала на задний план, вплоть до ее полного исчезновения.

Революционным движением в живописи стал кубизм. Картина П. Пикассо (1881—1973) «Авиньонские девицы» 1907 г., давшая жизнь этому течению, признана одним из поворотных пунктов в истории европейской живописи. Художники кубизма отказались от классических принципов перспективы и композиции, располагая рядом далекие и близкие предметы, позволяя им налагаться и взаимопроникать друг в друга. Одновременно происходит дальнейший отказ от предметности, продемонстрированный «авиньонскими девицами»: если три из них, несмотря на нарочитое упрощение фигур, еще принадлежат реальному миру, то лица двух других искажены и деконструированы. Единомысленник Пикассо Ж. Брак (1882—1963) начал использовать технику коллажа, помещая в картины неживописные элементы — кусочки газет, обрывки обоев. Еще дальше по пути полного отрицания фигуративной живописи пошел абстракционизм: в 1910—1911 гг. Кандинский пишет первые совершенно беспредметные произведения. Тем самым радикальным образом менялся сам взгляд на проблему соотношения искусства и реальности. Искусство отныне не отражало действительность, а создавало свою собственную реальность.

Модерн. Во многом иной ответ на вызовы времени давало движение модерн. Его сторонники также хотели творить новое искусство, руководствуясь знаменитым девизом «Сецессиона» — венского модерна: «Каждому времени — его искусство, каждому искусству — его свободу». Вместе с тем они не задавались вопросами о глубинной сути искусства, о его соотношении с реальностью. Наступление эпохи «городов из сумрака и черни» (Э. Верхарн) и однообразия промышленной цивилизации будило в них стремление предложить новую эстетику, основанную на соединении функциональности с красотой. Затрагивая все виды искусства, эта эстетика была призвана восстановить их разрушенное стилевое единство и одновременно вернуть красоту в бытовую жизнь, вытесненную из нее массовыми промышленными изделиями. В отличие от экспрессионистов, полотна которых часто свидетельствовали о разладе с окружающей действительностью, творцы модерна были созвучны с ней, выражая оптимизм и веру в прогресс с помощью мотивов юности, весны, цветения.

При большом национальном многообразии стиля модерн выделяются два основных подхода. Для романских стран были характерны органические и растительные мотивы, орнаментальность и особенно знаменитая «говорящая линия» — упругая, с меняющимся ритмом, которая, по словам теоретика модерна, бельгийского архитектора А. Ван де Вельде (1863—1957), «хранит энергию прочертившего ее». Эти характерные черты в полной мере проявились в изогнутых фасадах домов по проектам бельгийца В. Орта (1861—1947) и француза

Э. Гимара (1867—1942), в декоративной живописи работавшего во Франции чеха А. Мухи, изделиях стекольных мастерских Э. Галле и Р. Лалика. Вершиной этого направления стиля модерна стали творения испанского архитектора А. Гауди (1852—1926), причудливые контуры которых словно иллюстрируют его слова о том, что «прямая — это линия людей, а кривая — Господа».

С этим утверждением едва ли согласились бы представители второго направления стиля модерн, иронизировавшие над излишествами декора и сложными линиями — «глубокомысленными макаронами». Для австрийского и шотландского модерна, напротив, были характерны строгая геометричность, подчеркивание прямых и плоскостей, умеренное использование орнамента. Признанным мастером этого направления являлся шотландец Ч.Р. Макинтош (1868—1928). Как и многие другие представители модерна, он был сторонником концепции «цельного произведения искусства», стилового единства внешнего облика и интерьера зданий, выступая одновременно в роли архитектора, дизайнера и художника. Примером такого подхода служит здание Школы искусств в Глазго. Сходными рациональными геометрическими формами отличались дизайн и архитектура австрийского модерна — зданий О. Вагнера и Й.М. Ольбриха, изделий декоративно-прикладного искусства, созданных в 1903 г. «Венских мастерских».

Именно это направление стиля модерн оказалось востребованным в будущем, повлияв, в частности, на становление «ар-деко» 20-х гг. Геометричность и минимализм в орнаменте вполне согласовывались с новыми тенденциями в архитектуре — широким использованием железобетона и началом эпохи «архитектуры инженеров»: технические решения все чаще диктовали облик не только объектов промышленности и инфраструктуры (вокзалов, мостов), но и некоторых зданий, например, американских небоскребов. Первоначально подобные сооружения встречали в штыки. Так, выдающиеся деятели французской культуры — Г. де Мопассан, Ш. Гуно, Ш. Гарнье и другие выступили с коллективным протестом против строительства Эйфелевой башни — «мерзкого столба из клепанной жести». Однако постепенно пробивал себе дорогу функционализм, максимум которого стали слова одного из его родоначальников, американского архитектора Л.Г. Салливана — «форма следует за функцией», т.е. облик здания определяется его предназначением.

От натурализма до футуризма. Развитие литературы рубежа веков было отмечено противоречивостью и сосуществованием многих стилей. С одной стороны, продолжали развиваться реалистические традиции, представленные, в частности, французским натурализмом, который испытал на себе сильное влияние естественных наук и социал-дарвинизма. Это вело к снижению присущего реализму критического потенциала: зло становилось результатом влияния наследственности и среды, т.е. непреодолимой естественной силой. Эпопея «Ругон-Маккары» главного представителя натурализма Э. Золя (1840—1902) представляла собой не только «историю одной семьи», но и исследование влияния наследственности на характеры ее членов. Близок натурализму был также Г. де Мопассан (1850—1893), мастер новелл и психологического романа. Начав как писатель-реалист, А. Франс (1844—1924) сохранил социально-критическую направленность своего творчества, однако все больше включал в него элементы фантазии и гротеска. Критический потенциал заметно присутствовал в веризме — схожем с натурализмом течении итальянской литературы во главе с Дж. Верга (1840—1922), в романах немецких писателей Г. Манна (1871—1950) и Т. Манна (1875—1955), а также в произведениях выдающегося представителя американского реализма Т. Драйзера (1871—1945).

Вместе с тем другая часть литературы совершает эволюцию, подобную той, что происходила в живописи — она уходит от предметности. Ярче всего это проявилось в символизме. С. Малларме заявлял, что «назвать предмет — зна-

чит на три четверти разрушить наслаждение от стихотворения». Подобно художникам, поэты-символисты предпочитали иметь дело не с «натурой», а со скрытыми в ней идеями и с собственным «я». Соответственно происходят изменения в предпочтениях литературных форм. Если для реализма с его анализом социальной действительности наиболее адекватной формой являлся роман, то рубеж веков — это в первую очередь эпоха лирики, позволявшей более точно отражать нюансы, оттенки, постоянную изменчивость окружающего мира и своих восприятий. Традиционный роман также оказывается полем для экспериментов и вторжения субъективного. «Все — в сознании, а не в объекте», — вот что стало главным принципом для романов М. Пруста (1871—1922).

Крайний индивидуализм и субъективизм, предпочтение эстетических ценностей социальным реалиям у многих авторов рубежа веков сочетались с меланхолией, пессимизмом, ощущением упадка, собирательно обозначаемыми как декадентство. У его истоков стоял П. Верлен, в своем знаменитом сонете «Томление» описавший картину заката цивилизации: все сказано, все испито, «нет воли жить и умереть сил нет». Характерные для декадентства мотивы одиночества, неприятия жизни, смерти были присущи творчеству столь разных авторов, как австрийца Р.М. Рильке (1875—1926), бельгийца М. Метерлинка (1862—1949), британца О. Уильяма (1854—1900).

Разительным контрастом к подобным настроениям выступала литература неоромантизма и футуризма. Неоромантизм, представленный именами англичан Р.Л. Стивенсона, Р. Киплинга, А.К. Дойла, француза Л. Буссенара, американца Дж. Лондона, делал своим героем сильную личность, действующую вопреки обстоятельствам и всегда готовую к борьбе.

Особенно мощно мотивы силы, борьбы, насилия звучали в творчестве футуристов, утверждавших, что «красоту можно достичь только в борьбе». Двойственный, переходный характер эпохи рубежа веков здесь проявился особенно четко: если для поэтов декаданса расставание с прошлым часто было мучительным и трагичным, то футуристы объявляли прошлому войну, целиком связывая себя с будущим, с эпохой машин. На их взгляды существенное влияние оказала философия Ницше с ее призывом к «переоценке всех ценностей». Помимо полного отрицания культурных достижений прошлого автор «Манифеста футуризма» 1909 г. Ф.Т. Маринетти требовал нового отношения творцов искусства к действительности — активной деятельности, отказа от пассивности с тем, чтобы изменить настоящее, открыть его для будущего. Наибольшее распространение футуризм имел в Италии, где одним из самых видных его представителей являлся У. Боччони (1882—1916).

Противоречивые тенденции сочетало в себе также развитие драматургии и театра. В то время как большая часть театров продолжала ставить классику, появляется «новая драма» — близкое натурализму течение острой социально-критической направленности, выдающимися представителями которого были норвежец Г. Ибсен (1828—1906), немец Г. Гауптман (1862—1946), швед А. Стриндберг (1849—1912), британец Б. Шоу (1856—1950). Подобные постановки часто не устраивали классические театры и их публику. Германский кайзер Вильгельм II даже отказался от ложи в берлинском Немецком театре после постановки последним пьесы Гауптмана «Ткачи». В результате возникали новые театры, как Свободный театр в Париже или Свободная сцена в Берлине.

Одновременно с реалистическим направлением в театре развивалось символистское, ведущим представителем которого был английский режиссер Г. Крэг (1872—1966). Он развивал идеи «синтетического театра», который задействовал бы все виды искусств, а также разработал новую сценографию, основанную на условности декораций и актерской игры. Актер должен был превратиться в «сверхма-

рионетку», отказаться от всякой непосредственности и передавать не конкретный образ героя, а его абстрактную сущность: «Нужно играть не осла, а «ослинность!».

Подобным же сочетанием разнородных тенденций было отмечено и развитие музыкального искусства. Еще удерживал свои позиции неоромантизм, отраженный в творчестве норвежца Э. Грига (1843—1907) и финна Я. Сибелиуса (1865—1957), сосуществуя с символизмом М. Равеля (1875—1937). Итальянский литературный веризм находил соответствие в музыкальном, особенно в опере, отличавшейся стремлением показать «подлинную» социальную действительность и традиционным музыкальным языком. Таковы оперы П. Масканьи (1863—1945) «Сельская честь» (по одноименной пьесе Дж. Верга) и Р. Леонкавалло (1857—1919) «Паяцы», некоторые произведения Дж. Пуччини (1858—1924). Вместе с тем в операх Р. Штрауса (1864—1949) ощутимы экспрессионистские тенденции, которые нашли свое самое полное выражение в деятельности композиторов Второй венской школы во главе с А. Шенбергом (1874—1951) — «отцом современной музыки». Как и живопись экспрессионизма, музыка уходила от объективного к субъективному, ломая устоявшиеся каноны. Отныне не тональность определяла форму, а потребности композиторского самовыражения. И, как и в живописи, это самовыражение часто было далеко от гармонии — причем в самом прямом смысле слова — благодаря широкому использованию дисгармонии и диссонанса.

Массовая культура и расширение форм досуга. Появление на рубеже веков феномена массовой культуры явилось реакцией на повышение культурного уровня народных масс в связи с развитием школы, возникновение досуга и коммерческие перспективы массового рынка, открывшиеся в связи с постепенным ростом доходов населения. С другой стороны, рождение массовой культуры было проявлением демократизации как одной из ведущих тенденций эпохи. Дело заключалось не только в удовлетворении культурных потребностей масс, но и в сближении между собой разных социальных слоев: если высокая культура служила дополнительным порогом в отношении низов, то массовая культура таких порогов не знала — чтение детективов, посещение мюзик-холлов и «боле-ние» за различные виды спорта, быстро развивавшиеся с последней трети века, не признавали социальных границ.

Ориентация на коммерческую прибыль и максимально широкий рынок сбыта приводила к тому, что массовая культура предлагала своим потребителям доступную стандартизированную продукцию, часто крайне примитивного уровня. Ее главным выражением за считанное десятилетие стало кино. После первой демонстрации в 1895 г. «движущихся картинок» братьями Люмьер в Париже кино несколько лет показывалось в качестве дополнения на других зрелищах или на ярмарках, однако с 1905 г. начали появляться первые кинотеатры, вскоре испытавшие невероятный рост. К 1914 г. один кинотеатр приходился на 30 тыс. жителей во Франции, на 18 тыс. в Германии, на 10 тыс. в Италии и на 8 тыс. в Англии. Ежедневно кинематограф в Англии посещали 7—8 млн человек, а количество зрительских мест на душу населения превышало сегодняшние показатели.

Секрет подобной популярности был прост — кино являлось зрелищем необычным, но вместе с тем понятным и дешевым. Тематически преобладало «кино аттракционов», т.е. программа из нескольких коротких фильмов — документальные съемки катастроф, юмористические сценки, спорт, бои животных. Входные билеты отличались необычайной дешевизной — около 5 центов в США, 1—2 пенса в Англии, 10—20 пфеннигов в Германии. Именно в феномене кино все слагаемые массовой культуры проявлялись наиболее отчетливо: возросшие культурные потребности масс, новые технические возможности удовлетворения этих потребностей, ориентация на вкусы большинства, коммерческая выгода.

Наряду с кино другой излюбленной массовой формой досуга стал спорт. Физические упражнения, будь то скачки и фехтование для дворян или различные народные состязания на ярмарках, существовали с давних времен; уже с начала XIX в. начали организовываться первые спортивные объединения, подобные «движению гимнастов» в Германии. Однако к концу века физическая активность приобретает новое качество, что нашло выражение в появлении и широком распространении самого понятия «спорт». Спорту были присущи более четкая организация, профессионализация и коммерциализация; увеличивалось количество его видов; конкретно прописывались правила в отдельных видах спорта и в организации соревнований; более выраженным становился состязательный момент с его вершиной — представлением о спортивном рекорде. Спорт являлся отныне массовым зрелищем, возник феномен организованного «болея». Если на первом финале Кубка Англии по футболу в 1872 г. присутствовало 2 тыс. болельщиков, то в 1913 г. — 120 тыс. Ведущая французская спортивная газета «Л'ото» в 1914 г. смогла продать 40 млн своих экземпляров.

Новой чертой являлась также интернационализация спорта — возникновение наднациональных спортивных организаций и проведение международных соревнований. В 1881 г. создается первая из международных спортивных федераций — Федерация гимнастики. Организованный П. де Кубертенем в 1894 г. Международный Олимпийский комитет два года спустя провел первые Олимпийские игры Нового времени.

На рубеже веков невероятную популярность приобрел велосипед, позволявший приобщиться к техническому прогрессу своего времени и показать собственную современность. Для женщин велосипед был к тому же одним из способов демонстрации равноправия: велосипедом можно было пользоваться наравне с мужчинами и даже носить брюки. Особенную популярность велосипед приобрел во Франции. Если в 1893 г. там насчитывалось около 130 тыс. велосипедов, то к 1914 г. — 3 млн 500 тыс. На волне этой популярности в 1903 г. возникло самое крупное велосипедное состязание того времени — Тур де Франс. Культ велосипеда во Франции имел к тому же определенный «национальный» оттенок, демонстрируя современный облик спортивного и мобильного француза; само название гонки и ее прохождение через различные регионы Франции служили воспитанию патриотизма. Когда в 1906 г. гонка прибыла в столицу Лотарингии город Мец, местные жители встречали велосипедистов пением «Марсельезы».

Еще одним способом проведения свободного времени стал туризм, важнейшей предпосылкой которого была «транспортная революция». От практики путешествий в доиндустриальную эпоху туризм отличался самим пониманием того, что такое поездка: если прежде поездка всегда преследовала какую-то цель, то теперь она сама становилась целью. Возникает инфраструктура туризма — появляются туристические бюро, печатаются путеводители, создаются туристические продукты. Одним из главных новшеств явилось зарождение массового туризма. Практически полное отсутствие оплачиваемых отпусков у рабочих сводило для них этот вид туризма к однодневным поездкам за город или на море. Особенной популярностью они пользовались в Англии, к началу XX в. превратившись, по словам современного историка, «в такой же национальный институт, как пудинг».

Параллельно постепенному сокращению рабочего дня и росту материального благосостояния наемных работников количество коммерческих предложений по проведению часов досуга постоянно возрастало. Рубеж веков стал временем расцвета варьете, мюзик-холлов, кабаре, различных театрализованных шоу. Некоторые из них отличались грандиозным размахом. Так, в постановке по мотивам книги Жюль Верна «Вокруг света в 80 дней» участвовало 1800 человек, на сцене оказывались паромы и паровоз. Знаменитое шоу американца Буффало Билла не

только поражало современников своими масштабами, но и, благодаря его гастролям в Европе, способствовало возникновению одного из классических стереотипов массовой культуры — образу «Дикого Запада», с его ковбоями и индейцами.

Общественные настроения. Два понятия — «Belle Époque» («прекрасная эпоха») и «Fin de Siècle» («конец века») — как нельзя лучше описывают те полюса, между которыми колебались крайне противоречивые настроения в обществе. С одной стороны, в настроениях оптимизма и надежд отражались многие реалии политики и повседневности — беспрецедентно долгая эпоха мира, увеличение уровня и продолжительности жизни, выдающиеся успехи науки, техники и культуры. С другой стороны, росла экзистенциальная неуверенность. Рождение современного общества несло с собой и современную проблему социально-го отчуждения. Радикальные социально-экономические, политические, культурные изменения привели в движение признанные нормы, уничтожали привычный мир и нравы. Следствием стала потеря ориентиров как социальных, так и духовных и культурных: сомнения в старых истинах нарастали, а многочисленные новые, уже в силу их множественности, не могли служить им полноценной заменой. Немецкий философ Э. Трёльч (1865–1923) передал чувство всеобщего крушения основ короткой фразой: «Все шатается».

В этой обстановке возник феномен «Fin de Siècle». Люди рубежа веков остро ощущали свое время как конечное, причем это ощущение не исчезло с истечением календарного XIX в. Вера в прогресс, главная идея уходящего столетия, оказалась поколебленной. Даже Жюль Верн, восторженный певец прогресса и изменявшей мир техники, в своих последних романах высказывал страх перед их непредсказуемыми последствиями. Ощущение приближавшегося конца вызвало самые разные настроения и реакции — меланхолию, эскапизм, любованье смертью либо, напротив, лихорадочную активность. В обстановке утраты жизненных ориентиров большое распространение получил разного рода мистицизм. Даже рационально мыслящие люди науки, как, например, супруги Кюри, охотно посещали спиритические сеансы.

С другой стороны, общественные настроения во все большей степени начинают определяться национализмом. Национализм, в первой половине XIX в. часто шедший рука об руку с либеральными и демократическими движениями, к рубежу веков приобретает все более консервативный характер. Он активно воспринимает идеи социал-дарвинизма и настойчиво трактует международные отношения как арену борьбы наций за существование, одновременно требуя полного сплочения и единства внутри страны, а значит ограничения рабочего движения и партийной борьбы. Национализм гораздо глубже проникает в массы благодаря содержанию школьного образования, а также наличию во всех государствах массовых организаций такого рода. Каждый из предвоенных международных кризисов в еще большей степени способствовал распространению националистических настроений.

Важной стороной духовного климата этих лет являлась все возрастающая готовность принять войну. В традиции «Fin de Siècle» война виделась как реализация ожиданий грядущей катастрофы и одновременно — как выход из состояния неопределенности, из «великой скуки». С другой стороны, существовали и другие настроения, связанные с социал-дарвинизмом, «философией жизни», национализмом: здесь война не просто принималась, но во многом даже считалась необходимой. Для кого-то речь шла о «жизненном пространстве» для нации, кто-то стремился покончить с «буржуазным застоєм», кто-то искал способ решить накопившиеся социальные и политические проблемы. Самые разные люди и по разным причинам смирились с неизбежностью войны. К 1914 г. она перестала быть невероятной.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

1810—1826	Война за независимость испанских колоний в Америке	1834	Новое восстание рабочих Лиона
1814, сентябрь		1834—1843	Третья буржуазная революция в Испании
1815, июнь	Венский конгресс	1836	Основание Лондонской ассоциации чартистов
1815	Создание Германского союза	1836—1845	Существование республики Риу-Гранди на территории Бразилии
1815	Парижский акт о создании Священного союза	1837	Создание тайного республиканского «Общества времен года» во Франции под руководством О. Бланки
1815—1846	Действие «хлебных законов» в Англии	1838	Опубликование чартистами Народной хартии
1816	Провозглашение независимости Соединенных провинций Ла-Платы (Аргентина)	1839	Подъем чартистского движения. Подача первой чартистской петиции
1818	Ахенский конгресс Священного союза	1842	Новый подъем чартистского движения. Подача второй чартистской петиции
1818	Провозглашение независимости Чили	1844	Создание С. Морзе телеграфного аппарата и кода к нему (названы его именем)
1819—1830	Великая Колумбия (в составе Новой Гранады, Венесуэлы, Эквадора и Панамы)	1844	Восстание ткачей Силезии
1820	Миссурийский компромисс	1845	Аннексия Техаса США
1820—1821	Буржуазные революции в Неаполитанском королевстве и в Пьемонте	1846—1848	Война США с Мексикой
1820—1823	Революция в Испании	1848, январь —	Революция в Италии
1820	Конгресс Священного союза в Опаве (Троппау)	1849 август	
1821	Конгресс Священного союза в Люблянах (Лайбах)	1848, февраль	Выход в свет первого издания «Манифеста Коммунистической партии»
1821	Провозглашение независимости Мексики и Перу	1848, февраля, 22—24	Восстание в Париже: начало революции во Франции
1821—1829	Национально-освободительная революция в Греции	1848, февраля, 25	Провозглашение республики во Франции
1822	Конгресс Священного союза в Вероне	1848, март	Принятие конституции в Сардинском королевстве
1822	Провозглашение независимости Бразильской империи	1848, марта, 18	Восстание в Берлине
1823	Принятие «доктрины Монро»	1848, марта, 18—22	Восстание в Милане («5 дней Милана»)
1824	Легализация тред-юнионов в Англии	1848, март	Начало революции в Австрии, Венгрии, Чехии
1824	Свержение монархии и провозглашение республики в Мексике	1848, апрель	Подъем чартистского движения. Подача третьей петиции чартистов
1825	Открытие в Англии первой железной дороги между Стоктоном и Дарлингтоном	1848, июня, 23—26	Восстание рабочих в Париже
1825	Закон о стачках в Англии	1848, октября, 6	Восстание в Вене
1825	Первый циклический кризис перепроизводства в Англии	ноября, 1	
1826	Панамский конгресс	1848, ноябрь	Принятие конституции Второй республики во Франции
1828	Образование демократической партии в США	1848, декабря, 10	Избрание Луи Бонапарта президентом
1829—1837	Президентство Э. Джексона («эра Джексона»)	1849,	Римская республика
1830	Лондонский протокол о независимости Греции	февраль — июль	
1830, июля, 27—29	Июльская революция во Франции	1849, апрель	Провозглашение независимости Венгрии государственным собранием
1830—1848	Июльская монархия во Франции	1849, август	Поражение революции и освободительной войны в Венгрии
1830	Польское восстание	1849, ноябрь	Контрреволюционный переворот в Пруссии
1830	Признание независимости Бельгии и постоянного ее нейтралитета Лондонской конференцией великих держав (Англия, Франция, Пруссия и Россия)	1850	«Закон о выкупах» в Пруссии
1831	Восстание рабочих Лиона	1850, ноябрь	Ольмюцкое соглашение между Австрией и Пруссией
1831	Восстание рабов под руководством Ната Тернера в США	50—60-е гг. XIX в.	Движение фениев в Ирландии
1831	Революция в Центральной Италии	1851, декабря, 2	Контрреволюционный государственный переворот Луи Бонапарта
1831	Основание Мадзини организации «Молодая Италия»	1852—1870	Вторая империя во Франции
1832	Первая парламентская реформа в Англии	1853—1856	Крымская война. 1856 — Парижский мирный договор
1833—1840	Первая карлистская война в Испании	1854	Образование в США республиканской партии
1834	Провозглашение Таможенного союза Германии	1854	Принятие билля Канзас-Небраска
1834	Новый закон о бедных в Англии	1854—1856	Четвертая буржуазная революция в Испании

1854—1860 Буржуазная революция и гражданская война в Мексике. 1857 — принятие конституции

1856 Изобретение Г. Бессемером нового способа выплавки стали (в конвертере)

1857 Первый мировой экономический кризис

1857 Создание «Итальянского национального общества»

1857 Принятие конституции Мексики

1859 Австро-итало-французская война

1859 Восстание под руководством Дж. Брауна в США

1859 Выход труда Ч. Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора, или Сохранение благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь»

1860, май Начало экспедиции гарибальдийской «тысячи» в Южную Италию

1860—1863 Постройка в Лондоне первого в мире метрополитена

1860—1865 Президентство А. Линкольна

1861—1865 Гражданская война в США

1861 Образование Итальянского королевства

1862 Закон о гомстедах в США

1862 Начало канцлерства Отто Бисмарка в Пруссии

1862—1866 Конституционный конфликт в Пруссии

1863, январь, 1 Прокламация об освобождении рабов в США

1863—1864 Польское восстание

1864 Война Пруссии и Австрии с Данией

1864, сентябрь, 28 Учредительное собрание Международного Товарищества Рабочих — Первого Интернационала

1864—1876 Первый Интернационал

1864 Создание французским инженером П. Мартеном газовой печи для выплавки стали (мартеновской)

1865 Принятие 13 поправки к Конституции США, уничтожившей рабство

1865, апрель Капитуляция армии южан у Ричмонда

1865—1877 Реконструкция Юга

1866 Австро-прусская война

1866 Проложен первый телеграфный кабель через Атлантический океан (между США и Англией)

1867 Образование Австро-Венгрии

1867 Договор о продаже Россией США Аляски и русских владений в Северной Америке

1867 Образование доминиона Канада

1867 Образование Северогерманского союза

1867 Вторая парламентская реформа в Англии

1867 Получение А. Нобелем патента на изготовление динамита

1868 Создание Британского конгресса тред-юнионов

1868—1874 Первый либеральный кабинет У. Гладстона в Англии

1868—1874 Пятая буржуазная революция в Испании

1869 Открытие Суэцкого канала

1870, июля, 19 — 1871, января, 28 Франко-прусская (франко-германская) война

1870, сентября, 4 Революция во Франции. Крушение Второй империи и провозглашение республики. Формирование правительства национальной обороны

1870, сентябрь Присоединение Рима к Итальянскому королевству (с 1871 — столица). Завершение объединения Италии

1871, января, 18 Провозглашение Германии империей

1871, январь — март Международная конференция в Лондоне. Лондонская конвенция о проливах Босфор и Дарданеллы

Парижская Коммуна

1871, марта, 18 мая, 28

1871, апреля, 16

1872 Принятие конституции Германской империи

1872—1876 Принятие закона о тайном голосовании на выборах в парламент Англии

1873 Вторая карлистская война в Испании

1873 Провозглашение Испании республикой

1873, май — октябрь Подписание соглашений между Германией, Австро-Венгрией и Россией: образование «Союза трех императоров»

1874, декабря, 28—31 Восстановление монархии в Испании и окончание пятой буржуазной революции

1874—1880 Консервативное правительство Б. Дизраэли в Англии

1875, март — май «Военная тревога»: угроза новой франко-германской войны

1875, апрель Восстание в Боснии и Герцеговине против турецкого господства (начало восточного кризиса 1875—1878 гг.)

1875, май Объединение эйзенахцев и лассальянцев на съезде в Готе. Образование Социалистической рабочей партии Германии

1875 Одобрение Национальным собранием конституционных законов Третьей республики во Франции

1876, март Конец правления «правой» (у власти с 1861 г.) и начало правления «левой» в Италии

1876, июль Роспуск Первого Интернационала по решению конференции в Филадельфии

1876 Принятие Конституции Испании

1877, январь Заключение Будапештской конвенции по балканскому вопросу между Россией и Австро-Венгрией

1877—1878 Русско-турецкая война

1877—1911 Диктатура П. Диаса в Мексике

1878, марта, 3 Сан-Стефанский прелиминарный мирный договор между Россией и Турцией

1878, июня, 13 Берлинский конгресс европейских держав. Подписание Берлинского трактата

1878, июль Подписание англо-турецкого союзного договора и приобретение Англией острова Кипр

1878, октября, 21 Принятие «исключительного закона» против социалистов в Германии

1878—1880 Вторая англо-афганская война (1879 г. — установление протектората Англии над Афганистаном)

1879 Создание испанской социалистической рабочей партии

1879, октября, 7 Заключение союзного договора между Германией и Австро-Венгрией

1880—1881 Первая англо-бурская война
1880—1885 Второй либеральный кабинет У. Гладстона в Англии
1881 Австро-германо-русское соглашение о нейтралитете
1881 Установление французского протектората над Тунисом
1882, май Присоединение Италии к австро-германскому союзу и образование Тройственного союза
1882 Оккупация Египта Англией
1882 Избирательная реформа в Италии
1883—1884 Принятие социального законодательства в Германии
1884 Установление протектората Германии над Юго-Западной Африкой
1884 Третья избирательная реформа в Англии
1884 Основание Фабианского общества в Англии
1884—1885 Первая война Англии против Судана. Поражение английских войск под Хартуном
1884—1885 Военные действия Франции в Индокитае. Франко-китайская война
1884—1885 Берлинская конференция 14 государств по колониальным вопросам. Создание «независимого государства Конго» во главе с бельгийским королем Леопольдом II
1885 Англо-русское соглашение о разграничении сфер влияния на Среднем Востоке
1885 Установление протектората Германии над Восточной Африкой
1885—1886 Первый консервативный кабинет лорда Солсбери в Англии
1886 Отмена рабства на Кубе
1886, мая, 1—4 Массовые выступления за 8-часовой рабочий день в США. Расстрел рабочей демонстрации в Чикаго
1886 Образование Американской Федерации Труда (АФТ)
1886 Третий либеральный кабинет У. Гладстона в Англии
1886 Раскол в либеральной партии Англии
1886—1892 Второй консервативный кабинет лорда Солсбери в Англии
1887 Подписание соглашений по ближневосточным и средиземноморским вопросам между Англией, Италией и Австро-Венгрией (так называемая Восточная, или Средиземноморская, Антанта)
1887, апрель «Военная тревога»: обострение отношений между Германией и Францией. Инцидент Шнебеле
1887, июня, 18 «Перестраховочный договор» между Германией и Россией
1887 Первая конференция стран Британской империи
1887, август Правление Ф. Криспи в Италии (с перерывом с февраля 1891 г. по декабрь 1893 г.)
1896, март Отмена рабства в Бразилии
1888 Буланжистский кризис во Франции
1888—1889 Правление кайзера Вильгельма II в Германии
1888—1918 Уччиалийский договор между Италией и Абиссинией (Эфиопией) о «вечной дружбе»

1889, июль Международные социалистические конгрессы в Париже (марксистский и POSSИБИЛИСТСКИЙ); основание II Интернационала
1889 Падение монархии в Бразилии
1889, октябрь—1890, апрель Первая панамериканская конференция в Вашингтоне
1889 «Великая стачка» докеров в Англии
1890, марта, 20 Отставка канцлера О. фон Бисмарка
1890, июля, I Берлинский договор между Англией и Германией о разграничении сфер интересов в Восточной и Юго-Западной Африке
1890 Введение в Испании всеобщего избирательного права для мужчин
1890 Принятие конгрессом США закона Шермана против трестов
1890—1891 Законы о защите труда в Германии
1890—1894 «Новый курс» канцлера Л. Каприви в Германии
1891, август Образование франко-русского союза
1893, декабрь Эрфуртская программа СДПГ
1891, октябрь Создание Пангерманского союза
1891 Принятие первой республиканской конституции Бразилии
1891 Энциклика папы Льва XIII «*Rei nunc novae*» (основа социальной доктрины католицизма)
1891—1893 Панамский скандал во Франции
1892 Образование в США партии популистов
1892 Гомстедские забастовки в США
1892 Образование Партии итальянских трудящихся (в дальнейшем — Итальянская социалистическая партия)
1892—1894 Четвертое либеральное правительство У. Гладстона в Англии
1893 Установление французского протектората над Лаосом
1893 Образование Независимой рабочей партии в Англии
1893—1894 Движение крестьянских Союзов трудящихся в Сицилии
1893—1894 «Злодейские законы» против анархистов и террористов во Франции
1894, май-июнь Пульмановская забастовка в США
1894, июль Японо-китайская война
1895, апрель Начало дела Дрейфуса во Франции
1894 Либеральный кабинет А. Розбери в Англии
1894—1895 Основание Национальной ассоциации промышленников в США
1895 Первый Венесуэльский кризис; провозглашение доктрины Р. Олни («Америка для Соединенных Штатов»)
1895 Образование Всеобщей конфедерации труда (ВКТ) во Франции
1895—1896 Итало-абиссинская война. Поражение итальянских войск в битве при Адуа

1895—1896 Установление французского протектората над Мадагаскаром

1895—1902 Третий консервативный кабинет лорда Солсбери в Англии

1896—1898 Вторая война Англии против Судана и его покорение

1897 Установление французского протектората над Тонкином

1898, июнь — 1900, июнь Правление Л. Пеллу в Италии, попытки введения чрезвычайных законов

1901 Принятие «поправки Платта»

1898, октябрь Фашодский инцидент между Англией и Францией

1898, апреля, 21 Начало испано-американской войны

1898, декабря, 10 Подписание Парижского мирного договора между Испанией и США

1898—1899 Подписание соглашений между Японией и Россией, Англией и Германией, Россией и Англией о разделе сфер интересов в Китае

1898—1900 Принятие флотских законов в Германии

1899—1902 Подавление антиамериканского восстания на Филиппинах

1899, май — июль 1899 Первая Гагская конференция мира

1899, октября, 9 Провозглашение Соединенными Штатами доктрины «открытых дверей» в Китае (доктрина Дж. Хэя)

1902, июня, 1 Вторая англо-бурская война

1899—1902 Подавление антиамериканского восстания на Филиппинах; установление протектората США над Филиппинами

1900 Образование Комитета рабочих представителей в Англии

1900 Предоставление Англией статуса доминиона Австралии

1900—1901 Подавление объединенными силами великих держав восстания Ихэтуань в Китае

1900—1909 Канцлерство Б. Бюлова в Германии

1901 Образование Социалистической партии США

1901—1909 Президентство Т. Рузвельта в США

1901 Создание Республиканской партии радикалов и радикал-социалистов и Республиканско-демократического альянса во Франции

1901—1902 Второй Венесуэльский кризис

1901, октябрь Вторая панамериканская конференция в Мехико

1902, январь Договор между США и Англией (договор Хэя-Паунсфорта) по вопросу о строительстве меж океанского канала

1901, ноябрь «Либеральная эра» в Италии

1901—1914 Заключение англо-японского союза

1902 Секретное франко-итальянское соглашение о взаимном нейтралитете

1902 Формирование «левого блока» во Франции

1902—1905 Консервативный кабинет А. Бальфура в Англии

1903, октябрь Мюрцштегское соглашение между Австро-Венгрией и Россией о совместных действиях в македонском вопросе

1903, ноябрь Провозглашение Панамской республики. Заключение американо-панамского договора об условиях строительства Соединенными Штатами меж океанского канала

1903—1914 Понтификат папы Пия X

1904, февраля, 9 Русско-японская война

1905, сентября, 5 Заключение англо-французского соглашения о Египте, Марокко и других колониальных владениях («Сердечное согласие»)

1904, апреля, 8 Всеобщая политическая стачка в Италии

1904, сентябрь Подписание тайного соглашения между Францией и Испанией о разделе Марокко на сферы влияния

1904, октябрь Конфликт великих держав из-за долгов Доминиканской Республики. Провозглашение доктрины Т. Рузвельта (политика «большой дубинки»)

1904, декабрь

1905, март Первый марокканский кризис

1906, январь Международная конференция в Альхесирасе по вопросу о Марокко

1906, январь-апрель Свидание в Бьерке Вильгельма II и Николая II. Подписание русско-германского союзного договора (в силу не вступил)

1905, июль Портсмутский мирный договор между Россией и Японией

1905, сентября, 5 Образование во Франции Объединенной социалистической партии

1905 Закон об отделении церкви от государства во Франции

1905—1908 Либеральный кабинет Г. Кэмпбелла-Баннермана в Англии

1906 Преобразование Комитета рабочих представителей в лейбористскую партию Англии

1906 Победа либералов на всеобщих выборах в Англии

1906—1911 Принятие серии законов в рамках социальных реформ Д. Ллойд-Джорджа в Англии

1906—1912 Вооруженные интервенции США на Кубу, в Никарагуа и Доминиканскую Республику

1906 Спуск на воду в Англии первого дредноута

1906 Закон Хэпберна о государственном регулировании железных дорог в США

1906, июль-август Третья панамериканская конференция в Риу-ди-Жанейру

1907, января, 26 Закон о всеобщем избирательном праве в Австрии

1907, июль — октябрь Вторая Гагская конференция мира

1907, августа, 31 Англо-русское соглашение по вопросу об Иране, Афганистане и Тибете. Завершение формирования Тройственного Соглашения (Антанты)

1907 Предоставление Англией статуса доминиона Новой Зеландии

1908, октябрь

1909, март	Аннексия Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины. Боснийский кризис
1908–1915	Либеральный кабинет Г.Асквита в Англии
1909, июля, 26 августа, 2	Трагическая неделя в Барселоне
1909–1913	Президентство У. Тафта в США
1910, июль-август	Четвертая межамериканская конференция в Буэнос-Айресе. Завершение формирования Панамериканского союза
1910, августа, 31	Выступление Т. Рузвельта с программой «нового национализма»
1910	Предоставление Англией статуса доминиона Южно-Африканскому Союзу
1910–1917	Революция в Мексике
1911, май-ноябрь	Второй марокканский кризис
1911	Проведение парламентской реформы в Англии (ограничение прав палаты лордов)
1911	Образование Британской социалистической партии
1911	Образование Национальной конфедерации труда в Испании
1911–1912	Итало-турецкая (Ливийская) война. Аннексия Италией Триполитании и Киренаики
1912, октября, 18	Лозаннский мирный договор между Италией и Турцией
1912, март	Фесский договор: установление французского протектората над Марокко
1912	Создание прогрессивной партии в США
1912, октябрь	
1913, май	Первая Балканская война
1912, ноябрь	Чрезвычайный конгресс II Интернационала в Базеле; манифест об угрозе войны
1912	Всеобщая стачка горняков в Англии
1912–1914	Политический кризис в Англии в связи с вопросом о «гомруле» для Ирландии
1913–1921	Президентство В. Вильсона в США
1913, мая, 30	Лондонский мирный договор между Турцией и Балканским союзом
1913, июнь-август	Вторая Балканская война
1913, августа, 10	Бухарестский мирный договор между Болгарией и балканской коалицией (Сербией, Румынией и Грецией)
1913, сентябрь	Константинопольский мирный договор между Болгарией и Турцией
1913	Закон о создании Федеральной резервной системы в США
1913	Предоставление самоуправления Каталонии
1914, апрель-ноябрь	Интервенция США в Мексике
1914, июня, 28	Убийство в Сараево (Босния) наследника австро-венгерского престола Франца-Фердинанда

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

К главе «Основные тенденции экономического и социально-политического развития в 1815–1914 гг.»

1. *Айрапетов А. Г., Юдин А. И.* Западноевропейский и русский утопический социализм Нового времени. — М., 1991.
2. *Бриггс Э., Кэввин П.* Европа Нового и Новейшего времени. С 1789 года и до наших дней. — М., 2006.
3. Всемирная история. Том 5. Мир в XIX веке: на пути к индустриальной цивилизации. — М., 2014.
4. *Дэвис Н.* История Европы. — М., 2005.
5. Европейские революции 1848 г. «Принцип национальности» в политике и идеологии. — М., 2001.
6. Европейский либерализм в Новое время: теория и практика. — М., 1995.
7. *Зидер Р.* Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII–XX вв.). — М., 1997.
8. История Европы. Том 5. От Французской революции конца XVIII века до Первой мировой войны. — М., 2000.
9. История мировой экономики. — М., 1997.
10. *Ливен Д.* Аристократия в Европе 1815–1914. — СПб., 2000.
11. Национальная идея в Западной Европе в Новое время. — М., 2005.
12. От аграрного общества к государству благосостояния. Модернизация Западной Европы с XV в. до 1980-х годов. — М., 1998.
13. *Хобсбаум Э.* Век революции. Век капитала. Век империи. В 3 кн. — Ростов-н/Д, 1999.
14. *Osterhammel J.* The Transformation of the World: A Global History of the Nineteenth Century. — Princeton University Press, 2014.

К главе по Венскому конгрессу и Священному союзу

15. Внешняя политика России XIX и начала XX в. Серия I: в 8 т. — М., 1960–1972. — Т. VII–VIII.
16. *Зак Л. А.* Монархи против народов. — М., 1966.
17. *Медяков А. С.* История международных отношений в Новое время. — М., 2007.

К главе по истории международных отношений и колониальной политики в 20–60-е гг. XIX в.

18. *Виноградов К. Б.* Британский лев на Босфоре. — М., 1991.
19. *Дехийо Л.* Хрупкий баланс. Четыре столетия борьбы за господство в Европе. — М., 2005.
20. *Дулина Н. А.* Османская империя в международных отношениях (30–40-е годы XIX века). — М., 1980.
21. *Иванова И. И.* История международных отношений от античности до конца Первой мировой войны. — Владивосток, 2001.
22. История дипломатии. Т. I. — М., 1941.
23. *Киссинджер Г.* Дипломатия. — М., 1997.
24. *Медяков А. С.* История международных отношений в Новое время. — М., 2007.

25. Международные отношения на Балканах 1815–1830 гг. — М., 1983.
26. Международные отношения на Балканах 1830–1856 гг. — М., 1990.
27. *Рахмиров П. Ю.* Князь Меттерних: человек и политик. — Пермь, 1999.
28. *Ревякин А. В.* История международных отношений в Новое время. — М., 2004.
29. Россия, Польша и Германия в европейской и мировой политике XVI–XX вв. — М., 2002.
30. *Черкасов П. П.* Судьба империи: очерк колониальной экспансии Франции в XVI–XX вв. — М., 1983.
31. *Шеремет В. И.* Османская империя и Западная Европа (вторая треть XIX в.). — М., 1986.
32. *Schroeder P. W.* The transformation of European politics, 1763–1848. — Oxford, 1994.

К главе по истории международных отношений с 70-х гг. XIX в. по 1914 г.

33. В «пороховом погребе Европы». 1878–1914 гг. — М., 2003.
34. Восточный вопрос во внешней политике России (конец XVIII — начало XX в.). — М., 1970.
35. *Джолл Дж.* Истоки Первой мировой войны / пер. с англ. — Ростов-н/Д, 1998.
36. *Жогов П. В.* Дипломатия Германии и Австро-Венгрии и первая балканская война 1912–1913 гг. — М., 1991.
37. История внешней политики и дипломатии США 1867–1918. — М., 1997.
38. *Манфред А. З.* Образование русско-французского союза. — М., 1975.
39. Международные отношения на Балканах. 1856–1878 гг. — М., 1986.
40. Монархи, министры, дипломаты XIX — начала XX века. — СПб., 2002.
41. *Никитина И.* Захват бурских республик Англией. 1889–1902. — М., 1970.
42. *Парфенов И. Д.* Колониальная экспансия Великобритании в последней трети XIX века. — М., 1991.
43. *Романова Е. В.* Путь к войне. Развитие англо-германского конфликта 1898–1914 гг. — М., 2008.
44. *Рыбаченок И. С.* Русско-французский союз: сто лет изучения. — М., 1995.
45. *Серова О. В.* От Тройственного союза к Антанте. Итальянская внешняя политика и дипломатия в конце XIX — начале XX в. — М., 1983.
46. *Силин А. С.* Экспансия Германии на Ближнем Востоке в конце XIX в. — М., 1971.

К главе по истории международного социалистического и рабочего движения

47. *Вебер А. Б.* Классовая борьба и капитализм. — М., 1986.
48. *Драбкин Я. С.* Владимир Ленин, Роза Люксембург и другие революционеры // Левые в Европе XX века: люди и идеи. — М., 2001.
49. *Евзеров Р. Я.* Современная историография II Интернационала: переосмысление прошлого // Новая и новейшая история. — 1993. — № 1.
50. *Кретинин С. В.* Карл Каутский (1854–1938): опыт переосмысления // Новая и новейшая история. — 1995. — № 1, 2.
51. *Овчаренко Н. Е.* Две жизни Эдуарда Бернштейна // Новая и новейшая история. — 1994. — № 3–5.
52. *Петренко Е. Л.* Карл Каутский: очерк социалистических воззрений. — М., 1991.
53. *Петренко Е. Л.* Социалистическая доктрина Эдуарда Бернштейна. — М., 1990.

54. *Самарская Е. А.* Второй Интернационал: революционные надежды и иллюзии // Рабочий класс и современный мир. — 1989. — № 4.
55. *Самарская Е. А.* Марксизм в конце XIX века // Европейская политическая мысль XIX века. — М., 2008.
56. Самарская Е. А. Социал-демократия в начале века. — М., 1994.
57. *Haupt G.* La Deuxième Internationale. Étude critique des sources. Paris — La Haye, 1964.

К главе по истории культуры и общественного сознания

58. *Берковский Н. Я.* Романтизм в Германии. — СПб., 2001.
59. *Гиленсон Б. А.* История зарубежной литературы конца XIX — начала XX века. — М., 2008.
60. *Евнина Е. М.* Западноевропейский реализм на рубеже XIX–XX веков. — М., 1967.
61. *Кертман Л. Е.* История культуры стран Европы и Америки 1870–1917. — М., 1987.
62. *Ле Ридер Ж.* Венский модерн и кризис идентичности. — СПб., 2009.
63. *Левит К.* От Гегеля к Ницше. Революционный перелом в мышлении XIX века. — СПб., 2001.
64. Мировая художественная культура: В 4 т. Т. 3. XIX в.: Изобразительное искусство, музыка и театр. — СПб., 2007.
65. Очерки по истории мировой культуры. — М., 1997.
66. *Раздольская В. И.* Европейское искусство XIX века. Классицизм, романтизм. — СПб., 2005.
67. *Рассел Б.* Мудрость Запада. — М., 1998.

К главам по истории Великобритании

68. *Айзенштат М. П.* Британский парламент и общество в 30–40 гг. XIX в. — М., 1997.
69. *Айзенштат М. П.* Британия Нового времени. Политическая история. — М., 2007.
70. *Айзенштат М. П., Гелла Т. Н.* Английские партии и колониальная империя Великобритании в XIX веке. — М., 1999.
71. *Андерсон К. М.* Оуэнисты в Британии (Утопический социализм и общественные движения в Англии. 1810–1830-е годы). — М., 1989.
72. Викторянцы. Столпы британской политики XIX века / под ред. И. М. Узародова. — Ростов н/Д, 1996.
73. *Виноградов К. Б.* Дэвид Ллойд Джордж. — М., 1970.
74. *Гелла Т. Н.* Либеральная партия Великобритании и империя в конце XIX — начале XX века. — Орел, 1992.
75. *Ерофеев Н. А.* Английский колониализм в середине XIX в. — М., 1977.
76. *Жолудов М. В.* Идеология и политика либеральной партии Великобритании в 30-е годы XIX в. — Рязань, 1997.
77. История Великобритании / под ред. К. О. Моргана; пер. с англ. — М., 2008.
78. *Кертман Л. Е.* Джозеф Чемберлен и сыновья. — М., 1990.
79. *Науменков О. А.* Роберт Солсбери и его время. Викторинская Англия в лицах. — СПб., 2004.
80. *Новиченко И. Ю.* Чарльз Кингсли и английский христианский социализм середины XIX века. — М., 2001.
81. *Остапенко Г. С.* Британская монархия от королевы Виктории до Елизаветы II. — М., 2006.

82. *Парфенов И.Д.* Колониальная экспансия Великобритании в последней трети XIX века. — М., 1991.
83. *Стречи Л.* Королева Виктория / пер. с англ. — Ростов-н/Д, 1999.
84. *Трухановский В.Г.* Бенджамин Дизраэли, или История одной невероятной карьеры. — М., 1993.
85. *Туполева Л.Ф.* Социалистическое движение в Англии в 80-е годы XIX в. — М., 1973.
86. *Узнародов И.М.* Политическое партии Великобритании и рабочие избиратели (50-е — начало 80-х годов XIX века). — Ростов-н/Д, 1992.
87. *Черняк Е.Б.* Демократическое движение в Англии 1816—1820 гг. — М., 1957.

К главам по истории Франции

88. *Анненков П.В.* Парижские письма. — М., 1983.
89. *Антохина-Московченко В.И.* Третья республика во Франции. 1870—1918 гг. — М., 1986.
90. *Арзаканян М.Ц., Ревакин А.В., Уваров П.Ю.* История Франции. — М., 2005.
91. *Вершинин А.А.* Мировая революция под звуки «Марсельезы» 1919—1923 гг. — М., 2012.
92. *Блан Луи.* История революции 1848 года. — СПб., 1907.
93. *Бланки Л.О.* Избранные произведения. — М., 1952.
94. *Верморель О.* Деятели сорок восьмого года. — М., Пг., 1923.
95. *Герцен А.И.* Письма из Франции и Италии 1847—1852. Собр.соч. в 30 т. Т. 5. — М., 1954—1964.
96. *Дезами Т.* Кодекс общности. — М., 1956.
97. *Евдокимова Н.П., Виватенко С.В.* Раймон Пуанкаре — президент Франции. — СПб., 2006.
98. История Франции / отв. ред. А.З. Манфред. Т. 2. — М., 1973.
99. *Малафеев К.А.* Луи Барту — политик и дипломат. — М., 1988.
100. *Прицкер Д.П.* Жорж Клемансо. — М., 1983.
101. Европейские революции 1848 года. — М., 2001.
102. *Желубовская Э.А.* Крушение второй империи и возникновение Третьей республики во Франции. — М., 1956.
103. *Иванова М.А.* Либеральные реформы во Франции. 60-е гг. XIX в. // Вопросы истории. — 2009. — № 4.
104. *Иоаннисян А.Р.* Революционно-коммунистическое движение во Франции в 1840—1848 гг. — М., 1983.
105. *Кареев Н.И.* История западной Европы в новое время. Т. 4, 5. — СПб., 1903.
106. Классический французский либерализм. — М., 2000.
107. *Кожокин Е.М.* Французские рабочие от Великой буржуазной революции до революции 1848 г. — М., 1985.
108. *Кучеренко Г.С.* Сенсимонизм в общественной жизни мысли XIX в. — М., 1975.
109. *Маркс К.* Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. В кн.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. Т. 7.
110. *Маркс К.* Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. В кн.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. Т. 8.
111. *Орсини Ф.* Воспоминания. — М.-Л., 1934.
112. *Потемкин Ф.М.* Промышленная революция во Франции. Т. 1, 2. — М., 1971.
113. Революции 1848—1849 гг. / под ред. Ф.В. Потемкина и А.И. Молока. Т. 1, 2. — М., 1952.

114. Революция 1848 года во Франции в воспоминаниях участников и современников. — М.-Л., 1934.
115. *Ревакин А.В.* Буржуазия после французской революции: первая половина XIX в. / В кн. Буржуазия и Великая французская революция. — М., 1989.
116. *Рошфор А.* Приключения моей жизни. — М.-Л., 1933.
117. *Сен-Симон А.* Избранные сочинения. Т. 1, 2. — М.-Л., 1948.
118. *Смирнов А.Ю.* Империя Наполеона III. — М., 2003.
119. *Собуль А.* Из истории Великой буржуазной революции 1789—1794 гг. и революции 1848 г. во Франции. — М., 1960.
120. *Токвиль А. де.* Воспоминания. — М., 1893.
121. Французский либерализм в прошлом и настоящем / под ред. В.П. Смирнова. — М., 2001.
122. *Черкасов П.П.* Генерал Лафайет: Исторический портрет. — М., 1987.
123. *Черкасов П.П.* Русский агент во Франции. Яков Николаевич Толстой (1791—1867). — М., 2008.
124. *Шатобриан Ф.Р. де.* Замогильные записки. — М., 1995.
125. *Barjot D., Chaline J.-P., Encrevé A.* La France au XIX siècle. 1814—1914. — P., 2014.
126. *Houte A.-D.* Le triomphe de la République. 1871—1914. — P., 2014.
127. *Lejeune D.* La France des débuts de la III-e République. 1870—1896. V. 1.; La France de la Belle Epoque. 1896—1914. — P., 2008.
128. *Lamartine A. ge.* Trois mois au pouvoir. — P., 1848.
129. *Remond R.* Les droites en France. — P., 1982, V. 1.
130. *Robert H.* La monarchie de Juillet. — P., 1994.
131. *Rosenvallon P.* Le modele politique français. — P., 2001.
132. *Tudesq A.-J.* La democratie en France depuis 1815. — P., 1971.

К главам по истории Германии

133. *Астафьев И.И.* Русско-германские дипломатические отношения. 1905—1911. — М., 1972.
134. *Бабанцев Н.Ф., Прокофьев В.П.* Германская империя 1871—1918 гг. — Красноярск, 1984.
135. Германская история в Новое и Новейшее время. Т. 1. — М., 1970.
136. *Данн О.* Нации и национализм в Германии. — СПб., 2003.
137. *Ерусалимский А.С.* Бисмарк. Дипломатия и милитаризм. — М., 1968.
138. История Германии. В 3 т. Т. 1. С древнейших времен до создания Германской империи. — Кемерово, 2005.
139. История Германии. В 3 т. Т. 2. От создания Германской империи до начала XXI века. — Кемерово, 2005.
140. *Кан С.Б.* Революция 1848 г. в Австрии и Германии. — М., 1948.
141. *Кенен Г.* Между страхом и восхищением. «Российский комплекс» в сознании немцев 1900—1945. — М., 2010.
142. *Костюшко И.И.* Аграрные реформы в Австрии, Пруссии и России в период перехода от феодализма к капитализму. — М., 1994.
143. *Крейг Г.* Немцы. — М., 1999.
144. *Кретинин С.В.* Карл Каутский 1854—1914 гг. — Воронеж, 2007.
145. *Матвеева А.Г.* Германская империя 1870—1914. — М., 2002.
146. *Оболенская С.В.* Политика Бисмарка и борьба партий в Германии в конце 70-х гг. XIX в. — М., 1992.
147. *Палмер А.* Бисмарк. — Смоленск, 1997.
148. *Патрушев А.И.* Германская история. — М., 2003.
149. *Поттхофф Х., Миллер С.* Краткая история СДПГ. 1848—2002. — М., 2003.

150. *Прокопьев В.П.* История германской государственности XIX—XX века. — М., 1985.

151. *Ростиславлева Н.В.* Зарождение либерализма в Германии. Карл фон Роттек. — М., 1999.

152. *Сдвижков Д.А.* Против «железа и крови»: пацифизм в Германской империи. — М., 1999.

153. *Степанова В.В.* Политическая борьба в Пруссии в 60-е годы XIX века: значение и последствия для германской истории. — М., 1999.

154. *Туполев Б.М.* Германский империализм в борьбе за «место под Солнцем». Германская экспансия на Ближнем Востоке, в Восточной Африке и в районе Индийского океана в конце XIX — начале XX в. — М., 1991.

155. *Чубинский В.В.* Бисмарк. Политическая биография. — М., 1997.

156. *Шиндлинг А., Циглер В.* Кайзеры. — Ростов-н-Д, 1997.

157. *Шульце Х.* Краткая история Германии. — М., 2004.

158. *Wehler H.-U.* Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Bd. 2: Von der Reformära bis zur industriellen und politischen 'Deutschen Doppelrevolution' 1815—1845/49. — München, 1989.

К главам по истории монархии Габсбургов/Австро-Венгрии

159. Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика. — М., 1997.

160. *Айрапетов А.Г.* Вступая в индустриальный мир: венгерские рабочие на рубеже XIX—XX веков. — Тамбов, 1997.

161. *Ватлин А.Ю.* Австрия в XX веке. — М., 2006.

162. *Джонстон У.М.* Австрийский Ренессанс: Интеллектуальная и социальная история Австро-Венгрии 1848—1938 гг. — М., 2004.

163. *Исламов Т.М.* Политическая борьба в Венгрии в начале XX в. — М., 1959.

164. *Исламов Т.М.* Политическая борьба в Венгрии накануне Первой мировой войны. — М., 1972.

165. *Контлер Л.* История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. — М., 2002.

166. *Костюшко И.И.* Аграрная реформа 1848 г. в Австрии. — М., 1993.

167. Краткая история Венгрии. — М., 1991.

168. *Медяков А.С.* Между Востоком и Западом. Внешняя политика монархии Габсбургов в первые годы дуализма. 1866—1871 гг. — М., 2010.

169. Освободительные движения народов Австрийской империи: Возникновение и развитие. Конец XVIII — 1849 г. — М., 1980.

170. Очерки Новой и Новейшей истории Венгрии. — М., 1963.

171. *Полтавский М.А.* История Австрии. Ч. 1, 2. — М., 1992.

172. *Пристер Е.* Краткая история Австрии. — М., 1952.

173. *Рубинштейн Е.И.* Крушение Австро-Венгерской монархии. — М., 1963.

174. *Чаки М.* Идеология оперетты и венский модерн. — СПб., 2001.

175. *Шимов Я.* Австро-Венгерская империя. — М., 2003.

176. *Шорске К.Э.* Вена на рубеже веков. Политика и культура. — СПб., 2001.

177. *Яси О.* Распад Габсбургской монархии. — М., 2011.

178. *Rumpler H.* Eine Chance für Mitteleuropa: Bürgerliche Emanzipation und Staatsverfall in der Habsburgermonarchie. Österreichische Geschichte 1804—1914. — Wien, 1997.

К главам по истории Италии

179. *Гарибальди Дж.* Мемуары. — М., 1966.

180. *Григорьева И.В.* Италия в XX веке. — М., 2006.

181. История Италии. Т. 2. — М., 1970.

182. *Канделоро Дж.* Католическое движение в Италии. — М., 1955.

183. *Канделоро Дж.* История современной Италии. Т. 2—5. — М., 1961—1971.

184. *Кин Ц.И.* Италия на рубеже веков. Из истории общественно-политической мысли. — М., 1980.

185. *Кин Ц.И.* Италия конца XIX века: судьбы людей и теорий. — М., 1978.

186. *Кирова К.Э.* Жизнь Джузеппе Мадзини. — М., 1981.

187. *Ковальская М.И.* Движение карбонариев в Италии. — М., 1971.

188. *Лозинский С.Г.* История папства. — М., 1986.

189. *Любин В.П.* Социалисты в истории Италии. — М., 2007.

190. *Прокачки Дж.* История итальянцев. — М., 2012.

191. *Серова О.В.* От Тройственного союза к Антанте (Итальянская внешняя политика и дипломатия в конце XIX — начале XX века). — М., 1983.

192. *Шейнман М.М.* От Пия IX до Павла VI. — М., 1979.

193. *Яхимович З.П.* Становление концепции прогрессивного либерализма Джованни Джолитти (1882—1900 гг.) / Проблемы итальянской истории. — М., 1993.

К главам по истории Испании

194. *Аникеева Н.Е., Ведюшкин В.А., Волосюк О.В., Медников И.Ю., Пожарская С.П.* История внешней политики Испании. — М., 2014.

195. *Вилар П.* История Испании. — М., 2006.

196. *Волкова Г.И., Дементьев А.В.* Политическая история Испании XX века. — М., 2005.

197. *Додолев М.А.* Россия и Испания. 1808—1823. — М., 1984.

198. *Кондратенко Р.В.* Испано-американская война 1898 г. — СПб., 2000.

199. *Пономарева Л.В.* Испанский католицизм XX века. — М., 1989.

200. *Суховерхов В.В.* Политическая философия Г.М. де Ховельяноса и конституционализм. — М., 1996.

201. *Artola Gallego M.* La burguesía revolucionaria. — Madrid, 2006.

202. *Martinez Cuadrado M.* La burguesía conservadora. — Madrid, 1983.

203. *Vicens Vives J.* Historia económica de España. — Barcelona, 1987.

К главам по истории США

204. *Байбакова Л.В.* Двухпартийная система в период вступления США в индустриальное общество. — М., 2002.

205. *Баталов Э.Я.* Проблема демократии в американской политической мысли XX века. — М., 2010.

206. *Белявская И.А.* Буржуазный реформизм в США (1901—1914). — М., 1968.

207. *Дементьев И.П.* Идеиная борьба в США по вопросам империалистической экспансии на рубеже XIX—XX вв. — М., 1973.

208. *Иванов Р.Ф.* Конфедеративные Штаты Америки (1861—1865 гг.). — М., 2002.

209. *Исаев С.А.* Алексис Токвиль и Америка его времени. — СПб., 1993.

210. История внешней политики и дипломатии США: 1775—1877 / под ред. Н.Н. Болховитинова. — М., 1994.

211. История внешней политики и дипломатии США: 1877—1918 (под ред. Г.П. Куропятника). — М., 1997.

212. История США (в 4-х т.). — М., 1983—1987. Т. 1, 2.

213. *Кислова А.А.* Религия и церковь в общественно-политической жизни США первой половины XIX в. — М., 1989.

214. *Кормилец А.А., Поршаков С.А.* Кризис двухпартийной системы США накануне и в годы гражданской войны (конец 1840-х — 1865 гг.). — М., 1987.
215. *Кравченко И.Н.* Дипломатическая история США (1877—1919). — М., 2002.
216. *Манькин А.С., Печатнов В.О.* История внешней политики США. — М., 2012.
217. *Мальков В.Л.* Путь к имперству: Америка в первой половине XX века. — М., 2004.
218. *Носков В.В.* Институты власти и внешняя политика США 1901—1913. — СПб., 1993.
219. Принципы функционирования двухпартийной системы США: история и современные тенденции / под ред. Е.Ф. Язькова. Ч. 1, 2. — М., 1988. Ч. 1.
220. *Романова Н.Х.* Реформы Э. Джексона, 1829—1837. — М., 1988.
221. *Ротбард М.* История денежного обращения и банковского дела в США: От колониального периода до Второй мировой войны. — Челябинск, 2005.
222. *Саломатин А.Ю.* Верховный суд США: судебная правовая практика от Дж. Джея до Дж. Робертса. — М., 2013.
223. *Согрин В.В.* Демократия в США. От колониальной эры до XXI века. — М., 2011.
224. *Согрин В.В.* Исторический опыт США. — М., 2010.
225. *Согрин В.В.* Центральные проблемы истории США. — М., 2013.
226. *Тен В.А.* Иммиграционная политика США в XVII—XX вв.: краткий исторический очерк. — М., 1998.
227. *Токвиль А.* Демократия в Америке. — М., 1992, 2001.
228. *Трояновская М.О.* Дискуссии по вопросам внешней политики в США (1775—1823). — М., 2010.
229. *Федоров В.Н.* Идеи адмирала А.Т. Мэхэна и военно-морская политика великих держав в конце XIX — начале XX века. — СПб., 2010.
230. *Шнотов Б.М.* Промышленный переворот в США. — М., 1991.
231. *Cherny R.* American Politics in the Gilded Age. 1868—1900. — Wheeling (Ill.), 1997.
232. *Dubovsky M.* Industrialism and the American Worker. 1865—1920. — Arlington Heights (Ill.), 1985.
233. *Edwards R.* New Spirits. Americans in the Gilded Age. 1865—1905. — N.-Y., 2006.
234. *Flanagan M.* America Reformed. Progressives and Progressivisms. 1890—1920. — N.-Y., 2007.
235. *Foner E.* The Fiery Trial: Abraham Lincoln and American Slavery. — N.-Y., 2011.
236. *Porter G.* The Rise of Big Business. 1860—1910. — Arlington Heights (Ill.), 1973.

К главам по истории Латинской Америки

237. *Альперович М.С., Слезкин Л.Ю.* История Латинской Америки (с древнейших времен до начала XX в.). — М., 1991.
238. Война за независимость Латинской Америки / под ред. Е.А. Ларина. — М., 2011.
239. *Глинкин А.Н.* Дипломатия Симона Боливара. — М., 1991.
240. *Ивкина Л.А.* Десятилетняя война за независимость на Кубе. 1868—1878. — М., 2007.
241. История Латинской Америки в мировой исторической и общественной мысли XVI—XIX вв. / под ред. Е.А. Ларина. — М., 2010.

242. История Латинской Америки. 70-е годы XIX века — 1918 год / под ред. Е.А. Ларина. — М., 1993.
243. История Латинской Америки. Доколумбова эпоха — 70-е годы XIX века / под ред. А.Н. Лаврова. — М., 1991.
244. *Лавров Н.М.* Мексиканская революция 1910—1917 гг. — М., 1972.
245. *Ларин Е.А.* Латиноамериканская цивилизация. — М.: 2007.
246. *Ларин Е.А.* Плеяда освободителей Латинской Америки. — М., 2010.
247. Латинская Америка в исторической ретроспективе. XVI—XIX вв. — М., 1994.
248. *Марти Х.* Стихи. — М., 1995.
249. *Линч Дж.* Революции в Испанской Америке. 1808—1826. — М., 1979.
250. *Марчук Н.Н.* Либеральные реформы и Война за независимость Латинской Америки. — М., 1999.
251. *Марчук Н.Н., Ларин Е.А., Мамонтов С.П.* История и культура Латинской Америки (от доколумбовых цивилизаций до 1918 г.). — М., 2005.
252. *Марчук Н.Н.* Буржуазные преобразования второй половины XIX в. в странах Латинской Америки. — М., 1990.
253. *Марчук Н.Н.* К вопросу о социальных революциях. Якобинская схема и освободительная борьба в Латинской Америке. Конец XVIII — начало XIX в. — М., 1993.
254. *Мирошевский В.М.* Освободительное движение в американских колониях Испании от их завоевания до Войны за независимость (1492—1810). — М.-Л., 1946.
255. *Паркс Г.* История Мексики. — М., 1949.
256. Подвиг Симона Боливара / под ред. Ю.А. Зубрицкого. — М., 1982.
257. Политическая история стран Латинской Америки в XIX в. / под ред. Е.А. Ларина. — М., 2012.
258. *Посконина О.И.* История Латинской Америки до XX в. — М., 2005.
259. *Сармьенто Д.Ф.* Цивилизация и варварство. Жизнеописание Хуана Факундо Кироги, а также физический облик, обычаи и нравы Аргентинской республики. — М., 1988.
260. *Сea Л.* Философия латиноамериканской истории. Судьбы Латинской Америки. — М., 1984.
261. *Симон Боливар.* Избранные произведения. 1812—1830. — М., 1983.
262. *Щелчков А.А.* Война за независимость Чили. — М., 2010.
263. *Щелчков А.А.* Консервативная социальная утопия в Боливии: правление М.И. Бельсу. 1848—1855 гг. — М., 2005.
264. *Щелчков А.А.* Либеральная революция и «Плебейская республика» в Колумбии, 1849—1854 гг. — М., 2012.
265. *Historia de Iberoamérica.* Vol. 3. — Madrid, 1988.
266. *Lynch J.* América Latina, entre colonia y nación. — Barcelona, 2001.
267. *O'Leary D.F.* Memorias del General O'Leary. Vol. 27—29. — Caracas, 1981.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
----------------	---

ЧАСТЬ I (1815 — НАЧ. 1870-Х ГГ.)

Глава 1. Основные тенденции экономического и социально-политического развития в 1815—1914 гг.	6
Глава 2. Складывание нового европейского порядка: создание «Венской системы» и образование Священного союза	29
Глава 3. Великобритания в 1815—1849 гг.	36
Глава 4. Франция 1814—1847 гг.	49
Глава 5. Германские государства в 1815—1847 гг.	65
Глава 6. Монархия Габсбургов в 1815—1847 гг.	76
Глава 7. Италия в 1815—1847 гг.	85
Глава 8. Испания в 1814 — конце 40-х гг. XIX в.	95
Глава 9. Португалия в 20-х — 80-х гг. XIX в.	103
Глава 10. Латиноамериканские революции первой трети XIX в.	108
Глава 11. США в 1815—1850 гг.	118
Глава 12. Революция 1848 г. во Франции.	130
Глава 13. Революция 1848—1849 гг. в Германии.	140
Глава 14. Революция 1848 г. в империи Габсбургов.	151
Глава 15. Революция 1848—1849 гг. в Италии.	161
Глава 16. Великобритания в 1850—1860-х гг.	169
Глава 17. Вторая империя во Франции.	181
Глава 18. Германия на пути к объединению.	192
Глава 19. Монархия Габсбургов в 1849—1871 гг.	204
Глава 20. Объединение Италии.	213
Глава 21. Испания в 50-х — середине 70-х гг. XIX в.	226
Глава 22. Гражданская война и Реконструкция в США.	234
Глава 23. Страны Латинской Америки после Войны за независимость (конец 20-х — 60-е гг.)	247
Глава 24. Международные отношения и колониальная политика в 20—60-е гг. XIX в.	260

ЧАСТЬ II (НАЧ. 1870-Х ГГ. — 1914)

Глава 25. Великобритания в 1870—1914 гг.	274
Глава 26. Франция 1870—1914 гг.	290
Глава 27. Германия в 1871—1914 гг.	316
Глава 28. Австро-Венгрия в 1871—1914 гг.	330
Глава 29. Италия в 1870—1914 гг.	342
Глава 30. Испания в 1875—1914 гг.	360
Глава 31. США в конце XIX — начале XX в.	371
Глава 32. Страны Латинской Америки в 1870—1914 гг.	392
Глава 33. Международные отношения с 70-х гг. XIX в. по 1914 г.	410
Глава 34. Международное рабочее и социалистическое движение (1864—1914 гг.)	433
Глава 35. Культура и общественное сознание	451
Хронологическая таблица	478
Список литературы	487